НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

ПИСЬМА. РАБОЧИЕ ДНЕВНИКИ

1942 — 1962 гг.

Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942-1962 гг.

Светлана Петровна Бондаренко, Виктор Максимович Курильский, Аркадий Натанович Стругацкий, Борис Натанович Стругацкий

Аннотация
Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг.
Вступление
Используемые документы
О родителях
Довоенные годы
Военные годы
Послевоенная жизнь
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956

1957
1958
1959
1960
1961
1962
Продолжение следует
Благодарности
Приложение
Вклейка
Примечания

Аннотация

Поклонники творчества братьев Стругацких! Перед вами — повествование в документах и воспоминаниях, открывающее цикл «Письма. Рабочие дневники» в серии «Неизвестные Стругацкие». Этот том посвящен периоду взросления и становления известных писателей (до 1962).

Бондаренко С., Курильский В. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг.

Вступление

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие», но является первой из нового цикла «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС1), а также некоторые рассказы и пьесы, ранее не публиковавшиеся.

Перед вами — повествование в документах и воспоминаниях (которые тоже являются отчасти документами) о жизни АБС. Речь пойдет в основном о жизни творческой. Факты личной жизни будут затрагиваться лишь в том случае, если они имели влияние на само творчество АБС (реальные случаи, перенесенные в произведения; прототипы персонажей и т. п.), либо на возможность заниматься творчеством (проблемы со здоровьем — своим и близких, переезды и ремонты, занятость детьми). Последовательность документов будет в основном хронологической.

Цель составителей — как можно меньше со-

общать читателю фактов, не подкрепленных документами, и вообще во главу угла поставить сами документы, ибо никакой самый яркий пересказ все-таки не может заменить показа оригинала: так будет и правдивее, и точнее.

Вся наша жизнь состоит из документов, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая свидетельством о смерти. Конечно, не всё, представленное в этой работе, может и должно считаться эталоном правдивости. Многое (особенно — опубликованные критические работы о творчестве АБС) могло писаться с обязательной оглядкой на внешние обстоятельства с учетом политических реалий и задач того времени. Некоторые источники (особенно воспоминания) могут ошибаться в деталях (так не было, но, скажем, настолько хотелось, чтобы было, что как бы произошло на самом деле) и даже явно противоречить друг другу. Но документы не отражают субъективного отношения публикатора к описываемому материалу и дают возможность читателю самому составить представление о данном предмете.

Для кого интересна эта работа? Для любителей творчества АБС, что естественно. Для историков литературы советского периода, для историков

описываемого периода вообще, для исследователей тайны творчества. И, разумеется, для обычных читателей, неравнодушных к книгам Авторов. Ведь даже просто чтение писем или позднейших воспоминаний АБС позволяет нам по-новому взглянуть на написанное ими — заставляет переживать и радоваться вместе с Авторами, негодовать и возмущаться, ликовать и недоумевать; ждать вместе с Авторами решения какого-то вопроса и всегда поражаться, как постепенно, из литературных проб, из домашних заготовок, из споров общего характера двух хотя и братьев, но весьма разных людей, рождается сперва Писатель — Аркадий и Борис Стругацкие, затем — Произведение.

Изложение, как и в предыдущих книгах «Неизвестные Стругацкие», будет весьма эклектично, как эклектична жизнь любого человека, где личное переплетается с общественным, мечты с обязанностями, а друзья с врагами. Помимо собственно задумок и обсуждения рождающихся произведений АБС в материалах книги упоминается самими Авторами работа «на сторону» — переводы и сценарии, взаимоотношения Авторов с различными редакциями, с писательскими организациями, а также окололитературная

атмосфера тех лет: «дружеские» и «вражеские» группировки, «война» молодых против старых, «противостояние» мнений о фантастике... Всё это будет описано в соответствии с тем, в какой мере об этом сообщали друг другу в цитируемых письмах Авторы, иногда с дополнением воспоминаниями или отрывками из упоминаемых Авторами публикаций.

И еще. Недаром в одном интервью Авторы назвали себя профессиональными читателями. Авторы читали всегда. И далеко не одну фантастику. Классику и новинки отечественной и зарубежной художественной литературы, беллетристику и детективы, научно-популярные книги и журналы по самым разным вопросам... Обсуждали, делились прочитанным. Мы уверены, что без этого литературного «питательного раствора», без благотворного влияния прочитанного в детстве и в последующие годы не было бы Автора «Братья Стругацкие» в том виде, в каком все мы его теперь знаем. Об отношениях не только с людьми, но и с книгами тоже пойдет речь в предлагаемой работе.

Для молодых читателей многое из упомянутого Авторами будет внове, а старшее поколение сможет сопоставить тот или иной материал

со своими личными впечатлениями. Так что, вполне возможно, образуется еще одна группа читателей этого труда — «воспоминателей», или «ностальжистов».

Используемые документы

Костяк книги составляют переписка АБС за долгие годы и рабочий дневник, который Авторы регулярно вели, съезжаясь для работы.

Вообще, эпистолярный жанр — это одна из сторон творчества любого писателя, а уж для пары писателей, разделенных пространством, переписка друг с другом — необходимая часть работы. То, что у писателя-одиночки происходит невидимо-неслышимо (новая идея, проработка деталей, размышления о нужности-ненужности какой-либо линии повествования), у творческого коллектива неизбежно озвучивается: при встречах — в ходе личного общения, между встречами — в переписке и по телефону. АБС регулярно писали друг другу довольно долго, и переписка сошла на нет только, как когда-то сообщил АНС в передаче «Очевидное — невероятное», после установления прочной телефонной связи между Москвой и Ленинградом.

Письма, к сожалению, сохранились не все, но и количество оставшихся впечатляет: более тысячи. Это сейчас, при наличии Интернета и

электронной почты, столько писем деятельный человек может без труда написать за год, а в то время... вспомним... бумага, ручка и чернила, потом — пишущая машинка; и не щелкнуть мышкой «Отправить», а сложить бумагу, вложить в конверт, заклеить, налепить марку, надписать адрес... да еще и отнести к ближайшему почтовому ящику, а то и на почту, так как зачастую письма сопровождали и непрерывно пересылаемые рукописи...

Первое сохранившееся письмо относится к 1942 году. С 57-го года переписка становится регулярной, достигает пика в 66-м году (75 писем! 2–3 в месяц от каждого! Спасибо почте, которая доставляла тогда письма из одной столицы в другую за день-другой) и прекращается в 84-м году. Продолжившееся телефонное общение, к сожалению, материальных следов не оставило.

Рабочий дневник велся регулярно с 3 марта 65-го года и по последнюю рабочую встречу Авторов в конце 90-го года. Состоит этот дневник из трех общих тетрадей, исписанных мелким почерком обоих Авторов. В рабочем дневнике нередко встречаются рисунки персонажей, зарисовки обстановки, а то и карты местностей, относящиеся к произведению, которое писалось

в то время. Две тетради заполнены полностью, в третьей — только первые сорок страниц.

Кроме рабочего сохранился еще один дневник — дневник приездов АНа в Питер к маме. Это был тот период времени, когда АБС съезжались на квартире у мамы, днем писали, а вечерами, регулярно-традиционно, играли с мамой в карты, в «девятку», поэтому большая часть этой тетради заполнена результатами этих игр, зачастую по ней можно узнать лишь даты приездов АНа в Питер, но есть и отметки, над чем именно братья работали в то время.

Помимо названных документов, книга содержит некоторое количество дополнительных материалов2, так или иначе относящихся к творческой жизни АБС. Что под этим подразумевается? Во-первых, воспоминания самих АБС и о них, посвященные каким-либо конкретным событиям. Во-вторых, переписка Авторов с издательствами и киностудиями, а то и с друзьями-литераторами. В-третьих, статьи самих Авторов (напечатанные и черновики) и статьи о творчестве АБС, опубликованные в описываемое время и иногда упоминаемые Авторами в переписке. Дополнительные материалы, как правило, даются отрывочно — лишь та необходимая часть,

которая позволяет читателю полнее представить себе те годы, те настроения и ту работу, на которую у Авторов уходила львиная доля времени, когда они находились вдали друг от друга.

И еще одно замечание. В этой работе используются отнюдь не все документы, а только те, с которыми составители имели возможность ознакомиться к моменту написания этой книги. Некоторые документы пока закрыты для публикации: это, к примеру, личные дневники АБС, содержащие, конечно, и немало моментов, имеющих прямое отношение к их творчеству. Некоторые документы не попали пока в поле зрения группы «Людены» (особенно это касается воспоминаний знакомых и друзей АБС и их переписки). Работа над подробнейшей документированной биографией АБС будет продолжаться и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие это исследование, будут приветствоваться «люденами».

О родителях

Как водится, перед биографией самого объекта исследования читателя знакомят с его родителями. С этого начнем и мы. Вот как о них рассказывал БН:

Из: БНС. Без напарника

Отец наш, Натан Залманович Стругацкий, фигура в своем роде замечательная и характернейшая для своего времени. Херсонский адвокат Залман Стругацкий имел трех сыновей: Александра, Натана и Арона. Все трое стали большевиками, все трое участвовали в гражданской. Арон, младший, погиб в боях под Херсоном. Сохранилась его фотография: в кожанке, с наганом у пояса, смоляной чуб — дыбом (Аркадий в молодости был очень похож на него), вокруг вооруженные люди в бескозырках и в буденновках...

Старший, Александр, был инженером, изобретателем. После гражданской стал директором завода, внедрял какой-то сверхэкономичный ветряной двигатель, зимой 37-го был арестован и расстрелян («десять лет без права переписки»).

Натан, средний, во время гражданской был комиссаром, в начале 20-х был демобилизован и оказался в местечке Середина-Буда, в гостях у дальних своих родственников. Середина-Буда — это Черниговщина, замечательный стык России, Украины и Белоруссии. Там он и увидел нашу маму, Александру Ивановну Литвинчеву, дочку прасола, мелкого торговца, выбившегося из крестьян. А красавица Саша увидела Натана — комиссара, большевика, во всем ореоле войны и революции. Произошла романтическая история: отец маму похитил и увез, потому что ни о каком законном браке с коммунистом, да еще и евреем, и речи быть не могло. Дед наш, Иван Павлович, мужик крутой и твердокаменных убеждений, проклял свою любимицу, младшенькую Сашеньку, самым страшным проклятием.

Партия отправила Натана в Грузию, точнее, в Аджарию, в Батум, где он работал главным редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Время было тяжелое, голодное, но веселое — мама всегда вспоминала о нем с нежностью. В 1925-м там же, в Батуме, родился Аркадий. Мать написала отцу своему покаянное письмо, дед велел приехать, встретил сурово, но, увидев внучонка, растаял и снял родительское проклятие.

А Натана партия направила уже в Ленинград — работать в горлит, то есть в цензуру. Отец был человеком высокой культуры, имел два высших образования... Между прочим, по рассказам мамы, он всегда мечтал стать писателем, даже выпустил две книжки, но не художественные — одну о живописце Самохвалове, другую — по иконографии Салтыкова-Щедрина. В Ленинграде тоже жилось не сладко, зарплата была ничтожная — и у матери (она работала учительницей), и у отца, — но отцу еще полагался так называемый «книжный паек». О, какие это были замечательные книги! Дюма, Сервантес, Верхарн, Андре Жид, Мериме, Пьер Мак-Орлан... Издательства: «ACADEMIA», «Круг», «Всемирная библиотека»... Образовалось два шкафа прекрасных книг. Они сыграли огромную роль и в судьбе Аркадия, и в моей судьбе, но, к сожалению, от славной этой библиотеки почти ничего не осталось: в тяжелое послевоенное время мы с мамой практически все распродали, — говоря попросту, проели.

Я родился в 1933 году. В ночь моего рождения отца вызвали в Смольный и с большой группой партийных активистов «бросили на хлеб». Он был назначен начальником политотдела Прокопьевского зерносовхоза-гиганта. Даешь хлеб — до

последнего зерна! Мама рассказывала, что там, в Сибири, он спал с наганом под подушкой. Совхоз был на грани бунта — отбирали буквально все, без остатка, — и отвечал за это ограбление наш отец. Он был ортодоксальным коммунистом, никогда не колебался, никогда не участвовал ни в каких оппозициях, верил партии безгранично и выполнял ее приказы, как солдат. Но каким-то образом ухитрился при этом сохранить широкий образ мыслей, когда речь шла о литературе, живописи, о культуре вообще. Уже позже, в Сталинграде, где был завотделом культуры не то горкома, не то горисполкома, он постоянно сцеплялся со своими коллегами. То он заявлял, что советским живописцам надобно учиться мастерству у Андрея Рублева, то объявлял, что Николай Островский — щенок по сравнению с Львом Толстым, а Дунаевский — в сравнении с Чайковским и Римским-Корсаковым. Мама считала, что сгубили его эти вот полемические эскапады, а я думаю, что главную роль сыграло то, что он запретил выдачу женам городских начальников бесплатных контрамарок в театры и на концерты. В 1937-м, летом, его исключили из партии и сняли со всех постов. Без всякого сомнения, должны были посадить, и спасло лишь то,

что в ту же ночь он кинулся в Москву — искать правды.

Правды отец добивался до конца дней своих и, разумеется, не добился. Когда началась война, немедленно отправился на сборный пункт, но в регулярную армию его не взяли — во-первых, он был уже не молод (45 лет), а во-вторых, у него был порок сердца. Позже, правда, уже в ноябре, он добился, чтобы взяли в ополчение, он успел повоевать под Пулковскими высотами, а в январе 1942-го его, опухшего, полумертвого, окончательно комиссовали и отправили умирать домой.

Из: БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда!

Мама наша, Стругацкая (Литвинчева) Александра Ивановна родилась в 1901 году в местечке Середина-Буда Черниговской губернии в огромной (одиннадцать детей!) семье прасола, мелкого сельского торговца. В 24-м встретилась там с НЗ, приехавшим погостить к своим родственникам. Большевик, комиссар, интеллигент, весь в ореоле революции и войны — и деревенская простушка, не шибко грамотная, веселая, певунья, необыкновенной красоты... Возникла романтическая история. О согласии родителей не могло быть и

речи. Отец просто увез нашу маму с собой, и дед наш, прасол, Иван Павлович проклял свою дочь самым страшным родительским проклятием. («Без отцовского благословения? Да еще с большевиком! С евреем!..» Впрочем, пару лет спустя мама рискнула приехать к нему с маленьким Аркадием. Увидевши внука, грозный прасол растаял душою и проклятье свое снял.) Мама наша окончила педвуз и стала учительницей. Всю жизнь работала не покладая рук. Отец был непрактичен, зарабатывал мало, домом не занимался вовсе, так что все было — на маме. Она была человеком поразительной энергии, никогда не унывала, не сдавалась, в любых обстоятельствах боролась до конца. Никакие трудности не могли сломить ее, никакие беды, никакие превратности судьбы. Никакой работы она не боялась, во всем, за что бралась, добивалась максимального успеха. (В эвакуации ей пришлось стать начальником приемо-перерабатывающего молочного пункта — «маслопрома», — так она не только организовала работу, развaленную своими предшественниками, но еще ухитрилась наладить производство какой-то там особенной брынзы, за что получила грамоту почетного мастера-брынзодела.) Она была и учитель Божьей

милостью. Заслуженный учитель РСФСР, кавалер ордена Знак Почета, и даже когда была она уже на пенсии, из родной школы посылали ей особо трудных учеников, которых она «вытягивала на четверку», — она была словно врач-специалист, спасающий безнадежных больных. Она любила своего мужа, всегда оставалась верна его памяти, всю жизнь свою вложила в детей и в работу и до последнего дня своего оставалась верна самым простым принципам, которые, как известно, труднее всего реализовать: «Под лежач камень вода не течет», «Сначала дело — потом все остальное» и «Дай нам Бог только здоровья, а все, что нам понадобится, мы заработаем себе сами». Она умерла от инфаркта в 1979 году в Ленинграде.

Биографические сведения о Натане Стругацком можно почерпнуть и с сайта знаменитой «Салтыковки» (текст немного подправлен для удобства чтения — даны полные варианты всех сокращенных слов, часто употребляемых в такого рода материалах):

Из: Сайт Российской Национальной Библиотеки. Раздел биографических статей сотрудников

СТРУГАЦКИЙ Натан (Нота) Залманович

(май 1892, деревня Дубовичи Глуховского уезда Черниговской губернии — 7.02.1942, Вологда), искусствовед, библиограф, иконограф, в Публичной библиотеке 1937–42.

Отец — адвокат и агент страхового общества.

Учился в реальном училище и в гимназии в Севске. В 1915 поступил на юридический факультет Петроградского университета (из-за I мировой войны и революции не закончил), был аспирантом Института истории искусств при Коммунистической академии. Член партии большевиков с марта 1917.

В феврале–ноябре 1917 — сотрудник Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в 1918 — заведующий Отделом народного образования Псковского губревкома, политкомиссар продотряда. Во время гражданской войны — в отряде Красной Армии, инструктор политотдела 2-й Конной армии (Южный фронт), военный комиссар бригады, заместитель начальника политотдела 5-й дивизии Северо-Кавказского

военного округа. Затем на партийной работе: 1925–26 — главный редактор газеты «Трудовой Аджаристан» (Батум), 1926–28 — заместитель заведующего отделом печати Ленинградского обкома ВКП(б), заведующий отделом печати Выборгского райкома ВКП(б), 1928–30 — заведующий методической частью музейно-экскурсионного сектора ОНО. В годы учебы в аспирантуре исследовал творчество советского художника А. Н. Самохвалова (1894–1971), опубликовав о нем в 1933 большую статью в журнале «Искусство» и книгу в серии «Мастера советской живописи». Учась в аспирантуре, в октябре 1933 поступил на работу в Государственный Русский музей секретарем, с 18 января 1933 — научный сотрудник.

В 1933 мобилизован ЦК ВКП(б) на политработу: был начальником политотдела ряда зерновых совхозов, в том числе зерносовхозов «Гигант» (Прокопьевск) и «Зеленовский» (Сталинградская область). В 1936–37 — начальник краевого управления искусств в Сталинграде. В апреле 1937 исключен из ВКП(б) «за притупление политической бдительности».

17 октября 1937 зачислен в Публичную библиотеку главным библиотекарем отдела эстампов; с 25 марта 1938 — заведующий отделом. Активно

занимался раскрытием и популяризацией материалов отдела, публиковал статьи, в том числе вступительные по выставкам, начал исследовать портреты М. Е. Салтыкова-Щедрина и иллюстрации к его произведениям. Перед войной, совместно с Б. С. Бутник-Сиверским, составил каталог советского плаката эпохи гражданской войны (Вып. 1. Фронтовой плакат), который вышел в свет лишь в качестве сигнального экземпляра, составив 7-й том «Трудов Государственной публичной библиотеки».

19 сентября 1941 зачислился в рабочий отряд. 27 октября 1941 принят кандидатом в члены ВКП(б) как лучший командир истребительного отряда. 27 октября 1941 уволился из Библиотеки в связи с мобилизацией в батальон НКВД Куйбышевского района Ленинграда. В связи с тем, что Стругацкий был комиссован по состоянию здоровья (порок сердца) из воинской части, 20 декабря 1941 он восстановлен в должности главного библиотекаря. Уволен из Публичной библиотеки с 1 февраля 1942 в связи с эвакуацией из города. Стругацкий умер по дороге, в Вологде, сын Аркадий попал в детский приемник, откуда бежал, скитался по стране, попал в город Чкалов, был направлен как грамотный в райцентр на работу в пункт по

приему молока. В августе 1942 вдова Стругацкого, узнав о судьбе Аркадия, выехала к нему со вторым сыном — Борисом. Впоследствии оба сына Стругацкого стали известными писателями-фантастами.

Следующий документ чрезвычайно сложен для изложения в книге такого формата. Для удобства чтения граф тогдашней многостраничной анкеты вопросы и ответы представлены здесь в повествовательном виде.

Из: Анкета Натана Залмановича Стругацкого

20. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

Дата (м-ц, год) вступ. и ухода — Должность или выполняемая работа где (Подробное название учреждения, организации или предприятия) — Местонахождение учреждения или предприятия (указать город, район, какой области, края, республики)

март 1917 — сотрудник информационно-справочного бюро Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — Петроград

1917 — сотрудник мандатной комиссии Совета Рабочих и Солдатских депутатов — Петроград конец 1917 — начало 1918 — управляющий делами

Наркомата агитации и печати — Петроград

1918 — комиссар народного образования Псковского ревкома — ст. Торошино

1918 — стрелок продагитотряда — Малмыж Вятской [губернии]

1919 — стрелок продагитотряда — Бузулук Самарской [губернии]

1919 — политкомиссар продагитотряда — Мелитополь Таврической [губернии]

1920 — заместитель редактора газеты «Красная лава» — Врангелевский фронт

1920 — военследователь Особого Отряда 2-й Конной армии — Врангелевский фронт

1920 — инструктор политотдела 2-й Конной армии — Врангелевский фронт

1921 — инструктор политотдела 2-го конного корпуса — Кубань

1922–1923 — начальник Агитпропчасти 5-й Кавдивизии — г. Моздок и Ставрополь

1923–1924 — помощник начальника политотдела 9-й Донской стрелковой дивизии — г. Нахичевань

1925 — ответственный секретарь партячейки совета Дома Красной Армии Северо-Кавказского военного округа — г. Ростов-на-Дону

1925 — редактор газеты «Трудовой Аджари-

стан» — Батуми

1926–1927 — заведующий подотделом печати Выборгского райкома ВКП(б) — Ленинград

1927–1928 — заместитель заведующего отдела печати Выборгского райкома ВКП(б) — Ленинград

1928–1930 — слушатель Высших государственных курсов искусствоведения [при Ленинградском институте истории искусств] — Ленинград

1930–1932 — аспирант (ИКП) при ЛИЯ ЛОКА [секции литературы, искусства и языкознания Ленинградского отделения Коммунистической Академии при Институте красной профессуры] — г. Ленинград

1932 — научный сотрудник Ленинградского института литературы и искусства — г. Ленинград

1933–1934 — начальник политотдела Прокопьевского зерносовхоза — г. Прокопьевск, Западная Сибирь

1935 — начальник политотдела Зеленовского зерносовхоза — Фроловский район

1936 — начальник Краевого управления искусств при КИКе [Краевом исполкоме] — г. Сталинград

1937 — начальник политотдела Зеленовского зерносовхоза — Фроловский район

22. Участие в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских выборных органах

Местонахождение выборного органа — Название выборного органа — Член или кандидат — Дата избрания-выбытия

ст. Торошино — Псковский Ревком — член — 1918

Ставрополь — исполком Городского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов — член — 1923

Батуми — Аджарский Областной Совет Профессиональных Союзов — член президиума — 1925

Батуми — Аджарский Обком КП(б) Грузии — член — 1925

Ленинград — Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов — член — 1930

Прокопьевск — Бюро Горкома ВКП(б) — член — 1933–34

Фролово — Бюро Райкома ВКП(б) — член — 1935

Сталинград — Крайисполком — член — 1936

23. Знание иностранных языков и языков народностей СССР

Название языков, которыми владеет (пишет, читает, говорит)

иностранных — французский и немецкий (оба

слабо)

народностей СССР — русский (хорошо), еврейский (слабо)

24. Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, каким)

в апреле 1917 был избит на демонстрации против Временного правительства у Мариинского дворца, был избит и арестован на митинге на Знаменской площади, был арестован 5-го июля

25. Служба в армиях:

а) в старой армии — нет

б) в Красной гвардии с сентября 1917 по декабрь 1917 — в каких должностях — боец

последняя высшая должность — отв. секретарь политпросветсовета Дома Кр. Армии Сев-Кав. Воен. Округа

г) участвовал ли в боях во время гражданской войны (где, когда и в качестве кого) — в 1919 г. против Махно (под Мелитополем), 1920 г. против Врангеля (под Никополем), в 1922 г. против десанта полковника Сычова (в Моздокском районе)

И еще немного о родственниках:

БНС. Офлайн-интервью 27.04.00

Дед со стороны матери был прасолом (мелким торговцем), семья была — одиннадцать душ детей, две девочки, остальные парни, из которых один был эсер, моряк-балтфлотец (умер от туберкулеза в начале 20-х), а остальные сделались кто прорабом, кто моряком торгового флота, кто членом московской гильдии мясников, а кто и инженером. Я еще застал времена, когда почти все они были живы и здоровы — как они пели! Боже мой, какая это была голосистая и красивая компания! Как я всех их любил тогда...

БНС. Офлайн-интервью 15.11.01

Среди моих дядьев по материнской линии я знаю Федора, Александра, Николая, Афанасия, Григория и Кузьму. Со всеми я был знаком, кроме Федора, умершего в 1918 или 1919 году. А больше сыновей у Ивана Павловича Литвинчева (доживших до зрелого возраста) точно не было.

Александра Ивановна оставила по себе добрую память как учитель:

Из: Сенкевич Ю. Откроешь книгу — и плаваешь по волнам

— Кто в основном влиял на круг чтения?

— И родители, и моя тетя Люся, которая читала запоем, она мне часто что-то подсовывала. Хотя, по-моему, ей было все равно, что читать, — ей нравился процесс. Еще мне повезло — в школе литературу преподавала Александра Ивановна Стругацкая. Мама братьев Стругацких. Они тоже учились в нашей школе. Александра Ивановна — русская красавица с вот такой косой. Феноменальная женщина, литературу знала, любила... Обычно то, что проходят в школе, читать не хочется, но она преподавала так... Я даже сподобился мальчиком с удовольствием засесть за «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение». Позже снова пробовал подойти к Толстому — как-то не пошло...

Но не только превосходное знание русской литературы было ей свойственно. Есть мнение, что чувство слова является врожденным. Как могла Александра Литвинчева, дочь мелкого прасола, настолько владеть русским языком? Или не зря Натан Залманович заставил жену окончить педвуз? Знал, что способностей у Александры

Ивановны достаточно? Ведь помимо достойной многолетней преподавательской работы она долго писала «в стол» методики преподавания русского языка, мечтала составить учебник...

Из: Сенкевич Ю. Юрий Сенкевич — гость 13-й страницы

[На вопрос об отсутствии у него нескладностей в эфире] —...Ну а если продолжить тему лингвистики, лексических средств, то, безусловно, наличествует и «что-то еще». Наша школьная учительница Александра Ивановна Стругацкая (мать писателей-фантастов) очень горячо наставляла нас, семиклассников, например, так: «Никогда не говорите «с какого ты года!» Надо — какого года рождения!» Спасибо школьным учителям. Спасибо книгам.

Вероятно, все-таки наследственность. Которой Александра Ивановна изрядно поделилась со своими сыновьями.

Довоенные годы

Довоенное детство Стругацких. Аркадию его досталось больше — ему было без малого шестнадцать, когда началась Великая Отечественная. Борису — только исполнилось восемь.

Разница в восемь лет в зрелом возрасте практически не заметна, в детстве же — это огромная пропасть. Но младший в семье всегда тянется к старшему, раньше, чем его сверстники, взрослеет, раньше начинает интересоваться тем, чем интересуется его старший брат и его друзья. Ходит за своим братом «хвостиком», надоедает ему, но... куда ж от него денешься? У кого был в детстве брат — тот поймет.

Помните из ПОДИН? «Стоило человеку забраться в стол к старшему брату-студенту (совершенно случайно, ничего дурного не имея в виду), как там оказывалась наводящая изумление японская электронная машинка, которая тут же незамедлительно выскакивала из рук и с треском падала на пол». Японских электронных машинок тогда не было, но что-то похожее случалось в детстве БНа наверняка.

Из: БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда!

Детей у наших родителей было двое. Аркадий, старший, родился в 1925 году в Батуми. Борис, младший, в 1933, в Ленинграде. Аркадий был с детства талантлив, любознателен, много читал, увлекался астрономией, сам мастерил телескопы, наблюдал переменные звезды, пытался писать фантастику, издавал с друзьями рукописный журнал — и во все свои занятия неукоснительно вовлекал младшего своего братишку (домашние клички — Рыжий, Барбос и Бобкинс). Таким образом младший с младых ногтей своих приучился читать, наблюдать и сочинять.

БНС. Офлайн-интервью 06.07.04

Насколько глубоко сходство юного Матвея [БМС] с мальчиком Мотлом?

Тсу. Россия

Я думаю — чисто внешнее. Хотя талантливые дети «этой нации» все, больше или меньше, похожи на мальчика Мотла — очень точный собирательный образ. Меня самого, маленького, в семье частенько так называли. Имея в виду,

впрочем, не столько талантливость, сколько другие характерные признаки.

Из: БНС. Больной вопрос

Впервые я, мальчик домашний и в значительной степени мамочкин сынок, встретился с еврейским вопросом, оказавшись учеником первого класса ленинградской школы.

Совершенно не помню, от кого именно, но от кого-то из моих новых знакомых я впервые услышал тогда слово «жид». Надо сказать, что школа научила меня многим новым словам (например, «б...», «е...», «п...»), и слово «жид» не особенно выделялось среди них: все это были слова гадкие, тайные и обозначающие нечто дурное. Если бы тогда кто-нибудь спросил меня, кто это такой — жид, я без запинки ответил бы, что это такой очень нехороший человек.

Крайняя наивность и плохая осведомленность моя сыграли со мною однажды дурную, помнится, шутку. Как-то вечером (было это, скорее всего, зимой 1940/41 года) я, будучи мальчиком семи лет и по обыкновению изнемогая от скуки, просился в комнату моего старшего брата, девятиклассника, где всегда и все было необыкновенно и интересно. То ли старший брат мой, девятиклассник,

был занят, то ли настроение у него было несоответствующее, но он меня к себе не впускал, и я уныло торчал в темной кухне, время от времени тихонько царапая заветную дверь и поднывая: «Аркашенька, можно?..» Одни лишь свирепые междометия были мне ответом.

И вот, когда от тоски и безнадежности иссякли во мне последние запасы надежды и почтительности, я вдруг, неожиданно для себя, выкрикнул в пространство: «У-у, жид!..»

Что, собственно, хотел я этим сказать? Какую идею выразить? Какие обуревавшие меня чувства? Не знаю.

За дверью воцарилась *страшная*, *мертвенная* тишина. Я обмер. Я понимал, что сказал нечто ужасное, и все чувства во мне оцепенели. Дверь распахнулась. На пороге стоял Старший Брат...

Обуявший меня ужас отшиб у меня память. Я запомнил лишь одну фразу: «...только фашисты могут говорить это слово!!!» — но, как видите, я запомнил эту фразу на всю жизнь.

(Наверное, именно после этого инцидента произошло запомнившееся мне внутрисемейное обсуждение вопроса: откуда произошло слово «жид» и как оно стало быть. В обсуждении принимала участие вся семья, но запомнилось

мне почему-то лишь мнение бабушки, папиной мамы, которая сказала: «Это потому, что евреи *ожидают* пришествие мессии...» Вот странная гипотеза! — сказал бы я сейчас. Но почему я запомнил именно и только ее? Наверное, потому, что она показалась мне самой понятной.)

И это все о еврейском вопросе, что запомнил довоенный школьник первого класса! Полагаю, названный вопрос не стоял тогда сколько-нибудь остро — по крайней мере в тех кругах социума, где главной проблемой было скрыть от мамы «плохо» за контрольную по чистописанию. Подобно бессмертному Оське из «Кондуита и Швамбрании», мальчик-первоклассник еще не знал, что он, оказывается, еврей.

БНС. Офлайн-интервью 13.02.01

Когда бываю в Питере, не могу отделаться от мысли, что «Град обреченный» — это Ленинград.

Вячеслав. Москва, Россия

Город — это в значительной степени Петербург-Ленинград, а дом, в котором живет Воронин и Сельма, — есть точная копия того дома, в котором жила наша семья до, во время и после войны (а также — того дома, в котором живут «здесь», в нашем мире, Воронин и Иська Кацман).

Этот дом помнит и давний знакомый обоих братьев поэт Александр Рубашкин, шутливый экспромт которого мы опубликуем в одном из наших следующих томов.

Рубашкин А. «Прощально ожил перед глазами...»

Ленинград, пр. Карла Маркса, 6... СПб., ул. Акад. Байкова, 17...

Первого моего адреса нет совсем. По-другому называется город, вернул прежнее наименование Большой Сампсониевский проспект. Исчез мой дом № 6 и дом № 4, в котором жили Борис и Аркадий Стругацкие, сровняли с землей весь наш квартал, как только собрались строить следующую очередь гостиницы «Ленинград». Нет не только прежнего адреса, даже ближних улиц — Астраханской, Саратовской.

Написав первые строки этих заметок, я позвонил Борису Стругацкому, которого помню с конца войны, когда его брат уже был москвичом, сказал о своих ощущениях, оказавшихся общими. «Уйма лет прошла, да почти вся жизнь...» — ответил он. Вспомнили мемориальную доску памяти писателя Всеволода Иванова на доме № 4, детский сад на первом этаже, рядом с Бориной парадной. Он

откликнулся: «Неужели помнишь? — садик исчез вскоре после войны, куда-то переехал».

Дома были старые, начала века. Я ходил уже в университет, а мы все топили печи; дрова в подвалах пахли сыростью. Вместе с отцом поднимали вязанки на четвертый этаж по «черной», крутой лестнице.

Воспоминания АБС о детстве разнообразны, но касаются в основном развлечений: книги, игрушки... Как и у всех, собственно.

Помните ответ Переца на анкету? «Какие игрушки вы более предпочитали в дошкольном возрасте? — Заводные танки».

Из: БНС. Ваша любимая игрушка в детстве?

— У меня любимой игрушкой был заводной танк с резиновыми гусеницами. Им я играл лет в шесть. Еще мы увлекались оловянными солдатиками, но в те времена это было большой редкостью. Доставали их чаще всего путем обмена. А вот что касается плюшевых мишек и других животных, то такого добра просто не было.

Но больше всего воспоминаний, конечно, о книгах.

Из: АНС. Что мы читали

Я, как, впрочем, и мой брат Борис, не помню времени, когда бы мы не читали. Читали, наверное, лет с четырех. Не скажу, чтобы мы читали нечто особенное — нет, обычную литературу, которую читают и нынешние подростки: Жюля Верна, Гербера Уэллса, «Приключения барона Мюнхгаузена», «Путешествия Гулливера». Очень нравился «Дон Кихот», но воспринимался он тогда чисто по-детски, то есть авантюрная, а не философская сторона этого произведения. Вдруг выходит «Республика Шкид» Л. Пантелеева и Г. Белых. Все мои сверстники зачитывались ею. Я знал ее буквально наизусть и к месту и не к месту цитировал. Огромное впечатление произвели появившиеся вещи Алексея Толстого. Он очень повлиял на меня как писатель. В седьмом — восьмом классах впился в Гоголя и не разлучаюсь с ним до сих пор. Потом пришло увлечение пушкинской прозой, и мои первые опыты в литературном творчестве испытывали явное влияние «Повестей Белкина». Конечно, все прочитать в юношеские годы невозможно, но нужно стремиться прочитать именно все. Юношеское чтение оставляет особенно глубокий след в душе. Люди же, не читавшие в этом

возрасте, остаются духовно обедненными.

Из: АНС. Мой Жюль Верн

Я всегда любил этого писателя. И всегда его знал. Во всяком случае, я не помню того времени, когда бы я не знал и не любил его. Одно из первых воспоминаний в моей жизни — это черно-зеленая обложка: усыпанная заклепками металлическая туша подводного корабля и оседлавшее ее гигантское головоногое.

Увлечение книгами великолепного француза продолжалось у меня долго, практически все школьные годы, с раннего детства и до самой войны. За это время в поле моего зрения входили один за другим и Александр Беляев, Герберт Уэллс, Григорий Адамов, Алексей Толстой; воображение мое последовательно покоряли то боевые машины марсиан, то человек-амфибия с человеком-невидимкой, то космические прыжки на Марс и на Венеру, то ископаемые чудовища в затерянных мирах и океанских пучинах, но произведения Жюля Верна оставались у меня на столе. Мало того, с течением времени то одно, то другое из них делалось для меня настольной книгой в самом точном значении этого слова.

Известно, что Менделеев, Циолковский, Обру-

чев и многие другие великие люди с увлечением зачитывались произведениями отца мировой фантастики. Мало того, эти произведения в какой-то мере определили выбор их жизненного призвания. И даже в некоторых случаях навели их на конкретные и весьма продуктивные научные и технические идеи. Мне, разумеется, и в голову не приходит сравнивать себя с этими замечательными учеными, изобретателями, землепроходцами, но факт остается фактом: именно книги Жюля Верна определяли все мои увлечения (или, как теперь называют это, хобби) в возрасте от семи до шестнадцати лет.

А началось с того, что, учась во втором и третьем классах, я усердно и с переменным успехом пытался начертить схему «Наутилуса». Сейчас я диву даюсь, как у меня хватило терпения фразу за фразой, слово за словом десятки раз прочесать текст романа, отбирая по крохам информацию о взаимном расположении кают, салона, машинного отделения, рулевой рубки и прочих помещений таинственного подводного крейсера. Чертежи, которые мне в конце концов удалось сотворить в результате многомесячных усилий, не сохранились, а жаль — любопытно было бы сейчас посмотреть, как я умудрился совместить

данные, полученные из текста, с подробностями, изображенными на превосходных иллюстрациях Риу, который был для меня в этом деле чуть ли не более авторитетным, чем сам Жюль Верн, хотя, как мне это сейчас ясно, с текстом почти не считался.

«Наутилус» «Наутилусом», а, вникая в роман, я всерьез заинтересовался жизнью Мирового океана. Быт и нравы обитателей мокрого соленого моря — всяких там медуз, актиний, морских звезд, голотурий, моллюсков — захватили мое любопытство до такой степени, что я принялся читать о жизни моря все подряд и даже собрал небольшую библиотечку по этим вопросам, что само по себе было деянием героическим в условиях тогдашнего жестокого книжного голода. Особенно занимали меня спруты: знаменитый эпизод в романе, где описывается нападение головоногих чудовищ на «Наутилус», я читал и перечитывал много десятков раз, заучил наизусть, даже иллюстрировал в меру своих слабых способностей. И должен сказать, что интерес к жизни моря сохранился у меня и поныне, а о спрутах я, наверное, знаю сейчас больше, чем любой неспециалист. Например, берусь поддержать беседу по поводу упомянутого эпизода, причем не

премину небрежно отметить, что речь в нем идет скорее об исполинских кальмарах — мегатойтисах — и что сам этот эпизод весьма сомнителен как в рассуждении логичности действий капитана Немо, так и в смысле зоопсихологии поведения этих абиссальных [глубоководных — ред. «Пионерской правды»] спрутов...

Кажется, в пятом или шестом классе я принялся с такой же тщательностью штудировать «Таинственный остров». Это замечательный роман, и я прочел его от корки до корки несколько раз еще задолго до этого, но тут меня вдруг заинтересовала деятельность Сайруса Смита в области прикладной химии. Сейчас я уже не помню подробностей, а книги под рукой у меня нет, и я могу ошибиться, однако главное прекрасно сохранилось в памяти и по сей день. Поставив себе целью взорвать скалу и тем самым дать сток воде, заполняющей залы Гранитного дворца, мистер Смит решает изготовить взрывчатку. У него в распоряжении есть серный колчедан. Из него он получает железный купорос, из железного купороса получает серную кислоту, из серной кислоты получает азотную, а при помощи азотной кислоты изготовляет нитроглицерин. Эта технологическая цепочка поразила меня. Нитро-

глицерин был мне не очень нужен, да и быстро выяснилось, что описанным в романе способом получить из железного купороса серную кислоту невозможно, но так или иначе я без памяти увлекся химией.

Томики о жизни моря потеснились и дали место учебникам химии и всякого рода справочникам и руководствам, в комнатушке моей появилась химическая посуда и банки с реактивами, по квартире стали распространяться смрадные запахи, а одежда моя украсилась дырами с ломкими краями и пятнами потрясающих расцветок. Короче говоря, «Таинственный остров» подвигнул меня на увлекательную жизнь, побочным результатом которой оказалось то обстоятельство, что чуть ли не до окончания школы химия была для меня одним из самых легких предметов. Впрочем, впоследствии я совершенно охладел к этой науке, все перезабыл и вернулся к ней только через два десятка лет, когда совершил героическую, но — увы — практически бесплодную попытку самостоятельно разобраться в основах современной химии. Но «Таинственный остров» остался частью моей биографии, и с годами ни на йоту не померкло порожденное этим романом безмерное восхищение и преклонение перед знающими и

умелыми людьми.

А потом, уже в восьмом классе, я прочел совсем не лучшую и мало популярную повесть Жюля Верна «Гектор Сервадак». Речь в ней идет о том, как некая комета сталкивается с земным шаром и, прихватив кусочек Северной Африки с толпой французов, русских и англичан и одним полоумным астрономом, вновь уносится в космические глубины, чтобы совершить облет основных планет нашей Солнечной системы.

И вот с этой нелепой и необычайно милой книги началось мое самое серьезное и последнее увлечение. Я заинтересовался астрономией. Один из героев повести, астроном, о котором я уже упоминал, приводит там последовательные данные о движении небесного тела, на которое его забросило столь противоестественным образом, и я попытался воссоздать траекторию этого движения. Задача, как вскоре выяснилось, не имела решения, но пока я ломал над нею голову, мне пришлось столкнуться с основами небесной механики, а тут как раз подвернулась прелестная, хотя и забытая ныне, популярная книга Джинса «Движение миров», и пошло, и пошло... Я занимался математикой, сферической астрономией, строил самодельные телескопы из

очковых стекол, вел наблюдения переменных звезд, мечтал научиться определять орбиту по трем наблюдениям и вообще твердо решил стать астрономом. И я бы наверняка стал астрономом, если бы не война.

Из: АНС. Л. И. Лагину — 75 лет

Первое мое знакомство с Лагиным состоялось в детстве. С изумлением и восторгом я читал и перечитывал в «Пионере» поразительную сказку о похождениях пионера Вольки и старого доброго джинна Хоттабыча. Сказка печаталась из номера в номер с отличными рисунками Рогова...

Литературный мир тесен. Через какое-то время Лагин будет рецензировать рукопись АБС — СБТ. А много лет спустя именно АН «пробьет» издание «Хоттабыча» в авторской редакции. Дочь Лагина — Наталия Лазаревна — будет редактором ОУПА в «Юности».

Совсем другие отношения завяжутся с Казанцевым — детским кумиром обоих братьев, напряженные отношения, временами — настоящая литературная война.

Весьма непростыми окажутся отношения с Ефремовым. Все это — впереди, читатель.

Из: БНС. Без напарника

Отец буквально пичкал Аркадия книжками, всячески поощрял желание и стремление фантазировать. Фантастика стала первой литературой, которая вошла в нашу жизнь. Уэллс, Беляев, Конан-Дойл — великая троица. В отцовской библиотеке все это было. И Гоголь. И Эдгар По. И Салтыков-Щедрин, которого отец ценил особенно и которого мы со временем тоже оценили.

Я помню, перед войной было у нас в семье обыкновение: вечером все садились на диван, и отец принимался рассказывать повесть-сказку, бесконечную, с вариациями, с продолжением, неописуемую мешанину из сказок и остросюжетных романов всего мира, и кончалась эта сказка каждый вечер одинаково: «Но тут наступила ночь, и все они легли спать...» Конечно, отец оказал на Аркадия самое решительное влияние. Отец и друзья.

Из: АНС: «Герой фантастики не может не быть добрым»

— Страсть к фантастике во мне с братом пробудил отец. Искусствовед по образованию, он

был комиссаром Красной Армии во время гражданской войны, кадровым военным. В детстве он любил рассказывать нам одну бесконечную историю, которая, как я понял позднее, была сплетением сюжетов из Уэллса, Майн Рида, Жюля Верна. Когда мне было лет 12, мы с братом сами начали сочинять фантастические истории.

В другом интервью АНС рассказывал примерно то же самое, отличается только возраст братьев:

Из: АНС: «Писать о том, что действительно волнует»

Наш отец очень любил читать фантастику, приключения. Вечерами пересказывал со своими «продолжениями» нам книги Уэллса, Купера, Майн Рида. А мы рисовали фантастические комиксы. Рисовали, потому что писать было несколько трудновато: мне было девять лет, Борису — три года...

И еще немного о том же:

Из: АНС. Воспоминание о будущем

— *Фантастика интересовала вас с детства?*

— Мы начали писать, когда Борису было шесть,

а мне 13 лет. Борис от руки переписывал Уэллса, представляете? А я издавал в школе рукописный журнал, рассказы в картинках — сейчас их называли бы комиксами. Целая их кипа уцелела после ленинградской блокады.

Из: БНС. Братство Стругацких

Аркаша еще до войны написал довольно зрелый в литературном плане роман «Находка майора Ковалева», снабдив его собственными иллюстрациями, выполненными тушью. Блестящее было сочинение, но, к сожалению, безвозвратно пропало: я дал почитать своим дружкам, а они, что называется, замотали...

Другая версия пропажи рукописи изложена здесь:

Из: БНС. Комментарии (Наша биография)

Я не говорю уж о зубодробительном фантастическом романе «Находка майора Ковалева», написанном (от руки, черной тушью, в двух школьных тетрадках) перед самой войной и безвозвратно утраченном во время блокады.

Подробнее о рукописном журнале:

Из: БНС. Юбилей фантаста

Не помню названия. Он [журнал] был в школьных тетрадках. Там печатались отрывки из книг, которые нравились Аркадию Натановичу и его школьному другу, с которым они вместе занимались этим. Писали разные тексты, которые теперь все забылись, кроме одного. Я помню, это был роман с продолжениями, который назывался «Находка майора Ковалева». Зубодробительный роман с пришельцами, что было по тем временам очень новой и свежей темой, путешествиями во времени. Это была еще школа, 9–10 класс.

Стихосложение — один из видов творчества. В детстве, когда мир еще предстает цельным, не соотносящимся с какими-то определенными градациями, творчество тоже всеобъемлюще. О сочинении стихов БН вспоминал так:

БНС. Офлайн-интервью 23.01.02

Во-первых, меня потрясло, что именно Вы, а не АНС, в тандеме отвечали за японскую поэзию. А АНС как же? По принципу «сапожник без сапог» — переводил, но не любил? Или он вообще с поэзией не был дружен?

Шамиль Идиатуллин. Казань, Россия

Все объясняется очень просто. Я был обладателем прекрасного томика «Японская поэзия» — владел им с середины 50-х и очень любил читать и перечитывать. АН же был, действительно, довольно равнодушен к поэзии вообще и к японской поэзии в частности. Так что в нашем тандеме поэзией ведал, как правило, БН — цитировал, предлагал эпиграфы, сочинял. Хотя бывали, разумеется, и исключения, причем не такие уж и редкие.

Исключений действительно много: перевод стихотворных строк в романе Уиндэма, гимн Легиона, стихи и песни в ДСЛ (с большой долей уверенности можно говорить об авторстве АНа двух песен из этой повести).

БН продолжает список исключений (специально для этого издания):

Мне кажется, я помню самое первое стихотворение, сочиненное АНС. Оно было «опубликовано» в литературном журнале, который АН выпускал со своим школьным дружком перед самой войной (тетрадка, исписанная красивым почерком, тушью, с рисунками авторов-издателей). Стихотворение предварялось эпиграфом (передаю только его смысл, точного текста не помню):

«...ская подводная лодка, чудом уцелев, с трудом выбралась из пролива ***, где была заперта ...ким флотом. На протяжении недели экипаж был вынужден питаться только сухими бисквитами с сыром. *Из газет*»

Подлодка плыла по реке голубой, озаряема полной луной,
И старалась она улизнуть поскорей в свою базу из этих морей.

А на мостике лодки стоит командир, и жует он бисквиты и сыр,
И слушает он, как под тяжкой броней напевает старик-рулевой.

И поет рулевой: «Там на дне у меня не играет сияние дня,
Там акул и касаток играют стада, мертвечиной воняет вода.

И там на подушке из жестких камней спят хозяева этих морей,
Они стали добычей торпеды моей — кавалькады чужих кораблей.

Но с чужого двора удирать нам пора, пока и лодке не сделали дыр,

Мы успеем еще улизнуть до утра...» — «Замолчать!» — закричал командир.

И старик-рулевой замолчал под броней, ему очень хотелось домой,

И задумался, глядя вперед командир, бросив в воду бисквиты и сыр.

Совершенно не помню, шла ли речь об английской подлодке, запертой немецким флотом, или о немецкой, запертой английским. И в каком проливе было дело. Но стихотворение запомнил, как видите, на всю жизнь (чего не могу, кстати, сказать о пародируемом оригинале3).

БНС. Офлайн-интервью 07.05.00

Умел ли и любил ли рисовать Аркадий Натанович?

Валерий Королюк. Владивосток, Россия

И умел (на мой взгляд), и любил (по крайней мере, лет до 20-ти). Сохранилась целая папка его детских иллюстраций к «Войне миров», «Арктании» и по мотивам фильма «Гибель сенсации».

Из: АБС. Жизнь не уважать нельзя

Михайлова Е.: Я не успела расспросить Аркадия

Натановича о вашем детстве, и этот вопрос остался Вам...

БНС: Ну, это замечательные страницы, как же... вот тогда закладывалось все... Вы спрашивали, какой человек сыграл главную роль в моей судьбе. Конечно, Аркадий Натанович. Он старше меня на восемь лет, я всегда смотрел на него восхищенными глазами. Кстати, он действительно был замечательным в своем роде мальчиком, любой родитель мечтал бы иметь такого сына, это я вам как отец ответственно говорю... Весь мир интересовал его — он тогда, до войны, занимался астрономией, химией, робототехникой, если можно так это назвать в то время... Черт побери, он делал роботов! Представляете?.. Он уже тогда писал — как сейчас помню... «бессмертная» повесть, кажется, называлась «Находка майора Ковалева»; и написана была аккуратнейшим почерком в двух толстых тетрадках, снабжена собственными иллюстрациями, сделанными в манере раннего Фитингофа — был такой прекрасный иллюстратор фантастики... И я, конечно, при сем присутствовал... как сопляка, меня, правда, редко допускали на это интеллектуальное пиршество. У Аркадия тоже были отличные друзья, они собирались все вместе, а я сидел где-нибудь

в уголочке... все это слушал и восхищался. Но проклятая война... Если бы не война, я думаю, из Аркадия получился бы прекрасный астроном, превосходный! Он занимался уже довольно серьезной научной работой, когда началась война, делал телескопы, у него были десятки сделанных своими руками телескопов... на них он тратил все, что мама выдавала на завтраки, так как жили мы очень бедно... Перед самой войной он поступил в Дом занимательной науки, получил там громадную папку наблюдения Солнца и солнечных пятен... — тут грянула война, и все пошло к черту.

Из: АБС. Добро должно быть с головой

Вот мы сейчас — немолодые уже люди — откровенно признаемся: дрались. Дрались жестоко. Первой в своей жизни потерей зуба один из нас обязан школьной драке — тогда это называлось «стыкаться»... Во всяком случае к седьмому классу все это прекратилось. В седьмом мы уже не меряли человека кулаками. В седьмом мы уважали за голову, за умение шутить, общаться, за увлеченность; у нас были свои астрономы, химики, радиотехники... А в девятом, перед самой войной, мы все ужасно зауважали Сашу Пашковского,

хотя издевались над ним в четвертом, в пятом... Он не умел драться. Он не любил грубость, казавшуюся нам неотъемлемой частью мужества, но к седьмому классу выяснилось, что Сашка — самый начитанный из нас, что у него самая светлая голова, а в восьмом мы были поражены, когда узнали, что Пашковский сам — сам! — изучает высшую математику по институтской программе. И мы не ошибемся, если скажем, что увлечение наукой, с которого начался сегодняшний взгляд на жизнь, возникло из благородной зависти (если зависть может быть благородной) к этому слабому, тихому, вежливому парню.

В пятом даже нас — обладателей «могучих» кулаков и весьма слабого интеллекта — Саша поразил «Русланом и Людмилой» — огромным отрывком из поэмы. Он читал его наизусть, задрав голову и закрыв глаза... Это было на школьном вечере. А мы давали ему «в пятак»!

Срам вспоминать об этом. Невыносимый срам. Но мы не хотим сказать, что полностью отвергаем известный тезис: добро должно быть с кулаками. Помнится, во время войны с белофиннами, когда половина ленинградских школ была отдана под госпитали, и мы учились в две и даже в три смены, и город был затемнен, случилось так, что

вечером на наших одноклассниц, возвращавшихся домой, напали какие-то мерзавцы. И тогда мы, ребята самые сильные, самые крепкие, взялись провожать девчонок домой. И вскоре на одной из улиц, прилегающих к нашей школе, произошла жесточайшая драка между нами и хулиганами, где с обеих сторон участвовало не меньше трех десятков человек.

И какое же это было удовольствие — видеть, когда толпа противников наших завыла, захлюпала и бросилась наутек!

Мы продолжали провожать девчонок на всякий случай, но больше к ним никто не лез.

Из: АНС. Трудно быть богом

— Если бы Вам снова было шестнадцать, чем бы Вы не стали заниматься вновь, на что бы Вы не стали тратить время?

— Я, честное слово, не помню, какой день тогда, в том возрасте, я прожил зря. Возможно, это заявление прозвучит несколько самоуверенно, но, в общем-то, все пригодилось. Все, чем я занимался в шестнадцать лет.

— Аркадий Натанович, а чему Вы недоучились в детстве?

— Пониманию музыки. Живописи. Поэзии.

Пониманию доброты и милосердия.

— *Ну а чему Вас учили зря?*

— Ненависти и недоверию к людям.

— *А в детстве кем Вы хотели стать, когда вырастете?*

— Как ни странно, химиком. Или астрономом. Иногда даже военным.

Борис о брате:

Из: БНС. Без напарника

Школьником, до войны, он записался в Ленинградский Дом Занимательной Науки, сам наблюдал солнечные пятна, обрабатывал многолетние ряды наблюдений (считал числа Вольфа), заставлял меня наблюдать Луну, делать зарисовки, лепил мне подзатыльники за непонятливость...

Прошел по экранам фильм «Гибель сенсации» — по мотивам пьесы Чапека «R. U. R.» — Аркадий немедленно принялся делать робота. На целого робота материала не хватило, но зато голова и руки были и двигались, управлялись по радио!

Прочел книжку «Как сделать телескоп» — стал делать телескопы, сделал их штук десять, самый большой был два с половиной метра, самый маленький — сантиметров тридцать — был мне обещан, если я сумею правильно срисовать Луну,

как она выглядит в эту самую подзорную трубку.

— Все эти телескопы — за счет денег на завтраки?

Б. С — Вы и представить себе не можете, какие в те времена были в Ленинграде богатые «блошиные рынки»! Там можно было за сущие гроши купить и объектив, и окуляр, а тубус Аркадий делал сам — клеил из старых газет с удивительным искусством и терпением!

— Вы сказали, что на формирование его мировоззрения оказали влияние отец и друзья. Кто были эти друзья?

Б. С — Это были замечательные ребята! Они пускали меня иногда — присутствовать. У Аркаши была своя собственная комната — шесть квадратных метров, круглая печка, кровать и стол. Окно — в серую стену. Мне разрешалось сидеть на кровати, смотреть и слушать. Они философствовали, делали литературный журнал, рисовали иллюстрации к разным книжкам, ставили химические опыты... Был удивительно славный и добрый мальчик, лучший Аркашин друг, Саша Пашковский — он умер от голода в блокаду. Был Игорь Ашмарин — он жил на одной лестничной площадке с нами, именно до его мамы дошло единственное отчаянное письмо Аркадия из Таш-

лы — он стал впоследствии крупным ученым, военным, ужасно засекреченным... Какие это были замечательные ребятишки, сколько таланта, энтузиазма, чистоты! Проклятая война.

Из: БНС: «Это была потеря половины мира»

Аркадий Натанович превосходно разбирался в астрономии и прочитывал все, что выходило в этой области. Он вообще любил астрономию с детства — ведь именно он приучил меня к ней, он, школьником, делал самодельные телескопы, наблюдал солнечные пятна и учил меня этим наблюдениям. Так что 90 процентов астрономических сведений в наших книгах (за исключением самых специальных) — именно от него... Между прочим, нежную любовь к хорошей оптике он сохранил до конца дней своих. Вы не могли сделать ему лучшего подарка, нежели мощный бинокль или какая-нибудь особенная подзорная труба.

И еще Борис о брате:

Из: БНС. Вопросы и ответы

БН: Он очень любил мне рассказывать истории разные. Он и его друг Игорь Ашмарин, сейчас

очень крупный медик, военный медик, генерал Чума, как его Аркаша называл. Эти два дружка, они собирались вместе, брали меня, вернее, разрешали мне присутствовать во время своих бесед, фантазий, разговоров, выдумок. Они тогда сочиняли всевозможные истории, некоторые из них потом Аркадий Натанович переносил на бумагу.

Михаил Шавшин: А генерал Чума — это не прототип одного из героев в «Поиске предназначения»?

БН: Ашмарин?

М. Ш.: Да.

БН: Ну, в известном смысле — да. В каком-то смысле. Дело в том, что Виконт — это фигура сборная. И главный прототип там — мой друг Боря Громов... Главный прототип. Нет, даже так — главный прототип — Володька Луконин по прозвищу Виконт. В общем Виконт — это смесь Бори Громова, биолога, Володи Луконина, археолога, и, в какой-то степени, Игоря Ашмарина. В какой-то степени... Эта его секретность, скрытность...

К перечисленным прототипам мы еще вернемся. Они придут позже — в жизнь АБС и, соответственно, в наше описание. Но пока запомним это отношение между братьями — старшим и младшим, — с тем чтобы потом проследить,

как оно менялось.

Из: БНС. Нам всегда хватало славы

Был царь, бог, командир, полководец, орел, великий и могучий утес — Аркадий. И был маленький, преданный, готовый и согласный на все ради старшего, покорный, никогда не бунтующий младший брат Борис. Младший брат звал старшего «Аркашенька», старший брат звал младшего «Барбос». У Аркадия были прекрасные друзья. Часто они собирались в маленькой Аркашиной комнате, вели там таинственные разговоры. А младший в это время скребся тихонько одним пальцем в дверь и говорил тоненьким голоском: «Аркашенька, можно?» Иногда его туда допускали.

Военные годы

Война не проходит по человеческой жизни бесследно. Она перепахивает ее, оставляя глубокий рубец, а то и ломает — и мы видим, сколь велика разница: таким вот человек был ДО, и совершенно другим стал ПОСЛЕ. У АБС война пришлась на период взросления: Аркадия — с 16 до 20 лет, Бориса — с 8 до 12. Аркадия война зацепила больше (смерть отца, одиночество, скитания по стране), Бориса меньше (все-таки он был постоянно вместе с мамой, да и как он сам признавался, та же блокада не воспринималась им во всей серьезности — слишком был мал). Какими бы они были, не случись войны? История не любит сослагательного наклонения. История отдельной личности, вероятно, — тоже.

Но вот что примечательно. Как во время периода становления писателей, так и в период расцвета их творчества, они избегали воспоминаний о войне — не о войне вообще, а своих, личных воспоминаний. Такие памятные зарисовки можно перечесть по пальцам. К примеру:

ХС: «В одну зимнюю ночь сорок первого года,

когда я во время воздушной тревоги возвращался домой из гранатных мастерских, бомба попала в деревянный дом у меня за спиной. Меня подняло в воздух, плавно перенесло через железные пики садовой ограды и аккуратно положило на обе лопатки в глубокий сугроб, и я лицом к черному небу лежал и с тупым изумлением глядел, как медленно и важно, подобно кораблям, проплывают надо мной горящие бревна».

ПИП: «Вот эту последнюю мысль я машинально додумал, уже лежа на спине, а в сером небе надо мной, как странные птицы, летели какие-то горящие клочья. Ни выстрела, ни взрыва я не услышал, а сейчас и вообще ничего не слышал. Оглох».

УНС: «Так меня в окно вынесло, плавно так, будто на волне. Моргнуть не успел, сижу в сугробе, а надо мной балки горящие проплывают...»

Этой конкретной зарисовке БН дал пояснение: «„Проплывающие бревна“ и многое другое — из пересказа реального события с АНом осенью 1941 года, когда неподалеку от него разорвалась бомба. Все, конечно, в разных текстах перерабатывалось по-разному».

Но более обширные и конкретные воспоминания появляются у АБС только в позднем периоде

творчества, причем — в произведениях, написанных раздельно. У Ярославцева в ДСЛ (детдомовское детство Кима) и у Витицкого в ПП («Счастливый Мальчик»). Почему отдельно — можно понять, ибо в том возрасте, в котором находились АБС, и восприятие было различным, и случившееся — тоже. Но вот почему столь долго (сорок с лишним лет) они об этом молчали? И почему почти одновременно вдруг решили вставить воспоминания о своей военной жизни в свои произведения? Загадка творчества...

Но воспоминаний о военных годах в публицистике АБС немало.

Из: БНС. Комментарии

АН. Началась война, город осадили немцы и финны. Аркадий участвовал в строительстве оборонительных сооружений, затем, осенью и в начале зимы 41-го года, работал в мастерских, где производились ручные гранаты.

Из: БНС. Без напарника

Блокаду я помню, но смутно. Хорошо помню бомбежки, и как вылетели все стекла в большой комнате от взрывной волны. В ту комнату поло-

жили зашитую в саван бабушку, папину маму, когда она умерла в начале января. Там стоял мороз, как на улице, и тело лежало на диване две недели, пока не пришел из ополчения отец, и они с Аркадием унесли тело в соседний двор, где умерших складывали в штабеля...

Мы были обречены. Только мама работала и получала рабочую карточку. Остальные были «иждивенцы». Осень мы протянули, потому что ели кошек: отец с Аркадием их ловили, отец убивал их в ванной и разделывал. Тринадцать кошек. Последним был микроскопический котенок, который был так голоден, что бросался на протянутую руку и пытался грызть пальцы...

Из: БНС. Большая Стругацкая энциклопедия

У нас была прекрасная, по тем временам, библиотека. Помню, как во время блокады я читал «Войну миров» Уэллса. У меня от блокады не много осталось воспоминаний такого рода. Но это сохранилось.

Из: БНС. Фантасты — отнюдь не оракулы

Какой из новогодних праздников Вам больше всего запомнился?

— Ничего такого уж особенного не могу вспомнить. Кроме, пожалуй, 31 декабря 1941 года. Это была блокада. Мама водила меня на утренник в какой-то ДК, там хор пел песню «Идет состав за составом...» (про героического железнодорожника, обезвредившего врагов народа — диверсантов), и всем детям выдавали подарки — пакетик с двумя пряниками каменной консистенции. Ничего вкуснее этих пряников я никогда в жизни больше не ел, и до сих пор (к большому удивлению знакомых и друзей) предпочитаю хорошо «выдержанные» пряники свежим.

Из: БНС. Вопросы и ответы

М. Ш.: «Блокадный мальчик» — это Ваши впечатления?

БН: Да. Абсолютно. Это, конечно, абсолютно. Ну, то есть там на восемьдесят процентов — это то, что я пережил лично, а на двадцать процентов — это то, что я слышал от родных, от знакомых, от приятелей своих.

М Ш.: Тяжелые впечатления настолько запомнились, что даже вообще-то и выдумывать ничего не надо было?

БН: Да, там очень мало выдумано. Всё, что там написано насчет блокады — это всё на самом

деле имело место, только интерпретация другая. Вот случай с этим человеком с топором — это история, которую рассказывал Аркадий Натанович, с ним была такая же история.

М. Ш.: Здесь?

БН: Да, здесь. В Ленинграде. В блокаду. Людоедство было. Так что это тоже не выдумано, только я интерпретацию фантастическую дал. Словом, я там почти ничего не придумывал. Даже не почти, а просто ничего. Я считаю, что когда речь идет о таких явлениях, как блокада, выдумывать нельзя.

БНС. Офлайн-интервью 08.03.99

Амалия Михайловна — совершенно реальная женщина, и судьба ее описана правдиво, и то, что она спасла жизнь умиравшему от кровавого поноса Счастливому Мальчику — тоже правда, но вот почему ее на самом деле выпустили из Большого Дома (чудо!) — это так и осталось загадкой.

Наверное, для того, чтобы она напоила меня бактериофагом.

БНС. Офлайн-интервью 26.06.01

ПП. По воспоминаниям мальчика. Он вспомина-

ет женщину — продавца хлеба. Сытая, с круглым лицом (по моему впечатлению), когда остальные «обтянуты кожей». Это Ваши личные воспоминания? Если нет, то, может, это неправда. Не верится в это.

Олег. Владимир, Россия

К сожалению, это правда. Я видел это и запомнил хорошо. Я не понимал тогда, конечно, что это означает, но впечатление было настолько ярким и необычным, а мама вела себя с этой Фросей так униженно и странно, что я ничего не забыл и помню всё это даже шестьдесят лет спустя. Это было. «Кому война, а кому мать родна».

БНС. Офлайн-интервью 09.01.00

Не выходит из головы сцена из ПП, которую увидела Амалия Михайловна в «Большом Доме» — ну зачем там человек шкаф целовал?!? Это что, пытка такая изощренная, или сцена создана для создания соответствующего ощущения ужаса и безысходности у читателя?

Виктор Павленко. Армавир, Россия

Вряд ли я сумею ответить на этот вопрос. Сценка взята из реальности. Амалия Михайловна рассказывала об этом моей маме, а мама — мне (несколькими годами позже, когда я уже вырос).

Скорее всего, этот несчастный просто сошел с ума. А может быть (эта мысль пришла мне в голову, когда я уже писал книгу), Амалия Михайловна со страху не разобралась в ситуации: человек стоял, как его поставили, лицом к шкафу, но поскольку был он уже слаб и ноги его плохо держали, он шатался вперед-назад от слабости и тыкался лицом в шкаф, стараясь удержать равновесие. А вообще-то — все может быть. Все могло быть в этом страшном мире. Все, что угодно.

Из: БНС. Комментарии

АН. Между тем положение в осажденном городе ухудшалось. К авиационным налетам и бомбардировкам из сверхтяжелых мортир прибавилось самое худшее испытание: лютый голод. Мать и Борис кое-как еще держались, а отец и Аркадий к середине января 42-го были на грани смерти от дистрофии. В отчаянии мать, работавшая тогда в районном исполкоме, всунула мужа и старшего сына в один из первых эшелонов на только что открытую «Дорогу Жизни» через лед Ладожского озера.

БН. Это было не совсем так. Тогдашняя мамина работа в Выборгском райжилотделе здесь совсем ни при чем. Просто открылась возможность

уехать вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки, которые не успели эвакуироваться вместе с библиотекой еще осенью в город Мелекесс. В семье считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому заранее решено было разделиться. Все произошло внезапно. «...Паровоз был уже под парами, — пишет мама. — Когда я вернулась с работы, их уже не было. Один Боренька сидел в темноте в страхе и в голоде...» Мне кажется, я запомнил минуту расставания: большой отец, в гимнастерке и с черной бородой, за спиной его, смутной тенью, Аркадий, и последние слова: «Передай маме, что ждать мы не могли...» Или что-то в этом роде.

Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 граммов хлеба, 150 «граммов жиров» да 200 «граммов сахара и кондитерских изделий»). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады. Они уехали и исчезли, как нам казалось тогда, — навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в Мелекесс, в апреле 42-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная как война: «НАТАН СТРУГАЦКИЙ

МЕЛЕКЕСС НЕ ПРИБЫЛ». Это означало смерть. (Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке — сухие глаза ее, страшные и словно слепые.) Но 1 августа 42-го в квартиру напротив, где до войны жил школьный дружок АНа, пришло вдруг письмо из райцентра Ташла, Чкаловской области. Само это письмо не сохранилось, но сохранился список с его, который мама сделала в тот же день.

> «Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошел, или, вернее, прополз через такой ад, о котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода. <...> Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы — последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходился в два часа, мы же, голодные и замерзшие до невозможности, приехали туда только через полтора суток. [Позволю себе напомнить: эвакуация шла в дачных, неотопляемых вагонах, температура же в те дни не поднималась выше 25 граду-

сов мороза. — Прим. БНС.] Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно окоченел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофер ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофер, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30). Чтобы облегчить машину, шофер велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. Жихарево — первая заозерная станция. Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакопункта совершал огромное преступление — выдавал каждому эва-

куированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинулись на еду, и когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг бараков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке или, вернее, холодушке было человек 30. Хотя печка была, но не было дров. <...> Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни, как кошмар. Мы с отцом примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3–4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7-го, не то 8-го февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загроможденным длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют

непрерывные ряды составов. Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал — напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала. <...> Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку <...>».

Ему, шестнадцатилетнему дистрофику, еще предстояло тащиться через всю страну, до города Чкалова — двадцать дней в измученной, потерявшей облик человеческий, битой-перебитой толпе

эвакуированных («выковыренных», как их тогда звали по России). Об этом куске своей жизни он мне никогда и ничего не рассказывал.

В другой публикации БН рассказывает о скитаниях АНа несколько по-другому.

Из: БНС. Мордовия для меня — это Потьма

Из госпиталя брата направили в детский дом. Тут начались его приключения, о которых он никогда мне не рассказывал. Мне приходилось сталкиваться с детдомовцами военного времени, и я догадываюсь, почему он не любил вспоминать этот период.

Детский дом, куда попал АН, и детский дом, описываемый в ДСЛ, — насколько соответствует одно другому? Неизвестно.

Из: БНС. Без напарника

В конце концов Аркадия занесло аж в Оренбург (тогда — Чкалов), и там его как человека большой грамотности (девять классов кончил, в Ленинграде!) направили начальником так называемого «маслопрома» в районный центр Ташла. «Маслопром» — это был приемный пункт, куда местное население должно было сдавать

(по-моему, бесплатно) молоко, а в обязанности начальника входило молоко это пропускать через сепаратор, а образующиеся сливки регулярно отправлять в город. Нашли кому поручить это дело — вчерашнему блокаднику, вечно голодному парнишке шестнадцати лет! Он это молоко пил, сливки обменивал на хлеб и печеную тыкву, проворовался вчистую. Не знаю, чем бы все это кончилось — в военное-то время!.. Но тут одно из бесчисленных писем, которые он слал матери в Ленинград, дошло-таки — правда, не до матери, а до соседки нашей по лестничной площадке...

Из: БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда!

Аркадий вместе с отцом эвакуировался в самом конце января 42-го года по ледовой Дороге Жизни, чудом выжил, потерял отца, сделался беспризорником, мотался по стране, оказался, в конце концов, в райцентре Ташла Чкаловской области, откуда слал письмо за письмом в блокированный Ленинград — маме, школьным друзьям, соседям, а письма не доходили, исчезали одно за другим, пока одно, наконец, не дошло (не к маме — к соседям по лестничной площадке), и мама немедленно собралась и, прихватив с собою младшего,

кинулась спасать старшего. (Это был уже конец августа 1942 года, эвакуация шла через Ладожское озеро по воде на каких-то немыслимых баржах, а в небе висели немецкие самолеты и делали с этими баржами все, что им хотелось.)

Письмо, пришедшее к соседям, семье одноклассника АНа Ашмарина, это, вероятно, и есть то письмо, которое БН цитировал выше. Но в архиве БНа сохранилось еще одно письмо АНа — одно из тех, что писал он в осажденный Ленинград, не зная, живы ли там его родные.

Солдатский «треугольник». На нем адреса: город Ленинград, проспект Карла Маркса, дом 4, кв. 16, Стругацкой А. И. // Чкаловская обл., Ташлинский район, п. совхоз им. Калинина, ферма № 3. Стругацкому А. Н.

Письмо Аркадия матери и брату, 27 июня 1942, Ташла — Л.

Дорогая мамочка и братишка.

Пишу вам четвертое письмо без всякой надежды на то, что вы его получите. Я от вас писем не получал и не знаю, живы ли вы, или просто мои письма до вас не дошли. Повторяю уже четвертый раз — отец мой и Борин и твой муж, мама, умер в Вологде, и четвертый раз мне становится трудно

дышать от слез. А плакать я почти разучился, так как прошел через такой ад, о котором прежде не имел представления.

Я сейчас в Чкаловской обл., в Калининском совхозе, работаю маслопромом и имею дело с огромными количествами молока, сливок и масла. Если бы вы приехали ко мне! В Вологде, пока я лежал в больнице, пропали почти все наши вещи и сейчас я имею то, что ношу на себе. Жизнь здесь неплохая, хотя белых булок и сахара нет и следа (помнишь, как нам врали об этом в Выборгском райсовете). Хлеба, картошки, молока и молочных продуктов ем вволю. Очень хочу, чтобы вы были бы здесь, со мной. Мама, милая моя, если я до сентября не получу от вас известий, то буду считать вас умершими и отправлюсь добровольцем на фронт. Жить, не увидев больше тебя и Бориса, я не могу. Писать тебе я буду теперь через каждые 10 дней и с нетерпением жду твоего ответа. Получив твой ответ, напишу подробно, как выехать, куда ехать и что с собой взять.

Целую тебя крепко-крепко, и Боречку тоже, даже если вас нет в живых.

До свидания, остаюсь твой преданный сын и Борькин любящий брат Аркадий.

Из: БНС. Без напарника

В августе 42-го мы выехали и в середине сентября были уже и Ташле. Мама распродала все, что привезла с собою, покрыла недостачу и сама стала заведывать этим маслопромом. Она была человеком поразительного жизнелюбия и энергии. Никогда не сдавалась, никакого труда не боялась и была талантлива во всем, за что бралась. Она и на маслопроме этом освоилась моментально, стала делать какую-то особенную брынзу, получила звание мастера-брынзодела, а брынзу эту специальным транспортом вывозили в Чкалов — начальству кушать...

Из: БНС: «Не люблю литературу, которая уводит от реальности»

— Роман «Хромая судьба» начинается — в числе прочих — фразой: «Москву заносило, как богом забытый полустанок где-нибудь под Актюбинском». Эта географическая «сноска» — результат какого-то личного опыта? Кстати — вашего или Аркадия?

— Хороший пример. Совершенно не помню, кто мог предложить эту фразу. Дело в том, что в

тех краях мы бывали с Аркадием оба. Аркадий во время войны учился в актюбинской минометной школе. Я — «по соседству», в Оренбуржье, в городе, который назывался тогда Чкалов. Если глядеть из Петербурга, то эти области оказываются практически рядом — каких-нибудь пятьсот километров. Так что образ маленького городка, заносимого снегом, был близок нам с братом обоим.

БНС. Офлайн-интервью 13.03.99

Мы жили в районном центре Ташла. Это было огромное село, несколько сотен домов на высоком берегу реки Ташолки. Я часто вижу эти места во сне, но назвать дом, в котором мы жили… нет, это не в моих силах, не помню. И имен хозяев не помню. Впрочем, это были старые люди, их давно уже нет в живых.

БНС. Офлайн-интервью 17.09.05

Учились ли Вы в Ташлинской школе?
Фаина. Ташла, Россия
Да, учился, в третьем классе (1942–43 гг.).
<…>
АНС закончил десятилетку именно в Ташле. И

сразу после этого ушел в армию.

Из: БНС: «Чудо — это ловкость рук либо ошибка эксперимента»

В селе Ташла, где научился плавать, я тонул. Когда лодка перевернулась, меня вытащили дружки.

Там же, в Ташле (это было во время эвакуации), у меня была обязанность — таскать корм свиньям, которые (одна наша, одна соседская) жили в глубокой яме, оставшейся от старого ледника. Я спускался дважды в день в эту яму с ведром, выливал корм в лохань. Пока свиньи были поросятами, все было ничего. Но потом они вымахали до размеров угрожающих и в один прекрасный день сцапали меня — одна за штанину, а другая за ногу, и я (хилый, послеблокадный десятилетний парнишка), напугавшись, еле отбился от них пустым ведром. Потом я не раз читал и слышал об аналогичных случаях с другими людьми, — случаях, кончавшихся гораздо более трагически, и все эти рассказы были мне очень близки и понятны.

При уточнении этого вопроса БН добавил: «Интересно, что я совсем не помню, что же было потом. Продолжал я их после этого кормить

или забастовал? Вряд ли я пожаловался маме (это у нас было не принято), так что кормить продолжал, скорее всего, и дальше, но — с осторожностью!»

Из: БНС. Больной вопрос

Время действия — сентябрь 1942. Место действия — средняя школа районного центра Ташла Чкаловской области. Из-за войны и блокады мальчик пропустил второй класс и, оказавшись в эвакуации, был отдан сразу в третий. Он впервые пришел в эту школу и, как и всякий новичок, встречен был радостным воем и клекотом свире-по-веселой толпы новых своих однокашников.

Ташла — гигантское село, несколько сотен мазанок, распространившихся вдоль речки Ташолки, по правому ее берегу. Половина населения — ссыльно-переселенцы из кулаков, другая половина — татары. Нравы — патриархальные. Любовь к советской власти такова, что в начале Сталинградской битвы, когда чашки весов застыли в томительной неопределенности, в дверях райсовета, по слухам, установлен был, в качестве предостережения, пулемет «максим» — рылом на площадь.

Впрочем, все это не суть важно. По-моему, во

всех школах СССР в те годы существовал единый ритуал встречи новичка, хотя, разумеется, в каждой школе — со своими нюансами. Мне кажется иногда, что школьники младших классов тогдашнего Союза прилежно изучали «Очерки бурсы» Помяловского и с удовольствием брали оттуда на вооружение те или иные приемы.

В Ташлинской школе нюанс был такой: «А ну скажи «На горе Арарат растет красный виноград»!» — требовали у меня беспощадные личности, окружившие и стиснувшие меня. «А ну скажи «кукуруза»!!!» — вопили они, нехорошо ухмыляясь, подталкивая друг друга локтями и аж подпрыгивая в ожидании развлечения...

Я ничего не понимал. Было ясно, что тут какой-то подвох, но я не понимал, какой именно. Я просто не знал еще тогда, что ни один еврей не способен правильно произнести букву «р», он обязательно отвратительно скартавит и скажет «кукугуза». Я же воображал, помнится, что едва я, дурак, скажу «кукуруза», как мне тут же с торжеством завопят что-нибудь вроде: «А вот тебе в пузо!!!» — и радостно врежут в поддых. «А ну скажи!!! — наседали на меня. — Ага, боится!.. А ну говори!..»

Я сказал им про Арарат. Наступила относи-

тельная тишина. На лицах истязателей моих явственно проступило недоумение. «А ну скажи «кукуруза»...» Я собрался с духом и сказал. «Кукугуза...» — неуверенно скартавил кто-то, но прозвучало это неубедительно: было уже ясно, что удовольствие я людям каким-то образом испортил. Мне дали пару раз под зад, оторвали пуговицу на курточке и разочарованно отпустили жить дальше. Я по-прежнему ничего не понимал.

После уроков небольшая группа любителей подстерегла меня на крутом берегу Ташолки и устроила стандартную выволочку — уже не как еврею, а просто как новенькому да еще вдобавок городскому. Я разбил в кровь нос Борьке Трунову (совсем того не желая), это вновь нарушило отлаженную программу, так что меня вчетвером отвалтузили без всякого энтузиазма, и я, маменькин сынок, гогочка, рыдая от людской несправедливости, отправился домой. Еврейский вопрос ни на данной стадии знакомства, ни в дальнейшем более не поднимался.

Впоследствии все мы, естественно, подружились. Борька Трунов стал вообще моим главным дружком — у него я учился небрежно ругаться матом, элегантно плевать сквозь зубы и выливать

сусликов. Я был принят в русские и с презрением, хотя и без настоящей неприязни, глядел на единственного подлинного еврея в классе, — тоже Борю, тоже эвакуированного, тоже городского, но совсем уже жалкого заморыша, сморщенного какого-то, перекошенного и не способного правильно сказать «кукуруза». Я глядел на него с презрением, но иногда какой-то холодок вдруг пробирал меня до костей, какое-то странное чувство — то ли вины, то ли стыда — возникало, и непонятно было, что делать с этим холодком и с этим стыдом, и хотелось, чтобы этого жалкого Бори не было бы в поле зрения вообще, — мир без него был гораздо проще, яснее, беззаботнее, а значит — лучше.

Не помню, встречался ли я в Ташле с антисемитизмом взрослых. Видимо, нет. Но с меня вполне хватило и школьного антисемитизма. Это, правда, был какой-то путаный антисемитизм. Во-первых, мальчишки совершенно искренне считали, что все евреи живут в городе, из чего делали восхищающий своей логичностью вывод: все, кто из города, — евреи. Во-вторых, они совершенно не могли связно объяснить мне, почему еврей — это плохо. Они и сами этого толком не знали. Самое убедительное, что я услышал от

них, было: евреи Христа распяли. Ну и что? А ничего. Гады они, и все. К сожалению, я не помню в деталях этих наших этнологических бесед (на сеновале, в пристройке высоченного Труновского дома, и на базу4 у них же, на соломе, под ласковым весенним солнышком). Помню только, что я ни в коем случае не оспаривал основного тезиса — все евреи гады, — я только страстно хотел понять, почему это так?

БНС. Офлайн-интервью 14.02.07

— На вопрос ташлинских краеведов от 28 августа 2005 года о пребывании в Ташле Вы упомянули:

«Потом-то мы, конечно, подружились и все лето 1943-го провели в невинных совместных забавах, вроде купания в Ташолке и отливания сусликов в степи».

Не знаю, что Вы имели в виду — «отливали» или «отЛАВливали» — что скорее всего, но я сразу вспомнил: мать моего деда по материнской линии в голодную военную годину спасала от голода свою семью тем, что охотилась на сусликов, и вот каким способом: шла с ведром воды в алтайские просторы, заливала норку, и грызун, спасаясь от потопа, стремился к выходу, где он получал

поленом по башке. У бабушки получалось 2 кг мяса. Мясо сусликов было белым и сочным — они ведь родня кроликов.

Какими методами Вы отлавливали сусликов (уж не бабушкиным ли способом?)

тах. Тюмень, Россия

БН: Именно бабушкиным способом мы их и отлавливали. У нас это называлось «ВЫЛИВАТЬ СУСЛИКОВ» — у ташлинских краеведов опечатка. Шла по голой степи толпа молодежи (от семи до четырнадцати лет), волоклись (от самой реки) ведра с водой, вожак указывал, куда лить, ведра опрокидывались, и несчастный суслик, мокрый и жалкий, торопливо выбирался на поверхность, где его и хватали опытные руки... Тут я неизменно отворачивался, ибо сердце мое разрывалось от жалости.

— Ваша охота на сусликов тоже служила восполнению недостатка в белках животного происхождения и большой фантаст Б. Н. Стругацкий практически на сусликах вскормлен? Или это была «трофейная» охота, где цель — шкура, хвост да уши, а особый шик после — бросить в супротивника черепом зверя?

БН: Это было всего лишь развлечение, жестокое, но вполне бескорыстное. Кому доставались

тушки и шкурки, представления не имею. Меня это не интересовало.

Из: БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда!

В 43-м Аркадия (прямо из Ташлы) призвали в армию, послали в Актюбинское минометное училище, откуда за месяц до выпуска выдернули в Москву — учиться в Военном институте иностранных языков. (По всем краткосрочным военным курсам и училищам ездил весной 43-го некий полковник — собирал выпускников, задавал курсантам тему сочинения, а потом отбирал тех, кто мало-мальски справился. Так Аркадий в очередной раз спасся от неминуемой гибели — он и еще один паренек отправлены были в Москву, а все остальное училище тем же летом полегло на Курской дуге в полном составе.)

За следующие два десятка лет сохранились только письма АНа к брату. От БНа — за это время уцелело только пять писем. Что вполне естественно: дома письма сохранить много легче, чем в трудной войсковой жизни АНа.

Начало следующего письма не сохранилось. Снова солдатский «треугольник». На нем адреса: «Чкаловская обл. Ташлинский р-н, с. Ташла, Со-

ветская ул., д. 77. Стругацкому Борису // КазССР, г. Актюбинск, в/ч 4885, курсанту Стругацкому». Еще на этой же стороне письма в верхней части список в две колонки — фамилия и число иногда с обозначением «л» или «лит.». Почерк явно детский, некоторые фамилии написаны со строчной буквы. Объяснение БНа: «Вероятно, я записывал, сколько молока (замещая маму) принял у населения».

Письмо Аркадия брату, 19 мая 1943, Актюбинск — Ташла

<...>ться к тебе. Я жив и здоров, все у меня в порядке, как ты знаешь из моих обычных писем, так что о себе я писать тебе особенно не буду. Мне очень хочется увидеться с тобой, мы бы вместе писали повесть о ваших похождениях в Ленинграде. Напиши мне подробнее, как у тебя идет работа над повестью и по какому плану.

Еще вот что. Мама написала мне, что ты получил «хорошо» по поведению. Говорю тебе как брату и другу: чтобы этого больше не было. Если бы это касалось только тебя, то наплевать, я знаю, как хочется болтать и бузить такому шпендрику, как ты. Но ведь ты огорчаешь маму, а мама у нас самое дорогое, что есть на свете, ее нужно беречь.

Я тебе маму доверил и думаю, ты сохранишь ее мне. Помогай ей всеми силами. Ну ладно. Напиши мне, с кем ты дружишь, с кем дерешься, как учишься. Смотри, в четвертый класс ты должен перейти на круглых пятерках, иначе и быть не может.

Вот пока и все. Пиши мне письма с рисунками. Пиши, как чувствует себя мама. Твой друг и любящий брат Аркадий.

Из: БНС. Нам всегда хватало славы

Аркадий мечтал стать астрономом и физиком. Но он был призван в 43-м году и отправлен в Актюбинское минометное училище. Он должен был летом выйти из этого училища и вместе с сотней других молодых парней отправиться на Курскую дугу. Там они все и полегли. Но буквально за неделю до выпуска приехала комиссия из Москвы, которая отбирала более или менее интеллигентных грамотных ребят для открывающегося института военных переводчиков. Всю сотню посадили, заставили писать диктант или изложение. Тех, кто написал лучше всех, — Аркадия и еще одного парня — отправили в Москву. Так он спасся от смерти, но определил свое будущее — закончил институт по специальности

«переводчик с японского и английского».

Из: АНС. Мы — оптимисты!

Но... каким студентом я был? Безобразным...

В Военном институте иностранных языков у нас были блестящие преподаватели. Например, академик Конрад, тогда еще «будущий», и другие крупные светила...

Нам всем очень не хватало культуры, хоть из нас и готовили штабных офицеров со знанием языка. А это неизбежно подразумевает какую-то культурную подготовку. Всему этому пришлось набираться после окончания института в самостоятельном порядке.

Мне, молодому идиоту — страшно вспомнить! — было тогда непонятно, зачем нам преподают историю мировой литературы, историю японской культуры, те области языка, которые связаны с архаическим его использованием.

Сейчас, когда старость глядит в глаза, понимаю, что как раз это и было самым важным и интересным. А тогда...

До сих пор приходится забивать прорехи, а прорехи ужасающие...

Вот для чего, видимо, нужен студенту первоначальный культурный багаж: чтобы не относиться

с пренебрежением к тому, чего не понимаешь, и, как следствие, — не халтурить, когда занимаешься предметами, применение которых тебе непонятно.

Из: БНС. Больной вопрос

В четвертом классе (1943/44) я учился в Москве. Об этом времени у меня почему-то не осталось никаких воспоминаний. Кроме одного ...Какие-то жуткие задворки. Над головой грохочут поезда метро — там проходит надземный участок. Мы с приятелем роемся в гигантской горе металлических колпачков от пивных и лимонадных бутылок — почему-то здесь их скопилось неописуемо много, и мы чувствуем себя сказочными богачами (совершенно не помню, как тогда использовались в нашей компании эти колпачки). И вот мой приятель вдруг объявляет мне (с нехорошей усмешкой), что я — еврей. Я потрясен. Это — неспровоцированное, совершенно неожиданное и необъяснимое нападение из-за угла. «Почему?» — спрашиваю я тупо. Колпачки более не интересуют меня — я в нокдауне. «Потому что Стругацкий! — объявляет мне мой приятель. — Раз кончается на «ский», — значит еврей». Я молчу, потеряв дар речи. Такого удара

я не ожидал. Оказывается, сама фамилия моя несет в себе отраву. Потом меня осеняет: «А как же Маяковский?» — спрашиваю я в отчаянии. «Еврей!» — отвечает дружок решительно, но я вижу, что эта решительность — показная. «А Островский? — наседаю я, приободрившись. (Я начитанный мальчик.) — А другой Островский? Который пьесы писал?..»

Не помню, чем закончился этот замечательный диалог. Вполне допускаю, что мне удалось пошатнуть твердокаменные убеждения моего оппонента. Но мне не удалось убедить самого себя: отныне я знал, что скрыть свое окаянство мне не удастся уже никогда — я был на «ский».

На наш вопрос (Позволено было начать возвращение из эвакуации? Но ведь блокада Ленинграда еще не была прорвана?) БНС ответил так: «Мама очень хорошо понимала, что мы рискуем застрять в Ташле навсегда. И в конце 43-го добилась в Чкалове (за взятку, естественно) справки о том, что больна и требуется срочное лечение в Москве. По этой справке удалось приехать в Москву, где мы целый почти год прожили у тети Мани (маминой сестры). Я кончил там 4-й класс. АН, конечно, тоже был в это время в Москве, но я совсем его там не помню. Я вообще плохо помню

Москву 43–44 гг. — так, отдельные кадры. А в конце лета 44-го мы уже в Ленинграде. Огромный пустой город. Дома совсем без жителей. Дыры от снарядов в стенах. Какие-то затопленные баржи в Малой Неве. И совсем нет детей. Только осенью они откуда-то вдруг появились...»

И вот письмо уже с привычным направлением: из Москвы в Ленинград, от АНа БНу, но до постоянного проживания АНа в Москве было еще далеко...

Еще один солдатский «треугольник». На нем адреса: «Ленинград, пр. Карла Маркса, дом 4, кв. 16. Стругацкому Б. Н. // Москва 28 до востребования. Стругацкому А. Н.» Сбоку от адреса печать с гербом и надписью: «ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой 15413».

Письмо Аркадия брату, 22 августа 1944, М. — Л.

Здравствуй, Бебка!

Пишу коротко: мне не нравится твое поведение. Ты много читаешь и мало живешь. Я пишу тебе в надежде, что ты еще не совсем отбился от рук. Прежде всего, я приказываю тебе выполнять режим дня, который будет установлен для тебя мамой, выполнять все, касающееся питания, сна и гуляния. Не будешь выполнять — покараю по

законам военного времени, выполнишь — дарю тебе свою подзорную трубу, ту, медную. И не думай, что если я получил тройку, то это означает мое падение. Ничего это не означает, и ты в этом убедишься. И еще, пиши мне, иначе буду обижаться, вот сейчас сядь и пиши. Ну, всего. Целую, твой Аркадий.

И опять солдатский «треугольник» из Москвы в Ленинград. И опять сбоку печать с гербом: «ПРОСМОТРЕНО Военной Цензурой 17092».

Письмо Аркадия брату, 6 октября 1944, М. — Л.

Здравствуй, дорогой братишка!

Прости, что не ответил на твое письмо сразу. Замотался здесь с квартирой, девушки пишут, совсем обалдел. А тут еще начался учебный год. Осторожно, исподволь вступаю в бой с этой страшной гарпией — японским языком. Читаю сейчас хорошую книгу «Дорога на Океан»5. Тебе ее всю читать рано, но отдельные главы, где описываются будущие войны, ты можешь прочесть. Эти главы — я, впрочем, помню одну: «Мы проходим через войну» и еще другая, раньше этой — описывают последние сражения Советских Республик с мировым капиталом. Это очень интересно, обязательно прочти.

Опять и опять, конечно, повторяю тебе: учись только на отлично. Береги маму — ну, это ты и сам хорошо знаешь, но главное — береги маму. Я тебя очень люблю, но если что-либо с ней случится по твоей вине — я никогда не подам тебе руки. Но это, конечно, пустое, ты слишком хороший сын и брат.

Ну, крепко жму руки, крепко целую, твой Аркаша.

Интересно упоминание в письме книги Леонова.

Из: АБС. Черновик статьи «Литература — жизнь моя»

Первая встреча с книгой. В наше интересное время она происходит порой при весьма странных обстоятельствах. Рассказывает А. Стругацкий:

— Осенью сорок третьего года[6] мне случилось заступить на пост часовым у порога разгромленной библиотеки. Шел дождь, смеркалось, в грудах книг возились крысы. Крыс я терпеть не мог и боялся, и с омерзением ткнул прикладом в ближайшую груду. Растрепанный томик без обложки, без начала и без конца скатился к моим ногам. Я поднял его, чтобы зашвырнуть обратно,

но тут какая-то фраза зацепила мое внимание. Я поднес к глазам испачканную страницу, «...на берег со дна залива поползли танки и, еще наполовину в воде, открывали огонь. Громыхая гусеницами, шаря впереди себя причальными крючьями... Хотя иные из них не останавливались и после нескольких попаданий, первая фаланга была смята артиллерийским огнем... Его, вставшего на хвост, расстреляли в упор, но никого внутри не оказалось, кроме исковерканных механизмов... Прошли четвертая и пятая волны танков, и все еще не было известно, сколько их прячется на дне залива...» Эти строки поразили меня. Кто-то задолго до этой гигантской войны сумел чудодейственно предугадать ее сокровенную суть! Так я впервые встретился с романом Л. Леонова «Дорога на Океан», ставшим впоследствии одной из самых моих любимых книг. Между прочим, для меня самым сильным образом Коммуниста в литературе до сих пор остается леоновский Курилов, начальник политотдела транссибирской магистрали и профессиональный революционер...

Насколько сильно было впечатление АНа от «Дороги на Океан», можно судить и по большому количеству цитат из нее в книгах АБС всех перио-

дов творчества — от «Страны багровых туч» до «Дьявола среди людей».

Послеблокадный Ленинград БН описывал выше, но есть еще одно его воспоминание того времени.

Из: БНС. Больной вопрос

Уже в Ленинграде в пятом или шестом классе я обнаружил вдруг, что у меня есть отчество. Вдруг пошла по классу мода — писать на тетрадке: «...по литературе ученика 6-а класса Батурина Сергея Андреевича». Но я-то был не Андреевич. И не Петрович. Я был Натанович. Раньше мне и в голову не вступало, что я Натанович. И вот пришло, видно, время об этом задуматься.

В нашей школе антисемитизм никогда не поднимался до сколько-нибудь опасного градуса. Это был обычный, умеренный, вялотекущий антисемитизм. Однако же, быть евреем не рекомендовалось. Это был грех. Он ни в какое сравнение, разумеется, не шел с грехом ябедничества или, скажем, чистоплюйства любого рода. Но и ничего хорошего в еврействе не было и быть не могло. По своей отвратительности еврей уступал, конечно, гогочке, который осмелился явиться в класс в новой куртке, но заметно превосходил, скажем,

нормального битого отличника. Новую куртку нетрудно было превратить в старую — этим с азартом занимался весь класс, клеймо же еврея было несмываемо. Это клеймо делало человека парией. Навсегда. И я стал Николаевичем.

«...по арифметике... ученика 6-а класса Стругацкого Бориса Николаевича...» Мне кажется, я испытывал стыд, выводя это на тетрадке. Но страх был сильнее стыда. Не страх быть побитым или оскорбленным, нет, — страх оказаться изгоем, человеком второго сорта.

Потом мама моя обнаружила мое предательство. Бедная моя мама! Страшно и представить себе, что должна она была почувствовать тогда — какой ужас, какое отвращение, какую беспомощность! Особенно, если вспомнить, что она любила моего отца всю свою жизнь, и всю жизнь оставалась верна его памяти. Что она вышла замуж за Натана Стругацкого вопреки воле своего отца, человека крутого и по-старинному твердокаменного — он не колеблясь проклял свою любимую младшенькую Сашеньку самым страшным проклятьем, узнав, что убежала она из дома без родительского благословения, да еще с большевиком, да еще, самое страшное, — с евреем!..

Я плохо помню, что говорила мне тогда мама.

Кажется, она рассказывала, каким замечательным человеком был мой отец; как хорошо, что он был именно евреем — евреи замечательные люди, умные, добрые, честные; какое это красивое имя — Натан! — какое оно необычное, редкое, не то что Николай, который встречается на каждом шагу... Бедная моя мама.

Иногда мне кажется, что именно в этот вечер — сорок пять лет назад — я получил спасительно болезненную и неописуемо горькую прививку от предательства. На всю жизнь.

И кажется мне, что именно тогда дал я себе клятву (хотя, конечно, не давал я ее себе ни тогда, ни позже), которая звучала (могла бы звучать) примерно так: «Я — русский, я всю свою жизнь прожил в России, и умру в России, и я не знаю никакого языка, кроме русского, и никакая культура не близка мне так, как русская, но. Но! Если кто-то назовет меня евреем, имея намерение оскорбить, унизить, запугать, я приму это имя и буду носить его с честью, пока это будет в человеческих силах».

О дне Победы АБС не вспоминали. Или, может быть, их не спрашивали. На наш вопрос БН ответил так:

Особенно ярких воспоминаний не осталось.

Дело в том, что уже два или даже три месяца всё было совершенно ясно: мы победили, и скоро, вот-вот, войне конец. Видимо, я уже свыкся с этой мыслью настолько, что когда конец на самом деле наступил, я воспринял его как должное. Взрыва эмоций не было. Была просто спокойная радость: все кончилось, мир, все злое позади, все доброе возвращается... Впрочем, я этими словами тогда, естественно, не пользовался, но суть ощущений сводилась именно к этому.

Войну вспоминать страшно, войну вспоминать больно, но и здесь АБС находили повод для оптимизма:

Из: АБС. Жизнь не уважать нельзя

БНС: Мы недавно сидели вчетвером — Аркадий, Ленка, его жена, Адочка моя и я — и прикидывали: как вообще могло случиться, что мы вот... сидим все вместе?! Пришли к выводу, что это совершенно невероятное, вообще говоря, стечение обстоятельств — конечно, мы все должны были погибнуть. Я должен был умереть в блокаду — это было ежу ясно, я умирал, мама мне об этом рассказывала... меня спасла соседка, у которой каким-то чудом оказался бактериофаг... Мне дали ложку этого лекарства, и я выжил, как видите.

...Аркадий тоже должен был погибнуть, конечно, — весь выпуск его минометной школы был отправлен на Курскую дугу, и никого не осталось в живых. Его буквально за две недели до этих событий откомандировали в Куйбышев на курсы военных переводчиков. В той теплушке, в которой ехали отец и Аркадий, — умерли все, кроме брата. Потому что это были эвакуированные из Ленинграда, которых сначала переправили по Дороге жизни, потом от пуза накормили...

Михайлова Е.: Разве так можно?

БНС: Нельзя, конечно, но тогда этого никто не знал. Начался кровавый понос... что-то жуткое... многие сразу умирали. Потом живых посадили в ледяной вагон и — до Вологды без остановки, без врачебного внимания... Вот так. Аркадий был, конечно, чрезвычайно крепким молодым парнем — он выжил тогда один среди всех.

...Ленка Аркашина, безусловно, должна была погибнуть — она была дочерью нашего посольского работника в Китае, попала в самый разгар японского наступления на Шанхай, их эвакуировали оттуда на каких-то немыслимых плавсредствах, сверху бомбила авиация, как они выбрались живыми, непонятно до сих пор.

...Ада, моя жена, попала под Ставрополем под

немецкую бомбежку, был сброшен десант, все беженцы рассыпались по полю... а на них пошли немецкие танки! Они остались в оккупации, помирали там от голода, и всю ее семью должны были расстрелять как семью советского офицера. Все списки были уже представлены... их спасли только партизаны.

...Как мы все уцелели? И к тому же встретились вчетвером? Это чудо.

Так что жизнь для нас — чудо четырежды, и ко всем ее радостям, трудностям и даже неприятностям мы относимся с уважением, жизнь не уважать нельзя.

Послевоенная жизнь

Пять лет после войны у АБС были заполнены учебой. БН доучивался в школе в Ленинграде, живя с мамой, АН — в институте в Москве, с выездом на практику в Казань. Общие жизненные наблюдения того времени:

БНС. Офлайн-интервью 18.09.03

Недавно один мой знакомый, преклонных лет человек, сказал нечто вроде следующего: «Эх, хорошо было при Сталине! Чуть что не так — к стенке. Вот и делали все хорошо. И жилось не в пример лучше, чем при этой... демократии-дерьмократии...» А что бы Вы ему ответили?

Черный Zамысел. Север, Россия

Я бы ответил ему, что он плохо информирован. Жилось совсем не лучше, — хуже жилось. С продуктами прилично было только в столицах союзных республик и в Ленинграде: в Москве — просто хорошо, в Питере и прочих ташкентах похуже, но, в общем, все необходимое для жизни было. (Кроме денег.) В «простых» городах снабжение было отвратительное, а на деревне

(за исключением нескольких десятков-сотен образцово-показательных колхозов) просто голодали. Мама моя, чтобы прокормить себя и меня, работала на двух работах да еще и репетиторствовала. И все равно: в магазинах свободно была, например, икра, но позволить ее себе мы могли только в исключительных случаях. Что касается промтоваров, то царила непонятная нынешнему человеку бедность, почти нищета. Одежду штопали и перешивали. Купить костюм — это была грандиозная проблема. А уж пальто!.. Хорошо одетый человек на улице был большой редкостью. Чтобы купить мне фотоаппарат (я безумно увлекся вдруг фотографией), нам пришлось продать велосипед (который, между прочим, тоже был роскошью, а не средством передвижения). Так что мы не голодали, конечно, и ощущали, что жизнь прекрасна (особенно после войны и разрухи), но мы были бедны, унизительно бедны — все: и мои друзья, и мамины знакомые, и все соседи по дому. Теперь можно только поражаться, откуда взялась эта легенда, что «при Сталине жилось хорошо»?! Цены снижали ежегодно и регулярно, это верно, но уровень жизни все равно оставался безнадежно низким. Отдельная квартира была редкостью. Личный автомобиль был редкостью

в квадрате (хотя в продаже — свободно). Телефон считался роскошью. Телевизор мы сумели себе позволить только в 56-м году (я получил первый свой гонорар). В общем, не обольщайтесь: никакого Золотого Века не было при Сталине, как не было его вообще никогда.

Учеба АНа в ВИИЯ КА не была такой трудной (в бытовом отношении — его кормило-одевало государство) и одновременно не была и легкой: казарма — это не житье с мамой.

Но сначала о самом институте (компиляция составителей).

ВИИЯ: история

1 февраля 1940 года при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков был создан Военный факультет со статусом высшего военно-учебного заведения по изучению европейских языков.

В июле того же года был создан еще один военный факультет — при Московском институте востоковедения.

В начале 1941 года факультеты получили новые официальные названия: Военный факультет западных языков при 1-м и 2-м МГПИИЯ и Военный факультет восточных языков при Московском

институте востоковедения.

Острый дефицит переводчиков на фронтах заставил командование перевести факультеты на курсовую систему подготовки специалистов, где в массовом порядке (до 3000 человек одновременно) стали готовить личный состав по языкам стран гитлеровской коалиции. С 1 сентября 1941 г. были сформированы постоянные шестимесячные курсы и временные курсы со сроком обучения от полутора до четырех месяцев для подготовки военных переводчиков. На всех курсах изучался только немецкий язык.

В октябре 1941 года, с приближением фронта к Москве, факультеты эвакуируются в тыловые районы. Военный факультет западных языков — в г. Ставрополь-на-Волге Куйбышевской области, а восточных языков — в г. Фергану. Находясь в эвакуации, факультеты расширили гамму изучаемых языков до 15. Было впервые введено обязательное изучение двух иностранных языков.

12 апреля 1942 года факультеты объединяются в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА) под единым командованием в Ставрополе-на-Волге.

К осени 1943 года Институт возвращается из

эвакуации и размещается в Москве по двум адресам — в районе Семеновской площади и Таганки, а уже весной 1944 года получает постоянную прописку на Волочаевской улице в Лефортово. В 1944 г. возобновилось прерванное в первый год войны заочное обучение, а с сентября институт перешел на 4-летний срок обучения по западным и 5-летний по восточным языкам.

Многие выпускники 40-х — 50-х годов стали известными военачальниками, дипломатами, руководителями структурных подразделений Министерства обороны СССР, выдающимися учеными, известными писателями, журналистами, кинорежиссерами. Среди них — актер В. Этуш, журналист В. Овчинников, композиторы С. Кац и А. Эшпай, переводчик В. Суходрев, писатели Ю. Друнина, П. Коган, А. Мицкевич (Днепров), Е. Ржевская, А. Стругацкий, посол О. Трояновский, режиссер Ф. Хитрук.

Кафедрой японского языка руководил уже тогда хорошо известный ученый — профессор Н. Конрад (впоследствии академик), кафедру китайского языка возглавлял Б. Исаенко. На кафедрах преподавали В. Маркова и Н. Фельдман (японского языка) и И. Ошанин (китайского).

Из неперечисленных выпускников ВИИЯ — Ми-

хаил Леонидович Анчаров, бард и писатель.

БНС. Офлайн-интервью 30.01.02

Действительно, АНС учился в одном институте с Анчаровым, только двумя (или тремя?) курсами раньше. Вспоминал [АН] о нем всегда с большой теплотой, хотя знаком был только шапочно, а вот жена АНС, Елена Ильинична, учившаяся с Анчаровым на одном курсе, с удовольствием рассказывала, какой это был очаровательный человек и как влюблены в него были все без исключения курсанты ВИИЯза женского полу.

В начале 46-го года АНС был направлен институтом на практику — в Казань.

Из: БНС. Комментарии (Как погиб Канг)

Насколько я знаю, это самое раннее из сохранившихся произведений АНа — самодельная тетрадочка в четырнадцать листков, текст аккуратно написан черной тушью и снабжен очень недурными (на мой взгляд) иллюстрациями автора. Рассказ датирован: «Казань 29.5.46». Это было время, когда курсант Военного института иностранных языков Аркадий Стругацкий был откомандирован в распоряжение МВД Татарии,

в качестве переводчика с японского. В Казани он участвовал в допросах японских военных преступников: шла подготовка Токийского процесса — восточного аналога Нюрнбергского процесса над гитлеровцами. АН не любил распространяться об этом периоде своей жизни, а то немногое, что мне об этом стало от него все-таки известно, рисует в воображении картинки исключительно мрачные: угрюмая беспросветная казарма; отвратительные сцены допросов; наводящее ужас и омерзение эмвэдэшное начальство... Неудивительно, что начинающий и очень молодой (всего двадцать полных лет!) автор бежит от этого мира в морские глубины — там он, по крайней мере, свободен, там он продолжает жить в мире любимых книг своего детства — «Следы на камне» Максвэлл-Рида и «Тайны морских глубин» Биба, изобретателя батисферы.

Для большего понимания, чем же там занимался АН, даем справку:

Токийский процесс

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС: судебный процесс над главными японскими военными преступниками, происходивший в Токио с 3 мая 1946 по 12 ноября 1948 в Международном военном три-

бунале для Дальнего Востока. Требование суда над японскими военными преступниками было сформулировано в Потсдамской декларации (26 июля 1945); в Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 дано обязательство «честно выполнять условия Потсдамской декларации», включая наказание военных преступников.

Суду были преданы 28 человек. Приговор вынесен в отношении 25, в том числе 4 бывших премьер-министров (Тодзио, Хиранума, Хирота, Койсо), 11 бывших министров (Араки, Хата, Хосино, Итагаки, Кайя, Кидо, Симада, Судзуки, Того, Сигэмицу, Минами), 2 послов (Осима, Сиратори), 8 представителей высшего генералитета (Доихара, Кимура, Муто, Ока, Сато, Умэдзу, Мацуи, Хасимото). Во время процесса бывший министр иностранных дел Мацуока и адмирал Нагано умерли, и дело о них было прекращено, а в отношении идеолога японского империализма Окава, заболевшего прогрессивным параличом, — приостановлено.

В ходе процесса было проведено 818 открытых судебных заседаний и 131 заседание в судейской комнате; трибунал принял 4356 документальных доказательств и 1194 свидетельских показания (из которых 419 были заслушаны непосредствен-

но трибуналом). Подсудимым была обеспечена возможность защищаться на суде, представлять доказательства, участвовать в допросах, каждый из них имел 3–4 адвокатов. Виновность всех подсудимых полностью подтвердилась. После совещания, длившегося более 6 месяцев, трибунал 4 ноября 1948 приступил к оглашению приговора (1214 страниц).

В числе тех, кого допрашивали при подготовке «большого» процесса, но чья личная судьба решилась, конечно, на судебных слушаниях менее высокого уровня, — упоминавшийся в «Граде обреченном» полковник Маки.

БНС. Офлайн-интервью 24.02.99

Являются ли полковник Маки и мистер Осима реальными историческими персонажами?

Станислав Ойгенблик. Нью-Йорк, США

Полковник Маки — лицо вполне историческое. АНС в качестве переводчика участвовал в его допросах, когда в Казани в 1946 году готовился Токийский процесс над японскими военными преступниками. Все, что в «Граде» написано об этом субчике, — сущая (по словам АНС) правда.

Сохранилось лишь одно письмо 1946 года. Как раз из Казани.

Письмо Аркадия брату, 27 апреля 1946, Казань — Л.

Здравствуй, браток.

Каждый день жду твоего письма, но пока напрасно. Обязательно пиши. В Казани началась весенняя жизнь — орут птицы, начинает пробиваться зелень. Позавчера ходил я в центральную библиотеку, читал «Вокруг света», первый номер после начала войны. Там есть один неплохой фантастический рассказ «Взрыв»7, о гипотезе падения Тунгусского метеорита. Если достанешь — прочитай, по-моему, написано остроумно и достаточно гладко. Автор — Казанцев, тот самый, кто написал «Пылающий остров». Решил, используя минутки свободного времени, катануть что-нибудь подобное. Не знаю, выйдет ли.

Ты, друг, учись там как следует, мама должна быть спокойна хоть в отношении своих детей. Прошу тебя, если будет время, сделай перепись книг в нашей библиотеке, никому их по возможности не давай. Список пришли мне. Вот пока все. Крепко целую тебя, мой маленький друг. Твой Арк.

Судя по письмам, книги органично соединяли братьев. Разнесенные войной, АБС должны были

вроде бы отдалиться друг от друга: разница в возрасте (восемь лет) должна была складываться с разницей пережитого и теперешним состоянием: школьник, живущий с мамой, и курсант, участвующий в историческом деянии... Но в письмах прослеживается обратная реакция: уже не обращение старшего к младшему (как отца к сыну), а «друг», «браток». Отметим и начало творческого пути у АНа (май 46-го), чтобы позже сравнить его с датой первого рассказа БНа.

Пожалуй, именно предпосылкой к творчеству (не раз АБС упоминали в своих интервью, что перед тем как ТВОРИТЬ книги, нужно бесконечно много и долго ЧИТАТЬ их, и что не менее важно — ПЕРЕЧИТЫВАТЬ), и не просто к творчеству, а к совместному творчеству явилось обсуждение прочитанных книг в переписке АБС. Сообщения такого рода — что прочел и мнение о прочитанном, рекомендации друг другу (это — прочти обязательно, а это — не стоит) — создавали общий информационный и одновременно общий оценочный фон будущего Писателя «Братья Стругацкие»: какова должна быть художественная литература, что в ней ценного, что важно. Может быть, именно поэтому и получилось у них столь легко находить общий язык при сов-

местном творчестве?

О читателях того времени рассуждает БН:

Из: БНС. Беседа главного редактора с Борисом Стругацким

— Можете ли Вы сравнить читателей (или группы читателей) разного времени? Есть ли у Вас ощущение некоторой тенденции — восходящей или нисходящей в интересах, в отношении к жизни, к книгам, к чтению?

— Я плохо знаю сегодняшнего молодого читателя, но впечатление такое, что он мало отличается от обыкновенного книголюба-книгочея моего детства. Та же неуемная жажда сопереживания, то же стремление уйти в небывалые и чужие миры, то же равнодушие к реальности, «пренебрежение достижимым», наивная убежденность в том, что остроумная выдумка всегда увлекательнее «суконной скуки бытия». Но мы, мои современники, жили в разных с ними, нынешними, реальностях — тринадцати-, семнадцатилетние искатели новых ощущений, измученные сенсорной депривацией, она же голод чувств. Нынешнее поколение даже представить себе не может, в какой информационной убогости, затхлости, серости довелось нам расти

и существовать. ...Граммофоны постепенно уже сменялись проигрывателями, но магнитофоны существовали исключительно для служебного пользования, а радиоприемники на самых интересных волнах изрыгали только хриплый рев заглушек. Новые фильмы появлялись пять раз в год или реже. Телевидения не было вообще — ни телеков, ни видиков, ни дивиди-плейеров, мы просто не знали, что это такое. Не было ни компьютеров, ни компьютерных игр (в магазинах можно было купить игру «Бой батальонов» — картонные квадратики передвигались по картонной же карте по правилам, примитивным и скучным, как устав караульной службы). Не было дискотек — разве что танцы в клубах — вальсы, польки и русский бальный, все прочее — под запретом. Словом, оставалось одно развлечение — читать. И мы читали. Это было тогда престижно — читать. Прочитать что-нибудь первым. Принести в класс никому не известную книгу. Открыть для себя и для дружков нового автора. С книгами, конечно, дела обстояли тоже неважно: выдающимся произведением реалистической прозы считался какой-нибудь «Кавалер Золотой Звезды», а в образцовых писателях-фантастах числились Немцов и Охотников. Но тут нас спасали домаш-

ние библиотеки, сохранившиеся у родителей. Там мы находили и Дюма, и Уэллса, и Киплинга, и Леонида Андреева, и раннего Алексея Толстого. И все равно — книг было мало. Книг не хватало. И мы были вынуждены перечитывать. Вот главное наше отличие от нынешних: мы перечитывали. Это повышало нашу читательскую квалификацию. Потому что квалифицированный читатель отличается от малоквалифицированного прежде всего тем, что часто и с удовольствием перечитывает. Нынешние читают, может быть, и не меньше нашего, может быть, даже больше — я вообще не представляю, как можно сегодня прочитать пусть даже только десятую долю ежегодно выходящих книг, — но перечитывают они явно меньше. Просто потому, что информационный мир, в котором они существуют, несравненно, невероятно, оглушающе более роскошен, чем наш (канувший, я надеюсь, в Лету навсегда).

БНС. Офлайн-интервью 22.04.03

Когда Вы учились в школе, бывало ли такое, что Вы вместо того, чтобы решить какой-нибудь логарифм, читали какую-нибудь книгу, спрятав ее под тетрадью?

Пошелюжин Александр. Барнаул, Россия

Нет. Я любил (и люблю) читать, только находясь в комфортной обстановке — дома, на диване или за едой. А в школе, под партой, мы, помнится, только разыгрывали шахматные партии, за что и бывали соответствующим образом наказаны.

Из письма АНа: «Прошу тебя, если будет время, сделай перепись книг в нашей библиотеке...» К сожалению, список так и не был сделан. Но кое-что узнать о той библиотеке можно:

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

У меня был очень широкий диапазон чтения. Во-первых, к счастью, сохранилась почти полностью отцовская библиотека. Часть книг, правда, мы с мамой в голодные времена продали, но значительная часть уцелела — два шкафа книг, которые я прочел все, от корки до корки. Я знал таких писателей, о которых нынче в России, наверное, мало кто слышал, — скажем, Верхарна, или Пьера Мак-Орлана, или Анри де Ренье, или Андре Жида. Там был полный Мопассан, почти полный Достоевский, разрозненные тома Салтыкова-Щедрина. И, разумеется, Дюма, Рабле, Шарль де Костер. Были даже разрозненные тома Луи Буссенара и Луи Жаколио — в те времена их

было не достать ни в каких библиотеках.

— Из всего Буссенара в «застойные» времена, кажется, издавали только две книги — чуть позднее «Похитители бриллиантов» (она шла в обмен на 20 килограммов макулатуры), чуть раньше — «Капитан Сорви-Голова»...

— Кстати, «Капитан» — одна из самых плохих книг у Буссенара. У него надобно читать «Туги-душители» и «Факиры-очарователи». А у Жаколио — «Грабители морей». Вот это было чтение для настоящего мужчины! К счастью, я очень рано прочел «Войну и мир» — и таким образом спас ее для себя, потому что потом мы начали ее «проходить» в школе и для половины моих сверстников эта книга навсегда перестала существовать. А вот «Отцы и дети» я прочесть не успел. Я прочитал «Накануне» до того, как мы начали ее изучать в школе, и эта книга до сих пор остается одной из моих любимых у Тургенева. А вот «Отцы и дети» — вещь гораздо более глубокая и гораздо более достойная внимания, так и осталась для меня чужой. Так же, как и «Евгений Онегин». Зато «Повести Белкина», которые мы в школе не проходили, я люблю с детства и до сих пор. Так что у меня изначально был очень широкий диапазон любимых книг, хотя, будучи человеком

молодым, я предпочитал, естественно, фантастику и приключения.

— *Какая тогда была фантастика?*

— Только старая. Можно было достать старые журналы «Мир приключений» или «Вокруг света», или издания Джека Лондона в библиотеке «Всемирный следопыт», или Конан Дойля... Из новых изданий были только Немцов, Охотников, Адамов, Казанцев — чей «Пылающий остров» я на протяжении многих (школьных) лет считал лучшей фантастической книгой на свете. Но основная масса советской фантастики была просто ужасна. Мы читали ее, потому что больше ничего не было. Если на книжке стоял значок «Библиотека фантастики и приключений» — мы были обязаны прочитать эту книгу с интересом. И вот мы брали какой-нибудь «Огненный шар» или «Тень под землей» и жевали ее, как сухое сукно. И с отвращением — но дожевывали до конца... Я много раз говорил о том, что именно отсутствие хорошей фантастики прежде всего и толкнуло нас с Аркадием Натановичем попытаться написать что-нибудь такое, о чем бы стоило говорить.

БНС. Офлайн-интервью 25.04.04

А какую ЦЕНУ Вы бы согласились платить за книжку, которая Вас заинтересовала бы сильно-сильно?

Александр Шелудько. Кондрово, Россия

Если «сильно-сильно», то любую, которая была бы мне доступна. В школьные годы, я помню, меня так потряс «Остров доктора Моро», что я готов был отдать за него все свои карманные деньги до последней копейки плюс половину библиотеки. Владелец не согласился, и мне пришлось переписывать этот роман от руки.

Но вернемся к письмам. Снова «солдатский треугольник».

Письмо Аркадия брату, 2 марта 1947, М. — Л.

Брату моему Борису сыну Натана, учащемуся, от брата его Аркадия сына Натана, офицера, привет!

Жму твою руку, дорогой пират, мальчик Мотл8, фантазер, физкультурник и шахматист. Как ты там поживаешь, чем занят, как дела в Арканаре и почему не пишешь? Я здесь учусь великой науке истреблять и проедаю государственные

деньги. На всех моих фронтах благополучно, правда, между нами говоря, отсидел четверо суток на гауптвахте за опоздание, о чем пишу сейчас гипсторию, каковую имею переслать тебе при первой же возможности. Любишь ли ты и почитаешь нашу мать, как должно? Боюсь, что ты не делаешь многого, чтобы иметь возможность доказать это. Я, твой старший брат, на правах старшего мужчины в семье приказываю тебе: primo — учиться отлично, любить и всячески поддерживать маму, следить за собой в твоих отношениях к окружающим, ибо гордыня — грех тяжкий; secundo — изучать всемерно физику и математику, почему — я тебе, кажется, уже говорил. С этим я кончаю.

Привет! Жму руку и целую. Пиши. Брат твой Арк.

P. S. С праздником 8 марта тебя не поздравляю.

О гауптвахте подробнее — ниже, сначала о великолепном таланте рассказчика. Рассказывает Александр Мирер (впоследствии — один из ближайших друзей АНа):

Из: Мирер А. Непрерывный фонтан идей

Такая черта Аркадия Натановича, как непрерывное генерирование идей, доставляет окру-

жающим его массу удовольствий. Он может увлекательнейше сымпровизировать, к примеру, о своем военном прошлом. Я помню эти рассказы — совершенно замечательные — он в них всегда выступал в каких-то смешных ролях, отнюдь не героических. Например, имелся цикл устных рассказов, как Стругацкого заставили работать адъютантом и поэтому ему пришлось ездить на лошади. Соответственно, его лошадь скидывала с себя, соответственно, она обдирала его о ветви деревьев. Когда он, несчастный, пересел на одноколку, то жеребец, на котором он ехал, бросился через забор, потому что за забором была кобыла... и одноколка повисла на заборе вместе со Стругацким. Когда он дежурил в военной школе — в то время всем офицерам при дежурстве полагалось носить шашки и салютовать ими — то на утреннем рапорте он едва не зарубил своего начальника школы. А когда Стругацкий удалялся в самоволку, то последствия были совершенно сокрушительные... Какие-то из этих историй, очевидно, были трансформированы из действительных происшествий, а какие-то — блестяще и разветвленно выдумывались на ходу.

В свое время часть баек АНа, записанных их слушателями, вошла в шуточную энциклопедию

жизни и творчества АНС. Из нее:

АНС-энциклопедия. Гауптвахта

Аркадий Натанович Стругацкий был не самым дисциплинированным курсантом. Иногда он попадал на «губу». Однажды сквозь окно камеры на гауптвахте он увидел: к зданию подрулило два американских «Доджа-три-четверти», и из машин веселые офицеры начали выгружать диковинки: пиво, редкие грузинские вина, сыры, колбасы, копченую рыбу, дичь... Вскоре дверь камеры открылась, и все это великолепие внесли к арестантам. Оказалось, Стругацкий сидел на «губе» вместе с сыном маршала Конева. Мать чада тайком от отца решила подкормить отпрыска. Начался пир. Когда провизия кончалась, «Доджи» подвозили новую. Когда же кончился срок отсидки, курсанты не хотели покидать гауптвахту.

В следующий раз Аркадий Натанович опять попал сюда вместе с сыном маршала. Предвкушая новый пир, он поглядывал в окно, но «Доджи» запаздывали. Было обидно: специально попал на «губу» — и сидит голодным. На следующее утро выяснилось: маршалу стало известно о мягкосердечности жены, он рассердился и запретил ей баловать сына. Офицеры-порученцы получили

по выговору. А Стругацкий и сын маршала больше не пировали.

И еще фраза из предыдущего письма: «Как дела в Арканаре?»

В архиве сохранились листки из обычной школьной тетради, расчерченные таблицами и схемами (рукописно, чернилами и карандашом), сохранилась карта самой страны (см. общий вид во вклейке). БН об этой игре рассказывает так: «Все это — игра в выдуманную страну. Класс, наверное, 8-й. Название Арканар было взято у АНа, он придумал его гораздо раньше. В игре участия не принимал — сидел в Канске. Или в Москве».

По оставшимся материальным носителям невозможно представить себе, как происходила собственно игра. Может быть, игра в том и заключалась, чтобы придумать страну, назвать ее и ее области, придумать, как и кем она управлялась, какие имелись у нее территории и пр.?

Сами же записи были такие.

Отдельный листок с названием: «Схема высших органов власти Арканарской республики». Далее следует схема. Сверху — «Диктатор», от него идут стрелки к «Совету Диктатуры» (от которого в свою очередь идет стрелка к «Совету Министров») и к «Совету Госконтроля» (и от

«Диктатора», но уже пунктирные линии к «Совету Министров» и к «Совету Госконтроля»). От «Совета Министров» идут стрелки к перечню министерств и к «Совету Мергалов».

Перечень министерств: (МВД) Внутренних дел; (МГБ) Государственной безопасности; (МДС) Дипломатических связей; (МВС) Вооруженных сил; (МВП) Военной промышленности; (ММП) Мирной промышленности; (МСХ) Сельского хозяйства; (МЮ) Юстиции, (МП) Просвещения.

От «Совета Мергалов» идет стрелка к слову «ларгомерги», а ниже перечень: «Промышленность», «Сельское хозяйство», «Юстиция», «Полиция», «Просвещение».

На отдельном листке:

Примечания и дополнения.

a. Все жители Арканарии делятся на классы. 1. Имущие и 2. Неимущие. К первым относятся все лица, имеющие возможность платить подушную подать (налог). Ко вторым относятся лица, находящиеся на попечении гос-ва.

b. На все вышеописанные должности граждане Арканарии могут быть избраны, если:

1. Им исполнилось 28 лет.
2. Они относятся к I классу.
3. Имеют свидетельства о здоровье (от врача) и

благонадежности (от мергала).

c. Избирательное право имеют все граждане, если их положение соответствует вышеозначенным пунктам.

Функции правительственного аппарата.

a. **Диктатор** осуществляет законодательную власть и, стоя во главе Совета Госконтроля, контролирует деятельность органов управления в соответствии со схемой (см. выше). Диктатор избирается народом на 5 лет.

b. **Совет Диктатуры** осуществляет руководство Советом Министров и обладает правом принимать или отвергать предложенные его вниманию законы. Избирается народом на 8 лет.

c. **Совет Министров** руководит работой министерств и Совета Мергалов. Избирается на 5 лет.

d. **Совет Мергалов** руководит управлением в ларгомергах (штатах) Арканарской республики. Избирается на 1 год.

Примечания и дополнения:

I. Диктатор обладает правом смещать и назначать членов любых Советов, если может чем-либо оправдать свой поступок.

II. То же может проделать председатель любого Совета по отношению к нижележащим инстанциям.

И еще записи:

Арканария (Айбиленд)

Буржуазно-демократическая республика

Делится на штаты («ларгомерги»).

Состав правительства р-ки Арканарии на 1979 г.

Диктатор (он же председатель Совета Госконтроля)

Бирон Горио Стронг (социал-демократ)

Совет Диктатуры («Совет пяти»)

Председатель: граф Био де Сен-Поль (социал-демократ)

Секретарь: Фрэд Гастон (социал-демократ)

Члены: Городон Сиу, Вердио Ганринг, Болл Ассунадзе

Совет Государственного Контроля.

Председатель (он же диктатор): Бирон Г. Стронг

Секретарь: Велиал Асторатович Мефистофилев

Члены: Сильвестр Боном, Адионс Боном, Дельвиг Рогоди

Совет Министров.

Премьер-Министр (он же министр вооруж. сил) Вероно Гастингс

Секретарь (он же министр Внутр. дел) Симон Окновадос

Министры: Ривера Линдос (МГБ), Франк Гудвин (МДС), Визи Флоринг (МВП), Тонда Ранек (ММП), Иосиф Борн (МСХ), Милон д'Рожь (МЮ), Васисуалий д'Лань (МП)

Совет Мергалов.

председатель Совета: Домбра Вишера (Арканар)

секретарь: Артур Пирс (Айбиленд)

Члены: полковник Артур Жир`о (Ноус), Финдлий Вега (Рикана), Убедо Фактус (Сэдзукон), Герман Пер`о (Аквилон), Эстор Варвар`о (Вейвилон), Орно Толль (Ленд), Солди Деву (Катсхэд), Добрако Суровья (Форвари), Клаас Ред (Мунранг).

Предоставим читателю самому поиграть в игру «угадай прототип» в приведенных в изобилии выше именах.

А еще к этой игре есть таблицы, в которых перечислены все ларгомерги этой страны с указанием центрального города, площади ларгомерга и количества жителей. Есть и записи с делением ларгомергов по выдаваемой продукции: «Промышленные ларгомерги: Айбиленд, Мунранг, Вейвилон, Катсхэд. Сельскохозяйственные ларгомерги: Рикана, Сэдзукон, Форвари, Ленд. Военно-промышленные: Арканар, Аквилон, Ноус».

Странные детские увлечения? Или нет? Пусть

об этом рассуждают психологи, но заметим одно — именно отсюда, как нам кажется, и произошли многочисленные карты и схемы местности к придумываемым произведениям, тщательное обоснование количества жителей и их профессий на Радуге, перечень профессий жителей Полудня (включая жителей Земли и других планет), общая экономическая ситуация на Земле XXII века (см. главу «Полтораста лет спустя» — НС-19, с. 315) и другие расчеты, производимые АБС при написании своих книг.

Но вернемся к переписке. Очередной «солдатский треугольник».

Письмо Аркадия брату, 27 апреля 1947, М. — Л.

Борису Стругацкому, ученику 7-го класса средней школы от младшего лейтенанта Аркадия Стругацкого, слушателя Военного Института — салют! В Москве началась весна, и жаркие дни перемежаются с сырыми и холодными, как в аду, днями. И люди ходят, то распаренные, как курицы в кастрюле, то зябнущие, как крысы на тонущем корабле. Мы готовимся к Первомайскому Параду и изо всех сил опускаем ногу с высоты тридцати сантиметров на пыльный асфальт московских набережных, мы щеголяем в поно-

шенных мундирах с выцветшими позументами, мы устаем, как черти, и придя домой валимся в кровати и сразу же засыпаем. As to10 лично меня, то я еще сохранил остатки силы воли и читаю сейчас английский фантастический роман «Lost Horizon»11, где описываются приключения четырех англичан в стране, где остановилось время. И так идут дни за днями. У меня большие планы на это лето и на будущий год: хочу, во-первых, изучить теорию вождения крупных общевойсковых соединений по опыту прошлой войны (для чего — напишу как-нибудь потом), во-вторых, основательно проработать Маркса (для чего — тоже напишу позже). Кстати, чем сейчас занят ты? Коллекционируешь ли еще марки? Как твои дела с учебой вообще и с английским и математикой и физикой в частности? Имей в виду, это самые важные и нужные сейчас subject'ы. Вот пока все. Крепко поцелуй мамочку, жму твою драгоценную лапу, твой брат Арк.

P. S. Напиши, как прошел день рождения.

О марках АН спрашивает не просто так. Увлечение филателией Андрея Т. из ПОДИН, Аполлона из ВНМ, Вайнгартена из ЗМЛДКС — это коллекционирование марок БНом, возникшее еще в детстве.

Из: БНС: «Мои марочушечки»

А. Первушин: ...давно известно, что Вы были и, как я понимаю, остаетесь филателистом. Расскажите, когда и почему Вы выбрали именно этот вид коллекционирования?

ВН.: Естественно, я ничего уже не помню, потому что начал собирать марки классе эдак в пятом. Дружки, помнится, собирали, и я начал... Да! Приятель старшего моего брата Аркадия, к тому моменту уже курсант-медик, подарил мне году в 45–46-м свою коллекцию — это и послужило, я думаю, главным первотолчком. Видимо, это и был будущий академик Ашмарин, «генерал-чума». И вдобавок в те же примерно времена я обнаружил в магазине «Старая книга» каталог Ивера 1933 года и упросил маму купить мне его. Ничто так не способствует увлечению филателией, как систематическое перелистывание марочных каталогов!

Из: БНС: «Нам далеко до „золотой эры“»

Е. Обухов: Ведь до сего дня мало кто знал, что Вы имеете отношение к филателии.

БН: Отношение имею, и очень давно. Серьезно

увлекался еще в 1948 году, когда появился знаменитый, известный каждому филателисту каталог марок СССР. Я тогда учился в восьмом классе, и было у меня честно накоплено рублей этак пятнадцать. И вот в магазинчике на углу Невского и Литейного я купил этот каталог и пакет марок «Золотого стандарта». С тех пор и занимаюсь филателией самым серьезным образом, иногда с перерывами на год-два.

Но вообще-то альбом у меня был еще до войны. Он прошел со мной блокаду, эвакуацию, однако тогда это было увлечение на совсем уж детском уровне.

БН вспоминает школу:

БНС. Офлайн-интервью 12.06.00

...я, да и АН — тоже, учились в 107-й средней школе, что недалеко от завода «Красная заря». На стадионе «Красной зари» у нас проходили занятия физкультурой, и там я однажды сломал себе руку во время соревнований по бегу с препятствиями. А жили мы (с конца 20-х годов) по адресу проспект К. Маркса, 4, в большом семиэтажном доме, который потом еще долго простоял рядом с нынешней гостиницей «Петербург» и был снесен уже в новейшие времена.

О сломанной руке — в следующем письме АНа. На обороте письма рисунок: панорама битвы с подписью внизу: «Ракетные противотанковые минометы, новые ручные пулеметы. Мы будем иметь кое-что, чем встретить желающих побуянить».

Письмо Аркадия брату, 21 ноября 1947, М. — Л.

Здравствуй, Бобка.

Давно собирался написать тебе, да все как-то времени не было. Ну вот, как видишь, собрался-таки. Наслышаны мы, что ты сломал руку, бродишь сейчас в гипсе и совершаешь другие поступки, не токмо звания разумных недостойные, но прямо вредительские в рассуждении морального их воздействия на нашу маму. Ты бы написал (если в состоянии писать), как это с тобой случилось.

Да, Боба, нехорошо. Конечно, заживет, срастется и т. д., но все же нехорошо. Впрочем, в твоем возрасте это в некотором смысле даже полезно, и я нимало не сомневаюсь, что ты ходишь среди своих приятелей и приятельниц героем и, когда кто-нибудь заводит разговор о ранениях и увечьях, ты, гордый, как негр Джим из «Гека Финна», заявляешь: — Ну, что вы понимаете в настоящих

травмах! И все смущенно замолкают12.

Ну, что нового у меня. Почти ничего. Меня учат, кормят, одевают, я учусь, ем, одеваюсь. Основное домашнее занятие — писание конспектов по книгам Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Сначала делалось это из-под палки, но теперь увлекся — до чего оказалось интересно! Хотелось бы мне знать, чем ты занимаешься. Я, откровенно говоря, с нетерпением жду того момента, когда тебе набьют оскомины фантастические романы, и ты займешься чем-нибудь порядочным. Займись радио, историей, биологией, следи за политикой — пойми, что только такие занятия, а не вольное чтение, обусловят легкость работы в старших классах, а особенно — в институте. И еще я жду этого потому, что хочется посидеть с тобой за бутылкой пива (или ситро, как ты хочешь) и поговорить с тобой, как со взрослым.

Эх, Боб, далеко ты от меня. А хотелось бы мне, чтобы жил ты около меня, и сам бы учился, и стимулировал бы мои занятия, ибо, между нами говоря, разленился я страшно, а заниматься хочется.

Ну, пока все. Поправляйся скорее, крепко целую.

Твой Арк.

Вообще же БН вспоминал о школе не раз:

БНС. Офлайн-интервью 11.01.02

Ваша мама работала школьным учителем литературы, и Вы учились в той же школе. Правда ли это, и если да, то как складывались Ваши отношения, так сказать, с учителем и мамой в одном лице?

Евгений. Новосибирск, Россия

Мама преподавала в пятых–седьмых классах, когда я учился уже в восьмом. Так что дороги наши не пересекались, и мы даже почти не видели друг друга в школе. Правда, «плохие учителя» всегда с особенным наслаждением сообщали маме о моих подвигах, и это было крайне неудобно.

БНС. Офлайн-интервью 20.04.02

В одном из интервью Вы упомянули о своей школе. Можно ли было Вас назвать «трудным» ребенком, и если да, то кто из братьев Стругацких «отличился» больше в этом? И подозревал ли кто из учителей наличие безусловного таланта в Вас?

Денис. Южно-Сахалинск, Россия

Мы оба были хорошими учениками, я — так

вообще отличником был и медалистом. Никакими особенными подвигами в школе не славились и никак так уж особенно учителей наших не доводили. Помнится, впрочем, что моя воспитательница всегда сетовала на мою «антиобщественность» — не любил я классных мероприятий, культпоходов, кружков и прочей лабуды и с друзьями своими предпочитал общаться в неформальной домашней обстановке. «Неприручаемость» эта моя, как я теперь понимаю, очень нашу воспитательницу раздражала, но в остальном вреда от меня было немного.

Из: БНС. О времени, о жизни, о судьбе

— *Судя по Вашим книгам, Вы не очень любите современную педагогику и сегодняшнюю систему воспитания?*

— Я не любил школу, это верно. Хотя волею судеб, начиная с восьмого класса, учился в очень хороших, я бы даже сказал — привилегированных условиях и у очень хороших учителей. В выпускном классе нас оставалось всего двадцать человек, и тринадцать из них кончили с медалью. Но от атмосферы принуждения, ограничения, зубрежки, несвободы все равно деваться было некуда. И если добрая половина учителей на-

ших были настоящие профессионалы, то другая половина... Господи, какие это были монстры и кретины!

Жаль, конечно, что не сохранилось писем БНа этого времени. Что мог школьник писать старшему брату в письмах? Жаловался ли на школу? Хвастался ли своими победами? Видимо да, поскольку позднее, в письме уже из Канска упоминается об одном школьном конфликте БН: «Очень рад за тебя — я имею в виду то, что ты, наконец, наладил с твоим Мироном нормальные взаимоотношения». БН пояснил нам: «Мирон Михайлович Рабинович. Учитель истории в 9–10-м классе. За свои подвиги прозванный Кровавым. Земля ему пухом! Он был хорошим учителем, хотя и жестоким. Но с нами, интеллигентными бандитами, наверное, иначе было нельзя...»

Порадуемся хотя бы сохранившимся письмам АНа.

Письмо Аркадия брату, 10 января 1948, М. — Л.

Здравствуй, Дорогой Боб.

Очень рад и горд за тебя, — правда, не стоило врать, что отец погиб на фронте, а впрочем — пожалуй, можно сказать и так. Теперь, когда ты «обрел бессмертие», держись. Не успокаивать-

ся на достигнутом, не зазнаваться — учит нас великий Сталин, всегда помни это, тем более, что у нас с тобой есть такая поганая тенденция драть нос перед окружающими. Поставил себе в пример отца — следуй этому примеру везде и всюду, а отец был на редкость скромный человек, за что его уважали и любили товарищи. Тебе необходимо готовиться в комсомол. Сразу же, с первых же шагов ты должен увеличивать не только багаж общих знаний, но, в первую голову, начинай создавать себе эрудицию в области политэкономических наук. Конкретные пути к этому наметить довольно трудно, но можно начать хотя бы с того, что стараться читать как можно больше по всем вопросам, пройденным или прорабатываемым в данный момент по истории и по обществоведению (или как там у вас называется этот предмет). Уверяю тебя, это тебе очень и очень поможет в дальнейшей учебе, а главное — сделает из тебя настоящего сознательного большевика. Ты, возможно, улыбаешься, читая эти строки, от которых, как тебе кажется, за версту несет газетчиной и правоверным благолепием. Нет, Боб, это и есть именно то, что необходимо нам с тобой — быть большевиками, стоять впереди в той последней борьбе, которую

переживает мир — в борьбе империализма и коммунизма. Быть большевиком-ленинцем не так-то просто. Для этого недостаточно родиться и воспитываться в социалистической стране — для этого нужно учиться, учиться много, учиться всему (по возможности), во всяком случае нужно быть уверенным (а не верующим) в правоте дела Ленина — Сталина. Итак, Боб, за книги, за устав ВЛКСМ. И кроме того, надо быть общественником. Я сам плохой общественник, но ты постарайся, Боря, научись работать с людьми здесь же в школе. Уверяю тебя, работа с людьми — не простая трата времени в угоду пионерским руководителям. Она научит тебя, как держаться с людьми, о чем с ними говорить, что им интересно и что ты можешь извлечь из общения с ними. Ну, официальная часть окончена.

Надеюсь, твоя руца зажила, и все твои хворости прошли. Хотел бы я посмотреть на твои литературные упражнения. Если дадут отпуск — держись, буду громить за каждую строчку. Возможно, привезу кое-что свое, так что устроим с тобой нечто вроде ута-авасэ (так назывались в средневековой Японии состязания мейстерзингеров).

У меня все благополучно, сдаю экзамены за

седьмой семестр. Сдал пока зачет по марксизму. Пока все.

Крепко жму твою лапу, твой Арк.

Слушайся маму, — поддерживай ее, да замолви ей за меня словечко по дружбе. Ей-богу, замотался, некогда телеграмму было послать.

В конце страницы рисунок битвы в спортзале, поверх рисунка надпись: «В одном физкультурном зале была небольшая драка. А у вас так не бывает»?

На вопрос, что подразумевается под словами АНа «теперь, когда ты обрел бессмертие», БН ответил: «Видимо, имеется в виду статья в «Ленинской искре», где рассказывалось о Боре Стругацком, написавшем верноподданнейшее (а потому — насквозь лживое) сочинение об отце. Сочинение не сохранилось. Интересно было бы его найти!»

Юрий Флейшман начал поиск и тщательно пересмотрел все газеты «Ленинская искра» за 47–48 годы, но ничего похожего не обнаружил. Другой бы отчаялся, но Юрий стал пересматривать все городские газеты того времени, имеющиеся в Публичной библиотеке. И нашел! Газета оказалась другой — «Смена». Поблагодарим Юрия за настойчивость!

Ниже — публикация. Первая публикация с упоминанием АБС и даже с выдержками из написанного. Приводим статью полностью, дабы читатель припомнил (или впервые узнал) стилистику тогдашней прессы. Газета «Смена», 29 декабря 1947 года.

Смолян А. Отцы и дети

Восьмиклассник Борис Стругацкий писал сочинение на тему «Моральный облик советского молодого человека». Первые страницы он посвятил тем героическим представителям нашего народа, которые воплотили в себе лучшие черты советского общества. Он писал о гвардии рядовом Александре Матросове — комсомольце, отдавшем за Родину свою жизнь; о писателе Николае Островском — коммунисте, которого даже страшная болезнь не смогла вывести из строя борцов; о школьнике Павлике Морозове, мужественно выполнившем долг советского пионера.

Это были хорошие, яркие примеры, но они были известны Борису лишь из книг. А он хотел написать о людях, которых знал сам. Юноша задумался, стал перебирать в памяти тех, на кого стоило равняться, кому хотелось подражать. Потом он обмакнул в чернила перо и продолжал

писать:

«Думая о моральном облике советского человека, стараясь на конкретном примере представить себе этот облик, я невольно вспоминаю отца, вспоминаю его жизнь, целиком отданную на служение Родине и партии.

Ему было лишь немногим больше, чем теперь мне, когда он стал членом подпольной большевистской организации...»

Борис писал о том, что знал по рассказам матери, потом — о том, что помнил сам. Сочинение превратилось в биографию рядового солдата революции, настоящего большевика, горячего патриота.

Гражданская война. Потом — еще пять лет, отданных строительству Советской Армии. Годы мирного труда. Партия посылает отца начальником политотдела в одну из далеких сибирских МТС. Работа над укреплением колхозов, потом — работа в Ленинграде. Война. Отец добровольцем уходит на фронт. Кратковременный отпуск отца, его рассказы о героизме товарищей по части. Гибель отца на Ленинградском фронте.

«Я хочу, — дописывает свое сочинение Борис Стругацкий, — быть таким, каким был мой отец: человеком высокой культуры и глубоких зна-

ний, отдающим все эти знания народу; а в дни опасности — храбрым воином, мужественно защищающим любимую Родину».

Борис Стругацкий учится в 107-й школе Выборгского района. Именно здесь научился он понимать, что самое главное в жизни — это «служение Родине и партии». Именно здесь открылся перед ним прекрасный смысл жизни его отца. Школа помогла ему понять, что путеводной нитью для каждого комсомольца должно быть равнение на коммуниста.

С большой и искренней любовью говорят о своей школе, о своих педагогах Борис и его товарищи. С особой теплотой рассказывают они о классной руководительнице, преподавательнице литературы Ольге Васильевне Третьяковой.

— Вы знаете, какой у нас класс был? Даже вспомнить стыдно! А за два года Ольга Васильевна нас людьми сделала!

Слушаешь эти горячие слова или читаешь сочинение Бориса Стругацкого, — в голову приходит одна и та же мысль: совсем по-новому складываются в нашей стране отношения поколений, отношения между отцами и детьми, между педагогами и школьниками. Эта новизна — одно из отличительных свойств нашего общества.

Такая же любовь, с какой говорят о своих учителях ученики 107-й школы, слышится и в отзывах учителей о своих питомцах.

Директор школы, преподаватель истории Ефим Александрович Чудаков говорит:

— У нас с ребятами крепкая дружба, особенно со школьным комсомолом. Я как директор могу сказать, что комсомольская организация школы — мой лучший помощник в борьбе за успеваемость, за повышение дисциплины. А особенно в политико-воспитательной работе.

Каждую пятницу после уроков в кабинет к Ефиму Александровичу приходят члены школьного агитколлектива. В числе агитаторов — члены комсомольского комитета, активисты, лучшие ученики старших классов: Марк Предтеченский, Борис Аксенов, Аркадий Антонов, Владимир Дробатенко, Виктор Моисеев и другие.

— Это мои политработники! — полушутливо говорит директор, вспоминая, видимо, фронтовые годы.

И в этой шутке есть большая доля правды: вот агитаторы прослушают инструктаж и через два дня — в начале следующей недели, как следует подготовившись, пойдут проводить беседы «по подразделениям» — в классы, к которым при-

креплены. Всерьез и с полным правом можно назвать это политработой, политическим обеспечением учебы!

В одну из пятниц директор провел инструктаж по газетным материалам о ленинских местах нашего города. С каким интересом слушали потом в классах беседы на эту тему! Девятиклассник Аркадий Антонов проводил беседу в 3-м классе.

— У нас на Выборгской стороне, — говорил он, — есть очень много мест, связанных с жизнью Ильича. Вот неподалеку от нас расположена улица Комсомола. Каждый из вас, ребята, множество раз проходил по этой улице, где в доме № 12 свыше пятидесяти лет назад Владимир Ильич проводил собрания «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Эта улица называлась тогда Симбирской. Собрания, конечно, проводились тайно...

Потом Аркадий рассказывает о том, как революционный Петроград встречал Ленина на площади Финляндского вокзала, о том, как Ленин выступал на заводах Выборгской стороны. Аркадий заканчивает беседу рассказом о том, как хорошо учился Владимир Ильич и как завещал он молодежи не жалеть себя в борьбе за знания.

— Советский патриотизм, верность великому

делу Ленина — Сталина, — говорит Аркадий, — проявляются в наших успехах. На фронте лучшими патриотами были те, кто первым поднимался в атаку; на заводах — те, кто выполняет пятилетку в четыре года; а в школе — те, кто учится так, как завещал нам Ильич!

Выйдя из класса, Аркадий замечает, что закончил беседу теми же словами, которые слышал от Ефима Александровича. Во всех классах проводились в этот день такие беседы, и всюду «школьные политработники» говорили ребятам о замечательном примере ленинской жизни, о незабываемом ленинском завете. Вот она — неразрывная цепь, идущая от старой гвардии ленинцев через поколения директора школы и комсомольца Аркадия Антонова к поколению юных ленинцев.

Какое бы начинание ни намечал директор, он всегда привлекает комсомольцев, уверенный, что их помощь обеспечит успех дела. Поколения отцов и детей — коммунистов и комсомольцев — объединены здесь, как и во всей нашей великой стране, общей борьбой за дело Ленина — Сталина, за счастливое будущее человечества.

Когда-то один из многочисленных журналистов, откликнувшихся на появление тургенев-

ского романа, писал:

«Отцы и дети! Вечная проблема, существующая с тех уходящих в седую древность времен, когда человечество впервые стало осознавать сущность отношений между поколениями. Но вечно живой остается эта проблема, и никому никогда не удастся разрешить ее, пока продолжается род человеческий, пока дети сменяют отцов, чтобы в свою очередь уступить затем место собственным детям... Да и есть ли нужда решать эту проблему? Не лучше ли понять неизбежность извечной борьбы между идеями поколений, ибо без этой борьбы было бы невозможным развитие человечества».

Владимир Чурсин, ученик 10-го класса 107-й школы Выборгского района, наверно, не читал забытого рецензента шестидесятых годов. Но некоторые места из сочинения десятиклассника звучат прямой полемикой с теорией «неразрешимости» проблемы отцов и детей.

«Мне кажется, — пишет он, — что в будущем исчезнет деление на «мораль молодого человека» и «мораль зрелого поколения». Люди будут молоды духом всю жизнь, до глубокой старости. Ведь уже и сейчас молодежь ставит себе в пример поколение людей, совершивших Великую

Октябрьскую революцию и до седых волос сохранивших революционную идейность, юношескую бодрость, энергию и страстность в борьбе».

Борис Стругацкий, поставивший себе в пример отца, и Владимир Чурсин, пишущий о новом характере взаимоотношений между поколениями, правы, глубоко правы. Это решение «проблемы отцов и детей» — проблемы, казавшейся раньше неразрешимой, — подсказано им жизнью их школы и всей советской действительностью.

Что же касается вопроса о развитии человечества — на этот счет мы спокойны: нам выпало счастье равняться по революционному, новаторскому поколению, по отцам, которые учат своих детей никогда не останавливаться на достигнутом. Не антагонизм между поколениями, а дружба между ними, равнение комсомола на партию, общая борьба — вот одна из могучих сил, движущих наше общество вперед. И никогда еще развитие человечества не шло такими исполинскими шагами, какими идет оно ныне!

Александр Семенович Смолян, написавший эту статью, тогда журналист «Смены», а позднее работник редакции «Звезды» и к тому же писатель-фантаст, будет не раз упоминаться БНом в письмах брату 60-х годов. Лишнее подтверждение

уже сказанного выше — писательский мир тесен.

И насчет одной фразы из предыдущего письма. «Тебе необходимо готовиться в комсомол». С пафосом представленной статьи перекликается воспоминание БНа:

Из: БНС: «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое»

1949 год. С трудом, последний в классе вступаю в комсомол — не брали меня: неколлективный антиобщественник! Из пионеров исключили: не желал оформлять местную газету (сам-то я отказывался, совершенно честно полагая, что рисовать не умею, но пионервожатая считала, что это не важно — важно выполнять общественное поручение). Плохой мальчик. А как хотелось прильнуть к Источнику, влиться в ряды, стать как все!..

И опять «солдатский треугольник». Старший брат продолжает наставлять младшего:

Письмо Аркадия брату, 12 февраля 1948, М. — Л.

God bless you, Bob![13]

Давно я уже тебе не писал. Правда, писать

особенно не о чем — живу, учусь, заниматься приходится очень много, так что писать (я имею в виду не письма, а stories) иногда просто нет времени. Тем не менее собираю пока удачные мысли с тем, чтобы использовать их, когда представится возможность. Между прочим постараюсь прислать тебе к дню рождения какую-нибудь гишторию, но опять-таки все упирается в вопрос времени. Разумеется, можно было бы отделаться простым выполнением домашних заданий, тогда бы времени было больше, но языки, а особенно марксизм и политэкономия — требуют глубоких знаний, быть в таких вопросах дилетантом задрипанным — время, которое тратишь на задания, не стоит такого результата. Эти вещи, братишка, как игра на скрипке: отец как-то говорил, что на скрипке можно играть либо отлично, либо плохо — середины нет. А уж если играть — то играть отлично. То, чем я сейчас занимаюсь, — мое оружие, а значит и вид оружия моей армии, а в будущей стычке потребуется первоклассное оружие. Советую тебе подумать об этом.

Пишу тебе на семинаре по политэкономии. Сегодня я докладчик, минут через десять-пятнадцать придется отвечать. Ну, это-то мы как-нибудь ответим.

Так вот, мой мальчик. Я не собираюсь уговаривать тебя сидеть над скучными учебниками, heavens forbid!![14] — нет. Но тебе нужно для начала быть в курсе современных событий — для этого существуют газеты и журнал «Новое время», тебе нужно все время повышать знание английского языка — хотя бы только для чтения — это второе; тебе нужно — пора уже приняться за серьезное изучение естественных наук, бросить чтение — я имею в виду запойное чтение — фантастической литературы. Это третье, а четвертое — старайся больше писать, а не переписывать. Вот пока всё. Жду твоего письма,

крепко целую и жму руку, твой Арк.

Просьбу брата «больше писать» БН выполняет и пишет свой первый рассказ.

Из: БНС. Я еле выжил под ножом хирурга

Первый рассказ я написал в 8-м классе, воспользовавшись тем, что нам было задано сочинение на вольную тему. Учительница поставила мне «отлично», но при этом была изумлена. Я, разумеется, ожидал другого. И зря. Потому что действие у меня там происходило в джунглях, сами понимаете, Амазонки, в загадочной лаборатории, где гениальный ученый создавал искусственную

материю и лепил из нее искусственное живое существо — чудовище по имени Виско. Оно, естественно, вырывалось на свободу, разносило вокруг себя вдребезги все, начиная с ученого, а потом само распадалось на атомы, лишенное искусственной подпитки. Не знаю, читала ли в те времена моя бедная учительница «Франкенштейна» (я не читал), но такое сочинение пионера, без пяти минут комсомольца (на дворе — 1948-й, идет разгром вейсманизма-морганизма пополам с изничтожением гидры космополитизма) выглядело странно, и изумление ее (как я теперь понимаю) было следствием совершенной невозможности хоть как-то классифицировать подобный текст. Это изумление я запомнил: первая реакция постороннего читателя на мое творение. Но друзья меня не подвели и, как и полагается друзьям, текст одобрили. Спасибо, ребята, что я был бы без вас!..

В другое время БН рассказывает об этом немного иначе (и класс не восьмой, а девятый), но тем не менее: «Виско» — первый рассказ БНа.

БНС. Офлайн-интервью 22.12.01

В девятом классе нам задали на дом сочинение на свободную тему. И я придумал свой первый

рассказ. Он назывался «Виско». (Не от «виски», конечно, а от слова «viscosity» — вязкость, липкость.) Виско — это было человекообразное чудовище, искусственным образом созданное (вылепленное) в тайной лаборатории в джунглях Амазонки. Деталей не помню. Помню только, что в конце концов измученное экспериментами чудовище убивает своего создателя и разрушает лабораторию. (Явная аллюзия на «Остров д-ра Моро».) К сожалению, до новейших времен рассказ этот (написанный тушью и снабженный соответствующей иллюстрацией) не дожил: где-то в середине 50-х я сжег его в печке в приступе законного самоуничижения. А за сочинение на свободную тему получил, помнится, пятерку и изумленный взгляд учительницы литературы.

Восьмой или девятый класс — это 48-й год. Вспомним дату первого рассказа АНа: май 46-го («Находку майора Ковалёва» все же не станем учитывать). Начало даже не творчества еще — брульонов — отстоит у братьев только на два года. Может быть, такова и есть на этот период времени разница в возрасте братьев? В творческом возрасте...

Письмо Аркадия брату, 1 марта 1948, М. — Л.

Здорово живешь, Боб.

Давно я тебе не писал. Получил твои два письма, молодец, не забываешь меня. Very much delighted to know15, что ты собираешься следовать моим советам, имей в виду, чтобы уважать себя и иметь право требовать уважения от других — самых лучших, надо непрерывно учиться, узнавать, узнавать и узнавать. Это хорошо, что ты имеешь друга: друг — очень много значит в жизни. У меня, к сожалению, никогда не было настоящих друзей, я имею в виду — друзей, о которых так хорошо пишут в посредственных романах плохие писатели. Да, друг значит много. Кстати, я хотел бы сказать тебе кое-что о нормах поведения. Судя по письмам мамы, ты сейчас такой же (или почти такой), каким в твое время был я. Оглядываясь сейчас на прошлое, я вижу очень много ошибок, которые я совершал иногда по глупости, чаще из упрямства, очень часто — из-за незнания как себя вести. Самым плохим в моем прошлом была гордость и самонадеянность. Я, разумеется, знал много, больше, чем мои друзья. И «обуяше гордыня его» — стыдно сейчас вспомнить. Боря, никогда и ни к кому не относись свысока, по крайней

мере — не проявляй этого, ибо у каждого человека есть свои сильные стороны, только у одних, как у тебя, они выставлены наружу, если можно так выразиться, а у других — скрыты. Никогда не строй из себя разочарованного, скучающего или презирающего мир — пошлее ничего не могу себе представить. В общем, запомни: содержание умного человека гораздо богаче, чем он обыкновенно показывает. И если ты показываешь много, то знать ты должен вдвое больше. Прости, что пишу так несвязно, страшно хочу спать, но еще больше хочу писать тебе. И еще — люби, береги и уважай — самое главное, уважай — нашу маму. Это тебе прекрасный пример того идеального человека, о котором я тебе пишу: ведь только мы с тобой, да сослуживцы некоторые знают, какой это чудесный человек, наша ма, а так, пожалуй, снаружи ничего особенного. Это тебе еще заповіт: не суди его по лику его, ни еще по словам его, а по делам его.

Перелезаю на следующую страницу.

Я, Боб, отстал немного от жизни: напиши, если знаешь, что новенького в фантастической литературе за последний год. Ты, вероятно, в курсе. Буду тебе очень благодарен — название и содержание, that's I need16. Вот, пожалуй, всё.

Крепко жму руку, целую — твой Арк.

It's never to be forgotten![17]

Последняя фраза относится уже к рисунку, изображающему атаку на танк солдата со связками гранат. Ниже рисунка надпись: «One of 28[18]». На следующей странице: «Узнав о гибели своего доблестного отца, Миномото Йосицуне решил сделать сэппуку (харакири) его богатырским мечом. Но его исполненная добродетелей мать вовремя остановила его... (Из «Хэйкэ Моногатари»)» и рисунок: ребенок с мечом, рядом — мать, горшок, игрушки. Справа — тот же текст иероглифами.

БН вспоминает школьные годы:

Из: БНС. Я еле выжил под ножом хирурга

— В детстве вы мучили кошек, подсматривали за девчонками в туалетах, курили тайком, пробовали алкоголь, воровали деньги из кошелька учительницы?

— Какой, однако же, мерзопакостный портрет вы мне нарисовали! Нет, кошек я никогда не мучил, наоборот, нежно любил, и именно поэтому им от меня особенно доставалось. Я все время с ними играл, и игры эти были иногда жестокими. За девчонками не подглядывал. Не забывайте, я

— жертва эпохи раздельного обучения... Курить начал пробовать с девятого класса, окончательно закурил уже на четвертом курсе. Алкоголь... Во времена восьмого (или девятого?) класса на занятиях гимнастикой у нас с дружком наконец-то впервые получилось сальто назад. По этому поводу была тотчас же куплена и там же, в спортзале (на матах), распита бутылка «Вин-де-масе» (тогда в магазинах почему-то вдруг появилась целая плеяда вин с роскошными иностранными названиями). В воровстве скорее не повинен. Лет эдак двенадцати от роду попытался украсть с прилавка маленькую фарфоровую гирьку (это было время моего увлечения весами, случайно обнаруженными дома среди рухляди, и мне отчаянно не хватало разновесов). Был тут же пойман за руку продавщицей, разоблачен и опозорен перед мамой, вместе с которой и находился в этом проклятом магазине. Мамин взгляд (не поддающийся описанию; во всяком случае, я описывать его отказываюсь) запомнил на всю жизнь.

— Вы были пай-мальчиком? Или шпаной, ребенком улицы?

— Скорее серединка на половинку, но все-таки к пай-мальчику я был, конечно, ближе. Мне всегда было интереснее заниматься чем-нибудь

дома: химические опыты, рисование, изготовление телеграфного аппарата для связи с приятелем посредством азбуки Морзе (было время, я неплохо владел морзянкой), копание в марках (с седьмого класса), чтение, в конце концов... Улица взяла с меня дань, но в наиболее безопасной форме — изнурительные игры в футбол или лапту, вполне бессмысленное торчание в подворотнях, лазания по всем доступным чердакам, крышам, а также таинственным подвалам Военно-медицинской академии.

Об улицах того времени БН вспоминает:

БНС. Офлайн-интервью 24.04.02

Есть в жизни молодежи одна проблема — гопники. Хотелось бы узнать у Вас, что представляли эти «короли микрорайонов» в Вашей молодости, — как была развита эта, в настоящее время, вероятно, самая широкая субкультура — гопники?

Shekt. Nsk, Россия

По-моему, ничего нового в этой области (по сравнению с моим временем) общество не изобрело. Я прекрасно помню совершенно жуткие сразу послевоенные годы, когда появляться в темное время на улице (за пределами «своего»

двора) было просто опасно. Потом — «холодное лето 53-го года» — «бериевская амнистия», жуткий всплеск преступности, все знакомые воры из нашего дома вновь оказались на свободе и торились под лестницей, переговариваясь о своих черных делах... Потом стало полегче, но остались районы, где появляться в одиночку (без своей кодлы) было по-прежнему небезопасно (например, парк Горького на Петроградской стороне — в самом центре города, между прочим). Как-то мы, тем не менее, устраивались, несчастные травоядные. Заполняли экологические ниши, свободные от волков. Парк ВМА — была наша ниша. Мы там были свои и под охраной своих волков — расплачиваясь пустяковой данью: то мяч отберут (а потом вернут полуживой), то последний рубль, прикопленный на марки... Это был такой образ жизни — со своими правилами, со своим расписанием даже. По Клинической нельзя было ходить зимой с 18 часов и позже: там тебя под вязом ждал коренастый малый лет шестнадцати, который, сопя и изрыгая черную брань, обшаривал твои карманы и отбирал все, что в карманах было. И некому было на него пожаловаться; из наших волков никто его не знал, да и не любили они «вязаться» с чужими просто

так, из любезности... Так что не обольщайтесь идиллическими картинками «времен порядка и спокойствия» — не было у нас на родине таких времен никогда.

Взросление неотвратимо, и Борису исполняется уже пятнадцать лет. Брат отмечает это в письме:

Письмо Аркадия брату, 10 апреля 1948, М. — Л.

Здравствуй, многие лета на страх врагам и на радость друзьям преславный и столь же могучий физически сколь и немощен еще умственно

Борис Натаныч!

Поздравляю тебя, друг мой, с пятнадцатью годами твоего великолепного существования, история коего столь поучительна, что будь она записана кончиком иглы в углах глаз твоих — она служила бы в назидание правоверным[19] как достойный образец жизни, прожитый не зря и в будущем обещающий много больше, чем было сделано в прошлом. На сем, собственно, поздравительная часть письма оканчивается. Да, о подарке можешь не беспокоиться: будет тебе привезен и вручен по приезде моем в Ленинград, как и в прошлом году с биноклем. Буде же такой способ одарять новорожденных тебе

не импонирует — можешь обратиться в Лигу Правдоискателей (дочерний филиал Лиги, обслуживающий твой квартал, находится где-то в конце Лесного, рядом с Райсоветом — но я тебе не советую ходить туда, ибо можешь очень просто попасть в 94 отд. милиции).

Итак, к делу. Прежде всего — хорошая новая песня — «Песня военных корреспондентов»20. Боюсь, что ты, может быть, и слышал ее (исполняет Утесов), но не обратил, по своей обычной рассеянности, на нее никакого внимания. А песня стоящая. Вот, изволь я тебе ее напишу, а когда услышишь — можешь подпевать.

Песня военных корреспондентов

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С «лейкой» и блокнотом,
А то и с пулеметом
Мы с тобой, товарищ мой, прошли.
Без глотка, товарищ,
Песни не заваришь,
Так давай за дружеским столом

Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем.

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали,
Но нас не остановишь никогда.
На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми вступали в города.
Выпьем же за эмку,
За У-2, за ленту!
Выпьем же, товарищ, за успех!
Помнишь, как шагали,
Как плечом толкали,
Как мы поспевали раньше всех.

За газету нашу,
За друзей, шагавших
В пекле, где кипел жестокий бой, —
Кто-нибудь услышит,
Кто-нибудь напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой.

От ветров и стужи
Песни стали хуже,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
«С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте хоть бы год!»

Хорошая песня, правда? А вот еще куплет из другой песни на тот же мотив:

Гусеницы, крылья,
Корпус, эскадрилья —
Мешанина стали и огня.
Кровь течет на руки,
Кровь сочится в люки,
Стынет кровь в канаве у плетня.

Дым и смрад пожарищ
Ты прошел, товарищ,
В крошеве металла и костей
и т. д.

Это — песня разведчиков. Еще не написана.

Ну, ладно. Кстати, почему ты думаешь, что я не читал Диккенса? А уж про мистера Стиггинса21 и его красный нос — о! это можно запомнить.

И еще, мало пишешь, мой мальчик. Нехорошо забывать друзей.

Я живу хорошо, все в порядке. Поцелуй мамочку. Пока кончаю. Целую и жму руку,

Твой Арк.

P. S. Забыл, какую книгу ты упоминал, но я ее не знаю. Напиши.

Читал «Человек-ракета»?22

Еще один «солдатский треугольник». Здесь АН упражняется в стилевом разнообразии письма: изящная архаика и сжатый стиль военного донесения заканчиваются нарочитым просторечием:

Письмо Аркадия брату, 23 мая 1948, М. — Л.

Здравствуй, дорогой брат Наш Борис.

Мы в Нашем последнем письме выражали надежду Нашу, что Ты известишь Нас о том, какими книгами, в частности, какими новыми научно-фантастическими романами сможешь ты усладить Наше сердце, ибо не только одной пищей телесной жив человек, о чем ты, вероятно, достаточно наслышан, а то и сам испытал. Однако, к великому прискорбию Нашему, Мы все еще не можем похвалиться тем, что братья Наши и подданные охотно и быстро выполняют Наши

просьбы и поручения. Впрочем, вероятно таков уж век. Будь, однако ж, уверен, что, возвратясь из дальних странствий23, в коих Мы сейчас пребываем, Мы выясним с пристрастием, каковы были причины столь странной невнимательности и небрежения к просьбам Нашим.

В остальном Мы живы и здоровы. Сегодня в ходе боев подошли к оборонительной полосе пр<отивни>ка «Экзамен», коея имеет охранять подступы к 5-му курсу, а паче всего — к отпуску. В результате первой стычки нашего авангарда с охранением пр<отивни>ка, группа охранения «Лексикология», численностью до батальона, пр<отивни>к разбит и обращен в бегство. Разведка доносит, что на той неделе встретим другую группу «Иероглифика». Но это все пустячки, а вот с 1-го июня с. г. начнем штурм главной полосы. Начинается она системой «Яп. язык». Подробности милостиво сообщим.

Кстати, матушке нашей передать не опусти Наши поклоны и ручку ей облобызай. Да не бузи там, черт, а то вернемся, получишь костылей между плеч-то.

Засим остаемся брат твой Арк.

А в этом письме рассказывает о своей учебе:

Письмо Аркадия брату, 10 июня 1948, М. — Л.

Здравствуй, дорогой братишка.

Очень рад, что ты так блестяще закончил разгром восьмиклассной коалиции и вышел теперь на оперативный простор отдыха и занятий спортом. Не сомневаюсь, что анатомию ты тоже сдал на пять.

У меня бои по-настоящему только начинаются. Сдал я пока только языки — предметы, по которым только лентяй, вернее, только непроходимый дурак получит тройку. А впереди — мощные укрепленные пояса Политэкономии, Марксизма и менее мощный, но требующий не меньшего внимания укрепрайон Истории Японской литературы. Но даст бог — перемахнем пригорочек24. Я здоров, сильно страдаю от жары, шутишь — 30–35° каждый день, сдохнуть можно. Ниже помещены отчеты и письма участников великого наступления на «Город 26 Июня». Возможно, они не совсем правильно, а главное — не совсем ясно отражают истинное положение вещей, но смею надеяться, дадут пищу твоей фантазии, каковая, по моему глубокому убеждению, должна быть у тебя развита никак не меньше, чем у меня самого.

Итак,

Выписка из рапорта командующего 2-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Астерта начальнику интендантского управления фронта Заморских Стран генералу армии Греспу.

«...Продвигаться приходится в невероятно тяжелых условиях. Непрерывные ливни с грозами превратили и без того слабую дорожную систему местности в необозримое грязевое море, глубина которого достигает местами двух — двух с половиной метров. Автомобильный и мотоциклетный парк пришлось бросить. Легкие и средние бронедивизии безнадежно отстали. Только тяжелым и сверхмощным танкам удается не отставать от пехоты — временами эти машины превращаются в своеобразные грязевые субмарины, ползущие по дну болота, выставив наружу только стволы пушек и командирские башни. Артиллерия, минометы, боеприпасы, кухни и прочее фронтовое имущество передвигаются исключительно силами солдат.

Корпус уже неделю лишен подвоза продовольствия — питаемся прокисшей кашей из хлебных крошек. К счастью, низкая облачность не дает возможности авиации противника совершать налеты. Встречающиеся отряды пр<отивни>ка уничтожаются, и это поддерживает дух измотанных, изголодавшихся бойцов. Прошу ходатайства Вашего Превосходительства перед командующим фронтом о предоставлении в наше распоряжение специальных тыловых подразделений снабжения с глиссерами-вездеходами. Продовольствия осталось всего на один день. Завтра вскрываем корпусные неприкосновенные запасы.

Остаюсь и т. д. и т. д. генерал-лейтенант [подпись]»

Описание сражения на Берегу Пустыни, заимствованное из газеты «Синие Звезды» столицы Иностранной Державы

От специального корреспондента.

В 4 часа утра по местному времени артиллерия всех видов — начиная от тяжелых дивизионных и корпусных гаубиц, укрытых в зарослях гигантских хвощей,

и тяжелых ракетометателей и кончая батальонными спаренными пушками — открыла ожесточенный огонь по линии укреплений Берега Пустыни. Все на берегу заволоклось тучами песка. Огромные глыбы скал и каменный щебень стеной поднялись и затмили прояснившееся небо. Через час артподготовка была закончена и огонь перенесен в глубину обороны пр<отивни>ка. Тогда из грязи с чваканием и сопением, подобно гигантским разъяренным гиппопотамам, полезли тяжелые и сверхмощные танки. За ними поднялась пехота — маленькие, покрытые сплошной корой засохшего ила солдаты. Их встретил ожесточенный огонь в упор. Очевидно, артиллерия не подавила ДОТ и КОТ пр<отивни>ка. Два раза начиналась и захлебывалась в огне атака. Положение спасли сверхмощные танки «Скорпион». Неуязвимые даже для кумулятивных ракетных снарядов, они давили и в упор расстреливали огневые точки. К девяти часам пехота заняла первую линию окопов. В то же время дивизия спешенных мотоциклистов ге-

нерала Мессена прорвала оборону на всю глубину и двинулась вдоль укреплений, быстро парализуя их. К двенадцати часам все было кончено. Тучи рассеялись, и багровое от дыма солнце осветило картину страшного разрушения и смерти. Камни, песок, железо, кровавое месиво человеческих тел — все смешалось. А из болота выходили все новые и новые подразделения, строились в походные колонны и двигались дальше на юг. Генерал Астерт лично поблагодарил, обнял и расцеловал генерала Мессена за подвиг его дивизии.

Из письма ефрейтора 14-й роты 163 полка 2-го корпуса Плиссероса жене.

«…Болото сменила пустыня. После штурма Берега Пустыни, о котором ты уже, вероятно, слыхала, мы двинулись дальше на юг. В страшную страну вступили мы — страну, где владыка — вездесущий, всепроникающий песок. И солнце — чудовищный лохматый клубок огня над головами. Броня танков раскаляется так, что на ней можно жарить яичницу. И ни капли воды вокруг. Воду нам привозят с Великого Болота на транспортерах

и самолетах, но этого прискорбно мало. Всего два стакана в день на брата. Но мы идем и идем, днем и ночью. Вчера мы поднимались на плоскогорье, и можно было видеть все, что делается на десяток километров вокруг. Я видел толстую змею наших колонн, хвост ее исчезал где-то далеко в зыбком мареве пустыни. Иногда налетают самолеты, но наши летчики отгоняют их. Раз в два-три дня встречаем сопротивление незначительных отрядов пр<отивни>ка. Да, помнишь, я писал тебе о лейтенанте Корпе? Он погиб, бедняга. Ему прямо в живот угодила магнитно-реактивная мина (он сидел на танке, прислонившись к башне), и кусочки его мы находили в радиусе двадцати метров от места происшествия)...»

Так мы наступаем, Борька. Трудно, жарко, мозги кипят даже, но ничего, думаю, что выдержу.

Крепко тебя целую и жму твою честную руку.

Привет мамочке, поцелуй ее. Да не очень бегай за бабами.

Твой Арк.

Литературные пробы снабжены рисунками

и подписями к ним. К примеру: «Штурм Берега Пустыни. Тяжелые самоходные арт-установки поддерживают продвижение сверхмощного танка „Скорпион“».

В архиве сохранилось несколько школьных тетрадей БНа и отдельных листочков того времени. Просмотрев их, можно узнать, например, что в девятом классе кроме обычных и сейчас предметов значилась психология. И на отдельном листке, вероятно, запись с одного из уроков по этому предмету.

Перечень предметов, справа от каждого — баллы (от 0 до 9). Возможно, это результаты теста, по итогам которого можно судить, что у девятиклассника Бориса Стругацкого не было никакой любви к занятиям черчением и военным делом, а высшего балла удостоился только один предмет — литература. Впрочем, неплохо и с другими гуманитарными науками: история — 8, английский — 7. Есть и еще два листочка, вырванных из школьной тетради, на которых тот же перечень предметов окружен баллами (перечеркнутыми и вновь написанными), стрелочками (перемещающими вверх и вниз по списку отдельные предметы).

БН насчет этих записей сказал: «„Загадка, пол-

ная тайн“. Стрелки какие-то... Может быть, действительно, какие-то тесты из психологии? У нас был по этому предмету довольно странный преподаватель. «Я выпиваю стакан водки и смотрю — мир почти не изменился. Тогда я выпиваю второй стакан водки...» (Восторг десятиклассников.)»

Спрашивает об отдельных предметах и успехах БНа и брат:

Письмо Аркадия брату, 21 октября 1948, М. — Л.

Борис, salvete!

Давно я тебе не писал, друг мой. Обо мне тебе, вероятно, известно, а вот мне о тебе известно мало. Чем занимаешься? Как работаешь над астрономией, физикой? Есть ли еще порох в пороховницах? А как у тебя дела с девчонками? Я, брат, понемногу припухаю. Не пришлось бы того, хомут надеть на шею, как мама говорит. Все собираюсь переслать тебе рукопись «Человека, который любил Диккенса»25, помнишь? Но никак не соберусь; приходится очень много работать. Кстати, что ты сейчас пишешь? Мнится мне, что твоя литературная деятельность ограничивается дневником твоим знаменитым. Надо, брат, писать. Писать — значит развивать литера-

турный вкус. Фундамент у тебя изрядный, читал ты много, теперь пиши.

Теперь дело вот в чем. Записку, которая вложена в письмо, ты должен в самое ближайшее время отнести по адресу: <...>. Тебе откроют, ты спросишь Аню. Передашь эту записку Ане, по возможности лично ей, поэтому постарайся поехать в выходной. Кто ты, откуда записка, кто передал записку — ничего этого говорить ты не должен. В крайнем случае скажешь, что тебя попросил передать ее знакомый, приехавший недавно с Севера. Ясно? Теперь, как найти этот дом? Ничего нет легче. Вот план: [Рисунок]

Войдешь во двор, подъезд налево.

Вот и все. Прошу исполнить, по исполнении немедленно доложить, подробно притом.

Записку распечатывать воспрещаю, впрочем, я думаю, что предупреждение это излишне.

Вот так. Ну, браток, пока до свидания.

Крепко целую тебя, жму твою лапу.

«Фундамент у тебя изрядный, читал ты много, теперь пиши», — советует брат. И брат пробует. Сохранившийся в архиве обрывок листка комментирует БН: «Это первые попытки самостоятельного писания. Конец, естественно, придуман не был. Даже приблизительно. И вооб-

ще слизано, кажется, из Уэллса — „Чудотворец“». Сам текст:

Меня будто ударили чем-то сзади, сильно и упруго. Я охнул и полетел, растопырив руки, куда-то вперед. В глазах блеснуло что-то оранжевое, пахнуло дымом. Кругом все ревело и тряслось, а я летел в бездну, широко разинув рот и зажмурив до боли глаза. Руки наткнулись на какое-то препятствие, твердое и теплое, и я заорал от дикой боли в суставах. Что-то завизжало над ухом пронзительно и тонко, по спине забарабанили осколки. Я лег, закрыв голову руками, и с ужасом ждал конца. Визг сменился глухим рокочущим ревом, почва затряслась и рассыпалась: меня подбросило вверх. Я вскрикнул и, махая руками, подхваченный вихрем необычайной силы, понесся в пространство, кувырком, натыкаясь на невидимые препятствия, оглушаемый чудовищным ревом, грохотом, треском. Что-то тяжело ударило в спину, я зацепился ногой, упал и поволокся по земле или там черт знает по чему. Температура стремительно повышалась, вихрь обжигал кожу, я кричал и не слышал своего голоса, перед глазами неслись в беспорядке темные и светлые пятна, мелькали желтые языки пламени. Я лежал спрятавшись за какой-то плотно

прикрепленный к почве предмет — на ощупь кусок гранита с очень острыми краями, сверху из серого, дымного хаоса падали булыжники, кирпичи, куски дерева и железной арматуры. Проволоклась по земле балка, удивительно напоминающая фонарный столб, ударило по голове сломанным стулом, жарко было невыносимо, в открытый жадно рот летела пыль и разная дрянь вроде окурков. Потом вдруг все осветилось вокруг ярко-голубым светом и раздался такой звук, что я потерял сознание. Последнее, что я запомнил, было то, что невидимая сила прижимает меня к земле. Мрак окружал меня.

Нижние строчки заслоняют рисунок, изображающий падающего вниз головой человека. Вообще же, практически почти все тетради и листки из них, сохранившиеся у БНа со школьных времен, усеяны рисунками, рисуночками, зарисовками, шаржами. Некоторые из них представлены во вклейке.

Письмо Аркадия брату, 28 ноября 1948, М. — Л.

Здравствуй, дорогой братишка!

Очень тебе благодарен за письмо и особенно за информацию о книгах и о новом спутнике Урана. Хоть и весьма сомнительным представляется

мне, что у такого гиганта, как Уран, может быть спутник с временем обращения 30 часов. Может быть, суток? Во всяком случае тебе следовало бы указать, откуда ты узнал такие подробности. Что касается книг, то ни одной из упомянутых тобой я еще не встречал, буде же встречу — обязательно куплю ту, что ты просил. «Человек, который любил Диккенса» у меня переведен в черновике, но никак не могу собраться переписать. Вероятнее всего я тебе перешлю его с мамой, когда она вернется из Москвы. Между прочим, раздумывая над возможностями создания военной игры, в которой все соответствовало бы более или менее действительным возможностям развития боя, я пришел к выводу, что лучше всего для этого брать не бои между мелкими подразделениями (как мы брали — полки, батальоны, роты), а что-нибудь покрупнее. И я сделал наметки игры «Прорыв обороны», где армия наступает на дивизию, причем использую в ней все известные данные (мне известные, I mean26). Основные роли предоставлены здесь не только непосредственно боевым операциям, но и снабжению, и городам (как пунктам снабжения и центрам укрепленных районов). Игра выходит очень сложная: в ней играет роль и скрытость укреплений и передвижений

для пр<отивни>ка, и необходимость для танков, артиллерии и автомашин снабжаться горючим и боеприпасами, и ограниченные возможности вести огонь из разных пунктов местности и т. д. В игре я использую действительные формы организации войск. Если тебе будет интересно — я тебе пришлю условия игры. Игра эта будет тебе полезна тем, что ты уяснишь себе более или менее роль взаимодействия и поддержки родов войск, а также познакомишься с принципами организации обороны и наступления армии.

Вот пока все. Крепко жму руку и целую, мой дорогой Боб. Поцелуй и обними нашу мамочку. Твой Арк.

Внесем ясность в создание военной игры, описанной в письме:

БНС. Офлайн-интервью 16.03.01

В молодые годы (конец 40-х) мы с АНС увлекались (даже уже будучи вполне взрослыми людьми) настольными военными играми типа «Бой батальонов», «Бой корпусов» и т. д. В магазинах такие игры тогда продавались свободно, но мы делали свои, гораздо более сложные, с учетом «невидимости» сил противника (пока они себя не обнаружат), неоднозначности результатов

стрельбы (учитывалась вероятность попадания), небезграничности запасов горючего у танков и т. д. Короче, это были игры типа нынешнего «Панцер-генерала», только без всяких компьютеров, а на огромных самодельных картах, которые мы расстилали по всему полу в большой комнате. Хорошее было время!

БНС. Офлайн-интервью 04.06.02

Игра «Бой батальонов» — расскажите о ней, пожалуйста.

Парецкий Михаил. Ашдод, Израиль

Доска, расчерченная на квадратики. На доске нарисованы: лес, река, сопки, дороги. У каждого из игроков — набор картонных квадратиков с изображением пехотинцев (отделения), пушек (батареи), пулеметов, даже, кажется, танков. Квадратики эти передвигаются игроком по определенным правилам. Стреляют, уничтожают квадратики противника, гибнут сами... Правил уже, честно говоря, не помню, но были они довольно примитивны. Мы с АНом существенно усовершенствовали эту игру: карта у нас была — на всю комнату. Передвижения войск осуществлялись скрытно. Попадания-промахи были случайны (бросался игральный кубик)... И пр.

и пр.

В архиве сохранились отдельные правила к этой игре, представляющие собой таблицы и схемы со множеством значков. Вот, например, подсчеты численности личного состава подразделений:

экипаж, ч.

Танки 2170

Артиллерия 200 мм и выше 432 н. 13080

Истребители 872 о. 2170

Бомбардир. 432 с. 960

Оруж. упр. по радио 96 с. 1000

Взвод — 4 отделения (40 чел.)

Рота — 3 взвода (120 ч.)

Взвод — 51 чел.

Рота = 153 + 7 пулем. (2 пулем.) + 10 автом. + 5 чел. (штаб) = 175

МР = 2 мв = 4 мином. = 17 минометчиков

ПР = 3 пв = 6 пулем. = 22 пулем.

рПТР = 2вПТР = 4 ПТР = 8 солдат р57мм = 2в = 4 орудийн. = 25 солдат

Батальон = 525 + 20 автом. + 22 пулем. (6 пулем.) + 17 мином. (4 мином.) + 8 птрщиков (4 птр) + 25 с. (4 оруд.) + 3 чел. (РО) + 10 чел. (ШБ) = 630 солдат и офиц.

Полк = 1890 солд. + 45 пулеметч. (12 пулем.) + 35 минометч. (8 мином.) + 52 (8 оруд.) + 30 ч + 40 + 10

разв. + 20 (ш. п.) = 2120 чел.

Письмо Аркадия брату, 8 февраля 1949, М. — Л.

Здравствуй, Борька.

Давно не писал, извинения см. в письме к маме.

Жалеть, что не приехал, не приходится — нужно было готовиться к последнему и решительному бою27, а в Ленинграде я этого сделать не мог бы. И все-таки ужасно хотелось повидать вас. Ну, ничего, даст бог — еще увидимся.

Как ты живешь, что делать изволишь? Начертил ли карту для нашей игры? Наверное, нет. Впрочем, теперь не к спеху. Знаешь, я здесь прочитал одну любопытную книженцию — «Руководство к правилам ведения секретной переписки и пользованию шифрами» издания японского военного министерства. Возможно, в твоей Арканарии нуждаются в хорошем шифре — могу тебе предложить один, особенно мне понравившийся. Он прост и удобен в обращении, им можно пользоваться на любом языке. *(См. рисунок во вклейке.)*

Шифр хорош тем, что даже не помня его наизусть, на нем можно писать без особого труда.

Что ты сделал с «Человеком, любившим Дик-

кенса»? Пишешь ли что-нибудь? Новые книги? Я купил пьесу Олдриджа «49-й штат»28, политическая сатира, вроде «Острова Мира»29, если хочешь — пришлю как-нибудь. Пиши и отвечай скорей, жду с нетерпением.

Целую и жму руку, твой Арк.

«Последний и решительный бой» — это выпускные экзамены во ВИИЯ. О дальнейшем пути вспоминает БН:

Из: БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда!

Потом была армия, армия и снова армия — преподаватель в Канском военном училище, дивизионный переводчик в Петропавловске-Камчатском, служба на Курилах, в Хабаровске, и только в 1955-м — демобилизация, наконец, Москва и начало гражданской жизни.

Младшему все это время везло гораздо больше, хотя и у него были свои заморочки и прибабахи. Кончил школу в Ленинграде, поступил в Университет, стал астрономом, работал в Пулковской обсерватории, ездил в экспедиции, писал диссертацию (так и не написал), и все это время поддерживал непрерывную связь со старшим — еженедельные письма, обмен информацией и

случаями из жизни, а месяц в году — величайшее счастье: старший брат приезжает в отпуск!

К этому времени относится еще одно воспоминание БНа. К сожалению, непонятно, где происходило описываемое собрание: еще в институте или уже на службе.

Из: БНС. Больной вопрос

Кто придумал эту блистательную формулировку: «Чувствуете ли вы себя евреем?» Впервые я услышал о ней от своего старшего брата, когда он с отвращением и ненавистью рассказывал мне, как в конце 40-х на одном из комсомольских офицерских собраний ихний главный политрук допытывался у него прилюдно: «Но вы, все-таки, чувствуете себя евреем, лейтенант, или нет?»

Дилемма тут была такая: либо ты говоришь, что чувствуешь себя евреем, и тогда моментально оказываешься весь в дерьме, ибо в анкетах повсюду стоит у тебя «русский», а также и потому, что самолично, при всех, расписываешься в своей второсортности; либо ты говоришь правду — «нет, не чувствую» — и опять же оказываешься в том же самом дерьме, ибо ты Натанович, и ты на «ский», и ты выходишь натуральным отступником и предателем...

Я, между прочим, и до сих пор не знаю, что это, все-таки, значит — «чувствовать себя евреем». У меня сложилось определенное впечатление (в том числе и из разговоров со многими евреями), что «чувствовать себя евреем» — значит: жить в ожидании, что тебя в любой момент могут оскорбить и унизить без всякой на то причины или повода.

Я не знаю также, и что значит «чувствовать себя русским». Иногда мне кажется, это означает просто радоваться при мысли, что ты не еврей.

Этот и в самом деле больной вопрос портил немало крови братьям. Вот одна из намечавшихся интродукций к «Дням Кракена»: «44-й год. Андрей только что с фронта, его принимают в институт иностранных языков. «Какой хотите язык изучать? Английский? Ну так пошлите его на японский, там он и английский выучит». Тут же рядом другого абитуриента допрашивают, чувствует ли он себя евреем».

Конечно, переписка братьев сохранилась не полностью. За этот период по-прежнему отсутствуют письма БНа, часть писем АНа. БН вспоминает:

Из: АБС. Жизнь не уважать нельзя

...нас разнесло время... — армия — много лет не виделись, но я всегда выпендривался всячески, писал ему письма, где бы он ни жил — в Петропавловске-Камчатском, еще где... всегда старался писать ему интересные письма с самыми новейшими сведениями из области науки, культуры... он там был оторван от всего — в военных гарнизонах... Как сейчас помню, он мне писал оттуда, что старается заниматься философией и изучает теорию отражения Тодора Павлова...

Поначалу АНа отрядили служить преподавателем в школе военных переводчиков в Канске. Школа военных переводчиков восточных языков первоначально была создана при дальневосточной армии Блюхера. Было это перед началом Великой Отечественной. Размещалась она во Владивостоке, а вскоре после войны ее передислоцировали в Канск. Многие считают, что эта школа по сути обучала разведчиков и относилась к ГРУ. Действительно, многие дисциплины, преподаваемые там — техника допроса пленных, взрывное и диверсионное дело, стрельба, — наводят на такие мысли. Не станем ничего утверждать, просто отошлем читателя к цитируемым ниже

мемуарам Михаила Демиденко.

Письмо Аркадия брату, 17 ноября 1949, Канск — Л.

Дорогой браток.

Наконец я «приблизился к месту моего назначения»30 окончательно, сиречь — сижу «дома» и пишу письмо (вообще, писать письма — это не совсем мое назначение, конечно). Последние часы в поезде я провел как на иголках. Немного развлекся: утром в вагон ввалилась вдребезги пьяная личность, громко взывая к какому-то Феде. «Кто это?» — брезгливо спросила дама, моя соседка. «Это наш монтер», — значительно ответил проводник. «А!» — Дама понимающе улыбнулась и пошла в уборную. Я тоже. То есть улыбнулся, а не пошел за ней, ты понимаешь. Важный тон проводника и понимающе-разрешающая мина этой дамы несколько времени питали мою мысль: я размышлял, всем ли монтерам на железной дороге разрешается напиваться и орать таким богомерзким басом, но затем отвлекся, будучи поставлен перед необходимостью спешно доесть всё, что мне дали в Москве. С этим я справился сравнительно легко. Скоро мы приехали. Новая задача: у меня три места — два увесистых

чемодана и постель. Как дотащить это хотя бы до камеры хранения? Я взял постель под мышку (номер уже сам по себе весьма трудный), в ту же руку взял один чемодан, в другую — другой. Соболезнующие руки осторожно спустили меня со ступенек вагона. Я встал, отряхнул со спины снег, поблагодарил, снова взял свои вещи и, слегка придерживая их бедрами ног (не представляю, что, кроме ног, имеет бедра?), пошел через вокзал. Тут вдруг мне явился ангел-хранитель в образе кривого старичка с флюсом и с саночками. Мы подрядились за 25 рублей и добрались до дому. Хозяйки не оказалось дома, и я часок исполнял танец диких вокруг вещей, сваленных во дворе (тебе, возможно, известно, что подобные танцы особенно приятны на морозце свыше 15°). Но все имеет свой happy end: хозяйка вернулась, я попил чаю и сейчас пойду к ребятам. Пока всё.

Пиши мне, лентяй, передай привет мамочке, я жив и здоров. Крепко жму руку, целую, твой Арк.

Аркадий уже окончил институт, Борису в следующем году предстоит только поступать в вуз. Он еще оканчивает школу. И готовится к выпускным экзаменам. Все еще впереди. У БНа — учеба в Ленинградском университете, у АНа — служба. И, конечно, впереди творческие будни.

1950

Следующее и еще несколько писем написаны АНом по-английски[31]. Это была хорошая тренировка — и для него самого, и для брата. А по вопросу АНа «не устал от моих английских писем?» можно понять, что сохранились письма отнюдь не все, ибо до этого в уцелевших письмах встречались только отдельные английские слова или фразы.

Письмо Аркадия брату, 3 января 1950, Канск — Л.

My dear Bobby!

Have just received your letter with that terrible pack of photos. Well, you have made my comrades down here laugh as mad. Really, you are a very good master, aren't you? As to your reprimands towards my having joked upon your using to sit on the bag and to phone your girls — your never mind that, it was but a pure joke. Very glad to know that you are studying so heartily, our ma has already written to me about that.

Are you not sick and tired of my English letters

yet? If you are — say «stop» immediately, and I'll drop it. Now I am just going to jump to our blessed Russian32.

Любопытно, как ты провел Новый Год. И что делала мама? По слухам, ты ее покинул, мошенник. Впрочем, я-то тебя понимаю — молодость, молодость über alles33. Надеюсь, что отпраздновал хорошо, тем более, что твои полугодовые работы уже за спиной. Ты сейчас на каникулах, мерзавец, отдыхаешь, а я дохожу на 50° морозе (не преувеличиваю) и очень много работаю. Все-таки я рад, что попал в это заведение. Если есть работа — пусть даже не очень любимая, но интересная — жить можно. А ты устремился на физмат? Это хорошо. Давай уж хоть ты не выдавай, поддержи честь нашей фамилии, а мы с мамой будем любоваться тобой и гордиться. Боб, жизнь наша вся впереди, будем встречаться в жизни ежегодно по крайней мере, и как отрадно видеть, как ты растешь, оформляешься в настоящего человека, и знать, что это — брат и друг, и радоваться его успехам, и огорчаться таким вещам, как этот твой туберкулез, который, признаться, меня сильно беспокоит. Я тебя очень прошу, в этом смысле хотя бы, выполняй все указания мамы.

Фотографии твои пока задерживаю, жду еще.

Уже кажется догадался, как ты это делаешь.

(См. рисунок во вклейке.)

Так?

Ну, пока, твой брат Арк.

P. S. Совсем забыл. Маме писать сегодня не буду, передай привет и поцелуй ее как следует.

Жму руку, Арк.

О фотографиях. «Уже кажется догадался, как ты это делаешь». В письме рисунок: фотоувеличитель, под ним — изогнутая фотобумага, следовательно, при экспонировании можно добиться того, что либо края отпечатка, либо, наоборот, его середина будут не в фокусе.

Письмо Аркадия брату, 21 января 1950, Канск — Л.

Дорогой Боб!

Получил твое письмо с «сомнениями». Это, брат, даже хорошо, что ты это так переживаешь. Я-то, грешник, завидую тебе — выбираешь, куда пойти: на физфак или астрофизику. Собственно говоря, куда бы ты сейчас ни пошел, везде будешь на месте (из перечисленных тобой направлений, я имею в виду). Общие основы — 1-й, 2-й да и 3-й курс — везде будут одинаковы. Не очень советую тебе рваться так упорно на «секретный» факуль-

тет или там отделение, я думаю, это далеко не то, что ты нарисовал себе в воображении (насчет живости оного я не сомневаюсь). Это все равно, как если бы ты, желая стать хорошим теоретиком реактивного движения, поступил бы в институт, который готовит авиационных техников с уклоном в реактивное самолетостроение. Аналогия, возможно, грубоватая, но мне кажется, что я прав. Я понимаю, ты хочешь быть в первых рядах исследователей первооснов вещества — правда? Так я тебе скажу, что на этой «секретной» работе ничем подобным тебе не придется заниматься. Окончишь ты такое отделение (если) и либо поедешь в Восточную Сибирь взрывать горы, либо будешь консультантом в конструкторском бюро по использованию ВАЭ, либо будешь преподавать таким же романтически настроенным юнцам, как ты сам, основы работы с ВАЭ, и только. Конечно, велика честь учиться «там»! — о! видите, вон идет Борис С. Он учится «там»! — и девушки почтительно смотрят вслед.

Нет, тебе нужно именно либо на астрофизику, либо на такое отделение, после которого люди посылаются на научно-исследовательскую работу. Так что «не блуди»...

О моей жизни, если хочешь, прочти в письме

к маме. Чем я занимаюсь сейчас «для души»? Много читаю по философии, особенно по теории познания. Любопытно было бы разработать философские выводы из теории относительности, квантовой теории и пр. Но — не хватает знаний. Контрабандой прочитал Эйнштейна и Инфельда «Эволюция физики»34 — могучая вещь, но много идеализма. С этим, брат, нужно быть осторожным. Кстати, любопытно, что ты знаешь о философии и по философии? Я думаю, немного. Во всяком случае, если будет время, напиши. Кроме того напиши еще, что ты думаешь или знаешь:

1) о теории поля вообще,

2) о соотношении между электрическим, магнитным и гравитационным полем,

3) о волнах вероятности (квантовая теория).

Тема для фантастического романа: нашли способ искусственно создавать гравитационные поля — изогнутое пространство, искаженное время и пр. и пр.

Возвращаю тебе твои фотографии. Молодчина ты, но мало. Давай еще. Вообще писать надо почаще. Можешь не писать о том, что тебе скучно и грустно35, я это и так знаю. Пиши о работе, о теоретических вопросах, о планах на лето и пр. Ох, как я мечтаю об отпуске! Мы уж его проведем

il faut! — или как там.

Ну, пока все. Крепко жму руку, целую, твой Арк.

Тон письма уже нисколько не напоминает отношение старшего к младшему. Если АН еще старается поучать брата, то не как старший, а как более повидавший и более знающий жизнь друг. Именно — друг! Поскольку именно друга можно просить уточнить новости теоретической физики.

И снова — «тема для фантастического романа». Они еще не пишут — серьезно, с расчетом на читателя. Но, похоже, литература уже цепко завладела их планами — и эти планы нужно обязательно обсудить с другом.

Еще раз выразим сожаление, что переписка сохранилась лишь наполовину — нам не узнать, какой тон писем был в то время у БНа.

Письмо Аркадия брату, 21 февраля 1950, Канск — Л.

Дорогой мой Боб!

Скотина ты, братец, вот что. Две недели задерживать письмо! Ох, взвоешь ты когда-нибудь, очутившись в моем положении, далеко от матери, брата, от жены, от всего родного, — я тогда

тебе это припомню. Скажите пожалуйста, времени у него нет! Врешь, друг мой, лентяй ты, хоть и хороший парень, и умница, и брат мой — а скотина.

Со всем, о чем ты писал в рассуждении «Падения Берлина»36, совершенно согласен. Сегодня пойду смотреть вторую серию.

Насчет твоего будущего — дело твое, подавайся в атомщики, я тебя предупредил, там поэзии не будет — придется много страдать. А в общем — хорошее дело, окно в коммунизм, и пр. и т. д.

Идеалистом меня не обзывай лучше — ты, по-видимому, плохо себе представляешь, что это такое, похож на младенца, ругающегося матом. Джинсову теорию изогнутого пространства ругали не за то, что пространство у Джинса изогнуто, а за то, что выводы он сделал из этого идеалистические, предполагающие ограниченность вселенной во времени и в трехмерном пространстве. Кроме того, тех, кто ругал, следует тоже за одно место подвесить, таких критиков на любой помойке полтора десятка наберешь — омерзительная порода современных критиков — «разрушители», критикуют направо и налево, чужих и своих, за дело и на предмет просто подзаработать, а нового, правильного ничего

не создают. Нужно быть таким критиком, как Ленин, Энгельс, Маркс, Сталин — на обломках разрушенного ими создавать, утверждать новое, стройное, совершенное. А ползучих гадиков, трусов, сволочей следовало бы к стенке ставить. Наше ЦК уже занялось кое-кем, только пока не в науке, а в других областях общественного бытия.

Очень рад за тебя — имею в виду твои пятерки. Что касается физкультуры — гм, здесь я не компетентен. Возможно, что существует категория людей, которым нравится ломать себе ребра только для того, чтобы им хлопали в ладоши, даже наверняка существует, я к ним не отношусь. Физкультура, по моему глубокому убеждению, имеет целью готовить из людей бойцов и неутомимых работников, а вовсе не калек. Может быть, я ошибаюсь, извини. Вчера присутствовал на боксерских соревнованиях (на первенство в школе) — омерзительное зрелище. То же самое можно видеть в любой пивной. Быть боксером знающим, умелым — таким, о которых писал Маяковский — другое дело, а эти живые ветряные мельницы, лупящие друг друга по морде на потеху почтеннейшей публики, — чушь. Да и не бокс нужен совсем, а самбо, если уж на то пошло, чтобы «не боясь ни штыков, ни пуль, одному

обезоруживать целый патруль»37.

Мечтаю об отпуске, поговорим тогда, погуляем, побузим. Этот отпуск проведем на славу, будь уверен.

Пока все, спешу на совещание. Пиши больше, Боря, не ленись, ты ведь уже не просто младший брат, но и друг. Жалей маму, ей очень тяжело.

Жму руку, целую, твой Арк.

P. S. Поцелуй за меня мамочку, напиши, получила ли она справку.

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

— Борис Натанович, чем был обоснован Ваш выбор профессии? Почему в свое время Вас «потянуло» именно на математико-механический факультет Университета, причем — на отделение астрономии?

— Все было очень просто. В последних классах школы я интересовался главным образом двумя дисциплинами. В первую очередь — физикой, во вторую очередь — астрономией. Физикой, естественно, атомной, ядерной. Тема тогда была модная, а мне как раз попалось в руки несколько современных книг про атомное ядро и про элементарные частицы, и я их с наслаждени-

ем прочитал. Впрочем, «прочитал» — сказано слишком сильно. Там были и достаточно популярные книжки, а были и вполне специальные монографии, начинавшиеся прямо с уравнения Шредингера, которое я и двадцать лет спустя воспринимал как самую высокую науку. Книги эти в большинстве достались мне по наследству от Аркадия Натановича, который тоже всеми этими вещами в конце 40-х очень интересовался. И астрономией я тоже увлекался, опять же следуя по стопам старшего брата, который еще до войны сам мастерил телескопы, пытался наблюдать переменные звезды, а меня заставлял рисовать Луну, как она видится в окуляре подзорной трубы...

Письмо Аркадия брату, 13 марта 1950, Канск — Л.

Дорогой Боб!

Спасибо за письмо. Отвечаю на него через день — вчера по оказии выборов38 был изрядно надрамшись и не то что писать — говорить по-человечески был не в состоянии. А сейчас выпил чайник кипятку, и ничего — пишется! Очень рад за тебя — я имею в виду то, что ты, наконец, наладил с твоим Мироном нормальные

взаимоотношения. О твоем решении пойти на факультет практики — отговаривать не буду, может так и лучше, я, откровенно говоря, не представляю себе всего этого. Как тебе понравился доклад Маленкова?39 Хотя ты, по своему легкомысленному отношению к политике, не читал его. Обязательно прочти.

Хочу поделиться с тобой некоторыми матерьялами своих наблюдений за местной жизнью. Вот очень любопытный диалог, имевший место на семинаре по английскому языку, на котором я присутствовал наблюдателем.

Преподаватель: Расскажите, что вам известно о герундии.

Курсант (оторопело смотрит на преподавателя): О герундии?

Преподаватель: Да, о герундии.

Курсант: Гм. (Набирает в грудь воздуху и молчит.)

Преподаватель: Ну, начинайте. Герундий...

Курсант (с таким видом, будто поднимается в атаку под пулеметным огнем): Да-да, герундий, значит, это... этот, как его... (слышен шепот подсказки) это особая часть речи в английском языке, которая стоит между существительным и глаголом.

Преподаватель: Так.

Курсант: Некоторые теоретики считают, что герундий больше существительное, чем глагол. Другие теоретики склоняются к мнению, что это больше глагол, чем существительное. (Пауза.) Можно, хотя, считать, что герундий стоит как раз посередине (испуганно смотрит на преподавателя) между глаголом и существительным. (Молчит.)

Преподаватель: Всё?

Курсант (упавшим голосом): Всё.

Преподаватель: Мало. Прискорбно. Ну, скажите, сколько форм имеет герундий?

Курсант (смело): Шесть.

Преподаватель (прикладывает ладонь к уху): Сколько?

Курсант (тише): Пять?

Преподаватель: Что?

Курсант: Четыре, конечно четыре.

Преподаватель: Почему четыре?

Курсант: Я хотел сказать — три.

Преподаватель: Two!

Курсант (обрадованно): Да-да, два.

Преподаватель: Нет, это я вам two ставлю. В переводе на русский язык это значит двойка.

Курсант (убит).

Диалог в лучших традициях Джером Джерома. А вот несколько хохм из «выражений» нашего китайца-разговорника, капитана Ди-Фун-Тана. Он очень плохо знает русский язык, кроме того, часто путается в иероглифике. Показывают ему иероглиф «финь» (бегемот) и спрашивают, что это такое. Отвечает: «Эта знаешь что? Весна приди, вставай, фыр-фыр-фыр на рака лети. Пытичка такой». Иероглиф (крокодил). «Эта на горе живи». Вопрос: «Так ведь он же в воде живет!» «Ага, на гора живи, на вода мало-мало ходи, потом опять на гора ходи». Оказывается, он спутал крокодила с ящерицей. Слово «кругозор» объясняет так: «Туда смотри, сюда смотри, везде смотри — всё видна».

Много можно было бы порассказать.

Но я сейчас тороплюсь.

На днях напишу еще.

Пока целую, жму руку.

Твой Арк.

Запомнившаяся комичная сценка «бегемот = птичка» позднее переносится Авторами в ПНА:

— Ви мне все шут`ите, — сказал он, делая произвольные ударения. — Ви мне двенадцать дней шут`ите. — Он сел на диван рядом с Дауге. — Что есть Варечка? Я много раз слыш`алль «Варечка», сегодня ви ее ищете, но я ее не вид`елль ни один

раз. А? — Он поглядел на Дауге. — Это птичька? Или это кошька? Или... э...

— Бегемот? — сказал Дауге.

— Что есть бегемот? — осведомился Моллар.

— Сэ такая лирондэй, — ответил Дауге. — Ласточка.

— О, L'hirondelle! — воскликнул Моллар. — Бегемот?

— Йес, — сказал Дауге. — Натюрлихь.

Об АНе-преподавателе вспоминает курсант школы:

Из: Демиденко М. Записки чжунгохуаиста

Волей судьбы мне была предоставлена возможность изучить один из трех языков Востока — японский, корейский или китайский. Выбор за меня сделал преподаватель, майор Тильман, сказав, что у меня идеальное китайское произношение. Дело в том, что за две недели до поступления в «Школу военных переводчиков восточных языков», сокращенно ШВПВЯ, мне своротили скулу на зональных соревнованиях по боксу в Туле. Все это время я питался размоченными в ситро сухариками, рот только приоткрывался. Возможно, всё, что я говорил по-русски, действительно, сильно смахивало на

китайский, — майору было виднее.

Между прочим, из ШВПВЯ вышел знаменитый писатель-фантаст Аркадий Стругацкий. Он преподавал японский язык. Это был удивительно красивый, подтянутый капитан40.

Встречается в записках М. Демиденко и описанный АНом Ди-Фун-Тан.

Из: Демиденко М. Записки чжунгохуаиста

Разговорный вел капитан Дин Футан, который говорил «на картавом» китайском языке, ибо был родом с юга.

— Странный русский языка, — говаривал Дин Футан. — Один сапог, но почему-то два собака?

Он очень любил русские народные песни, пел на смешном пинрашен: «Солнце юла и мэй юла, цзай мая фанцзали темно».

— Ничего, — успокаивал он, когда мы не понимали его наречия. — Мао говорит так же, он хунаец, когда будете его переводить, моя вспомните!

Пророческие слова! Лично я переводил Мао Цзэдуна семь раз. Это была чудовищная работа, и даже не потому, что я мог не уловить оттенков в его речи, а он любил изъясняться аллегорически: голос у него был приглушенный, видно, специ-

ально говорил тихо, отчего ты напрягался, как при столбняке, — того гляди, порвутся мускулы. Мы, канские переводчики, оказывались кое-где лучше тех, кто учился в Военном институте иностранных языков, — мы были практиками. Это было нашим преимуществом.

<...>

В 1948 году шла борьба с космополитизмом. На занятиях по марксизму-ленинизму нам зачитывали статьи, и мы кого-то на комсомольских собраниях осуждали, уже не помню кого и за что. Массовое всесоюзное партийное мероприятие врезалось в память двумя фактами.

Первое — из нашей «Школы военных переводчиков восточных языков» убрали всех преподавателей иностранцев — корейцев, китайцев.

Убрали бы и японцев, но их не было. Демобилизовали земляка Мао Цзэдуна — капитана Дин Футана. Мы его очень любили. Он был славным стариком, по профессии кондитером. Дин уехал на Сахалин, поступил работать в ресторан, где стал делать изумительные по вкусу торты. Мир узкий, слухи о его кондитерских изделиях доходили и до Академии полковника Налбандова, тем более после 37 года он, по-видимому, был единственным китайцем на Сахалине.

АН ошибочно именует «китайца-разговорника» Ди-Фун-тан. Слишком кратковременно они были сослуживцами. На самом деле его звали Дин Футан (или в орфографии того времени Дин Фу-тан). Насколько характерна такая неумышленная перестановка согласной «н» говорит тот факт, что правнучка Дин Футана сделала в интернете ту же ошибку, что и АН более полувека назад, но именно благодаря этой ошибке мы нашли родственников капитана. Часть их воспоминаний помещена ниже, фотография Дин Футана — во вклейке.

М. Демиденко в датировке отчисления Дин Футана ошибается — это никак не 1948 год, так как кампания борьбы с космополитизмом развернулась лишь с 1949 года, с редакционной статьи в «Правде» от 28 января 1949 г. «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» (по слухам статья редактировалась Сталиным). Демиденко учился в Школе с 1948 по февраль–март 1950-го, его выпуск был ускоренным в связи с заключенным Договором о дружбе и взаимопомощи с Китаем от 14.02.50 и последующей корейской войной — в апреле 50-го он уже в Шанхае. К тому же АН прибыл в Канск лишь во второй половине 1949-го. Упоминание же имени

Дин Футана в письме АНа в настоящем времени свидетельствует о том, что увольнение из Школы «иностранцев» было еще позже.

Очевидно, Дин Футан был незаурядной личностью. Вот что вспоминает о нем его внук Виталий Анатольевич Орлов (неопубл.):

В начале 20-х годов XX века Дин-Футан Николай Александрович был помощником военного прокурора ДВР (Дальневосточной Военной Республики) по борьбе с саботажем. Был он в 25 лет очень вспыльчив и именной пистолет не носил, боясь, что перестреляет столько саботажников, сколько патронов в обойме. Но он с детства учился «джиу-джитсу» (палец-нож, рука-меч) и в гневе рукой отрубал 12-сантиметровую дубовую столешницу. Многие после этого переставали саботировать. В 1922–23 гг. ему дали приказ создать в 10 км от тогдашнего Хабаровска совхоз «Кантонская коммуна». Он создал производственный комплекс, а на жилые дома для коммунаров — китайцев и корейцев — не хватило деревянного стройматериала. Он конфисковал этот материал у Блюхера, Серышева41, Постышева42 и даже у начальника ОГПУ ДВР — Дерибасса. Построил дома, потом пришел к Серышеву, сказал, что приказ выполнил, но так как истратил «лес»,

выделенный большим руководителям для строительства их дач, то готов сдать именное оружие. Его не арестовали. Позднее совхоз был назван Чернореченским (в конце 40-х годов).

Сожжение императорской библиотеки. Вспомним в ХС: «В пятьдесят втором году по Вооруженным Силам вышел приказ списать и уничтожить всю печатную продукцию идеологически вредного содержания. А в книгохранилище наших курсов свалена была трофейная библиотека, принадлежавшая, видимо, какому-то придворному маньчжоугоского императора Пу И. И, конечно же, ни у кого не было ни желания, ни возможности разобраться, где среди тысяч томов на японском, китайском, корейском, английском и немецком языках, где в этой уже приплесневевшей груде агнцы, а где козлища, и приказано было списать ее целиком.

...Был разгар лета, и жара стояла, и корчились переплеты в жарких черно-кровавых кучах, и чумазые, как черти в аду, курсанты суетились, и летали над всем расположением невесомые клочья пепла, а по ночам, невзирая на строжайший запрет, мы, офицеры-преподаватели, пробирались к заготовленным на завтра штабелям, хищно бросались, хватали, что попадало под

руку, и уносили домой. Мне досталась превосходная «История Японии» на английском языке, «История сыска в эпоху Мэйдзи»... а-а, все равно: ни тогда, ни потом не было у меня времени все это толком прочитать».

Об этом же рассказывает БН:

Из: БНС. Нестандартно мыслить — мое творческое кредо

Доводилось ли Вам видеть, как жгут книги? Об этом говорили неоднократно, Вы говорили об этом в своих книгах. Что Вы чувствовали, когда это происходило на Ваших глазах?

БС: Вот лично мне это видеть не довелось. Но та сцена, которая описана в «Хромой судьбе», когда сжигали библиотеку корейского то ли императора, то ли приближенного какого-то дворцового, гигантскую библиотеку в расположении воинской части в городе Канск, вот эта сцена взята из реальной жизни. Это видел Аркадий Натанович своими глазами. Что он при этом испытывал, сказать трудно, но поскольку это был приказ по Министерству обороны, то этот приказ выполнялся, и все-таки мне кажется чрезвычайно замечательным, что по ночам офицеры, даже солдаты подкрадывались ночью к этим гигантским

штабелям, выхватывали оттуда что-то и уносили под мышками. Это школа, в которой готовились военные переводчики, и там была масса людей, которая знала японский, китайский языки, и они все-таки какую-то часть книг сберегли, и тот факт, что такие люди даже среди военных в то время находились, мне кажется гораздо более важным и интересным, чем тот факт, что книги вообще сжигались.

Вспоминает об этом факте и Демиденко:

Из: Демиденко М. Записки чжунгохуаиста

...Китайцы очень трепетно из поколения в поколение относятся к печатному слову. У них особый вид живописи — каллиграфия, где на свитке одним росчерком кисти пишется тушью какое-нибудь древнее изречение, потом этот свиток вывешивается на видном месте, как у нас репродукция «Мишки в лесу».

В школе хранилась библиотека старинных китайских манускриптов, захваченная в 1945 году во время разгрома Квантунской армии и освобождения Северо-Востока Китая. Что это были за старинные рукописи, не знаю, так как написаны они были века назад, возможно, это были труды и комментарии древних учений Лао-

Цзы, Конфуция или легистов, может быть, стихи или исторические хроники, ибо историография в Китае всегда была делом императорским, престижным и обязательным.

Страна под руководством партии боролась с космополитизмом, нам было приказано сжечь библиотеку как рассадницу чуждой советским людям идеологии.

Мы жгли буклеты, книги, манускрипты, застегнутые на костяные палочки, свитки, трактаты на плацу в большом костре, шуруя пожарными баграми. Ничтожную часть трудов древних китайских мыслителей унесли тайком преподаватели. Если бы их «застукали» на столь неблаговидном деле, их бы ждали большие неприятности по партийной линии.

Костры горели трое суток.

Упоминаемый в цитате из ХС «разгар лета» по всей вероятности — 1949 года, только тогда костры из книг императорской библиотеки могли видеть оба свидетеля — и АН, и Демиденко. А может, этот самый «разгар» есть своеобразная метафора, подчеркивающая жар от сжигаемых книг? Кто знает...

И еще подборка интересных фактов о жизни в Канской школе:

Из: Демиденко М. Записки чжунгохуаиста

После разгрома Квантунской армии и ознакомления наших с материалами разведотдела японцев, ШВПВЯ решили перевести в глубь страны, в небольшой сибирский городок Канск, где Николаем I были построены военные казармы для размещения полка, а в годы советской власти построили знаменитую пересылку. В ней Константин Рокоссовский, будущий маршал, был водовозом, ездил на бочке с водой. Байки о нем дожили до нашего призыва 1948 года.

<...>

За три года мы были обязаны выучить назубок 4 тысячи иероглифов, разговорную речь, скоропись, военные премудрости — взрывное дело, заброс в тыл врага, ориентировку на местности, технику допроса пленных, научиться отлично стрелять и так далее... Одним из основных предметов было «Страноведение», то есть изучение обычаев народов, географических условий, истории, политического устройства государства, в данном случае Китая. Восемьдесят процентов времени, отпущенного на предмет, отводилось штудированию труда товарища Сталина «Вопросы языкознания». Мне пришлось в жизни

шесть раз изучать эти «Вопросы»! Получал «пятерки», но по сей день не знаю, о чем шла речь. Единственно, что запомнил, — шутка: «Женщина — это базис или надстройка?»

<...>

В школе мы были первым послевоенным набором. До нас на переводчиков учили солдат и сержантов полковой, дивизионной разведки, которые ходили за «языками».

Ребята боевые, орденов и медалей, как звезд на безоблачном небе: за два заброса в глубокий тыл немцев или японцев давали Героя Советского Союза, если, конечно, разведчики возвращались «на базу». О «дедовщине» не могло быть и речи. Фронтовики относились к нам, как к младшим братишкам, службу спрашивали, но и прощали многое. Первая истина, которую они нам вдолбили, звучала так: «Стукач погибает в атаке перед проволокой!»

<...>

Морозы стояли в Канске до минус пятидесяти по Цельсию, а не по Фаренгейту!.. <...> В мороз на посту стояли по часу, надевали на себя две пары белья, шерстяные галифе, гимнастерку, еще пару из войлока, шинель, а сверху тулуп. И все равно промерзали.

<...>.

Ломались парни в школе из-за того, что не могли усвоить программу, — шутка ли, на втором курсе давали каждый день от двадцати пяти до сорока иероглифов. Мы их называли, на японский манер, «канцзы». На каждый иероглиф делалась карточка, с одной стороны писался «канцз», с другой стороны его чтение и все значения. Стоишь дневальным на посту, рота спит, ты перебираешь карточки, которые усвоил — в сторону, на которых запинаешься — прокручиваешь вновь и вновь. Странно, некоторые знаки влеплялись в память на уроке, а другие сопротивлялись, и ты долбил их до посинения. Рота спит, японисты бредят во сне по-японски, кореисты — по-корейски, китаисты — на китайском. Каждую неделю — зачет, четыре двойки подряд, то есть месяц в двойках — отчисление, ибо уже не догнать остальных. Долбил я «шенцзы» или «канцзики» даже на губе, куда угодил за неотдание чести военному патрулю в Саду отдыха (а пускали нас на танцплощадку бесплатно).

Из ста шести человек, приступивших к изучению чжунго хуа, в Китай поехали двадцать шесть. Отбор по Дарвину. Китайский сдавался не по конспекту товарища (за шпаргалку полагалось

три наряда вне очереди) — бессонницей, головными болями, порой доводившими до нервного истощения, хотя курс изучения языков был продуман до деталей. Поднимали в семь, физзарядка на плацу до шести градусов мороза — голые по пояс, до десяти градусов — в нижней рубашке, до пятнадцати — в гимнастерке, после тридцати — прогулка в шинелях, в сорок мы делали гимнастические упражнения в казарме.

Физподготовку вынесли на экзамены. После занятий, по пути на обед, мы прыгали через коня, подтягивались не менее десяти раз на перекладине, и кто не мог, нагонял мускулы за счет послеобеденного сна. Полтора часа сна после обеда было спасением, ты точно проваливался в яму и вставал с чистой головой, после чего стрелковый тренаж, чистка оружия, затем изучение военных премудростей, после ужина три часа самоподготовки, не считая полутора часов утренней, в итоге шесть-семь часов в день на китайский и английский. В воскресенье обязательно спортивные соревнования. Я бегал, преодолевал, колол, снимал, прыгал, стрелял, честно зарабатывал увольнительную в город на танцы. Два года я был чемпионом округа по боксу в среднем весе, за что получил четыре дня

дополнительного летнего отпуска.

И знать каждое чтение и значение иероглифа числом около пяти тысяч, даже если тебя разбудят среди ночи и спросят...

<...>

В Канске производил нас в лейтенанты сам начальник школы полковник Налбандов. Курсанты стояли на плацу в каре, мы, досрочно выпускаемые (началась корейская война), по одному подходили к полковнику, и он по старинному русскому обычаю брал лейтенантские погоны и подсовывал под правый курсантский. Потом мы пошли в казарму, переоделись в офицерскую форму и строем, под оркестр прошли строевым шагом перед трибуной.

— До встречи в Нью-Йорке!

А потом месяц жили в клубе, ходили через сутки в наряды. Генштаб выдергивал нас пачками по четыре-шесть человек. И тогда галопом, быстро-быстро в Москву, без передыха в Китай!

Тренировался в то время АН и в переводах. В архиве сохранилась простая школьная тетрадка: Арисима Такэо «Видение старого капитана». Двадцать страниц, исписанных мелким аккуратным почерком. В конце дата перевода: 15.04.50. В числе персонажей: «спасенные при кораблекруше-

нии — призраки». Так в творчестве АНа начали переплетаться его главные увлечения: Япония и фантастика. Упоминает он этот перевод и в письме:

Письмо Аркадия брату, 20 апреля 1950, Канск — Л.

Дорогой Боб!

Прости, долго не отвечал на твое «двуединое» письмо. Кстати, лентяй ты, я вижу, преизрядный — целую неделю не мог дописать письмо, скотина. Очень рад всему хорошему и искренне огорчен всем плохим, о чем ты писал. Не можешь ли прислать ту задачку, коию ты не решил на городской олимпиаде? Хочу тряхнуть стариной, попробовать, есть ли еще порох в пороховницах, или моя сабля43 (математика) уже покрылась ржавчиной лингвистики настолько, что ни в состоянии разрубить — да что там разрубить, хоть поцарапать какую-нибудь математическую тушку.

У меня все благополучно, жизнь полнокровная, но однообразная. Приходится очень много работать, тем не менее удается урвать время и для своих занятий. Так я окончил и отработал набело перевод японского классика-декадента Ариси-

ма Такэо, о котором я тебе, кажется, уже писал — пьеса «Видение старого капитана». Это первая классическая японская вещь, которую я перевел от начала до конца (если не считать одной институтской курсовой работы — фантастическая средневековая новелла «Разврат змеиной натуры(!)»44, вещь очень пикантная, но, к сожалению, переводил я ее наспех, казенно, лишь бы с рук сбыть, и самое главное — отдельные гм... места пришлось по цензурным соображениям выбросить: средневековые японцы не стеснялись). Пьесу эту переводил я тщательно, и лишний раз убедился, какие огромные трудности стоят перед японистом-переводчиком нестандартного текста... Такие выражения, которым нет совершенно эквивалентов в русском языке, слишком уж рядом встречаются там.

Далее, медленно, но верно, с упорством, достойным, несомненно, лучшего применения, читаю «Теорию отражения» Тодора Павлова45, болгарского философа-марксиста, освещающую ряд любопытных вопросов теории познания.

Наконец, главная моя работа — собираю материялы для моих будущих «Очерков по истории японской литературы»46. «Собираю» — слово, возможно, неподходящее. Лучше сказать — вы-

сасываю, высасываю почти из пальца, копаясь в древних фолиантах, японских, английских и русских энциклопедиях, учебниках истории и т. д. Да, лингвисту, особенно японисту, больше чем кому-либо другому нужна такая добродетель, как терпение.

Кстати, не помню, рекомендовал ли я тебе книгу Сафонова «Загадка жизни»47 — чудесная вещь, образец научно-популярной литературы высшего класса, т. е. не для дошкольников, а для людей уже имеющих общее представление по вопросу о появлении жизни на земле. Там дается неплохое обоснование возможности появления жизни только на планетах в одиночных системах. Гвоздь этой книги — это подробно разработанная и превосходно изложенная гипотеза превращения вещества в существо. Из этой же книги можно понять, какая грызня идет сейчас по этому вопросу среди наших ученых: автор то жалуется на своих оппонентов, то приглашает читателя в свой лагерь.

Да, совсем забыл. Ведь тебе, братишка, уже семнадцать лет. До сих пор всё шло хорошо, мы с мамой имеем все основания гордиться тобой, отец сказал бы о тебе: «Каков лоботряс!» — это было его высшей похвалой. Желаю тебе, друг и

брат мой, всего хорошего и, как говорили в старину, «исполнения желаний», ибо твои желания — желания советского парня, идущего прямой дорогой к вершинам знаний. И поменьше увлекайся выпивками. Впрочем, ты, конечно, сам знаешь меру. Пока всё. Пиши, крепко жму руку, целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 19 мая 19504<u>8</u>, Канск — Л.

Дорогой Боб!

Пишу тебе это коротенькое письмо в перерыве между занятиями. Устал страшно, ведь фактически после госэкзаменов еще не отдыхал. У меня всё в порядке, телеграмму получил, льщу себя надеждой получить плащ до начала дождей. Сейчас небо безоблачно, навозом, молоком, тухлятиной какой-то воняет повсюду. В воскресенье возьму бинокль и пистолет и побреду за город проветриться, поваляюсь на травке, постреляю. Плохо, что в нашем Кане купаться можно только месяц — в августе. Течет он с Саян, вода очень холодная.

Последствия наводнения уже ликвидированы, горсовет широко отпускает деньги пострадавшим, и бреши понемногу заделываются. Как

оказалось, утонул всего один человек, и тот бухой был.

Смотрел: «Похитители велосипедов»[49] — очень сильная картина, «Мститель из Эльдорадо»[50], «Капитан армии Свободы»[51] — о мексиканских революционерах-бандитах, полуприключенческие вещи, «Долина гнева»[52] — сплошная стрельба и оплеухи. Тщусь посмотреть «Женщина отправляется в путь»[53], но всё нет времени.

Очень много я узнал нового по части вооружения. Знаешь, оказалось, что мы в свое время очень бедно фантазировали. То, о чем мы писали в наших фантастических романах, уже устарело и снимается с вооружения. Приеду — расскажу. Кстати, Б-29 отнюдь не черного, но серебристого цвета, и потом я сомневаюсь, чтобы реактивные истребители могли бы вокруг него «увиваться». Впрочем, об этом я, кажется, уже писал.

В «Литературной газете» была помещена статья о новом в учении о вирусах. Это то, о чем ты писал. Это, брат, очень интересная штука, революция в естествознании. Ведь если самозарождение продолжается и в наше время, и его можно наблюдать, а может быть и вызывать — полное подтверждение последнего неподтвержденного тезиса материализма. Да здравствует человече-

ский гений! Как тебе нравится преследование во Франции Жолио-Кюри?

Пока всё. Эх, браток, скоро увидимся, гульнем, поговорим. Сдай только экзамены как следует.

Жму руку и целую, твой Арк.

Поцелуй мамочку, ведь ты, скотус, делаешь это редко, больше насчет розанчиков! Ну, шучу, не обижайся.

«В «Литературной газете» была помещена статья о новом в учении о вирусах», — пишет АН.

«Литературная газета», № 37 от 6.05.1950, статья Г. Бошьяна, руководителя биохимической лаборатории Всесоюзного института экспериментальной вакцинации «Новое о природе вирусов и микробов». Несколько цитат из статьи Бошьяна, последователя «идей» Т. Лысенко: «...Вирус и микроб не только близки по своей природе, но... они представляют собой лишь разные формы существования одного и того же микроорганизма. Выделенные в чистом виде вирусы в особых условиях превращались в микробов. Новая перемена условий — и искусственно полученные микробы снова становились невидимыми, обращались в вирусы», «...В результате наших работ потребовался также серьезный пересмотр некоторых положений Пастера <что нет сейчас самозарож-

дения жизни>. Опираясь на факты, мы пришли к убеждению, что жизнь зарождалась и зарождается всегда, когда для этого существуют соответствующие условия», «...Профессор Лепешинская наблюдала образование живых клеток из частичек желтка куриного яйца».

Биологи Ольга Лепешинская и Геворг Бошьян печально «прославились» антинаучными попытками пересмотра методологических основ клеточной теории. Их «учение» о «живом веществе», т. е. о существовании жизни в более простой форме, чем клетки, шло вразрез с современными научными данными, не было фактически подкреплено ни теоретическими разработками, ни доказательными экспериментами. Зато они нашли активную поддержку в высших партийных кругах, а также у председателя ВАСХНИЛ — всесильного Трофима Лысенко. Вот, например, как характеризовались «достижения» названных биологов министром здравоохранения СССР Е. Смирновым на докладе в ЦК ВКП(б): «ввели биологию непосредственно в область стыка живого и неживого и сделали реальной постановку вопроса о возможности искусственного превращения неживого в живое». Вам, читатель, эта фразеология не напоминает слова лесной колдуньи из

УНС: «Мертвое живым ты тоже не умеешь делать?» Так иной раз аукаются прежние увлечения Авторов...

Письмо Аркадия брату, 4 июня 1950[54], Канск — Л.

Дорогой братишка!

Давненько я тебе не писал, да, собственно, не о чем было. В субботу после занятий меня вызвали в числе других шести офицеров в горсовет «для содействия мероприятиям по благоустройству города». На сей раз «мероприятия» ограничились тем, что нужно было, чтобы миряне, «взяв в руки лопаты, шли в топь»[55], сиречь своими силами отрыли бы вдоль одной из главных улиц канавы для стока грязи и дождевой воды. Содействие же по идее должно было выразиться в посильной агитации и, где эта мера воздействия не помогает, в легоньком принуждении. Делалось это примерно так. Мы входим во двор и пулей выскакиваем назад, атакованные огромными «медецинскими» кобелями[56]. Первый входивший и последний выскакивавший, как ты сам понимаешь, занимают самое невыгодное тактическое положение. Впрочем, ущерб в таких случаях выражался обглоданной шинелью или обслюнявленным

сапогом. На большее кобели не решаются. Далее мы сердито и требовательно стучим в окна. Хозяин выходит и тупо рассматривает нас из-под ладони, поставленной козырьком. Мы объясняем ему, в чем дело. Он чешется, мнется, затем выдавливает из себя: «Оно отчего ж и не покопать, только пущай соседи сперва покопают, а тогда уж и я посмотрю». Мы повышаем голоса. Хозяин смотрит на кобеля, рвущегося с цепи. Тогда один из нас вкрадчивым голосом спрашивает, не привлекался ли хозяин к уголовной ответственности в свое время, и вообще, что это за манера уклоняться от постановлений Советской власти. Так как в подавляющем большинстве население правобережного Кана уже имело в свое время знакомство с нашими карательными органами, и так как насчет Советской власти у всех у них рыльце в пушку — уголовники, дерьмо, ссыльные кулаки — то хозяин поспешно заявляет, что так вопрос ставить не стоит, и что раза два взмахнуть лопатой для него ничего не составит.

Сволочье! Воспитывай таких вот мерзавцев. Пришел домой поздно, грязный (дождь превратил город в болото, подземные газы вспучили и разжидили грязь), поел картошки с луком и со сметаной, выпил молока и лег спать.

Как там у тебя подготовка к экзаменам? Здесь надеются, что ты не подкачаешь. Не волнуйся и не паникуй, и не слишком переутомляй себя. Впрочем, ученого учить — только портить. Сам всё знаешь.

А лето наступило даже в Канске. Вчера даже было немного жарко. Девки и бабы мелькают грязными голыми коленками из-под коротких крайне широких юбок образца Broadway 1924.

Ну, пока всё. Черкни мне как-нибудь.

Поцелуй мамочку.

Твой Арк.

В конце письма — зарисовка описанной жанровой сценки. А младший брат пытается поступить в вуз, учиться на атомщика.

Из: БНС. Больной вопрос

В 1950 году, окончив школу с серебряной медалью, я нацелился поступить на физический факультет Ленинградского ордена Ленина Государственного Университета имени Андрея Александровича Жданова. Я мечтал заниматься атомной физикой и не скрывал этого. Меня не приняли. Коллоквиум прошло в общей сложности три-четыре десятка медалистов, отказано было всего лишь двоим — мне и еще какой-то

девушке, фамилия которой ассоциируется у меня сегодня с фамилией «Эйнштейн».

<...>

Почему меня не взяли на физфак в 1950 году? Тогда мама моя до такой степени была убеждена в том, что причиной этому — исключение моего отца из партии летом 1937 года и расстрел дяди весною того же года, что даже не пошла на физфак выяснять, в чем дело и почему.

Разумеется, такую причину исключать тоже нельзя. Но если вспомнить, что это — 1950-й, борьба с космополитизмом в разгаре, а все выпускники физфака идут в закрытые институты и лаборатории делать водородную бомбу...

А с другой стороны, — на математико-механический факультет меня же приняли — через две-три недели, вместе с другой толпой медалистов, без каких-либо хлопот и проблем... Но — на отделение астрономии. Совершенно ясно, что некие инструкции работали, но какие именно?

Письмо Аркадия брату, август 1950<u>57</u>, Канск — Л.

Нужно что-нибудь вроде этого.

Пусть враг в петле болтается: мерт-

вые не кусаются[58].

Свидетеля на рею, золото в карман,

И красоток честно делит капитан.

Выпьем, друзья, за пленниц из далеких стран,

каждый от крови пьян.

Грохочет прибой свинцовой волной,

Черный Роджер как птица вьется над головой.

Мы мчимся вперед, как буря несет,

И ревущего пастью ада пучина нас ждет.

Прежде всего о выборе специальности. Насколько я тебя понял, твоя будущая профессия должна удовлетворять по крайней мере таким требованиям: 1. должна быть связана с экспедициями «в дальние страны»[59], 2. должна быть полной чудесных и «почти неразрешимых» проблем, 3. должна оказаться пригодной Родине при обороне. Давай разберем твои favorite отрасли знания по порядку с этих точек зрения. Но ты не забывай, что я сам являюсь «болельщиком» математики, а потому — сделай на это известную поправку моим оценкам.

1. Математика. Прежде всего мне неясно, почему ты решил, что математик «просиживает зад над бумагами»? Пифагор, безусловно, прав, когда говорит, что все можно измерить и все можно выразить числами (если он это имел в виду, говоря «везде число»). Но для нас, строителей коммунизма, есть и другое правило: «Везде должен быть эксперимент, везде нужно раскрывать закономерности, везде нужно соединять науку с практикой». Для коммуниста не может быть науки для науки. Мне кажется, если ты будешь хорошим коммунистом, твой зад будет гарантирован от перспективы быть протертым. Это с принципиальной стороны. Теперь вопрос, какие возможности открывает математика? Мне лично известны две области, где необходимо самое мощное математическое вооружение. Это — а) теория относительности и б) квантовая теория. Обе эти области не дают, правда, перспектив героических походов через Гоби или экспедиций в Центральную Африку. Но! Это двери в такие миры, перед которыми пасует самая разнузданная фантастика. Через проломы, которые ты сделаешь математическим тараном в стенах, окружающих эти миры, ты увидишь *истоки мира* — ответишь на самые

смелые вопросы и с лихвой вознаградишь себя за то, что не потел в Африке и не мерз на вершинах Тибета. О количестве и качестве проблем в этих областях не стоит говорить. Что же касается до пользы Родине — кто владеет Истоками мира и чудовищными запасами энергии, которые в них заложены, тот найдет им применение.

2. Палеонтология. «Всем хороша, но вот беда — оторвана от жизни». Плохо следите за тем, что вокруг вас делается, молодой человек. Почитайте «Постановление ЦК о положении в биологической науке»60 — идеализм живуч, и каждый гвоздь в его гроб — вклад в дело Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Кстати, известно ли тебе, что крупнейший ученый, лучший советский специалист по метеоритам (не помню фамилию) погиб на фронте, шел впереди цепи и забросал гранатами немецкий пулемет и погиб?61

3. Физиология. Здесь я пасую. Вряд ли, конечно, придется снаряжать экспедиции и пр., но область эта очень интересная. Эх, Боб, есть у меня одна мыслишка, напишу после. А в физиологии стоит больше всего заниматься изучением высшей нервной деятельности организмов. Но для этого, Боб, нужно кое-что знать. Я тебе напишу после — что. А намек дам сейчас. Прогляди цепь: мате-

матика — квантовая механика элементы Истоков Мира — ядра, атомы, молекулы — белки — физиология (я бы сказал — функциология) нейронов. «От Волны до Нейрона».

А песенка?

This is the Army62

This is the Army, Mr. Grin!
I like the barracks nice and clean.
You had your housemaid to clean your floor
But she won't help you now any more.

This is the army, Mr. Johns,
No private rooms and telephones
You had your breakfast in bed before
But you won't have it now any more.

This is the army, Mr. Brown,
You and your baby went to town,
She used to worry you but this is war,
And she won't worry you any more.

Пиши, браток, чаще, пришли свою песню. Пока всего. Целую и жму твою лапу,

твой Арк.

Несмотря на мысли о будущей профессии атомщика, математика или палеонтолога, специальностью БНа становится — несколько вынужденно — астрономия. Она же, как мы помним, одно из детских увлечений старшего брата. Начинается студенческая жизнь. БН вспоминает:

Из: БНС. Бессмертная повесть «Извне»

— Когда Вы учились на матмехе и кто из преподавателей Вам особенно запомнился?

— Вообще-то запоминаются не самые лучшие, и даже не самые худшие. Запоминаются самые странные. Но не будем о них. Учился я на матмехе в 1950–55 гг. И навсегда запомнил Кирилла Федоровича Огородникова, читавшего у нас звездную динамику, и Татеоса Артемьевича Агекяна, преподававшего МОН, математическую обработку наблюдений. Эти двое, по сути, определили круг моих научных интересов, да и всю мою жизнь, на добрые полтора десятка лет вперед.

— Считаете ли Вы, что Ваш путь в литературе начался со студенческой, самодеятельной песни?

— Разумеется, нет. Как и всякий начитанный

мальчик, я с младых ногтей сочинял стихи. И песенки — поскольку уже с десятого класса начал бренчать на гитаре. Вообще, не надо преувеличивать моих достижений в области самодеятельной песни. Мне рассказывали, что археологи и сейчас поют мою песенку на мотив «Мне ж бить китов у кромки льдов...» (очень некогда популярной песни). На матмехе, кажется, помнят «В окна сонные луна льет синий свет...», и еще, вроде бы, любители поют песню «Дети тумана», которую я сочинил в девятом классе, которая потом была нами вставлена в повесть «Страна багровых туч» и стала таким образом широко известна. Что же касается прочих стихов и песенок, все они оказались, так сказать, для внутреннего употребления.

И еще немного о музыке.

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

Вместе с друзьями я пережил увлечение джазом — это было единственное, что у нас не глушили. О этот знаменитый «Час джаза» Виллиса Конновера! Джаз нам нравился страшно — и сам по себе, а к тому же в нем ощущался знакомый душок запретности. Немножко запрещать на-

до обязательно, особенно если хотите завлечь молодежь. Если бы сейчас у нас под запретом — формальным, по крайней мере — оказалась, скажем, некая газета, ее бы начали читать и раскупать гигантскими тиражами...

И еще об университете:

БНС. Офлайн-интервью 30.12.03

Борис Натанович, тут намедни один мой родственник (примерно Ваш ровесник) рассказал, как он присутствовал на конкурсе знатоков дилогии Ильфа и Петрова на ленинградском матмехе. Рассказал о Вашей победе и об «оригинальном» призе за первое место. Не соврал?:) И как оно было на самом деле? Расскажите, пожалуйста. Он ни одного вопроса не смог припомнить, а Вы?

Борис Варшавский Dover. NH, USA

По-моему, это очередная легенда. Я, действительно, числился (на матмехе) среди «знатоков классики» и принимал участие во всех соответствующих соревнованиях. Но чтобы занять *первое* место?.. Сомневаюсь. Я всегда уступал (по очкам) подлинным энциклопедистам, вроде Дениса Владимирова (придумавшего не вполне корректный, но весьма эффектный вопрос «Как звали сына зиц-председателя Фунта?») или Петра

Тревогина — автора подлинно классического вопроса «Сколько гвоздей было в стуле?».

Несмотря на такую явно заниженную самооценку, АБС знали творчество Ильфа и Петрова очень неплохо. Читатель и сам вскоре убедится, что их произведения цитируются чуть ли не в каждом письме АБС.

Письмо Аркадия брату, сентябрь-октябрь 195063, Канск — Л.

Дорогой Боб!

Письмо твое получил, спасибо. Очень рад твоему вступлению (наконец-то!) на стези «настоящей» науки. Завидую твоему посещению Пулкова. Я и не подозревал, что там до сих пор такие разрушения. Жалко, что с тобой не было ФЭДа, вот бы снимки получились! Кстати, если тебя это интересует, разрушение обсерватории видел наш батя. Он конвоировал боеприпасы на фронт и был свидетелем бомбардировки Пулкова (в частности и обсерватории) дальнобойными пушками немцев. Помню, он рассказывал это на кухне, отогревая ноги в тазу с горячей водой — заросший, грязный. Какое это было время!

Так насчет песни. Как я уже тебе писал, в основном all right64, но! «Пусть мертвецы валяются»

— за эту фразу досталось бы тебе от Аверченко. Затем, «коченеть» человеку приходится — увы! — далеко не один раз в жизни. Не веришь — спроси любого солдата. Кроме того, твое неотразимое «к черту!» несколько отдает дешевкой, чего никак нельзя допускать в нашем возрасте. В остальном все в порядке. Да, еще одно. «Кровь» и «любовь» рифмуются, но этого мало. Нужно, чтобы смысл куплета хоть немного оправдывал это самое «пусть кипит любовь», а то оно повисает в воздухе. Так что, с твоего разрешения, не утверждаю и предлагаю переделать, чтобы второй куплет был достоин первого (который, кстати, требуется на бис и распевается уже многими моими коллегами). Правда, и в первом я заменил экспансивное, но крикливое «черти визжат свинцовые» на более прозаическое, но, как мне кажется, солидное «пули визжат...», в чем и прошу твоего авторского извинения.

Да, ради бога, не присылай мне английских анекдотов, которые я же тебе и рассказал.

Я живу неплохо, работаю по-прежнему в типографии — черт бы ее забрал, — но с началом учебного года приступаю к своей основной деятельности. Занялся сейчас опять проблемами познания. Страшная неразбериха царит в этой

области, особенно в отношении терминологии, когда смешивают и валят в одну кучу понятия «сознание», «мышление», «мысль», «духовное» и пр. Стараюсь разобраться в этих авгиевых конюшнях. У Сталина об этом сказано очень мало, а других авторитетов я здесь не признаю, ну их к черту.

Напиши поподробнее об университете, о ребятах, о новых и старых знакомых.

Да, передай маме, чтобы она не говорила глупостей насчет денег. Мне просто нужно расплатиться с кассой взаимопомощи, а затем (с ноября) все пойдет по-старому.

Как ты относишься к моему проекту зимнего отпуска? Пиши скорее.

Жму руку и целую, твой Арк.

2. Cf1-c4

P. S. Почаще пишите, а то пока ваших писем дождешься, сдохнуть можно.

В следующем письме АН будет отвечать на рассказ БНа о некоем событии. Так как самого письма БНа не сохранилось, воспоминание об этом событии — ниже.

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

— Вы ведь еще беспартийным были... Вступать в партию Вас не уговаривали?

— Единственный раз, и было это еще на четвертом курсе Университета. Но я совершенно искренне ответил тогда предложившему, что считаю себя недостойным такой высокой чести. Хотя я был круглым отличником и даже старостой группы. В те времена, по слухам, каждый староста группы был официальным стукачом деканата, но это неправда. Я, например, стукачом не был, и меня к этому даже никогда особенно и не склоняли... Хотя, с другой стороны, я отлично помню странную беседу, когда на первом курсе всех старост собрал заместитель декана и что-то такое внушал нам о том, что если мы, мол, узнаем, что наши товарищи совершают какие-то опрометчивые поступки, так мы должны об этом ему немедленно сообщить — чтобы можно было их от этих опрометчивых поступков удержать. Я тогда страшно возмутился и даже написал Аркадию свирепое письмо: что они, из меня ябеду хотят сделать? Мой дружок Чистяков промотал математический анализ, а я об этом должен доложить в деканат?

Да за кого они меня там принимают?! Теперь-то я понимаю, что замдекана имел в виду нечто совсем другое. Но тогда я был очень зеленый, очень глупый и безукоризненно «правильный», я висел на Доске Почета, я занимался общественной работой, выпускал факультетские «молнии», ездил в колхоз... Впрочем, никогда более предложений вступать в партию мне не делали — и слава богу.

— *А Аркадию Натановичу?*

— И ему тоже. Какое там! Он же был в свое время исключен из комсомола... Нет, в этом смысле мы были людьми совершенно бесперспективными.

Письмо Аркадия брату, 14 ноября 1950, Канск — Л.

№ 14

Дорогой Боб!

Получил твое письмо, в связи с этим к тебе несколько вопросов. 1) О чем именно ты должен «доносить» в деканат? Короче, предлагают тебе работу сплетника или контрразведчика? Имей в виду, друг мой, быть шпионом, как ты выражаешься, не обязательно означает быть сплетником. Учти, пожалуйста, следующее, ты, политический недоросль: научные специалисты, на подготовку которых государство тратит огромные деньги,

должны быть совершенно свободны от всяких признаков разложения морального, разложения политического, разложения идейного, сиречь, они, выражаясь газетным языком, которого так не любят в студенческой среде, должны быть идеальными людьми с точки зрения нравственной, с точки зрения преданности государственным интересам, с точки зрения преданности идее коммунизма. Если ты считаешь себя способным помочь государству в воспитании именно таких людей, а не пошленьких, гнилозубо хихикающих над всем, что у нас делается, мещан, предателей в потенциале, ты должен стать контрразведчиком, тем более, что тебя нашли достойным доверия. Если нет, если ты сам никак не можешь высвободиться из мещанского болота «юношей бледных со взглядом горящим»65, которые «из принципа» не остановят махинации какого-нибудь гадика и из «принципиальной» неприязни к милиции не передадут ей в руки иностранного шпиона, боясь запачкать чистенькие интеллигентские ладошки, если ты такой — брось всё, университет, комсомол, ибо такой мерзавец, хлюпик, да еще с высшим образованием, да еще комсомолец или коммунист, сегодня закрывает глаза на моральное разложение товарища, завтра примет

поручение шпиона (неловко будет отказать), послезавтра сам станет «чужой тенью»66. Я-то тебя знаю, Боб, ты наш до мозга костей, а наивности в тебе — что говна в деревенском сортире. Итак, мое мнение — делай то, что приказывает тебе партия и государство в лице вашего парторга и декана.

2) Когда ты перестанешь верить, а еще лучше — слушать, и тем более пересказывать вранье «Голоса Америки»? Надо же, американцы строят искусственный спутник Земли! Самое странное то, что автор этого вранья выбросился в припадке сумасшествия с 18-го этажа небоскреба, а умный советский парень пересказывает этот бред.

3) Откуда у тебя сведения о ракетах? Тоже из «Голоса Америки»? Это, кажется, у вас называется «быть объективным», выслушивать и ту, и другую сторону. Эх, цыплята, цыплята, расти вам еще и умнеть.

Вот всё, что я хотел спросить. Жду ответа.

Постараюсь приехать именно к концу января. Кстати, у меня есть пленка, где я сфотографирован во многих позах в полном парадном снаряжении — с шашкой и пистолетом. Правда, вышла недодержка, так что запасись контрастной бумагой.

Ну, пока всё, мой мальчик. Будь умницей.

Жму крепко руку, твой Арк.

Всё.

Поцелуй мамочку.

Да, еще одно. Почему ты не прислал очередной ход? Фотографии пришли обязательно, буду ждать с нетерпением. Рад, что ты, наконец, прочел «Остров пингвинов». Верно, хорошо? Я, брат, ее раз десять читал: «Босено, кабан изрядный, наготовим из него...»67 и т. д. Отыскал я одно очень сильное стихотворение на английском: «The Charge of the Light Brigade» («Атака Легкой Бригады») Теннисона. Какая силища! Вот отрывочек:

...Into the valley of Death
Rode the six hundred.
Cannon to right of them,
Cannon to left of them,
Cannon in front of them,
Volley'd and thunder'd;
Storm'd at with shot and shell,
Boldly they rode and well,
Into the jaws of Death
Into the mouth of Hell
Rode the six hundred68.

Жаль, ты не знаешь как следует английского. Я это стихотворение выучил наизусть, это уже второе. Скоро приступаю к «Песне о Гайавате»69, затем «Ворон» По

О проблеме «доносить ли в деканат». Сами АБС описывали свои тогдашние политические воззрения так:

АБС. Между прошлым и будущим

Корр. Если бы волею фантастических обстоятельств, Вам, Борис Натанович Стругацкий, и Вам, Аркадий Натанович Стругацкий, случилось бы сейчас повстречаться соответственно с Боренькой и Аркашей Стругацкими, что бы Вы им хотели сказать?

БС. О-о! Боюсь, я бы ему ничего не сказал... Потому что, пожалуй, все бы ему пошло во вред. Боренька Стругацкий рос и развивался в соответствии с собственной судьбой, то есть в полном соответствии и единении с тем обществом, в котором он жил. И всякая попытка предварить его ошибки обязательно выбила бы его из этой колеи, сделала бы его несчастным... Так мне сейчас кажется. Ведь уберечь мальчика от чего бы то ни было словами — нельзя, а вот сбить с панталыку очень даже можно. Действительно, что

бы я ему мог сказать? Что Сталин, перед которым он преклоняется, — кровавый палач, загубивший для многих саму идею коммунизма? Ну и что? В лучшем случае Боренька просто не понял бы этого, в худшем — понял бы и побежал доносить на себя самого. Вот и все.

Корр. А вы, Аркадий Натанович?

АС. Я бы от Аркаши бежал без задних ног.

О политических предпочтениях АБС и изменении их взглядов на существующий строй можно было бы написать не одну книгу. Когда существовала тоталитарная система под названием «социализм», произведения АБС бесчисленно ругали в прессе за недостаточное понимание коммунистической идеи, за пессимизм и отступничество (об этом еще будет сказано). Когда наступила перестройка, произведения АБС точно так же ругали, но уже за приверженность к прошлому режиму (и это тоже будет, наберемся терпения, читатель). Пояснение к понятиям «верный ленинец» и одновременно «совершенно бесперспективный» можно найти в воспоминаниях АБС (опять же с поправкой на время публикации: АН вспоминает в 82-м году, БН — в 94-м).

Из: АНС: «Герой фантастики не может не быть добрым человеком»

Я сын своего отца, своего времени, своего народа. Никогда не сомневался в правильности коммунистических идей, хотя я и не член партии. Я впитал их с детства. Позднее, во время учебы и самостоятельно, я познакомился с другими философскими системами. Ни одна из них не удовлетворяет меня так, как коммунизм. Ну и, кроме того, я основываюсь на собственном восприятии жизни. В нашем обществе, несмотря на некоторые недостатки, я вижу то здоровое, святое, если хотите, что делает человека человеком. У нас считается неприличным не работать. А ведь коммунизм — это занятие для всех голов и для всех рук. Коммунизм не представляется мне розовым бытом и самоуспокоенностью. Его будут сотрясать проблемы, которые человек будет решать.

Из: БНС. Жду прорыва в новое пространство

— В свое время Аркадий Натанович Стругацкий высказывал мысль, что лучшей идеи будущего, чем коммунизм, никем пока не придумано. А Вы как считаете?

— Мир, в котором человек не знает ничего нужнее, полезнее и слаще творческого труда. Мир, где свобода каждого есть условие свободы всех остальных и ограничена только свободой остальных. Мир, где никто не делает другому ничего такого, чего не хотел бы, чтобы сделали ему. Мир, где воспитание человеческого детеныша перестало быть редкостным искусством и сделалось наукой... Разумеется, ничего светлее, справедливее и привлекательнее такого мира пока еще не придумано. Беда здесь в том, что само слово «коммунизм» безнадежно дискредитировано. Черт знает какие глупости (и мерзости) подразумеваются сегодня под термином «коммунистическое будущее». Жестокая, тупая диктатура. Скрученная в бараний рог культура. Пивопровод «Жигули — Москва»... Красивую и сильную идею залили кровью и облепили дерьмом. Воистину — «идея, брошенная в массы, словно девка, брошенная в полк»70.

1951

Январь–февраль 51-го АН проводит в Москве и Ленинграде — отпуск. Похоже, за это время братья всерьез увлеклись фотографией — еще одно общее увлечение.

Письмо Аркадия брату, 29 марта 1951, Канск — Л.

Привет, Боб.

Очень долго не писал, каюсь. Но ведь и от вас ни гласа, ни послушания[71]. Знаешь, страшно был занят, а неделю назад (пребываю в надежде, что мама не читает писем, адресованных тебе) свалился от жестокого приступа простуды. Три дня температура была t=39°—39,5°. Потом стало легче, вчера поднялся. Ты только маме не говори, а то она беспокоиться будет, мало ей и без того забот. Сейчас я уже обыкновенно здоров. Да, чтобы не забыть. Еще в Москве я проявил нашу пленку. Привидения получились неплохо, повешенный не вышел совсем — такая зверская недодержка, совершенно прозрачная пленка. Это твоя работа, ma fratere[72]. То, что ты снимал без меня, частью

удалось. Я сверился с твоими расчетами. Мог бы написать, но ведь это очень непоказательно. Кроме того, за истекший срок я успел испортить две пленки (5000 и 2100) и проявить одну (2100). Есть очень неплохие этюды: канская улица, мой дом, я и мой друг около кучи навоза и т. д. Я уже совсем наловчился и прекрасно освоился с аппаратом. Мне подарили великолепную железную треногу, устойчивую, как Троицкий мост. Автоспуск работает прекрасно.

Как тебе нравится матч на первенство мира?73 Ай да Бронштейн! Молодчина, у меня на него перед началом матча были поставлены две бутылки шампанского. У нас среди офицеров ведется предварительный матч на первенство по школе. Кроме того появилась новая болезнь — китайские шахматы. Я сел играть впервые и выиграл у довольно опытного игрока. Посмотрим. Очень оригинальные шахматы. Кто-то из наших переводит руководство по японским шахматам.

Вот, кажется, и все новости. Да, прошу всегда сообщать, когда получаете от меня деньги, а то здесь, возможно, плутуют.

Пиши скорее, друг мой. Твой брат Арк.

Боб, у тебя нет товарища-скульптора? Если есть, попроси его слепить статую Судьбы по этой

модели74.

Привет мамочке, скоро ей напишу.

В переписке АБС такие письма, как выше — ни слова о литературе — прочитанной или создающейся, — скорее исключение, чем правило.

Летом БН выезжает на астрономическую практику в Алма-Ату — в обсерваторию к старейшему астроному и астрофизику Гавриилу Адриановичу Тихову. До 41-го года Тихов работал в Пулковской обсерватории, занимался фотометрией и колориметрией звезд и планет. С 41-го жил в Алма-Ате, с 47-го заведовал сектором астроботаники Академии наук Казахской ССР. В течение 40 лет Тихов занимался изучением физических условий на Марсе. Он полагал, что на поверхности планеты существуют участки, покрытые растительностью. В связи с этим он выполнил обширные исследования по определению спектральной отражательной способности земных растительных сообществ в разных регионах. Эту пограничную между астрономией и ботаникой область он считал новым научным направлением — «астроботаникой». Кто знает, скольких фантастов привлекли в литературу именно эти, так доселе и остающиеся умозрительными, научные дисциплины — астроботаника да аст-

робиология...

БН вспоминал о поездке к Тихову в письме от 17.07.83 Борису Штерну:

Что касается Тихова, то это любопытная фигура. К сожалению, в те поры я-то был полный идиот, ничего не понимал и не воспринимал. Остался у меня в памяти этакий кино-ученый — интеллигентнейший старикашка, весь в белом, в белой академической ермолке, с белой эспаньолкой, все его вокруг боятся, и любят, и смотрят на него как на бога, а он берет нас, первокурсников, с собою на наблюдения Венеры (это была последняя из его идей — снимать спектры мерцания заходящей Венеры, используя земную атмосферу как гигантскую призму)... да, так вот, берет он нас на наблюдения, сидим тихонько в темном уголку башни, он колдует у телескопа, Ваня Бухман (был у него такой на подхвате, мастер спорта по спортивной ходьбе, сын ссыльного профессора Бухмана, который — профессор, а не сын — на территории обсерватории построил гелиожилище, гелиопогреб и гигантский зеркальный параболоид для лечения страждущих концентрированными солнечными лучами... однажды этот параболоид самовозгорелся... впрочем, это длинная история)... так вот, Ваня Бухман ему

ассистирует, и что-то там у них не ладится, заедает там у них что-то, и старик вдруг орет на всю Алма-Ату: «Ну что ты, Ваня, вертишься, словно у тебя шило в жопе!»... Академик. С европейским именем. Член Верховного Совета КазССР. Это, помнится, произвело на меня огромное впечатление.

И еще помню, как справлялось там его семидесятилетие. Очень, кстати, скромно. Только свои. Человек пятнадцать: парочка родственников, пяток научных сотрудников обсерватории, несколько практикантов, шофер, садовник и повар, испекший торт с кремовой надписью: «Гавриилу Адриановичу от влюбленных мОрсиан». Вот вопрос: почему так скромно? И почему вообще академик, один из основателей и столпов Пулковской обсерватории, ученый с европейским, повторяю, именем оказался вдруг в Алма-Ате директором занюханнейшей обсерватории? Правда, в те годы многие там оказывались... Но ведь он был, повторяю, членом Верховного Совета КазССР, он всегда носил красный флажок в петлице... Странно, странно... Так вот, там я, будучи практикантом, надрался как зюзя, произносил какие-то витиеватые тосты, на каковые Г. А. ответил академическим тостом: «За хорошеньких

девушек и за пьяных студентов!»

Вот и все мои воспоминания. Наука тогда меня интересовала больше, чем люди науки, кто бы они ни были.

Надо сказать, работ Тихова я почти не знаю. Классическими признаны полученные им на 26 ти-дюймовом телескопе Пулковской обсерватории фотографии Марса в начале века. Именно сезонные изменения Марса на этих фотографиях и толкнули его потом к астроботанике. Он много занимался спектрографией. Но ничто из сделанного им в учебники не вошло, и имя его встречается только в историческом плане, что-нибудь вроде: «Метод призменного спутника Тихова... состоит в следующем... в настоящее время применяется редко». Однако же в двадцатые и тридцатые годы Тихов — несомненно человек в авторитете, а потом что-то произошло...

Вот и все о Тихове.

На память об этой поездке в архиве БНа хранится статья член-корреспондента АН СССР Г. А. Тихова «Профиль главной полосы поглощения хлорофилла» из «Докладов Академии наук СССР» с автографом: «Б. Н. Стругацкому на память об Алма-Ате от Г. Тихова».

Письмо Аркадия брату, 4 августа 1951, Канск — Л.

[Строка иероглифов: «Мой дорогой Боря!»]

Наконец-то ты в Москве — факт сам по себе достаточно отрадный, чтобы отметить его хорошей выпивкой, что я не замедлю сделать в ближайшее время. Что касается твоих претензий ко мне в отношении писем, то дело в том, что я и не подозревал, что ты задержишься в Алма-Ата так долго. Значит, рабочей обстановкой ты остался неудовлетворен. Имей в виду, работать после окончания ЛГУ тебе придется и, возможно, в паки худших условиях, так что не льстись на то, чтобы попасть на все готовенькое с совершенным оборудованием, с трамваями и т. д. Приучи себя к мысли, что всё придется создавать и исправлять своими руками. Изучай тщательно практическую астрономию — это там, кажется, описываются приборы и инструменты. В жизни всегда, брат, так бывает: невольно идеализируешь условия работы в тех местах, куда едешь. Это я на себе часто испытывал, так что можешь мне поверить.

Насчет письма Ефремову — идейка неплоха. Стоит попробовать — причем пройтись по адресу

авторов, пишущих такие произведения-перлы научной фантастики, как «Семь цветов радуги»[75]. Да, вышла в свет новая книга: «Королевство кривых зеркал»[76]. Найди и напиши, что это за штука. Название заманчивое. Меня почему-то всегда тянуло к фантазированию в области пространственно-временных построений, неэвклидовых геометрий и пр. и т. п. Может быть, эта новая фантастическая повесть имеет что-нибудь общее с такими идейками. Теперь вот что: хочешь писать — брось большие масштабы. Берись за рассказики, новеллы — это труднее, но менее противно (в чернильном смысле). Я написал один рассказик — возился долго с предварительной подготовкой — как оформить сюжет и пр. — но писать было легко. А легче и интереснее всего, пожалуй, писать пьесы. Конечно, здесь свои, особенные трудности, но мне они как-то легче даются, хотя должен тебе признаться, что ни одной пьесы я довести до конца еще не сумел.

Прочитал Драйзера «Дженни Герхардт» — очень понравилось. Хорошо чувствовал душу мужчины товарищ. Больше, кажется, ничего нового не читал — лень и тошно, голова жиром заросла, снаружи и изнутри, жир вытесняет мозг и вытекает через глаза, уши, нос и прочие дырки

(хотя, кажется, это все).

В Канске страшный холод, терпежу нет. Прямо не знаю, что за город. Все ходят, чихают, сморкаются и жалуются — жалуются на холод, дороговизну, слякоть, на соседей, на начальство, на подчиненных, на детей и жен. Только на себя никто вслух не жалуется. Боятся, бродяги.

Вот, пожалуй, всё пока. Как видишь, ничего определенного я тебе не написал. Роман писать не буду — дешевка, все равно не справимся. Письмо Ефремову — согласен. Подай проект на утверждение. Я дополню и перешлю тебе. Тогда пошлешь.

Пленку нужно. Скучно.

Жму руку, целую — твой Арк.

P. S. Смотри за мамой, не давай ей много работать. Помогай во всем.

Жду письма с нетерпением и с прискуливанием от скучишшши.

АН в то время пытался писать все — фантастику и бытовую прозу, рассказы и романы, и даже пьесы. Помните, в ХС? «Я взял первую попавшуюся папку — с обломанными от ветхости углами, с одной только грязной тесемкой, с многочисленными полустертыми надписями на обложке, из которых разобрать можно было

лишь какой-то старинный телефон, шестизначный, с буквой, да еще строчку иероглифов зелеными чернилами: «Сэйнэн дзидай-но саку» — «Творения юношеских лет». В эту папку я не заглядывал лет пятнадцать. Здесь всё было очень старое, времен Камчатки и даже раньше, времен Канска, Казани, ВИПа — выдирки из тетрадей в линейку, самодельные тетради, сшитые суровой ниткой, отдельные листки шершавой желтоватой бумаги, то ли оберточной, то ли просто дряхлой до невозможности, и все исписано от руки, ни единой строчки, ни единой буквы на машинке». Об этой папке (реальной папке!) еще будет рассказано, а пока заметим: «...легче и интереснее всего, пожалуй, писать пьесы...»

БН вспоминает о пьесах:

БНС. Офлайн-интервью 02.03.02

Как объясняется видимое противоречие: в театр Вы не ходили, а пьесу написать мечтали с давних пор и даже до «ЖГП» сделали несколько вариантов пьесы по «ТББ»?

БВИ. Абакан, Россия

Здесь нет никакого противоречия. АБС, оба (АН — в меньшей степени, БН — в большей) не любили театр, как ЗРЕЛИЩЕ, как ритуал, как вид

светского развлечения, если угодно. Но они всегда с почтением и любовью относились к драматургии, как к виду ЛИТЕРАТУРЫ. Пьесы Шоу, Чехова, Пристли, Булгакова читались и перечитывались многократно и с наслаждением. Сам прием этот — ПЬЕСА! — позволяющий полностью исключить из произведения автора, оставив только героев и ситуацию (совсем как в реальной жизни!) — сам этот прием всегда казался нам чрезвычайно привлекательным. Поэтому «Жиды...» наши и получились пусть последним, но нежно любимым детищем, желанным и долгожданным.

Письмо Аркадия брату, 21 сентября 1951, Канск — Л.

Mein lieber bruderchen!

Received your letter three days ago, but only to-day got up to answers. Your photos, I like them very much, though I think you'll spend down here something more interesting. The matter is, that I better like pictures of the common life, than those of important things. Still I'm very glad to know how that famous Tichov looks. As to your scepticism towards that insufficient mechanism of your telescope towers, hark at that and secure your own health. For this doesn't make any revolution in the Soviet astronomy.

I'm very glad then, that you have tried hot potatoes — I mean your journey and all that difficulties and other stuff connected with that.

As to the apples, I'm absolutely in line with your wishes that I should have been with you when tasting them. Down here there is no single apple or other fruits, and all of us are to be satisfied with poor cucumbers and nuts. Here in Kansk now we have possess no bread enough, no meat enough, no fruits enough, only vodka — no wine — only vodka. And we are killing our sorrows in it.

Reading? Anna Segers «The seventh cross», «The people revolution in China», well, you don't blame me — «Seven colours of rainbow» — ai-ai-ai!

Now I'm finishing, my boy. Waiting for your letters and so on so forth.

Kissing mama, shaking hands with you.

Good bye.

Your always

Ark77.

Следующее письмо АНа опять на английском. На обороте письма — отрывок лекции: «...между трудом и капиталом. Обострение классовой борьбы и необходимость научного обоснования борьбы для ее успешного ведения». И тут же: «Глупости» и иероглифы. Первая строка: «Орудия

на огневой позиции установлены», вторая — «Вперед, вперед, войска вперед!».

Письмо Аркадия брату, 1 ноября 1951, Канск — Л.

My dear B!

Excuse my having been silent so long, but the situation down here in Kansk (I mean my personal affairs as well as the matters of my service) did not let me a damn split of time or mood to write to anybody and to you especially, because I know, that you, as well as me, don't like sentiments, and had I written to you during this very time my letter would have been overfilled with all sorts of complaints, regrets and so on, and so forth. Besides there was nothing substantial to write about: everything in our poor and miserable life is flowing dully and endlessly, without much to change and little to love.

The state of things down here never changed since that time, but my conscious can't stand your silent, and still hot упреки (have forgotten the word), and I decided to write to you a pair of lines. First of all about my personal life.

I'm fed well, sleeping sound, drinking little. Work much; read much — and what sort of stuff am I reading? First of all — «Systems of the Universe» by

a certain Gurvitch — a splendid outline of the history of the development of the human's views upon the Universe. Liked the book very much. Think you've already read it. Then reread Ostrovsky's «Plays» — very nice, «Another Such Victory» by an American — Weever, if I'm not mistaken — about the affairs in the USA, taken place in 1932, when MacArthur shot the veterans who had come to Washington to ask for their earned money. What else? In Japaneze — «[название иероглифами]» — «Don Juan in the Hell» by Kikuchikan, «[название иероглифами]» — «Before and after the Death» by Arisima Takeo. In English: reread «The War of the Worlds» by Wells, «Pickwick's Club» by Dickens and so on. That's all, I suppose.

The second — my service. Here there is very little to say about — service is service. Very much of work, indeed. Now I'm storming over the heads of my poor pupils and pressing out of them the last drop of oil. They are becoming thinner and thinner just upon one's eyes, but even can't complain — they are too frightened to move a finger against me. I am killing every spot of protest in the begetting.

Now, here I'm finishing. You write more often then you have been before, I need letters from mama and you badly, because by some reasons you don't need to know now I'm too lonely now. So, don't forget your

poor brother.

I'll probably come to Leningrad about 24th of January 1952, and then we shall be gay and happy for a while.

Here is the End.

Kiss you and mama.

Your Ark[78].

О своей службе в Канске АН рассказывал такую байку:

Из: АНС-энциклопедия

Аркадий Натанович — дежурный по школе военных переводчиков в Канске. Только что приказом по армии офицерам было велено носить шашки. В обязанности дежурного входило приветствовать при построении школы ее начальника — низенького, небольшого роста полковника.

И вот утро, плац. Через плац неспешным шагом шествует полковник.

— Школа, смирно! — рявкает длинный, как жердь, офицер Стругацкий и, согласно уставу, выхватывает шашку из ножен, одновременно делая широкий шаг по направлению к командиру — шаг, больше похожий на выпад фехтовальщика. Начальство в растерянности пятится, стараясь не

попасть под шашку на вымахе. Стругацкий делает еще один широкий шаг вперед — и командир, чтобы не быть зарубленным на месте, делает три мелких шажка назад, почти пускаясь в бегство.

Стругацкий в растерянности приостанавливает движение своей шашки, оставляя ее в каком-то незавершенном фехтовальном положении, но по инерции совершает следующий шаг, который оказывается роковым. Пятящийся в испуге начальник школы плюхается в пыль плаца.

Стругацкий наконец-то спохватывается, вспоминая о своих обязанностях дежурного, и, как будто ничего не произошло, берет шашку к ноге и начинает рапортовать лежащему в пыли полковнику:

— Товарищ командир! Канская школа военных переводчиков построена!..

А товарищ командир как-то боком поднимается, зло роняет «столько-то суток без увольнения!» — и с позором исчезает с плаца. Тут Аркадий Натанович догадывается оглянуться на военных переводчиков у себя за спиной — шеренга в величайшем восторге стоит по стойке «смирно», и кто-то, давясь хохотом, говорит шепотом Стругацкому:

— Скомандуй «вольно», идиот!

1952

Неустроенность личного быта, оторванность от дома и родных, поднадоевшая уже, видимо, служба... И тут же — о сочинительстве, как о чем-то, может быть, единственно светлом в тогдашней жизни АНа.

Письмо Аркадия брату, 19 мая 1952, Канск — Л.

My dear Bob!

Excuse me for my having been silent so long a while. But you — I mean you personally and mammy — were equally attentive towards me, and on your part it is much worse than on mine, because you a two and I am alone. You should write more often, otherwise till my next leave you will forget me. So I hope that you — you and ma — will respond my lamentations and be kind enough to send me at least one letter a week.

As to my life, it is as usual miserable and poor, as one of my best friends likes to say. I am terribly tired and exhausted and have no time to rest. I say «have no time to rest», but that doesn't mean that I overwork myself. True, I work much, but in some kind of normal

situation (in respect of my family relations, flat) I would be able to enjoy all the pleasures of free time. Still the normal conditions of life don't exist for me, and I, to get rid of lonelines, thoughts and so on, am compelled to leave my home and go to friends and she-friends, spend time in the most silly way.

Still my lamentations are not to touch you, because all that is mixed up with more serious business. For instance, I go on with writing a book, have invented a new theme, read an excellent thing — «The Birth of Worlds». Now I know all the present theories of cosmogony. By the way, I can not comprehend, why Fesenko got «Laureat Сталинской премии», if his theory is wrong and the Shmidt theory is acknowledged the only true? You, astronomers, are rather illogical, I should say.

After all I may insist upon saying, that I live all right. But I'm too lonely, Bob, too lonesome. Excuse my mistakes.

Best regards to ma and all of ours. Kiss and shake hand.

Your Ark79.

Неурядицы и однообразие усугублялись проблемами в личной жизни. Рассказывает БН:

Из: БНС. Я плохо представляю брата восьмидесятилетним

— *Когда-то Вы рассказывали мне, что Аркадий Натанович был в свое время исключен из комсомола. За что, если не секрет?*

— Это любопытная и даже романтическая история в стиле купринского «Поединка», но я не уверен, что Аркадий Натанович был бы доволен, если бы я стал ее сейчас рассказывать. Это никакая не семейная тайна, конечно, но говорили о ней у нас редко и неохотно.

В результате этой романтической истории, о которой позже, АН не только лишился комсомольского билета, но и был переведен служить на Камчатку. Может быть, высшее военное руководство и считало это наказанием (Камчатка считалась еще более «медвежьим углом», чем Канск), но АН видел в нем светлые моменты:

Из: АНС: «Кто же пойдет в сборщики мусора?»

— Океан для меня все...

— Почему именно океан, а не лес, не степь, не горы?

— В детстве я страстно увлекался морской

биологией. Много читал об океане, восхищался разнообразием жизненных форм в его глубинах — раки-отшельники, актинии, медузы, осьминоги... Ну, а потом по долгу службы пришлось попасть на океан и увидеть все это своими глазами. Это был рай детской мечты.

Новые впечатления, новые люди, новая работа. И сразу изменяется тон писем:

Письмо Аркадия брату, октябрь 19528[0] Петропавловск-Камчатский — Л.

Дорогой мой Бэмби![81]

Вот и нашей семье пришлось забраться в страну чудес и удивительного, ставшего буднями. Ибо Камчатка — это гораздо более странное и интересное, чем Курильские острова и Сахалин, взятые вместе. Здесь медведи бродят в полутора десятках километров от города, в изобилии растут грибы и ягоды, в речках шириной в метр водятся рыбы, не умещающиеся в них поперек; из утреннего тумана вырастают снежные вершины, неделями бушуют катаклизмические ливни, гигантские красные муравьи охотятся за кузнечиками.

Есть очень много, что хотелось бы рассказать тебе, но придется отложить до встречи. Пока скажу, что насобачился стрелять из пистолета

неплохо, и за тридцать метров противник от меня не уйдет. Остальное потом, когда будем разговаривать. Как я мечтаю об этом времени! А до него еще 700 дней. Впрочем, может быть, увидимся раньше. Боря, заклинаю тебя, береги маму. Ты, сосунок, не знаешь, что она значит для нас, но клянусь чем угодно, я тебе никогда в жизни не прощу, если с ней что-либо случится. Господи, как я вас обоих люблю, если бы вы только знали. Это, вероятно, еврейская кровь. Помнишь, у Куприна в «Гамбринусе» Сашка говорит: «Что поделаешь, мы, евреи, любим родственников». Впрочем, это все сантименты.

Обдумываю повесть о Тарзане — новом, другом, настоящем звере — жестоком, хитром, мстительном: назову его Румата — каково? «Берег Горячих Туманов» меня не удовлетворяет, придется много переделывать, вплоть до изменения фабулы. Есть еще кое-какие идейки, но очень смутные. Приходится также во многом менять пьесу «Товарищи офицеры». Это о литературной деятельности.

Пьют здесь много, но однообразно: коньяк, перцовка и спирт. Женщины глушат шампанское.

Всегда готов я, братцы, пить
Стаканом спирт разбавленный.

Стаканом пить, водой запить
Разбавленный!
За то с Камчатки все бегут,
Иль на Камчатке прямо мрут,
Что пьют, стаканом в глотку льют
Разбавленный![82]

Наблюдаю, записываю, слушаю. Всё ново, интересно. А жизнь здесь трудновата, надо прямо сказать. Ну, что поделаешь. Служить надо. Бэмби, на каком курсе ты будешь в сентябре 1954 года? Может, уже кончишь? Во всяком случае, жди меня. И еще раз: береги маму. Вот пока всё. Крепко целую, брат мой.

Твой brother Ark.

БН рассказывает:

БНС. Что для вас значат мультфильмы Диснея?

Сейчас уже ничего. А когда-то значили очень много. «Бэмби» я запомнил на всю жизнь. Это был один из первых настоящих мультфильмов, которые я видел. Я смотрел его бесчисленное количество раз.

Видимо, АН знал пристрастие брата к этому

мультфильму — обращение «Бэмби» впоследствии встретится нам еще не раз.

Подходит к концу первый месяц пребывания АНа на новом месте. Он уже обустроился, порасспросил новых знакомых об особенностях местной жизни.

Письмо Аркадия брату, 24 октября 1952, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, мой мальчик!

Получил (наконец-то!) письма и от тебя. Возблагодарил судьбу, что я у матери не один. Хочу, чтобы ты писал часто, как можно чаще, а то я уже начал подозревать, что ты меня забываешь. Ну, это сентименты, перейдем к делу.

Первый вопрос — о лете. Вы, вероятно, уже получили мое письмо, где я с достаточной убедительностью доказал вам, что Камчатка вообще — не Петергоф, и на электричке до нее не дотянешь, а то место, где я нахожусь, в частности, труднодоступно и для тех, кто добрался (таки) до Камчатки. Так что, как это ни печально, придется дожидаться весны или лета 1954 года. Второй вопрос — о связи между нами. Это, брат, целая проблема. По приезде я объясню, какая здесь создана сложная обстановка для военнослужащих

в этом смысле, пока же придется удовлетвориться тем, что есть: я могу вам посылать телеграммы, деньги, мои письма будут доходить до вас через десяток дней; вы можете адресоваться ко мне только на в/ч 25324, телеграммы до меня не доходят, письма ваши идут ко мне месяц. Изменить здесь пока ничего нельзя. Считаю, что с этими вопросами покончено. Да, авиапочтой — не посылайте. Но неплохо, если будете слать заказными. Письма и телеграммы на почтамте — для меня за семью печатями. Вероятно, скоро вернутся к вам.

Помнишь, в последней посылке в Канск ты послал мне две аглицких книжонки Киплинга. Одна из них — о традициях британского флота — чушь, хотя стихи там хорошие[83]. А вот другая, «Stalky & Co» — чудесная вещица. Прочитал ее трижды, теперь перевожу, к новому году думаю закончить. Как-то мы с тобой в Ленинграде фантазировали о том, как бы проснуться году в 39-м, обладая всеми знаниями и опытом сегодняшнего дня. Так вот, в этой книжке описываются похождения трех школьников — учеников колледжа, у этих друзей совершенно взрослый склад ума (не опыт, не знания, а именно склад ума). Рассказывать неинтересно, привезу перевод — прочтешь.

Из-за этой книги я даже забросил начатый было перевод «Сына Тарзана». Впрочем, и он от нас не уйдет. Забавляюсь я также и чтением Диккенса — услаждаю себя «Пиквикским клубом» в оригинале. Ты себе и представить не можешь, сколько теряется в переводе! Что касается японского, то — увы! — забываю понемногу: нет матерьялов. Я уже писал маме насчет словарей, прошу тебя помочь ей и срочно выслать на в/ч 25324 заказной бандеролью. Много читаю, а писать пока бросил, нужно о многом подумать. В частности, придется, вероятно, перестроить сюжет «Берега Горячих Туманов». Кстати, недавно я где-то прочел о новой теории происхождения залежей радиоактивных руд. По этой теории наибольшее их количество должно оказаться на Меркурии. Напиши мне о своих взглядах на это дело.

Меня продолжает привлекать и «тарзанья» тема. Идея — Тарзан островов Южных Морей. Подобрал имена — Румата и Юмэ — остается изобрести сюжет и писать. Есть и еще кое-какие мыслишки, иногда просто заманчивые заголовки и отдельные кадры. Но здесь я боюсь пойти по дорожке незабвенного кадета Биглера[84]. Стихи не пишутся. Да, о стихах. Пиратская песня пулковского героя мне понравилась, хотя мне

слишком что-то бьют в нос «пенные бокалы», «искристый огонь», «усталые глаза». Может быть, старею? Что касается ВАМПИР'а, то предложение с удовольствием принимаю. Правда, не совсем понятно, почему ты считаешь, что я «подхожу, как никто из вас»? Это, брат, ошибка. Ты вообще всё еще смотришь на меня, как на «большого брата» благословенных времен, когда тебе было десять лет, и ты ловил каждое мое слово с восторженно раскрытым ртом. Не те времена, Бэмби, ты вырос, а я постарел, отупел немного. Пришло время мне смотреть на тебя с надеждой и восхищением. Конечно, я сделаю my best[85], но много от меня не жди. Только присылай мне фото, и побольше притом.

Прочел ли ты «Поджигатели» и «Заговорщики»[86]? Если нет — обязательно прочти. Это сила. Кроме того, это совершенно новый стиль в литературе — публицистическая беллетристика. I would call it[87]. Вообще мне хотелось бы, чтобы ты сообщил мне, что читаешь. А если хочешь увидеть мощу в историческом романе — прочитай «Георгий Саакадзе»[88], только вначале прочти преди- или послесловие. С историческими книгами всегда нужно так, а то ни черта не поймешь.

«Смир-р-рна-а!» и «Ширинги», так восхитив-

шие тебя, мне надоели до ума решения. Но если бы ты знал, что я здесь видел... ничего, ничего, молчание[89]. Очень много нового, и при всем этом часто приходится делать вид, что с этим ты давно знаком. Из чудес природы новым для меня было: восхождение на вулкан (вулкан, конечно, а не восхождение, хотя оно само по себе тоже для меня в новинку), погода, которая меняется буквально каждые четверть часа, моря грязи, в которых застревают даже танки, ветер, от которого ползешь на четвереньках, землетрясения (небольшие, правда) и всё такое прочее в том же духе.

Пишу, сидя в кабинете. Около ходит Питер, он же мой начальник майор Галдин, он же мой сожитель и товарищ. Ходит и бубнит (уже второй месяц), чтобы я развесил по стенам плакаты и макеты по разведке. Я ему принес новые (за август) номера «Крокодила», и он успокоился. Пожалуй, плакаты подождут до нового года, а там видно будет.

Вот пока всё. Крепко жму руку, целую, твой Арк.

«Из чудес природы новым для меня было: восхождение на вулкан» — и всё, собственно. Это в жизни. Но потом это восхождение будет описано подробнейшим образом с минимальными иска-

жениями реально происходившего. Это первая глава повести «Извне».

И еще хотелось бы особо отметить присланную БНом еще в Канск книгу Киплинга на английском языке. «Сталки и компания» еще неоднократно будет встречаться в переписке братьев, цитаты из нее войдут во многие произведения АБС, не говоря уже о придуманном АБС и теперь известном слове «сталкер».

Из: БНС. Борис Стругацкий в предчувствии новой эпохи

— Борис Натанович, как известно, вам с братом в свое время удалось поспособствовать расширению русского языка. Например, «сталкер» это английское слово. Так, например, называется в оригинале роман Фенимора Купера, известный российскому читателю под заголовком «Следопыт»; в армии США существует специальное подразделение «Ночные сталкеры». Тем не менее именно благодаря братьям Стругацким это слово стало частью русского языка со своим специфическим и отличающимся от оригинала смыслом. Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

— Вообще-то, мы придумали несколько новых

слов, ставших употребительными, правда, в основном в среде фэнов — «кибер», например, или «скорчер». До сих пор не знаю, кто первый придумал слово «планетолет» — мы или Иван Антонович Ефремов. Но вы правы: «сталкер» — словечко, которое у всех на слуху, в том числе и у тех, кто ничего и никогда не читает. Заслуга тут, я думаю, все-таки не столько наша, сколько Андрея Тарковского, снявшего по нашей повести фильм, ставший всемирно знаменитым. А придумали мы это слово так. В черновых разработках понятия «сталкер» не было. Охотники за внеземными чудесами в Зоне назывались у нас «трапперы» или просто «старатели». И только в самый последний момент, может быть, на первой же странице черновика выскочило у кого-то из авторов это звонкое словечко, которое и было принято обоими на ура. Прямо скажем, словечко это неправильно образовано и не свидетельствует о высокой грамотности авторов. В английском языке есть слово to stalk, означающее (в частности) «идти крадучись», «подкрадываться». Но читается оно как «сток», а значит, должно быть не «сталкер», а «стокер». Но мы-то взяли это слово не из словаря, а из древнего (конца 40-х) перевода замечательной книги Киплинга Stalky&Co,

который (перевод) Аркадий Натанович сделал еще будучи курсантом ВИИЯка. Мне приходилось видеть и еще чей-то, еще дореволюционный, перевод этой книги, он назывался «Бесшабашная компания» (или что-то вроде) и был гораздо хуже перевода Аркадия, который мы дружно любили и всегда называли «Сталки и компания». От имени (неправильно образованного имени!) рискованного, лихого, дерзкого героя этой книги — Сталки — и пошло наше словечко «сталкер». Такая вот лингвистическая история.

Еще недавно о переводе этой книги БН отвечал так:

БНС. Офлайн-интервью 25.08.03

Имеет ли какие-то шансы на издание перевод «Сталки & Со» Киплинга, выполненный Аркадием Натановичем?

Mikhail. Киев, Украина

Вряд ли. Я даже не знаю, сохранился ли черновик перевода — что-то я его в архивах не видел.

Но сейчас благодаря усилиям Анта Скаландиса90 и дочери АНа Марии Аркадьевны найдена часть черновиков перевода «Сталки», сделанного АНом. Будем надеяться, что перевод отыщется полностью и мы наконец узнаем, чем же так

восхищался БН!

Письмо Аркадия брату, 10 ноября 19529[1], Петропавловск-Камчатский — Л.

Only for Boris.

Dear Bob!

In this letter I have described to you and mammy the earthquake. Of course, this thing did not hurt us, and we even did not know the real consequences of the adventure. But now we know here that what has happened is terrible. A tremendous calamity came over the whole coast-line of our Far-East. Thousands of people perished. Dozens of thousands are now deprived not only of their homes but of their clothing too. Newspapers do not tell anything. My luck is that I live in the depth of the land and on the highland. The character of the calamity, I can hint you, is described in «Звездные корабли» — the place, where some professor was on board the ship somewhere in the Southern Seas. Don't tell mammy of that. As to me — I am absolutely safe. Never worry about me.

Your Ark[2].

БН вспоминает:

Из: БНС. Комментарии к пройденному

После окончания института и до демобилизации в 55-м году Аркадий служил на Дальнем Востоке, и это был, вероятно, самый живописный период в его жизни. Ему довелось испытать мощное землетрясение. Он был свидетелем страшного удара цунами в начале ноября 52-го года.

О самом землетрясении сейчас можно отыскать немало материалов, но тогда это было тайной.

Из: Пийп Б. Засекреченное цунами

Гигантская волна, вызванная землетрясением, почти полностью уничтожила город Северо-Курильск и множество поселков тихоокеанского побережья Камчатки и Курильских о-вов. По приблизительным оценкам, погибло около 5 тыс. человек, большинство из которых составляли военнослужащие и работники рыбообрабатывающих предприятий. Как и в случаях других катастроф в СССР, масштабы и последствия цунами 1952 г. были засекречены. Я просмотрел газеты «Правда» и «Известия» за ноябрь–декабрь 1952 г. и не нашел никакого упоминания о ка-

тастрофе (но нашел две заметки о Курильских о-вах, где описывались успехи социалистического строительства).

В то время мой дед, Б. И. Пийп, был начальником Камчатской вулканологической станции АН СССР, расположенной в пос. Ключи. С 17 по 30 ноября 1952 г. вместе с другим вулканологом А. Е. Святловским он участвовал в рейсе гидрографического судна, которое производило измерения высоты заплеска цунами на юге Камчатки и Северных Курилах. Я посчитал необходимым опубликовать выдержки из его дневника, которые переносят нас в то время, позволяя узнать некоторые подробности катастрофы.

А. Б. Белоусов, кандидат геолого-минералогических наук

Институт морской геологии и геофизики

Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН

[Отрывки из дневника Пийпа:]

<..>

14 ноября. Пятница.

Стоит та же ясная, морозная погода. Утром поехал в обком партии. <...>

Здесь в обкоме, так же, как и раньше у летчиков, услышал много жутких подробностей о

последствиях цунами. Самое ужасное — это смыв г. Северо-Курильска и гибель в нем нескольких тысяч жителей. Здесь уничтожено много домов, несколько рыбозаводов. На Шумшу, поселения на котором расположены на высоком плоском берегу, строения и люди уцелели. На Шумшу пострадали только строения в селении Байково и в Козыревском. Мало пострадал мыс Васильева на Парамушире, несмотря на то, что низкий.

<...>

17 ноября. Понедельник.

Прибыли на судно гидрографической экспедиции. В ожидании пока нас разместят по каютам, сидели в кают-компании и разговаривали с офицерами. Узнали еще некоторые подробности о цунами. На пристань экспедиции первая волна пришла в 7 ч 30 мин, вторая — примерно в 8 ч 15 мин. Высота ее была 115 см. В Северо-Курильске было около 15 тыс. жителей, погибло около 4 тыс. Сильные разрушения, смыв построек были на Парамушире еще в следующих местах: на мысе Рифовом, в погранпункте между мысом Рифовым и Северо-Курильском и на Океанском (ближе к мысу Васильева). На мысе Васильева волна была 4–5 м, но так как жилье расположено выше, то гибели людей не было.

<...>

23 ноября. Воскресенье.

<...> Находясь на склоне холма, директор видел, что накрывшая огромный комбинат гигантская морская волна в несколько минут разрушила и смыла его. Волна была одна. На месте комбината остались руины и разбросанные остатки строений, машин, цистерн, котлов, содержимого складов и вышвырнутые катера. Многое, что могло плыть, в том числе и люди, были оттянуты волной в море. Цунами был нацело разрушен огромный, протяжением 120 м, глубиной 7 м и шириной 6 м железобетонный мол, построенный еще японцами, большие блоки этого мола были смещены на 50–70 см в сторону по пути движения цунами. Благодаря молу уцелел пирс, хотя участками его сильно повредило и расшатало. Кран высотой около 6 м, стоявший на конце пирса, был сбит с основания и сильно накренился.

<...>

24 ноября. Понедельник.

<...> Вторым рейсом катер шел на китобойную базу Подгорный, и Святловский поехал ее осматривать. На китобойной базе, действительно, разрушения были еще более крупными. Здесь две волны сошлись за разделяющим их мысом

и, встретившись, значительно подняли свою высоту. Здесь оказались разрушенными огромные краны для приемки китов. Краны были погружены на 3/4 в землю и, тем не менее, их вывернуло и искорежило. Краны, по грубой оценке весившие 140 т, были перемещены на 40 м в сторону.

<...>

Писал об этом и АН. Позже будет подробно рассказано об интродукциях, которые АБС планировали ввести в различные свои произведения (в ПХХIIВ и ДК), этакие зарисовки с натуры, оттеняющие сам текст произведения. Здесь лишь — начало интродукции о цунами:

АНС. 1952, осень

Цунами обрушился на город в четыре часа утра. Первыми волну увидели часовые, стоявшие у складов на пирсе. Они побежали от берега, стреляя на ходу в воздух. Наверное, они не успели отбежать далеко. Высота волны была метров двадцать, и она накрыла город весь целиком. Затем пришла еще одна волна — такая же — и еще одна, послабее. Постройки были разрушены, весь берег усеяли бревна, обломки фанеры, куски изгородей, ворота и двери. На пирсе стояли две старые корабельные артиллерийские башни, их

поставили японцы чуть ли не в конце русско-японской войны. Цунами отшвырнул их метров на сто. Когда рассвело, с гор спустились те, кому удалось спастись — мужчины и женщины в белье, дрожащие от холода и ужаса. Большинство же жителей либо затонули, либо лежали на берегу вперемежку с бревнами и обломками.

АН не только ОПИСЫВАЛ последствия цунами. Он сам был там.

Письмо Аркадия брату, начало декабря 1952[93], Петропавловск-Камчатский — Л.

Мой дорогой Боб!

Получил твое письмо, вернее — все ваши письма, которые вы когда-либо посылали на Камчатку. Фото твое с вынужденной подписью очень хорошо — славно ты вышел. Прочел твои возражения за №... от... на мои возражения за №... от... «и горькая улыбка искривила его бледные губы»[94]. Если ты воображаешь, что хочешь встретиться со мной больше, чем я с тобой, то ты ошибаешься как никогда в жизни. И все-таки послушайся меня, а не «очевидцев», которые, как я вижу, понимают в Камчатке столько же, сколько я... скажем, в изготовлении ароматных грибов (забыл, как они называются). Если это они (т. е.

очевидцы, а не грибы) напели тебе о креветках, лоуавоу... в общем, камчадалках, гейзерах и т. д. и т. п., а также об обилии жратвы и вина, то ты обо... их и не давай вытираться, пока не признаются в том, что соврали. Ничего подобного здесь нет. Есть суровая, подчас страшная природа, не лишенная, конечно, известной красоты, есть в неограниченных количествах консервированное мясо, консервированная рыба, спирт, коньяк, ну, и хлеб, конечно. Вот и всё. Никаких вин, никаких креветок, никаких гейзеров, Эйзеров, но много Рабиновичей — это да, их почему-то всех посылают сюда. Может быть, будет новая Еврейская Полуавтономная область? Так вот, вопрос о вашей поездке сюда решен отрицательно и бесповоротно. Об этом больше не будем. Я приеду в начале 54-го года, и с этим следует мириться. Думаю, что, работая над дипломом, ты оставишь денек в неделю для меня, и то это будет для меня большая радость. А может быть, мы еще с тобой раскурочим какого-либо американца или англичанина — это было бы очень эффектно в дипломной работе: «Б. Н. Стругацкий походя нокаутировал Эллингтона», или там Ресселя или как их там. В этом (к сожалению, только в этом) я тебе мог бы даже помочь.

Я не писал так долго потому, что был в командировке — самой интересной и богатой впечатлениями в моей жизни. Я был на острове Сюмусю (или Шумшу — ищи у южной оконечности Камчатки). Что я там видел, делал и пережил — писать пока не могу. Скажу только, что побывал в районе, где бедствие, о котором я тебе писал, дало себя знать особенно сильно.

Черный остров Сюмусю,
Остров ветра Сюмусю,
В скалы-стены Сюмусю
Бьет волною океан.

Тот, кто был на Сюмусю,
Был в ту ночь на Сюмусю,
Помнит, как на Сюмусю
Шел в атаку океан;

Как на пирсы Сюмусю,
И на доты Сюмусю,
И на крыши Сюмусю
С ревом рухнул океан;

Как в лощинах Сюмусю,
И в траншеях Сюмусю —

В голых сопках Сюмусю
Бесновался океан.

А наутро, Сюмусю,
К стенам-скалам Сюмусю
Много трупов, Сюмусю,
Вынес Тихий Океан.

Черный остров Сюмусю,
Остров страха Сюмусю.
Кто живет на Сюмусю,
Тот глядит на океан.

Эти вирши сплел я под впечатлением виденного и слышанного. Не знаю, как с литературной точки зрения, но с точки зрения фактов — всё правильно.

Обратно ехал на тральщике (туда — летел) и попал в одиннадцатибалльный шторм. Боря, шторм — это не переживание. Это сплошной бред пополам с блевотиной и бессонницей. Ты вцепился в стойку бомбосбрасывателя на корме (чтобы не блевать в каюте — там и так ступить некуда) и тупо глядишь, как накатывается исполинская тяжелая тошнотворного вида волна. Дз-з-з! Тральщик взлетает на ее гребень и на-

клоняется так, что твой нос оказывается в двух сантиметрах от воды. Желудок обрывается в ноги. Ж-жах! Тральщик проваливается вниз, желудок стремительно летит к горлу. Г-ык!

Фу, аж вспомнить тошно. Но всё проходит, transit, так сказать.

Теперь я дома и с наслаждением ем картошку и пью сладкий чай.

Боб, пиши чаще, мой дружок. Я очень люблю твои письма. Чаще, больше, подробней.

Да, непременно прочитай «Тетрадь, найденную в Сунчоне» Романа Кима95. Это вещь! Она сейчас издана отдельной книгой.

Засим крепко целую тебя, жму руку, твой Арк.

В. Д. Ольшанский, служивший вместе с АНом, один из друзей АНа в то время, вспоминает так:

Ольшанский В. Из воспоминаний

О цунами на Курилах в те годы не принято было говорить вслух. Все держалось в тайне. Официальная пресса сообщала, что в океане произошло оседание морского дна, что вызвало сильное землетрясение, а океанские волны устремились в основном в сторону Курильской гряды. Было это 5 или 6-го ноября 52-го года в канун праздника Великого Октября. Камчатка не пострадала, но

землетрясение ощущалось в полную силу. Нас сильно покачало в скрипучих деревянных ДОСах. А через несколько дней к нам в гарнизон на 6-й километр, как и в другие воинские гарнизоны, привезли пострадавших и спасенных с Курил.

Жили они в солдатских казармах, кормили их из походных солдатских кухонь. А наши жены собирали для них теплые вещи, обувь, постельное белье, ведь было уже довольно холодно. Кстати, им выдавали солдатское и офицерское обмундирование с воинских складов. Об этом, естественно, мы в своей газете не писали, запрет был полнейший.

АН летал на Курилы в составе группы офицеров и специально отобранных солдат и сержантов, как нам объяснили, для поддержания порядка. Но мы отлично понимали, что у разведчиков были совершенно другие задания — обезвреживать оставленную японскую агентуру. АН привез с Курил отличную подзорную трубу, и мы с ним, от нечего делать, иногда вечерами выходили на улицу и смотрели через этот оптический прибор на Луну. Развлекались. Кстати, эту трубу я видел у него в Москве на Вернадского. Смеялись, вспоминая камчатские вечера.

Вспоминает об этом и вдова сослуживца АНа,

жившая тогда вместе с мужем:

Берникова Л. Из воспоминаний

Когда произошло страшное землетрясение и цунами в ноябре 1952-го года, погибло очень много людей. В части на берегу океана близ Петропавловска были смыты волной стоявшие на дежурстве в готовности № 1 самолеты (с летчиками в кабинах), ушел под воду остров в бухте Петропавловска с танковой частью — никто не спасся. АНа отправили на Курильские острова, на Шумшу, на Парамушир и еще куда-то.

Говорили тогда, что на Шумшу нашли японские укрепления. И спрятанные там самолеты — тоже.

В творчестве АБС этот эпизод жизни АНа отразился неоднократно. О впечатлениях и бытовых деталях командировки АНа можно прочитать в первых главах «Четвертого царства». Даже все четыре острова Курильской гряды, затронутые землетрясением и цунами (Парамушир, Шумшу, Алаид и Онекотан) были так или иначе упомянуты в произведениях:

УНС: «...а воздух, насыщенный углекислотой и никотином, будет со свистом и клокотанием вырываться из разинутого рта. Как подводная

лодка, продувающая цистерны. Как сернистый гейзер на Парамушире...» (директор Управления делает зарядку);

ПХХIIВ: «Ты поедешь на остров Шумшу», — говорит Фишер Сидорову;

рассказ «Белый конус Алаида»;

ранний вариант ПХХIIВ, глава «У рифа Октопус»: «Онекотан» — название исследовательского судна.

Но не только это. Старинный японский дот, обнаруженный в «Белом конусе Алаида», подземная крепость в «Четвертом царстве» — это вовсе не выдумки начинающих фантастов.

Из: Дзюба О. Ночная сирена у острова Шумшу

Японский гарнизон капитулировал 1 сентября, но упрямая здешняя молва уверяет, будто кое-кто из воинов микадо отсиживался в подземных лабиринтах еще не один год. Камчатский геолог Баженов, служивший на Парамушире срочную вскоре после войны, рассказывал мне, что однажды солдаты нашли замаскированный японский склад. Хитрецы не поспешили к руководству с радостным рапортом, а предпочли время от времени забираться туда и скрашивать трофейной провизией скучный казенный рацион. Однаж-

ды в этой компании оказался и сам рассказчик. Проникнув поглубже в скальную выработку, они стали было потрошить ящики в поисках сладкого, но вдруг заслышали шаги у входа. Спрятавшись за штабелями и затаив дыхание, они вдруг увидели нескольких японцев, набивавших при свете свечи рисом заплечные мешки.

<…>

А вообще-то война напоминает о себе на Северных Курилах до сих пор. Мохнатые лапы кедрача прорастают сквозь останки танков и самолетов. На Парамушире через тридцать лет после войны наткнулись на целый арсенал снарядов. Саперам хватило работы недели на две.

Из: Давыдов В. Местные жители считают, что в катакомбах Шумшу всё еще несут службу остатки японского гарнизона

Меня давно влекло на остров Шумшу — остров загадок в цепочке Курил. Наверное, с того дня, как услышал, что он — полый. И не от природы…

— Скоро полвека, как война кончилась. Япония капитулировала, а там, в катакомбах Шумшу, до сих пор самураи сидят, — рассказал мне знакомый. — Слышал, наверное, люди там подрываются? Якобы на старых снарядах. На самом

деле — самурайских рук дело.

Во время оно этот мой знакомый, китаец Цзю, сам долбил в камнях Шумшу катакомбы. По его уверениям, хорониться в них можно и сто лет, а боеприпасов и провианта было навезено японцами видимо-невидимо. Да и строителей подземного города — рекрутированных отовсюду китайцев и корейцев — было немало. По завершении работ их всех погрузили на баржи, вывезли в море и затопили. Моему знакомому едва ли не единственному удалось спастись и вплавь добраться до камчатского берега.

<...>

И все же по числу загадок лидирует именно Шумшу, где, по данным военных историков, находилась большая часть 80-тысячной группировки японцев, дислоцировавшейся на Курилах. Этот гарнизон обладал самым современным оружием, включая танки и новейшие самолеты. Ради чего? Готовились к вторжению на Камчатку и потому сгруппировались на самом близком к ней плацдарме? Вряд ли. Для нападения не было смысла строить мощные укрепления, включая железную дорогу в подземных глубинах острова.

Что еще находилось под землей? Стрелковая дивизия, танковый полк из шестидесяти машин,

полк ПВО, Курильский крепостной артиллерийский полк, специальные части и подразделения, самолеты и два аэродрома с выходящими наверх взлетными полосами. Расчистив землю на месте одной из взлетно-посадочных полос, я обнаружил бетон, который был в прекрасном состоянии. Счищай грязь — и готов гражданский аэропорт. <...>

Вновь вспомним историю. Как известно, ядерная бомбардировка Хиросимы, деморализовавшая японскую армию, была 6 августа, Нагасаки — 9 августа. 16 августа японским командованием отдан своим войскам приказ о полной капитуляции. Наш же десант на Шумшу высадился лишь 18 августа, и гарнизон острова не капитулировал, а оказал бешеное сопротивление, защищая, по всей видимости, нечто такое, что можно было сдать только в последнюю очередь...

<...>

К сожалению, те, кто руководил здесь нашими войсками, ограничились тем, что овладели островом. Впрочем, возможно, они выполняли только ту задачу, которую им поставили, остальное было делом других. Японцы скрылись в катакомбах, наши саперы либо забетонировали за ними входы, либо обрушили их взрывами... Но вот люди, занимающиеся тайнами Шумшу,

гадают: не было ли это страхом перед японским вариантом гитлеровского «оружия возмездия»? Примерно тогда, когда начиналось строительство укреплений Шумшу, в 1925 году У. Черчилль сказал: «В лабораториях многих больших стран, без сомнения, разрабатываются способы методически вызывать эпидемии различных болезней и сознательно насылать их на людей и животных. Ржа, губящая посевы, сибирская язва, уносящая людей и скот, чума, поражающая не только армии, но и целые районы, — вот над чем работает военная наука...»

<...>

Мы приводим лишь малую часть материалов об истории Северных Курил, ставших известными совсем недавно.

Но в письмах АН старается об этом не упоминать и вновь переводит разговор на творчество. Опять оно спасает АНа от неприятных воспоминаний.

Письмо Аркадия брату, 10 декабря 1952, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боб!

Пишу тебе, придя немного в себя после достопамятной экскурсии на Остров Страха и,

соответственно, обретя способность интересоваться чем-либо помимо собственной жизни, способность, обычно мне, я бы сказал, присущую. Кстати, покинул я остров в ночь на 29-е, а 6-го катастрофа повторилась, хотя и в меньших масштабах. «Кто живет на Сюмусю, тот глядит на океан», поэтому на этот раз обошлось безо всяких жертв. Ну, вспоминать об этих вещах мне пока очень неприятно, поэтому поговорим о более интересном.

Прежде всего меня заинтересовали твои возражения по поводу «БГТ». В связи с этим смею задать пару-другую вопросов. Во-первых, писал ты, что вода на Венере исчезла, когда солнце жарило раз в сто сильнее, чем прежде. Любопытен я знать, когда это могло быть, и существовала ли тогда сама Венера. Второе: ежели нет на Венере воды, что же представляет собой облачный покров, ее (Венеру) покрывающий? Третье: ежели (опять же) нет на Венере воды, то лепо ли полагать ее (Венеру) обитаемой даже репейниками и муравьями, ибо известно, что жизнь вообще-то зиждется на воде и белках? Четвертое: почему надо считать, что небо на Венере должно выглядеть черным при красных сумерках? (Хотя бедному Аиду хватило бы и черных сумерек при белом небе.) Все это мне

подробно пропиши, ибо, хотя название «Страна Багровых Туч» очень мне нравится, но изменение моей концепции Венеры влечет за собой весьма сугубые последствия, в частности изменение или даже вообще усекновение мест в моей повести, кои мне дались с трудом и мнятся вельми эффектными. Вот что я имел по поводу «Опровержения ОГТ», или «АнтиОГТ».

Далее, очень жду твоего ответа о происхождении (или появлении) радиоактивных элементов на планетах. Затем — такое дело: нужно мне, мой друг, для моих рассуждений знать подробно свойства $H_2{}^2O$ и $H_3{}^2O$: t замерзания, кипения, удельный вес, цвет, запах, вкус, а также особо отличительные свойства — ядовитость, способность взвешиваться в воздухе, взаимодействия с другими веществами и т. д. Вот пока все вопросы, связанные с моей литературной деятельностью, а также с моими претензиями быть «в курсе».

Что у меня? Собственно, ничего, о чем стоило бы писать. Назначен я расследовать пропажу старых портянок и поношенных конских сбруй, всего на сумму 12000 руб., каковая сумма в зависимости от результатов моего расследования может быть пришита либо одному, либо сразу трем мирянам. Дело пакостное, настроение соответствующее,

ни черта понять не могу в этой навозной куче потрепанных и засаленных накладных и актов, но приходится делать вид знающий и скептический — иначе вокруг пальца обведут. Впрочем, идиотов здесь отнюдь не меньше, чем в любом другом месте, надеюсь, что не буду глупейшим и безграмотнейшим из них. А пьяницы! И у всех язва желудка, либо порок почек или там камни в сердце — хрен их знает, все ноют и хватаются то за твои полы, то за различные части своего тела.

Читаю относительно мало и бестолково. Перевожу сейчас еще меньше в связи с портяночно-сбруйным делом. Как-то в субботу и воскресенье (до утра понедельника) ухаживал за одной мадам (исключительно в целях обзаведения почтовым ящиком), соглашался с ее глубокомыслием и вежливо наслаждался ее игривостью, но потом она вдруг сразу показалась до такой степени дурой, что на полуслове ушел и всю дорогу дивился, каким дураком надо было быть, чтобы... Впрочем, это скорее «мысли в себе», чем письмо «для тебя». Ты, однако, не особенно позволяй девкам одевать на тебя хомут. Ну их к черту. Мать пишет, что ты пока держишься молодцом. Продолжай в том же духе. А я уж пока лучше обойдусь своим старым адресом.

Да, советую нажать насчет аспирантуры. Всякое дело само по себе не плохо, но аспирантура особенно хороша по многим причинам, хотя бы потому, что ты тогда останешься дома. А этого мне очень хотелось бы, тоже по многим причинам. Кроме того подумай о вступлении в партию. Не сейчас еще, конечно, а через год-два, активнее участвуй в общественных мероприятиях, читай всякие там лекции, доклады, а также всё, что понадобится впредь, не стесняйся и не пренебрегай этим — хорошая закалка для самого себя, не говоря уже о «сеянии разумного, доброго, вечного»96.

Маме скажи, чтобы позволила тебе купить книги, которые тебе там нужно. Пока всё.

Крепко жму руку, твой Арк.

P. S. Да, забыл спросить. Почему твой этот Борис Громов избрал для исследования говна такое место, как Петергофские озера? Мало других луж, что ли?97

Это первое упоминание о Венере в переписке. Отныне на добрых лет семь эта планета не отпустит от себя АБС.

1953

Письмо Аркадия брату, 17 января 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Дорогой Бэмби!

Прежде всего передай мамочке, что я жив и здоров, поскольку, как я могу об этом судить, таковые сведения паки всего ее беспокоют. Жизнь идет по заведенному порядку, никакие происшествия в нее не вклиниваются, ем, пью, сплю, немножко работаю, в общем, веду, вернее, влачу такое существование, какое только можно пожелать лучшему другу, если он страдает водянкой. Ну-с, прежде всего об организации «Джойнт». Я многого ожидал (по тем сведениям, какими располагал до этого) от этих засранцев, но такие преступления — выше всяких ожиданий. <...> Гадость всего этого усугубляется еще и тем обстоятельством, что они не только опозорили славные имена Маркса, Кагановича, Свердлова, но еще и ударили по нам, сыновьям своего отца. <...>

Когда же это кончится? Зубами бы загрыз мерзавцев, клянусь тем, что у меня еще осталось от чести. Учти, мнение это не для цензуры, а от щи-

рого сердца, ибо империализм сейчас страшно мне, лично мне мешает. Так хотелось бы быть штатским, сидеть с вами за одним столом, ложиться спать и знать, что завтра увижу вас снова! Старая песня, верно? Представляю себе, как она вам надоела...

У нас всё спокойно, землетрясений нет, вулканы дымят своеобычно. Вчера с легким сердцем упился (впервые в этом году), сейчас малость гудит головушка молодецкая. Кстати (или не кстати), чувствую все большую тягу к реализму. Может быть, возраст? Фантастику писать не хочется. Написал пьесу «Судьба переводчика» — черт его знает, может быть, неплохо? Сюжет один и тот же, любовь (несчастная), даль земноводная и трико с начесом (это от моих комиссий в АХЧ). А все-таки «Страна Багровых Туч» очень привлекает — но не хочу писать крупных вещей. Задумал серию рассказов «Там, где обычное сталкивается с несбыточным», или еще как-нибудь ее назвать. На это дело натолкнуло меня одно происшествие на Камчатке. Странное, полууголовное, полуфантастическое дело. Кроме того, я сейчас слишком много знаю, чтобы молчать. Да, кстати, можешь хвастануть перед своими приятелями: напалм — это не просто конденсированный бен-

зин, а NaPAlMg + высокооктановая, под большим давлением добавленная нефть98. Ась? Сугубо секретно: слыхал о радиоактивных ОВ? Вот тебе: S + Se + As ← α, β. Вроде иприта, только поражает не молекулами, а α, β излучением. Гы! Говорят, очень гнусная вещь. Ну, пока всё.

Крепко вас целую, дорогие мои, ваш Арк.

<...>

АН пишет это письмо 17 января 1953 года. А за четыре дня до этого, 13 января, во всех центральных газетах было опубликовано сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей»: «Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. <...> Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой

якобы для оказания международной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. <...>» «Делом врачей» был дан старт всеобщей антисемитской истерии. Во всех учреждениях, предприятиях, воинских частях были организованы собрания и митинги с требованиями самой суровой казни для «убийц в белых халатах». Тремя днями после письма АНа, 20 января, «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц», была награждена орденом Ленина Лидия Тимашук (встречается и литерация Тмошук), врач кремлевской больницы. Только смерть Сталина 5-го марта положила конец далеко идущим планам решения «еврейского вопроса» в СССР... А врач Тимашук была лишена ордена «в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами».

Много позже мы прочтем в ГО: «— Ты лучше вспомни, как у врача Тимашук орден отобрали, — сказал Изя. Но Андрей не знал, кто такая врач Тимашук. Это будет потом. А сейчас — отдав дань вполне возможной в тех обстоятельствах

цензуре, АН возвращает письмо в привычное русло своих литературных планов. Письма для него — явная отдушина, где можно высказать наболевшее, зарядиться энергией, оценивая творческие планы.

Письмо Аркадия матери и брату, 28 января 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Дорогая мамочка!

Только что получил от тебя сразу два письма (3.01 и 5.01), а также и письмо от Фани99. Очень большое тебе спасибо, твои письма меня всегда вздергивают на «соответствующую (принципиальную, притом) высоту», но все же я имею к тебе большую претензию. Рад был узнать, что аттестат ты уже оформила, и получение денег уже никогда больше не будет зависеть ни от моих капризов, ни от капризов погоды (здесь это возможно). Но ведь деньги я посылаю не для того, чтобы ты держала их на книжке в ожидании грядущих пиршеств. Я хотел, чтобы это хоть немного облегчило твою жизнь, хоть немного оторвало бы тебя от забот о лишней копейке. Мамуля, родная моя, прошу тебя, не устраивай ты этих дурацких денежных резервов, совершенно бессмысленных и никому не нужных. Сбережение денег может оправдать

себя только в том случае, если ты истратишь их на порядочный летний отдых, а копить их, чтобы потом проесть и пропить вместе со мной — совершенно неразумно. Что касается меня, то в денежном отношении у меня всё хорошо, и об этом не изволь беспокоиться. А когда я приеду в отпуск, будь уверена, у меня найдется на что пошиковать. Вот то-то и оно-то. И давай больше к этому вопросу не возвращаться.

Теперь касательно мужа твоей приятельницы. Единственный населенный пункт на Камчатке, носящий имя Кирова (насколько знаю я и местные старожилы), располагается на западном побережье, т. е. на берегу Охотского моря. Никаким бедствиям он не подвергался, как и всё западное побережье. Писем же от него нет потому, что сообщение туда и по морю, и по суше очень нерегулярное, особенно сейчас, так что в этом отношении пусть твоя приятельница не беспокоится, даже если письма не придут еще месяца два: сейчас сообщение с ними только на собаках, да и то — скалы, заносы, тайга, незамерзающие болота, а в море — сильные штормы (бр-р-р! как вспомню — всего наизнанку выворачивает).

Ох, и задувает же вьюга! Ползаем от дома до

работы почти на четвереньках, каждый войдет в кабинет, весь в снегу, как снежная баба, мокрый, пар столбом, снимет шапку, трахнет ее об колено и обязательно скажет: «...ммать! Вот это дует...» Я опять малость простыл, появился на затылке еще один чирей, очень противно и болезненно, но безопасно. Пожалуй, на днях смотаюсь в санчасть, сделаю переливание крови.

Читаю сейчас «American Notes» Диккенса, ржу, разумеется, чем и привожу в восхищение приятелей. Много занимаюсь, но немножко не по специальности, которую, кстати, и думаю тайно сменить годика через полтора, раз уж мне суждено быть кадровиком по гроб жизни.

Мамочка, будет время — сходи в «Военную книгу» где-то на Невском, спроси «Военный англо-русский» словарь, да и еще раз поищи «Англо-русский» Мюллера, на 60000 слов. Очень нужно, ей-богу. Кроме того, не откажусь от любой книги на японском языке, а также и на английском (у меня уже есть «Пиквикский клуб» и «Трое в лодке»100, так что это не нужно) — желательно не очень толстые, чтобы подешевле и покупка и пересылка.

Пиши теперь по новому адресу, на 65-ю школу, не забудь. Это будет и быстрее, и вернее, и при

случае телеграмму сможешь дать.

Вот и всё. Крепко целую тебя, родненькая моя, твой Арк.

P. S. Привет всем, кто пил за меня в Новый Год.

Да, совсем забыл — как представителя реденькой у нас беспартийной массы меня выдвинули в какую-то важную избирательную комиссию. Какую — сам еще не знаю.

Здравствуй, Борька!

Целая простыня еще остается свободной, так что можно заодно черкнуть и тебе. Ну-с, разберем мою жизнь по пунктикам.

1) в области служебной — как по маслу.

2) в области общественной — член какой-то избирательной комиссии со стороны беспартийных («Какой-то» — потому что избрали меня заочно и ничего толком не сообщили), руководитель кружка партийного просвещения, неофициальный авторитет по вопросам естественных и социальных наук.

3) в области литературной — гнусненько. Во-первых, мало времени, во-вторых, чего-то все-таки нехвата. Кажется, стройного плана изложения. Есть идеи, беспорядочно набросанные «красивые места», вот и всё. Любая попытка писать на реалистическую тему заканчивается

сентиментальным или квасно-патриотическим тупиком. Одно утешение — переводы.

4) в области финансовой — никогда в жизни еще деньги мне не были так *не* нужны, как сейчас, так что всё хорошо.

5) в области познавательной — изучаю зарубежные фальсификации марксизма, а также ряд других, куда более интересных и соответствующих нашему с тобой... гм... темпераменту? — в общем, кругу интересов.

6) в области гигиенической — борюсь с чирьем, каковая борьба особенно неудобна ввиду расположения оного — на затылке. Тем не менее, в баню хожу каждую субботу(!!!). Кроме того, еженедельно (the weather permitting101) совершаю марши в 6 км туда и обратно (куда и откуда — вопрос другой). Это противогеморроидальное средство.

7) в области семейной — развожусь понемножку. За вычетом легких амуров с местным населением (увы! не с аборигенами — никакой экзотики) живу как предписывает евангелие от Матвея, и даже паки — не токмо жены ближнего своего, но и своей собственной не желаю.

8) в области упований (об упоениях см. ниже) — встретимся, по-видимому, не раньше, чем через

год (а ведь так недавно было полтора!) — впереди весна, лето, осень, и в середине зимы, этак числу к 15 генваря 1954 года я буду с вами — других надежд не моги иметь.

9) в области spirits (восходит к слову «спиритуальный», о «спиртовой» см. ниже) — неплохо, гораздо лучше, чем в Канске. Вообще это всё вранье относительно того, что люди здесь опускаются, падают духом и пр.

10) наконец, в области спиртоводочной — норма. Лепо и истово выпиваю по субботам и воскресеньям <...>, пою очень серьезно «Посеяла огурочки», а также «Когда б имел златые горы». Кстати, твоя «Отелло, мавр венецианский»102 привела в восторг многих, а многих еще приведет. Пиши побольше песен, да и вообще писем.

Се моя жизнь desu. [Иероглифы] Here's my life. Das ist main103 жизнь в общем.

Неделю назад была прекрасная погода, и я видел самое, пожалуй, красивое зрелище в моей жизни. Схематически можно изобразить так: [рисунок]

Стоял, вспоминал, и слезы мерзли на моих ресницах (впрочем, слезы от холода — в очках очень мерзнут глаза).

Крепко тебя целую, мой друг,

твой Арк.

Пиши больше и чаще.

«Схематически можно изобразить так» — и рисунок. Часть из этих рисунков можно видеть на вклейке. Вообще же АБС рисовали много. Особенно в молодости. Исчерканные рисунками тетради БНа времен школы и университета, рисунки почти в каждом письме АНа.

БНС. Офлайн-интервью 19.11.04

Было ли у вас с АН какое-то творческое хобби, вполне помогавшее устраивать прозу? Ну, к примеру, как я знаю, Вы рисовали в детстве комиксы, а потом начали как Пушкин на полях прорисовывать героев. Или Вам необходим был стишок в книгу, а Вы сели и написали. И не хотелось ли Вам хоть раз иллюстрировать свое или чужое произведение?

Макс Квант. Новосибирск, Россия

Никакого хобби такого рода у нас не было. Рисовать — любили оба (АН — получше, БН — похуже), но исключительно баловства ради. Никаких практических целей при этом не преследовалось. И стишки писали оба (БН — чаще, АН — реже), в том числе и для того, чтобы вставить в текст, над которым в данный момент шла работа. В школь-

ные годы АН с удовольствием иллюстрировал свои любимые книжки («Арктанию» Гребнева, «Войну миров» Уэллса), но никогда и в мыслях не имел заняться иллюстрированием профессионально.

Но иллюстрировали АБС свои произведения довольно умело. Далее, когда в этой работе будут представлены рабочие дневники АБС, там будут даны и рисунки из них.

И еще — в письме АН обращается к матери: «Много занимаюсь, но немножко не по специальности, которую, кстати, и думаю тайно сменить годика через полтора, раз уж мне суждено быть кадровиком по гроб жизни». Мысль уйти в отставку, стать штатским, раз придя в голову, уже не оставляет АНа.

Письмо Аркадия матери и брату, 23 февраля 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Приветствую вас, дорогие мои! Обыкновенно писал вам в воскресенье, но вчера я был занят разными делишками, связанными с моим пребыванием в окружной комиссии104, поэтому приходится писать сегодня. Откровенно говоря, писать лень. Я не выспался, да еще слегка упит сейчас, ко всему этому прибавить еще полное от-

сутствие новостей, так что композировать очень трудно. Но с божьей помощью попытаемся, тем паче, что вельми хочется поговорить с вами.

Ну-с, во-первых сегодня мой праздник, тридцать пять лет моей армии, и я намерен хорошенько отметить эту дату. Встали сегодня в 9 часов от голода, хотя спать хотелось ужасно. Осушили то, что осталось со вчерашнего дня, подбодрились, сейчас собрались в город, пишем письма. В городе сегодня будет много нашего брата, веселого, шумного, «обходительного» — спасайтесь, бабочки! Прячьте свою невинность, невинные, идите жадно навстречу греху, виноватые! Сегодня — день веселых проделок и открытых карманов.

A propos: мои карманы открыты, но напрасно жадная ручка шарила бы в них — поет Торричелли![105] Кроме табачных крошек там ничего нет, даже воздуха (во всяком случае, свежего). Это, конечно, не значит, что я вообще без денег. Кстати, опять приходится поднимать вопрос о деньгах. Ужасно развеселило меня твое выражение: «твои, с таким трудом заработанные деньги», ей-пра. Воистину, велики труды мои! Ох, надоело о деньгах.

Пишешь, что заходила Инкина подруга — не знаю такой, а может быть, знал, да забыл. И ну их

к чертям. О моем браке сейчас напоминаешь мне только ты. Я-то считаю себя холостяком, причем холостяком закоренелым. Гр-р-р!

Не тем голова занята. Сейчас особенно много всяких интересных вещей, некогда этой ерундой заниматься. Вспоминаю о бабах только во сне и по воскресеньям, хотя скоромные разговоры у нас всякий день за едой — что поделаешь, здоровые, сильные ребята, практики волею судеб лишены, вот и теоретизируют, бедняги. Я, конечно, на высоте, всегда забиваю всех сведениями анатомического, физиологического и гигиенического характера, о чем, кстати, понятия не имею.

Борьке.

Поздравляю с окончанием сессии, молодчина, братушка.

«Отец, устами меня поздравляющий, но с сомнением на мое окончание взирающий, так сказал...» («Гэндзи моногатари» Мурасаки Сикибу, пер. Конрада106.) Нет, право, молодчина. Ужасно тебе завидую. Об учительстве и думать не моги, такое назначение всегда можно обжаловать, ma chere. Об этом подробнее при встрече. А насчет встречи — буду через год, раньше не выйдет. Кончишь 7-й семестр, тут я и приеду. И довольно об этом. Мне, брат, тяжелее, чем тебе, говорить, а

паки — думать об этом.

Пишем помалу, переводим тож. Пожалуй, посылать тебе переводы не стану — приеду, почитаем. План моей литературной деятельности (на 1953 год):

1. «Страна Горячих Туч» — повесть
2. «Румата и `Юмэ» — повесть
3. «Разведчик» — повесть
4. «Каждый умирает по-своему»107 («Без морали») — пьеса.

«Страну» начал бы уже давно, но ты не отличаешься внимательностью: где сведения о H^2_2O и H^3_2O? Кроме того, мне нужно знать, намного ли выше была температура в области прото-Венеры температуры в области прото-Земли в критический для H_2 момент? И еще, возможен ли H^4_2? А идея крепнет и развивается. «Хиус versus Линда» все-таки имеет быть.

Насчет «Румата» — пока еще только наброски. Получается что-то похоже на «Сына Тарзана» — но все равно, буду писать.

«Разведчик» — вот это для печати. Есть всё, фабула (до тонкостей разработанная), «сильные» места — да я тебе эту историю как-то рассказывал, история агентурного разведчика-профессионала, его работы в Германии, во время войны и участие

в народно-освободительном движении после войны, его любовь к одной мертвой и одной изменившей и т. д. Это пойдет легко, откладываю на последнюю очередь.

«Без морали» уже, собственно, написано. Но этот вариант нужно еще пересмотреть. Пожалуй, придется кое-что включить, кое-что вычеркнуть. Слишком грубо и похабно написаны отдельные места <...>.

Теперь еще один вопрос — опять о «белом пятне»: известны ли свойства волн промежутка между ультракороткими (радио) и инфракрасными? Если известны, то каковы? Что является их генератором?

Вот и всё, что имею сообщить.

Да, ввиду того, что новый адресат внезапно собрался уезжать, пишите мне на войсковую часть, по старому адресу. Бандероль получил, огромное вам спасибо. Без него я был, как без рук.

Всё.

Крепко целую, жму руку, ваш Арк.

Письмо Аркадия брату, 5 марта 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боря!

Получил твое письмо — первое, после долгого

перерыва. Ну, что ж, хочешь мужского разговора — давай поговорим. Прежде всего — о моих литературных талантах. Очень уж ты их преувеличиваешь. Конечно, теоретически можно себе представить этакий научно-фантастический вариант «Далеко от Москвы»108, где вместо начальника строительства будет военно-административный диктатор Советских районов Венеры, вместо Адуна — Берег Багровых Туч, вместо Тайсина — нефтеносного острова — «Урановая Голконда», вместо нефтепровода — что-нибудь, добывающее уран и отправляющее его на Землю. Это — теоретически. Четыре раза пытался я начать такую книгу, написал уже целых полторы главы — это, если считать только основательные попытки. И каждый раз я спотыкался и в отчаянии бросал перо. Дело не в том, что у меня не хватает фантазии представить себе адские условия работы или создать два-три конфликта, определяющих сюжетную линию. Всё это есть — в планах, набросках и т. д. Дело и не в том, что я не могу себе представить людей в таких условиях, их быт, нравы, выпивки, мелкие ссоры и большие радости — слава богу, хоть в этом ты не ошибся, мне просто было бы достаточно описать людей, окружающих меня сейчас. Дело гораздо глубже

и проще — я *совершенно не подготовлен технически*, не имею ни малейшего представления о возможных формах производства или там добычи урана, о возможных организационных формах не только такого фантастического, но даже и обычного предприятия, о том, чем роль инженера отличается от роли мастера или техника и т. д. и т. п. Моя полная неграмотность в этой области жизни лишила меня способности дать фон всем моим большим и маленьким конфликтам, и они, несчастные, беспомощно повисли в пустоте. Вот почему приходится признать полное поражение на фронте «Б. Б. Т.» Согласись, ну какой тут к черту реализм, когда ничего мало-мальски реального я не могу поставить в основу повести?

Поэтому я очень сузил задачу и написал просто рассказ о гибели одной из первых экспедиций на неведомую планету — Венеры я бегу, ибо там из-за твоих песков и безводья не развернешься. Рассказ типа Лондоновского «Красного Божества» — последний кусочек судьбы человека, гибнущего в одиночестве (держателя томагавка я не считаю).

Как видишь, моя литературная программа начала меняться в самом начале. Следующее на очереди — «Каждый умирает по-своему» — пье-

са. Ты прав, пьесы мне нравятся именно этой благословенной возможностью отделаться от дурацких интерлюдий между зернами необходимого материала. Тем более, что сюжет моей пьесы позволяет с успехом обойтись безо всяких описаний. А ведь есть чудесные пьесы, верно? Возьми «Опасный поворот»109. Или «Сорок девятый штат». Или «Тележка с яблоками». Кстати — а-а-а! — немедленно найди в магазинах эту пьесу и сейчас же вышли мне. По-английски, конечно. Она называется, кажется, «The Apple Cart»110 или что-то в этом роде. Так вот, я совсем не так предубежден против пьес, как ты. Собственно, как я уже тебе, кажется, писал, эта пьеса почти написана, остались мелкие изменения.

Дальше идет «Румата и `Юмэ». Здесь вопрос посложнее. Время — наши дни. Место — острова юго-западной части Тихого Океана. Тема — примерно «Тарзановая». Основная задача — написать интереснее, чем писал Берроуз. Главное действующее лицо — полусверхчеловек (помесь человека с небожителем). В смысле техники любых затруднений нет, а вот как изобразить всю эту кутерьму — осьминоги, гидропланы, эсминцы, туземцы, военные базы, любовь — в более или менее стройном порядке? В общем, попробуем.

Наконец, «Разведчик». Это, собственно, для печати. По-моему, халтура. Не знаю. Здесь и думать не нужно, только пиши и пиши — как ты думаешь, стоит попытаться?

Есть еще один замысел: «Синяя туча Амадзи», а также повестишка о последних днях Коммунистической Республики Атлантиды. Над этим еще буду думать. Вот и всё по литературе. Быт — обыкновенно. Получил на днях два любопытных письма — одно от Инки111 — необыкновенно большое, теплое, почти дружеское. Тебе и маме, кстати, привет. Однако просит, хотя и мимоходом, как будто, чтобы я поскорее прислал справку о том, что не возражаю против развода. Я бы давно уже послал, да до нотариуса никак не доберусь — у него выходной день в воскресенье, единственный день, когда я попадаю в город. Другое письмо от женщины, которую я развел с мужем, за что, как ты знаешь, поплатился комсомольским билетом и, в известной степени, карьерой. Письмо в духе одной замечательной пьесы Цвейга, возможно, ты читал. Бедная девочка! Она еще благодарит! Впрочем, это, пожалуй, гораздо интереснее маме, чем тебе. Это, брат, полуторно-мужской разговор. А тебе я пишу это для того, чтобы ты на живом примере усвоил, как

много мужчины и женщины значат друг для друга, и почему без учета этих отношений, возможно более точного учета, во всех оттенках, со всеми черточками — эгоизма и самопожертвования — почему без этого не придать реального оттенка ни одному произведению.

Кстати, как там у тебя дела на этом фронте? Подозреваю, что не теряешься, сын матери моей, а? Только держи ушки на макушке. Да смотри, не проявляй излишнего великодушия в неприятные моменты, буде такие случатся, чего бог избави.

Недавно наблюдал радугу — зимнюю радугу! — загляделся и сшиб с ног одного большого чина. Я помог ему подняться, отчистил от снега, но все же он несколько раз упомянул «м-м-мать». Разбил очки (это уже в другой раз), хожу теперь как Битл (из «Сталки и К°»), с надтреснутым стеклом.

Таковы новости.

Жду твоих писем, ma chere.

Привет мамочке.

Жму руку, целую, твой Арк.

Умер Сталин! Горе, горе нам всем.

Что теперь будет?

[и далее — красным карандашом:]

Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать свое дело, только

делать еще лучше. Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму.

Смерть Сталина — невосполнимая потеря наша на дороге на Океан112, но нас не остановить.

Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!

О смерти Сталина вспоминает БН:

Из: БНС: «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое»

...когда в 1953-м умер Вождь, я не плакал. Был потрясен, ошарашен, испуган даже, но — не плакал. Видимо, уже повзрослел.

А спустя три месяца откровенно хихикал по поводу «английского шпиона» Берия. («Растет в Сухуми алыча не для Лаврентий Палыча, а для Климент Ефремыча и Вячеслав Михалыча!..». Многие ли двадцатилетние сегодня способны понять, о ком и чем идет речь в этой песенке?)

Письмо Аркадия брату, 1 апреля 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Указ
Правительства Арканарской Социалистиче-

ской Республики

Учитывая пожелания граждан, Правительство постановляет:

1. Запретить употребление литературных опусов для растопки печей.

2. Учредить специальную общую тетрадь для занесения оных опусов, как бы малы и незначительны они ни были.

1.04.53 пос. Новый

Председатель Правительства АСР

Дорогой Боб!

Пишу очень коротко, ибо спешу необычайно: скоро подойдет машина, и поеду в город. Письма твои получил и весьма им обрадовался. Было бы вдвое лучше, если бы ты писал почаще. Очень люблю твои письма, а здесь — особенно. Ну, о новостях.

1. Сегодня поставил точку (последнюю!) в переводе «Сталки и К°». Мог бы послать тебе, конечно, но нет сил и желания переписывать всё начисто. Получилось изрядно много, сам понимаешь. Так что ужо приеду и почитаешь (если еще не читал, конечно).

2. Прочитал прекрасную книгу Аллена «Атомный империализм»113 — замечательная вещь, хотя несколько трудна для понимания: масса там

всяких видов трестовых и картельных связей указывается, нужно хорошо знать политэкономию империализма. Самое ценное там для меня было узнать принцип водородной бомбы и направления, в которых в Америке ведутся работы по использованию ядерной энергии.

3. Написано: рассказ «Падение крепости» (на тему «Б. Г. Т.») и пьеса «Каждый умирает по-своему». Сжигать не буду — на то указ есть — но я не очень доволен. Сейчас обдумываю «Разведчика».

4. Пожеланиям твоим внял, «Румату» отставляю. Впрочем, этим именем я воспользуюсь в повести об Атлантиде, коей отдельные отрывки уже имеются. А как ты полагаешь, какой вид имела бы органическая природа, если бы основой ее была $H_2{}^2O$ и $H_3{}^2O$? Вот тема для рассказа — «Страна тяжелых вод». А ты мне всё не хочешь подать свойства.

5. Читаю сейчас «Ярмарку тщеславия»114 на английском. Замечательно легко. Но книга зело большая — два тома, шутка ли? Кстати, большое спасибо за бандероли, очень хорошо подобраны книги. Пока больше не присылайте, прочитаю эти, тогда спрошу еще.

6. В видах самообразования и так наз. «повышения уровня» etc. взялся за «Тайны нефти»115 и

«Мир больших молекул»116.

Вот и все новости. Как видишь, немного.

Так вот, об отпуске. Наконец-то услышал от тебя что-то вразумительное на этот счет. А то «приезжай», как будто мне не хочется, а ты упрашиваешь. Значит, рассчитывать на конец января. Так и сделаем. Это уже наверняка, unless the worst comes to the worst117, по крайней мере.

Мамочке передай, что жив и здоров, в каковом состоянии и намереваюсь пребывать в дальнейшем.

Что бишь хотел еще тебе написать? Да, из местного фольклора: на материке говорят: «Ну, хватит! Поиграл и довольно».

Здесь — «Поиграл г..., и за щеку» — когда сказано к месту — весьма чувствительно.

Не обижайся за краткость и пиши письма подлиннее. Пиши обо всем. Если не против, очень хотел бы узнать о твоих love-affors.

Крепко жму руку, целую, твой Арк.

Решение «Правительства Арканара» было выполнено. И благодаря этому сохранилась та самая, уникальная папка с иероглифами на обложке. «Творения юношеских лет». Ее разыскала Мария Аркадьевна Стругацкая, благодаря настойчивости Анта Скаландиса. Он же описывает

эту папку так:

Опись рукописей АНС из дальневосточной папки 1952–1954 гг.

1. Перевод «Сталки и К°»

Первая редакция. Тетрадь в картонной обложке 25.09.52–17.10.52, стр. 13 — стр. 76 оригинала.

Вторая редакция. Две школьных тетради бледно-зеленого цвета по 12 листов под номерами 1 и 2 — до стр. 60 оригинала (отмечено красным карандашом в первой редакции). Обе — без даты.

Школьная тетрадь синего цвета, 12 листов. Окончание. Стр. 262 — стр. 287 оригинала.

2. Общая тетрадь без обложки:

«Черный остров», стихотворение, 28.11.52, 2 стр.
«Первые», рассказ, март 1953, 17 стр.

«Сальто-мортале», повесть, июнь 1953, 46 стр. (некоторые выпали, вложены произвольно, плюс узкая отрезанная полоска с текстом. 8 стр. (4 листа) вырезаны.

Последние две «тетрадки» (сшитые по 12 листов) — 48 стр. (одна почти полностью вырезана) — это вперемежку две повести: «Сальто-мортале» и «Хиус версус Линда» («Линда версус Хиус») — как правило, тексты отчеркнуты и помечены. Читать их следует «по-японски» — листая

страницы с конца на начало.

На одной из страниц — план литературной деятельности.

3. [Румата и Юмэ], без названия

10 стр., листы выдраны из общей тетради, не датированы

4. «Случай в карауле», рассказ

Тетрадь школьная всего 8 стр. на 8 листах (исписаны с одной стороны)

Концовка на двух листах А4

Машинопись под копирку

5. «Будни», рассказ, неоконченный

Три листа А4, сложенные пополам

6. [Товарищи офицеры], пьеса (без названия, без даты, неоконченная)

4 листа А4, с двух сторон, 7 стр.

7. [«Алексея провожал генерал...»], страница из рассказа, без названия, без даты

1 лист А5, на обороте список постельных принадлежностей, рисунок пистолета и гранаты

8. «Голубая планета» («Хиус версус Линда»), повесть

1) 20 листов разного формата (от А5 до А3 условно), исписанные по-разному и схваченные скрепкой, на первом — план повести

2) «Хозяин „Хиуса“». 4 тетрадных листа, скреп-

ленных отдельно.

9. «Слева с ревом и треском горели джунгли...»

Два листа А4

10. — Какой ты здоровяк стал...

Пять листов папиросной бумаги А4

11. «В одно прекрасное майское...»

Один лист А4 с двух сторон

12. «Каждый умирает по-своему», пьеса

1) Вариант 1.

Действие I — 10 стр. А5 (10 листов с одной стороны)

Действие II — 18 стр. А5 (9 листов с двух сторон)

Действие III — 6 стр. А5 (3 листа с двух сторон)

2) Вариант 2.

10 тетрадных листов (19 стр.) Только первое действие

3) «Перед занавесом», вариант начала, 2 листа А5 с одной стороны

4) «Студия Авса...», фрагмент на одном листе немыслимого формата (А2 пополам вдоль)

13. У. Джекобс «Тигровая шкура», перевод

11 листов А4 с одной стороны, 21.05.54

Будем надеяться, что эти (и другие) материалы будут опубликованы Антом Скаландисом именно в нашей серии «Неизвестные Стругац-

кие».

Письмо Аркадия брату, 12 апреля 1953[118], Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боря.

Получил от тебя еще письмо. Хорошо было бы, если бы ты и впредь писал мне еженедельно. Это моя просьба к вам обоим, privatim et seriatim[119].

Ну, прежде всего поздравляю тебя с двадцатилетием. Здоровый ты вырос, тьфу-тьфу, не сглазить бы, господь с тобой. Выражаю твердую уверенность, что на этом возрасте ты остановишься — вернее, не уверенность, а надежду — будешь двадцатилетним всю жизнь. Это я для себя, а ты поймешь позже. Я, брат, просто тебе завидую, вот и всё. Это, правда, всё сантименты, а вот о фактической стороне имею сообщить следующее. Ты пишешь насчет приемника. Впервые слышу. Помнится, был сначала разговор о крикете (или еще о чем-то в этом роде), потом о магнитофоне. Теперь о приемнике. Вольному воля, спасенному рай, если не терпится — покупайте, ничего страшного нет. Но я позволю себе напомнить вам о судьбе нашего старого приемника — ЭКЛ-34, кажется, он так назывался. Так что на вашем месте я бы подождал немного, пока выяснятся

кое-какие обстоятельства. Конечно, никаких оснований для того, чтобы вешать нос нет, просто я рекомендовал бы немножко потерпеть.

Поговорим о литературе. Тема о сверхчеловеке, пожалуй, неудобописуема, так что я ее оставлю. А вот как тебе покажется другая тема — я тебе, помнится, рассказывал такую историю — о пересадке сознания. Помнишь, о типе, сознание которого пересадили в голову одной девушки? Впрочем, это можно взять не повестью, а небольшим рассказом a la Уэллс. Данные же об Атлантиде мне особенные не нужны — Атлантида будет просто фоном (правдоподобным или неправдоподобным, неважно суть) для похождений одного друга — сначала палача, потом пирата, наконец вождя, «потрясателя вселенной»120. Что касается «Амадзи» (в переводе — смерть с неба) — это тоже рассказ, его тема — неорганическая жизнь, жизнь, энергия которой идет за счет энергии распада радиоактивных веществ. Дальше. Пересмотрел «Без морали» — не нравится, да и только. Придется переделывать в третий раз. Рассказ же о гибели межпланетной экспедиции утвержден и занесен в тетрадь (8 тетрадных листов — в линейку! Не получается длинно). Это рассказ, так сказать, программный, в нем изложены принци-

пы научной фантастики твоего покорного слуги. Вообще говоря, я еще полностью не выработал оных принципов. Всё получается в весьма мрачных тонах. А не подпустить ли юморка?

Ну-с...

нынче пьянка у нас не кончается

и друзья нам с пол-литрой встречаются...

Публика живет, буйствует и тайком блудит. Не блудящие тайком завидуют, помалкивают (пока хватает великодушия), а затем пускаются в обличения.

...мы по улице, шатаясь, идем.

Это кто же там лежит за углом?

Это ж Коля! И Наташа!

Это всё шарабра наша...

На втором этаже (как раз над нами) муж лупит жену. Это обыкновенно, но сопряжено с изрядными неудобствами: сыпится (или сыпется?) штукатурка. Я неоднократно внушал ему мысль, что жену удобнее бить на улице или на лестнице. В трезвом виде он соглашается, но обусев — забывает.

<...>

Как бы то ни было — мы живем. Я ныряю в водоворот… гм… жизни только по субботам и воскресеньям. Ночую всегда дома (заметь! sic!). С понедельника по субботу читаю. Читаю очень много и намеренно беспорядочно. Антисинклинали путаются с тритием, особенности модальных форм с полипептидами, всё это, словно винегрет луком, сдобрено английской литературой. Бекки Шарп121 аж приснилась, сука!

Вчера был в интересном месте и видел удивительные вещи. Как жаль, что в письме нельзя ничего рассказать! Зрелище было потрясающее. И звук замечательный. До сих пор в ушах звенит.

Мамочке передай привет и поцелуй за меня, грешника. Да постарайся сделать так, чтобы она больше отдыхала и наверняка — понял? наверняка поехала бы летом в санаторий или на курорт. Ленкорань одобряю, но Уссури лучше.

С приветом, твой Арк.

«В письме нельзя ничего рассказать», — пишет АН. Воспоминаниями делится Владимир Дмитриевич Ольшанский:

Ольшанский В. Из воспоминаний

Летом 1953 года были крупные войсковые учения на Восточном побережье Камчатки, т. н. Халактырском пляже, который тянется почти до Ключевского вулкана. На учениях нам демонстрировали натуральную бомбежку морских целей. Малые катера тащили на длиннющем тросе деревянный плот, а летчики с солидной высоты удачно разбомбили его, щепки летели во все стороны. В начале учений я видел АН. Он с группой офицеров в палатке наносил на оперативную карту размещение частей своих и «противника», а потом составлял разведданные для командира дивизии, для его решения на проведение боевых действий. Возможно, эти учения АН имел в виду?

Письмо Аркадия брату и матери, 15 апреля 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Good day and best wishes, my dear boy!

On the day of your birth I decided to write you one more letter besides that I am going to town now to dispatch a telegram with my personal congratulations. It is spring in the Kamchatka now, frowny, windy,

stormy spring, which once had substituted the sunny and warm winter. By the way, our people about here say that in the course of last twenty-two years it is — to say better «was» — one of the warmest, most curious, strangest winters. I am not much superstitious, but believe it's my luck. This way or other, but the winter is lived through and hark at it.

Well, now it got a custom of yours and mamma's to receive telegrams from me one per week. I am to say, that it has nothing to do with what I've once told you — to dispatch as much telegrams as possible. «As possible»! — mind you? And as soon as it wasn't possible for me to visit town two weeks long you became worried and send some panic dispatch to a place where they could but occasionally know my whereabouts. It wouldn't do, boy. You please never do such follies in the future. There is nothing here what can or may threaten my existence or wellbeing. Mind me? All right.

Here I send my photo to you. It is a dirty little piece of homework, but as far as I can see it reproduces somewhat truly what I'm now. You can see me sitting at my writing table, deep in resolutions and meditations, in our study over finishing that damned translation of «Stalky & Co». Behind me our blessed stove can be seen which had warmed my spine during

long winter evenings, when it was too beastly cold at home to return there. You can see then my spectacles with the broken right glass and can notice behind it my eyes shining with enthusiasm and wit.

And about congratulations. I wish you live many many happy years with good and fitting work, possibilities of working out your literature talents, great dreams of youth till the deep depth of your ages. As to me, you shall always find in your older brother your best friend and assistant in every aspect of life — material or spiritual or mental.

And I remain here your loving brother

A. Strugatsky.

P. S. Funny enough — I've dreamed to-night that I'd returned from Kamchatka and you met my at the station — a little red-haired school-boy of about ten or eleven years old. Perhaps I too much want to see you. But we are to wait till January122.

Дорогая мамочка!

Прости, что не писал долго персонально тебе: как-то сложились обстоятельства, что я немного замотался в собственных планах и замыслах, и вот видишь, не смог даже выбраться в город послать вам телеграмму. Ты уж не волнуйся в таких случаях, ибо может случиться так, что для того, чтобы пробраться в город, придется шлепать

часа два по пояс в грязи. А у меня пока только одни сапоги — не потому, что не на что купить другие (hush![123]) — не так уж мы... кгм... бедны, водятся денежки-то, а просто еще не получил новых. Поэтому я иногда не иду на почту. Такой возможности ты упустить из виду не должна. Собственно, если нет телеграммы, значит я просто не пошел в город, вот и всё.

Очень рад, что ты хлопочешь о путевке. Хлопочи, затрат не жалей. В крайнем случае всегда могу снять с книжки и подбросить тебе монеток. И пожалуйста, не надо в каждом письме выставлять меня благодетелем, кормильцем, поильцем, постелеубиранцем, горшковыносенцем и т. д. Как будто я сделал бы несть какое благодеяние, послав тебе аттестат! Да ведь двадцать таких аттестатов не хватит, чтобы воздать хотя бы часть того, что ты сделала для нас с Борькой! А то это прямо обидно: можно подумать, что я такой уж засранец был всю жизнь, что ты и думать не смела о том, что я тебе буду когда-нибудь помогать. И не в деньгах это дело, а в том, что хорошо очень живем мы — таких семей мало, очень любим друг друга. Хорошо-то как, верно, ма? Ты мне часто снишься — будто я приезжаю домой, а ты чего-то мною не довольна.

Как тебе моя парсуна нравится? Правда, очень деловой парень?

Насчет приемника считаю необходимым подождать до осени. Бандероли все получил, очень большое спасибо. Больше пока не шлите, надо это всё проработать. В общем, материалом я обеспечен. Вот только хоть что-нибудь на японском языке, если найдете. А продуктовых посылок не надо, всё у меня есть, авитаминоза нет, в этом отношении всё хорошо.

Да, мамочка, давно хочу тебя спросить. Я приеду в конце января следующего года. Надо тебе сказать, я не имею ни малейшего желания одеваться так, как здесь. Можно ли сделать так? Я пришлю свои размеры, деньги, а ты там по этим размерам сошьешь мне дешевенький (как тогда, помнишь?) костюмчик и купишь пальтишко или там кацавейку какую-нибудь. Так что я сразу по приезде переоблачаюсь и... и... в общем, весело провожу время, не стесняя себя кое-какими условностями. Напиши свои соображения на этот счет, рассчитай, сколько нужно денег, если это возможно. А также — какие нужны размеры. Я думаю, у тебя там найдется знакомый портной, с которым можно будет договориться на этот счет. Конечно, время терпит, но и затягивать это дело

особенно нельзя. А так славно было бы: приехал, влез во все новое и хорош!

Ну, пока всё. Крепко целую тебя, родная моя.

Твой всегда любящий сын

Арк.

«Что касается меня, то ты всегда найдешь в твоем старшем брате своего лучшего друга и помощника в любой стороне жизни — материальной, духовной или умственной». Впечатление, что это пишет младший брат старшему. И действительно — АНу кажется, что он с каждым днем отстает от младшего брата. Подневольное армейское существование всё больше тяготит АНа, мешает его настоящим интересам. И действительно — люди вокруг него одни и те же, строго регламентированные занятия неизменны, новизна Камчатки превратилась в обыденность, в то время как брат постигает в вузе новые науки, общается с разными людьми, да и вообще — жизнь во второй столице более разнообразна и богата впечатлениями. Поэтому не «ты, как младший, будешь мне другом и помощником», а наоборот...

Письмо Аркадия брату, 16 мая 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Бэмби!

Получил твое письмо, ликанул, посочувствовал тебе по поводу мучений твоих обсервационных, позавидовал тому, как ты празднуешь <...>.

Прежде всего, любезный и достопочтенный брат наш, уведомляю вас, что в моем состоянии — и физическом, и моральном — никаких изменений не произошло. В назначенные часы со стонами, позевываниями и потягиваниями поднимаемся, идем в... <...> — так вот, идем завтракать, затем на службу, где занимаемся достойными и многомудрыми делами (все очень любят анекдоты и никто не любит скучных бумаг), затем идем обедать, отходим к послеобеденному сну, снова на службу, а с 6 вечера в зависимости от обстановки (в частности, финансовой) либо заводим задушевные беседы с товарищами (спирт обычно разбавляют 1/2×1/2, но можно и 2/3×1/3; впрочем, я придерживаюсь первого варианта), либо — гораздо чаще — затем читаю Щедрина — подряд, сейчас заканчиваю 3-й том, или... гм... пописываю. И дни идут и идут, и нет разницы между днем вчерашним и днем завтрашним.

Что касается природы, то она повергает ежечасно меня в глубочайшее изумление. Напр. 15-го мая с утра чудесная теплая солнечная погода, всё улыбается, петухи с кур не слазят, селезни с уток — удивительно безнравственные птицы, между прочим. К двенадцати небо подергивается серой дымкой, а около часа дня начинается... как бы это поточнее выразиться — одновременно лютая снежная метель и здоровенный градопад. Ночь ясная, утром 16-го (сегодня) — тоже славная погодка, а днем опять метель. Сейчас, слава богу, прояснело (if you comprehend the meaning of the word124). А что в горах делается — отсюда всё хорошо видно — страшно подумать. Я наблюдал, как туманное облако (должно быть, снежный заряд) прошло расстояние по седловине между двумя пиками (между Авачинской сопкой и каким-то безымянным скалистым выступом) — ок. 15 км — за каких-нибудь 5 минут. Представляешь себе ураган до 200 км/час? Ну-с, поскольку о погоде и природе аристократия недомыслия говорит, когда говорить больше не о чем, а у нас — есть о чем, перейдем к следующему вопросу.

Вопрос третий — о литературе. Каяться буду. У меня уже вошло в привычку написанное отложить на неделю-другую, а затем перечитать

и исправить. Так вот, перечитал я позавчера «Каждый умирает в одиночку»125 и... нарушил собственный указ: предал аутодафе две трети рукописи. Первое действие оставил в на(д?)зидание себе самому, а остальные два сжег. Видишь, в чем дело: заголовок-то, пожалуй, интригующий, а вот тема изрядно, как мне кажется, потаскана. Идея такая: назревает космическая катастрофа (вроде «Звезды» Уэллса), и вот людишки в ужасе перед неминуемой смертью начинают делать всякие глупости. Короче, я хотел представить себе, что может делать куча людей, осознавших, что они обречены на близкую гибель. И понимаешь, дальше пьянства, самоубийств и утонченного разврата моя фантазия не идет. Не идет! Впрочем, может быть, этим людишки именно и занимались бы? Об этом, конечно, можно спорить и можно не спорить. Но боюсь, исполнение мое было слишком скверное. Поэтому в тетрадь свою я решился занести только первое действо, а работать стал над повестью «Salto-mortale» — и тема здесь посвежее (переселение душ), и возможностей исполнить хорошо больше. Далее, ты спрашивал насчет «Синей тучи Амадзи» — это о живых существах, организмах, живущих не за счет обмена веществ, а за счет радиоактивной

энергии. Пока еще это только наметки. Эх, много мечтаем и как мало делаем! На руках у меня три начатых вещи: «Палачи», «Salto-mortale», «В отдаленной местности», а в перспективе «Синяя туча» да эта треклятая «С. Б. Т.» — никак от нее не отвяжусь, зависть снедает. Так обстоит дело с моими литературными занятиями.

17.05.53. Утро чудесное. Солнце, тепло, небо синее-синее. Продолжаю.

Перечитал на днях «Очерки о Вселенной» Воронцова-Вельяминова126. Очень хорошая книжица, хотя старичок обладает, по-видимому, слоновьим чувством юмора, далеко отстающим от его популяризационных способностей. Вообще Ефремов прав: астрономия — единственная наука, нашедшая в своих представителях классических популяризаторов. Остальные науки так и остаются для широкой серой массы непосвященных темным лесом. Правда, очень хорошо сработана книжица «В мире больших молекул», она даже наталкивает на кое-какие темы пылкий ум начинающего писателя. Да еще хороша книжка для детей О. Лепешинской127 — разобрался-таки я, в чем у нее цимес.

Что еще? Язык временно забросил. Почитываю время от времени «Vanity Fair», да еще Twain'a.

Через недельку займусь этими делами вплотную. Вот ведь дурацкое положение: есть кому работать, есть для кого работать, есть где работать, есть желание работать, есть умение работать, но — увышеньки! — нема над чем работать. Впрочем, уповаю.

Вообще говоря, способность уповать есть едва ли не самая счастливая способность натуры человеческой. В чем состоит сущность упования? Явление это суть, несомненно, порядка психологического. Являет собой диалектическое единство уверенности с праздной мечтой. Реакция между этими ингредиентами, коих природа совершенно различна, должна непрерывно поддерживаться катализаторами объективными, иначе упомянутое единство быстро распадается, уверенность, как субстанция наиболее легковесная, почти мгновенно улетучивается, а праздность мечты — голую праздность голой мечты человек осознает весьма быстро, что и обращает оную мечту в разочарование тем более жестокое, чем горячее были упования. Мои упования непрерывно подвергаются активному животворному воздействию извне, благодаря каковому обстоятельству они не токмо не хиреют, но, напротив, развиваются, питаясь соками уверенности из почвы фактов и

порождая необозримую крону праздномыслия, теряющуюся в облацах.

Что касается семейного вопроса, то вот, видишь ли, развожусь, да уж очень мы далеко друг от друга, и меня никак не найдет судебная повестка. Заменители жены — духовные и физиологические — в наличии не имеются, причем на заменитель духовный уповать вообще в настоящих условиях не приходится, а заменителя физиологического, хоша найти и можно, однако годы наши уже не те, для чего всё это зело противным нам представляется. А кроме того жениться опять чтой-то боязно, дуру брать не хочется, а умная надо мной смеяться будет.

Эх, да распрепропра... гм... что ж это я, братец ты мой, уже и ругаться стал. Закончу на этом, пожалуй. Да, срочно вышли «Что такое математика»128 и как с ней129... то есть, и «Основные представления современной физики»130 (The General Views of Modern Physics). А то, что ты написал о H^n_2O, я и так знал, я думал, у тебя что новенькое есть. Ну, и на том спасибочки. А теперь остаюсь твой старший брат и друг Арк.

Привет передай Афанасию131, Володьке132 и Лидии Семеновне133. Паки же маму поцелуй.

P. S. В журнале «Знамя» печатается повесть

«Летающие блюдца»134. Попробуй.

[Рисунок под названием «Споры вечерние».]

Постепенно надоедает всё до такой степени, что АН с радостью устремляется в экспедицию. Но мысли по-прежнему вокруг писательства. Причем АН интуитивно отмечает все нюансы, все проблемы как молодого писателя, так и писателя вообще. Потом АБС будут воспринимать это как данность, но пока что продолжается первое знакомство АНа с трудностями писательства. Причем не только знакомство, но и обрисовка этих трудностей своему будущему соавтору.

Письмо Аркадия брату, 7 июня 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боб.

Так вот, еду в конце этого месяца в экспедицию — всё дальше и дальше на край света. Чаю, много там будет всякого любопытного. Снаряжаемся серьезно, тщательно. Подробности и цели, разумеется, при личной встрече. Проследи только, чтобы мама не посылала разных там телеграмм, ибо, во-первых, они не дойдут по назначению, а во-вторых, обо мне беспокоиться нечего — экспедиция отнюдь не профессионального характера

и ни с какими стихийными бедствиями не связана.

Знаешь, за последнее время задался я вопросом: почему при всем изобилии идей, тем, образов, характеров, сцен и пр. мы не можем часто написать ни строчки? Подумал я, подумал и пришел вот к какому выводу. Прежде всего, почему так трудно писать? В чем практические трудности? По-моему (на основании личного опыта!), труднее всего наметить сюжетную линию — я имею в виду ход событий, порядок их описания и т. д. Далее, очень трудно начать. С началом я обыкновенно бьюсь больше всего. Наконец, стиль. Это ужасно. Мой лично стиль находится в прямой и непосредственной зависимости от стиля книг, которые я читаю в данный период. Когда же всё написанное соединяется, получается в стилистическом отношении такой винегрет, что вчуже страшно становится. Начало звучит отголосками трагической напряженности Гюго, часть первых глав — едкий (вернее, претензии на оный) юмор Щедрина, дальше — грустная усмешка Теккерея и т. д. и т. п. Как это великим писателям удается выдержать единый стиль — ума не приложу. Другая группа неприятностей — субъективная. Не знаю, как ты, а для меня большое значение имеет

формальная сторона. Никак не могу отделаться от ощущения, что главы должны быть примерно одного размера, что надо писать по возможности либо только длинными, либо только короткими предложениями, что при описаниях каждое определяемое должно иметь не менее двух определений... интересно, знакомы ли тебе эти вещи? Представляется, что нельзя в двух соседних предложениях оставить слово «был», что нельзя в двух близко стоящих фразах употреблять одно и то же подлежащее.

Так вот, подумав обо всем этом, я стал перечитывать классиков. И что же? Все эти «стилистические ошибки» встречаются у них сплошь да рядом. Короче, теперь я по возможности плюю на стиль, и работа двигается гораздо быстрее. Во всяком случае, пролог к «Salto-mortale» наполовину написан.

Вчера сходили мы в баню и решили сготовить себе ужин. Картошка, рис, лавровый лист, перец, соль — всё было. Но мясо в консервной банке, к нашему огорчению, покрылось плесенью. Взвыли мы, потом посмотрели друг на друга, перемигнулись значительно и вывалили мясо с плесенью в кастрюлю. Я пробормотал что-то насчет целебных свойств penicell'ы. Ничего, ели с

аппетитом. И сегодня здоровы. Так вот, Боря. Всё мечтаю об отпуске. Нужно будет набросать хоть приблизительную программу увеселений, ибо ничем другим мы заниматься не будем. Думаю, что нужно будет испробовать все виды коктейлей, каковой эксперимент произвести мы были лишены возможности раньше по причине бедности. Дальше моя фантазия не идет. Подумай сам.

Кстати, чего ж ты не пишешь о своих amour's? Обещал, а не пишешь. Не веришь мне, что ли? Эх, брательник. Знаешь, чем я сейчас занимаюсь? Уломали меня прочитать лекцию об атомной энергии. Это бы еще ничего, но средний уровень образования у аудитории — 5–6 классов, а есть и 3, и 4. Сижу и потею. Как объяснить, что такое атомный вес? Порядковый номер по таблице Менделеева? Элементарные заряды? Впрочем, кажется, вышел из положения. Больше напираю на внешние эффекты, а объяснения их даю скороговоркой и невнятно. Всё равно, кто хочет, тот поймет, а кто не хочет, тот вообще слушать не будет. Р-р-реакционная теория.

Вот, пока всё. Крепко жму руку, целую. Шли фотокарточки. Книги почитаю, уже плывут ко мне.

Поцелуй маму, твой Арк.

P. S. Слыхал здесь поэмку одну, хохлацкую.

«Ванька в раю». Роман.

Вот перл:

Бог Саваоф, насупясь, слухав,
Одной рукою яйца чухав,
Другою у носе ковыряв.

Прибавь сюда неподражаемый акцент. Умора!

Как АН читал лекцию об атомной энергии, вспоминает Владимир Ольшанский. Но сначала о том, как читались лекции такого рода вообще.

Из: Демиденко М. Записки чжунгохуаиста

Школу неожиданно сняли с уроков, привели в клуб, к двухэтажному зданию из красного кирпича. Военный городок был построен с умом, казармы стояли в каре, посередине — плац, за ним — штаб, за казармами, во второй шеренге, вспомогательные здания. В каждой казарме располагался батальон — четыре роты. Это по-старому. Во время революции на первых этажах били копытами лошади колчаковских казаков. Что было в клубе — история умалчивает.

Мы входили в клуб повзводно... Насторожило то, что здание оцепили незнакомые автоматчики, каждый из нас перед входом в кинозал распи-

сался в специальном журнале «О неразглашении военной тайны». При Сталине Указ о неразглашении действовал четко и неотвратимо.

Мы расселись. К экрану вышел полковник с эмблемами артиллериста и произнес речь, суть которой заключалась в том, что СССР создал вслед за американцами свою атомную бомбу.

Впечатление от увиденного кино было ошеломляющее, конец света!

Курсанты вышли из клуба, построились повзводно, разошлись по учебным классам. Языковые классы были по 9 человек. «Канцзы» (иероглифы) не лезли в голову. К нам зашел полковник Т. Папаха у него была сбита на затылок, шинель нараспашку, видно, что он шел мимо и забрел к нам «на огонек».

Он сел за преподавательский стол...

— Выходит, — сказал полковник, — все теперешние боевые уставы по тактике — дерьмо! На помойку выкинуть! Все полетело вверх тормашками! Теперь, получается, самое безопасное место для солдата — в непосредственной близости к противнику: по своим атомной бомбой пулять не будут. Отсюда возрастает роль армейской разведки, в частности, всевозможных наблюдателей — как только противник отвел свои части

в тыл, немедленно нужно делать бросок вперед на его позиции или драпать как можно дальше в собственный тыл. Главную роль будет играть круговая оборона, рассредоточенная, чтобы одной бомбой не вывели из строя больше батальона.

А теперь о лекции АНа:

Из: Ольшанский В. Работал редактором…

Аркадий свободно владел несколькими языками, преподавал английский в школе военных переводчиков. Кое-кто из его учеников служил на Камчатке и иногда наведывался к нему, потому что он был для них безусловным авторитетом и советчиком. А несколькими годами ранее его включили в группу советских офицеров, которые допрашивали и готовили обвинение для судебного процесса над японскими военными преступниками. А ему тогда не было еще и двадцати пяти. Но больше всего поразило офицеров нашего подразделения, когда однажды нас собрали в учебном классе и объявили, что сейчас нам прочтут популярную лекцию про атомное оружие. Ждали, что выйдет какой-нибудь седой профессор с бородкой или заезжий в эти далекие края генерал и будет нудно читать подготовленный текст. А к столу вышел он,

старший лейтенант Стругацкий, и в руках ни одного листка. И тогда мы впервые узнали, какую огромную разрушительную силу скрывает в себе химический элемент уран, что такое настоящая ударная волна, световое излучение, радиационное заражение, которое причиняет неизлечимую лучевую болезнь. Для наглядности он нарисовал мелом принципиальную схему атомной бомбы: две полусферы, плоскости которых находятся на некотором расстоянии друг от друга. Стоит их сблизить, как начинается цепная реакция, во время которой выделяется неимоверной силы энергия.

Тогда мы, возможно, впервые услышали правду о последствиях атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Стругацкий имел доступ к газетам, которые выходили в Японии и посылались в штаб секретной почтой. Помню, как внимательно слушали его рассказ, и я понял, что не ужас ядерной бомбы поразил офицеров, а то, что незнакомые им вещи рассказывал старший лейтенант разведотдела. Они еще не догадывались, что пройдет некоторое время и кое-кому из них доведется принимать участие в войсковых учениях в Тоцких военных лагерях и на Семипалатинском полигоне с использованием

атомного оружия. А тогда они ставили Аркадию всяческие вопросы, а он, с еле заметной улыбкой, которая, казалось мне, никогда не сходила с его лица, отвечал, стараясь как можно более просто растолковать им, капитанам, майорам, полковникам, что за зверь это атомное оружие. А я чуть позднее узнал, откуда у него такие знания, к которым даже офицерам соединения тогда еще не было доступа.

Случилось это после того, как я по причине болезни вынужден был отправить жену и 4-летнего сына на «большую землю», а Аркадия пригласил к себе в семейную землянку. Он охотно согласился, потому что жизнь в офицерском общежитии ему очень наскучила. Ни отдохнуть, ни заняться чем-либо, ни почитать. Весь гардероб на нем, а в двух чемоданах книги, тетради. На тумбочку положил листок — план занятий на неделю с 18-и до 22-х часов, то есть после службы. Я в нем не сумел разобраться, очень уж мелкими буквами написано и максимально сокращены слова. Но понял: все рассчитано до минуты, и план выполнялся неукоснительно. Иногда доставал из чемодана маленькие книжечки из серии «Библиотечка журнала „Советский воин“». Садился к столику, прочитывал рассказ, а потом переводил

на английский. Зачем? «Для тренировки, а то язык забуду». — «А почему именно эти рассказы?» — «Военная тематика...»

Вот такой он. Ни минуты без дела, ни дня без занятий, без усовершенствования знаний, без их пополнения. И высочайшее чувство самодисциплины. Но это совсем не означает, что он не отдыхал или отказывался от встреч просто так, за чашкой чая. Напротив, он умел отдыхать, сам приглашал друзей на офицерские посиделки и очень любил тех, кто хорошо пел. Может, потому, что Бог ему не дал этого таланта. И все же он всегда тихонько подпевал и слова почти всех песен, что пели тогда, знал от начала до конца, чего не хватало многим певцам.

У АНа — как и у БНа — была исключительная память на хороший литературный текст. И не только на печатный. Помнил он и слова многих нравившихся ему песен. Владимир Дмитриевич Ольшанский привел нам тексты песен, раскавыченные цитаты из которых попали на страницы ДСЛ: «Федот», «Котелок», других.

Вероятно, те же песни пел АН и в Свердловске в апреле 1981-го после вручения «Аэлиты».

Из: Мешавкин С. Мгновение протяженностью в три дня

...зазвучала песня. Смею полагать, что «следопыты» знают толк в песнях, но и мы были удивлены, сколь оригинальным оказался репертуар Аркадия. Звучным баритоном, заполняя всю комнату, он пел старые солдатские песни. Грустные, озорные, бравурные...

Но вернемся к письмам.

Письмо Аркадия брату, 28 июня 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Salud, Боб!

Только что окончил довольно кровопролитное усекновение волос на бороде лезвием Extra-дрянь. И вдохновился на письмо. Мама, поди, в санатории, а что ты делаешь, и как твои экзамены — сие мне пока неизвестно, бо последнее, что я получил от вас, открытка от мамы, где она сообщает, что поправилась. Должен тебе сказать, браток, что я недоволен твоими понятиями о семейном долге. Конечно, ты взрослый парень, и на мое недовольство тебе, возможно, наплевать, но уж в порядке нашей старой дружбы прошу тебя — за

всеми твоими занятиями и развлечениями следи за маминым здоровьем. Даст бог, приеду — буду сам смотреть за мамой, а уж сейчас, извини, издалека не могу. Это твоя обязанность. Не обижайся, я правду говорю. Знаешь, мать как увлечется работой, да еще накормить, обшить тебя надо, она и забывает всё на свете, а о здоровье своем и подавно. Ну, так. Да, еще претензия. Ничего мне не пишешь. Это, брат, свинство. Когда-нибудь поймешь, какое это ужасное свинство. И учти — если я не пишу, значит невозможно, а если ты не пишешь, значит не хочешь. Я думаю, что на пару писем в месяц от тебя я мог бы рассчитывать. Еще вопрос: сколько ты пьешь? Не в количественном, а в численном смысле. Учти, уважающий себя человек пьет не реже двух раз в месяц, но и не чаще раза в неделю. Если не считать экстренных случаев, конечно. Не знаю, как там у тебя обстоит с этим делом, но был бы очень рад, если бы ты придерживался указанных норм.

Ну, вот, с моралью покончено. Грешен, люблю поучать, но в данном случае не удержался бы, даже если бы и не любил. Будь хорошим мальчиком, Боря.

О себе. Мы заканчиваем последние приготовления к командировке. Завтра выходим в пробный

поход на сотню километров пешим порядком с полной нагрузкой. Всё готово, но, как это обычно бывает в наших условиях, никто не может ответить даже на такой простой вопрос, как — когда мы выезжаем и выезжаем ли вообще. Готовимся, готовимся, а состоится ли командировка — никто не знает. Но как бы то ни было, если от меня не будет после этого письма писем или телеграмм — не беспокойся. И маму успокой. Значит — нельзя, неоткуда. И вообще не волнуйтесь. Как я уже писал, командировка эта с моей профессией ничего общего не имеет.

Закончил пролог к «Salto-mortale». По замыслу — это фантастико-приключенческая повесть. Не думаю, что хватит терпения написать ее всю, но уж первую часть (из трех задуманных) напишу обязательно. Знаешь, задумал я втиснуть в эту несчастную повесть все свои замыслы. И «Амадзи», и многое другое. «Палачи» пишу отдельно, но эта работа движется медленно. Пока можно считать готовой только первую главу.

У нас здесь холодно, сильный ветер и дождь. И вдобавок не работает электростанция. Много денег (пятнадцать целковых ассигнациями в месяц!) уходит на свечи. У всех протекают крыши и стены, но меня бог миловал. Пока только

обвалилась завалинка. В город выезжаю редко, и то лишь тогда, когда нужно посылать письма.

Ах, Боря, Боря! Голова идет кругом. Вот, пишет одна женщина, та самая, с которой грех у меня вышел. Очень любит она меня, от мужа ушла. И какая покорность в любви этой! А я — не знаю. Не решаюсь. Все-таки я очень плохой человек. Ну, ты этого пока не поймешь. Да и не в письме говорить об этом. <...>

Послал письмо в самую высокую инстанцию с требованием — либо дайте работу, либо увольняйте. Жду. Ох, как жду. Уж очень хочется хоть чуть-чуть пожить с вами.

Крепко жму руку, целую, твой брат Арк.

Ты не обиделся? Не обижайся. Тяжело мне, все-таки.

Письмо Аркадия брату, 11 июля 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, дорогой мой братишка!

Очень был рад, получив твою бандероль. Понимаешь... Но сначала о некоторых событиях моей жизни. Публика орала от восхищения и восторга, когда я, в плаще, с подзорной трубой на боку, с карабином за плечами, небрежно подбоченясь, галопом пролетел по поселку верхом на

взмыленной маленькой монгольской лошадке и железной рукой осадил ее, несколько дальше, чем мне хотелось, от крыльца штаба. Все мои друзья единодушно высказали мнение, что я похож на Паганеля, но самому себе я представлялся д'Артаньяном. Ведь труба легко могла сойти за шпагу, а лошадь была самой невероятной масти, какую себе можно представить. Остановив лошадь, я сполз с седла и, ведя ее за собой в поводу, проковылял к крыльцу. В это время из клубов пыли показался караван вьючных одров, которых вели чихающие солдаты. Так возвращалась из пробного рейда наша экспедиция. Непосредственные практические результаты: я сжег спину на солнце, сбил задницу в седле (впервые в жизни сел верхом и неделю не слезал, таскаясь по сопкам и оврагам), всласть настрелялся из карабина и поймал довольно редких на Камчатке тритонов. Из-за этого выхода я, кстати, и не смог отправить вам своеобычное еженедельное письмо. А рыбная ловля! Не с какими-нибудь тривиальными удочками или сетями, а с разрывными пулями и взрывпакетами вторглись мы в края, изобилующие форелью и гольцами. Ты спускаешься к ручью, осторожно вытягиваешь шею и замираешь: под тобой, в прозрачных мерцающих струях

стоит стая форелей. Они дремлют. Они тихо шевелят плавниками. Они ничего не подозревают. Они изумительно вкусны, жаренные на масле. Ты знаками подзываешь солдат, располагаешь их в метре ниже по течению, тихонько клацаешь затвором, наклоняешь ствол как можно ниже к воде в середину стаи и... бах! с воем лезешь через крапиву вверх по косогору, спасаясь от потоков ила и воды (ледяной воды, между прочим, в то время как ребята кидаются в этот водоворот и выкидывают на берег десять, двадцать, тридцать серебристобрюхих, трепещущих рыбешек.

По возвращении домой получил две бандероли и три письма. Бандероли: от тебя и от одной женщины (той самой, Лены Воскресенской135) — «Blood on Lake Louisa»136 — толстый детективчик, наслаждец, судя по началу. Письма — от мамы, от Лены и от Инны. Прав Андрей Спицын137, бабы — дуры, и ничто им не поможет. От подробностей тебя избавляю.

Ты спрашиваешь, не пора ли мне заняться анализом. Очень уж грустно-смешно это «не пора ли». Пора давно уже прошла, Бэмби, dear. Но заняться хотелось бы. Понимаешь, я очень многое перезабыл, ничего не поделаешь. Кажется, надо начинать с учебника для 10-го класса. А впро-

чем — посмотрим. Понимаешь, я по-прежнему очень интересуюсь физикой, и очень хотелось бы приобрести костыли — знания по анализу, без которых там нечего делать. Да и мозг у меня немного усох. Но попробую. Из пособий пришли то, где меньше воды. Лучше всего лекции твои, если там всё изложено последовательно. «Курс физики» просмотрел, там действительно ничего страшного как будто нет. Но мне нужно вернуть своему мышлению прежние признаки гибкости и оперативности, иначе придется просто зубрить, а это очень противно.

Между прочим, Боб, что бы ты сказал, если бы мне удалось демобилизоваться? Или не стоит? Мама, мне кажется, против.

Или это только так кажется? Время сейчас смутное, ни черта не понять. А тут еще с этим Берия скандал, язви его душу. Ну, ладно. Ганди поехал в Данди, а Данди — это голова138. Дерьмо.

Весьма возможно, что это будет моим последним письмом на ближайший месяц. Если экспедицию отложат — хорошо, не отложат — тоже хорошо. Знаешь, у меня сейчас выработали такой взгляд на жизненные обстоятельства, немного беспринципный, правда: стараться настроить себя таким образом, чтобы при любых

обстоятельствах быть довольным. Демобилизуют — хорошо, нет — тоже неплохо. Удовлетворят мою просьбу — хорошо, нет — тоже неплохо, есть повод быть обиженным и жаловаться. Гнусно, правда? Это я шучу, конечно. Ну, пока всё.

Крепко жму руку, целую.

Твой Арк.

О планах АНа на демобилизацию знали и его сослуживцы.

Ольшанский В. Из воспоминаний

Уже тогда он говорил о своем желании оставить военную службу. Я ему говорил, что этого делать не следует. Ведь за плечами были уже более десяти календарных лет службы, да плюс около трех лет камчатских (за год — два), которые засчитываются в общий стаж. До 20 лет, с которых можно выходить на пенсию, уже не так далеко. Не убедил, у него, видимо, были свои планы. Слишком узки были рамки военной карьеры, не по его характеру.

Письмо Аркадия брату, 1 августа 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боб!

Прежде всего прошу извинения за предыдущее письмо — писал в отменно нетрезвом виде, каковой нетрезвости причиной отменно паршивое настроение являлось. Черт его знает, до чего стала мерзкая жизнь! Сижу, как на иголках, послал письмо высокому начальству с просьбой либо дать работу по специальности, либо уволить. Вот уже два месяца нет ответа. Да, кстати, позавчера исполнился ровно год, как я осчастливил землю Камчатскую своим на оной появлением. Господи, какой это был год! Не скажу, чтобы он пропал для меня даром, нет, скорее наоборот: я многое узнал, еще больше увидел, кое-чему научился. Но кое-что мне явно не пошло впрок: ужасное вынужденное безделье, прерываемое участием в разнообразных комиссиях — дай тебе бог не познать, что значит «снимать остатки», гнуснейшая вещь. На протяжении всего года жил одной мечтой — об отпуске. А сейчас черт знает из каких подвалов сознания выползла и всецело завладела мыслью мечта об увольнении, о спокойной нормальной жизни, в которой нет места таким вещам, как грязь по колено, протекающий потолок, глупые и злые разговоры, мат, мат, мат без конца... и прочие прелести местной жизни. Нет, для такого блаженства я явно не создан. Была бы

работа — другое дело, всё это не замечалось и не ощущалось бы так остро. А для себя заниматься — писать романы, поддерживать знания языка — ужасно скучно. Марксизм прав: ни одно занятие не может идти на пользу, если оно не связано с интересами общества. За что ни возьмешься — вечно встает прежний тупой и скучный вопрос: зачем? кому это нужно? Люди приспосабливаются, конечно, чтобы не спиться, не погибнуть. Огородики, преферанс, охота, рыбалка — всё это защитная реакция организма против морального самоубийства. У меня и еще у некоторых — книги, душеспасательные беседы (увы! часто эти беседы состоят в бессмысленном и злобном критиканстве). И нет ничего и никого, кто указал бы, что делать, кто облагородил бы это свинское существование хорошей целью. Замыкаемся в себе и подчас попиваем втихомолку. Только ты не говори маме, смотри. Я все-таки надеюсь, что всё изменится. Эти перемены в воздухе, мы ими дышим и ждем, ждем. И наступит час, когда я буду с вами, буду, наконец, работать как всякий честный человек, а не обжирать государство. Скажешь: «Вот разнылся, брательник!» Да, брат, вот так видишь, видишь, да и взвоешь. Хорошо хоть здесь ребята хорошие, добрые товарищи. У нас

сейчас шахматная эпидемия, но я на подхвате, играть не стал, чтобы не позориться.

Эх, Бэмби. Вот через двадцать семь дней мне уже будет двадцать восемь лет. Двадцать восемь! С ума сойти, как время летит. А в общем, хорошо, что летит. Скорей бы январь. И еще лучше — ответ от начальства. Спасенье человека — в работе.

Ну, пока всё. Крепко целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 16 августа 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Good day, Bamby![139]

Итак, по курортам разъезжать изволите, сударь? По Сочам, по Гурзуфам? Географию изучаете? Одобряю, одобряю-с. Хотя и завидую-с. Но гораздо больше одобряю. И пребываю в надежде, что «в стране далекой юга»[140] ты не ударил лицом в грязь и оставил после себя какую-нибудь этакую безутешную Нелли или Риту[141], а, ежели бог дал, то и нож воткнул под пятое ребро — up under the fifth bone — кому следует — всё равно как, физически или морально. Загорел, наверное, и просмолился comme il faut, if you know the expression[142]. А теперь готовишься перейти в новое наступление на последние цитадели официальной науки. God help you on your way, peace

be with you143, мой дорогой брат.

У меня есть к тебе огромнейшая просьба, mon frer, а именно: во-первых, мне нужны фотографии. Все новые, где есть люди. Фотографии твои, мамины, твоих друзей и подруг. Compranez vous?144 Все, абсолютно все. Чем больше, тем лучше. The more the better. Abgemacht? By the way, about the photoes145. Помнишь, ты прислал мне снимки of ins and outs of146 Пулковская обсерватория? Так вот, с ними произошла любопытная история. В тот час, когда я их получил, буквально через несколько минут после того, как я просмотрел их и прочитал письмо, меня срочно откомандировали в одно дело. Я наспех сунул все в боковой карман плаща и отправился. Ходить пришлось много, а придя вечером домой, я обнаружил, что письма нет. Утерял. Где — неизвестно. Пожалел очень, конечно, но делать нечего. И так это всё и закончилось бы, если бы вдруг через недели три после этого не зазвонил у начальства телефон и шепелявый голос представителя властей предержащих не объявил бы, что найдены секретные зашифрованные документы, принадлежащие некоему Стругацкому, а с ними — фотографии образцов of some secret armament!!!147 Особенно поразили воображение упомянутых властей

фотографии максутовского телескопа и нормального астрографа. В тупых и ожиревших мозгах властей шевельнулись при взгляде на эти внушительные сооружения ассоциации с ракетными пушками и прочей дрянью. Конечно, всё вскоре выяснилось, к конфузу всех. Но каковы власти! Так я жду фото, Боря, и уж не потеряю их. Кстати, и письмо твое, и фото мне, разумеется, вернули.

Вторая моя просьба — очень убедительная — песни. Давай песни. «В Кэйптаунском порту»148, всё в этом роде, всё нужно позарез. Не погнушайся, вышли незамедлительно. Все, что в нашем вкусе. Идет? Скорее только.

За сим остаюсь твой брат и друг
Аркадий.
Привет мамочке.
А до отпуска 4 1/2 м-ца.

Письмо Аркадия брату, 30 августа 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Борька!

Надеюсь, отдохнул ты неплохо. Завидую тебе, браток. Купался, наверное, до одурения, лопал фрукты, ловил медуз... У нас здесь ничего подобного, конечно, нет. То есть есть океан, целый Тихий океан, но купаться в нем нельзя — холод-

но, медуз навалом, но вижу их очень редко. А фруктов нет и в помине. Кстати, недавно наловил морских звезд и чуть было не поймал каракатицу. А на другом берегу Авачинской бухты рыбаки поймали акулу — 200 кг весом, 2 метра длины. Ну, это частности. Позавчера отпраздновал день рождения. Господи, 28 лет! На 150 руб купил ведро соленых огурцов и восемь помидоров — цены изрядные, как видишь. Напились знатно, пели песни непристойного содержания и спорили о возможностях и перспективах. Впрочем, это всегда так. Шумим, братцы[149]. Появились снова кое-какие надежды на увольнение. Хорошо бы, ей-ей, хоть лет пяток пожить в нормальных условиях. А время идет. До отпуска осталось мало — всего четыре месяца. В конце первой половины января выплываю домой, успею как раз к твоим каникулам. Это если не выйдет с увольнением. А вот если... Эх, подумать, дух захватывает. Но ничего, ничего, терпение.

Слушай, у нас, как, наверное, и везде, оживленно и много говорят об водородной бомбе. Что есть термоядерная реакция? Правильно ли ее понимать, как реакция непосредственного превращения массы в энергию по формуле $m=ec^2$[150]? Я читал кое-что о водородной бомбе

и, кажется, понимаю принцип ее действия, но непонятно, как практически осуществляется реакция соединения ядер ^{2}H и ^{3}H в ядро He. Если располагаешь данными — напиши. Мы все здесь очень интересуемся этими вещами, а знаний и литературы нет.

Эх, удалось бы уволиться, поступил бы заочно на какой-нибудь факультет ЛГУ. Изучил бы математику, механику, ядерную физику — хоть и поздно, и всё же мечта бы сбылась.

Пришли песни, обязательно. И поскорее. Вот пока всё. Крепко жму руку, целую.

Арк.

Письмо Аркадия брату, 6 августа 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боря.

Твое письмо с отчетом о похождениях на курорте и о твоих matters of love получил и остался оным и оными доволен. Что тебе черноморские пограничники под задницу дали — не огорчайся. Оно, конечно, не так как в кино получилось — там-то им вольготно образцы вежливости показывать — но войди и в их положение: вылавливать десятки лоботрясов и разбирать, где свои и где чужие — дело утомительное. Хорошо

еще, что кончилось этим, могли бы и покруче поступить151. У нас здесь, например, людей единицами не считают — всё больше дюжинами, и вопль возмущенной индивидуальности (съездили ей стволом между лопаток, вот она и возмущается) во внимание отнюдь не принимается, и если и принимается, то в том смысле, что, мол, гражданин бунтует, и его надо в порядок привести. И приводят.

Что касается matters of love, то я могу сказать, что ты в этом отношении производишь уже впечатление человека начитанного и в достаточной степени эрудированного, с чем и поздравляю. Я, брат, пощусь, пощусь самым жалким образом ажник с марта месяца. И ничего. То ли жиром зарос, то ли климат здесь такой, что пощение столь долгое без последствий оставляет, факт тот, что пощусь. Забыл уже, как живая баба в натуральном виде выглядит. Одна радость — иной раз во сне увидишь. Тьфу! Ужо приеду — разговеюсь. Кстати, о приезде. Поскольку моя демобилизация никаких возражений на семейном совете не вызывает, и даже напротив — поощряется, я снова написал письмо власть предержащим с тою же просьбою. Авось пробью. У нас говорят, что тот, кто хочет уволиться, скоро ли, долго ли, а найдет

в этом поддержку со стороны начальства. Чем я и живу сейчас. Даст бог, господь ожеребится, как говорит мой сожитель. Уж очень надоело в собачьих условиях жить. Но из этого вовсе не следует, что маме нужно писать Ворошилову или кому бы то ни было. Видишь ли, мотивировок на сей счет никаких нет, я ничем не лучше других, чтобы просить перевести меня отсюда раньше срока, да и не в этом дело, а дело в полном и безусловном увольнении. Таково положение.

Ввел я новую систему писания романов, и пока дело продвигается успешно. Пишу одновременно «Salto», «С. Б. Т.», «Палачи», «Каждый умирает по-своему» и еще две пьесы и переделываю старый рассказ «Первые». Вся штука в том, что пишу по листу-два в день. Дело так продвигается медленно, но зато наверняка, и не требуется особых приливов вдохновения, ибо на один-два тетрадных листа у меня вдохновения хватает даже тогда, когда я голоден. Кстати, написал и послал в одну газету рассказ (коротенький и очень казенный), на днях получил ответ, где с совершенным почтением и проч. рассказ мой отвергается, ибо 1) от него за версту несет детективом, и 2) «случай, описываемый Вами, не характерен для всей армии в целом»152. Гм... ты знаешь, я даже

обрадовался. Значит, мое творчество, как я его ни оказёнивал, все же лучше той халтуры, которую они помещают в газетах и журналах для армии. Особо умилила меня приписка, в которой «редакция просит Вас и ждет от Вас правдивого и яркого *очерка* о передовой роли... воины... во славу...» и т. д. При крайней нужде в деньгах такой очерк написать, пожалуй, можно было бы, но дело в том, что очерк пишется с натуры, а я в натуре не вижу «передовой роли... воины... во славу...» и т. д. Вижу, что люди копошатся в грязи, потихоньку пьянствуют, сражаются с начальством и подчиненными и сами бывают сражаемы153, а больше ничего. А впрочем... посмотрим.

Вот пока всё. Пиши чаще и больше. Пришли песни своего сочинения — «газировку реже пьют, чаще девушкам дают», «Вывески» и т. д. Очень прошу.

Привет мамочке. Привет Лидии Семеновне, Володьке, а также всем, кому найдешь нужным. Но Лидии Семеновне и Володьке обязательно.

Жму руку, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 11 сентября 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Дорогой мой мальчик!

Получил твое письмо с фото (кажется, все мои письма начинаются с «получил твое (ваше) письмо...» — ничего не поделаешь, привычка, ты уж прости). Какой ты богатырь стал! Я имею в виду большое фото, а то, что с «Руматой», явно не с тебя (одесский жаргон!). Спасибо за «Кэйптаун», а вообще спешно шли все песни подряд, желательно сразу. Имеем здесь в них великую нужду. У нас здесь тоже есть кое-что, но без мотива будет неинтересно, по приезде моем разыграем. Между прочим, жду еще фото. <...> А «Джон Кровавое Яйцо» — песня Жени Батманова154, одного из моих лучших друзей по институту — повесился, бедняга — заболел чахоткой и повесился, царство ему... Ну, об этом нечего. Писать продолжаю. Думаю — т. е. смею надеяться, что доставлю тебе пару-другую ненеприятных часов.

Насчет демобилизации хлопочу. Пока всё.

Как бы то ни было — через 120 дней, по крайней мере, будем вместе. Целую крепко, твой Арк.

«Я имею в виду большое фото, а то, что с «Руматой», явно не с тебя». Об этой фотографии

рассказывает БН:

Из: Беседа БНС с «люденами», 1993 г.

Страна под названием Арканар придумана была задолго до ТББ. Эту страну придумал Аркадий Натанович и его друг... Как же его звали? По-моему, его звали Виктор Ципер. У них была эта страна, они как-то в нее играли. Я был слишком мал для того, чтобы в этом разбираться. Но само слово «Арканар» я запомнил с младенческих лет. Точно так же, как и имя Румата, которое тоже придумал Аркадий Натанович и тоже задолго до этого романа. <...> Мифический герой. Я сужу по тому, что у меня есть фотография, по-моему, 54-го года, если не ошибаюсь, где я такой на Черноморском пляже: весь такой мускулистый, такой разрядник, гимнаст, весь в рельефе мышц. Эту фотографию я послал Аркадию Натановичу и написал что-то там такое: «Румата, победивший всех врагов».

Уцелевшее письмо БНа:

Письмо Бориса брату, 22 октября 1953, Л. — Петропавловск-Камчатский

Здравствуй, дорогой мой братеник!

Вельми обрадовался твоему письму, и хотя настроение омерзительное (почему — см. ниже) и писать особого желания не имея (так уж повелось — привык писать тебе только хорошее) — однако ж, вдохновился и засел. Писать буду, по-видимому, долго, старательно и, м. б., даже скучно.

I вопрос — и важнейший для меня сейчас — моя будущность. Так вот ничего хорошего я сообщить не могу. Конечно, сейчас ничего толком неизвестно, приходится питаться полуофициальными слухами, но эти слухи гласят: Стругацкий Б. Н. рискует не попасть в аспирантуру — ни в Пулковскую, ни в Университетскую. Во всяком случае в числе фамилий кандидатов, занесенных в полуофициальный предварительный список (таких кандидатов двое) фамилия Стругацкого не значится. Поскольку никогда в своей жизни в Университете я никаких проступков не совершал, поскольку я всегда был и — тьфу-тьфу — остаюсь до сей поры лучшим студентом группы в смысле успеваемости, поскольку я, наконец, нисколько не хуже (в смысле, способностей к научной работе) любого из выдвинутых и лучше по крайней мере одного из них — постольку я заключаю, что объяснение возможным событиям надо искать не здесь — на бренной земле, — а там, за облака-

ми, где вершат наши судьбы и где, по-видимому, вновь (как и при поступлении на физфак) встали тени предков. Повторяю, все эти сведения — предварительные, надежда еще остается. Например, мне известно, что один из кандидатов по некоторым личным соображениям отверг сделанное ему предложение и т. образом освободилась одна кандидатура. Если на это освободившееся место не предложат меня, то многое станет ясно — ибо кроме меня, объективно говоря, не осталось больше ни одного годного на это — во-первых, а во-вторых, не осталось ни одного такого, кто бы выражал желание попасть в аспирантуру.

Итак, это всё слухи, слухи полуофициальные и вдобавок касающиеся предварительных мероприятий, но во всяком случае эти слухи не служат поднятию моего и маминого тонуса и никак не способствуют веселому состоянию духа.

Что будет, если я не попаду в аспирантуру? Сказать трудно, но предполагать можно следующее:

1. Наилучший вариант: попадаю в Пулково как астроном-специалист.

2. Вариант похуже: попадаю в другую обсерваторию, но расположенную в крупном городе (Харьков, Киев, Одесса, ну, хотя бы Алма-Ата).

3. Попадаю в заср..., хотя может быть и крупную,

обсерваторию, у черта на рогах расположенную (типа Абастумани), или направляюсь в экспедицию по отысканию места для строит-ва новой обсерватории (это означает: торчать с помощником в течение трех лет в одной точке земной пов-ти — Алтай, Сибирь, Сев. Кавказ, Ср. Азия, Волга — и производить наблюдения. Отпуск — месяц, должность — начальник астропункта, ставка — 800–1000 руб. Всё. Место в Пулково по прошествии трех лет не гарантируется). Это — еще хуже.

4. Очень плохо: учитель в Ленингр. школе (маловероятная вещь).

5.....! (Суперпревосходная степень от «очень плохо»; что-нибудь вроде: «ох...тельнейше» — по анекдоту); учитель (да еще м. б. не по специальности) в ср. школе на периферии. Очень возможная вещь! Всех жидов и подозревающихся в сем грехе — загоняют на периферию учителями биологии и — частично — физкультуры. Сказано, может быть, слишком уж увесисто. Это явление не массовое, но отдельных примеров — более, чем достаточно.

Засим первый пункт кончаю. What do you mind about it? Хреново, do you think so?155

II. Вопрос о моей работе, поскольку он тебя инте-

ресует. Во-первых, я подозреваю, что тебя может заинтересовать (ты замечаешь, сколь я высокомерен?) не столько работа, сколько вопрос. Мне кажется (...надутая рожа, отсутствующий взгляд сквозь очки, длинное профессорское: — э-э-э!.. мн-э-э-э!), мне кажется, что у тебя представления о работе современного астронома-теоретика д. б. такими же, какими они были у меня на первых курсах. Что-нибудь вроде: стройный черноглазый юноша с увлечением излагает седовласому профессору (вариант: академику) замечательную идею, осенившую его во время вечернего чая накануне. Проницательные умные глаза профессора неотрывно устремлены на студента. Он слушает его, стараясь не проронить ни звука. Он — весь внимание. Студент кончает и отбрасывает русую прядь с прекрасного лба. Профессор вскакивает с живостью мальчика (вариант: юноши): «Вы будете моим учеником! Это прекрасно! Это — великолепно», — кричит он, простирая руки. Конец первой сцены. Потом: горячая плодотворнейшая работа, дебаты, консультации, консерватизм старика-академика сломлен простотой и гениальностью идеи, наконец бурное собрание кафедры, отчаянный спор... и вот — на свет родилось новое великое открытие, которому

суждено и пр. и т. д., которое ведет к... и пр. и т. д., о котором будут... и пр. и т. д.

В действительности, это далеко не так. Как — писать не буду: длинно, но в общем — совершенно наоборот. Открытий сейчас в дипломных работах не делают. Обычная цель дипломной: либо некоторый практический подсчет (с данными в руках), кот. представляет собой интерес в основном потому, что раньше его никто не производил (из-за сложности и нудности), либо работа более теоретического хар-ра, имеющая целью подтвердить мысль твоего шефа или опровергнуть мысль противника твоего шефа.

Моя работа относится ко второму типу и должна подтвердить моего шефа. Суть работы: найти среднее поглощение в облаке пылевой материи, через которое проходит яркая звезда. Результат, полученный теоретически, сравнить с данными наблюдений. В случае совпадения данных получишь следующее:

1) Подтвердишь гипотезу шефа о непрекращающемся взаимодействии звезд и пылевых облаков и о возможности это взаимодействие обнаружить из наблюдений.

2) Получишь (правда, не очень точно) многие важные хар-ки межзвездных облаков: среднее

поглощ. в одном облаке, ср. размер облака, среднюю плотность материи в облаках.

В случае несовпадения опровергнешь гипотезу шефа и не получишь ни х..., кроме дипломной с негативным результатом (вещь тоже полезная, но омерзительная).

В настоящ. момент мною решена первая часть задачи — вопрос о распределении материи в облаке, возбужденном звездой. Овладел я и подступами ко второй части (нахождение собственно ср. поглощения). Однако, здесь на моем пути встали математические препоны, на мой взгляд неразрешимые абсолютно точно. Придется вводить приближения. В общем, мне кажется, гипотеза шефа будет-таки подтверждена, но делать эту работу дипломной мне не хочется. Впрочем, чего там гадать — время покажет.

III. О том, что я тебе должен. Ну, во-первых, замечу, что лучше всего не обращать внимания на всякие полувысказанные гипотезы, мысли и соображения великих мира сего. Основа — печатная работа. Поэтому я посылаю тебе только те данные, кот. могу подтвердить опр. печатными трудами. Посылаю тебе:

1. Выдержки из реферативного астрономического журнала за период январь — сентябрь

1953 г. Тема: «Состояние вопроса о межпланетных сообщениях на сегодня». См. отдельное письмо.

2. Обещание серьезно заняться подбором данных по вопросам: Венера; Юпитер — пятно; Меркурий; радиоактивн. вещ-ва Земли. Это требует времени: придется внимательно просмотреть десяток-другой журналов и прочесть отчеты I космогон. конференции.

Одно могу сказать твердо: никаких результатов популярно-интересных, какие можно было бы вставить в роман, не получено, за исключением работы Козырева, о кот. я тебе уже писал, но которая до сих пор не напечатана.

IV. Вопрос о твоей литературной деятельности. Скажу только одно слово: ПИШИ. Всё. Пиши, как писал первый вариант «Первых». Ставь во главу угла столкновение сильных людей с природой. Меньше терминов — больше борьбы, психологии и приключений. Лично я считаю, что первый вариант вообще надо изменить лишь чуть-чуть: добавить идейности (для порядка), сузить вступ. часть (разговор в каюте) и расширить вторую половину рассказа. Важно, по-моему, учесть след. вещи:

1. Дать «Первым» очень важную и нужную цель, ради которой они рискуют жизнью — это

надо для оправдания их смерти.

2. Либо основное внимание обратить на тех, что ушли, либо оставшемуся дать очень важную задачу — это для того, чтобы цель полета всё время была в центре внимания читателя.

3. Мне не нравится название «Первые». Это абсолютно не звучит. Уж лучше «Б. Г. Т.» или «С. Б. Т.»

Между прочим, мы с Володькой (помнишь?) разработали довольно любопытную темку. Тоже будем писать. Название — что-нибудь вроде «Их было четверо». Тема — в названии: четыре рассказа, четыре жизни четырех друзей детства (археолог, биолог, журналист и астроном).

V. Разное.

Личных, а тем паче частных дел у меня почти нет. Все эти слухи абсолютно отбили у меня всякий половой аппетит. О любви думаю только..., а впрочем вообще не думаю — не до нее, чушь. Друзья — старые, вино — плохое, одно возмещает другое, так что здесь всё all right.

Частных дел нет, кроме неожиданного увлечения... коллекционированием марок. Старость, что ли? Тайно от мамы (на свой, разумеется, счет) приобрел небольшую, но приличную коллекцию советских марок (интересуюсь только советски-

ми). Если сможешь пособить — пособи. Особенно марками периода 1924–1938 г.

Иллюстрации Альвем-Корреа мне известны хорошо. Чудесные иллюстрации. Но Фитингоф мне все же нравится больше. Читаю сейчас Козьму Пруткова — смачно!

Ну, пока! Целую, [подпись] <...>

P. P. S. Между прочим, говорил на днях с одним физиком. Расспрашивал, как и что. Он наговорил мне таких вещей, что у меня волосы встали дыбом.

Оказывается: квантовая механика — это уже прошедш. этап. Формула $E = h\nu$ — устарела безнадежно. Теперь квантование выполняется с помощью тензоров высоких порядков. То, что раньше мы называли вектором гравитации, теперь оказалось «тензором в пятимерном пространстве с 64 независимыми компонентами». Принцип неопределенности в его обычной форме неверен. Точные подсчеты пок., что неопределенность есть чуть ли не бесконечность. КВАНТУЕТСЯ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ!! Существует самый маленький кусочек простр-ва, где длина имеет еще свой смысл (кажется 10^{-110} см) и самый маленький промеж. времени ($\sim 10^{-120}$ сек). Поговорить подробно мне не удалось, да я бы и все равно ни

хрена не понял. Одна вещь мне ясна — близится новый глубочайший кризис в физике, который приведет к краху многих понятий и, вероятно, к полному (или почти полному) отказу от прежнего математического аппарата и переходу к новому, принципиально отличному. Жуть! А что мы в философии делать будем? Представить трудно.

Да, вот еще пара хохм: масса эл-на, оказывается, получается бесконечной — раз, и два — существует сверхэлемент — позитроний — газ в 920 раз более легкий, чем водород. Его атом состоит из позитрона, вокруг которого «вращается» электрон. В общем д*ожили*.

Письмо Аркадия брату, 24 октября 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Здравствуй, Боб!

Письмо твое получил, станцевал качучу156 над индусским искусством, три дня ковырял в носу и вот решился писать. Прежде всего об отпуске — сей вопрос, бывший год назад объектом самых туманных мечтаний, становится на повестку дня. Я полагаю отплыть первым же пароходом после Нового Года. Это будет примерно числа десятого. Принимая во внимание возможные штормы, следует полагать продолжительность

плавания равной примерно неделе, а сие означает, что числа двадцатого я буду в Москве. Там я задержусь дня на два для улаживания кое-каких делишек. Короче, числа 25-го буду с вами. Сообщи, когда у тебя последний экзамен. Хотелось бы угадать на другой день, но здесь многое зависит от морского транспорта, который не в пример железнодорожному не поддается в должной степени прозрениям и прогнозам. Но это все через два месяца, а с завтрашнего дня я начинаю подготовку к отпуску — привожу в порядок перевод Киплинга, черновики литературных потуг своих и т. д. Рассчитал, что времени в обрез хватит до отъезда, то бишь до отплытия. Да, Боб, ужо повеселимся на славу, ибо будет где, будет чем, а и будет на что. Между прочим, сплю и вижу сосиски и ветчинную колбасу.

Теперь о делах текущих. «Остров Разочарования» прочел, как уже писал, с наслаждением. «Было бы непростительным преувеличением... сказать, что м-р Мообс встретил пули эсэсовца грудью. Он встретил их совсем другим местом»157. А? Здорово. А вот «В стране поверженных»158 — тошнотворное дерьмо, дешевка, блевотина и того хуже. Заср...ц, тоже мне, соцавантюрдетектив. Ж.... Кстати, о ж.... Песенка «Дождик» поется

Unrough-out the place, равно как и «Уберите нос». А по-аглицки:

> *«Keep away your nose,*
>
> *Keep away your nose,*
>
> *Let me pass by yee (yee — dialectism of «you»)!*
>
> *Here's Los? Los Angelos? There's San-Loui(s).*
>
> *So many peaches in old good San-Loui(s)!»*[159]

[Рисунок: солдат играет на гармошке, девица пляшет.]

Смотрел «Fury»[160], «The Black Legion»[161], «The Star»[162], «The ships storming Castle»[163] — чудесные картины. Though «The Star» might have been made much better[164]. А вот насчет чтения дело гораздо хуже. Это весьма больное место для меня. Правда, в местной библиотеке довольно много интересного, но ей-ей нет желания читать серьезные вещи. Пробавляюсь «Будущее за нас»[165], «Морская душа»[166] — кстати, в этом сборнике есть истинно талантливые рассказы, «Лучшие сценарии советского кино»[167] и пр. Много перечитываю. В частности, перечитал английский детектив «Blood on Lake Louisa» — очень хорошо,

эмоционально написано. Настоящий thriller — замораживающий кровь романчик. И в мыслях создал сюжет для сумасшедше-детективно-мистического романа. В Ленинград после войны возвращается парень без руки, поступает в университет. Его дом разбит, снимает квартиру в одной из этих угрюмых, серых громадин постройки конца 19 в., коими славен наш город, на пятом этаже. И тут идет чертовщина-vulgaris: призраки проходят сквозь стены, ночью в окно заглядывает белое лицо человека-паука, в стенах ходы-колодцы, под подвалом гнездо ужасов, красивая девушка, сирота-ленинградка, воспитана привидениями и стала их рабой и т. д. В чем смысл этой белиберды и должны ли в ней участвовать привидения — не знаю, но слабонервных можно защекотать до истерики, за это ручаюсь. Конечно, писать не буду, но набросок-отрывок есть — то место, где он знакомится с девушкой при интересных обстоятельствах.

Вот пока всё. Алкаю в отпуск, браток.

Твой Арк. Привет маме.

Песни привезу.

Письмо Аркадия брату, 11 ноября 1953, Петропавловск-Камчатский — Л.

Глава ...дцатая,
содержащая правдивый и точный отчет о том, как наш герой провел праздник 36-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Было семь часов утра седьмого ноября 1953 года, когда Аркадий Натанович оказался в состоянии открыть второй глаз и, шепотом матерясь и удерживая стенания, выбрался из-под одеял и шинели и уселся в кровати. Тот участок окна, который оставался свободным от пожелтевшей газеты, с безжалостной и не оставляющей никаких надежд ясностью показал ему, что наихудшие его опасения подтвердились: легкий ветерок, подувший накануне вечером со стороны «гнилого угла», не только не превратился в пургу, обещанную прогнозом погоды, но, видимо, решив, что в праздники делать ему нечего, улегся совсем.

Чистое синее небо и розовые вершины сопок, злорадно ухмыляясь, поставили Аркадия Натановича перед грустной перспективой одеваться, умываться, завтракать и делать другие вещи,

которые он охотно отложил бы еще на пару часов, и главное — становиться в строй и тащиться несколько километров до города, чтобы демонстрировать перед восхищенными зрителями свою необычайную мощь и боеготовность. До чего в жилу была бы сейчас буйная слепящая пурга, безусловно закрывающая вопрос о наградах и демонстрациях, позволяющая снова нырнуть под одеяло и подремывать, слушая краем уха завывания в трубе, которую забыли закрыть со вчерашнего вечера, и стук и шелест снега в стекла!.. Но пурги не было, и Аркадий Натанович принялся поспешно одеваться, стараясь не лязгать зубами, каковое неприличное действие коварно провоцировалось температурой, далеко не доходившей до той, которую удостаивают чести называться комнатной. Натянув брюки и сапоги, Аркадий Натанович подошел к ведру, где обычно была вода для питья, умывания и прочих мелочей быта, но на этот раз оно было пусто. Аркадий Натанович даже не почувствовал разочарования. Он только вздохнул и с видом полной покорности судьбе вышел во двор, чтобы набрать снегу. Самое энергичное растирание снегом на морозе при необходимости вернуться в холодную комнату и видеть сожителя, выводя-

щего замысловатые <...> рулады носом, а главное — имеющего освобождение от демонстраций, не может привести человека в наилучшее расположение духа, поэтому нет ничего удивительного в том, что Аркадий Натанович, тщательно размазывая крохотным полотенцем кусочки льда и комья снега по лицу, ткнул Владимира Дмитриевича[168] коленом в бок и довольно нервно предложил ему заткнуться, на что этот последний выругался сквозь сон, но храпеть перестал.

И так далее, в том же духе. В общем, я удивляюсь собственной скромности и воздержанию за эти два дня, ибо 1) оба дня обедал, завтракал и ужинал в столовой, 2) за оба дня выпил всего 150 г коньяку, бутылку портвейна и бутылку шампанского, 3) вечером 7-го занимался математикой, а вечером 8-го читал «Власть без славы» Харди[169], 4) истратив за праздники 120 руб., имел после оных еще 25 руб. в запасе, 5) все ночи ночевал дома и 6) оба дня топил печку и ходил за водой сам <...>.

Худо ли, хорошо ли, дорогой Боб, но до отпуска остаются сущие гроши... то бишь, пустяки — с грошами как раз обстоит дело благополучно. Каких-нибудь пятьдесят дней! Представить себе трудно. Вы получите от меня еще не более ше-

сти-семи писем и пары телеграмм, а затем буду и pomposo ego![170] Чертовски приятное чувство! Да еще когда тебя ждут — и в Москве, и в Ленинграде. Конечно, little things please little minds[171], но что уж поделаешь, если я такой тщеславный...

Я сейчас штудирую любопытную книгу: «Великий Двурог» Сергея Боброва[172]. Это нечто вроде введения во внешкольную математику для восьмиклассников. Написано явно по плану и под впечатлением «Что такое математика», но гораздо проще, остроумнее и т. д. Высшей математикой я, вероятно, всё же займусь, так что подбери там матерьялец.

Теперь о песнях. Ты, я вижу, увлекаешься морскими песнями, да и морско-блатными. Ни одной из тех, что ты привел, я не знаю. Ужо приеду — споем. Я же по скудности умишка своего жму на военно-печальные. Жаль, не умею на гитаре, а то выдал бы их тебе во всей красе. Ну, I'll do what I can[173]. И аглицким займемся, как приеду. А пока вот:

Над бухтою погасли все огни.
Сегодня мы уходим в море прямо.
Поговорим о берегах твоих — ой-вэй!
Красавица моя, Одесса-мама.

Мне здесь знакомо каждое окно,

Здесь девушки фартовые такие.

Уж больше мне не пить твое вино — ой-вэй!

И клешем не утюжить мостовые.

В Москве моряк имеет бледный вид,

В душе его лежат (!) одни (!!) каменья,

Азохен тохес, мамочка моя — ой-вэй!

Ой мамочка, роди меня обратно.

.....— не помню

Утесов Лешка — парень фон Одесс — ой-вэй!

И Вера Инбер тоже из Одессы[174].

Ты, кажется, про эту вспомнил? И еще: Стенька Разин.

Океан шумит угрюмо,

Мутью пенится вода,

По волнам несется судно —

Шхуна «Черная п...».

Капитан, каких немного... и т. д.

Остальное почти всё забыл. Впрочем, там есть такой перл:

«Паруса крепите, б...,

Чтоб вас дьявол обо...»[175]

Какая экспрессия!

Но ты всё же пришли «Вывески» и «Газировку реже пьют». Ладно? Здесь большая нужда именно в таких песнях.

Пока всё.

Крепко жму руку, целую тебя и маму,

Ваш Арк.

[Рисунок на всю страницу с надписью «электрическая проволока».]

Письмо Бориса брату, 22 ноября 1953, Л. — Петропавловск-Камчатский

Дорогой мой братище!

С наслаждением поведаю сейчас тебе о тех любопытных событиях, которые за последние полмесяца имели быть.

Картина I-ая. Сцена изображает малую аудиторию мат. мех. фак-та ЛенГос Унив-та. Перерыв. Несколько студентов уныло греют ж...ы у батарей парового отопления. Кое-кто дремлет за столами, еще не очнувшись от лекции. Герой повествования Б. Стр. мрачно стирает с доски. Дверь

распахивается — вбегает маленькая толстенькая девушка и начинает что-то рассказывать, размахивая руками. Оживленная пантомима, из которой даже ежу становится ясно, что IV курс посылается на 20 дней в колхоз им. Антикайнена на постройку коровника. Радостные возгласы, крики, клики и т. д., переходящие в овацию, когда кто-то высказывает мысль, что праздник придется встречать там. Особенно ликуют мальчики, которые едут в обязательном порядке (в отличие от дев, могущих ехать по желанию).

Картина II-ая. За два часа до отъезда. Квартира Б. Громова. Гремит пианино. Звенят стаканы. Пьяные возгласы. В табачном дыму мелькают знакомые лица... Б. Стр., Луконин, Махлин, Громов, Калерт и Елькин. Отдельные выкрики:

«...Так вот, едет армянин на верхней полке...», «...Женщина — это продукт...», «Иди ты, голубчик, на...», «Ж-ж-женн-ня! Р-ррвани „Лунную“»... «Бетховена, Комаринского!..», «...Стр-р-роителю новой колхозной жизни Бобу Стругацкому — слаа-а-ава!»

Поцелуи <...>, рукопожатия, объятия, веселый мат. Проводы свершились.

Картина III. Угол К. Маркса и Клинической.

Ночь. Одинокий человек в полушубке, лыжных штанах и с рюкзаком. Оборачивается. Щурясь близоруко, машет рукой кому-то там, в желтом одиноком окне третьего этажа. Ветер доносит бой Петропавловки — час ночи. Человек исчезает за углом.

Картина IV. Изба-читальня. Первый этаж (a propos — и единственный). Поздний вечер. Темно. Мрачная, тюремного вида комната озаряется трепещущим светом керосиновых лампочек. Деревянные длинные столы из нестроганых досок. Лавки. Огромная пышущая жаром русская печь, над ней развешаны — грязные штаны, мокрые ватники, портянки, носки. В сумраке угадываются очертания двухэтажных нар. Со второго этажа свешиваются нечесаные головы подозрительного вида девиц с хриплыми голосами. Около коптилок в желтом кругу света — карты, грязные лапы, их сжимающие, небритые морды, вонючие самокрутки, сжатые в углах ртов. Рев, басы, греготание. Отдельные фразы из темноты: «...Семь пик...», «Сижу без двух...», «...А мы вашего туза — по зубам, по зубам!..», «Кто играет семь бубен, тот бывает (шепотом) уе...», «Тебе сдавать...», «...Ну, мальчики, два паса — в прикупе — чудеса!..» Вдруг все речения покрываются архидиаконов-

ским басом Витьки Хавина:

С одесского кичмана, с Тургенева романа

Я вычитал чувствительный стишок...

Нары подхватывают с энтузиазмом:

Как свежи были розы, как хороши, стервозы!

Теперь они истерлись у в порошок...

Поют студенты! Брошены карты, домино, книги. Мерцающее пламя вырывает из тьмы разъятые пасти, волосатые подбородки, могучие кадыки. Дрожат стекла, сыплется солома с чердака, просыпаются сторожа у коровника — поют студенты!

...А я хожу вздыхаю, тех розочков нюхАю,

Хотя уже совсем немолодой...[176]

Сверхъестественная, умопомрачительная Хавинская октава — все смолкли, наслаждаясь... И тут — резкий веселый голос:

«Отбой!..»

Это значит — бросить игры, лечь на нары на соломенные тюфяки, укрыть ноги мокрым полу-

шубком, потушить свет и ждать в темноте.

Вот оно:

Хавин (из самых недр): Внимание! На молитву!..

Стругацкий (по возможности отчетливее): Три-четыре!

Нестройный хор:

Пятый день прошел.

И бог с ним.

Боже, храни бригадира.

Аминь!

.....

Картина V. Серое тяжелое небо. Ветер. Мелкий омерзительный дождь. Невообразимая грязища. Объект — шестнадцать глубоких ям, груды глины, камня, какие-то бочки, куча песка. По колено в вязкой глине копаются человек десять студиозусов. Холодно, мокро, матерно. И дождь, дождь, дождь...

Картина VI. Из разговоров:

...Петька, а где Булависий?

— Моется — в сортир провалился.

— Что-то уж больно долго моется. Глубоко провалился?

— По щиколотку.
— Чего же его нет с озера уже часа два.
— Да он вниз головой падал.
.....

И много, много еще разных картин, хохм, песен, случаев, анекдотов. Я мог рассказать о том, как рубили топорами и ломами в капусту финскую ригу на предмет добычи стройматерьялов, как за день развалили ее по бревнышку, оставив только руины и огромную, похожую на фаллос, нарисованный кубистом, печную трубу, в кою Петька Тревогин и наср..., с риском для жизни забравшись на трехметровую вышину[177]. Я мог бы рассказать о праздновании 36-й годовщины, о том как пили, пели прекрасные песни, танцевали при лампаде под «старенький коломенский разбитый патефон»[178], как потом блевали на скотном дворе, а крыльцо заблевали безвылазно и безысходно... О том, как ругался Булавский, вылезая из сортира и как сверхъестественно матерился Витька Хавин, попав под собственную лошадь, на которой возил песок. О том, какой хохот стоял на объекте, когда на перекурах собиралась теплая компания из В. Хавина, П. Тревогина и Б. Стр. и начиналась травля анекдотов; о том, как брались за сердце и бледнели испы-

таннейшие колхозники, услыхав соединенный, концентрированный, смертоносный мат, несущийся из двадцати здоровых глоток, везомых по разъё...ным дорогам к месту стройки. Много, много можно было бы рассказать. Но говоря короче — заложили фундамент водонасосной станции, добыли все стройматерьялы и уехали домой. Так кончилась великая эпопея «Б. Стр. лицом к деревне». Я привез оттуда все тонкости умственной игры — преферанса, десяток анекдотов и хохм, полдюжины песен, въевшуюся в кости простуду и ужасно неприличную бороду, состоявшую из нескольких десятков длинных жестких волосков пегой масти, разбросанных в живописном беспорядке по всей территории от бровей до кадыка. Как вещественное док-во оная борода предложена быть не может — за безобразием сбрита.

Теперь уже отдохнул, отъелся и взялся за дело. На учебном фронте тоже произошли значительные изменения. Дело в том, что я решил перейти на кафедру звездной астрономии, что и сделал без особого труда. Если тебя интересуют причины этого неожиданного «дивертисмента», то вот они:

1. Руководство. Постановка работы со студентами на кафедре астрофизики меня не удовле-

творяла совершенно: безалаберность, самотек, забывчивость. Все они там, конечно, большие ученые, но преподаватели, *учителя* — хреновые. На звездной же я взял работу у Т. А. Агекяна, достаточно крупного ученого (хотя и не такого, как Соболев или Мельников) и прекрасного, внимательного руководителя.

2. Несколько более туманные, романтические соображения. Меня поразили две фразы, брошенные моими учителями:

a) Огородников: «Звездная астрономия — наука, изучающая Вселенную в максимально достижимых масштабах» (отсюда — уже работает фантазия — гигантские тяготеющие массы, чудовищные расстояния, тайна строения Метагалактики, мост в общую теорию относительности).

b) Агекян: «Нам еще очень немного известно о метагалактических туманностях. Кроме того, этим вопросом в основном занимаются иностранные обсерватории. У нас в СССР этим почти никто не занимается». (А я хочу заняться. Моя давнишняя мечта. Теперь буду исподволь готовиться, подбирать литературу, читать, расспрашивать.)

Осталось мало бумаги, но я обязательно должен еще: во-первых, изложить содержание одного доклада, из-за которого я не писал тебе так долго

— ждал, пока прослушаю, и во-вторых, написать одну песенку, которую сразу вспомнил, прочтя твое: «Паруса крепите, б...» и пометку — «Какая экспрессия». Итак:

1. Вчера в субботу 21.11.1953 г. в помещении фотометрической лаборатории состоялось заседание семинара по планетоведению, где был зачитан доклад: «Спектральные исследования атмосферы Венеры». Это был итог весенне-осенних исследований, произведенных в Крыму доктором ф.-м. наук Н. А. Козыревым — довольно крупным советским астрофизиком-планетоведом, уже известным мне своими работами по строению Юпитера и Сатурна (это он открыл, что Юпитер еще звезда!) и по строению звезд (кроме того, это папаша моего очень хорошего товарища Сашки Козырева, и человек в высшей степени интересный и необычный). Козырев провел первые в СССР, и первые, принесшие удачу, в мире спектральные исследования Венеры и, применяя очень любопытную методику и т. д., получил следующие конкретные результаты и сделал следующие выводы:

a. Открыл в атмосфере Венеры несомненные следы азота.

b. Открыл присутствие какой-то странной

одноатомной молекулы, производящей сильнейшее поглощение в синих лучах. Отождествить эту молекулу пока не удалось.

с. Показал, что Венера очень сильно отражает красные и желтые лучи и очень сильно поглощает в синих и фиолетовых лучах.

Путем ряда расчетов, исходя из вышеизложенного, а также опираясь на работы Росса, Адамса и др. по исслед. содержания CO_2 в атмосфере ♀ Козырев строит следующую модель атмосферы ♀:

[Рисунок — слои Венеры, справа — описание.]

Венерианская стратосфера — тонкий слой разреженного газа — CO_2, N_2, N_2^+. Эффективная температура (—90 °С).

Тропосфера. Слой 10–20 км. Гигантские облака (красно-рыжие), состоящие из капель сконденсированного вещ-ва неизв. происхождения (эта самая таинственная молекула). Здесь поглощается всё излучение Солнца, здесь делается «погода». Температура до +30 °С.

Изотермический слой. Сюда не достигает ни один луч света. Температура порядка +30 °С. Вечная тьма, тишь, очень слабые колебания температуры для данной широты. Жара на экваторе, холод — на полюсах (если считать, что ось Венеры так же (приблизительно) наклонена как и у

Земли, что, кажется, подтвержд.).

Так то-с! Вот тебе и «Страна Багровых Туч». На днях пойду к Сашке и как следует, поподробнее изучу эту рукопись.

<...>

Младший брат развлекается, занимается наукой (астрономией — о чем в школьные годы мечтал АН). Старший — «снимает остатки», отправляется в командировку, читает лекции... Без малого восемь тысяч километров между ними. Но по-прежнему их объединяет желание писать, сочинять и — что, может быть, в этот момент наиболее важно — обмениваться планами на будущее и рассуждать о написанном.

1954

И вот, только читатель начал привыкать, что уже попадаются и сохранившиеся письма БНа, как переписка исчезает вообще. На целый год.

Конечно, переписка не прерывалась. Братья продолжали друг другу писать. Так же часто. Так же подробно. Но писем за этот год не сохранилось вообще.

Из: БНС. Без напарника

Аркадий всегда был человеком необычайно увлекающимся, энергичным, что называется — «заводным». Мир для него с детства был исполнен загадок, тайн, сверкающих истин, и никакие, самые жуткие, условия жизни не способны были отбить у него эту жажду искать и знать. Вот представьте: загнали его служить на край света — Петропавловск-Камчатский, воинская часть, рубеж сороковых-пятидесятых, мертвый, совершенно купринский мир — скука, пьянство, жизнь в землянке, никаких развлечений, никакой работы — он дивизионный переводчик с японского, но японцев поблизости нет и не

предвидится... (Потом, правда, его откомандировали в распоряжение пограничников, и работа нашлась — допрашивать рыбаков, попавших в наши территориальные воды, — но это уже годы спустя, в конце службы.) И вот там, в этом богом забытом мире, сидит в своей землянке лейтенант Стругацкий и при свете керосиновой лампы самозабвенно изучает теорию отражения — по Ленину и по Тодору Павлову! А какие свирепые письма он мне оттуда писал — требовал информации, больше, новейшей, самой подробной, по астрономии (я стал уже студентом тогда), по физике, и что нового в литературе, особенно в фантастике, и какие новые песни сейчас поют, и какие читают новые стихи...

Сам же БН в это время вел студенческую жизнь. Обычную студенческую жизнь. Как все.

Из: БНС: «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое»

Споры с друзьями-студентами. Компания ребят — очень умненьких, очень начитанных, очень интеллигентных... Полные идиоты! (Поскольку речь идет о политике.) «Если вдруг заболеет товарищ Сталин, — говорили мы друг другу, покачиваясь со стаканом, как сейчас помню, хереса в

руке, — что важнее? Здоровье товарища Сталина или моя жизнь?» И это — на полном серьезе! Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль шутить на такую тему, могли бы просто побить. Один только среди нас был умный человек — потому, наверное, что его родители были неизвестно где. (Странные такие родители — они как бы и были и, в то же время, их как бы и не было.) Он-то все понимал и не уставал повторять: «Ну что ты вопишь, как больной слон? Тише! Что вы орете на весь Ломанский! Тиш-ш-ше!..» (Отчетливо помню, я был уверен: он просто боится, чтобы мы своим ором не беспокоили сварливых соседей за стеной.)

И даже получал вот такие письма:

Письмо БНу от соседки

Борис!

Я прошу вас после 12 часов ночи не нарушать тишину в квартире, т. к. я работаю и не могу из-за вашего поведения уснуть. Вы же со своей компанией ведете себя недостойно образованному и культурному человеку: крики, возня, карты...

Это предупреждение, а на будущее я сообщу куда следует. Думаю, что до этого не следует доходить.

Анна Захаровна
Спорили студенты и пели песни...

БНС. Офлайн-интервью 04.10.02

Я же в молодости баловался стихами активно, предпочитая романтические или неприличные песенки для пения под гитару. Тогда ведь (конец 40-х, начало 50-х) не было ни Высоцкого, ни Окуджавы, ни Кима — приходилось сочинять самим.
Прохаживались по родному городу...

БНС. Офлайн-интервью 09.10.00

Я живу (всю свою жизнь) в Петербурге (Ленинграде). Гулять не люблю. Хотя в молодости любил: любимый маршрут был — по набережной, мимо здания Военно-медицинской академии, через Литейный мост, снова по набережной до Троицкого (Кировского) моста, и обратно — мимо Дома Политкаторжан, до Сампсониевского (Свободы) моста, по Финляндскому проспекту (самому короткому проспекту Питера) и — домой.
БН даже занимался спортом:

БНС. Офлайн-интервью 07.06.04

Я же, наоборот, от природы был мальчик хилый и золотушный, но при этом к спорту довольно способный. В седьмом классе физрук Иван Иванович, царство ему небесное, приохотил меня к спортивной гимнастике, и всю свою молодость я чем-нибудь обязательно и с охотой занимался: гимнастикой, волейболом, настольным теннисом. Впрочем, достижения мои были, прямо скажем, скромны — третий разряд, и ни на чуток больше.

В архиве сохранился «Классификационный билет спортсмена», выданный БНу. Зарегистрирован в коллективе физкультуры «Спортивный клуб ЛГУ», где записано, что 5 ноября 51-го года БНу присвоен третий спортивный разряд по гимнастике. И еще — удостоверение ГТО от 13 июля 51-го.

Летом же БН, как и все студенты, отправился на летнюю практику. На этот раз — в Абастумани.

Из архива. План производственной практики студ. 5-го курса ЛГУ, командированных в Абастуманск. обс. (июль–август 1954 г.)

I. Общее ознакомление с работами обсерватории Абастумани (2–3 дня).

II. Работы по определению избытков цвета звезд в избранных площадках неба:

1) Наблюдения.....7–10 дн.

2) Измерения.....

3) Обработка.....7–10 дн.

III. Работы по определению цветовых показателей галактик:

1) Наблюдения.....5–7 дн.

2) Измерения.....

3) Обработка.....7–10 дн.

IV. Работы по определению спектральных параллаксов звезд: (10–15 дней)

V. Работы по определению фотоэлектрических величин звезд:

1) Наблюдения.....3–5 дн.

2) Обработка.....5–7 дн.

VI. Определение положений малых планет:

1) Наблюдения.....2–3 дн.

2) Измерения и обработка. 3–5 дн.

VII. Ознакомление с некоторыми теоретически-

ми работами по звездной статистике.

(5–7 дней)

Составленная программа работ имеет лишь приблизительный характер, соответствующий общему направлению работ на Абастуманской обсерватории в области звездной астрономии и астрофотографии.

Каждый из студентов имеет право, согласовав с дирекцией Абастуманской обсерватории, определить большее время на одни работы и меньшее на другие в связи с тем, чтобы по возможности иметь на будущий год материал для дипломных работ.

Студенты обязаны по прошествии 2–3 недель с начала практики сообщить в ЛГУ проф. Дейчу А. Н. свои общие итоги работы по производственной практике для совета и дальнейшего согласования. Адрес: Комарово Финляндской ЖД, 2-я Дачная, д. 5.

БН рассказывает:

БНС. Офлайн-интервью 19.07.01

Вы — выпускник именно АО. А следовательно, должны были проходить астрометрическую практику. И в связи с этим у меня возник вопрос:

не навеян ли эпизод с «Великим кодированием» в книге «Полдень, XXII век» этой самой практикой?

У меня об этой самой астрометрической практике сохранились самые теплые воспоминания: ясная сентябрьская ночь, любимая девушка рядом, хронометр-тринадцатибойщик, метод Цингера... Отрывочные, неясные, но явно милые воспоминания — абсолютно ничего общего с «великим кодированием».

Из: Беседа БНС с «люденами», 7 мая 2002 г.

Я, правда, лазал по скалам. У меня был приятель, знакомый, с Красноярских столбов. Когда мы были вместе с ним в командировке, в Абастумани, он гонял меня там по отвесным стенам, но без всякой пользы. Я ничего, кроме страха, там не приобрел. В один прекрасный момент я залез на скалу, а как слезть с нее — я не знал. Вверх дороги не было — для меня. Для него была, для меня нет. А вниз — там уже метров пятьдесят... И вот он меня спускал.

В архиве сохранились некоторые записи студенческих времен БНа. Это различные астрономические расчеты («Спектрограф Кучерова... фокус колимат. ...фокус камеры... наклон...»,

«Отражательная способность листьев разных ярусов» — явное свидетельство работы для Тихова), вручную начерченные таблицы («Стандартный спектрограф № 2»)... И стихи — пробы, черновики:

Выпьем за ракету179,

За нашу планету,

Выпьем за [«фантастики размах» — вычеркнуто] космический полет...

[сбоку, вероятно, рифма: «кювету»]

Вышибаем пробку,

Подымаем стопку

За удачу, песню и за смех.

Выпьем за рефлектор,

За дублетный спектр,

За родной далекий наш матмех.

Помним [«пыль и» — вычеркнуто] соль Арала,

[«Снег и лед» — вычеркнуто] Серый мох Ямала,

Снежные вершины и тайгу,

Синие просторы,

Облака и горы,

[«Вихри» — вычеркнуто] Пропасти, болота и пургу

[вычеркнуто: «Выпьем за кассету,

За нашу планету,

Выпьем за палатку и рюкзак»]

По путям-дорогам

Мы шагаем в ногу

Под палящим солнцем и в снегу

С рюкзаком набитым

Да с теодолитом

[Сбоку вариант: «С рюкзаком бывалым

Да с универсалом»]

Астропрактиканты ЛГУ.

Вышибаем пробку,

Подымаем стопку

За веселье, песню и за смех (за рефрактор, призму и бинокль),

За гранит науки,

За тюки и вьюки,

[Вычеркнуто: «Автотранспорт, счастье и успех»]

Пьем за ЛГУ и за матмех.

АН же продолжает служить.

Берникова Л. Из воспоминаний (пересказано составителем)

Лидия Алексеевна Берникова попала на Камчатку по контракту (вербовке) и сперва работала на севере полуострова экономистом рыбодобывающего предприятия. Потом ей было предложено перейти на работу в Петропавловск-Камчатский. Там она вышла замуж за военного, майора Берникова Германа Леонидовича. Часто слышала от него «Вот наш Аркаша...», «Аркаша то...», «Аркаша сё...». Спросила мужа: «Что это за Аркаша такой?» — «Это у нас лейтенант такой есть, в разведотделе, очень умный парень, ленинградец».

Сын у Лидии Алексеевны родился, когда муж был на учениях, на десантировании. Вдобавок по обстоятельствам пришлось рожать дома, принимала роды хозяйка жилья, старая камчадалка, чуть ли не с царских времен жившая там. Роды были тяжелыми. На следующий день, когда она была еще совершенно без сил, хозяйка сообщила, что к ней пришел какой-то военный. Входит высокий человек и говорит: «Я сослуживец вашего мужа. Слышал, вас можно поздравить с прибылью?» — «Если это прибыль, то да, можно». — «Я

сейчас вернусь». И ушел. Приходит через минут сорок, приносит огромный букет роз — и где он только раздобыл его? — и торт. И еще навещал несколько раз. Потом вернулся с учений муж, ЛА ему рассказывает. А тот: «Ну конечно, это был Аркаша!»

АН был совершенно необыкновенный. Внимательный, очень много знающий. Считался незаменимым специалистом. Имел квалификацию военного специалиста японского языка 1-го класса, китайского — 1-го класса и английского — 2-го класса. Часто ездил как переводчик по командировкам, чуть ли не половину времени проводил в них.

Из сослуживцев своего супруга и АНа Лидия Алексеевна помнит Чайкина, Острецова, Мокшанова. Очень тепло отзывается о Викторе Строкулеве. Веселый, активный, энергичный, пробивной. Куча знакомых повсюду. Любил делать сюрпризы. Мог на мотоцикле за ночь смотаться в Мильково180 и рано утром оставить у дверей свежие помидоры — предмет роскоши на Камчатке.

И еще некоторые подробности той жизни. Письма шли на Камчатку: авиа — неделю, простые — три-четыре недели. Поезд Москва—Владиво-

сток шел 15 дней. Самолет Москва—Петропавловск летел 4 дня со многими остановками и ночевками. Центральная пресса печаталась в Петропавловске, передавалась фототелеграфом.

Из: Прашкевич Г. Человек эпохи

Аркадий Натанович знал Камчатку, знал острова.

Не раз допрашивал захваченных погранцами японских браконьеров.

Рассказал, как однажды выбросили его группу на остров Алаид. Остались у него и у двух погранцов четыре ящика с продуктами. Когда открыли, выяснилось, что во всех четырех — сливочное масло, причем прогорклое. А кругом океан, с Куро-Сиво несет туманом. Сладкий ад, острова, территория греха, юность.

<...>

И сам вспоминал странные вещи. Например, японских браконьеров — у них на куртках висели комсомольские значки. Для красоты и на всякий случай. И как добывал спирт у вертолетчиков в Петропавловске-Камчатском. Система антиобледенения вертолетов работает на чистом спирту, ужас, как много пропадает качественного товара!

Полоцк И. О пользе иностранных языков

В свое время рассказчик, поведав мне эту историю, высказал пожелание, чтобы при его жизни на русском языке она не появлялась. И рассказ был опубликован... на латышском. Теперь настало время перевести его обратно. Рассказчика звали Аркадий Стругацкий.

Ты знаешь, что такое эрликон? Правильно: авиационная пушка. И что у нее четыре ствола, тоже знаешь? Молодец! А ты палил из всех ее четырех стволов по людям? Так, чтобы ошметки в воздух летели? Нет? Ну, тогда ты многого в жизни не видел...

...Тогда мне было двадцать шесть лет, и я был единственным знатоком японского языка на полторы тысячи километров в округе. До сих пор не представляю, зачем я был нужен в том отдаленном камчатском гарнизоне, ибо поездка на Хоккайдо мне явно не светила — во всяком случае, в этом столетии. Понять сию ситуацию не мог даже начальник гарнизона и, чтобы хоть чем-то занять меня, возложил на мои лейтенантские плечи обязанности начальника химической защиты. То был благородный жест с его стороны:

он алкал духовной пищи, и я удовлетворял его возвышенные стремления, рассказывая ему о нежной Сей-Сёнагон и ее «Записках от изголовья» и водяных Рюноске. Думаю, что этот высокий пост я получил как оценку своего интеллектуального потенциала. Он означал, что у меня было вдоволь спирта и куча свободного времени. После проверки наличия противогазов и исправности системы громкого оповещения мне оставалось только пить, что я не без удовольствия и делал.

Собутыльники у меня были отменные, но, чтобы не отвлекаться, сейчас рассказывать о них не буду.

Как-то утром просыпаюсь я у себя в землянке. Шли пятидесятые годы, и о таких глупостях, как бытовые удобства, не приходилось и мечтать. Мы знали — и если кто-то забывал, то ему каждый второй день вбивали в голову — что мы стоим на передовом посту охраны нашего социалистического отечества и что враг не дремлет. В то утро я спал крепким здоровым сном молодого офицера, нимало не заботясь, бодрствует ли враг или нет. Впрочем, мы и во сне стояли на вахте. Так что, когда меня разбудили, я, еще не открывая глаз, сразу же попал в сапоги, успев даже намотать портянки, а выпрямляясь, уже затягивал ремень.

— Командир зовет, — сказал вестовой.

— Что за дела? — по пути спросил я.

— Не знаю, — услышал я в ответ. — Сказано было, чтобы шел побыстрее.

Явившись, я отрапортовал о прибытии. Рядом с начальством сидел незнакомый капитан, который оценивающе посмотрел на меня. Это мне не понравилось.

— Говорят, что вы японский знаете, — сказал он.

— Так точно, — ответил я.

— Что кончали?

— Институт военных переводчиков, — доложил я и хотел добавить «с вашего разрешения», но воздержался, потому что в армии, случалось, шуток не понимали.

— Насколько хорошо знаете язык? — последовал еще один вопрос.

— Прилично, — смело ответил я, зная, что все равно экзаменовать меня никто не будет.

— Годится, — сказал капитан и добавил: — Собирайтесь!

— Слушаюсь, — сказал я и, повернувшись кругом, услышал, как он мне в спину сказал:

— Много барахла с собой не берите, вас обеспечат.

«Это что-то новенькое, — подумалось мне. — Куда же меня — в Японию, что ли? В логово зверя?»

Через пару часов я, расставшись со своей землянкой, оказался в районном центре, где прямиком направился в штаб дивизии. Толком я так ничего не понимал, кроме того, что погода отвратная, что сапоги у меня по самые ушки в грязи и что неплохо было бы простирнуть подворотничок.

Долго ждать решения своей судьбы мне не пришлось. Командир дивизии пожал мне руку и сообщил, что я поступаю в полное распоряжение «вот этого товарища». Только сейчас я заметил, что за столом сидит какой-то неприметный майор: он был лысоват, с курносым носом и хитроватыми глазками.

— Пошли, лейтенант, со мной, — сказал он и, проведя меня в какую-то комнатку, внимательно посмотрел на меня, после чего вынул из шкафчика початую бутылку спирта и налил мне щербатый стаканчик. — Взбодрись! — чутко уловив мое состояние, приказал он.

Взбодрившись, я осведомился, не работает ли товарищ майор по совместительству и добрым волшебником — что-то в его поведении подсказало мне, что я мог позволить себе такую

вольность.

— Хм, — сказал он, — свои догадки по этому поводу ты выложишь несколько погодя. — Последние его слова тут же отбили у меня охоту ерничать, и я понял, что все время, пока буду находиться в его распоряжении, должен буду слушаться его, если не как господа бога, то как полномочного представителя на земле.

Тут же стало ясно, что мой временный начальник — весьма деловой человек. Критически осмотрев мою шинель с измазанными грязью полами, он приказал ее скинуть и вручил мне короткую куртку на коже. Пока я ее примерял, он вытащил из шкафчика короткий десантный автомат и подтянул ремень, чтобы он у меня не болтался, а аккуратно лежал под рукой.

— А теперь, лейтенант, — сказал он, — знаешь, чем нам предстоит заняться?

— Никак нет, товарищ майор! — бодро отрапортовал я.

— Да брось ты это титулование, — поморщился он. — Можешь звать меня Серафимом Николаевичем. Или дядей Симом. Значит, начнем с того, что пару часиков поспим.

Как-то неудобно стоять, когда начальник предлагает прилечь. Подложив куртку под голову, я

послушно вытянул ноги, ни черта не понимая, что происходит.

Ну, хорошо — допустим, меня вызвали на курсы повышения квалификации начальников службы химической защиты — это я еще могу понять. Но почему в такой спешке? Что за странные вопросы о знании японского? При чем тут этот майор, типичный тыловик? И автомат еще какой-то... Мы что, собираемся отбить у соседней части груз мороженой свинины, создав при том впечатление, что напали самураи — банзай! Так ведь, если попадешься, бандиты из спецотдела пристрелят на месте...

Когда я открыл глаза, майор уже был в полной боевой готовности — в такой же куртке и с автоматом под мышкой.

— Давай, давай, — поднял он меня и серьезно добавил: — Развалился тут себе, и не добудишься.

Уже смеркалось, когда мы двинулись в сторону порта. Я понял, что нам предстоит отправиться на материк на грузовом судне, потому что мимо военной гавани мы прошли, даже не глянув в ее сторону, но окончательно перестал что-либо понимать, когда мы не остановились и у торгового порта. Тропка становилась все уже, извиваясь

между непросыхающих луж и груд щебенки.

— Не споткнись, — сказал майор, ныряя куда-то вниз. Я последовал за ним и, едва не пропахав задом по земле, стал опускаться по крутой тропе, которая вела до уреза воды, исчезая на берегу маленького заливчика, который сверху было и не приметить. На его глади болталось сооружение, которого раньше видеть мне не приходилось: низко сидящее на воде почти круглое судно; над палубой, заваленной мотками канатов, возвышалась небольшая рубка, а на корме стояла закрытая брезентом какая-то штука, весьма смахивающая на орудие.

— Привет, майор, — сказал какой-то замурзанный мужик, вынырнув из дырки на палубе. — Я уже заждался. А это кто с тобой?

— Привет, боцман, — ответил майор, он же дядя Сима. — Ожидание кончилось, запускай двигун. А это... ну, скажем, наш помощник.

Боцман деловито смерил меня взглядом с головы до ног и осведомился, как у меня обстоит дело с рвотными спазмами. Я ответил, что до сих пор бог миловал, на что мой собеседник хмыкнул и сказал, что на этом корыте самого господа бога (так он выразился) вывернет наизнанку.

Мы спустились в узкую каютку, где майор по-

казал мне лавочку шириной в два спичечных коробка и предложил устраиваться «как дома». Я по-прежнему ничего не понимал, ровным счетом ничего, кроме того, что спрашивать не имеет смысла — так и так я буду оставаться в неведении до последней минуты, а когда эта минута придет, я буду знать только то, что мне сочтут нужным сказать, и ни капли больше.

— Значит, по-японски тянешь? — спросил майор, с кряхтением стягивая сапоги.

— Тяну, — согласился я.

— Ну, скажи что-нибудь, — попросил он.

— Чего прикажете? — с нажимом осведомился я, ибо в армии, особенно младшие офицеры, терпеть не могут таких неопределенных полуприказов-полупожеланий.

— А что хочешь. Ну, например... а за окном хорошая погода, мне месяц светит прямо с небосвода. Можно не в рифму.

— Пожалуйста, — выдал я заказ. — Чистый спокойный свет льет с неба луна, с горных вершин летит ветерок. Примерно так. — Естественно, по-японски.

— Годится, — с удовлетворением сказал майор и снова закряхтел, стаскивая второй сапог. — Словом, так, лейтенант, — теперь он говорил

серьезно, — скоро мы встретим одного человека. Как скоро, сказать не могу. Это зависит от погоды и от нашего боцмана. Времени у нас будет... ну, скажем, не очень много. Твоя задача — сразу же выслушать, что он скажет. Выслушать и зафиксировать. Слово в слово. И тут же сообщить мне. Задание ясно?

— Ясно, — ответил я.

— А теперь ложись и спи. Когда надо будет, я тебя подниму.

Ничего себе ситуация. К начальству, к его приказам и повелениям я всегда относился не без юмора, чтобы не сказать больше, но старался без нужды с ним не спорить, помня старую пословицу, чем кончается попытка плевать против ветра. Но этому невидному лысоватому майору я подчинился без каких-либо возражений и когда он приказал спать, я заснул в мгновение ока. Потом уже, через много лет, я встретил персонажа, который мне напомнил Серафима Николаевича. Это был Сикорски. Чему я не удивился, узнав, что Стругацкий-старший служил в то же самое время недалеко от меня.

Не припомню, сколько я спал, загипнотизированный приказом этого чертового майора. Смутно припоминаю, как шлепались о борт вол-

ны и мерно рокотал двигатель, от которого по всему корпусу шла мелкая дрожь. Я проснулся от внезапно навалившейся тишины, с которой так хорошо знакомы все плавающие и путешествующие — смолк двигатель. Прибыли.

Продрав глаза, я вылез на палубу. Сквозь клочья тумана просматривалось какое-то каменистое побережье, но провалиться мне на месте, если я тогда соображал, куда нас занесло после ночного путешествия. Майор и боцман стояли у борта, опираясь на провисшие леера, и напряженно всматривались в даль.

— Рановато еще, — неопределенно сказал боцман.

— Вроде так, — согласился майор и посмотрел на светящийся циферблат своих часов. — Кузьмич, у тебя перекусить что-нибудь найдется?

— А как же, Серафим Николаевич, — с готовностью отозвался боцман. — Не без этого. Внизу уже все готово.

Мы еле разместились в судовом камбузе — если позволительно столь высокопарно называть крохотный закуток рядом с каютой — сидя чуть ли не на коленях друг у друга. Я уже нацелился на горячую дымящуюся кашу с подливкой, как внезапно майор насторожился и отложил ложку.

— Пожалуй, не стоит, — сказал он. — Потом поедим. Что-то аппетита у меня нет.

Отложил ложку и я. В желудке похолодело, и его свело спазмой. Мне стало как-то не по себе. Хотя отсутствием аппетита я не страдал, но вспомнил советы бывалых людей, что если уж получишь пулю в живот, то лучше на пустой желудок.

— Что мне еще от тебя надо? — задумчиво сказал майор. — Так... Ты эрликон знаешь?

Еще бы мне его не знать. Маясь от безделья, я не раз заходил в учебный класс, чуть ли не половину которого занимала модель эрликона в натуральную величину. Разобрать и собрать его я, конечно, не смог бы, но зарядить, навести и вести огонь, примостившись на вращающемся сидении — это я мог бы сделать с закрытыми глазами, прошу прощения за шутку.

Я, естественно, не стал вдаваться в подробности и коротко ответил:

— Знаю, товарищ майор.

— Стрелял из него?

— Не доводилось.

— Может, и доведется. Так что готовься.

Мы помолчали.

— Время, — сказал майор. — Пошли наверх.

Мы снова выбрались на палубу. Наше суде-

нышко покачивалось на прибрежной зыби, и ее брызги долетали до наших сапог.

— Вот он, — спокойно сказал боцман. — Глянь, Николаевич.

— Где? — резко переспросил майор.

— А вон, бежит меж камней.

Майор вскинул бинокль, хотя и без оптики можно было разглядеть, как меж огромных валунов то появляется, то снова исчезает белая повязка на голове бегущего человека — видно было, что он ищет спуск к воде.

— К орудию, — тихо сказал майор и, то ли избавляясь от утренней стылости, то ли просто разминаясь, зябко повел плечами. — Кузьмич, подтащи-ка ему боезапас.

Пока я стаскивал брезент с четырех стволов эрликона и устраивался на дырчатом металлическом сидении, Кузьмич споро притащил откуда-то снизу два длинных деревянных ящика, в которых были сложены уже снаряженные ленты с удлиненными боезарядами с эрликона. Он пристроился со мной рядом.

Майор, едва не переваливаясь за борт, напряженно всматривался в затянутый полосами тумана берег, и наконец я, чуть скособочившись на сидении, увидел, что там происходит.

Человек с белой повязкой на голове, внимательно выбирая себе дорогу, бежал к воде, пока его преследователи, не тратя времени на поиски удобного пути, настигали его по пятам. До нас доносились приглушенные туманной пеленой звуки автоматных очередей.

— Отрезай! — крикнул майор, махнув мне рукой. — Отрезай их, не позволяй залечь!

Длинной очередью я отсек преследователей от беглеца, но сразу же понял, что имею дело отнюдь не с новичками. Они тут же поняли, что огонь ведется не столько на поражение, сколько отсечный. Часть из них залегла за камнями и стала поливать меня из автоматов, пока остальные продолжали преследование.

Попасть в меня было не так легко, но все же мне пришлось скорчиться на сидении, чтобы стать как можно меньше. На пару секунд я потерял цель, но за это время залегшие рванулись вперед, пока остальные прикрывали их огнем. Беглец слегка прихрамывал на ходу, то и дело скрываясь за камнями. Он толково использовал укрытия, но все же было видно, что пуля его не миновала.

— Шмаляй! — заорал майор. — Коси их! Коси! Кузьмич! Заряжай!

В горячке я не заметил, что отстрелял почти

всю ленту, и Кузьмич, сидя на корточках, ловко и споро вставил новую.

Беглец оказался почти у уреза воды, но теперь он был на открытом пространстве и преследователи, укрываясь за камнями, били по нему из всех стволов.

Майор что-то крикнул, но я не расслышал его из-за грохота всех стволов эрликона и звона вылетающих гильз. Я бил прямо по преследователям — они были в сероватых комбинезонах и шапочках с длинными козырьками — и видел, как в воздух взлетали ошметки их тел, разорванных огнем моих пушек.

Отчаянно матерясь, майор поспешно стягивал с себя штаны. Беглец, подтягиваясь на руках, полз к урезу воды; повязка на его голове стала ярко-красной.

— Держись! — рявкнул майор и исчез за бортом. Пловцом он был отменным — его голова, исчезнувшая под серыми волнами, вынырнула лишь в метре от неподвижно лежащего у воды человека; выкинувшись на берег, он рывком сдернул его за собой в воду. Но я не обращал на него внимания. Я сидел как петух на насесте, прячась от шквала пуль лишь за маленьким щитком, и единственным моим спасением было

держать берег под непрерывным обстрелом. Что я и делал, лишь краем глаза заметив, как майор вынырнул у борта, придерживаясь за него одной рукой, а другой таща за собой неподвижное тело человека, которому была устроена столь незабываемая встреча.

Кузьмич кинулся к нему на помощь, но майор уже карабкался на палубу.

— Заводи! — выдохнул он, распластавшись на настиле и подтягивая к себе обмякшее тело.

Не знаю, как у Кузьмича это получилось, но он в мгновение ока, как чертик в кукольном театре, провалился в машинное отделение, и в ту же секунду взревел двигатель. Только сейчас я понял, что это было за судно. На этой галоше стояли два авиационных двигателя, и мы, вертикально задрав нос и осев на корму, чуть ли не по воздуху вылетели из бухты. Так как в этом положении я оказался спиной к берегу, то сделал самое умное, что мог в данной ситуации: шлепнувшись на четвереньки, одним броском добрался до трапа и головой вперед нырнул в люк.

На моей лавке лежал спасенный. Сказать, что он был ранен, значило не сказать ничего. Его буквально изрешетило. Кровь из него хлестала ручьем, и мне показалось, что в ране на голове

я увидел беловатую поверхность мозга. Майор сидел на полу рядом с ним, переводя дыхание.

— Ну, лейтенант! — выдохнул он. — Пусть он заговорит. Заставь его говорить. Теперь все зависит от тебя, лейтенант! — На какое-то мгновение майор, казалось, потерял сознание, потому что его откинувшаяся голова стукнулась о переборку, но он тут же пришел в себя и, зажимая рукой раненое плечо, оказался со мной рядом.

Я склонился к человеку. Он что-то бормотал. Я наклонился к нему так низко, что почувствовал солоноватый запах его дыхания, и догадался, что так пахнет кровь, которая заливала его лицо и пузырями вздувалась на губах. Я старался уловить каждый звук, который он издавал, каждое слово. И внезапно понял, что ничего не могу разобрать. Ни одного слова. Мне показалось, что я схожу с ума. Фонетика была явно восточной, в этом я мог бы поклясться. НО Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЛ. ОН ГОВОРИЛ НЕ ПО-ЯПОНСКИ.

Повернувшись к майору, я только развел руками.

— Что? — впился он в меня взглядом. — Что он сказал?

— Он говорит, — ответил я, — но не по-японски.

Майор закрыл глаза и сел на пол.

— Слушай его, — настойчиво повторил он. — Слушай!

Я сидел рядом с ним и слушал, пока у человека, лежащего на лавке, не начались конвульсии, а на губах не стали вскипать и лопаться пузыри.

Сбросив скорость, в открытом море мы опустили его за борт. И пошли себе дальше.

Ходили слухи, что меня представили к Красной Звезде, но я ее так и не получил.

И не спрашивайте меня больше ни о чем. Я сам не знаю, по побережью какой страны я бил из эрликона.

Илан Полоцк по нашей просьбе прокомментировал свою публикацию.

В одну из моих встреч с АНС, году этак в 75-м, мне довелось услышать повествование, которое я передал в виде рассказа «О пользе иностранных языков» (потом уже, в книжке, он получил более броское название «Гремя огнем, сверкая блеском стали...») — не беру на себя смелость говорить, что это я написал его. Точнее, я записал текст.

Было очень приятно услышать, что это получилось «слово в слово». Никакого диктофона не было, я не делал никаких записей, и если уж говорить об «особом эмоциональном состоянии»,

то, скорее, оно было не у рассказчика, а у меня, и назвать его можно было обалдение. Аркадий полулежал на диванчике, я сидел у круглого (?) столика у окна. Начал рассказ Аркадий в спокойном повествовательном тоне, и я даже немного заскучал слушать рассказ о незамысловатом армейском быте. Лишь потом я понял, что это был специальный прием умелого потрясающего рассказчика. Когда мое внимание было усыплено, темп повествования начал убыстряться, а после вопроса: «Из эрликона стрелять умеешь?» я, вздрогнув, просто исчез с проспекта Вернадского, оказавшись в тех самых местах. Хотя, может, дело в том, что когда-то я плавал матросом-аквалангистом, предполагаю, именно в тех местах, и очень живо представлял себе место действия...

Была ли такая история в действительности и кто ее герои? У меня нет ответа ни на первый, ни на второй вопрос. Я нередко задавал их Аркадию, но он мастерски уходил от ответов. (Хотя, помнится, когда я просил разъяснений, кто такие Странники и «людены», он лаконично отвечал, что не знает. «Как? — удивлялся я. — Отец не знает, кто его дети?» «Да, вот так, — бывал ответ. — Не знаю и все».)

Но можно поразмышлять. Судя по тому, что

Аркадий долго запрещал мне его печатать, какая-то подоплека под этой историей была. Действие происходит в начале пятидесятых годов. Едва ли не самый горячий период холодной войны. В районе Лиепаи сбивают американскую летающую лодку «Каталина», которая «удалилась в сторону моря». Цель этой же лихой операции, как можно предположить, — взять на борт, спасти какого-то нашего резидента или разведчика, обладателя важнейших тайн. Таких, ради которых можно и третью мировую войну начать. Фактически ее и начал «майор Сикорски», открыв настильный огонь из эрликона по чужой территории. По какой конкретно? Может, по оконечности Южной Кореи. Не исключено, по самой Японии. Помню, что пологие северные берега Японии, рядом с которыми мы стояли, именно такие, как в рассказе.

Если это так, то можно понять, почему Аркадий лишь усмехался и отнекивался в ответ на мои расспросы, а также запрещал печатать рассказ. Начать третью мировую войну... это, ребята, срока давности не имеет.

Не без гордости хочу сказать, что рассказ вызвал и продолжает вызывать у читателей неподдельный интерес, хотя заслуга в этом сугубо Аркадия

Стругацкого.

Конечно, описанные именно в таком ключе события вряд ли имели место. (Взять лишь будто бы покрытое за несколько часов расстояние от Петропавловска до ближайшего чужого берега — а это свыше 1200 км, при том что запас хода небольшого суденышка никак не более 100–200 км.) И тем не менее следует сказать, что этот рассказ АН исполнял среди своих друзей неоднократно и всегда с особенным чувством. Вот что говорит об этом исполнении Олег Шестопалов, математик и эссеист, бывавший у АН: «Именно этот случай мне АН рассказывал. Только у автора все это выглядит веселовато, а на самом деле был ужас от происходящего, от майора этого и от полной невозмутимости боцмана. Полный мрак».

Творчество у АНа настолько плотно переплетается с жизнью, что отделить одно от другого весьма сложно. Сам АН вспоминал:

Из: АНС. В подвале у Романа

Биленкин: Правда ли, что все герои ваших произведений взяты из жизни?

А. Стругацкий: С самого начала наша деятельность была реакцией на нереалистичность

фантастической литературы, выдуманность героев. Перед нашими глазами — у меня, когда я был в армии, у Б. Н. в университете, потом в обсерватории — проходили люди, которые нам очень нравились. Прекрасные люди, попадавшие вместе с нами в различные ситуации. Даже в тяжелые ситуации. Помню, например, как меня забросили на остров Алаид — с четырьмя ящиками сливочного масла на десять дней. И без единого куска сахара и хлеба. Были ситуации и похуже, когда тесная компания из четырех-пяти человек вынуждена была жить длительное время в замкнутом пространстве. Вот тогда я впервые испытал на собственной шкуре все эти проблемы психологической совместимости. Достаточно было одного дрянного человека, чтобы испортить моральный климат маленького коллектива. Порой было совершенно невыносимо. Были и такие коллективы, когда мы заведомо знали, что имярек — плохой человек, но были к этому готовы и как-то его отстраняли. Я хочу сказать, что нам было с кого писать своих персонажей. И когда мы с братом начали работать, нам не приходилось изобретать героев с какими-то выдуманными чертами, они уже были готовы, они уже прошли в жизни на наших глазах, и мы просто помещали

их в соответствующие ситуации. Скажем, гоняться за японской шхуной на пограничном катере — дело достаточно рискованное. А почему бы не представить этих людей на космическом корабле? Ведь готовые характеры уже есть. Мы, если угодно, облегчили себе жизнь. Конечно, по ходу дела нам приходилось кое-что и изобретать. Но это не столько изобретения, сколько обобщение некоторых характерных черт, взятых у реальных людей и соединенных в один образ. Это обобщение и соединение остается нашим принципом, мы будем продолжать так и впредь, потому что принцип довольно плодотворный.

БН тоже вспоминал о том времени:

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы («Порог»)

В памяти моей сохранился только один разговор (с моей будущей женой), когда я впервые ясно сформулировал (в т. ч. и для себя) свою заветную мечту: ну, не роман, не повесть, — хотя бы рассказик маленький опубликовать! — и это было бы счастье. Думаю, разговор этот относится к году 54-му.

И поскольку здесь упоминается будущая жена — несколько фактов:

Из: Келлер Н. Борис Стругацкий: С уходом брата я стал другим

Мария Стругацкая:

Ее родители познакомились еще во время учебы в Военном институте иностранных языков (Аркадий Стругацкий изучал японский, Елена Ошанина — китайский. — *Авт.*), а расписались намного позже. Для обоих это был второй брак.

— Отец впервые женился перед выпуском в 1949-м. После этого отправился служить на Дальний Восток. Про его первую супругу знаю мало — она была дочерью генерала, ехать с ним к месту службы отказалась. Возможно, семья быстро распалась потому, что зять-полукровка (отец был наполовину еврей) не понравился тестю. В конце 40-х годов, на фоне борьбы с космополитизмом, начальство это не приветствовало...

Мама сразу влюбилась в отца. Когда их роман начался, он был лейтенантом, служил в Канске, не имел ни кола ни двора, а она — профессорская дочка. Мама поехала к нему в Канск, потом — на Камчатку. Когда дед отправлял маму на Дальний Восток, спросил: «Зачем тебе такой красивый муж? Может, лучше оставить его любовником?» Папа был красив и женщинам нравился.

Из: БНС. Интервью культового писателя Бориса Стругацкого газете «Кескус»

Не могли ли Вы рассказать историю знакомства с Вашими супругами? Как понял из одного Вашего интервью, это произошло после того, как Вы и Ваш брат были эвакуированы из Ленинграда.

— АНС познакомился со своей будущей женой Еленой Ильиничной (дочерью известного китаиста профессора Ошанина, главного редактора самого знаменитого китайско-русского словаря) в западносибирском городке Канске, где преподавал тогда в школе военных переводчиков. Случилось это в самом начале пятидесятых. А я примерно в это же время познакомился со своей будущей женой, Аделаидой Андреевной (дочерью боевого генерала Карпелюка, который командовал в те поры пехотным училищем в Череповце) на первом курсе матмеха ЛГУ, куда мы с ней поступили одновременно на отделение астрономии. Было все это, грубо говоря, через десять лет после начала блокады, так что эвакуация здесь, прямо скажем, ни при чем.

АН женился в 1954 году. БН — в 57-м. Мы уже писали в предисловии, что будем стараться избегать описания личных событий в жизни

АБС, касаясь их изредка и только «по делу» — насколько эти события отразились на творчестве. Решение было принято довольно давно — задолго до придумки серии «Неизвестные Стругацкие». И обусловлено оно было ответом БНа на вопрос С. Бондаренко в 1991 году. БН написал:

Жена — это, конечно, прежде всего друг, то есть человек, которому ты полностью вверяешь себя и он отвечает тебе тем же. Это — опора твоя, — в тех же пределах, в которых ты ее опора. Это последняя твоя линия обороны. Это последнее, что тебе изменит. Это ты сам, но в улучшенном варианте. Это совесть твоя и честь, но не такие, каковы они на самом деле, а такие, какими должны (по твоим представлениям) быть. Материализованный идеал...

Всё это довольно-таки высокопарно, но по сути верно. Человек устроен так, что не может быть своей собственной последней линией обороны. Это была бы слишком уж слабая линия. Человеку должно быть перед кем-то *совестно*. Должно быть еще что-то или еще кто-то рядом с тобой и лучше тебя, и в каком-то смысле важнее тебя. Это Бог. Но Бога, видимо, все-таки нет. Значит — друзья. И самый верный и стойкий из них — жена.

И это бывает. Редко, но бывает. Такой женой

была моя мать. Такой женой была и остается мне моя жена. И жена А. Н., насколько я могу судить об этом со стороны.

Что тут еще скажешь?

Иногда, конечно, письма будут касаться личной жизни АБС, но просим читателя постоянно иметь в виду, что все неудачи, все творческие передряги, все препоны на пути к опубликованию того или иного произведения АБС, все творческие кризисы, которые будут рассматриваться в этих книгах, ложились на плечи и этих трех женщин: матери и жен. И скажем им спасибо. Возможно, не будь у АБС этой опоры, они бы не выстояли и не стали тем, кем стали — писателем «Братья Стругацкие».

1955

Следующее письмо от АНа — уже из Хабаровска (подробности о переводе на другую службу — ниже).

Письмо Аркадия брату, 14 апреля 1955, Хабаровск — Л.

Здравствуйте, родные мои!

Жду — не дождусь, когда придет, наконец, приказ об увольнении. Увы, это от меня не зависит, и я теперь могу только желать и надеяться, чтобы он пришел скорее. Но еще месяца полтора, вероятно, придется подождать. Впрочем, помимо того, что я тоскую и томлюсь в ожидании, я еще и занимаюсь полезным делом, которое помогает мне не замечать времени. Я пишу. Моя новая повестишка — «Четвертое Царство» — она же «Фиолетовый газ» (он же лиловый) будет в полностью готовом виде числу к 22-му. Вещица небольшая, страниц на 30–40 книги небольшого формата, состоять будет из 5-ти глав, полторы из которых сделаны. В понедельник заканчиваю писать, два дня на печатание и — о, миг тревожный и блаженный! — в

редакцию. Конечно, могут и не напечатать, Тогда я пошлю ее тебе, Борис, ты исправишь и попробуешь толкнуть где-нибудь в Ленинграде. Затем я без передышки сажусь за следующую повесть, и так без конца, пока не вернусь. Неважно, что их не будут печатать злобные и тупые редакторы, главное — я вырабатываю свой стиль, привожу в порядок свои способности выражать мысли на бумаге. А вдруг из меня что-нибудь получится?

Кстати (к слову пришлось), что бы вы мне посоветовали делать дома? Чем заняться? Конечно, в военкомате мне предложат что-нибудь, но как вообще с перспективами работы? Мне почему-то кажется, что я не пропаду. А?

Ленуська мне пишет, и я ей, довольно часто. Мамочка, ты уж напиши ей пару слов, она в таком сейчас положении, а кроме того — очень тебя любит и уважает.

Я здоров и весел, только зудит всё, хочется, чтобы скорее, скорее... а оно очень медленно. Питаюсь хорошо. Мама, следи за здоровьем. Пока всё.

Обнимаю и целую вас, ваш Арк.

О тогдашних перспективах работы АН вспоминал:

Из: АБС. Между прошлым и будущим

А. Стругацкий: Мечты были совсем другие, господи! Борис Натанович, я совершенно уверен, рассчитывал стать крупным ученым в своей области. Я рассчитывал тоже стать заметной фигурой в исследовании средневековой японской литературы. Вот куда было направлено наше честолюбие!..

И наконец — желанное увольнение в запас. Учетно-послужную карточку АНа из Центрального архива Министерства обороны РФ в Подольске нам любезно предоставил Ант Скаландис.

Учетно-послужная карточка представляет собой лист плотной бумаги А4, согнутый пополам. Пункты 1–16 — первая страница, 17 и 18 — на развороте. Перед пунктом 17 вверху слева фото 3×4. Пункты 19–24 — последняя страница. Для удобства чтения графы таблиц представлены здесь в повествовательном виде.

Учетно-послужная карточка

Учтено
Карта № 199/27
Личное дело №

1. ФИО — Стругацкий Аркадий Натанович

2. Национальность — русский

3. Знание ин. языков — японский и английский со словарем

4. Родился — 28 августа 1925 года

5. Место рождения — г. Батуми

6. Социальное положение до призыва в ВС — учащийся

7. Партийность — член ВЛКСМ с 10.1942

Партийные взыскания и изменения партийности — Исключен из ВЛКСМ за морально-бытовое разложение, ПК при школе военных переводчиков восточных языков 17.01.52

8. Образование — Общее 9 классов в 1943 г.

Военное — Пех. училище в 1943 г.

Окончил в июле 1949 полный курс ВИИЯ

Политическое — нет

9. Служба в старой армии — нет

10. Служба в белогвардейской армии и в иностранных армиях — нет

11. Присвоение офицерского звания — Чей приказ — № приказа — Дата

Младший лейтенант — ГУК НКО181 — 03484 — 17.10.45

Лейтенант — ГУК ВС182 — 0116 — 19.10.48

Старший лейтенант — ВМ СССР183 — 0631 —

12.2.51

12. Участие в Отечественной войне — нет

13. Бытность в походах по защите СССР до Отечественной войны — нет

14. Был ли в плену, в окружении, когда, где и сколько времени (на находившихся в окружении графа заполняется только для выходивших из окружения не в составе своей части) — нет

15. Правительственные награды

Медаль «За победу над Германией»

16. Удостоверение личности — серия СН № 12370, серия РР № 06356

17. Откуда, когда и с какой должности вступил в ВС

Учащийся средней школы 28 января 1943 г. по призыву Ташлинского РВК Чкаловской обл.

18. Должность и место службы, часть, местонахождение — Чей приказ — № приказа — Число, месяц, год

Курсант 2-го Бердичевского пехотного училища — 1.43 — 5.43

Слушатель Военного института иностранных языков — ВИИЯ — 6.43

Окончил полный курс ВИИЯ 07.49 с Дипломом 2 факультета восточных языков — ГУК ВС — 0437 — 30.7.49

В распоряжение командующего войсками Восточно-Сибирского ВО184 — ГК СВВС185 — 02118 — 13.8.49

В распоряжение главкома СВ186 — ГУК ВС — 0442 — 3.8.49

В распоряжение УКСВ187 — УКСВ — 050 — 5.9.49

В распоряжение ком. войск. В. Сиб. ВО — УКСВ — 051 —3.9.49

Младший преподаватель кафедры яп. языка школы военных переводчиков восточных языков — В.-Сиб. ВО — 0330

Младший преподаватель цикла яп. языка школы военных переводчиков восточных языков — ГУКСА188 — 01398 — 13.10.51

В распоряжение командующего войсками ДВВО189 — ГУКСА — 0802 — 7.6.52

Военный переводчик штаба 255 сд — ДВВО — 0156 — 9.7.52

Переводчик 172 отд. радиопеленгаторного центра «ОСНАЗ»190 — ДВВО — 0462 — 30.6.54

Переводчик в/ч 52890 ДВВО — ГШ191 — 0767 — 2.11.54

Уволен в запас по ст. 59 п. «В» (по сокращению штатов) на учет во Фрунзенский РВК г. Ленинграда — ГУК — 0757 — 9.5.55

19. Ранения и контузии — нет

20. Ученое звание — нет

21. Ученая степень — нет

22. Был ли за границей — нет

23. Был ли осужден, когда, каким судебным органом, за что и насколько — нет

24. Семейное положение, фамилия, имя, отчество, год рождения жены, имена и годы рождения детей. Адрес семьи — холост[192]

Вероятно, увольняясь в запас, АН оставил собранную им в армии библиотеку.

БНС. Офлайн-интервью 13.08.02

В самом начале книги «Хромая судьба» есть упоминание о том, что одну из своих библиотек герой оставил на Сахалине «Паранайскому дому культуры». Почему именно Поронайск (так он правильно называется)? Это реальный факт из биографии авторов или «творческий домысел»? Интересно было бы попробовать отыскать следы той библиотеки.

Владимир Меньшиков. Южно-Сахалинск, Россия

Да, это было бы небезынтересно. Полагаю, сама возможность пребывания АНС в Поронайске вполне допустима — он служил на Дальнем Во-

стоке в начале 50-х. Что касается библиотеки... Наверное, и это тоже возможно. Хотя постоянным местом его службы был все-таки Петропавловск-Камчатский, а не Поронайск. К сожалению, я в свое время не заинтересовался достоверностью этого эпизода (это казалось абсолютно не существенным тогда), а сейчас вот и спросить не у кого.

Явилась ли служба в армии благом для будущей писательской деятельности АНа? Об этом вспоминает БН:

БНС. Офлайн-интервью 05.12.02

Также мне представляется интересным мнение АНС о влиянии такого института, как армия, на человека образованного и творческого. На мой взгляд, армия буквально обезьянивает человека.

Алексей, г. ОбречЕнный, Россия

АН не считал, что армия «обезьянивает» человека, он даже находил известные плюсы в армейской жизни. Впрочем, армия конца 40-х — начала 50-х отличалась, видимо, от нынешней. Вообще вся жизнь была другой. Среднему человеку в армии жилось легче, чем «на воле», а сейчас — наоборот.

Лето 55-го у АБС наполнено событиями. После

увольнения АН приезжает в Ленинград.

БНС. Вопросы и ответы

М: А почему Аркадий Натанович уехал в Москву? Из чисто деловых соображений?

БН: Что значит «он уехал в Москву»? Аркадий Натанович уехал на войну, а не в Москву.

М: Но он же после демобилизации, судя по вашим «Комментариям», приехал сначала сюда...

БН: После демобилизации он пытался здесь устроиться, но не смог найти работу. Жить было негде, он приехал с молодой женой и ребенком... Это было очень тяжело... У нас было две комнаты в коммунальной квартире, и там жить всем нам, впятером, было практически невозможно... Так что он здесь потыкался, потыкался и, ничего не найдя, уехал обратно в Москву, где была большая квартира, где был тесть — крупный ученый, где были какие-то перспективы, где он быстро нашел работу — в Институте Информации, как сейчас помню.

Появление АНа с супругой в Питере, споры с нею заставили БНа пересмотреть свои политические взгляды.

Из: БНС. Не стреляйте «Гадких лебедей»...

...У нас была компания школьных друзей, сохранившихся и в Университете, теперь я понимаю, что кое-кто из них был гораздо более умен, чем я, и куда лучше меня разбирался в ситуации, понимая, где правда, а где пропаганда, что можно, а чего нельзя. Но я-то был полный идиот!

— Вы не слишком резко себя оцениваете?

— Нет, не слишком. Мой полный идиотизм длился до самого Двадцатого съезда партии. Впрочем, кажется, нет — избавление от идиотизма началось несколько раньше, когда Аркадий Натанович женился на своей второй жене. Она была из семьи старинных русских интеллигентов, принявших русскую революцию от всего сердца, и по которым эта революция проехалась всеми колесами и гусеницами. Лена все знала, все понимала с самых ранних лет, во всем прекрасно разбиралась, всему знала цену. И она была первым человеком, который как-то поколебал мою идиотическую убежденность — еще до Двадцатого съезда. Я помню бешеные споры, которые у нас с ней происходили, с криками, с произнесением сильных слов и чуть ли не дракой. Помню, как Аркадий стоял между нами белый как бумага и

уговаривал: ребята, опомнитесь, бросьте, все это чепуха, ерунда, не обращайте внимания, давайте лучше выпьем... Но мы с Ленкой продолжали бешено орать друг на друга: Ленка кричала, что все они (большевики то есть, молотовы эти твои, кагановичи, ворошиловы) кровавые бандиты, а я кричал, что все они великие люди, народные герои... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию. Да и венгерские события были в том же самом году и тоже оказали свое воздействие.

— Сейчас, через сорок с лишним лет, подавление советскими войсками венгерского мятежа — общеизвестный факт. Но тогда это, видимо, воспринималось совсем иначе — тем более что источников альтернативной информации практически не было. Как вы это воспринимали?

— Дело в том, что веру в социализм и коммунизм мы сохраняли еще на протяжении многих лет! Мы довольно быстро — примерно к Двадцать второму съезду партии — поняли, что имеем дело с бандой жлобов и негодяев во главе страны. Но вера в правоту дела социализма и коммунизма

сохранялась у нас очень долго. Она постепенно таяла, растрачивалась на протяжении многих лет. «Оттепель» способствовала сохранению этой веры — нам казалось, что наконец наступило такое время, когда можно говорить правду, и многие уже говорят правду, и ничего им за это не бывает, страна становится честной, чистой... Этот процесс «эрозии убеждений» длился, наверное, до самых чешских событий 1968-го. Вот тогда и наступил конец всех иллюзий.

Но произошло этим летом еще одно немаловажное событие. АН и БН об этом вспоминают по-разному. Установить точную дату не представляется возможным, ибо и в письмах этого времени даты тоже «пляшут». Но об этом — ниже.

Из: АНС. Румата делает выбор

— Откровенно говоря, писать мы начали... на пари. В 1956[193] году, только демобилизовавшись из армии, в которой прослужил пятнадцать лет[194], я был у брата в Ленинграде. Помню, мы шли по Невскому и дружно ругали нашу фантастику. В тот год одновременно вышли четыре книги о полете на Венеру. И герои, и ситуации в них были настолько выспренны и однообразны,

что казалось, будто все эти книги написаны одним автором. Жена моя шла между нами и только крутила головой, слушая то одного, то другого. Наконец ей это надоело, и она сказала, что мы оба болтуны, только и умеем, что критиканствовать. Состоялось это оскорбление около Аничкова моста. И тут же мы приняли решение: а что, в самом деле. Так мы начали работу, и в скором времени появилась «Страна багровых туч». И хотя говорят, что женщины вдохновляют нас на великие дела, но никогда не дают их создать, к моей жене это не относится...

Из: БНС. Комментарии

Таким образом историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград. Мне кажется, что я даже помню, где это было: на Невском, близ Аничкова моста. Мы прогуливались там втроем, АН с БНом как обычно костерили современную фантастику за скуку, беззубость и сюжетную заскорузлость, а Ленка слушала, слушала, потом терпение ее иссякло, и она сказала: «Если вы так хорошо знаете, как надо писать, почему же сами не напишете, а только все грозитесь да хвастаетесь. Слабо?» И

пари тут же состоялось.

Из: БНС. Интервью культового писателя Бориса Стругацкого газете «Кескус»

Во многих интервью Вы говорите, что свое первое произведение написали на спор. Хотелось бы знать, кто этот человек, которого мир должен благодарить за рождение писателей А. и Б. Стругацких? И интересно, на что Вы спорили?

— Это совершенно реальная история. Спорили мы с женой АНа Еленой. И спор был — на бутылку шампанского. Спустя два года, когда роман был закончен, бутылка была проигравшей стороной выставлена и торжественно распита.

Кроме посещения АНом Ленинграда, у БНа летом происходят еще два важных события. Он оканчивает университет и поступает в аспирантуру.

Из: БНС. Больной вопрос

В 1955 году, когда я заканчивал матмех того же Университета (краснодипломник, комсомолец, спортсмен и в каком-то смысле даже красавец), весенним ясным утром отозвал меня в сторонку мой приятель. «Ты в аспирантуру

собираешься? — спросил он. — При кафедре?» — «Да, — сказал я, уже предчувствуя недоброе. — Сказали, что возьмут». — «Не возьмут, — отрезал он. — И не надейся». — «А ты откуда знаешь?» — «Случайно подслушал. В деканате». — «Но почему?!!» — возопил я (краснодипломник, комсомолец и почетнодосочник). «Потому что — еврей», — это прозвучало, как приговор. Это и было приговором.

<...>

В университетскую аспирантуру, на кафедру звездной астрономии, меня, действительно, так и не взяли. Но зато взяли в аспирантуру Пулковской обсерватории, причем, как я понял, это было совсем не просто: пришлось изыскивать какие-то скрытые возможности, преодолевать бюрократические рогатки... В чем же дело? Инструкция? Или частная неприязнь какого-нибудь университетского кадровика?

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

— Я и сам хорошо помню эти события — мне было тринадцать лет, я перешел в седьмой класс, и именно тогда у меня начался тот процесс, который у Вас закончился, — расставания с иллю-

зиями. Было лето, мы с родителями отдыхали на даче, время от времени родители слушали «Голос Америки» и «Би-би-си», где почти круглые сутки говорили о чешских событиях. И для меня было потрясением то, что по радио, оказывается, можно говорить прямо противоположное тому, что пишут в газетах!

— К тому, что такие противоположности могут быть, еще во время венгерских событий я относился достаточно спокойно. Я тогда вообще мало интересовался политикой. И выслушав очередную порцию вранья по советскому радио, мы с Аркадием Натановичем говорили друг другу: все врут, да ну их к черту, давай не будем никогда впутываться в эти дела. У нас свои проблемы, помощнее этих: Вселенная, Космос, Разум, вечное движение к истине... Я очень хорошо помню наш разговор на эту тему, мы были тогда еще очень далеки от текущей политики. Политизированность наступила позднее, где-то во времена Двадцать второго съезда и выноса Сталина из Мавзолея. К тому времени я был уже вполне политизированным человеком. Появились друзья, которых раньше не было, наладился контакт с молодыми писателями — совершенно другими людьми, с другим идеологическим багажом. В моей жизни

появились Миша Хейфец, Владлен Травинский (тогдашний ответственный секретарь журнала «Звезда»), великолепно ядовитый Илья Иосифович Варшавский, историк Вадим Борисович Вилинбахов и многие другие. Захватывающие беседы на политические темы сделали меня человеком политическим, чего раньше совсем не было. Вот вы заинтересовались какими-то политическими событиями в седьмом классе — а меня в седьмом классе такие вещи вообще бы не могли заинтересовать! Я был бесконечно далек от политики, она меня совершенно не интересовала, для меня худшего наказания, чем взять в руки газету, и представить было невозможно...

— Ну я-то тоже до чешских событий в газетах читал только спортивные новости...

— А я и спортивных новостей не читал! Вспоминаю вот сейчас замечательную историю о том, как я поступал в аспирантуру. Это очень хорошо характеризует мою прямо-таки патологическую аполитичность. Это был 55-й год, я сдавал экзамен по марксизму-ленинизму (всего экзаменов полагалось три). Теорию марксизма-ленинизма я знал блистательно, ответил так, что от зубов отскакивало, все было замечательно, экзаменаторы были очень довольны... Но вдруг одному из них

пришло в голову задать вопрос, который касался политики — текущей политики. Я уже не помню, какой был первый вопрос. Но что-то я, видимо, не так сказал, потому что мне задали второй вопрос — крайне легкий, по их мнению: скажите, пожалуйста, кто у нас первый секретарь ЦК КПСС?

— *Неужели Вы этого не знали?*

— Ответ мой полностью характеризует мое знание современной политики. «Ну, там их несколько, — сказал я. — Один из них, например, Микоян...» — «Ах, там их несколько? — сказали мне — А кто же еще?» — «Ну, Ворошилов, по-моему, один из них», — ответил я. — «Так-так...» — сказали мне... Потом был задан еще какой-то вопрос, на который я ответил примерно в том же духе, после чего один из экзаменаторов заявил: «Ну, знаете, товарищи, я просто не знаю, что и сказать». Меня попросили выйти, я с ужасным предчувствием вышел и думал, что вообще все завалил. Но все-таки они поставили мне трояк — я получил первую тройку в своей студенческой жизни...

— *Сразу вспоминается анекдот — «Бросить бы все к чертовой матери и уехать в этот Урюпинск...»*

— Теперь-то я понимаю, как я выглядел тогда!

Человек, который блестяще, «от сих до сих» и вдоль-поперек знает все основы марксизма — ленинизма, с цитатами из Ленина и всеми прочими онерами — и, оказывается, не знает, кто у нас первый секретарь!

Летом же датированы и два произведения АБС: повесть «Четвертое царство» — просто «лето 55-го», рассказ «Затерянный в толпе» — 24 августа. И еще один рассказ осенью: «Импровизатор» — 5 октября.

Но вернемся к АНу. Он уже в Москве.

Из: Келлер Н. Борис Стругацкий: с уходом брата я стал другим

Мария Стругацкая:

Когда отец демобилизовался, мама привела его в квартиру родителей в Москве. Дед принял зятя тепло — в институте Аркадий Стругацкий имел репутацию трудяги и способного человека. Папин стол поставили в кабинете деда. Там он работал и писал.

Вместе родители прожили почти сорок лет.

И вот письмо из Москвы в Ленинград. От АНа к БНу. Теперь Москва — уже постоянное место жительства.

Письмо Аркадия брату и матери, 19 ноября 1955, М. — Л.

Здравствуйте, родные мои!

События разворачиваются столь стремительно, что я не успевал присесть за письмо, и приходилось снова и снова трудиться для их развития в поте лица.

Первое и главное — меня вызвали в ИНИ195 и с поклоном пригласили поработать у них три месяца по договору с тем, чтобы не выпускать меня из рук. Оклад мой — 1350 р. С началом реорганизации ИНИ (в нач. января) я буду, по-видимому, взят в штат. И мало того: Аркадий Натанович, только недавно еще готовый смиренно трудиться за 830 р., теперь выражает недовольство (вместе со всеми своими сотрудниками, конечно) и требует повышения оклада. Сейчас этот вопрос рассматривается. Как я и ожидал, мне в Москве, в смысле работы, есть из чего выбирать. Тесть настаивает, чтобы я занялся научной деятельностью, и этого, вероятно, не миновать: в скором времени я сведу знакомство с нашими учено-японистскими кругами и буду выбирать тему для диссертации. Работать придется в области японской литературы. В общем, будущее более или

менее озарилось приятными розовыми тонами. Живем мы очень хорошо, дружно, Машка196 растет, сидит, кусается. Скоро зубов у нее будет несть числа. Я занимаюсь по вечерам в одной комнате с И. М.197, у меня свой стол и пр. Продолжаю брать переводы и рефераты, хотя это довольно трудно — работать после напряженного рабочего дня. В общем — ура! ура!

Пока всё. Крепко вас целую, милая мамуська и Боб.

Ваш всегда Арк.

Бобу: когда ты пришлешь то, что я просил тебя? И еще пришли мою попытку бытовой повести. Еще раз целую, Арк. Привет от Ошаниных и от Ленки.

Есть в архиве Авторов еще одно письмо, точно датировать которое непросто. Но сначала само письмо:

Письмо Бориса брату, май 1955 (?), Л. — (?)

Дорогой Аркаша!

Подозреваю, что ты уже успел проникнуться к своему брату величайшим презрением и может быть мысленно даже исключил его из числа концессионеров198. А между тем положение дел таково. Я через полторы недели сдаю диамат. Ра-

ботаю сейчас очень много. Экзамен ужасен — по слухам приблизительно 50 % сдающих обычно получают пары, 30 % — тройки, подавляющее большинство прочих — четверки и редкие единицы — пятерки. С ума они там все, надо думать, посходили. Трепещу. В том-то всё и дело, что трепещу. Конечно, у меня остается свободное время — я валяюсь на диване, курю, думаю, но писать ничего не могу. Видишь ли, ты тоже занят и наверное побольше меня, но ты к писанию обращаешься как к отдыху, чего обо мне сказать сейчас нельзя отнюдь. Ты уж меня не виновать, дай срок. Конечно, первые два срока я, вероятно, нарушу, но зато потом, после первого июня, когда у меня фактически целый месяц будет свободен, я изо всех сил возьмусь за дело — честное слово. Так что ты уж меня не отстраняй от должности, а коли уже похерил, то восстанови вновь — ей-ей буду работать, но чуть попозже.

План твой зачел и обсудил. О части третьей говорить пока не буду — рано. Скажу только, что, пожалуй, надо будет пофундаментальней эту часть обсосать — она самая выигрышная — добавить больше приключений понетривиальней. Но это — потом. Относительно части второй. По-моему, Арк, ты впал в обычную ошибку всех

авторов-межпланетчиков, когда предвкушаешь старательное обсасывание всевозможных технических подробностей, которые нужны читателю (по себе и прочим сужу), как цитаты из Маркса. Главный упор, по-моему, надо делать, во-первых, на психологию (не физиологию — всякие там штучки с организмом, хотя и это тоже можно — а именно психологию: переживания простака, впервые в жизни оторвавшегося от родимой земли; со смертной тоской и страхом, которого сам не понимаешь, с бессонницей, с локтекусанием и прочими аксессуарами); во-вторых, на всяким сортом приключения (ну, можно и метеоритные поля, и межпланетный СОС, и просачивание космических лучей, никем не предусмотренное, и куча рассказов бывалого пилота... больше не придумал ни хера). Полет будет длиться примерно трое-четверо суток (это подсчитал я); ракета, поднявшись с поверхности Земли, начнет с постоянным ускорением, равным ускорению силы тяжести на Земле, приближаться по кратчайшему пути к месту встречи с Венерой. При среднем расстоянии перелета 125 миллионов километров, через 1,29 суток она достигнет середины пути и начнет замедлять скорость с тем же ускорением. Еще через двое суток она будет около Венеры с

приблизительно нулевой скоростью. Максимально достигаемая скорость около 1000 км/сек. Все расчеты весьма приближенны, но дают порядок величины. И план может быть примерно таким:

Глава I (Первые сутки). Хлопоты по отлету. Ракета должна принять груз с ИС Луны. Экипаж занят. А. П. с двумя геологами таскаются по ракете, всем мешают и пристают, «чтобы им показали», пока капитан не посылает их к чертовой матери в каюту. Там они усаживаются, чувствуют себя очень ненужными и жалкими. Ведутся мрачноватые разговоры. Потом толчки, скрежет, беготня за стеной — все бледнеют: катастрофа. Ну, там пара каких-нибудь хохм. Оказывается, происходит переправление груза с небольшой ракетки с ИС Луны на «Хиус».

Всё под соусом критического остроумия А. П. Потом над ними сжаливаются, показывают Луну и Землю. Угнетающее зрелище. Все расходятся спать.

Глава II (Вторые сутки). А. П. просыпается и идет в кают-компанию. Завтрак. Все чувствуют себя прекрасно. Один из пилотов рассказывает какую-нибудь этакую легенду из развеселого бытия космонавтов («Летучий Голландец», или там жизнерадостную историю, как в метеорных

полях «наши сети притащили мертвеца»199 в скафандре — в общем зубодробительное что-нибудь; ведь это уже приблизительно пятидесятый год звездоплавания — наверняка есть и легенды, и хохмы, надо их только придумать). Потом неСпицын начинает «чертовски веселую историйку» о приключениях самаркандского милиционера, и в этот момент на стенах вспыхивают красные лампочки — индикаторы космического излучения. Паника. Появляется Краюхин, командует одеть спецскафандры, но таковых по растяпству не захватили — слишком уж это невероятное происшествие, проникновение космических лучей. Краюхин выражается, пожимает плечами и садится за стол пить чай. Сцена. Все явно ощущают, как в них врезаются протоны. «Еще минут пять — и конец» — замечает К., глядя на секундомер. Через две кошмарных минуты лампочки гаснут. Все успокаиваются, причем никто так и не понял, о конце чего или кого говорил К. Краюхин встает и уходит, увлекая с собой капитана и помощника. Через секунду врывается помощник и обнадеживающе сообщает, что по всему кораблю лампочки горят, а здесь, по-видимому, просто перегорели. Опять сцена. Что-нибудь вроде «Без морали», но в миниатюре и без особых эксцессов.

Наконец, лампочки гаснут везде. Все в холодном поту обращаются к чаю. Впоследствии оказывается, что это был громадный взрыв на Солнце, какие бывают в общем не так уж и редко. Мала вероятность только попасть в зону распространения лучей. До вечера развлекаются кто во что горазд, в основном пытаются подсчитать, какую дозу они схватили. Свободный от вахты пилот рассказывает превеселые вещи о людях, схвативших излучения сверх меры. Но — люди молодые, жизнерадостные, все постепенно приходят в себя, а Спицын сообщает, что бы он сделал с теми, кто взял в привычку описывать межпланетные перелеты, как полные увлекательнейших и безопасных приключений. За обедом все оживают, кроме капитана, у которого после разговора с Кр. пропал аппетит. Вечером радист сообщает, что он поймал сигнал о бедствии.

Глава III (Ночь и третьи сутки). В основном посвящена сигналу о бедствии. Где-то почему-то гибнет астроплан. Я этого не обдумал толком, но надо сделать так, чтобы они хотели, но совершенно не могли ему помочь. На тройку непилотов это действует дубинно. Ночью они не спят, а маются в коридоре, вспоминая, как хорошо было на Земле. Тут же краткая личная биография А. П. На

следующий последний день полета попадают в небольшой метеорный поток. Краткое описание антиметеорного устройства и того, что было бы с ними, если бы такового не было. Живописные примеры того же словоохотливого пилота. Все облегченно вздыхают, когда им сообщают о том, что полет близится к концу. Вид ИС из окна Хиуса. Подлетает такси. Высадка на такси. Пара хохом — кто-нибудь что-нибудь забывает, новички суетятся, Спицын острит, пилот рассказывает об одном своем знакомом — Дубинин, слыхали? — который забыл второпях одеть штаны под скафандр. Перелет на ИС.

Глава IV (На ИС). Столовая и вообще коротенькое описание ИС глазами А. П., коего влекут ужинать вместе с прочими. Знакомство с доктором-начальником экспедиции, славный парень, большой хохмач. За ужином разговоры о внутренних делах ИС — всякие мелкие сплетни, анекдоты. История о крысах, которые как-то попали на ИС, освоились там, о титанической борьбе с ними героических работников космоса. На другое утро совещание — доклад о положении дел с экспедицией. Официальные представления. Зачтение200 приказа о смещении начальника ИС. Завтра отлет.

Глава V (Над Венерой). А. П. осведомлен о всевозможных исходах посадки. Его размышления по этому поводу, прерываемые ощущением невесомости — ракета идет на снижение. Ну, там скалы и пр. В общем, ракета села в болото и погрузилась по пояс в дерьмо — выйти невозможно, потому что нижний и средний люк под поверхностью трясины, верхний люк завален полезным грузом — этим люком почти никогда не пользуются. Вообще болото на Венере — новость для всех, даже для старожилов. Несколько неприятных минут. Разгрузка верхних отсеков, люк открывают, и тотчас же вспыхивают индикаторы, прикрепленные к скафандрам, и все лампочки в верхнем отсеке — страшная радиация, совершенно непредвиденных размеров. Все удирают внутрь и устраивают военный совет. Это надо обсосать — т. е. военный совет — в общем, они отправляются в путь, решают рискнуть. Конец II части.

Вот и всё пока. Главная идея главы: показать, что полет в пространство — это не в бирюльки игра и таким образом подготовить читателя к ужасам Страны Багровых туч и поведение наших героев в условиях этой любвеобильной планеты.

Засим припадаю к стопам; брат Борька [подпись]

Привет всем и пожелания.

Всё назад пришли и не без замечаний.

Сомневался в датировке и сам БН, ибо поверх письма, гораздо позже, он написал: «б/даты (до 1.06) 1955? Или 1954?» И еще слова «после первого июня, когда у меня фактически целый месяц будет свободен» подчеркнуты, и сбоку на полях запись БНа: «Видимо, это все-таки 1955 год, госэкзамены, а в августе — экзамены в аспирантуру».

1954 — быть не может, ибо вплотную АБС занялись СБТ в 1956 году. 1955 — тоже, ибо тогда (в мае) АН как раз демобилизовался, и простой расчет по дням не дает возможности даже понять, куда было направлено это письмо, если бы было написано в 55-м. Но датировать это письмо 56-м годом мешает выпускной экзамен по диалектическому материализму — выпускался БН все же в 55-м.

Понять, 55-й или 56-й год, мешает и то, что переписка АБС опять имеет лакуну — до июля 56-го года писем не сохранилось. Причем в дате первого (июльского) своего письма БН тоже сомневается, но об этом — дальше.

1956

Двадцатый съезд КПСС состоялся в Москве 14–25 февраля 1956 г. БН вспоминает:

Из: БНС: «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое»

1956 год, XX Съезд. Слушаю радио, чешу репу и думаю в некоторой растерянности: да-а, а Ленка-то права!.. Впрочем, к этому моменту мне и так уже понятно, что она права, а я — зеленый идиотик. Вот он — первый, малый, перелом. «Малый» — потому что и пять лет спустя я всё еще зеленый идиотик, со слабыми только проблесками здравого смысла.

Летом АН вновь посещает Ленинград, а затем переписка между братьями возобновляется.

Письмо Аркадия брату, 6 июля 1956, М. — Л.

Дорогой Боб!

Если ты не забыл нашего уговора во время моего приезда в Ленинград, тебя не удивят эти листки. Мы (я и наши ребята, работающие над

словарем) ждем твоей помощи и помощи твоих товарищей.

Сейчас я расписываю для словаря японскую математическую энциклопедию. Мы имеем японское выражение и его перевод на английский язык. Но перевести с английского на русский эти термины мы не можем, а наши местные специалисты — дубоваты, не хочется с ними связываться. Вот я тебе и посылаю первую сотню на пробу. Желательно, чтобы ты выполнил работу скорее и на следующих условиях:

пишется (вписывается) русский термин по форме

..... power series — степенные ряды.

В третьей графе указана область, откуда взят этот термин.

2. Просьба не гадать, а давать точный термин. Если сомневаешься — поставь под вопросом.

3. Дай посмотреть Хавину, он в этом деле дока, да передай ему my best complements.

Значит, буду в надежде. Что касается вознаграждения, то (безнадежный жест) самое большее — увидишь свою фамилию в предисловии к словарю. Но уж, пожалуй, помоги бескорыстно, потрать время, это очень важно.

Теперь еще одно: ты что, вышел из компании

по нашей книге? Прикажешь считать себя автором-одиночкой, или как? Я уже написал шестую главу и начинаю седьмую. Всего в первой части восемь глав. Думаю, до конца июля часть закончить. Вот, пока всё.

Жму руку, твой Арк.

Следующее письмо датировано автором: «28.7.1955». В дате «55» подчеркнуто, и рядом стоят три вопросительных знака. И уже гораздо позже на этом же письме БН написал: «Судя по письму АНа от 31.07.56, БН ухитрился перепутать год. Данное письмо датируется, видимо, 28.07.56. С другой стороны, как успело оно дойти в Москву за 3 дня? Хорошо работала почта. Примечание 17.07.1997 год (41 год спустя)». Путаница в датах этого и предыдущего письма БНа сопровождается еще и тем, что оба письма напечатаны с помощью одной и той же пишущей машинки (и даже лента на них, кажется, одна и та же — «убитая», так что буквы еле-еле просматриваются).

Письмо Бориса брату, 28 июля 1956, Л. — М.

Дорогой Арк!

Согласно кондиций приступаю.

Общее впечатление. Отменное. Мне это в общем понравилось больше, чем то же самое у

любого другого писателя, исключая только Уэллса и Толстого. Заметь, у Беляева хуже! Может быть, потому что всё это мне как-то ближе, я сам представлял себе это примерно так. С художественной точки зрения пока обвинений предъявлять не намерен — надо обсосать предварительно. Некоторые главы написаны очень хорошо — последняя, например. Некоторые — довольно бледно (я понимаю, это не критическое замечание, а просто взгляд и нечто201, импрешнз, так сказать — надо обдумать). О содержании кое-что скажу ниже — здесь всё более конкретно. Лично мне кажется, что даже в таком виде это годится к печати, хотя считаю, что с чисто художественной точки зрения вторая глава «Пепла» или «Первые» были явно лучше.

Конкретные замечания по плану и содержанию.

(Сразу же примечание: все последующие замечания основаны исключительно почти на принципе: «А вот я бы э-э-э... сделал бы... э-э-э... не так...»)

а). Контра:

1. Часть перегружена техническими терминами и описаниями. Не говоря о том, что это, вообще говоря, снижает художественную цен-

ность произведения — это просто непонятно. Я более или менее разбираюсь в такого рода вещах, но сплошь и рядом я глядел в книгу как баран. Это жюльверновщина и притом дурного сорта — поверхностная жюльверновщина — и не понятно, и не объясняется. Убрать.

2. Совершенно (см. примечание!) неудовлетворителен образ Краюхина. Я чувствую — это тебя Ленка настрополила сделать из него обыкновеннейшего человека. А на самом деле это — герой Лондона и Верна! Гигант! Абсолютно нетривиальный, удивительно необычный, совершенно непонятный человек. Обыкновенного в нем только административная жестокость и принципиальность. На нем должен отдыхать взор читателя, утомленного техническими подробностями и описаниями красной Алексеевой рожи. [На полях рукописно: «Ведь и у Уэллса — даже у него! — был Гриффин наряду с миссис Холл202».] Это — символ всей повести, ее начало и конец, самый собирательный образ, в котором всё: жажда приключений, фанатизм, непрерывная будничная работа, подвиги, страшные тайны и пр. В повести он должен пройти мимоходом, а не торчать в каждой главе. Это — живая легенда, летопись всей эры космополетов — о нем часто

говорят, его имя упоминается на каждой странице, но самому ему делать на оных страницах в общем нечего. Так. Теперь утри холодный пот ярости и перечитай примечание.

3. Алексей какой-то не такой. Это, конечно, самая трудная и основная фигура, я понимаю. Сделать его чертовски тяжело. Сам я даже плохо представляю его, но то, что я представляю, — совсем не то, что у тебя. Какой-то он у тебя забитый, напуганный, робкий, чуть ли не заискивающий. Может быть, ты хотел сделать его таким — дело твое, но мне он не понравился в общем (иногда он хорош, последняя глава, испытание вездехода, разговор с Вяльцевым — но таких мест немного).

4. Совсем уже частная вещь: я не совсем согласен с составом экспедиции. Обязательно нужен радист. Мало того, чтобы каждый из них мог собрать радиомаяк — тогда от каждого можно требовать, чтобы он и вездеход мог водить. В экспедиции должен быть обязательно хоть один специалист по следующим отраслям знания: космонавтика, геология, радио, медицина, военное дело. Я мыслю экипаж «Хиуса» (кстати, почему — «Хиус»? Почему не «Умбракул, испещренный звездами»[203]?) в следующем составе: капитан-пилот, штурман-пилот-механик-радист,

геолог-начальник, геолог-биолог-врач, военспец-танкист-пустынник-барханник. Можно радиста отделить от штурмана. Кроме того, каждый из них знает элементы радиотехники, медицины и вождения вездехода. Обязательно!

б). Про:

1. Куча идей. Наметил общую нить развития действия. Главное, конечно, идеи.

2. См. 1. В общем, я устал барабанить. Что у тебя хорошо, ты и сам знаешь. Главное, что в общем — всё хорошо.

Знаешь, что замечательно? Очень часто мы думали просто параллельно. «Как аргонавты в старину»[204] я хотел сделать эпиграфом первой части. Один из членов экспедиции (правда, другой — не венерианской) читал у меня вслух капитанов[205]. Ты сам убедишься, что при описании ракетодрома у нас будут попадаться просто одинаковые фразы (если, правда, я не переделаю главу снова). Правда, теперь это сильно смажется, и вот почему. В твоем варианте масса идей, я их постараюсь обсосать и сделать так, как мне нравится. Уж не обессудь — сам виноват, зачем прислал часть прежде, чем я кончил? Ладно, ладно — знаю, что ты сейчас говоришь. Сам.

Короче, кончаю. Ежели что забыл, напишу поз-

же. Пока [Подпись]

Р. Т.206 Начну теперь писать как бешеный — ты меня вдохновил.

БН упоминает вторую главу «Пепла». О повести «Пепел Бикини» АН вспоминал:

Из: АНС. В подвале у Романа

Руденко: Когда вы родились как братья Стругацкие? Когда вы стали настоящими писателями?

АС: Ну, не знаю... «Лицом к лицу лица не увидать...» Могу лишь сказать с определенностью: когда вышел «Пепел Бикини», политический роман, политическая повесть, когда ее издали, нам стало ясно: не боги горшки обжигают, можно продолжать и дальше.

Биленкин: А кто был соавтором?

АС: Некто Лева Петров. Мы с ним работали вместе в разведке на Дальнем Востоке, а потом, когда демобилизовались, он стал в АПН работать, женился на внучке Хрущева. И безвременно умер...

Письмо Аркадия брату, 31 июля 1956, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Получил твое письмо с оценкой. Очень польщен, что оценка хорошая и т. д., но, по-моему,

ты немного перехвалил, хотя, разумеется, кое-чему мы все-таки научились. В этих восьми главах есть масса слабых мест, и их не может не быть, потому что вся идея состояла именно в том, чтобы дать ось, стержень, отправную точку для будущей повести. Это я рассматриваю как скелет, обросший массой ракушек, который нужно как следует обчистить и нарастить на него новое полезное мясо. Но все же по твоей критике у меня есть несколько замечаний.

1. Технические термины и описания. Трудно спорить против того, что они получились дубовыми и неудобопонятными, но так. Но не думаю, что мы сможем обойтись без них вообще. Технические описания нужны обязательно — без этого нельзя осуществить повести как таковой. Без них тебя не пустят в издательство. Другое дело — найти другие слова, термины, принципы, наконец, вот над этим надо подумать.

2. Образы — и не только Краюхина и Громыко, но и всех остальных — даны только в схеме, по тому же «скелетному» принципу. Чтобы их развернуть как следует, нужно будет найти и вставить в повесть новые ситуации, исправить и индивидуализировать язык героев и т. д. Но с другой стороны ты совершенно прав, когда гово-

ришь о робости и забитости Алексея — так и было задумано, и я рад, что это удалось. Основания см. ниже.

3. Насчет состава экспедиции — я не нахожу особенно нужным ввести специально радиста. Это, конечно, мелочь, и, если нам понадобится еще один человек, то введем, а если нет — обойдемся.

Теперь во избежание misunderstanding207, хочу изложить тебе свои взгляды на задачу 1-й части. 1-я часть повести должна:

а) дать завязку (естественно);

б) ознакомить читателя со всеми героями;

в) освободить все последующие части от необходимости вводить в них технические описания;

г) показать Алексея Петровича в обстановке, в которой все окружающие чувствуют себя как рыбы в воде, а он — растерялся и, естественно, робеет с непривычки, готов выдержать все нападки и упреки, признает превосходство над собой всех. В дальнейших частях, когда все оказываются в одинаковом положении, он чувствует себя увереннее. Т. е. я мыслю дать характер Громыко в процессе развития.

Вот так. Далее, я приступаю сейчас ко 2-й части и буду делать ее по твоему плану (за вычетом,

конечно, того, что не совпадает с содержанием 1-й части). И мне нужна программа 3-й части, последней. Примерно рассчитывай так: 2-я часть — 5 глав, 3-я — 10 глав. В 3-й части одну из глав посвятить событиям на Земле или на искусственном спутнике.

Самое же главное состоит в том, что я не понимаю теперь метода твоей работы. Единственно приемлемыми, хотя и практически неравноценными являются 2 пути. 1-й — длинный и сложный, сулящий массу осложнений: ты будешь писать свое, не обращая внимания на то, что сделано мною. Синтезировать наши работы будет в таком случае гораздо сложнее. 2-й — наилучший, по моему глубокому убеждению, состоит в следующем: на базе имеющейся теперь в твоем распоряжении схемы создавать новые эпизоды, вычеркивать то, что тебе не нравится, добавлять и убавлять, изменять как угодно в пределах основной идеи и заданных действующих лиц и ситуаций (их, впрочем, тоже можно изменять). Все эти изменения по мере их накопления пересылать мне на просмотр и оценку, на что я буду отвечать согласием или несогласием. Практически это делается очень легко и просто. «...20 стр., после строки 6 сверху вставить: то-то и то-то. 73-я

стр., после строки 7-й сверху вычеркнуть начисто 40 строк, вместо них вставить: то-то и то-то, 93-я стр. строки такие-то вычеркнуть вообще» и т. д. Это очень ускорит нашу работу и тогда можно надеяться, что к моему отпуску — я приеду в Ленинград в конце декабря — вчерне у нас всё будет готово, во время отпуска проведем последние считки, подчистки и поправки, отдаем машинистке, получаем 4 экземпляра и в конце января я иду в редакции. По-моему, это самый верный и короткий способ. Причем, за тобой остается полная свобода действий, вплоть до переноса полигона из тундры в пустыню и превращения Алексея Петровича в красавца-брюнета с академическим образованием.

Свои соображения по этому плану прошу сообщить немедленно, а также прислать то, что у тебя сделано, чтобы я мог немного ориентироваться в твоем стиле и ходе мыслей. Сколько можно просить?

Вот пока всё. Жму руку, твой Арк.

Привет маме, скажи, чтобы продолжала писать. Она молодчина.

Арк.

Письмо Бориса брату, август 1956<u>208</u>, Л. — М.

Здравствуй, Аркаша!

Вот, посылаю наконец тебе первую главу в моей интерпретации. Она совсем сырая, конечно, стилистически ее надо обработать, но идею я думаю там не менять. В общем эта глава есть начало части, имеющей следующий план:

I. Звездолет «Астра-12» (Включает твою первую главу «Разговор»).

II. Будни (включает твои главы «Экипаж Хиуса», «Разговор с Вяльцевым», «Будни» и др. в сокращенном виде. Ты, по-моему, всё это слишком растянул, но это только моя точка зрения).

III. Испытание огнем (почти точно твой вариант).

IV. Загадка Яниса (рассказ Строгова: он к тому времени поправится и поведет «Хиус»).

V. Как аргонавты в старину (возвращение и отлет «Хиуса»). Вне зависимости от того, понравится тебе моя первая глава или нет, по-моему целесообразно избрать для первой части именно этот план. Понимаешь, мне кажется, что твой план — это, так сказать, только первое приближение, самый тривиальный случай, где всё идет по порядку, за А следует Б, и пр. Мой план дает

второе литературное приближение и либо принимается, либо требует третьего приближения.

Заодно о методах нашей работы. По-видимому, при создавшейся обстановке, когда ты перегнал меня на целую часть, целесообразнее всего делать так: ты даешь первое приближение, я второе и так далее. Короче, пиши сейчас вторую главу, я буду добивать первую во втором приближении по этому плану или по тому, который ты пришлешь, прочтя сие письмо. Третье приближение мы сделаем вместе у нас, когда ты приедешь. Таков мой план дальнейшей работы.

А пока — желаю пера и вдохновенья (перо — в зад).

[подпись]

Поздравляю с днем рождения! Да будет путь твой усеян благами и хрустящими банкнотами. Ур-р-ра!!!

Упомянутые в приведенном письме главы частично сохранились. «Звездолет „Астра-12“» опубликована в 11-м томе собрания сочинений (издательство «Сталкер»), «Будни» — в НС-1.

Следующее письмо было направлено вместе с бандеролью, в которой пересылался очередной вариант рукописи СБТ.

Письмо Аркадия брату, сентябрь 1956<u>209</u>, М. — Л.

Допускается — любая правка, любые вставки, любые купюры.

Требуется: прислать письмо с подробной описью мест, которые ты считаешь удачными, и мест, которые по твоему мнению нужно исправить, либо выбросить безоговорочно, либо заменить. С указанием страницы и строчек, если возможно.

Давай-давай!

Заходил в редакцию астрономии. На днях тебе посылают кучу какого-то барахла. Жму руку, Арк.

Тем временем в хабаровском журнале «Дальний Восток» (№ 5) выходит повесть Л. Петрова и АНС «Пепел Бикини». И хотя здесь нет никакой фантастики, но на судьбу писателя «Братья Стругацкие» публикация этого художественно-публицистического сочинения повлияла самым серьезным образом.

Из: АНС. И снова встреча…

Первая наша вещь не была фантастической. Дело обстояло так. В 1953 году американцы взорвали

атомную бомбу над одним из островов атолла Бикини. Радиоактивная пыль накрыла шхуну с японскими рыбаками «Счастливый Дракон». Бедные невежественные рыбаки решили, что на них сыплется пепел горящего неба, считали это доброй приметой, собирали его... Разразился огромный международный скандал. Рыбаки были уложены в госпиталь, их пытались лечить, но знали о лучевой болезни в то время слишком мало... Я в это время служил на Дальнем Востоке и по долгу службы имел дело с прессой США, Японии и других стран. Зарубежные газеты были наполнены сообщениями о трагедии шхуны. Нам показалось, что всё это — готовый сюжет. Я и мой покойный ныне друг Лев Петров написали об этом повесть «Пепел Бикини», она была издана в журнале «Дальний Восток», затем — в «Юности» и вышла в Детгизе.

Взгляд на ту же книгу — с точки зрения БНС:

Из: БНС. Большая Стругацкая энциклопедия

Но опубликовать свою фантастику он нигде не мог. И тогда со своим другом Левой Петровым они написали публицистическую повесть «Пепел Бикини». Ее удалось напечатать. Это было в середине 50-х. Я, помню, тогда говорил своей

любимой девушке: «Мне бы один рассказик только опубликовать. Больше мне ничего не надо. Только один рассказик!»

Из: БНС. Неопубликованное интервью для «Независимой газеты»

Это было сочинение, главным образом, публицистическое, написанное по материалам японской и американской прессы, но содержащее в то же время и некоторые элементы художественной литературы. Для своего времени — это было очень даже недурно написано, читалось легко и интересно, было, разумеется, вполне идеологически выдержано, и в 55–56 годах уже шли переговоры об издании.

Впрочем, нам уже тогда ясно было, что это всё не то. Писать надо было фантастику. И только фантастику. И ничего, кроме фантастики.

Вслед за публикацией в «Дальнем Востоке» в 1957–1958 годах последовали еще две — уже в Москве, в изрядно отредактированном виде. Еще одно ее издание — газетное — было уже в новейшие времена, в 1994 году, в Хабаровске. И тем не менее текст «Пепла Бикини» достаточно редок. Здесь мы публикуем кульминационную главу повести в ее первой, «дальневосточной» редакции.

Петров Л., Стругацкий А. Глава из повести «Пепел Бикини»

Небо горит

Им опять не везло. Седьмого февраля сэндо210, держась для верности за амулет, висевший у него на груди, впервые за рейс приказал ставить сети. Это было в нескольких десятках миль к западу от Мидуэя. Всю ночь рыбаки напряженно следили за фосфорическим мерцанием волн вокруг невидимых в темноте стеклянных буйков. Амулет не помог. Когда рано утром сети были подняты, кто-то разочарованно свистнул, механик Ямамото выругался, а сэндо смущенно почесал в затылке: в слизистой каше из медуз и сифонофор бились всего три-четыре десятка небольших рыб, из них пяток молодых тунцов. По предложению сэндо «Счастливый Дракон» передвинулся на полтораста миль к западу. Там произошла катастрофа. Главная линия сетей зацепилась крючьями за коралловую отмель. Двое суток рыбаки с терпеливым озлоблением возились на проклятом месте, спасая сети. На рассвете третьего дня разразился шторм, и сто шестьдесят шесть новеньких стометровых тралов, почти половина

того, чем располагал «Счастливый Дракон», были безвозвратно потеряны.

— Если так пойдет дальше, — сказал Ямамото, презрительно разглядывая одинокие тушки тунцов, распластанные на палубе, — мы сгорим от стыда еще прежде, чем вернемся домой. В мое время...

— В твое время! — яростно перебил его сэндо. — В твое время тунца было сколько угодно и дома, у берегов Идзу. Да только это было гораздо раньше, чем ты научился втягивать носом сопли, Тюдзи. Помолчал бы хоть!

Усталые и злые рыбаки угрюмо перебирали сети. Круглые буйки темно-зеленого стекла тускло отсвечивали на солнце. Сэндо прошелся по палубе, морща лоб и нервно потирая руки. Несколько раз он останавливался, как бы желая сказать что-то, но не решался и снова принимался бегать вокруг рыбаков. Шторм утих так же быстро, как и налетел, и теперь над присмиревшим океаном царила тишина и горячее солнце. Небольшие волны лениво плескались под кормой шхуны. Масуда, самый молодой из рыбаков, оторвался от работы, чтобы поправить головную повязку, сползшую на глаза.

— Везет же другим, — досадливо сказал он. —

Знают богатые рыбой места и всегда приходят домой с полными трюмами. А мы таскаемся по морю взад и вперед и никакого толку.

В другое время сэндо непременно оборвал бы наглого мальчишку и, возможно, стукнул бы его по затылку. Но сейчас он оставил упрек без ответа. Он только пожал плечами и вдруг, остановившись возле механика, проговорил негромко:

— Есть одно место, где тунца видимо-невидимо. Только...

Он замолчал, словно испугавшись собственных слов. Все насторожились. Ямамото бросил паклю, которой вытирал руки.

— Где же такое место?

— Нет-нет, — торопливо забормотал сэндо. — Туда нам нельзя, никак нельзя.

— Я знаю, — объявил Масуда. — Мисаки-сан говорит о Маршальских островах. Мой дед ходил туда еще до войны. Там рыбаки хорошо зарабатывали в те времена.

— Правда, — отозвался кто-то, — нам следовало бы сразу идти туда.

Сэндо отрицательно замотал головой.

— Нам туда нельзя, — повторил он.

Но в его голосе не было уверенности, и все рыбаки сразу почувствовали это. Они вскочили на

ноги и обступили его.

— Почему нельзя? Кто нам может запретить?

— Нельзя, вот и всё, — притворно-сердито крикнул сэндо. — Говорят вам... Кто здесь сэндо, я или ты, Масуда?

Он фыркнул и уже спокойно добавил:

— Это недалеко от запретной зоны. Кроме того, Маршальские острова теперь не принадлежат Японии, и там нас опять, как и в прошлый раз, могут задержать за лов в чужих водах.

— Пусть они будут хоть трижды чужие, — сказал Ямамото. — Надо идти туда, раз там есть тунец.

— Уж не опасениями ли своими ты думаешь кормить этой весной свою семью, Мисаки-сан?

Рыбаки одобрительно загудели.

— Нам ли бояться риска...

— Мы удерем от патрулей или скажем, что заблудились...

— Нам нельзя возвращаться с пустыми руками...

— Тунца там много, это правда, — сэндо нервным движением пригладил волосы на макушке и оглянулся на капитана. Тот стоял молча, не принимая участия в споре. Тогда сэндо решился. — Хорошо, — сказал он, — мы пойдем туда. Но

вспомните прошлый рейс и еще раз подумайте об этом. Если нас задержат американцы, нам несдобровать.

— Нечего нам думать, — рассерженно заметил один из рыбаков. — Я должен добыть рыбу, а думать буду, когда мои дети перестанут пищать от голода. На Маршаллы так на Маршаллы или где это там?

— На Маршаллы! — завопили все. — На Маршаллы, где много тунца!

В тот же день, двенадцатого февраля, «Счастливый Дракон» повернул на юго-юго-восток. Вечером сэндо вместе с капитаном и радистом стояли в рулевой рубке. Поговорив о каких-то пустяках, он вдруг спросил:

— Вы не боитесь, Цуцуи-сан?

— Я? — Капитан, двадцатидвухлетний парень, недавно окончивший префектуальную морскую школу в Айнити, пожал плечами и с ненужной пристальностью уставился на компас. — Конечно, боюсь. Но еще больше я боюсь остаться без рыбы и без работы.

— А вы, Кубояма-сан?

Кубояма вспомнил последние напутствия Нисикава и только вздохнул.

Тунца не было. «Счастливый Дракон» перешел

уже международную границу перемены чисел, но уловы были столь незначительными, что никто из рыбаков даже не ругался. Как известно, бесполезно и небезопасно бранить судьбу за то, что она повернулась к тебе спиной. После короткого совещания с наиболее опытными рыбаками сэндо предложил капитану повернуть обратно на запад, в обход американских вод, в центре которых лежали Маршальские острова. Среди них находились и два черной славы атолла — Бикини и Эниветок, всем известные полигоны для испытания атомных бомб.

Капитан озабоченно склонился над потрепанной картой, в левом нижнем углу которой большим оранжевым многоугольником была обозначена запретная зона.

— Было бы очень неприятно завернуть ненароком туда, — сказал он. — Избави нас от этого, — с чувством проговорил сэндо, схватившись за амулет. — Нас бы обвинили в шпионаже и тогда... Но не думаю, чтобы нас занесло туда. Течение тянет гораздо севернее, так что...

— Можно обойти американские воды с севера, — заметил один из рыбаков.

— Пожалуй. Мы срежем американскую область вот здесь, — капитан взял другую карту. — И

тогда до границы запретной зоны останется по крайней мере миль сорок.

По правде говоря, вопрос о запретной зоне волновал их очень мало. Гораздо более беспокоило их магическое сочетание слов «чужие воды», с которыми были знакомы еще их отцы. «Чужие воды» означало, что плавать и ловить рыбу в данном месте нельзя, и что существует поэтому вполне реальная опасность быть задержанными и отданными под суд в чужой недружелюбной стране. И сэндо рассудил, что, поскольку обратный путь в Японию всё равно лежит через этот район, в пределах американской опеки, можно будет вообще воздержаться от лова, а в случае чего они отговорятся невозможностью определить свое местоположение на таком удалении от берегов.

И они пошли на запад, по ночам ставили сети, на рассвете брали то немногое, что в них попадалось, и снова двигались дальше. Так прошла неделя. Рыбаки работали уже без всякого энтузиазма, мечтая только о том, чтобы вознаграждения за улов хватило для расплаты с хозяином за взятые в кредит продукты и одежду. Полуторамесячная добыча едва покрывала дно засольного трюма.

Ночь с двадцать восьмого февраля на первое марта ничем не отличалась от десятка прежних ночей. Было тихо, на бархатном, угольно-черном небе мерцали яркие звезды, дул легкий приятный ветерок. Команда только что закончила ставить сети и расположилась на ранний завтрак прямо на палубе. Стучали палочки о чашки, кто-то мурлыкал песню. Капитан и радист Кубояма беседовали вполголоса, присев на поручни галереи позади рубки. По обыкновению недовольно ворча, из машинного люка вылез механик Ямамото, вытирая ветошью замасленные пальцы. Сэндо взобрался на корму и озабоченно осматривал сломавшийся вчера ворот для подъема тралов. А вокруг расстилался бескрайний океан, черный, как небо, с такими же мерцающими в его глубине блестящими искрами. И вдруг...

Мертвый, бело-фиолетовый свет мгновенно и бесшумно залил небо и океан. Ослепительный, более яркий, чем внезапная вспышка молнии в темном грозовом небе, невыносимый, как полуденное тропическое солнце, он со страшной силой ударил по зрительным нервам, и все, кто находился на палубе «Счастливого Дракона», одновременно закричали от режущей боли в глазах и закрыли лица руками. Когда через несколько

секунд они осмелились вновь открыть глаза и посмотреть сквозь чуть раздвинутые пальцы, у них вырвался новый крик — крик изумления и ужаса. Небо и океан на юго-западе полыхали зарницами всех цветов радуги. Оранжевые, красные, желтые вспышки сменяли друг друга с неимоверной быстротой. Это невиданное зрелище продолжалось около минуты, затем краски потускнели и слились в огромное багровое пятно, медленно всплывшее над горизонтом. И чем выше оно поднималось, тем больше разбухало и темнело, пока, наконец, не погасло окончательно. Тогда наступила тьма.

Ошеломленные рыбаки некоторое время еще смотрели в ту сторону, затем переглянулись и заговорили все разом.

— Что это? Уж не солнце ли?

— Солнце утром на западе? Ерунда... И потом это гораздо больше солнца!

— Я знаю, что это! Это маневры, стреляли линкоры!

— Это атомная бомба, вот что это такое, — заявил Ямамото.

— Если это атомная бомба, то где же грибовидное облако?

— Его не разглядеть в темноте. Но это был атом-

ный взрыв, бьюсь об заклад...

Все повернулись к капитану. Но Цуцуи был растерян не менее других. Он пожал плечами и механически поднял к глазам часы. Без десяти четыре. Что же это могло быть? Сэндо шептал заклинания, отгоняя беду. Кубояма, сняв очки, протирал стекла краем головной повязки. Он раскрыл рот, чтобы сказать что-то, и в этот момент до «Счастливого Дракона» докатился грохот. Он не был похож ни на гром, ни на пульсирующий гул артиллерийской канонады. Чудовищный вал густого, тяжелого звука обрушился на шхуну, и она заметалась в его протяжных раскатах. Мелкой дрожью тряслась палуба, скрипела обшивка, дребезжали стекла в иллюминаторах рулевой рубки. Рыбаки зажимали уши, падали на колени.

— Кувабара! Кувабара![211] — завывал сэндо, схватившись руками за щеки.

Но вот кончился и этот звуковой ад. Всё стихло. Снова зашелестел ветерок в снастях, снова стал слышен плеск мелких волн у бортов «Счастливого Дракона». Цуцуи, бледный, с трясущимися губами, спрятал часы в карман. От момента вспышки до звука прошло не менее десяти минут! Первым опомнился сэндо.

— К выборке сетей, живо! — заорал он.

Работали все, даже радист и капитан, молча и торопливо. Никто больше ни о чем не спрашивал. Было ясно: случилось такое, чему они не должны были быть свидетелями. Нужно уходить отсюда и уходить как можно скорее. Но страшные сюрпризы еще не кончились. Было около семи, и восток уже окрасился мягкими красками ясного погожего утра, когда кто-то крикнул:

— Что такое? Смотрите!

Серая туманная пелена обволакивала небо с запада. Она медленно распространялась навстречу восходящему солнцу, размывала и поглощала четкую линию горизонта, плотной завесой вставала между глазами и изумрудным небом. Это не был туман, и все поняли это, когда на палубу, на сети, на руки и плечи стала оседать мельчайшая беловатая пыль. Она беззвучно падала сверху и покрывала корабль, клубилась в ленивой теплой воде океана вокруг шхуны. Ее становилось всё больше и больше, и вот уже не стало видно ничего, кроме массы медленно падавшего порошка, похожего на рисовую пудру. И порошок этот был горячий!

— Небо горит! — суеверно прошептал сэндо. — Пепел горящего неба! Они подожгли небо, оно горит, и пепел сыплется на нас!

— Пепел горящего неба!

— Скорее! Скорее! — Сэндо осип от крика.

Рыбаки, чихая и кашляя, размазывая белый талькообразный порошок по потным лицам и отхаркивая его из легких, с удвоенным рвением принялись за работу. Через два часа сети были подняты. «Счастливый Дракон», неся на палубе полуметровый слой «небесного пепла», полным ходом пошел на север, и из рулевой рубки лишь с трудом можно было различить бушприт, зарывающийся в непроницаемую мглу.

Местная пресса отреагировала на появление повести в общем положительно, но если Н. Солтан («Молодой дальневосточник», 1956, 21 ноября) отметил, что возможности сюжета не использованы, а характеры повести не проработаны, то В. Колосов в «Тихоокеанской звезде» после подробного пересказа сюжета повести подытожил:

Из: Колосов В. Пепел Бикини

В свете нынешних мировых событий, когда некоторые капиталистические страны начинают снова бряцать оружием, повесть Л. Петрова и А. Стругацкого приобретает особое значение.

Мы оставляем в стороне художественные плюсы и минусы повести. В ней много авторских удач

и немало срывов. Мы говорим об актуальности поднятого вопроса, об остроте и злободневности повести. А они несомненны.

Младший брат не отстает от старшего. Также в соавторстве у него в этом году выходит статья: Об одном признаке взаимодействия звезд с диффузной материей / Агекян Т. А., Коврайская К. В., Плюгин Г. А., Стругацкий Б. Н., Шишкина Г. А. // Астрономический журнал (М.). — 1956. — Т. 33. — Вып. 5. — С. 679–681.

И то, и другое — пока не фантастика, но послужит на пользу дальнейшему делу.

БНС. Офлайн-интервью 08.03.03

«Полости Малянова» были придуманы для антуража, как ревертаза и феддинги? Или в них есть что-то от Ваших «всамделишных» работ?

Дмитрий. Тверь, Россия

Да, есть. Я в свое время занимался поведением звезды, погруженной в газо-пылевое облако. Если звезда горячая, излучение ее разгоняет пыль и газ, так что образуется пустое пространство, «колокол», форма и размеры которого зависят, в частности, от относительной скорости пылевого облака и звезды. Эта вот картинка и послужила прообразом «полостей Малянова».

В декабре АН приезжает в Ленинград.

БНС. Комментарии

АН привез с собою черновик второй части, ознакомился с жалкими плодами деятельности БН и сказал: «Так. Вот машинка, вот бумага, садись и пиши третью часть. А я буду лежать вот на этом диване и читать «Порт-Артур». Я — в отпуске».

1957

Очередное письмо АНа написано на обороте черновика предисловия о Кобаяси Такидзи, которое АН в то время писал. Бумага еще долго будет оставаться дефицитом, и АБС часто будут использовать обороты страниц черновиков для писем и своих новых замыслов.

Письмо Аркадия брату, 9 февраля 1957, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

В «Детгиз» еще не ходил, пойду на той неделе. Надеюсь, ты уже работаешь. Спешу подсказать тебе несколько ситуаций, а также мелких черточек для характеристики героев и положений.

1) Все чудеса, встреченные по дороге, привлекают внимание Бирского и Вальцева, но Строгов неумолим. «Вперед, вперед! Этим будут заниматься те, после нас. У нас есть цель!» Вальцев покорен, Бирский сетует и жалуется. Рассказы Бирского о том, как раньше «сели, бывало, тихохонько, смирнехонько, огляделись, присмотрелись, набрали диковинок» и т. д. А теперь — спешка, спешка! Привести как-нибудь разницу

между покорением Венеры и других планет: на другие сначала высадились, осмотрелись (чисто научный интерес), и только затем экономический. А на Венеру кинулись сразу в цель.

[сбоку от текста решение БНа — «поздно»]

2) Подумай, ввести ли расстройства желудков от лучевой болезни. В связи с этим рысцой бегают от места работы к «Мальчику», где есть безопасная уборная.

[сбоку от текста решение БНа: «Нет»]

3) После приблизительного обследования «Голконды» Бирский дает 2–3 гипотезы ее происхождения — придумай сам: метеоры или еще что-либо.

4) Анализ черной пыли дает содержание трансуранитов: вопли и пляски по этому поводу. В Голконде находят бериллий — источник нейтронов, позволяющий котлу функционировать, и литий — источник H^3 — для сверхтяжелой воды.

Вот, кажется, пока всё. Крепко целую, твой Арк.

Жми, Боря, жми.

Поцелуй маму.

Виноват, еще один момент:

Пусть Мих. Иванович воздаст великую хвалу тем, кто строил звездолет, кто почил при ис-

пытаниях фотореакторов, ученым, мастерам и рабочим. Это можно будет сделать, когда он перемахнул из болота и удержался на ногах.

Посылаю тебе стихи Гумилева. «6-е чувство» — хороша идея. А «Лес» — просто хорошо. «Старый бродяга в Аддис-Абебе» — у тебя есть, не посылаю.

Да, вот что: попроси маму, не может ли она достать нам череды или дубовой коры для купания Машки. Совсем девка гибнет от диатеза.

Ну, теперь окончательно всё. Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 3 апреля 1957, М. — Л.

Дорогой дружище!

Спешу сообщить тебе о моем намерении (непреклонном, причем) быть у тебя на твоем дне рождения. Приеду, очевидно, утром четырнадцатого, уеду вечером шестнадцатого. Ленка приехать не сможет, понеже только что поступила на работу, и выпрашивать двухдневный отпуск ей неудобно.

Незамедлительно сообщи согласие. Буде же ты согласен, и я буду у тебя привечен, постарайся подготовку к дню рождения (водка, пироги и пр.) закончить еще в субботу, чтобы воскресенье было у нас достаточно свободно. Есть много дел,

которые безотлагательно требуется разрешить, а также кое-что, что потребует на несколько часов твоего пристального и полного внимания.

Постарайся закончить СБТ к моему приезду. Во всяком случае я намерен увезти рукопись с собой, в каком бы виде она ни была. И будет тебе стыдно, если вид этот будет более поганым, чем это требуется.

Вот, собственно, и всё, что я хотел тебе... тскать... э-э... сообщить. Привет большой маме, поцелуй ее.

Помни, что без персонального приглашения не приеду.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 29 апреля 1957, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Прости за долгое молчание. За это время произошли некоторые события, не лишенные интереса и для тебя. Во-первых, окончательно отработан и закончен последний вариант «Пепла», и сдан в редакцию. Оказывается, там уже ждали нас, и набежало несколько человек, чтобы убедиться, что рукопись действительно готова. Сие было вельми приятно, чтобы не сказать больше. Но мало того. Я уже говорил тебе,

по-моему, что просил свою редакторшу уловить Исаака Марковича212 и разузнать у него о «СБТ». Так вот в чем дело. Оказывается, задержка была, как я и думал, по вине рецензента. Он был болен и переживал какие-то домашние неприятности. Теперь, наконец, он дал устную и после праздников представит письменную рецензию. А суть рецензии в том, что это «как раз то, что нам нужно», высокий художественный уровень, хороши герои и т. д. Очень утешительно. Были и замечания, но суть их я не уловил (рецензию пересказывала моя редакторша, повести нашей не читавшая). В настоящее время положение таково: я пересмотрел 3-ю часть... Кстати, о 3-й части. Видно, по грехам моим господь послал мне соавторов-клизмачей: один вообще пальцем не притронулся к рукописи, другой любезно предоставляет мне всю техническую часть работы, считая для себя зазорным отделать по-человечески оформление. Скажу тебе откровенно, что я, как редактор, на порог бы не пустил автора с рукописью в таком виде — текст подслеповатый, неаккуратный, изобилует грамматическими ошибками. В общем, свинья ты, брат мой. Так. Рукопись я кое-как выправил, кое-что перепечатал и сдал. Связался с рецензентом и предложил

ему заехать за ней в редакцию. Редактор сейчас в отпуске и будет после десятого. Надеюсь, что к тому времени будет уже полная рецензия, и можно будет вести деловые разговоры. Вот всё. Я здоров, всё в порядке, целуй маму и привет ей от наших и поздравления. Жму руку, Арк.

Немедленно пиши ответ.

Письмо Аркадия брату, 15 мая 1957, М. — Л.

Дорогой брат наш!

Спешу ответить на письмо и жду отчета о докладе. Прежде всего о СБТ. Рецензия уже есть на все три части. Но Кассель (наш редактор) попросил сроку до конца следующей недели, ибо хочет прочесть сам. По всему видно, что рецензия разволновала даже его пресыщенное сердце. Значит, числа 24–25-го я пойду к нему, и всё будет ясно. Вообще-то особых надежд не питай и вложи свое золотое перо в ножны. Договор — это, брат, нечто такое, что и т. д.

Теперь так. На днях купил я «Астронавты» Лема (она же «Der Planet des Todes»213) и, естественно, прочитал. Полным-полно того, что ты называешь заштатной жюльверновщиной, стиль богомерзкий, но идеи есть неплохие. Скверно то, что во многом перекликается с нашей СБТ (вплоть до

того, что один из героев взбирается вверх по расщепленной скале, чтобы обозреть окрестности). Много научных промахов. Одним словом, г...

Между прочим, прочитал «Жюль Верн» Борисова214. Очень неплохая книжка, советую просмотреть.

О тезисах и докладе Козырева. Ты прости меня, родная215, но я ни черта не понимаю. Когда будешь писать (а писать ты будешь сейчас же, сию минуту), приведи побольше общедоступных примеров. Иначе я не справлюсь с самым главным, и энтузиазм мой пропадет. Да давай скорее, а не то нас и здесь обскачут.

И, наконец, твой роман-сборник. Можно, конечно. Надо подумать. Но прежде всего козыревская идея. Валяй, пиши обстоятельно и понятно. Хорошо бы что-нибудь этакое, с новой темой и новым сюжетом!

Дома всё благополучно. Дети в порядке, жарко, душно...

Привет от Ленки и всех остальных.

Твой Арк.

Поскольку рецензия на СБТ, которая «разволновала... пресыщенное сердце» Касселя, не может быть рецензией М. Ложечко, о которой еще будет в письмах АНа, можно предположить, что перво-

начально СБТ была отдана другому рецензенту. Можно даже предположить (но только предположить!) кому именно.

Из: Лагина Н. Хоттабыч родился на Севере: Судьба автора знаменитой книги

— Его (отца. — *Сост.*) «подкармливал» «Детгиз». Присылал на рецензии рукописи. Однажды очень просили разругать рукопись молодых и еще никому не известных писателей Стругацких «Страна багровых туч».

— Разругал?

— А вот и нет! Послали на окончательное уничтожение, а получили восторженную оценку. В издательстве чуть не удавились, но книга вышла. Так родились Стругацкие.

Еще тема, которая неоднократно упоминается в письмах — работы Козырева. «О тезисах и докладе Козырева» — вспоминает БН:

Из: БНС: «Аномальные явления для нас не более чем антураж»

— В наши дни возвращаются к жизни идеи, которые в свое время были отвергнуты и даже оклеветаны. К ним относится оригинальная

гипотеза Николая Александровича Козырева о природе времени. В частности, вышли его «Избранные труды», в которых вновь излагается эта гипотеза. Вы работали вместе с этим ученым в Пулковской обсерватории и, наверное, помните его мытарства. Как вы относились тогда к этой гипотезе и теперь, когда она вновь овладела умами многих ученых?

— Я был, помнится, сопливым аспирантом, когда на заседании Ученого совета Пулковской обсерватории Николай Александрович Козырев впервые выступил с изложением основ своей асимметричной механики. Огромный, на четыреста мест, актовый зал был набит битком, — по-моему, вся обсерватория, включая младший обслуживающий персонал, собралась послушать знаменитого ученого. Слава Козырева уже тогда была велика — слава блестящего, совершенно нетривиального теоретика и исключительно удачливого наблюдателя. Невероятной мощи грозы в атмосфере Венеры (молнии — тысячекилометровой длины!), сенсационное извержение вулкана на Луне, абсолютно фантастическая теория неядерного происхождения источников энергии звезд — в науке имя Козырева всегда было связано с какой-нибудь сенсацией, при-

чем (что характерно!) как правило, доступной пониманию любого человека со средним образованием.

Доклад был, по обыкновению, блестящим, но ни я, ни все без исключения друзья мои не поняли основ новой теории. Зато очень хорошо был понятен главный вывод: время, оказывается, есть источник энергии. Вывод этот подтверждался рядом наблюдательных данных, а кроме того, становилось понятно, почему существуют те звезды, источники свечения которых не могли быть объяснены классическим циклом Бете, термоядерным синтезом. Открывающиеся перспективы кружили головы. В газетах появились во множестве популярные изложения теории, а также изящные интервью блестящего ученого. Братья Стругацкие написали (очень недурной по тем временам) фантастический рассказ «Забытый эксперимент», научной основой коего и была гипотеза Козырева. Ученый совет, хотя и исполненный естественного скепсиса, в конце концов выделил под продолжение экспериментов небольшие, но все-таки средства.

То обстоятельство, что большинство Ученого совета, «вдумчивые и осторожные ученые», пронафталиненные преемники классиков XIX века,

короче говоря, «наши старперы», выступали с позиций скептицизма, никого из нас, молодых, горячих, не удивляло: что с них взять, с этих тупотрудолюбивых обследователей ошибок цапф большого пассажного инструмента? Но настораживал, например, скептицизм Семена Эммануиловича Хайкина, крупного специалиста по теоретической механике и одного из основателей новейшей тогда науки — радиоастрономии. Хайкина молодежь уважала. И не только молодежь.

Была создана комиссия по проверке экспериментальных данных теории Козырева. Я имел честь быть включенным в нее. Роль моя была, естественно, невелика. Мне надлежало проверить одну маленькую работу Козырева, связанную с изучением фигур планет-гигантов Юпитера и Сатурна. По теории Козырева, вращающиеся тела в силу «асимметрии хода времени» должны быть асимметричны — одно полушарие у них должно быть больше другого. Причем, чем больше тело и чем быстрее оно вращается, тем больше должно быть различие в размерах полушарий. В этом смысле планеты-гиганты представляли собою прекрасный материал для проверки. Козырев взял хорошие

крупномасштабные снимки Юпитера и Сатурна, полученные на мощном рефракторе, измерил каждый снимок в трех гонках — по краям и в центре — и действительно обнаружил, что северное полушарие у этих планет чуть меньше южного — в полном соответствии с теорией. Мне теперь предстояло повторить эту работу, на тех же снимках, но измерения проделать не в трех точках, а, так сказать, в тридцати трех.

В течение двух недель я сидел в подвале за КИМом (координатно-измерительной машиной) и старательно измерял. Мне очень хотелось подтвердить результат Козырева, но ничего не получалось. Асимметрия, которую обнаружил Козырев, оказалась ложной. Это не была асимметрия фигуры планеты, это была асимметрия расположения темных полос аммиака в ее атмосфере. Козырев и сам мог бы прийти к этому выводу, если бы произвел измерения не по трем точкам, а хотя бы по десяти.

Строго говоря, полученный мною результат не опровергал теорию. Он только отказывался ее подтвердить. Он свидетельствовал, что снимки Юпитера и Сатурна из-за их «полосатости» вообще не годятся как материал для подтверждения или опровержения данного следствия асиммет-

ричной механики.

Довольно скоро выяснилось, что и другие экспериментальные подтверждения асимметричной механики, якобы полученные Козыревым, на самом деле ничего не подтверждают: экспериментальные данные либо тонули в ошибках измерения, либо допускали самые тривиальные объяснения на базе давно известной теории колебаний. Скептицизм Хайкина оказался оправдан, наш же юношеский оптимизм, увы, нет.

В дальнейшем еще много лет Козырев пытался найти экспериментальные подтверждения своей теории. Несколько раз делал новые доклады на семинарах Пулковской обсерватории, но до конца жизни ему так и не удалось получить результата, который лежал бы за пределами ошибок наблюдений и однозначно доказывал бы правоту его теории.

Я так и не сумел до конца разобраться в его теоретических построениях, и я не считаю себя вправе выражать сколько-нибудь компетентное мнение по поводу этого труда. Однако интуиция подсказывает мне, что Николай Александрович все-таки ошибался. Асимметричная его механика не отражает объективной реальности — это артефакт, изобретение блестящего ума человека,

но не Матушки-Природы.

БНС. Офлайн-интервью 17.06.05

В экспедицию на Венеру включили некоего Быкова — крупного специалиста по пустыне Гоби. В фантастике же того времени Венера была покрыта водой. Понятно, что организаторам экспедиции задействовать Быкова порекомендовали АБС, имеющие связи в Пулковской обсерватории. Но в те времена и среди астрономов преобладала гипотеза о том, что Венера — море! И на первом спускаемом аппарате («Венера-3», если не ошибаюсь) в 1963 году (!) БЫЛА предусмотрена посадка на воду!!! Это по результатам посадки стало известно, что Венера — жаркая каменистая пустыня. Из земных к ней ближе всего именно Гоби.

Модель Венеры позаимствована была авторами у Н. А. Козырева — мы только добавили туда воды и уменьшили температуры (а то не было бы никакой там жизни, неинтересно). Эта теория Козыревым была разработана в середине 50-х довольно подробно, но признания не нашла, ни тогда, ни позже.

Подробности о проверке теории причинной механики Козырева можно найти в Интернете:

Из: Дадаев А. Н. Николай Александрович Козырев

Автор «Причинной механики» считал, что как результат проявления ее законов должна наблюдаться асимметрия фигур планет. Во вращающихся телах под влиянием «потока времени» должны возникать дополнительные силы, приводящие к изменению формы тела или планеты. При «левостороннем» вращении на экваториальные массы действует сила, направленная к северу, вблизи оси вращения она направлена к югу, при этом, очевидно, должна «существовать параллель, на которой силы причинности равны нулю». В результате «северное полушарие планеты должно стать более сжатым, а южное — более выпуклым»; фигура планеты в меридиальном сечении будет представлять кардиоиду. Наибольшая деформация должна наблюдаться у Юпитера и Сатурна, поскольку они обладают большими экваториальными скоростями вращения. Проведя (совместно с Д. О. Мохначем) измерения многочисленных снимков этих планет, полученных в разных обсерваториях, автор сделал заключение о наличии у них асимметрии, предсказываемой теорией. Для выявления асимметрии формы

Земли предложен опыт качания маятников с вибрирующим подвесом на разных широтах в целях определения «нулевой параллели». Опыт осуществлен автором в Ленинграде и г. Кировске (Мурманская обл.), нулевая параллель на широте 73° определена путем экстраполирования. Разработан ряд других лабораторных опытов для обнаружения «причинно-следственных сил»: взвешивание обычных грузов на весах с вибрирующим коромыслом при жестко подвешенном грузе на одном конце и эластичном подвесе — на другом; взвешивание быстровращающихся волчков (гироскопов) и т. п. В книге отражены результаты опытов, которые проводились до ее написания.

Для решения «русского научного спора» Бюро Отделения физико-математических наук (ОФМН) постановлением от 23 января 1960 г. назначило комиссию под председательством чл.-кор. АН СССР А. А. Михайлова по проверке теории и экспериментов Н. А. Козырева. Комиссия, состоявшая из девяти человек, разделившись на подгруппы, проводила проверку по трем направлениям: а) теория, б) эксперимент, в) проблема асимметрии планет. К работе подкомиссий привлекались также другие специалисты; в полугодовой де-

ятельности комиссии принимал участие сам Козырев. Окончательное заключение комиссия приняла 15 июня 1960 г. [Архив ТАО. Материалы комиссии по изучению и проверке работ Н. А. Козырева, 1960 г.] Оно сводилось к следующему: а) теория не основана на четко сформулированной аксиоматике, ее выводы не развиты достаточно строго логическим или математическим путем; б) качество и точность проводимых лабораторных опытов не дают возможности сделать определенные заключения о характере наблюдаемых эффектов, в опытах недостаточно устранены различные побочные влияния; в) с целью установления асимметрии северного и южного полушарий Юпитера и Сатурна, имеющей принципиальное значение для теории, следует провести особо тщательные, объективные измерения с использованием прежних и новых, специально сделанных снимков планеты, проведение новой экспедиции для проверки «широтного эффекта» имеет смысл при условии коренного улучшения аппаратуры.

К наблюдениям широтного эффекта действия «причинных сил» Козырев больше не возвращался. Проверку асимметричной формы больших планет путем измерения их фотоснимков допол-

нительно произвели двое сотрудников ГАО (Х. И. Поттер и Б. Н. Стругацкий) и не обнаружили ее у Сатурна. Относительно Юпитера они пришли к заключению, что кажущаяся асимметрия вследствие несимметричного расположения полос на его диске не имеет «ничего общего с геометрической асимметрией фигуры планеты» [Поттер Х. И., Стругацкий Б. Н. К вопросу об асимметрии фигур больших планет // Изв. Гл. астрон. обсерв. в Пулкове. — 1962. — Т. 23. — Вып. 1. — № 171. — С. 145–150.].

Несмотря на сильный резонанс, вызванный появлением «Причинной механики», суммарный эффект поспешной публикации все же следует считать отрицательным. Это сознавал автор книги, как понимал и то, что суть неуспеха состояла не только в недоработанности теории, но и особенно в недостаточности подкрепляющих ее факторов.

Но вернемся к переписке братьев, где кроме прочих вопросов АБС обсуждают все ту же теорию Козырева.

Письмо Аркадия брату, 27 мая 1957, М. — Л.

Здравствуй, Бобкинс.

Получил (наконец-то!) рецензию и беседовал

с редактором. Изумление мое при чтении рецензии было неописуемым. Можно ожидать хорошей рецензии, можно ожидать плохой рецензии, можно ожидать кислой рецензии… но мы получили пьяную рецензию. Рецензент не понял ни черта. Это, впрочем, не удивительно. Рецензия писана на все три части, а третью часть я сдал, скажем, десятого мая, и рецензент принес готовую рецензию тринадцатого. Держал рукопись он почти пять месяцев, третью часть проглядел для порядка и накатал «по первому впечатлению», причем всё перепутал и многого не заметил, и вообще was jumping at the conclusions216. Обгадил он нас с головы до ног, но, strange though it may seem217, написал, что над повестью следует работать и у нее есть задатки и пр. Целиком рецензию послать тебе не могу, но основные ее положения посылаю на отдельном листке (прилагается). Теперь, что значительно важнее, мой разговор с редактором. Он проглядел только две части (две первых). Это тоже только первые впечатления. Основные замечания: а) слишком много диалогов, б) много лишнего, или ему так показалось («у нас, все-таки, Детгиз»). Главное включается в том, что он решил взять ее в работу и рекомендовать ее для издания в 1958 г. Вопрос будет решаться

в течение июня на главной редакции. В случае успеха с нами будет заключен т. н. «экспериментальный» договор на 1500 р за лист. Это означает, что в случае, если мы не сможем в указанный в договоре срок привести роман в вид, годный для печатания, то нам платят 25 % (из фонда работы с «молодыми») и дают пинка в зад. Если удастся — договор автоматически переходит на 3000 за лист, и роман печатается. Ясно? Вот все новости.

Теперь меня интересует доклад о Козыреве. Я его не вижу. Опять не держишь слова, братец. Мне это не нравится.

Передай большой привет мамочке, расскажи об обстановке. Жму руку, твой Арк.

Да, чуть не забыл. Немедленно вышли из моего «архива» листы (исписанные) из бумажной тетради «для записок карандашом», то, где дается вариант начала «Первых» (гибель кого-то из участников, врач, сплевывающий эмаль с зубов и т. д.).

Основные положения рецензии М. Ложечко на «Страну Б. Т.»

1. По сюжету.

а) не оправдана сама экспедиция «Хиуса» в р-н Урановой Голконды (это, якобы, опасно, и

следовало начинать с любого другого пункта планеты).

б) Слаба «интрига» — нужны тайны покруче, завернуть сюжет позанимательнее.

в) Слабо обоснована гибель «Мальчика» — межпланетники, якобы, знали об опасности «красной пленки», но игнорировали ее.

2. По образам.

Образы хороши и выпуклы, но Громыко мямля и не выглядит волевым человеком (т. е. он должен проявить свою «волевость» и в домашней обстановке). Хотя он хорош в конце романа.

3. Не нравится конец романа — эпилог.

4. Не индивидуализирована речь героев.

5. В ужасе от показа бюрократизма.

6. Рецензент ни черта не понял в многих частностях.

В общем, считает, что при соответствующей обработке можно сделать вещь.

«...вариант начала «Первых» (гибель кого-то из участников, врач, сплевывающий эмаль с зубов и т. д.)» — этот черновик опубликован в НС-1. А вот о так называемом «экспериментальном» договоре рассказывает Н. Беркова, работавшая в то время в Детгизе:

Из: Беркова Н. Воспоминания

В то время в издательстве Детгиз (позже его переименовали в «Детскую литературу») существовала большая редакция научно-художественной, приключенческой и научно-фантастической литературы. Книги нашей редакции пользовались огромным спросом: именно здесь выходила так называемая серия «в рамочке», любимый читателями альманах «Мир приключений» и отдельные книги по жанрам.

<...>

В конце 50-х — начале 60-х годов был период, когда в издательствах существовал так называемый «экспериментальный фонд». Не знаю, был ли такой фонд во всех издательствах, но в Детгизе имелся. Начинающий автор мог принести в редакцию свою рукопись или даже подробный план-заявку. С нею знакомились ведущие редакторы (по соответствующим жанрам) и, если представленный материал был перспективен, докладывали главному редактору, заключали с автором договор по минимальной ставке и выдавали аванс.

Позже Нина Матвеевна еще будет вспоминать, как они с АНом работали над этими самотечны-

ми рукописями, но не будем забегать вперед, ибо АН перешел на работу в Детгиз только в 60-м, а пока еще работает редактором в Гослитиздате.

Письмо Аркадия брату, 5 июня 1957, М. — Л.

Дорогой дружище!

Посылаю тебе рецензию, разберись сам.

У меня к тебе огромная просьба: срочно выясни мне все данные о Юпитере и его спутниках — всё возможное, гипотетическое, предположительное и т. д. Расстояния от Юпитера, размеры, период обращения, атмосферы, природу и т. д. О самом Юпитере — всё, начиная с расстояния от Солнца и кончая гипотезами внутреннего строения. Затем, нельзя ли взять Юпитер, как наилучший объект для проверки «эффекта Козырева». Эти все данные необходимы мне срочно.

Получили письмо от мамочки. Вообще я за нее рад. Пусть отдохнет и потихоньку возьмется за писание. Опыт у нее громаднейший, оставлять его втуне никак нельзя218.

Поцелуй ее за нас с Ленкой.

Жму руку, Арк.

Да, еще узнай а) распределение вещества в Юпитере по плотностям (желат. удельному весу) и б) чему равна центробежная сила, если скорость

вращения — ν оборотов/сек и радиус — R.

Если не можешь всё сразу, высылай по частям. Только срочно.

Этим летом БН едет в археологическую экспедицию в Пенджикент. Эта поездка нашла свое отражение во второй части «Извне» («Пришельцы»), а много позже — в романе С. Витицкого ПП. БН вспоминает:

БНС. Офлайн-интервью 22.03.03

В «Извне» одна из частей повести разворачивается в археологической экспедиции. В «ГО» Андрей Воронин в беседе с Наставником упоминает про то, что ему приходилось бывать в экспедициях. Приходилось ли Вам бывать в археологических экспедициях?

Павел. Йошкар-Ола, Россия

Да, я провел один сезон в археологической экспедиции в Таджикистане, недалеко от Пенджикента. Это было в 1957 (кажется) году. Кроме того, один из моих близких друзей был профессиональным археологом и много рассказывал мне о своей работе. Приходилось мне работать и в экспедиции по поиску места для Большого телескопа (Северный Кавказ, 1960 год). Эта экспедиция, конечно, во многом отличалась от археологи-

ческой, но и общего с ней тоже имела много. По крайней мере, ситуации типа «ночь, палатка, волки воют...» — имели место и там, и там.

Из: БНС. Братство Стругацких

...в годы молодости и зрелости мне доводилось так часто проходить испытания на прочность характера, что сам факт моего дожития до сегодняшних лет уже есть событие весьма и весьма маловероятное, почти равное чуду. От жутких блокадных лишений в годы войны до памятной среднеазиатской экспедиции, когда узбек, пытаясь убить меня, изрезал ножом всю кровать... Более подробно я описал это в своем автобиографическом романе «Поиск предназначения», изданном, правда, под псевдонимом С. Витицкий.

И, вероятно, именно из этой экспедиции был привезен кувшин, упоминающийся в ЗМЛДКС:

БНС. Офлайн-интервью 12.07.03

В «За миллиард лет...» у Вас есть эпизод, где Калям застигнут за разбитым глиняным кувшином «(Хорезм, 11 век)...». Это что, хохма такая, почему в комнате маленького ребенка и в до-

ступности от кота находился столь древний артефакт?

Елена. Москва, Россия

Глиняный кувшин 11-го века отнюдь не есть такая уж редкость и ценность. На раскопах они встречаются очень часто (как правило, правда, битые), и в музеи попадают лишь самые замечательные и характерные. У нас в доме такой тоже был, и тоже стоял (с вечно сухими цветами) в комнате сынишки, и тоже был, в конце концов, раскокан — при очередной уборке.

Воодушевленный событиями в экспедиции, БН на этом материале пишет черновик рассказа «Пришельцы» (который позже войдет в «Извне») и посылает его брату, приписав на обороте рукописи:

Письмо Бориса брату, август 1957, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот все, что я смог пока выжать. Это не фонтан, но это начало. Меня интересует, главным образом, твое мнение о сюжетном построении, ибо форму можно изменить всегда.

Целую [подпись]

P. S. А в срок таки я, себе, уложился!

Письмо Аркадия брату, 31 августа 1957, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Посылаю тебе с мамой письмо, чтобы не тратиться на марку — режим экономии, nothing to be done[219]!

Прежде всего, спешу тебя обрадовать: СБТ включена в план редакционной подготовки Детгиза на 1958 год, правда в резервный, но это ничего не значит. Свой кусок от этого мы будем иметь. Это будет значить, что в 1959 году повесть выйдет из печати. Satisfied?

Дальше, твой вариант «Извне». Хорошо, но не совсем то. Бытовые и локальные подробности блестящи, а с самой главной задачей справился ты неважно. Но идея — дневник — превосходна: дает много возможностей, и мы их используем. Думаю, вернувшись из отпуска, сесть за нее и доделать, а затем сунуть куда-нибудь. Хорошо?

Посылаю тебе дары — любопытен знать, как ты обрадуешься. Могу похвастать: к дню рождения ребята из редакции поднесли мне рубаху, двухтомник Беляева и двухтомник Уэллса[220]. Благодари их.

Имею быть в Ленинграде в конце ноября — начале декабря. Думаю, к тому времени всё

прояснится. «Пепел» будет в «Юности» в 12-м номере, а затем отдельно в Детгизе. Детгизовские иллюстрации, вернее — эскизы я уже видел. Очень неплохо, на мой взгляд. В «Юности» пойдет сокращенный вариант, сократили на 1/3, но я не огорчаюсь. С паршивой овцы...

Между прочим, «Страшную большую» буду продолжать, душа с тебя вон. Нужно сделать, обязательно. Пусть будет тривиально, но нельзя отдавать Юпитер таким, как Гуревич (см. «Иней на пальмах» и «Прохождение Немезиды»221).

Вот и всё. Крепко жму руку, целую, твой Арк.

Посылаю рассказ. Хотел бы увидеть твою рожу, когда ты будешь читать.

Всё.

Письмо Аркадия брату, 29 сентября 1957, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

Получил твое письмо. Отвечаю по порядку. «СБТ» — Кассель еще не приехал из отпуска, но рукопись взял с собой, это почти достоверно. Мало того, когда недавно в Детгизе я выразил сожаление о том, что не сдал рукопись в «Молодую гвардию», на меня заорали и замахали руками, как ветряные мельницы, и стали убеждать меня,

что места лучше Детгиза для такого произведения не найти. Собственно, в плане редподготовки мы значимся, так что теперь можно не беспокоиться.

«Пришельцы» — сегодня начинаю работать, к будущей субботе думаю закончить, приезжает Мишка Малышев из отпуска и будет толкать рассказ в «Вокруг света» или в «Знание — сила». В крайнем случае придется (хоть и очень не хотелось бы) обратиться к Казанцеву в «Мир Прикл.». Переработку рассказа буду вести в плоскости большого упора на киберпилотов, а то у тебя получился превосходный очерк об археологах, к которому нехотя пришито суховатое описание (и смутное) необычайных машин.

Насчет рассказа в месяц — подумаю. Но в Детгизе меня просили поработать над простым советским приключенческим романом. Я изложил там идею «Сокровища Последнего Роджера» по «4-му царству» с букцинидами вместо красной пленки222, и они ничего, приветствовали. Может, возьмемся?

С «Дачным происшествием» нас обогнали — см. «Пионер» № 9223. Убого, как и всё в Пионере, но идея уже не наша теперь. Тю-тю идейка! Я тут чуть было не ополоумел от страха, когда читал

в «Юности» повесть «Планетный гость»224. Ну, думаю, ухнули и наши киберпилоты. Ан нет, всё, будто, шло к кибернетике, а в последних строчках люки открываются и появляются... птицы с человеческими головами! Даже досадно стало, ей-ей. <...>

А заметь, сколько появилось научной фантастики. Издали отдельно «Астронавты»225, «Аргонавты Вселенной»226 — убожество, мир гигантских насекомых на Венере, но именно на Венере. В журналах идет «Туманность Андромеды»227, «Прохождение Немезиды», «Планетный гость», «Звездный человек» — и всё, кроме «Инея на пальмах», астрономическое. Не следует сомневаться, что появятся еще и еще. Но все эти вещи (кроме, конечно, «Туманности») объединяют по крайней мере две слабости: а) их пишут не писатели — в них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; язык их дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна — дешевый казенный патриотизм, б) их писали специалисты-недоучки, до изумления228 ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы. Широты знаний и необходимой эрудиции у них не чувствуется. Они тяжеловесно топчутся на одном месте, назойливо втолковывая читателю, что

дважды два четыре.

И еще одно — этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они смертельно боятся (если только вообще имеют представление) смешения жанров. А ведь это громадный выигрыш и замечательное оружие в умелых руках. В принципе это всем известно: научная фантастика без авантюры скучна. Голого Пинкертона могут читать только школьники. Но пользоваться этим законом никто не умеет. Первую серьезную пробу в этом отношении для научной фантастики сделали мы в «СБТ», хотя еще не подозревая об этом. А теперь надо тщательно продумать все возможности и выступить смело.

Чтобы яснее была тебе моя мысль, приведу высказывание одного из крупнейших наших литературоведов А. Аникста о «Тихом американце», книге несомненно оригинальной и замечательной: «„Тихий американец“ — произведение разностороннее, содержащее и элементы детектива, и черты романа тайн; это и психологическая драма, и военный репортаж, и произведение с откровенно эротическими мотивами, и острый политический памфлет. Всё это сплетено так органически, что одно неотделимо от другого, и читателю только остается удивляться тому, как

убедительно звучит это неожиданное сочетание столь разнородных элементов»229.

Понял, браток? Понимаешь теперь, какой громадный козырь упускают наши горе-фантасты? Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее — пусть идея уже десять раз прежде обсасывалась дураками — сколько по:

а) широте и легкости изложения научного материала; «долой жюльверновщину», надо искать очень точные, короткие умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса;

б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев;

в) по разумной смелости введения в повествование предположений «на грани возможного» в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев;

г) по смелому, смелому и еще раз смелому230 обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства

в четвертом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще больший привкус необычайного. А разве необычайное — не наша основная тема?

Вот и всё.

У нас дома всё хорошо, Машка немного оправилась, веселая, аппетит хороший.

Да, читать Ландау не собираюсь. Буду ждать месяц. Записываю:

реферат по энтропии от Б. Н. С. к 30 октября.

Ну, поцелуй маму, привет ей. Привет и Адочке231.

Будь-будь. Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 6 октября 1957, М. — Л.

Любезный мой Бебкинс!

Посылаю окончательный — опять же, в первом приближении — вариант «Извне». Впрочем, на мой взгляд, в таком виде можно вполне отдавать в редакции. Всё дело в том, что ты дал совершенно блестящую композицию и две эффектных и прекрасно написанных сцены. Мне только пришлось устранить некоторые несообразности, «не играющие» моменты и дополнить рассказ деталями. В общем, подписал я его А. Б. С. и пускаю в ход.

Что касается планов на будущее, то об этом

позже. Насчет рассказа в два месяца подумаем. Пока всё. Крепко целую, твой А.

Привет Адочке.

ЗА СПУТНИК-ГИП-ГИП-УРА-УРА-УРА!!!!!!!

Кстати, о массе живого человечества. Сие mocha est. Масса Земля + биосфера не может измениться, ибо если биосфера × N, то Земля/N. Жратва для людей берется все-таки из массы Земли. (Хотя... масса солнечной радиации?) А что касается презервативов — то их, вероятно, будут выпускать в изобилии даже не зная о подобной мнимой угрозе.

Другое дело, литературная точка зрения. Здесь возможны *идеи*. Надо подумать. Напр., планета, пожранная бактериями, а? Масса неорганики, целиком перешедшая в органические, живые массы, планета-биосфера. Но это потом.

О впечатлении, произведенном известием о запуске первого искусственного спутника на орбиту Земли, вспоминает БН:

БНС. Офлайн-интервью 26.10.04

Завтра 4 октября, день, когда в 1957 запустили первый спутник. Борис Натанович, расскажите, какие были у Вас чувства, когда узнали о запуске?

Иваныч, Россия

Это был сплошной телячий восторг — песни, пляски, карнавалы и сатурналии. Наша компания в Пулкове сочинила целый фильм о спутнике — рисованный, с музыкой и стихами, записанными на лабораторный магнитофон. Ночами работали, сгорая в пламени энтузиазма. Это было — счастье и ощущение прорыва в будущее.

Письмо Аркадия брату, 14 октября 1957, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

Курьезный случай. Вчера мы с Ленкой ходили за покупками, и вдруг я нашел рубль. Хотел уже оставить его там, где он лежал, но Ленка заявила, что найти рубль на московской улице — дело не частое, это, верно, к добру. Я, кстати, очень беспокоился о том, дошла ли до тебя моя бандероль. И представляешь себе, возвращаемся домой — приносит почтальон твое письмо. «Доплатное». «Сколько?» — «Рубль». Кстати, ты таких вещей больше не делай — могло никого не оказаться дома, и получил бы я твое письмо через дня два.

«Извне» сдал в «Технику молодежи», велели позвонить двадцатого. Рассказ зря хаешь, по-моему, он не плохой. А что суховат — так этого требует стиль, в таких обстоятельствах размазывать бы-

ло бы неправильно, на мой взгляд.

Идеи мне твои не нужны, писать надо вместе. Фирма «АБС» должна действовать единым фронтом. Итак, жду набросков твоего рассказа о беспутном журналисте. В свою очередь пишу тоже небольшой рассказик — под влиянием Ефремова. Только — видишь ли, во мне заговорил патриот нашего земного человечества, и хочется иметь возможность помочь отстающим человечествам других миров. Это фон рассказа. Сам рассказ малосюжетен, прочтешь, будешь обрабатывать — посмотришь.

Всё время думаю о том, как бы сделать из СБТ конфетку. Есть соображения. а) Убрать угробление Гриши — выглядит плохо. Прежде всего потому, что окрашивает основные работы экспедиции в мрачный оттенок. Угробить его на обратном пути или в конце работ, да еще как-нибудь с самопожертвованием — вот было бы здорово. Или просто сжечь его вместе со Строговым — самое правдоподобное. б) Заново продумать композицию третьей части в смысле показа болота. У нас получается скверно пахнущий разрыв, «бланк» — едут через болота к «Голконде», пробираются через болота назад — и не показаны чудеса. Все дается только в послед-

ней главе. Неправомерно. Может быть, посадить все-таки «Хиус» в пустыню, а потом изобразить в отдельной главе либо продирание через болото «Мальчика», либо продирание через болото Громыко и Бирского. Последний вариант лучше — возможность смешения бреда с действительностью и усиленные муки жажды. Но тогда нужно найти чем заполнить главу о Мих. Ив. в) Надо исправить нелогичное на посторонний взгляд оставление «Хиуса» после создания ракетодрома. Он должен был «бы» перелететь, но почему-то задержался. И т. д. и т. п.

Насчет СБП напишу позже, когда окончательно оформится план. А пока — будь здоров. Большущий привет мамке. Поцелуй ее. А также привет Адочке.

Письмо Аркадия брату, 24 октября 1957[232], М. — Л.

«Поздно, поздно!» — кричал Вольф. Пена и кровь текли по его подбородку[233].

Дорогой Бобкинс!

Поздно. События разворачивались с необычайной быстротой. Правда, смею надеяться, что я вышел из положения с честью. Кажется, я звонил

тебе в понедельник. Вечером того же дня я воспринял в качестве противогриппозного средства много водки и не работал. Утром во вторник вдруг звонит на работу ко мне Моралевич — это их редактор по научной фантастике, между прочим, далеко не кретин и хороший парень — и требует срочно доставить в редакцию рукопись на предмет иллюстрирования. Они якобы хотят сделать цветную вкладку и так далее. Я понесся. Да, предварительно я единственный экземпляр рукописи разделил на четыре части и заставил четырех машинисток отпечатать его за полчаса — ведь работать-то надо и мне тоже! Между тем накануне <...> я обдумал небольшой планчик, коий и изложил Моралевичу. Он принял благосклонно, я принялся за дело. Завтра я тебе вышлю то, что получилось. Пока лишь скажу, что рассказ сохранен полностью — во всяком случае внешне — и только облит сверху (сиречь сзади и спереди) сладкой глазурью благополучия. Так что в основном дело в шляпе. В редакцию рассказ попадет в соответствии с новыми сроками — было приказано сдать его к двадцать пятому. Сегодня я его добил окончательно и опять сдал машинисткам. Разор один. Завтра отвезу. В общем, поскольку это зависит от Моралевича, рассказ будет напечатан

в январском номере... гм... нумере, конечно.

Так что твой план сюда запоздал. Но значит ли это, господа присяжные, что он запоздал вообще? Нет, не значит. И не вижу никаких оснований полагать, что кто-либо помешает нам создать на основе «Извне» повесть в твоем плане. Но! Об этом надо еще подумать. План составь во всяком случае. Между прочим, я беседовал с главным редактором «Молодой Гвардии», и он жаловался, что нет у нас, понимайте-ли жульверн ов, понимайте-ли, уэльсов и беляевых, понимайте-ли234, простых советских фантастов. Ефремов? О, конечно, мы Ефремова любим и переиздаем, но, понимайте-ли... Кстати, ты знаешь, что «Туманность Андромеды» имеет объем вдесятеро больший, чем напечатано в «Технике»? То-то. «Молодая Гвардия», видишь ли, не согласна с рядом положений Ефремова о коммунистическом обществе. Трох-тибидох-тибидох...235 Так о простых советских фантастах. Он говорил, что есть у него на примете растущие товарищи, но у них, понимайте-ли, всё еще либо в голове, либо в чернильнице. Одним словом, готовься к боям. Перспективный план —

1) Написать (напечатать, конечно) еще несколько рассказов, затем издать сборник «Завтра — к

звездам».

(Подумай-ка, кстати, нельзя ли сделать рассказ из «Страшной большой планеты»?)

2) Написать что-нибудь не на звездные темы.

3) И так далее.

Вот и всё пока. Не нарушай обычая отвечать немедленно на каждое письмо. Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 30 октября 1957, М. — Л.

Здравствуй, Беба.

Сам ты пьяный. Прежде всего, отпуск мне дадут не раньше, чем в конце ноября, а вероятнее всего — в начале декабря, где-то возле Дня Конституции[236]. Об этом я, кажется, писал достаточно ясно. А уж расчетам, как выгадать для отпуска лишнюю парочку деньков, не тебе меня учить. Сделаем, Бобик! Значит, будем строить работу с учетом личной встречи только через месяц с лишним.

Значит, принципиально вопрос о будущем сборнике «К звездам» решен. Небольшая повесть и пяток рассказов. Кстати, ты совершенно прав, когда говоришь о необходимости обновить тематику. Взять хотя бы «пересадку памяти» — здесь нужен хороший сюжет, тогда будет смачно. Но это вещь рискованная, так как редакционные зубры могут усмотреть в этом идеализм и т. д.

Следует искать других тем. В этой связи приведу тебе один любопытный разговор, который я имел вчера в Ленинской биб-ке на выставке. Я стоял дежурным по выставке, как вдруг в дверь ворвался маленький человек в роговых очках, с приятной наружностью растерянного и добродушного умного интеллигента. Он ткнулся носом мне в живот и спросил, задыхаясь: «Скажите, где здесь экспонирован Ефремов, «Туманность Андромеды»?» «„Туманность Андромеды“ не только не экспонирована, но и еще не вышла, и не известно, выйдет ли вообще», — говорю я. «Как так? Мне же сказали!» — На лице его изобразились растерянность и огорчение. «Ничем не могу помочь». «Ах, а я ведь специально ехал на выставку из-за этой книги! Гениальная книга! Чудесная книга! Потрясающая книга!» Мне оставалось только пожимать плечами. В конце концов он взял меня за среднюю пуговицу пиджака, внимательно рассмотрел ее и проникновенно сказал: «Вы, я вижу, до некоторой степени в курсе нашей научной фантастики». Я не возражал. «Так вот, мне хотелось бы посоветоваться с вами». И он рассказал мне, что сам он биолог, и у него есть пятнадцатилетний сын, и оба они до бреда увлечены этим жанром, и что в конце концов

он решил написать что-нибудь сам. Писал ли кто-нибудь о кибернетике? Не писал? Тем лучше. Он хорошо разбирается в этой науке и у него есть план повести, и он начинает писать, и как ваша фамилия и как к вам позвонить, когда я через месяца два закончу первую часть и захочу посоветоваться с вами. Тему, брат, он берет рискованнейшую и интереснейшую. Эрудиция у него огромная — то есть с моей точки зрения, он специально следит за этой областью и читает всё новое, что выходит у нас и за рубежом по «зоомеханизмам» и «машинному анимализму». Думаю, что печатать его не будут, а жаль. Даже независимо от литературных достоинств это будет очень интересно.

Мы расстались друзьями, очень довольными друг другом. У него мой телефон, и он, вероятно, позвонит, я постарался внушить ему необходимость этого. Для чего я это рассказываю? А вот для чего. Тема эта — кибернетика, логические машины, механический мозг — висела в воздухе у нас перед носом, но никому из нас она и в голову не пришла — как таковая. Ты понимаешь меня? Может быть, есть еще земные темы, не замеченные нами?

Думай, думай, думай!

Но сперва нужно закончить космический цикл.

Что касается до твоей с Адочкой женитьбы, то благословляю. Смотрите только мать не обижайте. А в остальном — валяйте. Мы с Ленкой шлем большой привет обоим вам по этому случаю и целуем обоих крепко. Порабрт — пора![237]

Вот всё. Крепко жму руку, всем привет, Арк.

Вероятно, встреча АБС, намеченная на конец ноября — начало декабря, состоялась, и братья вновь разъехались.

Письмо Аркадия брату, 24 декабря 1957, М. — Л.

Здравствуй, Бебкинс!

Спешу поделиться неприятной новостью: «Человека из Пасифиды» не берут. Не берут, главным образом, потому, что не хотят возиться с японщиной — дело это никому не известно и боятся сесть в калошу. Ну и бог с ними. Сейчас делаю последнюю попытку: отправлю в «Вокруг света», но надежд не питаю никаких. Будем считать, что это наша первая (и, конечно, не последняя) неудача. Что ж, вернемся на прежний курс и будем работать в области НФ, отказываясь и отмежевываясь от П. Помни, кстати, что вариант «Нашедшего память» жду не позднее середины

января. Теперь старайся выдерживать сроки, так как год у меня будет очень загружен текущими делами и делишками.

Я сейчас сдавал по редакции очень сложную книгу и устал до чертиков. Ни о чем не думается, хоть тресни. Но стараюсь представить себе, все-таки, «Последнего Роджера». Хоть и не могу.

Дома у нас всё благополучно. Передай привет маме и Адочке. Привет вам всем от местных. Жму руку, целую, твой Арк.

В конце года, в 12-м номере «Юности», как и планировалось, вышла повесть Л. Петрова и А. Стругацкого «Пепел Бикини». Книга Кобаяси Такидзи «Избранное» (М.: Гослитиздат, 1957) украсилась предисловием АНа. Еще появились переводы АНа стихотворений с японского в 4-м номере журнала «Молодая гвардия» и 5-м — «Литературной Грузии».

И с фантастикой дело обстояло неплохо: АБС начали обживать редакции как журналов, так и книжных издательств. В Детгизе началась работа над изданием СБТ, в «Техника — молодежи» уже готовился к выпуску журнал с «Извне». Планов — громадье, идей — тоже. Братья переходят на новый уровень творчества — не просто сочинять потому что хочется, а писать с прицелом

на издание. Это уже была заявка на профессионализм.

1958

В начале этого года БН работал над будущим рассказом «Шесть спичек».

Из: БНС. Комментарии

Все началось еще в школьные годы БНа, когда от своей приятельницы (в которую влюблен он был безнадежно и безответно и у которой родители были сотрудниками Института мозга имени Бехтерева) услышал он совершенно фантастическую историю об исследованиях воздействия на человеческое сознание препарата мексиканского кактуса пейотля. Психика испытуемого под действием таинственного препарата получала, якобы, совершенно необыкновенные свойства — в частности, у испытуемого, вроде бы, появлялась способность видеть с закрытыми глазами и вообще — сквозь непрозрачные преграды. Это было — *нечто*! С помощью той же приятельницы (она тоже была девочка увлекающаяся и очаровательнейшим образом напоминала Катьку из «Двух капитанов»238) БН раздобыл XVIII том «Трудов института Мозга» и там на странице 55 (ссылка

сохранилась) обнаружил статью «К вопросу о психофизиологическом действии „пейотля“»239.

О «видении сквозь стены» в статье не было ни слова, но и то, что там было, поражало воображение не хуже беляевского романа. «Калейдоскопическая смена образов...», «Во много раз повышается интенсивность зрительных и слуховых ощущений...», «Долгое сохранение в сознании зрительных образов при закрытых уже глазах...» (Я цитирую сохранившийся чудом конспект статьи.) «Аккорды на рояле вызывают ощущение вспышек света разных цветов...», «Впечатление полета времени...», «Перемещение магнита у затылка вызывало впечатление полета метеорита. Поворачивание его на 180 градусов вызывало поворачивание на 180 градусов зрительного образа...» Это, конечно же, было прикосновение к Невероятному! Невероятное, оказывается, и на самом деле существовало в этом суконно-скучном мире, и оно было рядом, рукой подать — тут же, через Неву, простым глазом видно было здание Бехтеревского института.

С тех пор БН надолго заболел проблемами сознания, фантастическими свойствами человеческой психики и прочей парапсихологией — хотя и не знал в те поры этого термина (а может быть,

его тогда, в конце 40-х, и не существовало вовсе). Преобразования сознания. Пересадки сознания. Возникновение «несуществующего» сознания... В августе 1955 БН написал рассказ «Затерянный в толпе», но тут же оказалось, что это попытка с негодными средствами. Через год-два очередная попытка, рассказ с претенциозным названием «Кто скажет нам, Эвидаттэ?». Здесь уже появляется фамилия Комлин и эксперименты по облучению мозга быстрыми частицами. Однако реакция АН оказалась совершенно недвусмысленной и — увы! — совершенно справедливой.

О реакции АНа — в его ближайшем письме, но сначала еще чуть-чуть воспоминаний (автор статьи в «Трудах Института мозга», столь поразившей БНа, — Л. Л. Васильев):

БНС. Офлайн-интервью 07.04.00

Достоверные случаи телепатии, ясновидения и т. д. и т. п. известны уже давно <... > Возможности человека и их использование в практике очень активно изучал Бехтерев (за что и поплатился жизнью — был убит по прямому приказу Сталина). То, что сейчас называется «Телепатия», а ранее «Биологическая радиосвязь», изучали также Б. Б. Кажинский и В. Л. Дуров (основатель

династии).

Быть может, беда человеческой цивилизации в том, что она сошла с пути биологической эволюции и в ущерб себе пошла по пути машинного развития?

Виктор. Одесса, Украина

Странных — правильнее сказать, *редких* — событий в человеческой истории можно насчитать много. Ни одно из них, по-моему, не свидетельствует в пользу «сверхвозможностей». В том числе и те, которые Вы здесь привели. Кажинского я, конечно, читал и более того — был лично знаком с Леонидом Леонидовичем Васильевым, продолжателем (в том числе) идей Кажинского, и вообще самым знаменитым в свое время (конец 50-х, начало 60-х) специалистом в области парапсихологии. Это был очень симпатичный и интеллигентный пожилой человек, который, однако, так и не смог меня ни в чем убедить. А ведь это было время, когда я страстно хотел, просто мечтал, чтобы меня убедили!

В следующем письме АН критикует раннюю версию ШС — «Затерянный в толпе» (опубликован в 11-м томе собрания сочинений «Сталкера»).

Письмо Аркадия брату, 29 января 1958, М. — Л.

Здравствуй, Бэби-друг.

Получил твой вариант и, надо сказать, испытал вовсе не восторг. Знаю и ценю в тебе отвращение к «тривиальности», но здесь ты хватил через край. Собственно, нетривиальность сюжета — единственное достоинство твоей вещи, причем загнутено так смачно, что несмотря на явную непригодность вещи я все же некоторое время колебался и раздумывал над тем, как и что в ней можно исправить. Но по зрелом размышлении решил, что такого горбатого не исправит даже наш советский колумбарий240. Думается, истоком основного недостатка явилось некоторое неправильное понимание основного принципа (или даже принципов) нашей научной фантастики. Надо раз и навсегда уточнить этот вопрос.

Я всегда утверждал и буду утверждать — и ты, если как следует подумаешь, несомненно согласишься со мной, — что главной, если не единственной, темой научной фантастики, ее целью является прославление могущества человеческого разума, сам человек в совокупности с его научными и техническими достижениями. Если оставить в стороне «Борьбу миров»241 и

еще пару очень хороших произведений на тему о ничтожестве человека, во всей литературе не найдешь ты ни одной упаднической вещи, которую стоило бы читать. Но даже «Борьба миров» — ведь сей роман целиком посвящен теме отношения человека к неизведанному. Ну скажи, кому интересно читать рассказ о судьбах науки в каком-то выдуманном человечестве? Марсиане, жители морских глубин, открытия диковинных тайн природы — всё это в литературе имеет смысл лишь постольку, поскольку они, марсиане, жители, тайны, соприкасаются с человеком и определяют его жизнь. Так неужели опять мы будем спорить о том, что основной темой фантастики является обыкновенный человек в таких-то условиях, или необыкновенный человек в таких-то условиях? Ты можешь возразить (если такому упрямому ослу как ты попадет вожжа под хвост), что выведенные тобой Атты, Эвитуатты и как их еще там — просто замаскированные люди, что здесь подразумеваемся мы, как Франс подразумевал французов под пингвинами или Акутагава — японцев под каппами. И всё только для того, чтобы создать нетривиальный сюжет? Дорогая цена за нетривиальность. Итак, договоримся: впредь героями нашими будут только

люди безо всяких иносказаний.

Вторая принципиальная ошибка — «вероятность мала, но вовсе не равна нулю». Вдумчивый читатель (а на такого и следует ориентироваться) сразу заметит в твоей вещи эту слабину: ученый производит какой-то опыт и в результате сразу же попадает на что-то, полностью соответствующее объективной реальности. Беспорядочное и на удачу посланное излучение создает случайно целый мир. Такой галиматьи тебе ни в жисть не простят. Интересно, что бы ты сказал о произведении с таким вот сюжетом: на Земле получены радиосигналы из космоса. Откуда — неизвестно. Собирается экспедиция, летят на туманность в Треугольнике, садятся на одну из планет одной из звезд одной из ветвей туманности и оказываются прямо во дворе таинственной радиостанции. То-то ты бы взвился!

Третья ошибка. Прочитает наш вдумчивый читатель этот рассказ (слава богу, что не прочитает) и скажет: ну и что? Ведь ты, м...к, ничего, по сути, не сделал. Ты не открыл ни одной возможности, которые даются этой темой. Ни новые свойства мозга, ни перспективы применения этого открытия, ничего. Обломались у тебя крылышки, сударь, вот что.

Ладно, пока отдохни. Давай писать «Страшную большую». «СБТ» пока откладывается, придется ждать. Заметь, в наших интересах иметь побольше напечатанного к тому времени, когда работа над «СБТ» будет в разгаре.

Спасибо за карточку Ады. Итак, срочно присылай план или схему «Страшной большой». Не медли. Для нас сейчас ответственный момент. Пока на нас не махнули рукой, надо делать.

Привет маме, Адочке. Жму руку, твой Арк.

И вот долгожданное событие — выходит «Техника — молодежи» с первым произведением АБС «Извне». Пока это еще не повесть, пока под этим заглавием вышла только вторая часть будущего «Извне». Да и финал там насквозь патриотичный и верноподданный (подробнее см. НС-1). Первая совместная публикация! Фантастическая! Но АБС полны новых замыслов, их более тревожат те произведения, которые проходят издательские препоны, и те, которые еще только должны быть написаны.

Письмо Аркадия брату, 8 февраля 1958, М. — Л.

Се слышу глас не мальчика, но мужа!

А. С. Пушкин[242]

Вот теперь тебя люблю я, вот теперь тебя хвалю я.

К. Чуковский[243]

Дорогой Беб!

Я всегда говорил, что ты очень даже можешь, когда и если захочешь. И весьма был рад, что не ошибся и на этот раз. Разговор о «Нашедшем память» пока отложим, вероятно, до встречи — я думаю побывать у вас в конце марта. А сейчас — краткая информация о положении вещей. Рад обрадовать тебя, что «Т. М.» с нашим рассказом уже вышла и на днях будет распространяться. И сообщил твой адрес, теперь жди через недели две гонорар. (Свою половину, конечно.) Я, правда, сам еще не видел, как это выглядит натюрель, думаю, что в следующий вторник увижу. Теперь о «Багровых тучах». Как ты понимаешь, я не меньше тебя обеспокоен судьбой этой вещи, но могу сказать одно: нас не опередят. Некому, понимаешь. Дело обстоит примерно так. В настоящее время в связи с затруднениями чисто полиграфического свойства, возникшими при организации ряда новых издательств (издательств стало больше, а полиграфическая база пока прежняя), планы всех редакций урезаны. Но «СБТ» в плане остался, и

полиграфические неприятности его не касаются, во всяком случае — непосредственно. Главная беда состоит в том, что по научной фантастике в Детгизе работает только один человек — наш Кассель Исаак Маркович. К несчастью, он же является еще и ведущим редактором «Мира приключений», который недавно ругали, и он еще человек очень болезненный. В редакции НФП поэтому образовался завал, который только сейчас начинает рассасываться. Мои клевреты в Детгизе доносят мне, что Кассель очень любит нашу вещь, яростно защищал и отстаивал ее при урезывании плана и неоднократно жаловался, что у него недостает рук, чтобы начать с ней работу. В общем и короче говоря, «СБТ» увидит свет непременно, а сроки начала работы с ней следует ожидать порядка конец февраля — начало марта — март. (Страшная фраза, недостойная редактора.) Успокоился? А обогнать нас не могут хотя бы потому, что в план выпуска 1959 года, куда засунута наша вещь, никого уже не возьмут. План уже утвержден, и из него можно только выкидывать. Вот так-то.

Теперь о «Страшной Большой». План ты предложил отличный, и он нуждается лишь в некоторых доработках. Преимущества его такие:

1) Первая в СССР вещь на тему о межпланетном пиратстве;

2) Отличная преемственность с «СБТ»;

3) Снова это не флаги и стяги во всепланетном масштабе, а только эпизод;

4) Энергичный сюжет;

5) И тк дл.

Жаль только, что придется бросить малые формы, кои хорошо идут в журналы. Подумай над каким-нибудь сюжетцем. Я сейчас поспешно изучаю основы кибернетики и теории информации, разверни-ка что-нибудь на эту тему. У американцев уже масса вещей на этот счет, но никакой достоверности.

Но работать над «СБП» надо начинать сразу же, с тем, чтобы по окончании «СБТ» сразу предложить *продолжение*.

Понял? Но прежде всего следует подумать об основах межпланетной стратегии. Представить себе, как это будет? У иностранцев на этот счет пишут всякую чепуху — сражения межпланетных эскадр и т. д. Затем о Симмонсах — кто, откуда, почему. Между прочим, по моему мнению, угроза в будущем появлении такой пиратской организации представляется мне весьма вероятной. Вопрос: как связаны Симмонсы с империали-

стами и правительствами своих стран? Тоже подумать. А фон такой: реакция, получив от народов мира отпор в смысле развязывания войны на Земле, решила достать правой рукой левое ухо — завоевать пространство и оттуда уже ударить по Советам, не подвергая себя превратностям ядерной войны. «Это пираты вас бьют, а мы ни при чем». Обыграть. Но это, конечно, только фон, и тратить на это больше полстраницы машинописи мы не будем. Главное — эпизод.

Вот и всё пока о «СБП». Напиши не замешкав о конкретном плане работы — когда, кому что, и будешь ли ты работать сразу или нужно будет мне снова тянуть из тебя жилы. Лучше всего разработай сроки из расчета до февраля следующего года.

Не могу удержаться, чтобы не отметить: твоя твердая уверенность в безукоризненности идеи Аттэ-Эвидаттэ представляется мне мало обоснованной.

Привет маме и Адочке.

Пиши скорее. Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 17 февраля 1958, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Не дождался твоего ответа, потому что получились новости. Ты, впрочем, сообрази и насчет ответа на мое предыдущее письмо в свете содержания этого. Прежде всего, неделю назад я встретил Кима и узнал от него радостную весть: в издательстве «Советская Россия» создан журнал-альманах «ПИФ» — «Приключения и Фантастика». Ким заметил мне, что ждет от меня произведений в этом жанре. Я, конечно, обрадовался, тем более что Ким вообще относится ко мне неплохо — это раз, и во-вторых он сказал, что в этой литературе должно быть по возможности больше фантастики и поменьше науки. Я под шумок сунул ему «Человека из Пасифиды» — пусть побалуется старик. Кстати, он член редколлегии этого журнала, что тоже неплохо. И знаешь что мне пришло в голову? А не сделать ли нам для «ПИФа» трилогию на основе «Извне», о плане которой ты мне в свое время писал? Небольшую повестишку листа на три-четыре? Этак восемьдесят-сто машинописных страничек, а? Продумай тщательно эту возможность и дай

ответ немедленно. Второе: Считаю, что пора обратиться к теме «Не вовремя проснувшийся». Я кое-что обмозговал и полагаю, что такой рассказ можно сделать неплохо — для «Техники» или для «Знание — сила». Так что пришли мне, что у тебя есть, попробую доделать. Кстати, вчера я закончил вчерне небольшой рассказик. Читал Ленке, она не очень испугалась. Днями постараюсь отработать и пошлю тебе на доработку. Не знаю, как тебе понравится, но тема, по-моему, хорошая. Через неделю будет у тебя. Назвал условно «Спонтанный рефлекс».

Вот у меня всё. Из Детгиза пока не звонили. Привет маме и Адочке. Жму руку, целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 27 февраля 1958, М. — Л.

Дорогой Боб.

Сегодня высылаю тебе «Спонтанный рефлекс». По моему мнению, тему эту необходимо было обработать, ибо по этому вопросу никто еще в нашей литературе ничего не писал. Рассказ в том виде, в каком я тебе его сейчас посылаю, не совсем пригоден для печати. Он должен быть, во-первых, более компактен и энергичен, во-вторых, обработан как следует стилистически,

в-третьих, должно быть уделено порядочное внимание речевой характеристике героев. Для последнего пригодны любые средства — вплоть до того, что можно сделать одного из героев заикой. Научное обоснование описанного дается в последней части рассказа. Я умышленно писал очень подробно с тем, чтобы ты разобрался в этом вопросе как следует. Возможно, изложить можно всё короче и яснее. Попробуй. Вообще разрешается делать с рассказом всё что угодно, вплоть до изменения фабулы, с условием, однако, попытки изложить часть событий с точки зрения УРМа. Если бы это удалось тебе сделать очень хорошо, в духе Сетон-Томпсона или Чарльза Робертса, рассказ получился бы прелестным. Идеологическая подкладка рассказа вызывает у меня некоторые сомнения, но это будет решать редактор. В крайнем случае подправим. Еще одно. Дай больше юмора, больше смешного, это очень важно. Мнение о рассказе вышлешь мне сразу по получении и прочтении, а готовый вариант дашь к 15 марта. Нужно торопиться, здесь могут обскакать.

О «Технике молодежи». К твоему сведению, авторских за журнальный материал не полагается. Я приобрел 6 штук по блату и добросовестно поделил их. Я рассчитывал, что один ты подаришь

маме, и он останется дома, один Володе, один Ставискому. Вообще же, как я выяснил, дарить журналы считается «мовэ».

Относительно твоего плана работы. В целом принимается. Как скоро закончим со «С. Р.», беремся за «Не вовремя...» и затем за новое «Извне». Дальше видно будет, но не упускай из виду и вариант «рассказ в два месяца».

Вот пока всё. Жму руку, Арк.

Поцелуй маму и Адочку.

Письмо Аркадия брату, 12 марта 1958, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Ты отправил письмо третьего, а я получил одиннадцатого, так что, я надеюсь, ты меня не стал дожидаться и сделал «Сп. Реф.» самостоятельно и уже его выслал. Мне, а вернее нам, очень важно получить его и сдать в журнал как можно раньше.

Теперь по поводу «Сп. Реф.». Я понимаю, что тебя смущало относительно бунта машин и т. д. Значит, я просто скверно выразил идею. Эскапада Урма — не бунт машины — кстати, о бунте машин я что-то не читал ни одной книги[244], и гибель сенсации[245] это не бунт машин; но я понял, что вы с Адочкой имеете в виду. Так вот,

эскапада Урма — попытка машины сравняться с человеком. Урм не бунтует, он просто-напросто любопытен, и славно было бы, если бы это нашло свое отражение в рассказе. Урм — не мрачный и зловещий Франкенштейн[246], истребляющий всё вокруг себя, а превосходное счетно-решающее устройство, в силу научной мощи человека получившее способность «думать» не по заданию, а *самостоятельно*.

Идея рассказа. Господин инженер человеческих душ[247]! Доколе? *Доколе же?* Ну ладно, повторение — мать (мать) учения. Идеей всякого научно-фантастического произведения является вера в безграничную способность Человека преодолевать бесконечные *невозможно*, восхищение гением прррростого советского ученого и инженера и в то же время его, ученого (инженера) смелостью, человечностью, любовью к делу, любовью к людям. Этак ты спросишь: а какая идея «Извне»? Не лезь в межпланетный сосуд, буде он прилетит? Или «СБТ» — лучше не лететь, чем лететь?

Вот всё. Привет и поцелуй маме и Адочке.

Твой Арк. Надеюсь получить пятнадцатого.

Письмо Аркадия брату, 19 марта 1958, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Сегодня был у меня очень интересный день. Пришел это я в Детгиз, сдал последнюю верстку «Пепла», а мне и говорят: «Переходите работать к нам. Сначала для вида поработаете с научно-популярной литературой, а затем с богом и за научную фантастику». Я, конечно, перепугался и пока ничего определенного не ответил. Там видно будет. Виделся с Касселем. Уверяет, что всё на мази. Говорит, что *все* читали и *всем* страшно нравится. Так что вопрос с изданием решен, как я и ожидал. Он говорит, что сейчас заканчивает работу с повестью Полещука «Звездный человек», а затем возьмется за нашу. Теперь вот что. Отнес в «Технику молодежи» «СР», будем ждать ответа. Поинтересовался в «Молодой Гвардии» постановкой дела с НФП. Ну конечно! Выпускают они столько же, сколько и Детгиз. Но в Детгизе один Кассель, а в «Молодой» — пять гавриков. Я договорился там на участие в антологии Американской Научной Фантастики. Коль захочешь — подберу материалец и для тебя.

А самое главное вот. Звонил я только что Киму. Ликуй, Исайя![248] Осенью выходит ПИФ № 1 и

в нем будет «Человек из Пасифиды». Но и это не главное. Мы получили от Кима заказ: 1) НФ повесть на три — три с половиной листа. Думаю, написать по мотивам «Извне», как ты предлагал. 2) Обзорно-программная статья о научной фантастике на лист. Ким говорит, что если это нам удастся — мы прочно войдем в эту литературу.

Думай и готовься. Значит, так. В будущий понедельник я выезжаю к вам, будем неделю работать, как проклятые. У меня есть еще одна темка для рассказа, нужно обсудить. Но сначала — заказ. Итак, приезжаю во вторник, выпивка и закуска по случаю встречи — за твой счет, а затем — за работу, за работу, за работушку.

Передай горячий привет мамочке и Адочке, скоро увидимся.

Жму руку, твой Арк.

День Парижской Коммуны, Столица Нашей Родины.

Письмо Аркадия брату, 26 апреля 1958, М. — Л.

Дорогой Боб!

Срочно купи два (два, не меньше) экземпляра вашего Ленинградского издания «Кон-Тики»249 (говорят, крупноформатная книга, ищи по этому признаку) и вышли мне. Срочно! Найди и купи.

Относительно «Извне». К маю не сделаю. Всё будет (должно быть) переделано в корне. Разные «Вэйдады Ю-и» и пр. выбрасываю. Пришельцы пришли и ушли. К чертям, не желаю больше зависеть от дурных вкусов. Если у тебя есть соображения по этому поводу — вышли. План такой:

«Извне» (повесть в трех рассказах)

1. Рассказ офицера штаба Н-ской бригады майора Ковалева о человеке в сетчатой майке.

2. Рассказ научного сотрудника Гос. Эрмитажа археолога Титова о Черных Пауках и Черных Вертолетах (титулование Титова уточни и пришли).

3. Рассказ ...(кого?)... Лозовского о приключениях на борту звездолета Пришельцев.

4. От Сталинабадской комиссии (объяснение и гипотезы). Профессор доктор наук Никитин.

Вот так.

Ну, жму руку, привет всем, Арк.

Повторяю: Кон-Тики и соображения высылай срочно.

[подпись]

Письмо Аркадия брату, до мая 1958, М. — Л.

Феномен — превосходно. Как раз так, как нужно. Не думаю, чтобы старина Эйч Джей250

написал бы лучше. Встретимся и будем говорить. Пока думай о том, что я написал.

Жму руку, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 8 мая 1958, М. — Л.

Дорогой Боб!

Посылаю тебе рецензию И. Ефремова. Имей в виду — Аа. это «авторы».

«Спонтанный рефлекс» в «Технике» не прошел, все его хвалят, но не берут, потому что робот слишком живой. Я отнес его в «Знание — сила». Днями понесу «Феномен», он же — «Гигантская флюктуация».

Готовься к работе над «С. Б. Т.» Дело начнется еще до конца мая. Кстати, предварительно у меня есть соображение: назвать повесть «Эпизод» и послать к Голконде пять звездолетов. Так что мы будем описывать приключения одной из экспедиций. Но подробно спишемся потом. «Извне» вчерне закончен, еще несколько страниц, и я тебе вышлю. Статья наша мотается где-то в Союзе Сов. Писателей.

Всё. Привет всем,

твой Арк.

Какая прелесть «Феномен»! Тебе премия за лучший сюжет и исполнение за 1958 год. Я только

чуть-чуть отредактировал, остальное всё, как было.

Рецензия И. Ефремова в архиве АБС сохранилась. Вот она:

Ефремов И. А. Отзыв о повести бр. Стругацких «Страна Багровых Туч»

Научно-фантастическая повесть бр. Стругацких рассказывает о будущем, об одном из этапов покорения планеты Венеры.

Поскольку на повесть уже имеется подробная и умная рецензия М. Ложечко, с которой я почти во всем согласен, я не буду в дальнейшем затрагивать многие детали, уже отмеченные М. Ложечко.

Повесть написана очень интересно, ярко, динамично, читается без отрыва. Аа. обнаружили безусловный литературный талант. Некоторые эпизоды, как например, находка английского звездолета, возвращение Громыко и Бирского, описания природы Венеры и т. д. написаны с большой художественной силой. Пожалуй, я еще не встречал в нашей литературе столь убедительного рассказа о чужой планете. Читатель не ошибется, а сразу же почувствует себя перенесенным в далекий и совершенно иной, чем на Земле,

мир. Уже ради одного этого повесть надо печатать. Если же добавить к этому напряженный сюжет с постоянно возникающими загадками (причем эти загадки — природные, разрешение которых влечет за собой всякий раз расширение научного кругозора читателя, а не надуманные детективные условности), а также то, что люди даны с запоминающимися характерами, живые, то становится очевидным, что повесть «Страна Багровых Туч» — одна из редких удач научно-фантастической литературы, и чем скорее она будет опубликована — тем лучше. Молодыми и молодыми душой читателями книга несомненно будет встречена очень хорошо.

Мне не кажется, как то рекомендует М. Ложечко, что в повесть надо вводить еще какую-нибудь интригу (любовную или упаси бог — шпионскую). Повесть и без того достаточно динамична и увлекательна, обойдется и без звездных девушек. Тема же борьбы с природой и проникновения в ее первозданные тайны дана Аа. так сурово и сильно, что секреты обычно придурковатых «агентов» или прочих диверсантов, разгадка которых составляет главную линию столь многих у нас вещей приключенческого жанра, кажутся жалкими и неувлекательными. Великая труд-

ность завоевания Космоса умно и ярко показана в повести. В этой трудности и есть подвиг соревнования с другими исследователями и уважение, почти преклонение перед героизмом павших. Поэтому мне не представляется нужным, как то советует М. Ложечко, усиливать тем или иным путем показ соревнования с другими странами — оно проявляется само собой, без навязчивого подталкивания читателя, который видит, что каждый полет звездолета (кстати — лучше употреблять слово «планетолет», это точнее, вряд ли через тридцать лет мы будем строить корабли, могущие достигнуть иных звездных (планетных) систем) — это подвиг, требующий и отборных людей, и готовности к страшной гибели.

Исходя из этих соображений, повесть мне представляется более законченной, нежели предыдущему рецензенту, не требующей никакой кардинальной доработки.

Вместе с тем, М. Ложечко совершенно прав, отмечая выдающуюся неряшливость бр. Стругацких в подготовке рукописи. Неопытность ли тут или неоправданная поспешность — трудно решить, но иногда создается впечатление, что Аа. забывают то, о чем говорили на несколько страниц ранее. Резко противоречит научной

серьезности повести история со скафандрами, где опытные межпланетники ведут себя как забывчивые дачные мужья (кстати неправдоподобно, что скафандр может спасти от излучения, пробившего мощную защиту корабля — тут что-то надо переделать). Правильно отмечена М. Ложечко неточность характеристики главных героев, снабженных надуманными чертами, излишне «лихой» язык, имеющий явно блатной оттенок, частые повторения одних и тех же слов, ряд нелогичностей в словах и поступках героев.

Советские межпланетники заметно походят на грубых и невоспитанных межпланетников американских — героев множества американских научно-фантастических рассказов. Эта черта — явное подражание и ее надо обязательно изничтожить. Пусть останется резкость, суровость, нервозность, всё, что оправданно их тяжелой профессией, но никак не грубость и неуважение к другим профессиям — первый признак хамства.

Все указанные недочеты могут быть выправлены внимательной работой Аа. совместно с опытным редактором.

Равным образом, следует уточнить и разъяснить некоторые научные определения, встречающиеся в тексте. Это не следует делать в виде того,

что те или другие действующие лица читают друг другу лекции — это производит отвратительное впечатление, как навязший в зубах прием 19 века. Надо или сделать просто сноски, или как-то осторожно разъяснить в действии. Я не имею в виду, скажем, «абсолютного отражателя» — хоть это и вовсе не достоверная научно вещь, но право научной фантастики здесь неоспоримо. Другое дело — «Выводы Лоренца», «Эйнштейновы положения» и т. п. — то, что является непосредственно точной наукой сегодняшнего — это не должно остаться загадочным для читателя.

Надо исправить и некоторые научные ляпсусы — так например, невероятно, чтобы везде в помещениях звездолета не были установлены рентгенометры, нельзя, чтобы подвергшиеся облучению не проходили дезактивацию и точное медицинское (биологическое) исследование, и т. д. и т. п.

Всё перечисленное — редакционного характера, не требующее никаких коренных переделок повести. Эту работу надо проделать и поскорее выпускать интересную книгу.

5 мая 1958 г.

Профессор (И. А. Ефремов)

Письмо Аркадия брату, 11 мая 1958, М. — Л.

Дорогой Бобкинс.

Посылаю тебе последний вариант «Извне», приглаженный и обслюненный. Посмотри, что можно сделать еще.

«Спонтанный рефлекс» находится в «Знание — сила». Но я не особенно надеюсь. Все руководители научной фантастики сейчас как огня боятся кибернетики. Рассказ им нравится, но они боятся. Это для них табу.

Послезавтра несу в «Тех. — Мол.» «Гигантскую флюктуацию». Единственная надежда на оригинальность сюжета и художественность исполнения. Посмотрим, посмотрим.

«СБТ» идет в работу. Днями состоится редсовет, где будут включать ее в редподготовку. На совете выступят за нас Ефремов (лично или по отзыву), Кассель, Черненко (моя редакторша по «Пеплу»). Против могут быть только немцовцы. Но я думаю, обойдется.

Возможно, через неделю начнем работать с «СБТ». Кассель обещал дать рук. указания, составить проект договора и пр. формальности. Так что пора думать о частностях. Если есть идеи — высылай немедленно, чтобы я мог привести их

при обсуждении.

В Москву приезжал директор Ленинградского Детгиза. Кассель порекомендовал ему тебя как рецензента по научной фантастике и возможного редактора. Не стесняйся, бери и «отзывайся» — на основе наших принципов, конечно.

Как тебе понравилась выдающаяся неряшливость Аа.? Вообще я, брат, пересмотрел нашу рукопись и ахнул. Я ведь давно ее не видел. И скажу тебе прямо, если бы такую рукопись принесли в Гослитиздат мне — я бы пустил ее в спину автору. Грязь. Орфографические ошибки. Подслеповатый текст. Неаккуратность. И вообще выдающаяся неряшливость.

Ну вот всё. Жду твоего письма. Целуй маму и Адочку. Твой Арк.

Замечания Касселя по СБТ сохранились в архиве в виде обрывка листа с короткими записями карандашом. Большинство пожеланий редактора, судя по черновику и окончательному варианту СБТ, были выполнены.

Кассель И. Редакторские замечания по СБТ

Эпиграф.

Начало — нарочито надуманное. Секретарь, начальник. Что-либо одно. Кунсткамера: секретарь,

страшные лысины, уродливый начальник.

4. Видеофон.

1. Казарменно. Алексей Петрович (кстати — почаще называть его Громыко (Путачос, Пустовойт и др.). Потребности, уровень жизни капитана. М. б., интеллигентнее, что ли?

2. Буфет. Беседа.

Язык тяжел, фразы неуклюжие (их, их, их), подслушивание.

Капитан снова — примитив, даже не читает.

стр. 16 — характеристики. Бедность. Формальность.

Рассказ Петра Васильевича — язык примитивен, неладно начинать с гибели экспедиции.

Фразеология людей, строй речи — очень малокультурен.

Разговор затянут. (Как в пьесе — когда рассказывают на зрителя.)

Плазма — пока читатель о ней не знает — скучно.

3. Команда Хиуса.

Энциклопедия — характерный уровень жизни (вероятно, 90-е годы XX в.) — слишком занижен.

Фамилии невыразительны (перевод, да и наш читатель). М. б., представителей и других национальностей Союза (латыш, казах).

Обстановка. Эпоха. Пластик. Стены.

Министр. М. б. — акад. наук?

4. *Вальцев объясняет*.

Снова *тон* и *стиль* беседы. Обстановка (ну, хотя бы макеты ракет, карты и снимки планет, какое-либо сушеное чудовище с Марса, фотографии «невесомых» друзей).

Встреча двух завхозов райпищеторга.

Зачем снижение образов.

Интеллекта мало.

Засекреченность излишняя.

Выпивку — убрать.

Не вижу телеразведки, с автоматических ракет.

Дополнит. констр. «Мальчика».

Гл. 6. (Испытание — хорошо.)

980 — подтянуть технику, жилье, жизн. уровень, аппаратуру.

Затянуто «Возвращ. Хиуса».

Однообразное перечисление ощущений у всех шестерых + Краюхин по порядку.

8. «Как аргонавты»

Вопросы гравитации забыты.

Капитан — командир.

Имя-отчество.

Оборудование «Хиуса» даже не предусматри-

вает состояния невесомости. Почему-то совсем не используются автоматические ракеты-разведчики.

В составе экспедиции никто не занимается биологией. Нет астрофизика, астробиологов (совмещение профессий).

Газетности.

Перископы, телеэкраны.

Поток частиц.

История завоевания Венеры и третьей экспедиции — дать раньше. Тогда осветится многое, и незначительное станет значительным. Гл. 5 во II части.

Разве не додумались до жироскопического блока для команды?

Зачем маяк? Радиолучи не проходят.

Письмо Аркадия брату, 19 мая 1958, М. — Л.

Здравствуй, возлюбленный брат мой.

Вчера вечером проводили маму в Буду. Устали все, как звери. Кстати, будет звонить дядя Фаня — передай ему мой привет и комплименты по поводу его искусства увязывать вещи. Всё, что он упаковал, расползлось уже при выгрузке из ленинградского поезда, а при посадке пришло уже в совершенное ничтожество.

Но ближе к деле, как ты говоришь.

а) Где и что. «Спонтанный рефлекс» — в «Знание — сила». Надежды мало. Струсят, сволочи. «Гигантская флюктуация» — в «Технике — молодежи». Надежды никакой, но хочется услышать, что об этом скажут. Статья — у Кима, пойдет, по-видимому, во второй номер. «Человек из Пасифиды» — у Кима. Идет в первый номер ПИФа. «Извне» у Кима. Пока ничего не знаю. «Страна БТ» — в Детгизе, Кассель пытается протолкнуть ее на редсовет без очереди.

б) Никак не возьму в толк, почему тебя возмутили имена во втором рассказе. Отпиши подробно.

в) «Спонтанный рефлекс», возможно (и даже очень) не примут. Надо его переписать. Хорошо было бы, если бы ты придумал какой-нибудь хороший и необычный для «разумных машин» сюжет. Идея прежняя — глупость и «машинность» машин при всех их громадных возможностях. Сейчас проходит объединенная конференция по машинному переводу[251], и это было бы весьма в жилу.

г) Нужно думать над дальнейшими рассказами. Промусоль какую-нибудь темку и отпиши, подумаем.

д) Переводы с англицкого. Пусть ищут расска-

зы, пишут короткие аннотации и присылают. Я снесу в Мол. Гв. и предложу.

Вот всё. Жму руку, привет Адочке. Ваш Арк.

П. С. Насчет «Спонтанного»: что-нибудь о том, как машина делает неправильные выводы из новых обстоятельств.

Письмо Аркадия брату, 27 мая 1958, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Бебкинс.

Прежде всего, весьма настаиваю, чтобы на каждое мое письмо к тебе получался бы ответ. Полагаю, больше ты этим правилом пренебрегать не будешь. Теперь к деле:

1) «Страна Багровых Туч». В прошлый вторник ко мне позвонил Кассель и потребовал, чтобы мы немедленно — не позже чем к субботе — привели рукопись в приличное состояние, т. е. перепечатали ее на настоящей машинке и на хорошей бумаге и по возможности разборчиво. Заодно он посоветовал быстренько прибрать все хвосты (во всяком случае, наиболее явные) из указанных в обеих рецензиях. Я работал, как негр. Сделано: стилистическая правка по рецензии Ложечко, убраны выпадающие из сюжета отрывки (упоминание о Симмонсах, исправлен анекдот о Глузкине, выброшен анекдот о топоре),

смягчены бульварные выражения, «звездолет» заменен планетолетом — кстати, в этом по-моему, глубокий смысл — более профессионально и мэттэр-ов-фэктно252, хотя на первый взгляд звучит неуклюже, объяснено явление Красного Кольца прямо в тексте, засечка Строговым нового положения «Хиуса» перестала быть случайностью, и еще кое-что по мелочам. В четверг всё было сброшено машинисткам и вечером в пятницу получено. В пятницу до двух ночи считано и пронумеровано, в субботу доставлено Касселю. Кассель передал в Главную редакцию, а в следующую субботу будет выдвигать на редсовет. Аминь. Получилось около 400 страниц машинописи, т. е. 16 авт. листов. Доволен ли ты мной, о рыжайший?253

2) «Спонтанный рефлекс». В пятницу с работы позвонил в «Знание — сила». «А-а, товарищ Стругацкий? Приезжайте немедленно. Не можете? А когда можете?» Короче, я поехал к ним вчера. «С. Р.» им весьма понравился, за исключением конца (твоего конца). Я это предвидел и привез им свой конец. Мой конец им не понравился еще больше. Их собралось надо мной трое здоровенных парней в ковбойках с засученными рукавами и маленький еврей — старший редактор и все они

нетерпеливо понукали меня что-нибудь придумать — «поскорее, пожалуйста, рассказ идет в восьмой номер, его пошлют в США в порядке обмена научной фантастикой, не задерживайте, не позже следующей пятницы». И вдруг главному редактору приходит в голову идея: дать рассказ вообще без конца, т. е. закончить на поимке Урма, а объяснение — «не то, что вы написали, а более понятное и философски оправданное», дать в виде короткой авторской ремарки, начинающейся со слов «Собственно, рассказ на этом кончается». Согласились, главред ушел, большинство сочувствующих тоже расползлись, остался я с двумя, которые работают по фантастике. И вот тут-то я понял свою ошибку. Но кто же знал? Нам надо было сразу идти сюда, а не в «Технику молодежи». «А чем вы занимаетесь? О, специально научной фантастикой? И иностранной тоже? Смачно, смачно! Хватайте его и не пускайте. Товарищ Стругацкий, а что у вас еще с братом есть? А вам известно, что двенадцатый номер будет целиком посвящен научной фантастике, и что вы поэтому обязаны к ноябрю... то-бишь к октябрю дать нам свежий, оригинальный фантастический рассказ? Ах, вам это неизвестно? Имейте в виду, товарищ Стругацкий...» и так далее в том же духе. И еще

вытянули у меня обещание, что я между делом переведу им «Мешок» и «Имаджинистов». Но пока я должен к пятнице дать авторскую ремарку. Как тебе это нравится? «У вас лежит рассказ в «Технике молодежи»? Не берут? Тащите к нам!»

в) В «Т. М.» недоверчиво принюхиваются к «Г. Ф.» Говорят, нужно сделать из этого мистификацию. Я проблеял в ответ нечто невнятное. Но рассказ определенно нравится и пойдет так или иначе. Просто к таким вещам не привыкли.

Вот всё. Высылаю «Пепел Бикини», раздай, пожалуй, тете Лиде и дяде Фане. Привет Адочке, целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 1 июня 1958, М. — Л.

Дорогой Боб!

Весьма польщен твоим восхищением и пр. Должен, однако, разочаровать тебя: в субботу никакого редсовета не было, понеже всё детиздатское начальство в отлучках. Но это ничего, тем больше времени будет у тебя для подготовки к ругательствам на будущее.

Далее. Должен тебе заметить, что ты порядочный сноб. «Знание — сила» вовсе не такой уж глупый журнал, как тебе кажется, хотя бы потому, что он пока единственный, набравшийся

смелости пропагандировать нашу и зарубежную научную фантастику. Притом, ребята там сидят неглупые, судя по замечаниям, которые они сделали относительно С. Р.

Что дать в двенадцатый? Предлагается два варианта. Первый — добиться толку от искусственной памяти. И опять же повторяю тебе, брат мой: вовсе не обязательно именно память, но еще лучше (и много лучше, по-моему) — искусственное создание новых свойств мозга. А к этому можно прицепить и смутные отрывки воспоминаний о неведомом. И показать подопытных животных. А человек — о, вот в чем дело. Какое-нибудь животное после воздействия абвгдеж-лучами ведет себя очень странно — видит за стенами, за углом и т. д. Короче, оно приобретает свойство «видеть» в четвертом измерении. И человек, чтобы проверить это, подвергает такой обработке и свой собственный мозг. И тоже начинает видеть «за углом». Смелый экспиремент (или эксперимент, фор чууз254), героизм советского ученого, руководящая роль и пр. А? И назвать рассказ «За углом». А?

Второй вариант — Козырев. Господи, если бы я так представлял себе всю эту механику, как ты, и если бы имел возможность спросить у Козы-

рева, я бы давно уже оформил сюжет, и это было бы как гром с ясного неба для всех фантастов Поднебесной. Ведь на тему «Вечный двигатель» никто никогда не фантазировал, никто себе не мог представить подоплеку научную этого дела. А ты... Эх ты... Заср, одним словом.

Вот выбирай из этих тем. А лучше всего — если возьмем обе.

Есть еще тема, тоже малообсосанная. Относительно биотоков. По-моему, ты знаешь, в чем дело. Здесь можно дать помесь «Хойти-Тойти»255 и «Доктор Некто-полубог»256. Поставить живой человеческий мозг на машину. Схема: головной мозг — биотоки — усилитель — электроимпульсы — приемник — механизм. Кто-нибудь умирает, его мозг ставят на робота, и он остается жить. Не беспомощный профессор Доуэль, а всемогущий Властелин257. А?

Теперь о страждущих переводить сайнз-фикшен. Ты выставляешь себя таким идиотом, как деревенская девка, которая, увидев на статуе фиговый лист, спрашивает — что это у него? Значит, ты всерьез полагаешь, что в московских редакциях сидят измученные собственным невежеством люди, заваленные английской литературой, которые хватают прохожих за фалды

и умоляют взять что-либо и перевести? И еще платят вперед? И деньги приносят на дом? И не вычитают подоходного и бездетного налога? Ух ты, кретин несчастный. Даже зло берет. Я хожу со своим списком аннотаций на сто с лишним рассказов, и редакторская братия едва снисходит до того, чтобы проглядеть этот список, понял ты, ммм...? Готовый список! Ну, ладно, прощаю на первый раз твою нахальную наивность. И знай, в редакциях имеют дело только с *готовыми* рукописями, готовыми к печати, и никого ни в малейшей степени не интересует, где и как ты достаешь оригинал.

О черновиках. Выслать дубликаты я могу, пожалуй, хотя не понимаю... Впрочем, ты прав. Так и сделаю. Кстати, у меня не осталось дубликата «Извне», бо я печатал в двух экземплярах.

Вот, кажется, и всё. Имена изменим перед печатанием, времени еще масса. Пиши скорее о темах и прочее. Вообще, не задерживай ответов.

Целую тебя и Адочку, не забудьте, что ждем вас к себе.

Твой Арк.

Немалое внимание АБС уделяют именам своих героев, их «звучанию», даже «музыкальности». Иногда имена персонажей совпадают с именами

реальных людей из окружения Авторов. Конечно, говорить о знакомых и друзьях АБС непременно как о прототипах их персонажей было бы чрезмерным преувеличением. Но все же, все же, все же...

Использование АБС фамилий своих знакомых начинается с «Извне». Как читатель помнит из первого тома «Неизвестных Стругацких», начальник экспедиции в Пенджикент, «пан-шефотец», сначала именуется в черновике Борисом Стависским. Это — настоящие имя и фамилия археолога, историка-арабиста, начальника той самой экспедиции, в которой участвовал и БН.

Все упомянутые далее персонажи — из чистовых текстов АБС.

Колоритный Виктор Строкулев из «Извне» — сослуживец АНа по Камчатке, адъютант командира дивизии.

В СБТ два персонажа носят фамилии знакомых АНа: Махов (Лель Махов — сослуживец по Камчатке, офицер разведки штаба корпуса) и Спицын (Андрей Спицын — геолог, сокурсник по ВИИЯ).

В рассказе «Белый конус Алаида» фамилия главного героя Ашмарин. Игорь Петрович Ашмарин, военный биохимик, генерал-майор медицинской службы, академик РАМН, был соседом Стругац-

ких и одноклассником АНа.

Эпизодический персонаж «Полдня» из новеллы «Почти такие же» Валя Копылов получил фамилию в честь одного из самых близких друзей БНа — Александра Копылова. Кстати, не только Валя Копылов связан с другом БНа — его черточки заметны также в киномеханике из ПНВС Сане Дрозде. Даже излюбленный вопрос Горбовского «Можно, я лягу?» на самом деле принадлежит Копылову. Фраза Панина «Я человек простой, простодушный» — также его.

Для безымянного Малышева из той же новеллы использована фамилия приятеля АНа Михаила Малышева.

В ДР одной из героинь АБС дали фамилию Вязаницына. Как исключение в этом случае Авторы «изменили пол» Виктору Вязаницыну, астроному ГАО, сотруднику БНа.

В «Беспокойстве» тоже две фамилии знакомых: Кутнов (Василий Кутнов — сослуживец АНа по Канску и Камчатке) и Мостепаненко (физик, философ, преподаватель ЛГУ, был известен БНу).

Чистяков из ГО «носит» фамилию друга БНа — Юрия Чистякова, сотрудника ГАО.

Как подсказал составителям БН, «Дуги Рагозинского» из ЗМЛДКС получили свое именование

вариацией фамилии Дмитрия Рожковского, астрофизика, который исследовал диффузные туманности. БН читал его публикации в астрономических журналах конца 50-х.

Как исключение занесем в список и Мирона Михайловича из ХС. Имя-отчество Мирона Михайловича Рабиновича памятно БНу со школы — он был его учителем истории в 9-м и 10-м классах. Приятель Сорокина Баринов в той же ХС получил свою фамилию от саратовского знакомца АНа, тоже переводчика с японского.

Майя Глумова — героиня М, ЖВМ и ВГВ. Она же — одноклассница АНа.

«Плантации Пашковского» из ВГВ заставляют вспомнить Александра Пашковского, соседа АБС, одноклассника и друга АНа.

Сыщенко Тимофей Евсеевич «пришел» в БМС со всеми своими ФИО от колоритного сотрудника ГАО, участника кавказской экспедиции БНа.

Стэн Аркадьевич Агре (БМС) — приятель АНа Станислав Аркадьевич Агре.

С меньшей вероятностью можно предположить «родство» Пискунова из «Спонтанного рефлекса» и директора Детгиза Константина Пискунова, а также Кима из УНС и писателя-приключенца Романа Кима.

Письмо Аркадия брату, 9 июня 1958, М. — Л.

Дорогой Боб!

Во-первых, насколько я знаю по твоим же рассказам, некоторые препараты начинают так влиять на головной мозг, что человек видит всё либо в перевернутом виде, либо начинает видеть через непрозрачные преграды и так далее. Так что в проекте «За углом» я только развиваю эту идею. Можно наделить облученного новыми свойствами — отсутствие необходимости во сне, способность работать сразу несколько дел а ля Вагнер258 и всё прочее. Я не настаиваю на 4-м измерении, как это ни заманчиво, но решительно протестую против миражей. Миражи — патентованная моча, и ты сам это хорошо понимаешь. Не стоит облучать, чтобы только увидеть миражи. Для этого достаточно напиться.

Во-вторых, вопрос: а через сколько лет начнет излучать энергию маятник весом в сто тонн? Другими словами, нельзя ли придвинуть время действия в двадцать первый, ну, в худшем случае, в 22-й век? Если можно, то можно что-либо придумать.

В-третьих, «СБТ» прошла редсовет. Днями будет договор, и Кассель даже надеется заключить сразу

договор с одобрением, что означает возможность скорого получения аванса. Предисловие будет писать И. А. Ефремов. Доволен? То-то. Все протестуют против конца. Постараюсь выкрутиться с минимальными потерями. Конец эффектен и надо будет не дать ослабить его чересчур.

В-четвертых, я, по-видимому, скоро перехожу в Детиздат. Сейчас взял с пятнадцатого отпуск, чтобы не пропал, поеду на юг. Я здесь закабалился в Ташкентском издательстве на перевод небольшой повести и работаю, как зверь. До пятого июля буду работать с переводом, а там что бог даст. Между делом перевел «Мешок», суну в «Знание — сила». Хорошо бы нам и здесь работать и подписываться вместе, надо будет об этом подумать. Либо я пришлю тебе «Мешок» на литературную обработку, либо еще что-нибудь придумаем. Надо чтобы в наших литературных работах подписи всегда стояли рядом.

Сейчас звонила Лена. Говорит, что звонили из «Знание — сила», просят зайти в среду. И зайдем!

Вот, собственно, и всё. Надеюсь урвать из отпуска деньков несколько и заехать в Ленинград. Но не знаю. Вообще-то встретиться необходимо при начале работы со «Страной». Кстати, пора подумать о названии. «Страна Багр. Т.» — пре-

тенциозно и вообще «Страна дремучих трав», «Страна еще каких-то трав»259... не звучит. Надо проще и внушительней. В крайнем случае — «Шестеро и „Хиус“», «Шестеро первых» и т. п.

Беляева получил, спасибо. Выслал дубликаты.

Привет Адочке, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 14 июня 1958, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

При сем препровождаю тебе грубый перевод «Мешка», коий тебе надлежит литературно обработать и привести в русский вид. С перестановкой слов и заменой оных не стесняйся, только не прибавляй (по возможности) отсебятины.

Рукопись тебе перешлет Екатерина Евгеньевна260, я уже буду в это время на юге. Постарайся закончить до моего возвращения. Сделаешь в трех экземплярах на машинке — чистенько, первый и третий пришлешь мне, второй — себе. Я вернусь 13 июля, чтобы рукопись была у меня на столе.

Подпишешь: перевод с английского

Аркадий Стругацкий

Борис Стругацкий

Вот всё. Жму руку, Арк.

Письмо Аркадия брату, 20 июня 1958261, Хоста — Л.

Дорогой Бобкинс!

Я нахожусь с Ленкой в Хосте и предаюсь изнеженности нравов. Хотя и работаю ежедневно по три-четыре часа (перевожу «Шестерни» Хотта для Узбекского Госиздата — к конференции писателей Азии и Африки262). Получил вчера твое письмо — переслала Екатерина Евгеньевна. Будем по порядку:

а) Перевод «Мешка» ты, вероятно, уже получил. Подтверждаю требование обработать его литературно и с таким расчетом, чтобы два экземпляра набело отпечатанного текста лежали у меня на столе в день моего приезда. Напоминаю, в Москву я возвращаюсь 13 июля.

б) Касательно новых рассказов. Предлагаю порядок работы по эффекту Козырева. Рассказ наз. «Забытый эксперимент». Рабочий сюжет: В конце нашего века впервые в истории человечества институт неклассических механик поставил опыт, рассчитанный на столетия — где-то в Сибири, в подземельях поставлен этот самый маятник и запущен. Результатов ожидают лет через двести. В середине двадцать первого века

научный город над этим маятником уничтожен в результате опытов с мезонными реакциями. Архивы, охрана, все заинтересованные лица истреблены. Остались лишь докладные записки, похороненные в архивах Мировой Академии Наук в Пекине. Последующие 50 лет человечество занято огромным наступлением на природу: строятся искусств. спутники, сооружаются термоядерные станции и пр. О маятнике все забыли. И вот в конце двадцать второго века начинается в Сибири кутерьма. А это место было блокировано из-за радиации, и на него никто не покушался. Посылается экспедиция и пр. и т. д.

Твоя задача: разработать явления, которые там будут наблюдаться, и степени опасности. А также разработать литературный сюжет. Смачно — покажем людей двадцать второго века. Они освободились от родимых пятен капитализма263, но не свободны от печати адамовой — от наследства своих животных предков. Приключения экспедиции, их недоумение, затем их отзывают: в Ак. Наук найдено объяснение. Можно и гибель описать, а главное — отношение к этой гибели. И дать перспективы.

Ты напишешь объяснительную часть и даже отдельные эпизоды. Потом возьмусь я и пере-

шлю тебе.

Относительно второй темы — «За углом» — будем говорить при встрече.

Кстати, не надейся, что я приеду. Лучше сделаем так: Ошанины в июле уедут в отпуск и вы с Адочкой приезжайте. Не пожалейте двух сотен. Недельки две-три поживете, поговорим всласть, сходим в «Пекин» и т. д.

Вот и всё. Имей в виду, мне бы очень хотелось получить от тебя в Хосте хоть одно письмо.

Мой адрес: Хоста, Краснодарский край, Главная почта, до востребования Стругацкому А. Н.

Привет Адочке, поцелуй ее за меня. Ленка обнимает и целует вас обоих. Ваш Арк.

Письмо Аркадия брату, 19 июля 1958, М. — Л.

Дорогой Бобкинс.

Вернулся я тринадцатого, но собрался писать только сейчас. Спасибо за «Мешок» — вполне приемлемо, остальное доделают в редакции. СР идет в № 8 и одновременно переводится на английский на предмет отсылки в США. Правда, в связи с нынешними событиями[264] не знаю, как это будет дальше. Впрочем, всё образуется, если не будет войны. А если будет — сам понимаешь, плевать тогда на всё. Конференция не дала

почти ничего, как и следовало ожидать. Много разговоров, мало дела. Одно хорошо: Фурцева подписала разрешение на ежемесячный «Мир приключений». Сейчас дело только за полиграфбазой. Альманах Кима, по-видимому, тоже будет выходить, но подробности неизвестны. Был у Касселя и своими глазами видел СБТ в плане выпуска 1959 года, утвержденном министерской коллегией. Скоро и договор, а там и аванс. ГФ в «Тех. мол.». Они в принципе довольны этой вещью, но хотят переделать так, чтобы получилась либо мистификация, либо простой обман. Я пока помалкиваю, не говорю ни да ни нет. Возможно, найдется и более удачный выход из положения. Вопрос о моем переходе в Детгиз решен почти окончательно, хотя наши ребята в Гослите решительно протестуют.

Теперь вот что. Пора приниматься за дело. В «Зн. сила» меня терзают насчет декабрьского номера. Нужно написать по крайней мере два рассказа. Допустим, что я согласен с тобой, что предложенные мною варианты «Забытого эксперимента» и «За углом» — неудачны. Что предлагаешь ты? Есть ли у тебя какие-нибудь наметки? Идеи? Другие темы? Со своей стороны могу предложить: а) исследование степени кон-

центрации (максимальной) материи; б) человек, игравший сам с собой в четырехмерные шахматы; в) охота на мезозавров в озерах тяжелой воды на дне Тускароры; г) забыл. Было еще что-то, но я забыл.

Кроме того, не следует забывать и о «Не вовремя проснувш.» и о «Страшной большой».

Что касается до вашего приезда, то по-моему, четыреста рублей на дорогу вы всегда найдете, а здесь уж как-никак перебьемся. Мы и слышать ничего не хотим о ваших там безденежных положениях. Ты отлично знаешь, что встретиться нам совершенно необходимо. Короче говоря, тесть и теща, вероятно, с первого уезжают в отпуск, так вот пожалуйста к нам. Иначе горшки врозь, имейте в виду. Слово последнее. А деньги — тьфу на них. Деньги мы всегда найдем, только приезжайте.

Жму руку, твой Арк.

Поцелуй Адочку, привет от Ленки.

Отвечай срочно.

Письмо Аркадия брату, 29 июля 1958, М. — Л.

Дорогой Бобкинс.

Получил вчера твое письмо. Прежде всего, ждем вас к себе любого августа, начиная с пятого,

причем чем скорее, тем лучше. А если приедете пятого, то будет совсем роскошно. Так что на твоем месте я бы, до сих строк дойдя, немедленно устремил бы себя на вокзал и взял бы билеты на вечер четвертого. Непременно телеграфируй, я буду встречать.

Что касается работы, то теперь уж, пожалуй, и некогда, поговорим при встрече, однако кое-что я все же попытаюсь набросать до вашего приезда. Надеюсь, и ты тоже набросать не оставишь. Не утерплю однако ж откомментировать твою идею о небесных скитальцах. Идея мне нравится, мало того, я уже целый месяц обдумываю два варианта этой идеи, один из которых напоминает твой. Вот они:

1) Закончен исполинский перелет, рассчитанный на столетие (по времени корабля). Представитель третьего поколения экипажа, двадцатилетний юноша впервые ступает на твердую почву родины-Земли. Огромная психологическая неувязка между его опытом, образованием, ощущением мира и голубизной, зеленью, обилием движения на Земле. Он не выдерживает и уходит обратно в Пространство. Для него смысл жизни, сама жизнь — в Пространстве. Понимаешь, появление людей, родина которых не Земля — она им

чужда так же, как «ледяные пики астероидов», — а сама бесконечная пропасть Пространства. «Дети Пространства»! И вместе с тем они остаются преданными и лояльными слугами Человечества.

2) Первый межзвездный перелет — хотя бы на ту же страдалицу 61 Лебедя. Летят пятнадцать лет, измотались, обессилели, пережили в Пространстве массу приключений — Черные планеты, необычайные для человеческой физиологии условия пространства без гравитационных силовых полей, может быть даже встречи с мертвым кораблем — и вот, наконец, приземляются к планете у этой звезды. И что же? Их встречают соотечественники-земляне, которые обогнали их, отправившись через десять лет после них на корабле, ходящем быстрее скорости света или через «подпространство». Ужасное разочарование и все же (ведь это люди будущего!) огромная гордость за свое племя.

Вот так-то. Но всё это надо обсудить при встрече, найти наиболее хороший сюжет, удобную форму, украсить занимательными подробностями.

Не понял я, что ты имел в виду, когда говорил о самом главном, что я, якобы, забыл.

Вот всё. Опять-таки напоминаю, что ждем вас после пятого, а лучше всего — просто пятого.

Крепко вас целую, ваш Арк. Привет от Ленки.

Письмо Аркадия брату, 25 августа 1958, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Получил бандероль, получил деньги, спасибо. Ленка рассердилась за деньги, но она еще не знает, какие у нас будут расходы по перепечатке. Впрочем, она говорит, что мы все равно прекрасно обошлись бы и без них.

Адочка покинула нас совершенно неожиданно, пока я спал, и я так ее больше и не видел. Думали, она зайдет попрощаться, ан нет, не зашла. Может быть, зайдет на обратном пути.

Вчера получил № 7 «Знание — сила». Следующий — наш. К моему удивлению, в номере не оказалось рассказа про кибернетического человека. Видимо, редакция решила ограничиться нашим рассказом. Звонили оттуда. Дал твой адрес, готовься получить гонораричик — рубликов пятьсот-шестьсот на нос, я думаю, выйдет. Рассказ наш уже перевели на английский и отправили в США. Требуют скорее давать новый. Я обещал к концу сентября. Мы им подсунем сразу два — «ГФ» и «8зПГ». Беда в том, что у меня не осталось ни одной копии «ГФ».

Работаю над «СБТ». Название пусть такое и

будет: «В Стране Багровых Туч». Сделал первую главу и тужусь над второй. Кстати, в предварительной планировке мы упустили главу: «Вальцев объясняет». Ты нарошно опустил или как? Без нее очень трудно, прямо не представляю как быть. Сообщи немедленно.

Теперь вот что. Есть мнение, что рационально было бы высылать тебе главы по мере их готовности, одну за другой, а ты, исправив, сейчас же кидаешь мне их назад, я просматриваю и сдаю на машинку. Это здорово сократило бы сроки. Как ты полагаешь? Сообщи немедленно.

Вот пока всё, что имею сообщить. Жду быстрейшего ответа, а также отдельных соображений по отдельным местам. Исправляется трудно, индо кости трещат.

У нас всё хорошо, привет от Ленки. Поцелуй от нас маму.

Твой АНС.

Письмо Аркадия брату, 1 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Бебкинс.

Весьма огорчен и удивлен тем, что не имею от тебя ответ на письмо, посланное двадцать пятого. Ответ мне очень важен. Вообще, когда соавтор работает, надо писать ему почаще, давать идеи

— пусть даже не совсем лепые, советы и напоминания. Ты этого, к моему огорчению, не делаешь, мало того, не отвечаешь на важные вопросы.

Я закончил «Григорий Иоганнович Дауге объясняет» и приступаю к «Будням». От гаерского тона я, кажется, избавился, но при этом впал, боюсь, в другую крайность. В общем, тебе будет над чем поработать. Не все пожелания Касселя удается выполнить — в частности, обстановка, мелочи быта будущего мне упорно не давались, как я ни старался. Этим придется заняться тебе. И вообще прошу отнестись к редакторской работе внимательнее. Не будь чистоплюем и не жалей времени и стараний. Вторично спрашиваю тебя: устроит тебя такой порядок, при котором я буду отсылать тебе главу за главой, ты же, по мере переработки, будешь так же главу за главой возвращать их мне обратно?

День рождения справили скромно, без лишнего треска, вчетвером с Нелькой и Виктором[265]. Было довольно хорошо. Жаль, не было тебя и мамы. Телеграммы ваши (обе) получил, большое спасибо.

У нас всё в порядке, Наташу[266] сегодня отвели в школу. Было много волнений и переживаний. Вот всё. Жду письма. Привет маме, твой Арк.

На письме, написанном 1 сентября, карандашом и в скобках БНом поставлена дата: «4.09.58». Вероятно, дата ответа на это письмо. Заметим на будущее, что письмо от Москвы до Ленинграда в то время шло двое суток.

Письмо Аркадия брату, 3 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Бобкинс.

Письмо, которое ты, вероятно, уже получил позавчера, я опустил по дороге домой, а дома нашел письмо от тебя. Теперь смотри, что получилось из-за твоей неторопливости с ответом: я, выходит, зря потратил время на переделку главы «Вальцев объясняет» и теперь совершенно не имею понятия о том, что делать дальше. Посылаю тебе три первые главы, разделывайся с ними, как знаешь. Я все же решился продолжать работу в том направлении, которое определяется наличием главы «Г. И. Дауге объясняет». Концы прибирать придется уже тебе. Впрочем, особенно страшного ничего не случилось, только будь внимателен и старателен, а впредь, когда я посылаю запрос, отвечай немедленно.

Сейчас работаю над «Буднями», сделал почти треть, хотя нового внес очень немного. Кстати, прошу тебя срочно выслать твой старый

вариант первой главы — тот, где встречают межпланетников, — там есть материал, который мне понадобится для «Возвращения Хиуса». Одновременно высылай «ГФ», придется ее опять размножить. Думаю днями потихоньку начать трудиться над «8зПГ».

Вот, пожалуй, всё. Повторяю, работай тщательно, особое внимание — речевые характеристики. Терзай мой вариант, не стесняясь. Старайся следовать правилу: каждая фраза должна иметь значение для текста и по возможности не только для данного участка текста, но и для многих последующих в будущем. Не знаю, понятна ли тебе моя мысль. Техника работы: не вписывай свой вариант поверх моего, а мой зачеркивай карандашом, зачеркнутое нумеруй и под этим номером печатай на отдельном листе, и оный отдельный лист подкалывай к моему листу. Так будет удобнее и нам, и машинистке. Понял?

Всё. Целую, жму руку. Поцелуй мамочку, привет от Ленки.

А на этом письме (от 3 сентября) дата в скобках — «5.09.58». Здесь письмо дошло до адресата даже за сутки.

Письмо Аркадия брату, 6 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Бебкинс.

Посылаю тебе две следующие главы. Остается из первой части только две, с коими думаю я управиться за ближайшую неделю. Твои задачи прежние — обделать комические положения и уточнить речевые характеристики. Просмотри внимательно, как обстоит дело с идеей братства и дружбы межпланетников. По-моему, это у меня совсем не оттенено. Вставь, если придумаешь, пару эпизодов.

Любопытен я знать, какого ты мнения относительно новой интерпретации образа Строгова-Ермакова. По-моему, так он лучше запоминается.

Работай без лишней торопливости, коия могла бы повести к небрежности, но и не медли зря. Не поставь нас в такое положение, чтобы бегать сломя голову в поисках машинистки. Полагаю, к двадцатому сентября первая часть должна быть у меня целиком для сдачи на машинку. Если можно раньше — было бы отлично, чтобы я еще раз просмотрел.

«8зПГ» идет обработка. Главным образом за счет сокращений не играющих деталей. Я разбил рассказ на восемь отделов, как «Спонтанный

рефлекс». Так читается удобнее на мой взгляд. Дай отдохнуть и читателю267.

Брэдбери присылай по силе возможности. Попробуем предложить.

Вот, по-моему, всё.

У нас порядок. Поцелуй мамочку. Привет всем.

Ленка всех вас целует.

Ваш Арк.

На этом письме стоит дата вообще «7.09.58». Нереально! Хотя, с другой стороны, если вовремя письмо отправить — ночь в дороге и утром уже в Ленинграде.

Позже, когда АБС станут подозревать государство в перлюстрации, — вспомним эти день-два...

Письмо Аркадия брату, 13 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

Вчера получил от тебя обе бандероли, очень доволен твоей оперативностью. О Брэдбери сейчас говорить не буду, выскажу только некоторые соображения по СБТ.

а) Окончание 1-й главы мне вполне улыбается, но, шер ами, куда же вставить информацию о том, что Краюхин — зам. нач. УМПС? Придется

попробовать скомбинировать оба конца. Если тебе на этот счет придет что-либо в голову — сообщи немедленно. Думаю, ты сам понимаешь, что сообщить читателю о Министерстве Энергетики и УМПС необходимо именно в конце первой главы.

б) Вторая глава пусть так и остается, раз она подходит нам обоим.

в) Третья глава... Должен тебе сказать, брат мой и друг мой же, что на первый взгляд она меня просто восхитила. Живо, смачно и любезно сердцу. И если бы я писал это письмо вчера, я бы этим определением и ограничился. Но за ночь, и особенно по дороге на работу мне пришли в голову кое-какие мыслишки. Дело в том, что ты таки отбросил то, что я старался всунуть в эту главу: идею того, что Быков является очень образованным в своей области человеком, в курсе последних достижений ядерной энергетики и всем этим живо интересуется. Так, давая сухое и, возможно, не совсем удобоваримое рассуждение о принципе фотонной ракеты, я имел целью не только сообщить читателю о технике, но и показать, что Быкову это известно, как и всякому инженеру-ядернику. Далее, разговор об абсолютном отражателе неизбежно должен был

возникнуть, ибо Быкову, опять-таки как инженеру-ядернику, не могло быть неизвестным, в чем главная препона в фотонных ракетах. Отсюда логически вытекает необходимость упомянуть о сгоревших моделях фотонных ракет, о «Змее Горыныче» — первой модели на абсолютном отражателе, о верфях на искусственных спутниках. Подумай над этим и сообщи свое мнение, да не задерживай.

Завтра вышлю тебе две последние главы первой части, экземпляр «8зПГ» и твои старые вещи, которые ты мне прислал.

Торопись, пора отдавать на машинку. Моя машинистка скоро освобождается.

Напиши, получил ли деньги за СР? Я получил 1400. Тебе выписано 1300. Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 14 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

Для последней главы я задумал одну деталь «в порядке приближения к эпохе», но забыл ее включить. Впрочем, это лучше, возможно, она тебе не понравится. Вот идея. Быков вечером перед стартом (хотя бы после прощального обеда) нервно и рассеянно просматривает в читальне гости-

ницы последние газеты. Перечислить заголовки «Правды» того времени: «Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Запуск новой ТЯЭС (термоядерной электростанции) мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», передовая «Смелее внедрять высокочастотную вспашку», «Дальневосточные океанские совхозы дадут государству сверх плана триста миллионов тонн планктона», фельетон «Обыватель в министерском кресле», сообщения из-за границы: «Обсуждение в конгрессе США законопроекта о национализации ракетостроительной промышленности», «Стереокинофестиваль стран Латинской Америки в Буэнос-Айресе», «Строительство англо-китайско-советской геофизической обсерватории в Антарктиде» и т. д.

Быков читает газету, затем решительно складывает ее и прячет в карман «на память», — последняя газета на Земле. Понимаешь, это как бы пульс родины, который Быкову хочется ощущать и в далеком рейсе. Родины не только в смысле СССР, но вообще Земли.

Я приступаю к работе над второй частью. Как мы договорились, больших изменений там мы производить не будем — только речевые характеристики и отдельные эпизоды. Ты, однако,

торопись. Пора-брт-пора! Я так работаю, что до сих пор не успел прочитать твои переводы из Брэдбери. Очень много дела, сил нет никаких. Но ничего, справимся.

Итак, жду от тебя очередных пакетов. Письмо относительно третьей главы ты, я надеюсь, уже мне послал.

Привет маме, Адочке.

Целую, ваш Арк.

Письмо Аркадия брату, 20 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

Высылаю тебе половину добычи. На нос по два журнала. И последнюю главу 2-й части. Скорее высылай 1-ю часть, пора сдавать на машинку, иначе может не успеть.

Вчера отнес в «З-С» два рассказа, пусть выбирают. Если возьмут оба — тоже не возражаю. «ГФ» назвал «научно-фантастической шуткой». Это подготовит их мозги.

Лена очень больна, 40° — ангина. Я не спал две ночи, устал страшно. Сегодня выпью, попробую поспать. Сейчас звонили из дому, сказали, что ей лучше.

Сообщи, получил ли ты предыдущие банде-

роли.

Пиши чаще.

Поцелуй маму и Адочку,

твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 23 сентября 1958, М. — Л.

Дорогой Борис!

Вчера получил остатки первой части, сегодня у меня академический день, и я доправил первую часть до конца. Теперь ее можно сдавать на машинку, что я и сделаю в ближайшее время. По-моему, стало значительно лучше, хотя Ленке и не так нравится — возможно потому, что она путается в новых именах и в технических описаниях. Технических описаний стало значительно больше, но, на мой взгляд, они вполне под силу любому мальчишке-девятикласснику, так что меня это мало волнует. Ведь не можем же мы писать, как Уэллс, не давая никаких объяснений. И хорошо, что не можем. Тема-то уж очень математико-техническая. Кстати, Ленка рекомендует вставить (чтобы показать широту интересов межпланетников) какой-нибудь литературный диспут, вроде значение общего культурного уровня для специалиста. Скажем, Спицын утвер-

ждает, что Шекспир ему для вождения корабля не нужен, а Юрковский его опровергает, и Быков в глубине души сочувствует Юрковскому, ибо имел много приятнейших часов за классикой. Что-нибудь в этом роде. Что касается колорита будущего, то он, на мой взгляд, вполне выдержан.

Сейчас звонил в бухгалтерию «З-С» и напомнил о себе. Они сказали, что если до сих пор не послали, то непременно пошлют двадцать пятого. Так что жди.

Собрал в одно место наш сборник — повесть и четыре рассказа. Нужно подработать только «Спонтанный рефлекс» и дать бы еще два рассказа.

Ну, это потом. Сейчас берусь за третью часть. Там только имена, главным образом.

Поцелуй мамочку и Адочку, твой Арк. Получил ли номера «З-С»?

Письмо Аркадия брату, 28 сентября 1958, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

Сообщаю тебе некоторые новости, могущие тебя заинтересовать. Первое: звонил в бухгалтерию «З-С», там сказали, что двадцать шестого выслали тебе гонорар. Второе: отдал на машинку первые

две части «СБТ». Третье: Кассель тяжело болен и лежит вместо отпуска в больнице. Я хотел было отправиться в Детгиз и выяснить относительно договоров, но тут вмешалось четвертое обстоятельство — меня посылают в колхоз. Отправляюсь завтра. Сегодня одновременно с этим письмом посылаю тебе то, что успел сделать — первые три главы. Остальное придется сделать тебе самому по твоей копии и выслать мне по возможности скорее. Я вернусь, вероятно, десятого, и к этому сроку вся третья часть должна быть у меня на столе. При обработке учти следующие обстоятельства:

1) Язык Дауге должен быть с латышским оттенком. Побольше «латинских» слов — абсолютно, отнюдь и т. д., нарочитая сложность и некоторая неловкость, связанность речи.

2) Во время похода «Мальчика» впихни несколько раз упоминание о загадке Тахмасиба — можно даже написать, что они наталкивались на незнакомые геологические образования, кольцевидные и кирпичного цвета, что повергало их в замешательство и легкую панику.

3) Лиловые полосы, которые видел Быков, относятся только к красной пленке. Из других мест их убери, дабы не мозолили глаза читателю.

4) Всё о папиросах и табаке не забудь выбросить.

5) То обстоятельство, что «змеи» — психоз Дауге, а не реальность, показать немедленно, в конце четвертой главы, чтобы не оставалось сомнений даже у дураков.

6) Пересмотреть сцену дня рождения. В частности, заменить коньяк виноградным вином. Описание перспектив звездоплавания дай почетче, и тут же снова проведи разницу между мнением Юрковского и Быкова относительно «прелести новизны» и пионеров. Не забудь Юпитер.

7) Помни всюду, что панцирь «Мальчика» не из металла, а из пластика.

8) Вспышки на южной стороне неба сделай не сразу же после перерыва связи, а через сутки. Вообще уточни тайм-тэйбл268:

День первый: несчастье «Хиуса»

Установка второго маяка. Ермаков теряет связь с Мих. Ант.

День второй: Мих. Ант. очнулся и в ужасе паникует

Установка третьего маяка. Ермаков хочет дать сигнал о переброске «Хиуса», но связи нет. Кстати, насколько правдоподобно то, что Ермаков не

посоветовался ни с кем — ждать возобновления связи или прямо мчаться к «Хиусу». Нет воды, поэтому ждать нельзя.

День третий: Мих. Ант. дает сигнал

Вот тогда Ермаков засекает сигнал и стремглав кидается в обратный путь. Но связи нет.

День четвертый: Мих. Ант. ждет

«Мальчик» гибнет

Везде на всем пути вставить, что Ермаков инстинктивно пытается отвести машину от всяких бед и посылает вместо машины разведчиков.

10) Сделай конец после отточия и отступа. На полстраницы. Юрковский спит, обмотанный бинтами, «Хиус» мчит в пространстве, Быков рассказывает, Мих. Ант. плачет — «слезы по толстым добрым щекам». Сигналы ракетодрома: ту-ут... ту-ут... ту-ут... И всплески на экране стереолокатора. Сигналы несутся от берегов Голконды, над черной тугой тучей, над могилами Ермакова, Дауге, Бондепадхая и десятков других... над очагами страшной и невероятной жизни — загадки Тахмасиба.

Вот это сделай, и всё.

Пока крепко целую тебя, привет маме и Адочке.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 13 октября 1958, М. — Л.

Дорогой Боб!

Вчера доделал, а сегодня сдал на машинку последние главы СБТ. Думаю, в конце недели Кассель получит всю повесть сполна. Сегодня был в «3-С». Новости следующие:

1. «8зПГ» вызывает у Варшавского — это наш шеф — определенные сомнения, к счастью, кажется, больше литературные, чем смысловые, хотя идея полтергизма ему представляется не в жилу. На этот счет я рассказал ему об акупунктуре и ее чудесах и объяснил, что акупунктура на мозге должна дать чудеса еще пущие. Он объявил в ответ, что тогда нужно вторую часть рассказа дать как-то иначе, резче выделить наши идеи. В этом он, по-моему, в чем-то прав. Я, впрочем, не могу конкретно указать, в чем эта правота, но чувствую это. Короче, рассказ придется слегка подправить. Он говорит, что до 22-й страницы всё очень хорошо, и образы хорошие, и стиль, а начиная с дневника нужно подумать.

2. «Мешок» в № 12 не пойдет, ибо номер посвящен партсъезду269, и они не могут дать весь номер под научную фантастику, как собирались. Но он обязательно пойдет позже, так как рассказ

всем нравится.

3. В № 12 пойдет «ГФ» — добились-таки! Кстати, тоже мне материал к съезду, как тебе кажется? Просили меня поконсультироваться с художником, но я отказался. Не могу себе представить иллюстрации к этому рассказу. Посоветовал только изобразить в заголовке монеты орлами вверх и бутерброды.

4. Нам предложили всё, что у нас написано и будет написано, нести к ним. Мы у них числимся в лучших. «СР» почему-то всех там покорил. В частности, требуют «СБТ», хотят дать кусок с продолжением номера на четыре в будущем году. Пока я оставил у них главу «Сигнал бедствия», пусть почитают.

5. Не знаю, как там в молодежной газете в Казахстане, а в № 8 за этот год болгарского журнала «Наука и техника за младэнта» наш «Извне» напечатан под названием «Гости из космоса». Иллюстрации взяли из «Т-М», идиоты. Вот так-то. Мы в зарубежной печати.

Теперь так. С «СБТ» в общем покончено. Бои еще, конечно, предстоят, но уже не за принципы, а за буквы (если нас не принудят разрядить траурный колорит). Пора приниматься за «СБП». Изложи свои соображения относительно порядка

и методов работы. Буду ждать твоего письма. Да, еще вот что: хорошо было бы, если бы ты пересмотрел «СР» и наметил, как его лучше изменить. Ладно?

Ну вот и всё. Привет маме и Адочке. Привет от наших.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 23 октября 1958, М. — Л.

Дорогой Боб!

Объявляется передышка. До моего приезда можешь спокойно работать, ни о чем не беспокойся. Я здесь тоже погряз в издательских и японоведческих делах. Изредка, все-таки, пиши. Увидимся, вероятно, в день Конституции.

Поцелуй маму, Адочку. Привет всем. Постарайся курить меньше — не тебя ради, а мамы. Последи за собой.

Вот и всё. Крепко жму руку, целую.

Твой Арк.

В архиве АБС сохранился договор с Детгизом на издание СБТ. Номер договора — 12529. Дата на нем стоит: 19 ноября 1958 года. Детгиз расшифровывается как «Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР». И договор этот заключен между

директором Пискуновым Константином Федотовичем и Стругацкими: «Стругацкий Аркадий Патапович и Стругацкий Борис Патапович». Неизвестно, как отреагировали АБС на такое искажение отчества. Но зато известна реакция БНа на другое искажение:

БНС. Офлайн-интервью 17.07.99

Уважаемый Борис Невтонович <... >
Олег Кобелев, Киев

Это здорово! «Невтоновичем» меня еще никто не называл. «Старик Невтоныч» — это звучит недурно! («Быстрый разумом Невтоныч...»)

Письмо Аркадия брату, 21 ноября 1958, М. — Л.

Дорогой Бебкинс.

Очень рад за тебя, это прелесть, что ты теперь при деле. Хотя мне не очень понятно, что будет дальше. То есть, если ты не собираешься диссертироваться, то всё хорошо, а если собираешься? Как ты сможешь работать над темой, если будешь служить не по специальности? Впрочем, приеду — всё объяснишь. Теперь о твоей будущей работе. Радиоастрономия была бы, мягко выражаясь, не очень желательна. Вот счетные машины и

Козырев — это да. Ну, смотри сам.

Теперь информация:

1) Приедем с Ленкой утром четвертого дня на три. Может быть, удастся выцыганить больше.

2) Касселя не видел. Договоры и все справки передал в бухгалтерию, они будут переводить деньги.

3) В Детгизе потянуло душком: зарезали «Сокровище Громовой Луны» и «Магелланово облако»270. Но наши позиции непробиваемые

4) Реорганизовал идею «Охоты у рифа Октопус». Охота будет на неизвестное головоногое, которое сначала принимают за гигантского кальмара. А это оказывается исполинский сторукий моллюск — еще от силурского периода. Охотятся исключительно в интересах океанологии и палеонтологии вообще и Кантонского музея естественной истории в частности.

5) Мне очень нравится идея парадокса профессора Фока с растяжением времени. Пусть это не будет строго научно, но надо сделать именно так, как ты предложил: звездолет возвращается из пятнадцатилетнего рейса через сто часов. Для научного оправдания можно привести какую-нибудь галиматью о течении времени, перпендикулярном нашему, или еще что-ни-

будь. Главное — люди. Как выясняется, командир звездолета заранее *знал*, что так получится, и нарочно произвел эксперимент. Пожертвовать для человечества молодостью — научить человечество добегать до звезд быстро — заманчивая идея. Рассказ назвать «Букет роз». Кто-то перед стартом дарит пилотам букет, они по рассеянности оставляют его в вестибюле и, возвратившись, видят, что букет только начал осыпаться. А ведь для них прошло полтора десятка лет!

Психологически очень выигрышная штука. Вот и всё. Теперь до встречи. Целую всех, привет от всех, Арк.

О смене работы вспоминает БН:

Из: БНС: «На чтение для удовольствия времени нет»

— Как складывалась Ваша судьба после окончания ЛГУ? Вы сразу попали в Пулковскую обсерваторию?

— По распределению я должен был идти не в обсерваторию, а в университетскую аспирантуру при кафедре астрономии. Но мне заранее сообщили по секрету, что меня, как еврея, в эту аспирантуру не возьмут.

— Шел 1955 год — казалось бы, «дело врачей»

позади...

— Тем не менее, по существу мало что изменилось. Один из моих знакомых случайно подслушал разговор в деканате на эту тему и сразу мне об этом доложил. Действительно, на кафедру меня не взяли, но взяли в аспирантуру Пулковской обсерватории. Так что опять все закончилось более или менее благополучно.

— *Чем вы занимались в обсерватории?*

— Еще в Университете я сделал довольно любопытную, по мнению моего научного руководителя Кирилла Федоровича Огородникова, курсовую работу. Связана она была с динамикой поведения так называемых широких звездных пар. У меня получился довольно интересный результат, на основании которого меня, собственно, и намеревались взять в аспирантуру, — я должен был сделать на этом материале диссертацию. И действительно, на протяжении двух с половиной лет я эту диссертацию делал, и все было очень хорошо...

— *А потом случилась многократно описанная в ваших биографических материалах история...*

— Да, а потом выяснилось (сам же я и выяснил, роясь в обсерваторской библиотеке), что эту мою работу уже сделал в 1943 году Чандрасекар. Бы-

ло, конечно, чрезвычайно лестно независимым образом повторить путь великого Чандрасекара, но не такой же ценой! Защищать мне стало нечего, новую диссертацию за полгода до окончания срока начинать было бессмысленно, и все закончилось тем, что диссертацию я так и не написал и прошел, как тогда называлось, только теоретический курс аспирантуры. Эта история в значительной степени выбила меня из колеи, но все завершилось относительно благополучно. Я пошел работать на счетную станцию Пулковской обсерватории — уже тогда там был отдел, где стояли счетно-аналитические машины, на которых производились научные расчеты.

Счетные машины БН вспоминает неоднократно:

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

— ...Это были гигантские электрические арифмометры, размером три метра в длину и полтора метра в высоту, они страшно рычали, гремели и лязгали своими многочисленными шестернями, перфораторами и печатающими устройствами... Никакого программирования в то время, естественно, не было, но было так называемое

коммутирование — можно было все-таки научить эти электрические гробы тому, что от природы дано им не было. Изначально они были предназначены исключительно и только для сложения и вычитания (а также для печатания результатов вычислений), но их можно было научить умножать, делить и даже извлекать квадратный корень. Это было весьма увлекательное занятие, и я несколько лет с большим удовольствием занимался этой работой.

— *Что именно Вы считали?*

— Счетная станция занималась обслуживанием всей обсерватории, самые разные ученые приходили и приносили свои наблюдения, которые надо было обрабатывать. Задача моя состояла в том, чтобы провести простейшие расчеты (сложные расчеты все равно было сделать невозможно) и обеспечить красивую публикацию результатов. Эту задачу, кстати, табуляторы решали очень хорошо — печатали красивые табулограммы, необходимых размеров, на рулонах прекрасной бумаги... В основном мы занимались обработкой наблюдений астрономических каталогов, астрофизикам и «солнечникам» у нас делать было нечего. Так я проработал почти десять лет и окончательно ушел из Пулкова, кажется, в 1964 году.

До этого несколько лет я работал на половине ставки, а потом ушел совсем — после того как меня приняли в Союз писателей.

Из: БНС. О себе…

В свое время работал инженером-эксплуатационником по счетно-аналитическим машинам. Боюсь, сейчас мало кто даже слышал этот термин и совсем уж не способен представить себе эти гигантские (2500×1500×1500) гробы, с грохотом и лязгом исполняющие роль электрических арифмометров, причем один специально для сложения-вычитания — табулятор, а другой — только для умножения — мультипляйер. Это было высокое наслаждение: учить арифмометр умножать и делить! Электронная же знакомая машина была у меня тогда только одна — «Минск-22», оперативная память что-то вроде 96 байт (именно БАЙТ, и никаких вам килобайтов), внешняя память — на магнитной ленте и т. д., не помню уже ничего. Помню только, что самое ужасное на ней было — это компиляция программы и сборка, из-за непрерывных сбоев магнитной ленты. ЕС-1020 — тоже знакомая мне дама, но с ней я дела практически не имел — уволился вчистую.

Из: БНС. Хомо супер

Когда Вы впервые познакомились с компьютерной техникой? Один из известнейших персонажей Ваших ранних произведений начала 60-х годов — Саша Привалов из «Понедельника» — программист. Это как-то связано с Вашим собственным жизненным опытом?

Я «с самых ранних детских лет» увлекался прикладной математикой — строил функции, решал численные задачи, увлекался приближенными вычислениями вообще. В школе у меня появился откуда-то старый, скрежещущий «Феликс», на первом курсе матмеха я познакомился с электрическими арифмометрами, и судьба моя с тех пор оказалась решена. Забавно, что в детстве своем АН тоже увлекался вычислениями и графиками — собственно, я лишь обезьянничал, подражая ему, — но любовь к этим занятиям оказалась у него нестойкой. Может быть, потому лишь, что не попался ему под руку в нужный момент старый добрый «Феликс»? В Пулково я работал инженером-эксплуатационником по счетно-аналитической технике. Табуляторы, мультипляйеры, перфораторы — все это имело лишь самое отдаленное отношение к програм-

мированию, хотя было далеко небезынтересно учить делить и умножать какой-нибудь древний табулятор, от природы своей приспособленный только складывать, вычитать и распечатывать результаты. Программирование для меня началось только в начале 80-х, и никто меня ему не учил, все делалось «самопально», без всякой теории и вообще основательности. Поэтому и вырос из меня классический «юзер-чайник», хотя работать приходилось и с Бейсиком, и с Фортраном, и с Паскалем. А вот «отплатить старшему брату за науку», вернуть ему, так сказать, долг: приучить к персональному компьютеру, мне не удалось. АН был вообще мало склонен к освоению технических новинок цивилизации, и моя заветная мечта — установить е-мейловый мост Москва-Ленинград — так и не реализовалась.

Из: БНС. Игра в фанты по-научному

Самым сильным впечатлением молодости остался обычный арифмометр «Феликс». Когда громыхающий кусок железа с нелепой рукояткой может складывать, умножать, исчислять корни... Это просто незабываемо! Потом я работал в Пулковской обсерватории, там стояли просто огромные трофейные немецкие табуляторы

«Синклер», которые, несмотря на свою теперешнюю примитивность, делали довольно сложные астрономические расчеты — это тоже произвело на меня сильнейшее впечатление. Я благоговею перед вычислительной техникой. Сейчас я совершенно отвык от пишущей машинки, работаю на компьютере, общаюсь с текстредактором. Нынешнему поколению совершенно не понять того восторга, которым сопровождалась работа с микрокалькулятором.

Из: БНС: «Будущее, в котором нам хотелось бы жить, невозможно. Но стремиться к нему человек должен»

— Вы полагаете, что потребность в труде изначальна?

— Нет, изначальна потребность в наслаждении. Это первая аксиома. А вторая — человек испытывает высочайшее наслаждение, реализуя себя в труде.

— А в творчестве?

— Это разновидность труда, я знаю на собственном опыте. Например, закончил я аспирантуру и по ряду причин не смог защитить диссертацию. И был «брошен на низовку»: назначили инженером по счетно-аналитическим машинам. Вы и не

знаете, что это такое: гигантские электрические арифмометры, которые могут только складывать и вычитать. Для меня, астронома-теоретика, специалиста по звездной динамике, это был страшный удар. Пришлось начинать с азов, листать какие-то промасленные инструкции. Как чистить контакты, что куда втыкать... Жуткое ощущение. Но прошел первый, очень трудный месяц. Я понял, как работают эти машины. И к своему величайшему изумлению понял, что работать с ними интересно! Можно заставить их умножать, делить, извлекать, черт побери, корни квадратные! И понял, что неинтересной работы не бывает. Если залезешь вглубь, обязательно найдешь поле для творчества.

Но вернемся к письмам. Как всегда, основное место в них занимают две вещи: обсуждение новых идей и новых (пишущихся в это время) произведений и пробивание по инстанциям готовых.

Письмо Аркадия брату, 18 декабря 1958, М. — Л.

Дорогой Боб.

Пишу очень коротко — некогда.

а) Был я в «Знании — сила». Говорят, что (если начальство не помешает) «Мешок» будет опубликован в № 2. Но это пустяки. А самое главное

— велено срочно взяться за «8зПГ» (предложено, м<ежду> п<рочим> название «Шесть спичек»). Всем нравится, но: 1. Необходимо сократить, чтобы влезло в журнал — максимум на 23 машинописных страницы. 2. Укрепить дневники Комлина, сделать его открытие более значительным и рельефным, чтобы дураку было ясно, как оно грандиозно, после первого же чтения. Эта работа — по «8зПГ» — ложится целиком на тебя. Я буду только редактировать. Брось всё и займись. Может быть, успеем влезть в № 3. Хорошо бы, если бы ты прислал мне через неделю. Я сейчас страдаю над «Глубоким поиском». Уродливый гибрид, претенциозное подражание, вот что скажут. Думаю закончить через дней десять. Это у нас уже требуют в «Вокруг света».

б) «СБТ» название изменить, по-видимому, не удастся. Уже послано в книготорг. Сдано на иллюстрации. Предложено сдать на конкурс, проводимый в Детгизе.

Ну, всё. Целую и обнимаю. Маме привет, напомни, что все ждут ее к Новому Году. Получила ли она открытку? Позвал бы и вас на праздник, так ведь не приедете.

Ваш Арк.

Письмо Аркадия брату, 25 декабря 1958, М. — Л.

Дорогой Борис!

Посылаю тебе «Глубокий поиск», можешь полюбоваться этим чудовищным гибридом — материализацией твоей бредовой идеи.

Впрочем, Ленка и Екатерина Евгеньевна считают, что это хорошо, что здесь есть настроение, ощущение, возбуждение, затухание и прочие психологические сопли, в коих я ни жида не смыслю. И они уверены, что эта вещь пойти может.

Тебе надлежит всё переписать и исправить, причем особо обратить внимание на следующие вещи:

1. Это не рассказ о поисках неведомого, как предполагалось раньше, а эпизодик из повседневной деятельности работника Океанской охраны, осложненный присутствием двух биологов.

2. Слушатели не восприняли сразу, что в субмарине три человека. Считали, что там только мужчина (один) и девица. Это нужно будет как следует проверить и исправить.

3. Справедливо было отмечено, что нет никакого смысла делать девицу японкой. Она может прекрасно быть русской Машей, Наташей, Глашей и т. д. Это более естественно. Но обращения

по-английски можно оставить, как характеристику Белова.

4. Вместо «господин субмарин-мастер» можно взять просто «товарищ командир».

5. Подумай, как Званцев и Белов должны обращаться друг к другу: по фамилиям, именам или прозвищам.

6. Эпизод с приведением Белова в чувство сюжетно лучше перенести в конец рассказа, перед подъемом, здесь возбуждение Белова в связи с кальмаром спадает, и он депрессирует. Что-нибудь в этом роде. Куда именно его сунуть, я пометил красным карандашом.

7. Тщательно просмотри диалоги и приведи всё в соответствие с характерами и обстановкой. Да смотри, не вздумай выбрасывать любовь и ревность, иначе рассказ окончательно лопнет, как проколотый пузырь. Он на этом и держится.

Вот и всё. Полагая, что «8зПГ» ты пришлешь мне на днях, льщу себя надеждой на получение твоего варианта «ГП» сразу после нового года.

Привет всем. Почему мама не ответила на открытку?

Ваш недостойный Арк.

В этом году у АБС вышло пока только два рассказа: «Извне» в первом номере журнала «Тех-

ника — молодежи» и «Спонтанный рефлекс» — в восьмом «Знание — сила». Но главное — была налажена связь со многими редакциями журналов и издательств, можно было уже выбирать, кому предлагать тот или другой рассказ или повесть. Появились «свои люди» в редакциях, которые помогали АБС «пробить» произведение в печать. Однако конкуренция существовала всегда, и не за горами то время, когда АБС обзаведутся в окололитературном мире не только друзьями, но и врагами-конкурентами.

В этом же году свет увидело книжное издание повести Л. Петрова и АНа «Пепел Бикини» (М.: Детгиз, 1958), которое журнал «Что читать» (№ 10) рекламировал так:

Петров Л. и Стругацкий А. Пепел Бикини. Повесть. Рис. В. Трубковича. М., Детгиз, 1958. 152 стр. с илл. 90000 экз. 3 р. 30 к.

В 1954 году в районе Маршальских островов, на коралловых атоллах Бикини американцы произвели испытание водородной бомбы. В невероятно тяжелых условиях группа американских рабочих, прельщенных высокой оплатой труда, строила на острове неизвестный объект, оказавшийся установкой для испытания нового смертоносного оружия. Авторы рассказывают, как произошел

взрыв бомбы, о жертвах этого взрыва — японских рыбаках. У зараженных радиоактивной пылью — «пеплом Бикини» — рыбаков началась страшная лучевая болезнь, причинившая им большие страдания; один из рыбаков — Сюкити Кубосава умер. Огромное волнение вызвало это событие в Японии и в других странах, оно вылилось в мощное движение протеста против испытаний атомного и водородного оружия.

Появились в изданиях и новые переводы АНа, теперь уже в книгах: Миямото Ю. «Блаженный Мияда» в книге Миямото «Повести», изданной в Москве, и Хотта Ё. «Шестерни» в книге Хотта «Шестерни. Время», изданной в Ташкенте. И вышла статья АНа «Пьеса-памфлет Дзюндзи Киносита „Успение лягушки“» в журнале «Дружба народов» (№ 10).

Главное внимание братьев в этот момент было приковано к выходу СБТ — первой, многострадальной и желанной книги АБС.

1959

И снова письма АНа. Письма БНа, к сожалению, утрачены вплоть до 64-го года.

Письмо Аркадия брату, 4 января 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Прежде всего поздравляю тебя и Адочку с новым прыжком нашим в Космос. Многое мне, правда, непонятно. В частности, если ракету направляли только до Луны, то для чего ей задали вторую космическую? А если ее хотели сделать планеткой, то почему на ней не установили солнечных батарей для передатчиков? Постарайся узнать, чего хотелось и планировалось и напиши.

Льщу себя надеждой, что завтра буду уже иметь «8зПГ», это совершенно необходимо. «ГП» тоже желательно иметь как можно скорее. В этих видах ты, если очень занят, только наметь необходимые по твоему мнению изменения (хотя бы на отдельном листке) и дай образцы твоей стилистики, а всё остальное сделаю я сам. Хотели передать наш «СР» по радио, да помешала речь Хрущева. Ничего, передадут в следующий раз.

Я все-таки не оставляю мысли о «Забытом эксперименте». Психология — психологией, а фантастика без смелейшей фантастики — это тоже не дело. Можно сделать небольшую повестушку а ла «Извне» в трех-четырех главах, написанных от лица разных людей. А идея та, о которой я тебе когда-то говорил: гигантский волчок, сохранившийся при взрыве, выдает энергию в виде магнитного поля огромного напряжения, которое превращается в тепло, дает вспышку, и поле снова спадает до минимума, а затем снова начинает накапливаться и т. д. Подробности ужасны. И роботы. И робот-матка, который управляет рабочими роботами. И прочее. Вот и всё. А в общем нужно приниматься за «СБП». Меня здесь вызывали в Детгиз, хвалили, но посоветовали немного обмажорить конец. Я объявил, что это только первая часть трилогии, меня похвалили, стали нас усиленно уважать, но обмажорить все-таки посоветовали еще раз. С чем я и отбыл. Обойдется, я думаю.

Всё. Привет, Арк.

«Урм не подчиняется» передали-таки. НичеГо. Мама расскажет.

Да, вот еще что. Перешли мне все материалы по Плутону и его спутнику, которые мы присочи-

нили и рассчитали.

Арк.

Письмо Аркадия брату, 8 января 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боря.

Говорить о твоей работе над «8зПГ» сейчас не буду, хотя и очень хотелось бы. Но сейчас над нами угроза во сто крат серьезнее. Вчера я встретился с Касселем у него дома, мы могли говорить совсем откровенно, и выяснилось следующее. В этот день его вызвал к себе Пискунов (директор Детгиза) и объявил ему, что в таком виде «СБТ» не пойдет. Слишком мрачно на фоне всеобщего ликования по поводу запуска ракеты. Считается, что мы таким образом вторгаемся на всенародный праздник с предсказаниями о похоронах. Кассель исчерпал все аргументы, терпение и последние капли служебной этики и пригрозил, что уйдет из издательства, но это не помогло. Пискунов аргументы выслушал, согласился и сказал: «И все-таки так книга не пойдет. Уберите хотя бы часть трупов». Причем, заметь, Пискунов рукопись не читал, говорит о ней со слов других и еще не знает ни о погибшем Поле Данже, ни о катастрофе англичан, ни о погибшем бенгальце.

Кассель советует поступиться частью, чтобы

не погубить всё. Итак, у нас два пути: либо забрать у них свою рукопись и вернуть аванс, либо спешно начать разработку оптимальных путей к отступлению. Если мы решим забрать рукопись, говорить больше не о чем: я еду в Детгиз, забираю всё, и мы переводим на Детгиз монету со своих книжек. Если говорить о путях к отступлению, то надо предусмотреть такие возможности: 1. Простое мажорирование. Это значит — в конце книги вместо нашего эпилога дать нечто этакое, со стягами, лозунгами и всенародным праздником. Это лучшее, на что мы могли бы рассчитывать, если бы Пискунов, что весьма *маловероятно*, согласился бы не воскрешать наших покойников. 2. Воскресить только одного, очевидно, это будет Богдан Спицын. Я пересмотрел все возможные варианты и пришел к выводу, что лучше всего для этого оставить Богдана с Крутиковым на «Хиусе». Тогда: а) Переработке подвергается *только* одна глава — последняя, б) Это достаточно логично — оставить пилотов на корабле, а взять в экспедицию только геологов, в) Переработка остальных глав будет минимальной — даже «Венера показывает зубы», где потеряется и затем находится под обвалом Дауге, после чего и заболевает. Здесь мы теряем только второе столкновение Юрковского

с Быковым. 3. Воскресить Данже, переделать «Сигнал бедствия» и воскресить Спицына. Данже воскресить сравнительно легко — сделать не сообщение о его гибели, а сообщение о его удаче: влез в экзосферу Юпитера и выскочил обратно. Чем и как переделать «Сигнал бедствия» — ума не приложу. С Богданом так же, как и в 2.

Причем, заметь, при всех условиях от нас потребуют стягов в конце.

Я буду драться, как лев, за книгу. Тебе же надлежит в кратчайшие сроки разработать все три варианта отступления, если, конечно, мы решим отступать, а не погибнуть. Подумай и напиши конкретно, какие будут твои предложения.

Теперь вот еще что. Ты, вероятно, уже постиг, что значит работать на службе и заниматься писательством по вечерам. Очень трудно, я тебя понимаю. Учитывая твою слабую грудь и склонность к инфарктам, разрешаю тебе на период твоего вхождения в счетные машины, электронику и прочее перекладывать часть работы на меня. Но при этом предупреждай меня, пожалуйста, сразу, что ты можешь и чего ты не можешь. «8зПГ» был бы давно переделан, если бы ты имел довольно сообразительности отказаться от переделки. А мне теперь приходится работать

наспех.

Вот всё. Жду ответа. Время пока есть, но не задерживай.

Привет всем, поцелуй маму и Адочку. Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 15 января 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Получил «ГП». Злорадствовал ужасно: ты, провозвестник нового стиля, утвердитель хемингуизма в НФП, вписал самым обычным стилем и даже, по мнению наших, сильно ослабил то многое новое, что, опять-таки по мнению наших, удалось в рассказе. Вот так-то, брат-хэмми-эх-да-гуэевец! Искать, батюшка, надо, искать, а не копировать. Но эпизод мне нравится, и я его оставлю, хотя немного изменю характеристики. Кстати, почему ты решил оставить японку?

С «СБТ» пока ничего страшного. Пока ясно, что нужны в конце знамёна — смотри только, нежные и деликатные! — так что ты уж постарайся. Что-нибудь насчет будущего Венеры: сковать ее, заковать, переменить атмосферу, сделать землей обетованной, так ее и не так! Вот в таком плане. Я говорил с замглавредом — симпатичная бабенка, сидит на НФП пятнадцать лет, говорит, что

ничего, сколько-нибудь сравнимого с «СБТ», не видела за последние пять лет и пророчит книге большое будущее, чуть ли не бессмертие. «Вы уж постарайтесь, голубчики, — говорит она. — Не дайте пропасть книге, не садитесь на улей голым гузном». Я обещал постараться и спросил, как это сделать. Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупах, не в деталях, а в тоне и колорите. Вот Кассель предлагает для спасения смягчить сумасшествие Дауге, или убрать его (сумасшествие) совсем. Не знаю, может быть, он и прав. Хотя этот псих, на мой взгляд, приятно разнообразил будни экспедиции. Подумай и отпиши немедленно. Кстати, о сроках. Знамёна нужны при всех обстоятельствах, и потребуются они к первому, не позже. Так что пиши и скорее присылай, чтобы я имел возможность тоже поработать.

Так о чем бишь я? Да, колорит. Несомненно, сумасшествие Дауге весьма и весьма влияет на зловещий колорит повести, и без него будет значительно светлее. Подумай, на всякий случай, что можно сделать так, чтобы обойтись минимальными переделками. И скорее, скорее.

«8зПГ» принят благосклонно, отдали мне снова, чтобы исправить некоторые конкретные дета-

ли. Вчера читал гранки «Мешка». Его изрядно сократили, но впечатление остается. Видел и иллюстрации к нему. Не очень.

Вот и всё. Дома всё хорошо. Тебе большой привет от всех. Поцелуй маму и Адочку, им тоже посылают приветы и поцелуи.

Твой верный Арк.

Письмо Аркадия брату, 21 января 1959, М. — Л.

Дорогой Бебкинс!

Прежде всего отмечу, что немало обескуражен твоей обидой на невиннейшее хи-хи-с по поводу исправления. Я злорадствовал, это так, но только по одной причине: я убедился в том, что был прав, а именно — что хеминг-эх-да-гуэевский стиль совершенно не годится для острых моментов в научной фантастике, что он исчезает немедленно, как только на сцену выдвигаются вещи или события, *фантастические с точки зрения героев*. Еще туда-сюда, когда речь идет об *обыденном для героев*, каким бы фантастичным это ни казалось читателю. Но острые моменты невозможны. И если можно и нужно искать какой-то новый стиль для нас, то он не должен быть современным западным. И если хочешь знать, мне самому «ГП» не очень нравится, и я буду весьма мало огорчен,

если его не напечатают. И вот мой вывод: эпизод с чудовищем придется убрать — совершенно выпадает из тона, девицу сделать русской — будут дурацкие вопросы: а как туда попала эта японка? И то, и другое довольно жалко, но увы.

Теперь о положении с «СБТ». Удивлен и разочарован, что ты не понимаешь положения. Кажется, я тебе его описывал дважды. Ты сейчас знаешь столько же, сколько и я, и даже столько же, сколько и они сами. Повторяю: чего они хотят — я не знаю, ты не знаешь, они, оне тоже-таки не знают. Они хотят «смягчить», «не выпячивать», «светлее сделать», «не так трагично». Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами. Мне не нравится то-то и то-то, но это мое личное мнение, и вы можете меня не слушать, это ваше право, думайте сами. Понял, наконец, как идет разговор? И при этом мольбы: не губите книгу, не подставляйте ее под удары. Так какого ты, брат мой, ..., от меня хочешь? Что я тебе могу еще, так сказать, сообщить? Я писал тебе возможные варианты, чтобы ты знал, к чему надо быть готовым в худшем случае. Тов. Н не нравятся умертвия, тов. НН — колорит, тов. ННН — сумасшествие, и все они не согласны друг с другом, но согласны в одном: надо смягчить,

светлее сделать, не так мрачно и пр. И вот печальный вывод, брат мой. Мало написать хорошую книгу. Надо еще за нее подраться.

А в остальном, прекрасная маркиза, все так себе271. Прислать тебе экземпляр я, естественно, не могу: их было три, один у Касселя, другой у художника, третий у жюри конкурса. Я доходчиво излагаю, понятно? Что касается «8зПГ», то я таки его подправил, а лучше или хуже получилось — не знаю, то есть знаю, что хуже, но в приемлемых ли границах — бог ведает. Я, брат, уже совсем дошел. На работе гонка — к съезду, драка — увольняли одного хорошего парня, так мы здесь с ног сбились, насилу отстояли, ежедневно — лопни, а выдай страницу перевода с японского и т. д. Я запыхался немного, понимаешь ли. И еще кутерьма с «8зПГ» и с «СБТ», и всё это как-то втиснулось в две-три недели. И дома еще в дополнение ко всем радостям домработница женится и уходит.

Ну, сейчас легче станет. Да мы железные, отдышимся.

Ну, будь здоров. Целую всех, жму руку, Арк.

Письмо Аркадия брату, 7 февраля 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Получил твою бандероль. Мне очень понра-

вилось, и сейчас же позвонил Касселю и сел обрабатывать стилистически. Впрочем, обработка свелась к тому, что я кое-что добавил, кое-что поприумял, так что в основном всё осталось, как у тебя. Сейчас перепечатал и сегодня, наверное, отнесу в Детгиз.

Там, кстати, опять для нас неприятности. Какой-то идиот выступил якобы против упоминания в научной фантастике о военных. В крайнем случае нам придется превращать Быкова в бывшего капитана, взятого в УМПС из начальников транспортного отдела геологического сектора в Казахстане. Но я еще не уверен. Посмотрим.

Целую, привет Адочке
поцелуй маму
твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 17 февраля 1959, М. — Л.

Здравствуй, Бобкинс.

Прости, что задержался с ответом. Был весьма занят — большая задолженность по переводу. Вот окончу этот перевод и баста. Больше переводить не буду.

Есть новости.

а) Есть указание безусловно и безоговорочно

убрать из всех НФП книг, связанных с атомной энергией и космическими перелетами, военных. Ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно. Поэтому мы, посоветовавшись с Касселем, быстро, двумя-тремя смелыми мазками перекрасили Быкова в демобилизованного офицера, уже пять лет работающего зам. нач. по технической части колонны вездеходов штаба Туркестанского геологического округа. Это прошло, по словам Касселя (я еще не видел, это его редактура), совершенно безболезненно, образ почти не пострадал, всё остальное сохранилось в неприкосновенности. Так что не огорчайся. Кстати, пока больше никто не заикается о воскрешении мертвых, поскольку имеется конец «в другом ключе».

б) Месяц назад я бросил в пасть Детгиза «Извне». Бросил без особой надежды, потому только, что Кассель попросил что-нибудь небольшое для «Мира приключений». Результат потрясающий. Кассель и Андреев (помнишь, тот критик, с которым мы виделись у Касселя — ярый ефремовец и вообще наш) пришли в буйный восторг. Они говорят, что это много лучше многого, а *первый* и *второй* рассказы — вообще превосходны. Третий рассказ, как отдающий уэлсовским духом,

необходимо изменить — чуть-чуть, в смысле поменьше ужасов и побольше дерзания человеческого. Я заикнулся было, что необходимо бы сначала закончить «СБТ», но они в один голос набросились на меня и заорали, что время не терпит, что «СБТ» уже вот-вот пойдет в производство, а вот «Извне» нужно срочно подготовить к редколлегии «Альманаха», для чего следует внести только упомянутые изменения. А «СБТ» Кассель заканчивает на днях и отдает мне на «добро», после чего, если к тому времени будут готовы иллюстрации, рукопись пойдет в набор и т. д.

Теперь я предлагаю вот что: А) дай на всякий случай еще один вариант «счастливого конца» к «СБТ» — старый мне понравился, но в том, что ты очеркнул и наметил в последнем письме, есть нечто более интересное. Б) Подумай — только подумай — над возможными изменениями в «Извне» и дай мне наметки. Учти, оба эти дела достаточно срочные.

Да, еще одна новость. Создается комитет научной фантастики при «Мосфильме», и Андреев предложил мне принять участие. Я сказал: а) Только с братом, и б) Надо подумать.

Вот всё. Напиши скорее соображения и второй вариант. Очень жду. Да расскажи, что там у вас с

семейными делами.

Целую всех крепко, ваш Арк.

Письмо Аркадия брату, 17 февраля 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Только что отправил тебе письмо и вот пишу снова. За эти три часа произошли некоторые события, кои считаю своим долгом скорее довести до твоего сведения.

Я позвонил к Касселю (я часто звоню ему, так как до меня дозвониться трудно), и он сообщил мне, что секция научно-популярных фильмов Союза работников кино взялась за работу в области научной фантастики. Их делегация побывала в Голливуде и пришла в уныние от постановки этого дела *там*. По ее докладу отдано кем-то распоряжение заняться научной фантастикой у нас. Они обратились в поисках тем к Касселю, ибо он, оказывается, тоже в прошлом работник кино. Он выдал свой редакционный портфель, они смотрели и похваливали, пока не добрались до «СБТ». Тут они и остановились. Руководитель этой секции, Игорь Афанасьевич Васильков вызвал меня к себе, и я только что вернулся от него. Очень мило говорили, «он вдове толковал

про долги и аренду, и какая вдова...»272 Одним словом, нам предлагают: А) Передать секции сценаристов наш роман на экранизацию, или Б) Написать сценарий самим. Парашу о передаче права на экранизацию я с негодованием отмел. Думаю, ты похвалишь меня — я сказал, что если мы что-нибудь и предпримем, то это будет наш собственный сценарий. В душе я, конечно, уже загорелся этой идеей, да и ты, я думаю, тоже. Мы ничего не теряем, во всяком случае. Порядок работы: а) Мы подаем заявку — краткое изложение того, зачем нужен наш фильм и что он дает зрителю, б) В том случае, если заявка будет принята, мы пишем либретто — двадцать страниц с изложением сюжета и выигрышных научных мест. В том случае, если либретто будет на секции утверждено и войдет в годовой план кинопроизводства за подписью министра, мы получаем аванс и пишем сценарий, в) В том случае, если сценарий будет принят, мы получаем пятьдесят процентов еще и начинаем войну с режиссером. Вот и всё.

Как всегда, наш НФП фильм будет снимать студия научно-популярных фильмов. Так что отдуваться по съемкам придется в основном тебе.

Теперь так. Я уже прикинул так и этак и при-

шел к убеждению, что вдвоем нам сценарий не осилить: не говоря уже о технике этого дела, ни ты, ни я ни черта не знаем ни об администрации, ни о возможностях и практике кино. Поэтому я предлагаю и настаиваю взять в соавторы нашего Касселя, который хорошо знает книгу, отлично знает кино, превосходно знаком с повадками киноволков и сможет отстаивать наши взгляды перед самыми свирепыми комиссиями. Как я узнал, он этим делом грешил много и получалось у него неплохо. К тому же, сейчас, когда я встречаюсь с нашим иллюстратором, я вижу, что чисто сценической фантазии, декоративной, так сказать, у Касселя куда больше, чем у нас с тобой. Поглядел бы ты, что он сделал с «Мальчиком», в какие он его ракурсы ставит!

Одним словом, требую скорейшего подтверждения согласия на учреждение фирмы «Кассель, Стругацкий и Стругацкий». Вперед, в кино! Вечная слава героям, павшим в этих самых... мизансценах и наплывах или как их там.

Отвечай одним большим письмом сразу и на это, и на предыдущее. И не задерживайся.

Привет, твой Арк.

[Рисунок «Мальчика».]

Письмо Аркадия брату, 2 марта 1959[273], М. — Л.

Дорогой Боб!

Посылаю этот little piece. Глянь, поправь. Это по мотивам одного английского рассказа, сознаюсь[274]. Ставлю тебя в известность также, что Варшавский из «3-С» был в «Молодой гв.», поручено составить срочно сборник советск. н-ф рассказ. Он впихнул наш «СР» и тщится втиснуть «8зПГ» (ныне «6с»).

И еще — журнал «Рационализация и изобретательство» просит у нас напечатать главку из «СБТ».

Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 10 марта 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Ждал от тебя письма, в частности твоих соображений по скетчу, но так и не дождался. Решил написать сам, думаю, что ты сейчас очень занят и не можешь ответить.

а) «Глубокий поиск» в «Вокруг света» провалился. Я еще не знаю подробностей, но одним из *существенных* возражений против него было, ви-

димо: «Не может быть, чтобы в будущем ученые работали в такой тесноте». Больше разговаривать там я не стал, хочу показать «ГП» Варшавскому, Касселю и Андрееву.

б) Делаю я сейчас вот что: работаю с Касселем по «СБТ» — окончательная отделка, не позже двадцатого повесть должна пойти в производство; для этого опять приходится всё перепечатывать на машинке — Кассель правит беспощадно, но в общем правильно; сто с лишним страниц уже готово. Читал и правил верстку «6 спичек»; на мой взгляд, получилось неплохо. Пишу сейчас рассказ «Репетиция „СРР“», половину уже написал, это предназначается для журнала «Изобретатель и рационализатор».

в) Говорил с Касселем относительно соавторства в сценарии, он мнется. Кстати, совершенно не согласен с твоей концепцией относительно киношной работы. Если и есть силы, которые способны в какой-то мере повлиять на НФ в кино в хорошую сторону, то это мы. Наемные сценаристы сделают из картины «Тайну двух океанов»275. Нельзя отдать им на растерзание нашу «Страну». Кроме того, у меня есть замысел создать сценарий из четырех-пяти киноновелл: собираются бывшие одноклассники и рассказы-

вают друг другу, что интересного произошло с ними за время разлуки: «Спонтанный рефлекс», «Глубокий поиск», что-нибудь типично межпланетное, что-нибудь о героизме тех, кто работает в геологии и в ядерной физике.

Вот мои дела. Теперь у меня к тебе просьба. Сходи в журнал «Нева» и предложи им «Человека из Пасифиды». Мы ничем не рискуем, а я вижу, что этот журнал напечатать может. Попробуй. Только оставь у себя копию на всякий случай. И вообще постарайся завязать там хорошие отношения с редакторами. Учти, у нас уже есть известная репутация, от нас уже нельзя так просто отмахнуться. Держись солидно, ты уже не новичок — три рассказа напечатано. Если они предложат тебе писать по линии «НФ» — соглашайся. Сейчас НФ в фаворе, надо утверждаться. Хорошими вещами, конечно.

Вот и всё. Пиши, пожалуйста, скорее. Плохо, когда нет от тебя писем. И думай, думай над рассказами.

Большой привет маме, крепко ее целую, и Адочку тож.

Ваш Арк.

Письмо Аркадия брату, 19 марта 1959, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мой друг и брат!

Получил твое письмо, спасибо, наконец-то ты разразился. Скё-ё-ётчик, действительно, матовый, ничего не скажешь. Но все-таки будем его держать в резерве. Впрочем, об этом ублюдке говорить нечего. Перейдем к делу.

Сейчас я заканчиваю «Репетицию „СРР“» и полагаю прислать ее тебе еще до конца марта. Возвращай, постарайся, скорее. У меня странное чувство: не то это потрясное г..., не то что-то до странности любопытное, хотя и не в литературном смысле. В общем посмотришь и исправишь.

Покушения на главы из СБТ были, но я, признаться, их отверг. Книга уже на мази, и подводить журналы не хочется: напечатают в мае—июне, а книга — глядь — вышла. Им будут неприятности.

Я сейчас редактирую нашего первенца, вожусь с ним и всячески обсасываю, и чем дальше, тем меньше он мне нравится. Все-таки это трив. классика: и диалоги, и сюжет, и ситуации, и приемы. А ты бы поглядел, что выкручивает Полещук! Вот это настоящий талант. Он написал уже третий роман. Второй — блестящая полусказка «Повесть

о Механикусе и Говорящей собаке» — это, брат, шедевр. Талантище! Она выйдет в «Мире приключений» вместе с нашим «Извне», вероятно.

Теперь вот что. Я всегда старался, чтобы совесть твоя была спокойна. Стараюсь и на этот раз. Я в третий раз перепечатываю «СБТ» и в третий раз плачу четыреста (400) руб. в советских дензнаках. Так что, если захочешь, можешь, так сказать, соответствовать.

Теперь о «Возвращении». Пришли мне три своих неудачных варианта, хочу поглядеть, по какому ты пути идешь. Все три. У меня сильное подозрение, что ты прешься не по той дорожке — слишком тебя занимает психология. От одной психологии добра не жди. Буду ждать с нетерпением. С этой вещицей, кстати, надобно не медлить. У нас договор с «Знанием-силой».

Кстати, о «Знании-силе». Получил ли ты за «Мешок»? Срочно отпиши, иначе я попаду в неловкое положение в тамошней бухгалтерии. Вышел уже и третий номер с «Шестью спичками». Я еще не видел. Как только получу возможность, пришлю тебе экземпляр с «Мешком» и пару экз. с «Шестью спичками». И вот еще: если у тебя есть охота, пиши маленькие рецензейки на хорошие научные книжки — «З-С» их охотно принимает. Хотя и

калечит при этом.

Что касается «Человека из Пасифиды», то это делается просто. Рукопись укладывается в конверт, к ней прилагается короткое письмо — я такой-то и такой-то, прошу принять и рассмотреть, вот мой телефон и адрес, в случае, если не пригодится, прошу немедленно известить, чтобы я мог забрать обратно. Затем конверт заклеивается и относится на почту. Если Адочка свободна, она может завезти лично, спросить, кто занимается художественной литературой и вручить ему, сказав, что муж-де работает допоздна и приехать не может. Вот и всё. Шевелитесь, друзья мои. Надо и вам узнать эту сторону дела.

Вот пока всё. Итак, жду «Возвращение».

Да, наша идея «СБП» горит синим огнем. НИКАКИХ боев в межпланетном пространстве. Даже смотреть не будут. Надо придумать что-то другое.

Целую крепко, ваш всегда Арк.

Да, Борис, узнай, куда и когда мама собирается ехать на лето. Надо настоять, чтобы съездила хорошо и богато, ни в чем себе не отказывая.

Письмо Аркадия брату, 23 марта 1959, М. — Л.

Дорогой мой Бобкинс!

Вот, добил, наконец, «Репетицию „СРР“». Сразу скажу: я этой вещью недоволен. На мой взгляд она растянута, в ней есть много лишнего, а также есть то, чего у нас в рассказах никак не должно быть: лобовая мораль. Но не в пример тебе, я не считаю, что должен добиться совершенства сам. Я отдаю рассказ в твое полное и безраздельное пользование. Главные требования к тебе: а) По возможности сократить; б) По возможности дополнить активными эпизодами или хотя бы несколькими строчками, чтобы рассказ стал живее; в) Подать туда хоть немножко твоего знаменитого «юмора положения». Следовало бы также, пожалуй, сделать героиню менее трусливой, если найдешь возможным и нужным.

Вот так-то. Еще довожу до твоего сведения, что работа над СБТ идет полным ходом, вносятся изменения и вставки, выбрасываются целые эпизоды. Скоро я пришлю тебе весь новый экземпляр, тогда почитаешь и увидишь. Что не понравится — по мелочам, конечно, — можно будет еще исправить в верстке.

Жду «Возвращения». Не надо его «доводить».

Отдавай для доводки соавтору. Потом, по получении от соавтора, будешь еще работать.

Но гляди, «РСРР» не задерживай долго. Худо ли, хорошо ли, она должна быть у меня к апрелю. Постарайся, брат, сделай из этого г... конфетку. Уж больно мне идея (научная) нравится.

Вот пока всё.

Целую крепко, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 27 марта 1959276, М. — Л.

Дорогой Боб!

Деньги получил. 600 руб — напрасно. Ладно, выпью за здоровье.

Посылаю окончательный вариант. Полагаю, многое тебя удивит, а может быть, и рассердит. Но я больше не мог с ними бороться. Здоровье и нервы, знаешь ли.

Так-то.

Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 2 апреля 1959, М. — Л.

Дорогой Бобик!

Посылаю тебе копию рецензии Андреева на «Извне». Вот подумай. По-моему, принципиально

менять ничего не надобно, а изменить только тон вещи — побольше юмора и бодрости и чего-нибудь — ты уж попробуй, извернись — в рассуждении братства Разума во Вселенной. А «пауков» можно где-нибудь в последней трети главы сделать посердобольнее, пусть они, скажем, оказывают ему посильную поддержку продовольствием (покорно останавливаются, когда он кидается на жратву, которую они несут), а также пусть ведут себя, как добродушные домашние животные. Но жажду оставь и покажи, что пауки не могут догадаться, чего он хочет. В общем, подумай.

Посылаю тебе также первый сюжет. По такому образцу будем теперь обмениваться сюжетами. Первый вариант пишет тот, кто подал заявку. Сюжет в двух экземплярах, один у заявителя, другой — соавтору.

Заявку подготавливаю. Но всё еще не знаю, подать ли ее в Детгиз или в Мол. Гв. Или даже в «Трудрезервиздат», именуемый в просторечьи «Презервативиздат».

Почти все твои поправки к «Испытателю „СРР“» приняты. Отредактировал, сдал на машинку.

Вот всё. Приеду утром тридцатого. Нужно обобщить опыт и посмотреть. По-моему, уже

выявились кое-какие закономерности.

Привет маме и Адочке. Ваш Арк.

«СУМАСШЕДШИЙ МИР»

Время действия: ок. 2000 г.

Место действия: околосолнечное пространство.

Действующие лица:

1. Командир корабля «Искатель» Кузьмин, якут, 40 л.

2. Штурман Багров, 35 л.

3. Борт-инженер, я, Ерошин, 30 л.

4. Врач Малышева, 30 л.

Практиканты — космогаторы

5. Второй штурман Ландсберг, 20 л.

6. Второй борт-инженер Васильев, 20 л.

7. Третий борт-инженер Чен Ним, кореянка, 20 л.

Содержание:

Новый планетолет «Искатель» в годичном испытательном рейсе. Совершает в данный момент полет инерциальный, по орбите, перпендикулярной эклиптике. Вдруг обнаруживает новую планету, не простую, а двойную, компоненты весьма слабые, диаметр каждой — порядка 200–300 км. Определение орбиты дало: наклон к эклиптике ок. 80°, перигелийное расстояние

— 700 млн. км, афелийное — 1,5 млрд. км. Наблюдение за вращением показало, что центральная планета имеет массу, равную массе Земли, т. е. состоит из вещества огромной плотности (нужно подсчитать — какой) и имеет густую атмосферу. Инфракрасное излучение не соответствует альбедо. Спутник — вторая компонента — вполне нормальный. Светимость их мала, поэтому они долго не были открыты.

Кузьмин радирует на Землю об открытии. Тем временем Ландсберг и Васильев предлагают высадиться и посмотреть. Кузьмин категорически отказывает: «Искатель» в испытательном рейсе, кибернетических разведчиков для предварительного обследования у них нет, а в атмосфере планеты творятся жуткие вещи — вспышки, всплески и так далее. Ландсберг и Васильев настаивают и со вздохами вспоминают о тех временах, когда высаживались без кибернетических обследований и действовали, как Колумбы. Но Кузьмин призывает их к порядку.

Тем временем с Земли предложили остаться и вести наблюдения в ожидании испытанного исследовательского корабля «Ленинград», оснащенного всем необходимым для разведки. Кузьмин делает «Искатель» искусственным спут-

ником и ждет. Но в первую же «ночь» Ландсберг и Васильев украдкой залезают в спасательную ракету и удирают вниз, на планету. Кузьмин устраивает ВОПЛ. Что делать? Сопляки погибнут, как пить дать. Ждать несколько суток до подхода «Ленинграда» нельзя. С другой стороны, «Искатель» мало приспособлен для посадок на планетах с атмосферами, рисковать остальными людьми страшно. Тогда Кузьмин решает высадить экипаж на спутник и попытаться сесть самому. Но остаться никто не захотел, все рвутся в бой. И они нырнули на «Искателе» все вместе.

Против ожиданий посадка удалась без труда. Атмосфера спокойна, только в стратосфере бушуют электрические вихри. Еще когда спускались, заметили в одной точке вспышки дюзового пламени: азбука Морзе, но ничего не понять. Радиосвязи так и не было. Полетели на вспышки и скоро приземлились возле них. Вышли в скафандрах. Вся поверхность покрыта живым тестом. Волны из теста, смерчи из теста, пирамиды, башни, тучи из теста. Кажется, что тесто рвется в вышину. Едва включили радио, чтобы связаться с беглецами, как тесто набрасывается на них. Хоронит их. Погребает их. Приходится отбиваться струями плазмы. Взрывы.

Наконец, после некоторых приключений, отыскивают беглецов. Их спасательная ракетка плотно забита тестом, и освободить ее нет никакой возможности. Пока идут обратно, отбиваясь, оставшийся в «Искателе» Багров выжигает плазмой дорогу. Удирают.

Вся планетка — необычна и уникальна, она гость из других участков вселенной. Предполагается, что в центре она имеет одно ядро из ядерного вещества, окруженное плотными облаками электронов, на которых уже располагается кора обычного вещества.

Тесто — исполинская молекула псевдо-жизни, непрерывно распадающаяся и снова усваивающая продукты распада за счет энергии радиоизлучений, которыми периодически обдает ее ядро планеты. Но в промежутках между этими «вздохами» ядра тесто голодает. Поэтому оно и набросилось так жадно на радиоприемники, поэтому оно лезет в небо ловить космическое радиоизлучение.

Но это всё гипотезы. Исследования продолжаются. Три комплекта роботов исчезли на этой планете, хотя последний комплект имел оптическую и звуковую, связь, а не радио.

А планету назвали «ЧЕННИМА» — потому что

первым на ней высадился Ландсберг.

Тема: любовь и рыцарство против дисциплины.

Рецензия Андреева, о которой писал АН в начале письма, сохранилась.

Андреев К. Рецензия на «Извне»

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Извне (научно-фантастическая повесть в трех рассказах)

Научно-фантастическая повесть «Извне» показывает, что ее молодые авторы сделали большие успехи в овладении литературным мастерством. В литературном отношении эта повесть — значительный шаг вперед по сравнению с их научно-фантастическим романом «Страна багровых туч» (во всяком случае по сравнению с тем его вариантом, который мне пришлось рецензировать).

Повесть «Извне» посвящена теме первого контакта между жителями Земли и разумными существами иных миров, — вернее, вторжению разведочного звездного корабля неизвестных жителей иного мира. Состоит она из трех рассказов: «Человек в сетчатой майке» (рассказ офицера

штаба Н-ской бригады майора Кузнецова), «Пришельцы» (рассказ участника археологической группы «Апиды» К. Н. Сергеева) и «На борту „Летучего Голландца“» (рассказ бывшего начальника археологической группы «Апиды» Б. Я. Лозовского).

В первом рассказе, написанном в хорошей реалистической манере, с превосходным знанием армейского быта и языка, повествуется о появлении таинственного незнакомца в сетчатой майке, как потом выясняется, высаженного с чужого межзвездного корабля. Рассказ почти не требует редактирования и лишь немного растянут (в первой части).

Во втором — впервые появляются «Пришельцы» — человекоподобные роботы, посланные с корабля для сбора образцов земных минералов, флоры и фауны. Из обрывочных записей Б. Лозовского, случайно похищенного «пришельцами», читатель узнает, что Лозовский, по своей воле, проник на улетающий звездолет. Рассказ интересен и тоже не вызывает возражений.

Третий рассказ представляет собой дневник или рассказ Б. Лозовского о его пребывании сначала на космическом корабле, а потом — на временном искусственном спутнике Земли, по-

сланном из другого мира. Он представляет собой столь мрачную фантазию, что она не может не вызвать резких возражений со стороны всех, кто любит и создает новую по своему характеру советскую реалистическую фантастику.

Со времен появления романа Г. Уэллса «Борьба миров» создалась дурная традиция изображать жителей иных миров враждебными, злобными, отвратительными и во всех отношениях нечеловеческими существами. В американских периодических изданиях — журнале «Галактика» и альманахе «Пришельцы на Землю» — посвященных научной фантастике, тема борьбы миров является господствующей. И очень важно отметить тот факт, что именно советский писатель И. А. Ефремов впервые решил эту проблему встречи двух миров в гуманистическом плане. В романе «Туманность Андромеды» тема «Великого кольца» — тема великого единства культуры и мысли всех человекоподобных существ (по сути дела очень мало отличающихся от человека), тема не только мирного сосуществования, но и содружества обитателей всех миров нашей Галактики. И в последнем рассказе «Сердце Змеи» (журнал «Пионер» № 1 за 1959 год) И. Ефремов прямо противопоставляет западное и советское решение

первого контакта обитателей разных Вселенных.

Имеются в последнем рассказе А. и Б. Стругацких неувязки: нужен ли «пришельцам»-роботам музей с витринами, да еще столь грандиозный? Могли ли сохраниться животные с других планетных систем живыми, если этот космический корабль-разведчик странствовал в межзвездном пространстве тысячи и десятки тысяч лет?

Мало удачно заключение («Выдержки из протокола заключительного заседания Сталинабадской комиссии»). Если прибегать к протокольной точности (вообще говоря, метод чрезвычайно эффективный в научной фантастике), то нельзя давать только выдержки. Кроме того, подобного типа повесть должна допускать двоякое решение (бред, ошибка, неверно понятое или неверно истолкованное событие). В этом — специфика жанра.

В таком виде повесть «Извне» напечатана быть не может: нужна кардинальная переработка третьего рассказа. Трудно подсказывать авторам: можно, конечно, использовать и бредовые видения голодного человека и его ошибки. Не обязателен контакт с жителями иных миров — может быть, Б. Лозовский находит на космическом корабле какую-то фильмотеку, где, как

виденье, наблюдает картину (пусть смутную) другого светлого мира...

Хочется думать, что способные авторы сумеют довести до конца свою так хорошо начатую работу.

Кирилл Андреев

М. 11.II.59 г.

Письмо Аркадия брату, 15 апреля 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Дождался письма от тебя и пишу ответ.

1) «Забытый эксперимент» (шифр, естественно, «ЗЭ») получился, на мой взгляд, вполне хорошо. Но печать торопливости на нем очевидная. В частности: первые две части чересчур растянуты, исполнены подробностей, не играющих совершенно, тогда как последние части очень беглы и смутны; читатель, по сути, так и не понимает, что произошло, объяснить надо лучше — я не говорю о физических принципах, а о сюжете; кое-что просто недодумано — напр., если новое излучение не фиксируется приборами, то почему оно остановило роботов? Но в общем, повторяю, хорошо. Я сейчас специально работаю над «ЗЭ», привезу его с собой, и мы посмотрим вместе, что можно сделать еще.

2) «Испытание „СКР“» одобрено и идет в № 7 «Изоббрацион» без сокращений и почти без поправок.

3) Удручен, что мой сюжет так провалился. Ай-ай-ай. Но ты, конечно, прав вполне. Дерьмо, так и будем считать. Твоя идея сборника «Под чужим небом» много лучше и заслуживает внимания, конкретной разработки и детального определения сюжетов. Надо дать рассказов шесть. Но об этом поговорим по приезде. А самое главное, все-таки — это «СБП», прежде всего надо подумать об этом,

4) «СБТ» называется-таки просто «Страна багровых туч». Это я так ошибся. На титулах в рабочей рукописи значится «Страна».

5) Кассель в третий раз просит нас дать заявку на сборник. Думаю, так и придется сделать, тем более, что если ты управишься с «Извне» быстро, то сборник в одну повесть и три-четыре рассказа издадут в следующем же году, а стоить это нам ничего не будет. Сборник подготовлю я, пока ты будешь потеть над «СБП». «Презервиздат» и «МГ» — трусы трясущиеся, и нам очень, очень везет, что мы имеем дело с Касселем. Хочешь пример? Вот. Сейчас в «МГ» выходит сборник лучших образцов новой советской НФ. Начинается он,

как легко понять, ефремовским «Сердцем Змеи» и включает наш «Спонт. реф.» (кстати, его опять сегодня передают по радио, сволочи). Так вот, редактор выступил против «СР» на том основании, что изображается «БУНТ МАШИН», и понадобились объединенные усилия составителя, двух консультантов и одного главного редактора, чтобы доказать, что «СР» включить необходимо277. А ведь эта вещь уже всем известна. А вот Кассель — он хватается за «Извне», за «СР» и даже обещает пропихнуть «ГФ», если ему удастся, хотя он и не уверен. Так, короче, подавать заявку, или нет? Напиши сейчас же, по получении этого письма и тут же сообщи, как идет работа с «Извне». И немедленно — немедленно — вышли черновики «Возвращения».

6) На рецензию Андреева не обижайся. И если хочешь знать, это действительно социальный заказ: заказ ЦК ВЛКСМ, противопоставить нашу НФП тому, что идет в Европу из Америки. Я читал этот доклад и при встрече расскажу тебе подробнее.

Вот, кажется, и всё, что я имел... э-э... так сказать, сообщить. Мотай на ус.

А Кассель, между прочим, да и многие другие, убежден, что «несмотря на довольно очевидные

недостатки, ваша повесть будет иметь очень большой резонанс, А. Н.»

Кассель даже в официальных разговорах зовет нас «братья-разбойники». «Так это вас называют «братья-разбойники»278? Ах-ах, никогда бы не подумала!»

Целую, поцелуй всех, Арк.

Письмо Аркадия брату, 8 мая 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Посылаю тебе модель для пролога к «СБП», новый вариант «ГП» и экземпляры «ЗЭ» и окончания «Извне».

Хочу тебя порадовать: пришла (уже!) верстка «СБТ». Нам удивительно повезло, как раз в тот момент, когда мы с Касселем потели над последним вариантом рукописи, Таллинская типография оказалась в прорыве и слезно запросила Детгиз дать немедленно работу. Вот Детгиз и дал. И вместо полутора-двух месяцев мы получили верстку через полмесяца. Кассель говорит, что теперь книга выйдет не позже конца июня.

Должен, правда, и огорчить тебя. То, что в оригиналах выглядело как отличные иллюстрации, сильно поблекло, огрубело и плохо смотрится. Сейчас я сяду за правку, а когда правка будет пере-

несена на рабочий экземпляр, вышлю дубликат тебе. А вообще лучше дождись готовой книги.

Теперь вот что. Кассель просит подкинуть ему что-нибудь для шестого номера альманаха. Как славно было бы, если бы мы успели управиться с «СБП». Но это нужно сделать к началу августа, в крайнем случае — до сентября. Как ты на это смотришь? Отпиши. Сегодня иду в «Знание-смачно» торговать «ЗЭ».

Маме и Адочке привет и поцелуи.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 20 мая 1959, М — Л.

Дорогой мой Боб!

Вот уже двадцатое, больше полумесяца, как мы расстались, а я всё не имею от тебя ни строчки. Договор ты не соблюдаешь, чем повергаешь меня в горестное недоумение. В окрестностях пятнадцатого я всё ждал вожделенного конверта-бандероли, но так и не дождался. Ах-тех-тех-тех-те... Эти мне братья и соавторы!

Отнес я в «З-С» наш «ЗЭ». Прочли и засмущались. Всё им, видишь ли, подходит, а только много слишком разговору и действия мало. Я взбеленился, отправился к ним и прочел Варшавскому получасовую лекцию об отношении

большой литературы и НФ. Понимаешь, никто, по-видимому, не разделяет всерьез нашу установку о том, что НФ может и должна быть большой литературой. По их мнению, в НФ должны быть взрывы, умертвия и пр., и никакой психологии. Мне трудно всё это доказывать, ведь это наша вещь, понимаешь? Доказывать, что твоя вещь — это вещь! Хвастовство, да и только. Кажется, я их не убедил, но они обещают подумать. Может быть, придется кое-что изменить, в смысле сокращения прямой речи. Как ни странно, именно это им мешает больше всего.

«СБТ» тщательно считал, исправил, кое-где поправил бесчинства Касселя. Сегодня пришлось случайно заехать на съезд279, в Кремль, искал своего одного японца. И неожиданно столкнулся с Кимом и Касселем. Га-га-га! Го-го-го! А мы только что о вас говорили. А пропо, сборник я собрал и отдал Касселю неделю назад, причем «СР» выбросил ко всей трох-тибидох. Так вот, Кассель рассказал, что книготоргфюреры, прочитав верстку, потребовали тираж «СБТ» в размере 25×10 4 экз., явление малопрецедентное. Это (буде будет осуществлено) несколько укрепит наши финансовые позиции, но и только, поэтому я не особенно обрадовался. А вот другое. Кассель

первым из редакторов очень похвалил «ГП» и «ИспСКР». Значит, пробиться можно таки. В тот момент, когда он перешел к «ЗЭ», нас прервали, мне пришлось удалиться. Но завтра я ему позвоню и выясню всё до конца. Ефремов сборник одобрил и похвалил, что в нем не будет «СР» — стандарт, как он говорит, и я согласен, и рад, что допер до этого самостоятельно.

Теперь третье. Как я тебе говорил, нас включили в сборники на иностранных языках. Срочно необходимы наши фотографии. Пришли срочно свое фото, по возможности жанровое (с книгами, или у приборов). Я предложил твое у теодолита (помнишь такое?), но ретушеры отказались работать с ним, слишком темное. Снимись на хорошую яркую и контрастную карточку у счетных машин, вот это будет здорово. Мне тоже предстоит сниматься.

Ну всё, жду письма и бандероли. Твой Арк.

Поцелуй Адочку.

Письмо Аркадия брату, 23 мая 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

По-прежнему с прискорбием отмечаю полное отсутствие известий от ленинградского филиала АБ и К°. Но мирюсь. И сам удивляюсь своему

долготерпию.

Пишу я тебе вот по какому поводу. Вчера вечером мне звонил Варшавский и сообщил, что «ЗЭ» всем в редакции очень понравился, в том числе и ему самому по вторичном чтении. Это очень симптоматично: рассказ просто непривычен для этого жанра. Он нетрадиционен. «Это настоящая художественная литература без скидок. Попробуйте читать Нагибина, если вас в шутку предупредят, что это детектив. Вы будете разочарованы. Вот так же и здесь». Одним словом, претензия одна: нужно либо дать больше в научной части, либо меньше. Я думаю, лучше меньше. Быстренько сделай и пришли мне новый вариант научной части, где написано очень мало. Придумай что-нибудь.

Теперь так. «Знание — сила» устраивает нам с тобой бенефис. Они дают в 8 или 9 номере сразу два наших рассказа, наши портреты и биографии. Молодые, так сказать, таланты. Я срочно сажусь за «Букет». Его надо сдать в редакцию в конце июня. Пришлю я его тебе до десятого июня. А ты, повторяю, прямо сейчас же садись за работу и дай краткий вариант научной части.

Привет всем, твой Арк.

Вариант должен у меня быть до пятницы во

всяком случае.

Письмо Аркадия брату, 29 мая 1959, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

Получил вариант научной части (как раз вовремя) и пародию. Пародия, действительно, хороша. Ничего не скажешь, стиль тот. Научная часть мне нравится, думаю, подойдет. Сегодня иду к Варшавскому и отдам.

Рад, что «Нева» не отвергла. Наверное, теперь возьмут. Тем более, что сейчас опять у нас в литературе антиколониальные веяния. Если «Нева» возьмет, я думаю, мы выбросим «ЧиП» из сборника. Нечего ему там болтаться и колорит портить.

Есть уже гранки «ИсСКР», сегодня пойду смотреть. Что до верстки «СБТ», то звонил Кассель, он дает. Заеду к нему, возьму и вышлю.

Усиленно работаю над «БР». Очень трудно, сам понимаешь. Но две трети уже сделал. Остается самая сложная — последняя.

Я построил рассказ несколько необычно, любопытно, как ты его воспримешь. Но метод, по-моему, неплох, и даже если «БР» не понравится тебе, нужно будет этот метод не упускать из виду.

Сейчас мне кроме всего прочего поручено

написать сценарий для третьей передачи о научной фантастике (есть у нас такие передачи по телевидению). Передача посвящена «Туманности Андромеды». Я потребовал иностранные нф-фильмы. Кажется, разрешают. На днях поеду в Белые Столбы выбирать. То-то поглазею! Жаль, тебя нет со мной. А передача будет 13-го июня.

Вероятно, придется встретиться и с Ефремовым. Познакомимся.

Вот и всё.

Поцелуй Адочку, привет, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 2 июня 1959, М. — Л.

ПРОЧИТАТЬ ПОСЛЕ РАССКАЗА!!!

Дорогой Боб.

Посылаю тебе то, что вышло у меня из «Букета роз». Как видишь, рассказ неокончен. И это не от лени, уверяю тебя. Третью и последнюю новеллу по праву должен написать ты. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, хочу пояснить тебе идею рассказа — на тот случай, если она тебе еще не совсем ясна.

Как видишь, эпиграфом к рассказу взят подзаголовочек из новеллы Акутагава «В чаще». Содержание новеллы следующее. В бамбуковой чаще нашли убитого самурая. Ведется следствие.

Взят разбойник, который изнасиловал жену самурая и убил его самого. Новелла дает три версии убийства: одна — версия разбойника (по его словам, он убил самурая на дуэли и отверг любовь его жены), версия жены (ее исповедь: разбойник заманил их в чащу, ее изнасиловал и скрылся, а она, опозоренная, убила мужа) и версия духа убитого (после того как разбойник изнасиловал его жену, самурай сам закололся). Все три версии оправданы обстановкой и тем, что нашли около трупа, и ни одна версия не объясняет, куда делся кинжал, которым был убит самурай. Меня заинтересовал этот прием. Я решил применить его в нашем творчестве, но без этих загадок. Мы даем происшествие с межпланетником с трех точек зрения. Две я уже дал. Третья, его, межпланетника, собственная, — на тебе. В отличие от Акутагава, я решил дать не версии события, а версии облика героя — с трех точек зрения. Поэт считает, что Валентин — фантастически удачливый авантюрист, настолько удачливый, что сумел вернуться в свое время вопреки законам, божьим и человеческим. Жена считает, что Валентин вернулся потому, что не мог быть без нее — и Валентин это не опровергает. И вот его, Валентина, собственная версия — он — первооткрыватель, из

тех, кто ищет новые и необычайные пути, из тех, кто хочет работать не на далеких потомков, а на современников. Мысль ясна? Эту идею ты должен выразить в своей новелле, легонько, без нажима. Так, чтобы было ясно: он вернулся не потому, что чертовщина ему помогла, а потому, что он был вооружен совершенным знанием. И вернулся не к жене, а ко всем людям, которых эта его жена олицетворяет. Повторяю, легко, без нажима и не в лоб. Ничего, если возможны кривотолки, этого не бойся. Пиши по хэмминг-да-эх-гуэевски.

Я не могу писать эту новеллу потому, что слишком наладился на минорный и экзальтированный лад предыдущих двух. У меня получатся сплошные сопли. Но я могу дать тебе план, как я представляю себе эту третью новеллу — план для тебя, конечно, не обязательный. Вот он:

1) Герой, будучи на пороге звездных экспедиций, исследует работу по теории тяготения и сталкивается с упоминанием о парадоксе Фока. Здесь введи термин «частные предположения». Это гвоздем засаживается в его голову. Только что изобретенные прямоточные ракеты дают возможность проверить все на практике. Он собирается устроиться так, чтобы во время рейса создать эти самые «частные предположения» и

открывает, что при полете возле звезд с *пульсирующими* гравитационными полями эти частные предположения еще более съедобны. Он договаривается со своими друзьями использовать Третью звездную для эксперимента.

2) Описание полета. Здесь дай простор фантазии. Необычайные миры, чудовища, странные свойства пространства и времени и так далее. Это дать необходимо, чтобы подогреть интерес к рассказу *всех* читателей. Это будет динамика рассказа.

3) Коротенько — возвращение, они сами себе не верят. И мысль о необходимости летать в будущем только так. Облететь всю вселенную за год-два земных и за двадцать-тридцать небесных.

Меморандум: а) Не больше семи страниц. Ни в коем случае не больше, б) Мажор. Это рассказывает не желчный от неразделенной любви поэт, и не женщина, влюбленная в мужа до грыжи, а межпланетный волк, спокойный, веселый, не лишенный юмора и очень обрадованный тем, что эксперимент удался. Понимаешь? Он скушал и просит еще. Вот это мне и не удалось бы. Но не забудь при этом, что он любит жену, в) Постарайся внедрить во всех разделах новеллы о самом себе

черты героя, как он представляется нам: первооткрыватель, возмущенный мыслью, что природа не позволяет ему работать на современников, г) Все это не освобождает тебя от обязанности править то, что сделано мною.

Не знаю, может быть, я не прав, выбрав такую форму. Но уж очень заманчиво было. «Метод нескольких прожекторов». Как это ни странно, Ленке понравился и метод, и содержание первых двух новелл.

Теперь о сроках. Варшавский просил дать этот рассказ не позже десятого. Мне понадобятся по крайней мере три дня для машинистки. Так что буду ждать примерно седьмого. Бросай все и за работу. Будет очень жалко, если ты опоздаешь. О том, что ты управишься с темой — не сомневаюсь. «ЗЭ» идет отлично. Жду фотографии. По получении и прочтении письма немедленно ответь, очень волнуюсь.

Да, по-моему заголовок «Частные предположения» подходящий. Он имеет два смысла, что всегда хорошо в заголовках. Но можно и другие. Например, «Немного физики». Или еще что-нибудь.

Вот всё. Целую крепко тебя и Адочку.

Как дела с «Чел. из Пас»?

Письмо Аркадия брату, 13 июня 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Получил рукописи одновременно с телеграммой. Ты все-таки порядочный свин. Надо как-то обязать тебя писать хотя бы раз в неделю, но не знаю — как.

Астролетчик Петров и вообще «ЧП». Ты, брат, всё порываешься нести передовое знамя и протчее, а простых вещей, видимо, не способен понять. Я уже не говорю, что сама идея рассказа превосходна — гипотеза о существовании (таки!) ключа к пространству и времени, это служит для истребления пессимизма, и слава за эту идею акад. Фоку и астроному-фантасту Б. Стругацкому. А если нужна идея, то тем паче необходим рассказ. Теперь о форме рассказа. Мне хотелось, как всегда, дать не столько идею, сколько человека. Ты, видимо, не согласен с такой постановкой, и это странно, ибо ты всегда ратовал за нее. Ты начнешь отмежевываться, что ты мол вовсе не против, а наоборот за. Так я тебе вот что скажу. Все наши герои будут колченогими уродцами, если мы в должном количестве не будем снабжать их фоном-витамином настоящих и очень важных для человека чувств и переживаний. Я смотрю

так: существуют на свете любящие женщины и даже жены. Будут они и в будущем. Чувства этих женщин, как бы слюнявы они ни казались на взгляд суровых флибустьеров вроде тебя, являются чрезвычайно важной характеристикой для человека. Рано или поздно нам всё равно придется иметь с этим дело, и я решил начать с «ЧП», ибо расставание навсегда — всегда тема очень волнующая. Поэтому, при всех ее недостатках литературных, тема Ружены и новелла о ней представляются мне необходимыми, хотя и с точки зрения научной фантастики и сюжетно-ненужными. Что касается твоего рассказа, то это очень неплохо. Я отделал его всего за три часа и очень им доволен. Превосходно взят тон. Кстати, вот еще зачем необходима была тема Ружены — получился превосходный контраст между переживаниями влюбленной и потому склонной к эгоцентризму женщины и спокойным деловым повествованием мужчины. Не знаю, ты можешь быть сколь угодно (в частности, до пупковой грыжи) против, но по-моему, этот рассказ — наша удача. И особенно это чувствуется, когда читаешь все три новеллы подряд: резкая смена настроений через каждые семь страниц, твой Цвейг голову бы отдал за такую тему. Другое дело, что

рассказ могут не принять. Но, право, от этого он хуже не станет.

Глава «СБП». Смачно. Смачно. Смачно. Нуждается в доделках, в уточнениях (я, например, далеко не сразу сообразил, что дело происходит на ИС), кое-что я хочу вставить, но форма, но колорит, но дух... Одним словом — смачно. Теперь вот что. Думаю, теперь мы со всеми в расчете и можем поработать спокойно. Гнать больше не будем. Но я-то знаю, что без плана у нас ни черта не выйдет. Посему обязываю тебя планом. Не выполнишь — посрамлю. Год работать с тобой не буду, честное слово.

Составление плана предоставляю тебе. Ты будешь работать над СБП, я над сборником рассказов и над новыми рассказами. Только ты подавай темки. Опыт показывает, что темки ты даешь хорошие. Итак, жду разработанного плана, тобой подписанного. И не воображай, что ты уж очень устаешь. Подумаешь, шесть часов сна. Я, брат, уже забыл, когда я сплю больше.

Кассель и Андреев расхваливали наши рассказы, говорят, что мы очень выработали свой стиль и почерк и выросли по сравнению с СБТ неизмеримо. А ведь СБТ считается одной из трех первых НФ книг за последние несколько лет:

третьей после Ефремова и «Генератора чудес»280. Не вкусно, правда?

Вот всё. Поцелуй Адочку. Как у нее дела. Привет от Ленки.

Твой Арк.

АН называет СБТ «одной из трех первых НФ книг» по результатам завершившегося накануне конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста. Много позже БН в «Комментариях» заметил, что СБТ «оказалась единственным произведением АБС всех времен, удостоенным Государственной премии», и добавил о самой премии: «В размере 5000 рублей. Неплохие деньги по тем временам — четыре мамины зарплаты».

Эта премия была уникальна еще и тем, что премию дали еще не вышедшей книге, а рукописи.

Письмо Аркадия брату, 19 июня 1959, М. — Л.

Дорогой мой брат!

Вот лежат передо мною два экземпляра договора, из текста коих явствует, что Детгиз в лице главного редактора Компаниец Василия Георгиевича, с одной стороны, и Стругацкий Аркадий Натанович и Стругацкий Борис Натанович, именуемый в дальнейшем «автор», с другой,

согласились выпустить в свет «Шесть спичек». Сборник научно-фантастических рассказов размером до 9 авт. л. считая в листе 40000 печатных знаков. Рукопись представлена, за исключительное право издательство обязуется уплатить гонорар из расчета 3 (три) 000 (тысячи) руб, за авт. лист. И так далее. Тут же лежит и бланк «В бухгалтерию Детгиза».

Я намерен: а) немедленно подписать оба экземпляра и вернуть их в Детгиз. Причем подписать за тебя и за себя, без волокиты. Я должен там указать твой адрес, так я дам все-таки ленинградский, б) Заполню бланк бухгалтерии на перевод 25 % в твою сберкассу в Пулкове. Это составит примерно тысячи три. Видишь, как нам доверяют? Сразу аванс. По одобрении получим еще 35 %, остальное — в следующем году, по выходу книги в свет. Да, так о чем бишь я... Вот. Я везде подписываюсь за тебя. Беру, так сказать, смелость.

Что касается названия сборника, то его, на мой взгляд, надо решительно изменить. Предлагаю «Глубокий поиск». А? В общем, жди на книжку деньги и свой экземпляр договора по ленинградскому адресу.

«ЧП», как и «ЗЭ», приняты в «Знании, которое сила» с большим воодушевлением и единоглас-

но. Ты дурак, все-таки, брат милый. Ей-ей, «ЧП» — смачный рассказ. Какой великолепный эффект — переход от рассказа женщины к рассказу звездолетчика! И идея... Ах, эта идея Фока, Фока-Стругацкого, что за идея! Я славлю! Слушайте меня! Я славлю![281] Да, так нам предлагают и просят сделать что-нибудь для № 12. Я готов работать. Только, Боб, подкинь мне идейку, а? Что тебе стоит? Ты дашь идею, я пишу рассказ и одновременно жму сборник, а ты сам методично и без задержек работай над «СБП» и регулярно шли мне главу за главой. Я не вижу расписания. И вообще я от тебя уже давно ничего не вижу. Почему ты не пишешь, прохвост?

Как дела у Адочки? То, что ты держишь нас в неведении, я рассматриваю как выпад. Напиши, когда и что, и как здоровье. Мама уверена, что я в курсе дел, да будет тебе стыдно.

Кстати, я маме выслал триста рублей, пока у меня больше нет. Получу что-нибудь и вышлю еще. И ты не поленись, дотащись до почты и пошли. Ей будет очень приятно.

Да, а что с «Человеком из Пасифиды»?

Садись-ка, дорогуша, за стол и немедленно пиши мне. Свинство все-таки.

Ну, целую тебя и Адочку. Твой Арк.

Договор на сборник «Шесть спичек» также сохранился в архиве. Номер договора — 13265. Дата на нем стоит — 1 июля 1959 года. Заключен он между главным редактором Василием Георгиевичем Компанийцем и Стругацкими (теперь уже с правильными отчествами). Поверху договора напечатано: «План 1960 г.».

Письмо Аркадия брату, 23 июня 1959, М. — Л.

Дорогой мой Боб!

Прежде всего еще раз от себя и от своего семейства поздравляю тебя и Адочку с сыном, пусть растет здоровым, сильным и умным. Имя Андрей — ничего, хорошее имя, но коз фор протест282. Итак, в жизнь, Андрей Борисович Стругацкий!

Мама прислала мне письмо, пишет, что у нее плохо с сердцем. Полагаю вызвать ее к себе в Москву и отправить в Прибалтику. Напиши свои соображения.

Письма с планом работы (а не с планом повести) я еще не получил. Рассчитываю получить. Только вот что, брат мой: я приступлю к обработке глав не раньше сентября, ты это учти и поверь, что у меня для этого есть весьма и весьма серьезные соображения. Во-первых, мне необходимы для начала работы по крайней мере две-три главы,

чтобы я мог что-то охватить и сделать что-нибудь дельное. Во-вторых, я так измотан переводом + редактурой + работой над сборником + работой с журналом, что боюсь рисковать и портить хорошую вещь. Ключ продолжай тот же, ничего страшного в нем нет. Помни только главный наш закон: максимальная плотность информации. Ничего лишнего и специально-экспрессивного, побольше ярких и сильных мелочей. Лучше пусть главы будут малы по размерам, только не лей туда воды. Кстати, в первой главе воды почти нет, и это меня обрадовало. Вот в том же духе и пиши дальше. Кстати, в первой главе Ляхов отправляется не в звездную, а в Первую заплутониевую экспедицию. Не будем гнать картину. Полетают в пределах одного светового года за Плутоном, вот и хорошо будет.

Вот пока всё. Крепко жму руку, поцелуй Адочку и племянника.

Твой Арк.

Привет от всех.

Письмо Аркадия брату, 27 июня 1959, М. — Л.

Здравствуй, дорогой паршивец!

Получил твое карандашное письмо от 25.06. Очень рад, что твои здоровы. Но у нас здесь очень

беспокоятся за ребеночка <...>. Если ты в курсе, пиши все-таки, как его здоровье подробнее. Наследник Стругацкий, как-никак, так что учти, мы все здесь очень волнуемся за него и за Адочку. Ты сам-то их видел ли? Если видел — опиши.

Теперь о делах писательских. Я ждал твоего письма с нетерпением, думая увидеть в нем епиграф с частными предположениями, но ждал втуне. А нужен он немедленно, ибо всё уже пошло в типографию. Полагаю, ты вышлешь его сразу по получении сего моего письма.

Что касается твоего плана, то я его в общем поддерживаю. Плохо в нем то, что никаких сроков нет. Это всегда будет ловушкой для твоей сибаритской натуры. Одна надежда — может быть, рождение сына повысит в тебе чувство ответственности. Но о сроках все же подумай. Я по себе знаю — сроки — это здорово дисциплинирует.

Замечания по 1 главе. Во-первых, я все же настаивал бы не на Первой Звездной, а на Первой Межзвездной. Пусть они летят в пространство парсека на пол — исследовать межзвездный газ для определения возможностей дальних звездных экспедиций. Упомянь, что уже запускались с той же целью автоматы-киберы. Расскажи немножко о предварительных данных. Заметь

вскользь о часах на автоматах, которые отстали от земных. Расскажи о том, в каком странном виде вернулся один из автоматов — вывернутый наизнанку, или выкрашенный в другой цвет, или битком набитый железоядными бактериями — в общем, что-нибудь такое, что доказывает: пространство — это не просто пустота, но нечто весьма таинственное и пока непонятное.

Во-вторых, я не вижу семейного положения Быкова. Не чувствую его ярым землянином, каким он должен быть и оставаться всегда. Пусть хотя бы варенье, которое жрет штурман, будет собственного мадам Быковой изготовления. Знаешь, так это, мелкими редкими штришками сделай их землянами.

В-пятых. Надо бы изловчиться и дать портрет Ермакова-младшего. Не знаю, как это сделать. И его нужно уже сейчас как-то характеризовать — придать какую-нито страстишку и характерную черточку.

В-четвертых. Жизнь шагает стремительно и без звездных экспедиций и подчеркивать мировую скорбь Быкова ни в коем случае нельзя. Нет у него этой скорби. Ты забыл, кто такой Быков. Ведь это служака и работяга. Это не Юрковский. Его сетования я бы рассматривал как минутную

слабость, которую необходимо немедленно заглушить чувством удовлетворения по поводу своей работы и радостью близкой встречи с друзьями.

В-пятых. Разговор о назначении человека в конце главы. Сюда надо вставить а) афоризм «Стремление познавать, чтобы жить, превратилось со временем в стремление жить, чтобы познавать». Во-вторых — нужно вставить туда прекрасный монолог Горбовского из твоей пробы «ЧП». Вообще должен сказать, что твой Горбовский мне очень нравится. Это образ. Нельзя ли его использовать тут же? Скажем, для образа молодого Ермакова? Подумай. Вот, кажется, всё. Если не считать, что сюжет главы несколько скомкан. Жалуешься на нехватку событий, а первая глава ими перегружена. Что до меня, то я бы перенес старт межзвездной во вторую главу — в первой оставил бы только разговоры о ней или мысли, тогда бы прилет Дауге и Юрковского выглядел более своевременным. А уж провожали бы они Ляхова вместе и, после проводов, встретили бы француза и японца. А первую главу начать с «Хиуса» с отвинчивающейся крышкой, упомянуть, что в последний раз, когда снимали крышку, взорвались консервы Крутикова, которые он забыл в чемодане с новым костюмом. Вот в таком

плане. Но это, конечно, на твое усмотрение. Главу и набросок «ЧП» высылаю.

Теперь о рассказах. «Возвращение» и предложенную тобой тему необходимо сберечь для третьей большой вещи, которую мы будем писать. Идея — скитальцы вселенной, тебе известная. Герои возвращаются, покрутились на Земле и снова улетают, и снова возвращаются и т. д. Но об этом после.

У меня есть тема, но нет сюжета. Обрывки мыслей. Вот научная сторона: яйцо. Не куриное яйцо, и не твое, а кибернетическое яйцо, семя. Представь себе устройство, в которое заложена программа и возможности развития. Создано оно для того, чтобы обеспечивать межпланетникам уют при прибытии в иной мир. Яйцо падает на поверхность планеты и начинает развиваться. Оно выпущает рецепторы и определяет условия. Затем, в соответствии с этими условиями начинает перерабатывать почву и атмосферу, превращая их в строительный материал и источник энергии. Затем строит себе приличествующие случаю эффекторы — роботов, которыми само управляет. Затем приступает к главным работам: строит дома, роет пещеры, склады, лаборатории и так далее. Остается ждать прибытия людей. Понима-

ешь, копирование у природы не только функций управления, но и функций роста, развития. Можно заставить его делать корабли, расширять свой мозги и пр. Но как из этого сделать рассказ? Может быть, сделать веселый рассказ о яйце с бесконечной программой? Или о яйце, неправильно запрограммированном? Или еще что? Сделай сюжетик, братец, будь добр. И туда же ввести понятие Десантника — это люди, которые сбрасываются на планеты, которые по разным причинам невозможно обследовать приборами. А может быть, Яйцо — предшественник пришельцев на Землю? Понимаешь, падает где-нибудь в Парголове, на огороде. И ужас владельца огорода. И ужасные проявления. И попытки понять, что это за чудище. Подумай на досуге — в автобусе — и отпиши.

Ну вот всё. Целую крепко, твой Арк. Все наши и я целуем Адочку.

Может быть, это яйцо свои же земляне — веселые ребята — подкинули в двор к девушке, в которую влюблены, или к профессору, которого хотят развлечь? «Дело о хулиганстве». А?

Письмо Аркадия брату, 3 июля 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Очень рад, что у вас так благополучно — не сглазить бы — с Адочкой и наследником. Это просто прелесть. Мама мне пишет, что очень беспокоится, вы бы и ей написали, что всё в порядке.

Теперь, как ты выражаешься, о делах. Значит, яйцо тебе не понравилось, жалко. Понимаешь, я хотел развить эту тему, которую ты в прошлый мой приезд выдавал передо мной: кибернетическая фабрика, которая стыдливо не дает вмешиваться в свое развитие. Мне персонально такая тема, обыгранная в юмористических тонах, представляется смачной. Понимаешь, без Пришельцев и без огородов, просто где-то на опытной станции или в лаборатории в центре города или в глуши создается такое опытное яйцо и его запущают, чтобы поглядеть, что из него выйдет. И из него выходит совсем не то или не совсем то, что ожидалось. Озадаченные исследователи карабкаются через побеги, которые это яйцо дало, и никак не могут разобраться во всей этой путанице. А потом выясняется, что оно сделало исполинскую действующую модель наручных часов, которые были забыты в программирующем устройстве,

или что-нибудь в этом роде. Пытаются изменить наспех программу, и на свет появляется еще какое-нибудь уродство. Но сама идея правильна, о чем и сообщается читателям в конце рассказа.

Но раз не хочешь, пущай останется. Будем работать над десантом. Я полагаю, другого названия не требуется. Десантники — это достаточно. Меня беспокоит, что в наших рассказах всё сильнее и сильнее звучат трагические нотки. Хотелось бы ради разнообразия что-нибудь повеселей, в духе «ГФ». С десантниками это выйдет, конечно, только в деталях. Ладно, буду делать Десантников.

Молодой парень поступает в Десантники, и что из этого получается. И нам не обязательно ссылаться на приборы. Они очень просто могут прыгать и после приборов. И даже не обязательно на иные планеты, хотя это проще и интереснее всего.

Жаль, что пропали твои соображения относительно литтворчества. Хотелось бы, чтобы ты это восстановил и прислал.

Ну вот и всё. Окончательную редакцию «ЧП» пришлю днями.

Пиши, жду ответа, Арк.

Всем привет и поцелуи.

Да, а что слыхать о «ЧиП»? Что пишут босяки

из «Невы»?

Получил я копию подписанного договора на сборник. А ты?

Письмо Аркадия брату, 12 июля 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

У меня тоже домашние дела в порядке, двадцать пятого уезжаю с Ленкой на юг и приеду 22.08. Я звонил в бухгалтерию, сказали, что деньги тебе уже перевели. Пошли маме пятьсот, и я тоже пошлю пятьсот. Мне она тоже пишет не очень часто, впрочем.

Теперь о деле. Утверждены результаты конкурса Министерства просвещения РСФСР на лучшую книгу по науке и технике для детей м., ср. и ст. возраста. По научной фантастике первую премию получил Ефремов, вторую — Долгушин, третью — мы с тобой. Все остальные остались позади. Так что теперь мы с тобой лауреаты, и нам должны дать по две с половиной косых на рыло. Сегодня Кассель звонил и поздравлял.

Ты так ничего и не написал о «Чел. из П.» Неужто не ответили невежи? Передай им мое порицание.

Теперь о «ЧП». Я и без тебя, брат мой, знаю, что рассказ подсушен. А что я мог сделать? Это жур-

нал, друг мой, а не книжка. Приказано срочно сократить на столько-то строк, вот и пришлось — как из своего тела мясо вырезать. Попробуй-ка. Кровавыми слезами плачешь, а режешь. Но свое мы наверстаем в сборнике. Там мы восстановим всё и кое-что еще добавим. И эпиграф там вставим. И название сборника хотелось бы «Частные предположения», только не знаю, пойдут ли на это детгизовцы. И стишки восстановим, но снабдим необходимой ссылкой, что это написал Маршак в 1940 году283. А что касается Териок — то мало ли что перестало существовать? А потом опять будет. Кстати, о сцене в III рассказе. Психологически невозможно, чтобы эти люди, которые хорошо знают командира и знают, очевидно, как он рвался в экспедицию, решили бы, что он струсил. Разумеется, они примут его слова за хохму, только и всего. Поставь себя на их место и ты поймешь. Так что, возможно только развить линию хохмы, но никак не подозрения в трусости. Ясно даже и284.

Ты так и не написал насчет моей идеи Десантников. Кстати, не могут ли они высаживаться на пятно Юпитера? Или на что-нибудь в этом роде на Уране? Отпиши. Надо же начинать уже. Или спуск в какие-нибудь катакомбы на Земле? Или

на Луне? А?

Вот и всё пока. Привет всем.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 24 июля 1959285, М. — Л.

Здравствуйте, родные мои!

Что же это у вас происходит? Борис писал, что все благополучно, и вдруг такая история. Очень, очень неприятно и беспокойно. Но будем надеяться, что всё будет благополучно.

Мы с Ленкой завтра отбываем на юг. К сожалению, обратных билетов достать не удалось, и отпуск будет испорчен изрядно. Впрочем, думаю, лучше будет вернуться на самолете. В Москве страшная жара, на меня навалилось сейчас к концу много работы, так что сижу, потею и проклинаю всё на все корки. С юга писем нет, видимо, там уже нас ждут.

Очень надеюсь, что в отпуске удастся немного пописать, но кто его знает, как там сложится. Хорошо еще хоть, что деньги есть.

Ну, пока всё. Крепко целую, ваш Арк.

Пишите мне по адресу: Краснодарский край, Туапсинский район, Джубга <...>.

Письмо Аркадия брату, 7 августа 1959, Джубга — Л.

Дорогой Бобкинс!

Получил здесь твое письмо, оно меня очень обрадовало. Хорошо было узнать, что у вас все пришло к благополучному концу, что племянник здоров и Адочка тоже здорова.

У нас тоже все благополучно, но честное слово, я не создан для южного блаженства. Угнетает жара, злят тучи, опротивела соленая моча в море. Но все-таки в этом году я отношусь ко всему этому более терпимо. Ну ладно, пора о делах.

1) «Изоббрацион» получишь не от них, а от меня. Я вернусь, мне там оставили четыре номера, два из них я вышлю тебе. Не обольщайся, иллюстраций там нет.

2) Относительно «допплеровской слепоты». Представь себе, одной из наших тупых голов эта идея таки пришла в голову. Должен, однако, тебя утешить: никакой слепоты и никакого посинения не будет. Не забывай, друг мой, что звезды излучают не только свет видимого спектра, но и непрерывный диапазон радиоволн, а также жесткое γ-излучение. При возлесветовых скоростях радиоволны впереди по курсу спокойно

переместятся в видимый спектр, что проделают и γ-лучи звезд позади. Возможно, они, эти звезды, будут иначе окрашены, но и только.

3) Самое главное. Ты пишешь, что тебе хочется писать рассказы, а не романы. Представь себе, я только накануне жаловался Ленке, что мне осточертели рассказы, и я хочу писать романы. Выход напрашивается. Мы поменяемся. Бери на себя рассказы, а я беру «СБП». Значит, так. Ты по получении этого письма незамедлительно высылай в Москву всё, что у тебя есть по «СБП»: готовые главы, наброски, планы и прочее, в частности — твои соображения (по возможности подробные) о дальнейшем. Выслав, можешь приниматься за Десантников. У меня Десантники что-то не получаются, я сейчас работаю над яйцами. Яйца — это моя последняя работа в области рассказов. И я по приезде немедленно принимаюсь за «СБП». Но у меня к тебе по поводу рассказов серьезные требования: совершенно необходимо, чтобы ты присылал мне рассказы в таком виде, в каком ты направил бы их в редакцию. Перестань небрежничать. Ты теряешь почерк. Поработай как следует над словом и над фразой, как мы работали над «ЗЭ». Понял? Это совершенно необходимо.

4) В сентябре нам предстоит небольшая работа для «Мира приключений». Там даются четыре цветных вклейки художника-фантаста Соколова, и мы должны дать к каждой небольшую легенду на лист. С Соколовым я договорился, что одна из вклеек будет иллюстрацией к «СБП», так что мы прямо сунем туда отрывок из повести. Ага? Потом, когда он сделает эти картинки, я пришлю тебе фоторепродукцию, и мы поговорим об этом подробнее.

Вот, пожалуй, всё.

Поцелуй крепко мамочку и Адочку и поклонись племяннику. Большой тебе привет от Ленки. Целую, жму руку, твой Арк.

Пожалуй, в Джубгу больше не пиши. А вот когда я приеду в Москву, я должен иметь там все матер<иалы>.

Письмо Аркадия брату, 25 августа 1959, М. — Л.

Здравствуй, милый друг мой.

Получил бандероль и справку, за что спасибо. Кстати, справок бы надо хоть два экземпляра — в «З-С», но теперь уже поздно. Нынче же отнесу справку в Детгиз — пусть тебе выпишут гонорар по-новому.

О «СБП». Не удовлетворен. То, что ты прислал,

черновик. Набор любопытных сцен. Отдельные сцены очень удались, есть хорошие идеи, но и только. Неужели ты полагаешь, что в таком виде можно дать рукопись в редакцию? Опять и опять напоминаю тебе, брат мой: работай не начерно, а так, как ты не постеснялся бы дать в редакцию. Работай над словом и над фразой. Ты теряешь стиль. Много лишнего. Набираешь листаж. Этого не надо. Это у нас в прошлом. Пусть повесть будет всего в пять листов, но чтобы это была повесть новая. Первую главу ты вообще оставил без изменений. Значит, ты не согласен с моей трактовкой Быкова? Ну, ладно, теперь это всё позади. Закончу «Яйцо» и возьмусь. Но вот ты будешь работать над «Д» — не забудь, что я тебе сказал. Присылай готовый рассказ. Это ничего, что я потом буду вносить новые слова или сцены. Главное — чтобы рассказ был готовым для тебя. Понимаешь ты меня или нет, пупс несчастный? Сюжет, идея, хорошая сцена — это очень важно, это нужно уметь найти. Но вот писать экономно, искать слово ты почему-то не желаешь. И от этого всё время сбиваешься на другой стиль. Тебе, брат, нужно попотеть, попотеть как следует.

Теперь так. Я просил прислать общий план «СБП» — пришли, пожалуйста. И еще пришли

рассуждения Горбовского о смысле жизни. Как я догадываюсь, Горбовского ты хочешь взять для «Д» — отличный образ, он очень усилит рассказ. Но тебе вряд ли понадобятся его рассуждения о человеке и природе, а мне они будут нужны. Они получились хорошо. Пришли.

Дальше. Я все-таки вынужден буду изменить порядок повествования. Совершенно нелогично: провожают Ляхова в полет, а Крутиков жрет варенье и читает книгу. Юрковский и Дауге опаздывают на два часа и огорчены и удивлены этим. Опоздать-то можно, но это нескладно и, значит, не нужно. Отсюда — необходимо изменить порядок. Это даст возможность и уместно рассказать об исследованиях между звезд.

Ну, ладно. Будем ругаться. Ты меня уел в рассуждении допплеровского эффекта. Поднимаю лапки. Я совсем забыл об этой штуке. Но это совершенно превосходное рассуждение. И его надо вставить непременно со всеми объяснениями. Вот это докажет, что мы знаем, о чем пишем.

А в общем, прекрасная маркиза, всё хорошо. Вот только ты, подлец, не перевел французский текст в рукописи. И я не знаю, что делать.

Итак за работу. Когда прикажешь ждать «Д»? Когда я могу рассчитывать на них? Месяца хва-

тит?

Даю срок: 25 сентября. Идет? А я пришлю тебе «Яйцо» числа 10-го.

Целую крепко, твой лучший брат Арк.

Привет маме и Адочке, и Андрюшке.

P. S. Как тебе показалась «СБТ»?

«Как тебе показалась «СБТ»?» — это единственная реакция на выход книги. Слишком много усилий было потрачено, слишком много времени прошло с тех пор, когда идея — написать и выпустить книгу — витала в головах у Авторов. Сейчас их головы забиты другим: новые произведения, новые проекты, новые трудности с пробиванием уже написанного.

СБТ в книге (издание «в рамочке», как библиофилы до сих пор любовно называют серию «Библиотека приключений и научной фантастики») дополняли «Объяснения научно-технических терминов, встречающихся в тексте» в конце книги (дань замечанию И. Ефремова в его рецензии) и редакционное предисловие:

Редакционное предисловие к повести СБТ

Научно-фантастическая повесть «Страна багровых туч» рассказывает о тяжелой и опасной, полной драматических событий экспедиции на

Венеру, одну из самых малодоступных планет Солнечной системы.

В конце XX века, в разгар великого завоевания человеком околосолнечного пространства, на Венере обнаружено необычайно богатое месторождение радиоактивных руд — «Урановая Голконда». Для штурма Венеры советские конструкторы создают межпланетный корабль нового типа — фотонную ракету «Хиус». Разведка таинственной «Урановой Голконды» и устройство на ее берегах первого ракетодрома поручено отборной шестерке отважных межпланетников.

О приключениях экспедиции в чудовищных болотах и черных пустынях Венеры, о «малиновом кольце» и «загадке Тахмасиба», о товариществе, долге и мужестве, о покорении Человеком природы — рассказывает эта научно-фантастическая повесть. Ее молодые авторы — востоковед Аркадий Стругацкий и астроном Борис Стругацкий уже опубликовали несколько научно-фантастических рассказов в журналах и продолжают писать в этом жанре. В настоящее время они работают над повестью, рассказывающей о дальнейшей судьбе героев «Страны багровых туч».

Еще одно редакционное предисловие (к рассказу ЗЭ) вышло в журнале «Знание — сила»:

Редакционное предисловие к рассказу «Забытый эксперимент»

«Спонтанный рефлекс» был первым научно-фантастическим рассказом братьев Аркадия и Бориса Стругацких, опубликованным в нашем журнале (№ 8 за 1958 г.). Затем последовали «Шесть спичек» (№ 3 за 1959 г.).

Аркадий Стругацкий — редактор, сотрудник Гослитиздата, в недавнем прошлом офицер Советской Армии. Он один из авторов книги «Пепел над Бикини», вышедшей в Детгизе. Борис Стругацкий — научный работник, заканчивает аспирантуру при Пулковской обсерватории. Писать совместно они начали сравнительно недавно. Помимо нескольких научно-фантастических рассказов ими написана научно-фантастическая повесть «Страна багряных туч», которая получила премию на конкурсе Детгиза и скоро выйдет в свет.

Произведения А. и Б. Стругацких увлекательны и интересны, и речь в них идет о проблемах необычных и значительных.

Круг тем, интересующих авторов, широк и разнообразен. Их привлекает героика, романтика подвига, их интересуют люди, находящиеся на переднем крае науки, устремленной в будущее,

творцы и созидатели таких вещей, о которых мы пока можем лишь фантазировать и мечтать. Это — несомненно сильная и привлекательная сторона в творчестве молодых авторов. Они смело идут во многом еще нехожеными путями, ищут и соответствующую литературную форму для своих научно-фантастических гипотез.

Мы предлагаем вниманию читателей еще два рассказа молодых писателей.

О втором предисловии АН пишет:

Письмо Аркадия брату, 1 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой Борик!

1) Не вини меня, родная. Это не я, а Варшавский. «Пепел над Бикини», «Страна багряных туч», твоя аспирантура — всё это явления одного порядка, и к ним я не причастен. Ничего не пропишешь, придется потерпеть. Не ругаться же мне с ним из-за этого. Или ругаться?

2) Насчет «ЧП» с тобой и иже с тобой не согласен. Люди, с мнением которых я считаюсь, говорят, что «ЧП» — это едва ли не лучшее, что мы с тобой сделали — оригинально и по форме, и по идее, и стилю, и по настроению. Но если ты так настаиваешь, можно бабу убрать, хотя это сделает вещь значительно суше и приблизит ее

к трафарету. Как бы то ни было, «8зПГ» и «ЧП» будешь готовить для сборника ты — как только пришлешь мне Десантников.

3) Ты так и не написал мне о Десантниках. Работаешь ли ты? Если нет, то немедленно начинай работать. Если да, то не забудь — жду к 15 сентября. Весьма настаиваю, как ты выражаешься. Я дам Яйцо числу к 10, как и обещал.

4) В «Неву» позвони и спроси, что они там себе думают. Если они еще не знают, скажи им, что считаешь рукопись у них взятой. Дело в том, что я хочу сунуть ее в «Молодую гвардию» (журнал). Разговаривай вежливо, но решительно. Скажи, что передаем вещь в другой журнал, в московский, но не говори в какой.

5) Сборник будет называться «Извне» и точка. Я уж кланялся Касселю, говорил, что это не отражает, но он неумолим. «Сборник должен называться по первой вещи и по крупной вещи» — так он сказал на мои мольбы и слезы.

Вот, кажется, и вся информация. Насчет денег придется малость подождать. Солидные издательства переводят деньги не сразу, а исподволь. Я впрочем напомню в Детгизе, может быть, из уважения к твоим слезам поторопятся. А вообще брось ныть, Борис Натанович. Не так уж плохи

наши дела, как год назад, когда мы с трепетом ждали выхода «Спонтанного рефлекса». Ты меня удивляешь <...> и возмущаешь. Мы же только начали. Нам еще расти и расти. Хочешь сразу в Брэдбери? Так не бывает. Мало того, чем дальше мы пишем, тем меньше я понимаю, как надо писать. Но всё впереди. Итак:

а) Я несу «Яйцо» и принимаюсь за «СБП».

6) Ты даешь к 15-му Десантников, после чего я направляю тебе на переплавку «8зПГ» и «ЧП».

в) Думаю, либо в ноябре, либо в декабре я приеду, и мы обсудим то, что к тому времени будет сделано по «СБП» и по рассказам.

Согласен, рыжайший? Лентяй ты старый, и ворчун притом286. Всё равно все говорят, что «СБТ» — хорошё-о, интересно, волнительно. На Арбате и на ул. Горького были очереди, и те, кому не хватило, пытались бить стекла. А я купаюсь в вонючих волнах славы и должен массе людей дарить авторские. Между прочим, от нашего с тобой имени (твою подпись я теперь подделываю запросто) подарено Варшавскому, Жигареву (гл. ред. «3-С»), Касселю, Пискунову (директор Детгиза) и дяде Кузе. Да нужно еще и тете Мане, и дяде Грише и дяде Коле. И еще товарищи, и Ким, и Ефремову тоже. И Андрееву. Тебе там хорошо лясы

точить и зубоскалить, а я здесь отдувайся. Но я бодр, весел и пишу «Яйцо», и ору веселые песни.

Конец «ИСКР», конечно, изменим. Постараемся, если попустит редактор, оставить прежний. Кстати, есть у тебя экз. «8зПГ» и «ЧП»? Если нет, то я тебе вышлю. В общем, отвечай на это письмо как можно скорее, сейчас же. Мне очень важно знать твой ответ на новости и мои предложения.

У нас всё хорошо, целую, твой Арк.

Привет всем и поцелуи тож.

Письмо Аркадия брату, 5 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Посылаю тебе бывшее «Яйцо», а ныне «Белый конус Алаида» («БКА»). Как видишь, это первый вариант — я пошел навстречу твоим пожеланиям и отделывать рассказ не стал. Стилистически он зверски неряшлив, конечно, обрати на это особое внимание. Льщу себя надеждой, что рассказ вызовет в тебе какие-либо ассоциации и идеи, и ты дашь парочку сма-а-ачных эпизодов и введешь в речи и поступки побольше яду и иронии.

Я не пишу: прочитай, а когда проблюешься, выброси или переделай. Это само собой разумеется. Теперь так. Я читал рассказ Ленке, она OK'd его. Ныне же жду с нетерпением «Десантников» и

собираюсь приступать к «СБП». Да, вот еще. Все решительно протестуют против выброса бабы из «ЧП».

Крепко целую твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 10 сентября 1959, М. — Л.

Здравствуй, мин хер Боб.

Получил письмо твое, льщу себя надеждой, что завтра-послезавтра получу и рассказ. Не могу не согласиться с твоей оценкой «БКА» — именно «ннничеГо». Так ты узы его. Ату, и вообще — хватай и рви. Летальный исход, несомненно, не обязателен. Но весьма желательно было бы сохранить тему Десантника (или просто межпланетника), которого уже никуда не пускают по немощам его, но который пользуется огромным уважением, истощен этим уважением и старается делать, что может. Конечно, говорить об этом в лоб нельзя — разве что в мыслях его мелькает один эпизод из его бывших похождений. Вообще, можно даже не говорить, кем он был конкретно. «Уважаемый человек» и всё. Собственно, толстозадая играет единственную роль по моей идее: ее детская влюбленность — свидетельство величия Ашмарина в прошлом. Я бы не убирал женщину, это

очень хороший катализатор настроения. Другое дело, что мне это не удалось показать. Что касается до слабости Яйца, то это, конечно, правильно, однако постарайся оставить его взаимодействие с японским дотом. Хотел бы я знать, сохранилась ли бы взрывчатка такое время? И — как хошь — а немного подвига нужно бы прицепить. А впрочем — теперь всё в твоих руках. Работай, браток, без стеснения, но изволь прислать мне машинописный текст чистым, стилистически отработанным и, если возможно, в двух экз., да один непременно оставь себе. Насчет баб ты тоже, пожалуй, прав, делаем мы их скверно, и даже Акико не составляет исключения. Но это как раз тот случай, когда посредственно лучше, чем ничего. Бабы — они, братец, чудесно оттеняют и выделяют характеры, а любовь как известно не картошка, но в силу полового размножения занимает в жизни большое место. Вот почкованьецем бы...

С большим нетерпеньем жду «Д». Ты меня долго не мучай, присылай скорее. Кстати, не исключено, что и «Д», и «БКА» мы всунем в сборник, и в журналах тиснем еще в этом году. Абгемахт?287 Только работай скорее.

Посылаю тебе всё, что есть из «8зПГ» и «ЧП».

Я прошу тебя, когда будешь работать с этими рассказами, тоже не задерживай. По плану сборник идет в производство в начале ноября. Нужно поторопиться. Рекомендую все время держать перед глазами журнальные варианты — думаю, там есть что взять, чего нет в черновиках: напр. эпизод с чтением наизусть Ши Найаня, упоминание о возможности восстановления утраченных органов. Неплохо также, если ты куда-нибудь всунешь идею, смутно мелькающую перед умственным взором Инспектора: люди будущего, огромадно здоровые, считающие лучше лучшей электронной машины, наделенные новыми, неизвестными пока органами и — может быть — способные усилием воли передвигать огромные здания, создавать и уничтожать миры. А потом Инспектор, как трезвый человек, сплюнет и скажет: «Ерунда», и начнет изобличать Директора дальше. Что до «ЧП», то я хотел бы оставить стихи Горбовского и журнальное окончание. А там как знаешь. Что касается до «ИСКР», то я протащу первоначальное окончание.

Ну вот и всё. Дома благополучно. Полагаю приехать на неделю-полторы в конце октября. Тогда и согласуем окончательно план дальнейших действий. А может, и «СБП» почитаем.

Целую всех твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 15 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой и любезный брат наш и соавтор!

Получил я Ваше ЭССССЭё. Что я могу, так сказать... Конечно, интересно. Читается. Даже волнительно немного. Но! а) Рассказ не оригинален. Ни по замыслу, ни по исполнению. Летальное воздействие на межпланетников неземной фауны (а равно и флоры) было неоднократно описано за границей и с теми же настроениями. См. напр. рассказ в «Борьбе за мир»288 и Азимова «Неудавшаяся миссия». Однако тема — это полбеды. Я всегда стоял за то, что старые темы можно и должно использовать, если ты способен дать что-то новое. Что дал ты? Люди удались. Прекрасные люди, отличные диалоги. Правда, чувствуется этакий надрыв и усталость, как у межпланетных тружеников, эксплуатируемых кровожадной «Компанией Металлов и Минералов, Инкорпорэйтэд». Да это пустяки и легко исправить. (Только не считай, что я против усталости. Но усталость должна быть с другим оттенком.) Далее. Сюжет скверен. Как только читатель добирается до того места (стр. 7), где становится понятным,

что мухи представляют опасность, он, читатель, немедленно представляет себе, что будет дальше: безнадежная борьба экипажа, стремление взорваться, лишь бы не завезти заразу на Землю и, наконец, полная и безусловная дезинсекция на платформе инсектицидов или ультранасадок. Спасти сюжет могла бы только неожиданная, по возможности, юмористическая развязка. Далее. Не продуманы и технические детали, а) Что они жрут, эти мухи, раз они так здорово размножаются? б) Почему против них не действует ультразвук? Откуда эта уверенность? Ультразвук действует на всё что угодно, даже на железо, в) Самое главное: опять-таки: что они жрут? Можно сделать, что они жрут кислород, тогда понятна будет и торопливость капитана: они в два счета сожрали весь воздух на корабле. Надо подумать.

То новое, что ты внес в тему — споры в космосе — ты не развил совершенно, старый сундук. Это необходимо развить. Вот, пожалуй, и всё про «ТЧ».

Теперь два слова о дисциплине. Мы работаем очень скверно. Я обязался к двадцатым числам сентября дать в два журнала два наших рассказа. Тебя потянуло на ЭССЭёё. Ладно, дело твое. Я попробую в качестве одного из рассказов толкнуть

эссёё, хотя я уже вижу и слышу, как на меня посмотрят и что скажут по этому поводу. Над «ТЧ» еще работать и работать, а где второй рассказ? Я ждал «Д», как рассказ, который будет нуждаться лишь в самых незначительных поправках, иф эни289. Давай наперед договоримся работать в унисон с планом. Я понимаю, свобода творческого замысла и пр., но план есть план.

Одним словом, давай так. Срочно работай над «БКА» и высылай. Жду к двадцатому. Я буду в поте спины трудиться над «ТЧ», ибо рассказ стоит того, несомненно, но нужно свершить указанные поправки. Всё это нужно срочно, срочно, срочно. Жми, Боренька. Если придет на ум вариант хорошего конца для «ТЧ» — звони или пиши срочно. А «Д» придется отложить. Пойдет, по-видимому, на будущий год.

Мы очень выросли, Бэмби. Я знаю, что еще года полтора назад плясал бы качучу над «ТЧ», но сейчас — нет. Не буду плясать. Мы очень правильно делаем, что тычем друг друга мордой в собственное дерьмо. В этом, я полагаю, основная польза соавторства.

Да, есть тема рассказа. Первый межпланетник, выдравшись, наконец, из объятий и поздравлений, укрывается у себя дома и, с облегчением

вздохнув, закуривает. И вдруг из дома напротив радио. Передают «Космические частушки» в исполнении хора Птибурдукова290. Поют низкие женские развратно-рязанские голоса. А он слушает, трясясь от бешенства, и вспоминает труд, напряжение, опасности, а хор поет: «Милай Петя на ракете, а я на камбаини-и-и...»291 И рассказ назвать: «Пошлость». А?

Ну всё. Целую крепко, твой любящий Арк.

Всем привет.

16 сентября в газете «Литература и жизнь» публикуется статья АНа. Это первая статья Авторов, посвященная связи научной фантастики с жизнью. В статье после констатации самого факта («14 сентября, в 0 часов 02 минуты 24 секунды по московскому времени, беспилотная космическая ракета землян достигла Луны») говорится о мечтах землян о покорении космоса, воплотившихся в литературе. Называются Сирано де Бержерак и Эдгар По, Жюль Верн и Уэллс. Перечисляются способы, выдуманные этими авторами для достижения Луны. Заканчивается статья словами:

Из: АНС. Исполнение мечты

И вот пришел день, когда лунный перелет стал фактом. Мечта осуществилась. Человек дотянулся до космического тела — пока только до ближайшего. Вероятно, в скором времени первые космонавты ступят на почву Луны, и Луна перестанет быть объектом научной фантастики. Она станет объектом исследований селенографов и селенологов, по ее безводным морям и скалам поползут вездеходы, люди построят на ней обсерватории, космические станции, может быть, целые города. Люди заглянут на другую сторону Луны, разгадают тайну светлых полос, тайну изменения окраски в некоторых кратерах и многие другие тайны Луны.

Но мечта не стоит на месте. Ее провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира. Их герои уже пересекают Солнечную систему по всем направлениям, высаживаются на Марсе, на Венере, на спутниках планет-гигантов. В превосходном научно-фантастическом романе «Туманность Андромеды» И. Ефремов показывает нам, что и в далеком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы.

Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звездолетов летят к далеким мирам, пытливая мысль бросает Человека на новое, невиданное завоевание — на преодоление физической природы пространства и времени.

Письмо Аркадия брату, 16 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Пишу по совершенно особому поводу. Кассель начал работу над сборником и уже брюзжит по поводу «8зПГ». Я его уговорю подождать, но ты не задерживайся, жми на «8зПГ» и на «ЧП» изо всех сил. Одновременно жми на «БКА». Я буду сейчас всё время сидеть с Касселем над сборником, а по ночам работать над «ТЧ». Думаю, выйдет хороший рассказ, там только кое-что нужно сдвинуть и подменить. Пошлю его тебе, наверное, числа 20-го и сразу, не дожидаясь твоего ответа, брошу его в «3-С». Потом лучше по ходу переправим. Да помни, я жду — не дождусь «БКА». И поспешай с «8зПГ» и «ЧП».

Целую, твой Арк.

P. S. Передай маме, Наталия Петровна292 книгу получила и прислала телеграмму.

Письмо Аркадия брату, 24 сентября 1959, М. — Л.

Дорогой мой Борик!

Получил «БКА». Ей-богу, хороший рассказ. А? И правильно ты, конечно, сделал, что выбросил к чертям бабу. Даже Ленка признала, что рассказ стал гораздо лучше. Теперь я его перепечатаю, по дороге уберу кое-какое г..., оставшееся от первого варианта, и понесу в журнал.

Посылаю тебе «ТЧ», ныне — «М» (не знаю, как ты отнесешься к названию). Кстати, о названии «БКА». Давай оставим так. А? Белый конус Алаида, так сказать, символ высоких устремлений и прочее. Давай, а? Так вот. Посылаю тебе «М». Такой поворот в сюжете рассматривай как реакцию на четыре (четыре!) подряд прочитанных мною иностранных рассказа о ползучих гадах, забравшихся в ракету, в результате чего пилоты с редким постоянством взрывают свои корабли, причем предварительно паникуют и стреляют друг в друга. Я хотел показать — с одной стороны традиция, с другой — мощь передовой науки. Вместе с тем я всячески старался оставить все понравившиеся мне места и реплики твоего варианта. Может быть, получилось не очень

психологично, но, на мой взгляд, хорошая идея. Погляди, будет охота — подправь. Я полагаю и «БКА», и «М» включить в сборник. Ты как? Завтра оба рассказа несу в «З-С», там Варшавский выберет один, а другой отнесу в «Изоббрацион», всё равно какой. Если ты согласен давать их в сборник, внеси необходимые по-твоему поправки в «М» и присылай. Вот всё.

Насчет часов — это хорошо. Приеду — займемся. Приехать думаю 25.10, уехать 8.11.

Целую, твой Арк.

Привет всем.

25 сентября в Ленинградской молодежной газете «Смена» выходит первый отзыв, даже не критика еще, так — аннотация-рекомендация на вышедшую книгу СБТ. Заметка выходит без указания автора.

«Хиус» летит на Венеру

... — Работать вам придется не здесь, так сказать, не на Земле.

... — Не на Земле? На Луне, быть может?

— Нет, не на Луне. Гораздо дальше... Мы посылаем экспедицию на Венеру...

Этот диалог происходит между инженером Быковым и его новым начальником Краюхиным,

заместителем председателя Государственного комитета межпланетных сообщений при Совете Министров. С ними мы можем познакомиться, прочитав научно-фантастическую повесть А. Стругацкого и Б. Стругацкого «Страна багровых туч».

Время действия, описываемого в повести, — конец нашего века. В разгаре завоевание человеком космоса. Уже хорошо знакомы межпланетникам Луна, Марс, Меркурий. На очереди — освоение Венеры, где открыто богатейшее месторождение радиоактивных руд, названное «Урановой Голкондой». И вот на Венеру летят в созданной советскими конструкторами фотонной ракете «Хиус» шесть отважных межпланетников. Им поручена разведка «Урановой Голконды» и устройство первого ракетодрома.

Об их драматических приключениях в чудовищных болотах и черных пустынях Венеры, о том, как им удалось разгадать так называемую «загадку Тахмасиба», о проявленных ими мужестве, товариществе и чувстве долга рассказывается в повести.

Письмо Аркадия брату, 1 октября 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Пишу коротко, дней через двадцать увидимся — приехал бы сейчас, но много редакционной работы.

Срочно — хотя, можно и не срочно, но лучше — срочно — отпиши, как ты нашел «Мухи». Засим, скорее высылай «ЧП». Очень хочется читать «Десантников».

«БКА» пойдет В № 12 «З-С» (если не ошибаюсь), Варшавский одобрил и гл. редактор одобрил.

Постараюсь кое-что набросать к встрече по «СБП». Надо об очень многом поговорить, так что пока не пей, поберегись до встречи.

Целую, твой Арк.

Да, посылаю несколько писем читательской общественности. Не теряй их, надо сохранить.

Письма читателей Авторы бережно хранили. Конечно, не все, а лишь «любимые сердцу». Сейчас в архиве БНа находятся пять больших редакторских папок (для непосвященных — редакторская папка по объему больше обычной раз в пять) с письмами читателей.

Письмо Аркадия брату, 10 октября 1959, М. — Л.

Дорогой мой Бобик!

Спасибо тебе за письмо. Ты, вероятно, сам уже заметил, что я не избалован твоими письмами, поэтому не удивляйся за благодарность. Однако, к делу.

а) Я приеду утром двадцать четвертого октября, поезд укажу в телеграмме. Раньше не смогу, ибо в Гослитиздате нужно сделать много дел.

б) «Муху» обработаем совместно, потратим день и дадим в «Костер». Возьмут — хорошо, нет — по крайней мере, мы свой долг выполнили. Дадим тогда в другой журнал. Рассказ, кстати, может выйти отличный. Полагаю, у Адки чутье есть. А монологи подправим, это не столь удифительно293.

в) О «ЧП». Задница. Выкинуть третий рассказ — ты за кого меня принимаешь, сакер?294 Я решил: вместо второго рассказа дать с незначительными сокращениями твой вариант от первого, Ружены, лица. Это будет хорошё-ё. Вообще, насчет «ЧП» у меня будет к тебе разговор. <...>

г) Тружусь над «СБП». Во-первых, нужно будет изменить название. Что-либо вроде «Водородное чудище», или «Водородный пузырь». Об этом мы

подумаем. Во-вторых, я очень изменил как идею, так и план и состав действующих лиц. Очень надеюсь привезти тебе две первых главы. В них я использовал некоторые элементы из твоей третьей, и у нас еще остаются великолепные заготовки для третьей, четвертой и пятой глав. Сегодня-завтра надеюсь закончить первую главу, заготовки для второй уже есть. Короче, нам (если ты одобришь первую и вторую главы) останется поработать только над частично пятой главой и тремя последними, самыми динамичными и потому самыми простыми.

д) У нас будет серьезный разговор насчет сценария и новой повести, прошу мне напомнить, когда я приеду.

Вот, кажется, и всё.

Что касается художника, то реализма в изображении всего такого не жди. Он замаскированный абстракционист, он — первый художник-фантаст в нашей стране. У него есть картиночки — закачаешься. Есть картина, по нашей идее «СБП» — я ему дал — планетолет-разведчик спускается в водородную бездну, а внизу, в розоватом сиянии, висит чужой звездолет, а кругом изъеденные обломки скал.

На письма я ответил, можешь не волноваться.

В «3-С» есть еще. Кстати, вот видишь, люди хотят, чтобы было много всякой фантастики: и в том числе подпространство (Тибетский опыт[295]).

Ну, целую крепко.

Поцелуй маму и Адочку.

Письмо Аркадия брату, 15 октября 1959, М. — Л.

Дорогой Бэ-ба!

Ты хотишь письмо? Так вот оно, перед тобой, зачем же ты плачишь? Подтверждаю, буду утром 24-го, № поезда телеграфирую. Я возлагаю на эту встречу большие надежды, с твоим планом работы согласен, хотя там нет «свободных поисков» за бутылкой сухого. Ну, да ты просто по рассеянности. Что касается до «СБП», то сюжет в общем остается неизменным, если не считать того, что сюжет я уничтожаю совсем (как собственно сюжет). Ефремов прав, нужно писать не сюжетом, а эпизодами. А в идеале каждая глава должна быть почти законченным самостоятельным рассказом. Что это такое, я расскажу при встрече. Да ты сам посмотришь мою идею: я уже написал 1-ю главу (Ленка одобрила) и пишу 2-ю главу. Кстати, и думать не моги не закончить к моему приезду «Д». Обижусь, ей-ей. Пиши хотя бы плохо, но было бы от чего отталкиваться. Теперь вот еще что. Из

газеты «Труд» звонили с просьбой дать в праздничный номер рассказик на 5–6 машинописных страниц. Погоди, не плюйся. Давай попробуем. Мы еще не писали в таких малых формах, а надо бы попытаться. Подумай над этим. Что-нибудь не гениальное, а? Не сногсшибательное, а? Для ниже старшего возраста, а? Побольше веселой пошлой шутки, без надрыва, с улыбкой солдатам, штурмующим Зимний. Подумай. Теперь о «БКА». Идет в № 12 «Знание — сила». Satisfied? Фамилия художника — Соколов Андрей Константинович, он же Андрюша и хороший малый. Ортодоксы в худотделе Детгиза уже пытаются его сковырнуть. Я и Кассель — мы за него деремся. Сборник я уже отдал Касселю, он доволен. Дрался за «ГФ» как лев, отстоял. Подсунул туда же и «БКА», так что экземпляр тебе не отломится. Думаю, пока не поздно, подсунуть туда же и «Мух». Говорили о «СБП». Он говорит: пишите заявку, а как только принесете повесть, мы ее пустим вне плана. И еще: «СБТ» пустят в подписную б-ку НФП в 61 году. Вот и всё.

Целую крепко, привет всем, Арк.

Письмо Аркадия брату, 20 ноября 1959, М. — Л.

Дорогой Боб! Дела наши такие:

а) «СЛ» [обведено кружком, на полях рукописно: «Странные люди»] отдал Касселю и Варшавскому, пока ответа еще нет. И тот, и другой шибко заняты, вряд ли скоро прочитают. Придется ждать.

б) «ЧрПр» отдал Варшавскому, вероятно, пойдет в будущем году.

в) «СС» [обведено кружком, на полях: «Скатерть-самобранка»] сегодня отсылаю в «Огонек».

г) «СГП» [обведено кружком, на полях: «С грузом прибыл»] будет печататься в «Знание — сила» в августовском-сентябрьском номерах.

д) «СБТ» будет переиздана в шестьдесят первом году вместе с «СГП» в серии «Приключения и фантастика» (Детгиз).

е) «6 спичек» в сборнике Молодой Гвардии выйдет вот-вот. Но я проглядел верстку и ужаснулся: они допустили несколько омерзительных опечаток, с коими сделать уже ничего нельзя. Мне даже ругаться не захотелось, махнул рукой и ушел. Впрочем, на следующий день они звонили и пригласили как-нибудь зайти на предмет сотрудничества. Ужо зайду.

ж) Полагаю рациональным подготовить новый

сборник, который можно будет издать либо в Молодой Гвардии, либо в новом издательстве «Знание».

з) «ГФ» начальство в Детгизе все-таки отвергло, черти бы их взяли. Однако я надежды не теряю. Не выйдет в Детгизе, выйдет в другом издательстве. Есть у меня идея: дать «ГФ» в «Наука и религия». Как ты полагаешь? Тезис — чудо есть всего-навсего маловероятное событие. Пусть поглядят.

и) Считал гранки «БКА» и внес все поправки, которые ты предложил (не фундаментальные, конечно).

и) Собрал и отнес Касселю второй экземпляр сборника на иллюстрацию. Соколова отвергли, сволочи. Может быть, дадут ему цветную вклейку только, и то маловероятно. Кто теперь будет иллюстрировать — понятия не имею.

Вот, кажись, и все новости. Очень жду «СГП». Начинаю работу над «Школой». Да, заходил я и познакомился с Ляпуновым — он заместитель пред. комиссии НФП в ССП. Ругает толстых маститых на чем свет стоит. Он, между прочим, составил блестящую библиографию НФ на русском языке — от А. Конан-Дойла до бр. Стругацких включительно.

Ну, будь здоров, мальчик. Жду «СГП», не забудь.

И отпиши, пожалуй. Твой А.

Письмо Аркадия брату, 27 ноября 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Посылаю тебе рассказ о Школе. Как видишь, я постарался впихнуть сюда самое лучшее, что было у нас сделано. На мой взгляд, получилось достаточно связно. Но, увы, не больше. Вот что я хотел бы, чтобы ты сделал:

1) Еще один или два гвоздика в стиле истории с ЛИАНТО.

2) Усилить фантастический фон — не назойливо, а двумя-тремя мелкими деталями обстановки или сравнениями.

3) Сократить до последней возможности диалоги и укрепить описательную часть.

4) Идею «Почти такие же», на мой взгляд, надо сохранить и укрепить. Она держит весь рассказ — сходство и преемственность с нынешней молодежью, только более тонкая, более рыцарская молодежь, чем сейчас, и больше энтузиазма.

В таком духе. Мне здесь пришлось пережить немало скверных минут, когда после статьи академиков296 «Забытый эксп.» висел на волоске. Придется убирать оттуда причинную механику. Может, посоветуешь что-либо? «СЛ» Касселю

нравится, пойдет в «Мир приключений». А теперь слушай, ты, великий знаток французского языка. В Детгиз пришло письмо из «Крокодила» — оказалось, что в названии книги Данже и в самом имени Данже в «СБТ» сделано тринадцать ошибок. С чем я тебя от души поздравляю. Будет тебе наука — даже когда делаешь черновики, делай добросовестно, проверяй каждое слово. А пока жди в «Крокодиле» заметочку[297].

Пока всё. Не вижу у себя на столе «СГП». Не вижу писем от тебя.

Привет всем, Аркадий.

О получении этого письма извести немедленно.

В декабре выходит 12-й номер журнала «Знание — сила», в котором Г. Горин рассказывает о новинках фантастики: о романе Юрия Долгушина «ГЧ» (Генератор чудес) и о СБТ:

Из: Горин Г. Путешествие на Венеру

Книга называется «Страна багровых туч». На обложке цвета закатного неба два круглоголовых существа тащутся через болото.

Страна багровых туч — это Венера.

Венере везет в фантастике. За последние годы о ней написаны «Звезда утренняя» К. Волкова,

«Сестра Земли» Г. Мартынова. Венеру посещают внуки наших внуков в повести Софроновых. Если добавить сюда роман польского писателя С. Лема «Астронавты», новую повесть А. Казанцева «Планета бурь», Л. Оношко «На оранжевой планете» да еще переизданные книги В. Владко «Аргонавты Вселенной» и «Прыжок в ничто» А. Беляева, список получается внушительным. Трудно пришлось молодым авторам А. и Б. Стругацким, решившим написать еще одну повесть о Венере.

Девять произведений о Венере, ни одного о Луне, ни одного о Марсе.

Впрочем, такое предпочтение понятно. Каждый школьник знает, что на Луне только пыль и горы, что на Марсе пустыни и голубоватая плесень. Но никто не ведает, что скрыто под облаками Венеры. Тут полный простор для выдумок. Могут быть и города, и леса, и моря. Фантастика предпочитает страны малоизвестные, почти неведомые. Советская техника сейчас занята Луной, а фантастика — послезавтрашней целью — Венерой. В свое время, когда советские ракеты достигнут Венеры, романы, наверное, будут писаться о Сатурне и Уране.

Что же нового можно сказать в девятом произведении о Венере?

У Беляева на Венеру бегут испуганные надвигающейся революцией миллионеры.

С. Лем находит там руины цивилизации, уничтоженной войной.

Г. Мартынов обнаруживает черепахо-людей... и, кроме того, космический корабль, некогда прибывший с Фаэтона — развалившейся замарсианской планеты.

Для Софроновых Венера — испытательный полигон. Там испытывается искусственное солнце.

Стругацкие сумели найти свою тему. Их тема — люди в космосе, обыкновенные советские люди.

Начальник экспедиции — Ермаков, упорный и педантичный, принципиальный и злой... злой на Венеру, где погибли его жена и друзья.

Геолог Юрковский — поэт, романтик, немного рисующийся, старожил космоса, гордящийся своей принадлежностью к племени покорителей Вселенной.

Молодой пилот Спицын, беззаветно влюбленный в свою специальность и в девушку Веру.

Быков — мастер своего дела, но в космосе новичок; трудолюбивый и скромный семьянин — штурман; геолог — спорщик и энтузиаст науки. Шесть сложных людей, шесть характеров. И один из героев думает о них так:

Вся шестерка в целом — отличная сборная... А слабости и недостатки?.. Что же, достоинства этих шестерых чудесно дополняют друг друга.

Дорога на Венеру во всяком случае в фантастике проторена. Когда идешь по проторенной дорожке, самая большая опасность — шаблон. Так хочется описать митинг перед отлетом, удаляющуюся Землю, чудеса невесомости, встречу с метеоритом. Стругацкие обходят эти приедающиеся детали. Почти у всех авторов растут на Венере растения-кровопийцы. У Стругацких тоже есть морские чудища. Но они вызывают веселый спор — едят ли друг друга звери с разных планет. И тут же вспоминается межпланетный анекдот о глупой земной собаке, которая отъела лапы у драгоценной ящерицы, с трудом доставленной со спутника Юпитера.

Страшно и трудно людям в чуждой стране багровых туч. Люди работают и устают, но шутят. Люди болеют... в том числе заурядным фурункулезом. Люди гибнут... в том числе по-глупому: ушел человек и не вернулся, искали и не нашли. И все же люди выполняют задание, работают, ищут, идут, ползут, тащутся... и доходят, потому что воля советского человека сильнее багровых туч.

На книжных полках уже немало книг о людях,

осматривающих чудеса космоса, книг приключенческих и экскурсионных. Теперь к ним прибавилась книга о людях, работающих в космосе, работающих буднично и героически.

Фантастика многообразна. Это жанр переходный — он граничит с художественной прозой и с научно-популярной литературой. Поэтому в фантастике много книг популярного направления, где герои действуют, думают, но не живут. Стругацким удалось изобразить живущих людей. Может быть, термин не слишком удачен, но смысл его таков: живых, реальных людей изобразили писатели. Им, этим людям, веришь. И в их поступки веришь, и в их слабости, и чувство симпатии вызывают эти простые люди, выполняющие важное задание.

Будет ли продолжение у этой удачной повести?

Письмо Аркадия брату, 2 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Борис!

Прости, не сразу ответил на твое письмо. У меня был некоторый упадок духа в связи с твоим положением, и я, хорошенько всё обдумав, как старший в роде и из соавторов принял решение. Слушай приказ:

№ 1. Б. Н. Стругацкий со дня получения настоящего письма принудительно освобождается от всех видов творческой и канцелярской деятельности, за исключением поставки общих идей и общих соображений, до 1 февраля 1960 года.

№ 2. Б. Н. Стругацкий обращает особенное внимание на сохранность своего здоровья за указанный период внетворческого отпуска.

№ 3. Вся работа по написанию, перепечатыванию и корректуре рассказов, повестей, а также всего, что понадобится впредь, возлагается на А. Стругацкого.

Приказ окончательный и обжалованию не подлежит.

С нетерпением жду «СГП» — пусть пойдет хотя бы без интерлога. В крайнем случае, интерлог выдавлю из себя — но эфрэйд, хотя там обязательно будет древнемороженая рыба. Срочно отпиши о впечатлении относительно «ПТЖ», дай комментарии и общие идеи и тут же высылай. Жду.

«СЛ» Касселю понравились. Пойдет в «Альманах». В сборник не нужно, пойдет в новый сборник.

Вот всё. То, что я пишу в приказе, очень серьезно. Но ты все-таки давай идеи. Вот первый заказ: я начал «Следопытов», нужны гвозди и общее

направление. Подумай и отпиши. Я сейчас могу работать много и быстро, нужны только руководящие указания.

Привет всем, поцелуй маму и Адочку и Андрюшку.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 9 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо. Спасибо за информацию, всё, что у нас написано, не противоречит сведениям, полученным тобою, так что в этом смысле менять ничего не потребуется. Что я делаю?

а) Доперепечатываю СГП. Черновик для предварительного ознакомления сдал в Изоббрацион. Они, если возьмут, напечатают скорее.

б) Сделал интерлог. Пять страничек, ничего особенного, молодежь на Амальтее. Не знаю даже, посылать ли тебе.

в) Нашим СГП понравилась. Говорят, что впечатление от СБТ она не портит, образы развиты и прочее.

г) Готовлю сборник для Мол. Гвардии — обещают издать в 1960. Войдут: СГП, ГФ, СЛ, ЧП, ЗЭ, ЧрПр. Хотелось бы еще поддать туда Почти такие же, но ты забраковал.

Вот и всё. А жаль, что Поч. т. ж. не будет сделана. Она бы славно подошла для «Юности», я полагаю.

Да, в середине месяца будет дискуссия по нф в советском кино, и мы, участники, смотрим иностранные и свои фильмы. Уже посмотрели американскую Борьба Миров298, сейчас иду на японскую Годзилла299. Вот как, серенький козлик300. Завидуешь, поди. Потом, если захочешь, опишу.

После сборника полагаю засесть за Следопытов. Повторяю, жду здоровый приключенческий сюжет с загадками и весельем. Дело будет на Плутоне. Вот всё. Надо бежать.

Поцелуй маму и Адочку, твой Арк.

Звуки в бездне буду использовать, но без упора.

Письмо Аркадия брату, 15 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Получил твое письмо и отвечаю незамедлительно. Очень рад, что ты оправился и готов к новым боям. Ну, раз так, давай работать.

а) СГП сдал на машинку, как получу, вышлю тебе экземпляр. Кстати, вероятно, СЛ идет в ЗС февральский №, а СГП — в Мир Приключений.

Это по предложению Касселя дать СЛ в сборник, ибо он считает, что СЛ — весьма хорошо. Я сейчас дерусь с дураками за ЗЭ. Состав сборника таким образом полностью определился и имеет такой вид: Извне, Глубокий поиск, Шесть спичек, Испытание СКИБР, Забытый Эксперимент, Частные предположения, Поражение, Странные люди. Всего по моим подсчетам 10,6 авт. л.

б) Если не хочешь, молодогвардейский сборник можно, конечно, отставить. Хотя не понимаю, собственно, почему. На мой взгляд, было бы не плохо. Да ладно, отставим. Кстати, перевели ли тебе из Мол. Гв. деньги?

в) Согласен на твой план. Будем писать роман «Возвращение» и рассказы. Ты бери рассказы, я поведу роман. Пиши в первую очередь «Такими вы будете». Одновременно думай относительно причинной непричинности. Нам очень не хватает рассказа с совершенно свежей научной идеей. Такой рассказ был бы весьма и весьма кстати. Итак, план ближайших работ будем считать утвержденным. Начали. Кстати, насчет идей ты всегда жаловался, что слабовато, а вот дали же превосходные рассказы.

г) Что касается до того, подписал ли тебя Варшавский, то я, честно говоря, просто всё забываю

его спросить, мы всегда видимся в страшной спешке. Но я полагаю, что подписал. А почему бы и нет? У тебя есть основания сомневаться? Ужо завтра спрошу еще раз.

Вот и всё. Хватит трепаться, давай за дело браться.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 16 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Спешу сообщить, что Варшавский тоже радуется «СЛ» и они, вероятно, пойдут в «ЗС» № 2. Кассель хорошо отозвался о «СГП», это пойдет в «Мир Приключений».

«Огонек» решительно отверг «Скатерть». Ну и хрен с ними.

Вот что мне, собственно, от тебя нужно. Срочно давай идеи для «Возвращения». Я более или менее разработал первую часть, но мне нужны хорошие планы для части о «кхацкхах» и, самое главное, для части последней — «Творцы Миров», о человечестве в канун четвертого тысячелетия. Расстарайся, брат. Часть о перелете к кхацкхам должна быть сильно приключенческая, а последняя часть — психологически-утопическая с диковинами и гвоздиками.

Вот, собственно, и всё.

Крепко целую, всех целую, Арк.

На «3-С» подписан, только не на Пулково, а на Л-д, домой.

18 декабря в газете «Литература и жизнь» выходит статья Н. Томана, где он размышляет о том, какой должна быть научная фантастика. Много копий будет сломано, многие друзья рассорятся, немало будет организовано объединений фантастов. Здесь — лишь небольшая статья, но в ней, как в капле воды содержится идея океана, отражены все те вопросы, вокруг которых добрый десяток лет будет крутиться дискуссия о фантастике: должна ли она быть научной? нужно ли автору ограничивать свой полет фантазии или игнорировать научные данные? противоречат ли теории относительности Эйнштейна придуманные авторами сверхсветовые скорости и нуль-пространство? нужно ли описывать только технические придумки или и будущее общество? Впрочем, в этой статье АБС еще пока хвалят:

Из: Томан Н. Фантазировать и знать!

<...>

В связи с этим возникает вопрос: не засушит ли глубокая научная аргументация литературно-ху-

дожественную сторону? Но тут уж все зависит от чувства меры и степени литературной одаренности. Во всяком случае, серьезное знание науки авторами, пришедшими в последние годы в научную фантастику, явно способствует успеху их произведений. А пришли такие новые писатели, как В. Савченко, А. и Б. Стругацкие, А. Полещук, А. Днепров. Их повести и рассказы завоевывают все большую популярность. Особенно удачными считаю я повести «Черные звезды» В. Савченко и «Страна багровых туч» А. и Б. Стругацких. Оба эти произведения, написанные с серьезными знаниями науки и техники, не нуждаются ни в какой «скидке на жанр». Савченко рассказал увлекательную историю создания сверхпрочного металла, а Стругацкие — драматическую повесть об освоении Венеры. В последнее время появилось довольно много произведений о вояжах на эту планету, свидетельствующих о легкомысленном отношении некоторых авторов к данным современной науки и упрощении всей необычной сложности подобного путешествия...

Произведения Савченко и Стругацких не лишены, конечно, недостатков, но в целом удача их несомненна.

<...>

Письмо Аркадия брату, 18 декабря 1959, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Прежде всего — неприятные новости. В «З-С» Жигареву попала вожжа под хвост, и он наших «СЛ» взять отказался. Варшавский с ним вдребезги разругался по этому поводу и сейчас же направил меня в «Юность». Вот пойду и попробую. В остальном всё по-прежнему. Кассель очень хорошего мнения о «СГП», мы уже начали редактировать. Как только сойдет с машинки — немедленно пошлю тебе экз. Да, он опять сетует (но не очень громко) на гаерство и фамильярность наших героев. Борюсь, как могу. Между прочим, он высказал замечание, на мой взгляд, не лишенное. Наш француз — кочующий француз. Любитель и любимец девушек. Я отбиваюсь, но тут мне пришла в голову такая идея: что если француза заменить на японца? Всё оставить, как есть, только заменить имя и некоторые буквы. Например: «Как зизнь — хоросо-о? Как девуськи — хо-росо-о?» Чего мы этим достигнем? А вот чего. Во-первых и главных — совершенно нетривиальный образ японца. Кстати, песенку тоже можно прелестно переделать — там вместо тра-ля-ля будет ёй-ёй и вместо ласточки — два журавля.

Во-вторых, подключим к космосу азиатов. В-третьих, язык буду контролировать я *сам*. А? Но если ты не считаешь это возможным, можно бороться дальше. Вот всё.

Целую, привет Адке и племяннику.

Аструг.

Письмо Аркадия брату, 25 декабря 1959, М. — Л.

Дорогой Боб!

Большое спасибо за обстоятельное письмо. Старайся и впредь таким же образом информировать меня об этих делах, ибо это лишнее оружие в наших руках при борьбе со всякого рода перестраховщиками. Теперь отвечаю тебе по порядку твоих вопросов:

1) Шесть спичек идут, увы, в журнальном варианте, и это еще ничего, а то могли вообще сборник перенести на следующий год. Виноват здесь Кассель, который не изменил вовремя названия сборника, а теперь Книготорг отказывается менять, ибо проспекты уже разосланы по всей стране и за ее пределы.

2) Кассель СГП доволен и уже включил ее в переиздание на 1961 год вместе с СБТ в подписную биб-ку приключений. Сейчас СГП пойдет в Мир Приключений с иллюстрацией (цветная вкладка)

Соколова.

3) Сборник выйдет, по-видимому, в апреле. Мир Приключ. — в середине года.

4) Вчера я собрал и отнес в Мол. Гв. наш второй сборник в составе: С грузом прибыл, Человек из Пасифиды, Чрезвычайное происшествие, Глубокий поиск, Странные люди. Таким образом, дублируются только ГП и СЛ. Но еще неизвестно, что скажут в Мол. Гв. Во всяком случае, мы всегда сможем заменить какой-либо рассказ новым, если напишем вовремя. Помимо этого я подал в Мол. Гв. заявку на «Возвращение» (прилагается копия). Иначе рукопись пойдет самотеком, а это гораздо хуже, чем если она пойдет в плане редподготовки издательства. Заявка дает в общем большие преимущества.

5) Работай над ТВБ, но не забудь дать мне перспективный план для последних двух частей «Возвращения» и соображения по первой части.

6) Варшавский тебя подписал на Ленинград, свитер я получил, но это, конечно, тебе уже известно. Во всяком случае, еще раз передай маме большое спасибо.

7) В «Литературе и жизни» за 18.12 опубликована статья Томана «Фантазировать и знать». Статья малозначительная, Томан в своих взглядах на

фантастику целуется с тобой, но там упоминаемся и мы. «Особенно удачными считаю я повести «Черные звезды» Савченко и «Страна багровых туч» А. и Б. Стругацких. Оба эти произведения, написанные с серьезными знаниями науки и техники, не нуждаются ни в какой скидке на жанр... Произведения Савченко и Стругацких не лишены, конечно, недостатков, но в целом удача их несомненна». Каковы недостатки, Томан за недостатком места не упоминает. Вообще СБТ имеет странно большой резонанс. В 12 № 3-С ты увидишь хвалебную рецензию Гуревича301. Мариетта Шагинян, при встрече с Касселем и Андреевым, визжала, что «ваши Стругацкие — прелесть», и что она два дня подряд читала СБТ вслух с мужем и дочерью. Она даже не возвращает Касселю его дарственный экземпляр, а достать СБТ совершенно невозможно даже на складах Книготорга и Детгиза. На просмотрах в кино меня персонально знакомили — подводили за ручку — к нашим гигантам, Казанцеву и Тушкану, и они изволили милостиво говорить со мной — «Э, прекрасную повесть вы написали... э... прекрасную». И вообще отношение к нам в издательствах и редакциях весьма изменилось. Теперь нам говорят так. Я: Здравствуйте. Моя фамилия Стругацкий.

Он: «А-а-а! Здравствуйте, Аркадий Натанович! Впрочем, может быть, вы Борис Натанович? Нет? Всё равно, очень приятно. Что же вы, батенька, не приходили? Брезгуете нашим журналом? (Издательством?) Ай-ай, нехорошо. Вот другие не брезгают». Такой разговор у меня был в «Юности», куда я отнес «Странных людей». Впрочем, результатов пока нет. Варшавский спит и видит, что СЛ поместят в «Юности» и тем самым «утрут нос Жигареву, у которого не вовремя началась течка» (так в З-С называют приступы дурного вкуса у Жигарева). В «Юности» СЛ вызвали недоумение, смешанное с легким испугом и робким удовольствием. Теперь рукопись должна пойти к Катаеву. Если он пропустит, всё в порядке. Нет — ничего не попишешь. Считается, что в следующий понедельник всё будет известно.

Вот, кажись, и все новости, если не считать того, что мне теперь всё время приходится участвовать в разных мероприятиях, встречаться с фигурами, по каковому случаю мне насильно купили новый костюм. Да, еще новость. Вчера в Доме Дружбы я встретил Ляшенко, который сообщил мне пренеприятную новость302: Ефремов больше писать научной фантастики не будет. Будет писать только исторические вещи. Если как

Великая Дуга — это отлично. Но... Посмотрим.

Да, вот еще что. Ефремов при встрече с Кассе-лем выразил грустное изумление по поводу того, что мы не подарили ему, рецензенту, экземпляр СБТ. Кассель где-то из-под полы купил нам экзем-плярчик (цену назвать отказался). На днях мы едем к Ефремову вручать. Это я тебе к сведению. Подписываюсь за тебя. Вот всё. Жму руку, целую, твой Арк.

П. С. Подумай насчет успеха СБТ. Урок ли это? Надо ли принять во внимание?

В Издательство «Молодая Гвардия»
от Стругацкого А. Н. и Стругацкого Б. Н.
Заявка

Предлагаем Издательству «Молодая Гвардия» включить в план редакционной подготовки (или в перспективный план) научно-фантастическую повесть «Возвращение» (условное название), над которой мы в настоящее время работаем. Повесть «Возвращение» составит ориентировочно 15–17 авт. листов и будет представлена в рукописи в распоряжение Издательства к 1 января 1962 года.

Сюжет. В самом начале 21 века одна из пер-вых межзвездных экспедиций, производившая эксперименты по движению на возлесветовых скоростях, выпадает из «своего» времени и воз-

вращается после перелета, продолжавшегося несколько лет, на Землю конца 22 века. Перелет был трудный, выжили только два члена экипажа — штурман и врач. Они и являются героями повести. Оказавшись в коммунистическом будущем, они сначала теряются, не зная, смогут ли стать полезными членами общества, но затем находят свое место в общем строю, спешно наверстывают каждый в своей области всё, чего добилось человечество за прошедшие два века, и приглашаются принять участие в дальней звездной экспедиции, имеющей целью найти во Вселенной братьев Человека по разуму. На новейшем по новому времени корабле (гравитабль, оборудованный «двигателями времени») они достигают довольно отдаленной планетной системы, на одной из планет которой обнаруживают разумную жизнь. Следует встреча с иным человечеством, описание их жизни и приключения на незнакомой планете. Земляне с точки зрения этих людей являются новой, чрезвычайно стремительной и активной формой жизни. «Медленное человечество» по условиям эволюционного развития на их планете очень плохо приспособлено к быстрому и активному прогрессу, настолько плохо, что, несмотря на значительно более длительную историю, чем

история человечества на Земле, они едва успели добраться до употребления не очень сложных машин. Тем не менее «медленное человечество» продолжает упорно, хотя и очень замедленными темпами, двигаться вперед. Оказав «братьям по разуму» посильную помощь, земляне, несколько разочарованные, возвращаются на Землю. Они прибывают в Солнечную систему через тысячу лет. Земля изменилась неузнаваемо, все планеты земного типа «выправлены» и стали такими же цветущими и заселенными мирами, как сама Земля. Планеты-гиганты «разрабатываются» в качестве неисчерпаемых источников даровой энергии для грандиозных экспериментов по исследованию структуры пространства и времени и для сверхдальней связи с другими мирами Вселенной. Люди научились «творить» любые вещи из любого вещества. Оказавшись в этом мире, герои снова на некоторое время теряются и снова находят свое место среди многих миллиардов «властелинов» необычайных машин, «творцов» новых миров и замечательных художников.

Идея. Показать две последовательных ступени развития человечества будущего. Показать неисчерпаемые технические и творческие возможности человечества. Показать, что люди

будущего — именно люди, не утратившие ни любви, ни дружбы, ни страха потерь, ни способности восхищаться прекрасным. Показать некоторые детали коммунизма «во плоти». Показать несостоятельность «теории» ограниченных возможностей познания для человека, взятого отдельно.

Письмо Аркадия брату, декабрь 1959, М. — Л.

Дорогой Боб.

Давеча был я в «Известиях», обсуждали там работы Андрюшки Соколова. В общем все отнеслись к его картинам благожелательно и предали анафеме художников и прочих, кои не только игнорировали жанр научной фантастики в искусстве, но вдобавок еще и мешали этому жанру развиваться. После этого мы пошли в студию к художнику Герасимову и надрались там до решения ума. Но это так, между прочим. Главное не в этом.

В «Известиях» ко мне подошел Иващенко, заведующий отделом литературы и искусства у Аджубея, и спросил, почему мы ничего не хотим дать в «Известия». Я ответил, что даже не думал о такой возможности. Он порекомендовал подумать и добавил, что газету удовлетворил бы

даже какой-нибудь отрывок из чего-нибудь еще ненаписанного. Это нас ни к чему не обязывает, лишь бы было интересно и хорошо читалось. Я сказал, что подумаю. Затем я вспомнил, что у нас есть пролог к «Следопытам» — отправление Первой Межзвездной. Он как раз невелик, если его подработать и пообстругать, всё будет хорошо. Попробуем? На всякий случай посылаю тебе этот вариант: посмотри, стоит ли. Я лично думаю, что попробовать стоит. Отвечай не задерживаясь.

Жму руку, твой Арк. Привет всем.

АБС набирают обороты в плане публикаций. Еще в прошлом году были опубликованы лишь два рассказа, а в этом уже:

— СБТ вышла книгой;

— пять рассказов, причем два из них — вышли по два раза: ШС (сборник «Дорога в сто парсеков» и «Знание — сила»), ИСКР («Изобретатель и рационализатор»), ЗЭ («Знание — сила»), «Частные предположения» («Знание — сила» и латвийская газета «Заря коммунизма»), БКА («Знание — сила»);

— перевод АБС с английского: Моррисон У. «Мешок» («Знание — сила»).

Их печатают, о них пишут, им благоволят... Даже дали премию. Поистине — удачное начало!

Если не считать, конечно, всех тех трудностей и преград на пути к этому результату, о которых теперь знает и читатель.

1960

Письмо Аркадия брату, 2 января 1960, М. — Л.

Здравствуй, друг мой!

Прежде всего, конечно, с Новым годом тебя и твое семейство. А засим — к делу. Должен сказать, что тон твоего последнего письма пришелся мне не по душе. И в первую очередь — твои рассуждения о СГП. Я не очень хорошо понимаю, что ты имеешь в виду, когда пишешь об эклектике в стиле — может быть, вкрапления и прослоения хэммингуэевщины старым стилем, но странно было слышать, что ты пришел от этого в отчаяние. И я не уверен, что там нужно что-то исправлять. Может быть, это только показалось тебе по необычности? Проверь еще раз. Многим эта вещь нравится. Не занимайся вкусовщиной, как сказал бы один из наших шефов.

Далее. Я бы понял тебя, если бы ты оставил ТВБ из-за того, что не можешь найти оригинальный сюжет или что-нибудь в этом роде. Но оставить такую тему только потому, что тебе неясно, каков будет путь эволюции человека — прости, это недостойно фантаста. Да прими ты за основу, что

человек будет сам помогать себе развиваться в нужном направлении при помощи разных механических приспособлений — те же нейтринные пучки, специальная психологическая обработка в школьном возрасте и так далее — и лепи этого своего Ивана Ивановича по любому образу и подобию. Никто с тобой спорить не будет, уверяю тебя. Главная идея ведь не в том, сохранится у человека слепая кишка или нет, а в том, как встретились наши с далеким своим потомком, господином вещей, волшебником, в том, что он пришел поклониться своим предкам и в то же время подбодрить их на тяжелом и интересном пути — не зря, мол, работаете, ребятки, а за господство человека в космосе, в обеих бесконечностях.

Далее. Перехожу к новостям. Кассель заболел, а выйдя из больницы, пойдет в отпуск. Сдача сборника в производство откладывается. СЛ и ЧрПр находятся в «Юности», будем ждать, что скажет Катаев. Из МолГв пока никакого ответа на наши заявки нет. Я по твоим наброскам сделал первую главу и пролог к Возвращению. Буду по мере сил продолжать. Все секции и общественные потуги — дерьмо и говорильня. Туда можно ходить только на предмет посещения буфета. Так что не завидуй.

Предложения. Быстренько кончай с прологом к Следопытам и переходи к ТВБ. Я бы, кроме того, предложил тебе как следует подумать о ПТЖ. Хоть ты и оставил этот рассказ за непригодностью, но все-таки посмотри еще раз, подправь. Ей-ей, тема превосходная, и эпизоды смачные, и спор о смысле работы там очень уж хорош. И люди есть — это все у нас говорят. А главное — нужен этот рассказ, понимаешь? Всем нужен. Далее. Прошу тебя по-прежнему консультировать меня по Возвращению. И пиши чаще.

Теперь вот что. Я бы, конечно, с радостью приехал, как раз февраль—март было бы очень неплохо, но меня здесь не пускают, потому что считают, что я разрушаю твою семейную жизнь. У нас здесь все считают себя великими знатоками природы человеческой. Так что, возможно, если бы ты в каждом письме поскуливал насчет необходимости встретиться, было бы спасительно. Учти.

Вот, кажись, и всё.

Передай большой привет маме и поцелуй ее. Я всё ждал, что она прикатит к нам, да так и не дождался.

Жму руку, Арк.

8 января выходит статья в газете «Литера-

тура и жизнь», где Е. Каплан полемизирует со статьей Н. Томана, вышедшей в прошлом году, в которой (напомним читателю) АБС еще хвалили. Библиотечный работник, как сам себя называет автор статьи, озабочен тем, что читатели предпочитают остросюжетные произведения, и «бьет» авторов цитатами из А. Горького.

Из: Каплан Е. Только не схемы!

<...>

Н. Томан поставил на пьедестал научно-фантастическую повесть братьев Стругацких «Страна багровых туч», видимо, оттого, что сам он — автор ряда приключенческих остросюжетных книг — покорен межпланетными приключениями героев «Страны багровых туч»!

Анализируя же эту повесть, надо говорить прежде всего о ее недостатках, а не достоинствах, так как последних куда меньше, чем первых.

«Страна багровых туч» во многом напоминает книги Владко «Аргонавты Вселенной», Волкова «Звезда утренняя», Мартынова «220 дней на звездолете». У Стругацких, как и во всех этих книгах, главный герой — зеленый новичок, которому волей случая (авторского, разумеется) приходится участвовать в сложнейшем межпланетном поле-

те. Новичка же надо познакомить с астрономией и теорией межпланетных полетов. И начинаются бесконечные цитаты из астрономических и прочих справочников.

Н. Томан утверждает, что «Страна багровых туч» написана «с серьезными знаниями науки и техники». Но слова А. М. Горького о том, что «науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиции», звучат и сейчас укором авторам повести. Стругацкие лишь упоминают о той борьбе, которую вели противники «практического осуществления фотонного привода». А именно тут и была блестящая возможность показать «арену борьбы», показать, как писал А. М. Горький, «не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода». Тогда ярко раскрылись бы характеры героев «Страны багровых туч», которые живут уже в Союзе Советских Коммунистических Республик! Но накал страстей, борьба мнений, наконец, победа сторонников фотонной ракеты — все происходит

за рамками повести.

<...>

13 января АБС заключают договор с издательством «Молодая гвардия» на сборник «Чрезвычайное происшествие» (название условное). Номер договора — 4445/60 г. От лица издательства он подписан главным редактором МГ Сергеем Васильевичем Потемкиным. Содержание сборника в договоре обозначено так: «Сборник научно-фантастических повестей и рассказов о космических полетах будущего, о мужественных людях — исследователях Вселенной». В договоре авторы обязуются рукопись «сдать издательству в готовом для печати виде в двух переписанных на пишущей машинке экземплярах не позже 20 февраля 1960 г.». Адрес БНа в этом договоре: «г. Ленинград, Пулково, Гостиница». Пулковская гостиница, в которой БН прожил более четырех лет, не раз узнается в книгах АБС. Вспомнить хоть ту ирреальную, кафкианскую сцену из УНС: «Гостиница переполнена. Вам придется очистить место». То же произошло с БНом в действительности — в этой же гостинице. Или гораздо более поздний текст из рукописи Манохина (03): «...вхожу в номер — в свой, законный, раз и навсегда за мною закрепленный...» А сама

рукопись Манохина «была несколько лет назад обнаружена при сносе старого здания гостиницы-общежития Степной обсерватории, старейшего научного учреждения нашего региона».

Письмо Аркадия брату, 7 февраля 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мальчик!

Прости, не сдержал обещания, не написал тебе сразу. Но на меня навалилось сразу очень много неприятностей. Во-первых, мне в первый же день привили оспу. Оспа привилась весьма активно, я принялся недомогать, и тут же, как назло, взялись меня есть зубы. Мучился и страдал я целую неделю, затем махнул на всё рукой, пошел к дантисту и — сразу три зуба! Это было развлечение, доложу я тебе. Вернулся домой, пошатываясь, было плоховато с сердцем, но теперь всё уже прошло, хотя голая десна слегка поскуливает. Итак, оспа зажила, впереди в нижней челюсти — чудовищная дыра, разговариваю я сейчас как Макреа: дифсиплина303, срудсшанция и т. д.

Теперь о делах. Пересылаю тебе первые три главы «Возвращения», работай не торопясь, смело вводи новые эпизоды и заколачивай гвозди. Я сейчас работаю над четвертой главой — «Злоумышленники», то бишь «В школе». Очень

трудная глава, думаю, получится она не важно, но надобно же иметь хотя бы от чего отталкиваться.

«НС» и «ПуРО» отнесены в «3-С», о них выяснится в понедельник. В «Юности» дела, кажется, плоховато, но я у них еще не был. В «Известиях» я разругался с этой публикой. Им, понимаешь ли, отрывок очень нравится, но им, видишь ли, не подходит именно этот отрывок, который оставляет читателя на самом интересном месте. Ругался я по телефону, больше разговаривать не буду, только съезжу и заберу рукопись. Вообще, пожалуй, с газетами связываться больше не стоит. Манки бизнесс304. Однажды ночью звонили из «Уральского следопыта», требовали рассказ. Я поворчал и сказал, что подумаю. Надоело мне всё это — сил нет. Столько дел, что работать некогда.

Основное: Кассель спешно дорабатывает рукопись, говорят, к 15 она будет сдана в производство. Кассель сидит в санатории и связаться с ним нет никакой возможности. Видел я эскизы к иллюстрациям. Мое мнение — хорошо. Обложка, например, совершенно абстракционистская. Выдумки много, этот мальчишка Алимов позволяет надеяться на хорошее оформление. В рисунках он пытается воспроизвести не столько сюжет,

сколько психологию.

Отвез в «Мол. Гв.» договоры и наши вещи новые. Пока читают, еще не звонили. Думаю, пройдет хорошо. Да, еще, звонили из Изоббрацион, просили. Я им думаю всунуть «Погружение». Меня несколько ставит в тупик «ПТЖ». В «Юность» давать не хочется, я на них освирепел, может, в журнал «Мол. Гв.»? Завтра выхожу на улицу и всё буду исполнять и пробовать.

Звонил к Ляпунову, он обещал поговорить с Тушканом, а нам порекомендовал обратиться в Издательства, где мы работаем. Это тоже мысль. Как только вернется Кассель, попробуем. Так что подожди немного. Вообще Ляпунов что-то мнется, а может быть, это только мое впечатление. Посмотрим.

Вот, кажись, и все новости. Думаю, днями вышлю тебе три наших рассказа. Я уже давно перепечатал на машинке, но отдал твои экземпляры на прочтение в Совинформбюро. Они горят передать нашу фантастику на заграницу. Пусть их. А вообще все они — дерьмо. Ни на какие посторонние организации — кроме «З-С» и еще «Изоббрацион», где сидят честные любители, полагаться не надо. Кассель, Варшавский да Вельтман, ну еще Жемайтис. Вот люди, с ко-

торыми можно работать, ибо они кровно в НФ заинтересованы. Остальные — по моде, куда ветер дует. Ну их в п...

В общем, работа продолжается. Поцелуй маму и Адку.

Твой добрый и несчастный брат Арк.

Письмо Аркадия брату, 12 февраля 1960, М. — Л.

Дорогой Бобка!

Тороплюсь ответить, тем более, что депрессия, в коей я пребывал, уже миновала. Шамкаю я, аки дед Щукарь[305]. А так всё хорошо. Но ближе к делу. Вы просите информацию, их есть у меня[306].

1) Отвечаю тем же концом по тому же месту. Получено следующее письмо, цитирую полностью, за исключением типографских надписей на бланке: «Товарищам А. и Б. Стругацким, Москва. Уважаемые товарищи! Являясь издательством Общества Германо-Советской дружбы, главная задача которого состоит в издании советской художественной литературы, мы с большим интересом прочитали Вашу книгу «Страна багровых туч», вышедшую в свет в издательстве Детгиз в 1959 г. Безусловно, это произведение и у нас найдет большой круг читателей. Поэтому

мы решили переиздать его на немецком языке в 1961 г. У нас возник, однако, следующий вопрос: нельзя ли в немецком издании опустить эпилог? Нам кажется, что там показано слишком скорое развитие по сравнению с огромными трудностями, о которых Вы говорили в третьей части Вашей повести. Очень просим сообщить вам, согласны ли Вы с этим сокращением. Кроме того мы узнали, что Вы написали еще рассказы научно-фантастического жанра. Мы были бы Вам весьма благодарны, если бы Вы сообщили нам, где эти рассказы опубликованы. Последняя просьба: Чтобы познакомить немецких читателей с авторами в издательской газете, мы просим выслать Ваши фотоснимки и краткие биографии. Заранее благодарим за Вашу любезность и ожидаем Вашего ответа, чтобы приступить к работе. С дружеским приветом Издательство «Культур унд Фортшритт», дирекция издательства Новак, зам. главного редактора Кошут».

На это письмо я уже ответил, согласился на купюру, дал сведения и фото. Вообще, высылай, брат, скорее фото. В заключение попросил прислать нам газеты с нашими биографиями и по выходе два экз. книги.

2) На письмо итальянца отвечай сам в меру

своего разумения. Я не считаю себя более компетентным, чем ты. По-моему, твои намётки вполне правильны. И не бойся рекомендовать Днепрова. Сами разберутся, что надо и что не надо. Выяснить относительно издательства я попробую, но не уверен. В письме не забудь поклянчить экземпляры. Действуй, мальчик! А письма за границу пересылаются обычным порядком через центральную почту. Там спросишь, и тебе объяснят.

3) ПТЖ давал в «Юность». Там разочарованно сказали: «Так это же не фантастика!» Плеваться хочется. Я думаю забрать у них и «ЧрПр», которое, как они говорят, им нравится, но еще находится у двадцать седьмого члена их редколлегии, Ираклия Андронникова. К черту всю эту сволочь! У нас требуют рассказы другие журналы, и мы не дадим гнить нашим вещам в этом задрипанном логове классицистов.

4) Реакция на наши новые вещи. «Молодая Гвардия» (в сборник) — «ПТЖ», ПуРО понравились, НС — не очень, говорят: «Это скорее заготовка, чем готовый рассказ». Так сказала наша редакторша и наш художественный редактор. Но она говорит, что перечитает еще раз и посмотрит снова. Вообще, с ними я еще буду разговаривать. «З-С». Варшавскому я дал «ПуРО» и «НС». Ему понра-

вились обе вещи, но «ПуРО» больше. Однако он полагает взять все-таки «НС». У него есть кое-какие соображения, о которых конкретно будем договариваться в среду. В частности, речь Гемфри Моргана и какие-то характеристики врачей.

5) «ПуРО» передал в «Изоббрацион», но они запарились с выпуском номера и еще не читали. Вельтман клянется дать ответ на той неделе.

6) Вчера звонили из журнала «Смена». Со мной говорил зав. литературным отделом и клялся, что он, заведующий, и главный редактор — большие почитатели НФ. У них на днях произошла смена руководства, и они поворачивают журнал на новый лад (это он так говорил). Журнал с апреля будет толще, и вот для этого первого апрельского толстого номера они просят. Я решил пихнуть им «СЛ» и «ПТЖ» на выбор. Как ты считаешь? И я думаю, рационально будет послать что-нибудь в «Уральский следопыт», раз уж они к нам обратились. Напиши свое мнение. А может быть, попробовать «СЛ» и «ПТЖ» в «Неву»?

7) Ляпунов написал о тебе письмо Тушкану (Тушкана нет в городе) и ждет ответа. Кассель болеет в своем санатории, наш сборник лежит у него, и ничего нельзя сделать. У меня даже чешется от нетерпения и досады.

8) Последняя новость: «СБТ» будут доиздавать в этом году тиражом в сто тысяч экземпляров. Можешь ликовать. Книготорг затереблен заявками на нашу повесть. Об этом мне изволила сообщить сама заведующая редакции. Не забыть бы исправить французскую надпись, гм-гм.

Вот, кажись, и всё. А я бедствую. Кассель в этом месяце по плану Детгиза должен был сдать рукопись Брянцева «Конец осиного гнезда», но он, как известно, болен, а в Детгизе срывался план. Тогда вызвали меня и предложили в неделю отредактировать эти двадцать листов бредятины, где концы никак не желают сходиться с концами. Сижу и редактирую и проклинаю По и Конан-Дойла за то, что они выдумали этот жанр. Тошно, нудно, сладит, мёдит и бежать позывает. Но я стоек. О, твой брат может быть стойким. Он такой парень, этот старина А. Он всем покажет, веселый Арк. Его высочество герцог Браунгшвейский раз сказал в присутствии его величества: «Он чертовски непреклонен, этот старый А. С.» Вот так.

Непременно передай привет маме и прочитай ей письмо из Германии. Привет Адке, поцелуй Андрюху.

Салюд.

[Подпись]

«На письмо итальянца отвечай сам в меру своего разумения», — рекомендует АН. И БН пишет ответ. В архиве сохранился черновик этого ответа.

Черновик письма АБС в Италию

Ленинград
16.02.1960 г.

Многоуважаемый господин Рива!

Нам было очень приятно узнать о готовящемся в Италии сборнике советских научно-фантастических рассказов. Мы с большим удовольствием готовы оказать Вам посильную помощь в этом хорошем деле.

Намеченная Вами подборка рассказов удачна, но мы взяли бы на себя смелость порекомендовать еще и следующие рассказы:

Савченко «Пробуждение профессора Бернса»

Днепров «Крабы идут по острову»

Сапарин «Небесная Кулу»

Журавлева «Капитан звездолета „Полюс“»

Мы предлагаем Вам именно эти рассказы просто потому, что среди рассказов последних лет они более других нравятся нам и нашим друзьям — любителям научной фантастики. Первые три из перечисленных рассказов Вы найдете в

сборнике «Дорога в сто парсеков» (издательство «Молодая Гвардия», Москва, 1959 год), последний рассказ опубликован в газете «Комсомольская Правда» от 7.02.1960 года. Кроме того, мы можем порекомендовать Вам уже упомянутый сборник «Дорога в сто парсеков», а также журнал «Знание — сила» № 12 за 1958 г. и № 12 за 1959 год. Указанные издания содержат в общем около двадцати научно-фантастических рассказов — самых лучших и самых новых.

Что касается выбранных Вами наших рассказов, то мы, конечно, не имеем ничего против их публикации Вашим Издательством. Правда, говоря откровенно, мы предпочли бы увидеть в Вашем сборнике вместо «Извне» какой-нибудь другой наш рассказ — например, «Белый конус Алаида» (Журнал «Знание — сила», № 12, 1959 г.) Дело в том, что рассказ «Извне» в настоящее время переработан нами в небольшую повесть, и нам не хотелось бы видеть его снова опубликованным в виде рассказа. Однако, если Вы предпочтете именно «Извне», мы, конечно, не будем в обиде.

Позвольте в заключение поблагодарить Вас и Ваше Издательство за внимание к нашему творчеству и пожелать Вам успеха в Вашей работе.

С искренним уважением

Издательство последует пожеланию автора и уже в следующем году опубликует у себя в сборнике фантастики советских авторов БКА, ШС и ЗЭ.

Письмо Аркадия брату, 22 февраля 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Только что получил твое письмо и, не в пример тебе, заботясь о душевном равновесии брата и соавтора, отвечаю.

Прежде всего — вести неприятные. «Изоббрацион» от «ПуРО» отказался. Они всё тоскуют о лирика+техника, всё ждут чего-либо вроде, знаете ли, «Испытания СКР», знаете ли, вот. Я вежливо их послал. Не хотят — не надо. Обойдемся. Из «Смены» тоже ничего нет. Но я бы не советовал тебе так отмахиваться от «Невы». В конце концов ты отлично знаешь, что «ЧиП» — дерьмо, и на месте «Невы» тоже не поместил бы его. Так что при возможности зайди туда и предложи. Далее, я не совсем уверен, что «НС» согласятся взять в «Мол. Гв.» Очень они на нее кисло смотрят. Я говорил с Варшавским, он сказал мне, действительно, дельные вещи, а) Если врачи идут на такое дело и действительно озабочены и взволнованы рождением ребенка, то думать и говорить они будут

именно на эту тему, б) Тему чудовища, чтобы она не стала основной, надо смягчить. Хотя бы за счет усиления темы младенца. В соответствии с этим я сделал новый вариант «НС» и сегодня потащу его в «ЗС». Ты получишь все материалы погодя, не торопи меня. Нужно забрать их из тех мест, где они не приняты.

Теперь у меня есть конкретные предложения. Сводятся они к следующему. Принимая во внимание, что «СБТ» переиздается и что в этом году у нас выходят два сборника, надо сделать передышку и переориентировку. Мне надоело таскаться по редакциям. Дел получается так много, что работать некогда. Предлагаю:

1) Немедленно прекратить писание рассказов впредь до особого распоряжения. Исключение составляют только три рассказа: Такими вы будете, затем, рассказ, который нам так или иначе придется написать, его нам заказали для издающейся в этом году этакой энциклопедии изобретательства, в ней выступит и Ефремов, а нам поручили написать рассказ на тему «изобретатель 21 века». Не пугайся, ничего страшного. Напишем о пересадке сознания. Правда, с этим надо торопиться. Третий рассказ — его можно и не писать — приключенческий с научной идеей. Идея: «Ин-

тересно отметить, что если бы магнитное поле Земли было большим и сильно неоднородным, то быстрое движение проводящих тел стало бы невозможным. Вихревые индукционные токи, взаимодействуя с магнитным полем Земли, вызывали бы мощные тормозящие силы. Самолеты и ракеты не смогли бы летать». Исходя из этого, можно предположить, что Церера или Веста — железные, сильно магнитные, на них сели, а улететь не могут. И вообще, тут я подхожу и бью по мор... Да, в общем, можно подумать. Приключения, магнитные животные (организмы, получающие энергию при быстром перемещении в магнитном поле) и т. д. Но это, повторяю, не обязательно.

2) Взяться серьезно и сосредоточенно за две большие вещи, которые закончить в следующем году. Первая — «Возвращение». О ней у нас есть все намётки. Нужно только бросить всё и работать. Вторая — «Старый желтый Сатурн» (назв. усл.). Герои — Быков и К, время — через десять лет после «СГП», предварительную разработку пришлю на днях.

Вот что я думаю. Понимаешь, у меня такое впечатление, что мы как-то размениваемся с этими рассказами. Больше беготни и споров с

редакторами, чем работы. Право, надоело. Давай, братец, вернемся к счастливым временам и методам «СБТ» и поработаем на славу. К фене темки и идейки. И редакторов к фене. Надо давать тяжелую артиллерию. Как ты смотришь, а? Напиши свое мнение. И соображения по поводу рассказов. Если об изобретателях писать не хочется, напиши: я откажусь. Пусть попросят Днепрова или Альтова. Хотя лестно, конечно, что попросили именно нас.

Итак, я теперь же заявляю: больше с рассказами возиться не буду. Располагаюсь поудобнее и буду писать «В» и «СЖС».

Да, чтобы здесь не повторяться, прошу, позвони маме и попроси ее прочитать мое письмо. Там есть кое-какие новости.

Засим обнимаю тебя, брат мой, и целую. Твой Арк. Адочке и Андрею привет.

Письмо Аркадия брату, 25 февраля 1960, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ответа на свое письмо не дождался, посылаю тебе ПТЖ и старый и новый вариант НС. Прочитай сначала новый вариант и подумай. Говорят, стало лучше. Но я не очень верю. Вообще, мне

рассказ этот перестал нравиться. Слишком много в нем от желания «ошарашить мещанина». Вересаев таки прав: эта позиция к хорошему не может вести[307]. А там смотри, как тебе лучше. Я надеюсь, все-таки, что именно этот рассказ, а не ПуРО войдет в сборник. Кстати, о названии сборника. Назвали было его «Люди Земли». Отдали художнику (у нас художник Гришин), а он говорит: «Только что оформлял книгу с точно таким же названием». Ну что ты скажешь! Тогда мы побились трохи и решили назвать: «Почти такие же». Думаю, не плохо. Если есть на примете заглавие лучше — присылай, но торопись.

Теперь о «Смене». СЛ понравились зав. литотделом, но не понравились его начальству. Им не нравится «этот странный героизм». А ПТЖ — не нравится зав. литотделом, а начальство еще не читало. Если бы ты знал, как они все мне надоели! Нет, голубчик. Будет. Давай работать над большими вещами. По крайней мере знаешь, чего ждать и за что бороться. Кстати, и детгизовцы уже интересовались, чем мы собираемся их порадовать, иф эни[308]. Но теперь уже обстоятельно, без лишней поспешности.

Ну, жду твоих мнений, твой Арк.

Привет маме и Адке, поцелуй Андрея.

Письмо Аркадия брату, 2 марта 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

С удовольствием получил твое письмо. Все поправки принял и перенес на запасной экземпляр, коим и буду оперировать в дальнейшей работе с Варшавским и Клюевой. Варшавский определяет рассказ в № 5, в новом варианте он ему очень понравился, также понравился и Клюевой. Так что всё в порядке.

Ужасная возня с названием сборника. Только что звонила Клюева (в пятый раз за неделю). Все наши названия редакция отвергает, а все названия, которые предлагает редакция, отвергаем мы. Г... в проруби. Никогда не думал, что будет столько мороки. Между тем дело срочное и вот почему. В Мол. Гв. существует обыкновение оформлять обложку по рассказу, названием которого назван сборник. Я осатанел и сказал, чтобы оформляли по «Ночи на Марсе», а название мы потом еще постараемся придумать. Кстати, редакция протестует и против названия СГП, говорят, надо переименовать. Есть ли у тебя какие соображения? Я бы отстаивал, конечно, если бы самому это название нравилось. Но оно мне, как ты знаешь, не нравится. Не знаю, как быть.

Может, «Водородная пропасть»? У меня совсем нет вкуса к названиям. Отпиши на этот предмет подробно. И поскорее.

Кассель выздоравливает, обещается сдать рукопись в следующий понедельник. Мне еще предстоит с ним неприятный разговор по изъятию СПГ из «Альманаха». Ох-те-те... Ну не могу я такими темпами работать.

А я сейчас бьюсь над четвертой главой «Возвращения». Туго идет. Кстати, у меня есть такая идея. Что, если сделать «Возвращение» из двух частей, первая часть — как мы решили, а вторая часть такая: штурман становится глубоководником, поступает в Океанскую Охрану. Тогда мы туда вставим ГП и ПуРО, и еще придумаем, и еще придумаем много интересных встреч и приключений. Знаешь, чтобы опять не лезть в Космос. Отпиши свое мнение. Упомянутые рассказы, конечно, переоборудуем в соответствии с новыми задачами, возьмем из них только тему. Но вот беда — четвертая глава плохо идет. Написал шесть страниц и выбросил. Слушай, будет тебе потеть над рассказами. Давай, присылай, что написал, и садись за «Возвращение».

Напиши свои соображения по заказанным рассказам. Как об изобретателе, так и о том, что

ты хочешь делать для Ленинграда. Кстати, у меня есть соображение по СЛ. Сидоров «прозревает» в конце рассказа. А нужно ли это? Может быть, так его непрозревшим героем и оставить? Подумай.

Вот всё. Целую, привет всем, Арк.

Письмо Аркадия брату, 7 марта 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Бобик.

Вот посылаю тебе модель четвертой главы «Возвращения», которую предлагаю назвать «Злоумышленники». В главе ты найдешь изрядно банальностей и косноязычных диалогов, и не найдешь, пожалуй, ни одного образа. Это всё потому, что я, стараясь добиться композиционной стройности, вынужден был после многочисленных попыток всё бросить и заняться исключительно общим тоном и композицией. Теперь я более или менее удовлетворен. Не знаю, как ты. Ты без труда увидишь, что я широко пользовался киплинговским «Сталки», кое-что даже прямо позаимствовал — это потому, что считаю метод Киплинга самым подходящим с точки зрения описания мальчишек.

Итак, на тебе — первые четыре главы. Понемногу приступай к работе. Я в свою очередь займусь пятой главой. В четвертой особое вни-

мание обрати на речь персонажей. И по первом прочтении немедленно отпиши о впечатлениях и замечаниях.

Жду с нетерпением. А также жду твоего рассказа. Живее, живее. Не дразнись.

Сегодня утром пришла по почте книга Ефремова «Юрта Ворона», его новый сборник рассказов309. На книге дарственная надпись: «Отважным космическим фантастам Аркадию Натановичу и Борису Натановичу Стругацким с искренним уважением от автора. Москва. 4.03.60 И. Ефремов». Книгу оставляю у себя. Вот так-то. Ну, целую, жду.

Всем привет, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 11 марта 1960, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Письмо получил. Ближе к делу.

1) Расставить рассказы в сборниках недолго, мне всё равно как.

2) Молодогвардейский сборник назван «Путь на Амальтею», соответственные распоряжения даны и Гришину. Так мне, во всяком случае, говорили.

3) Приеду я примерно пятого-шестого апреля и пробуду до твоего дня рождения, после чего,

вероятно, надо будет спешить назад править гранки НС для «3-С».

4) Эпизод с пластмассовым упырем меня устраивает. В днепровщину даст бог не скатимся. Ближе к днепровщине, чем в НС, мы не подойдем.

5) Как же ты пишешь — нет идей? А что за рассказ ты писал всё это время? Или я неправильно тебя понял? У меня есть небольшая идея — г..., наверное. Зажечь Юпитер и Сатурн с целью создать свое солнце для их систем спутников. Конечный эпизод такой идеи может служить темой для рассказа, или можно использовать с СЖС как фактор, для чего межпланетникам нужно торопиться с поисками в кольце — вот-вот должны зажечь Сатурн. Работники на Титане смотрят на экспедицию косо, она их задерживает, и сам Быков ругается, говорит, что мы, мол, и сами дурака валяем, и людям работать не даем.

6) Злоумышленников не посылай, приеду — почитаю. Но ты мог бы вкратце написать свое мнение и по каким линиям сделал исправления.

Теперь информация.

1) 14 марта состоится конференция НФП в ССП. Будут долбать все книги за прошлый год, в том числе нашу СБТ и наши рассказы. По агентурным

сведениям готовится разнос «З-С» за № 12. Якобы за американский уклон. Я готовлюсь драться. Вообще драться придется. Казанцев и Немцов опять активизировались. Им придало смелости, что № 12 раздолбали за одну статью в ЦК. Бой, по всему, предстоит мощный. Очень жаль, что тебя не будет.

2) Сигнал второго издания «СБТ» подписан. Скоро выйдет на прилавки. Получим — увы! — всего по 60 %, сиречь по 14 тыс. Но ты давай скорее высылай справку о детях на этот год. По возможности побольше справок.

3) Нас сейчас в Москве осаждают с заказами Географгиз и приехавший с Урала представитель «Уральского Следопыта». Но мне ужас как не хочется связываться опять с рассказами. Ну, этих-то еще можно ублажить: первым — ПуРО, вторым — ЧП.

4) Теперь такое дело. Меня затерзали Госрадиокомитетчики. Не помню, писал ли я тебе, они с конца марта открывают новый журнал по радио и вот жаждут НФП. Для инсценировки. Отказать им неудобно, и я передал им на просмотр ЗЭ, НС и ПуРО. Они долго выбирали, спорили, хотели всё сразу, но в конце концов остановились на ПуРО. Короче, дело обстоит так. К 16 числу я

должен изготовить для них первые четыре страницы сценария. Всего несчастное ПуРО разбили на пять передач, которые будут тянуться два месяца. Чудовищная ерунда, правда? И халтура притом. Приходится «для удовлетворения» специфических требований вещания давать духозахватывающие моменты в каждой передаче. Г... получится, но отступать поздно. Каждая передача — восемь минут. Я буду присылать тебе по экземпляру каждой. Апрельские части напишем вместе. А может, и майские.

Ну вот и всё. Привет Адочке, целую всех, твой Арк. Пиши, не томи.

«14 марта состоится конференция НФП в ССП», — сообщает АН. Информация об этой конференции была опубликована в том же, 1960 году в сборнике «О литературе для детей» (выпуск 5). Вот что там говорилось об АБС:

Из: Советская научная фантастика в 1958–1959 годах по материалам дискуссии, состоявшейся 14 марта 1960 года в Московском доме литераторов

<...>

Е. Брандис посвятил свое выступление художественным недостаткам научно-фантастических

книг. Засилье литературных трафаретов и штампов, иллюстративность, лекциомания, нагромождение приключений, механические куклы вместо живых людей — таковы наиболее распространенные недостатки, мешающие пока что нашей фантастике слиться с большой советской литературой. <...> Популяризация научных идей — не самоцель, а один из элементов научной фантастики. Но если взять, к примеру, рассказы А. и Б. Стругацких — это безусловно одаренные, эрудированные авторы, — то легко заметить, что волнуют их больше всего не люди, а научные гипотезы, саморазвивающиеся механизмы. Пафос голой техники обесчеловечивает литературу. Не отражается ли в излишней технизации научной фантастики та недооценка значения гуманитарных наук в жизни нашего общества, о которой в свое время писал И. Эренбург, а сейчас вновь поднял вопрос К. Зелинский?

И не случайно техническая фантастика отличается удивительной серостью языка. Главным героем становится машина, а человек — лишь ее придатком. Да и где уж тут заботиться о средствах выражения, если фантастические рассказы изобилуют такими «красотами» стиля: «...энергия выделяется в виде «протоматерии» — некван-

тованной основы всех частиц и полей. Потом протоматерия самопроизвольно квантуется — частично на частицы и античастицы, частично на электронные поля. А частично вступает во взаимодействие с окружающей средой» (выдержка взята из рассказа А. и Б. Стругацких).

<...>

Н. Томан подвергает острой критике роман Ю. и С. Сафроновых «Внуки наших внуков» за допущенные в нем вопиющие научно-технические ошибки. Отсюда оратор делает вывод, что должен быть какой-то предел для фантазирования. Без серьезной аргументации нельзя переступить бесспорных законов науки, это только дискредитирует фантастику. Далее Н. Томан отмечает достоинства повести А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч» и повести В. Савченко «Черные звезды». Оба произведения написаны с несомненным литературным мастерством и обнаруживают серьезную научную подготовленность авторов. <...>

И. Кассель (Детгиз) <...> берет под защиту творчество А. и Б. Стругацких от несправедливых, по его мнению, упреков Е. Брандиса и призывает писателей создавать книги о завтрашнем дне нашей планеты.

<...>

Письмо Аркадия брату, 17 марта 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

Получил от тебя два письма сразу, был приятно тронут и удивлен, но, посмотрев на даты, понял, что одно из писем ты три дня таскал в кармане. Ну ладно. Новости.

А) Неприятные:

«Странные люди» вылетели из сборника. Таково было решение всяких инстанций в Детгизе. Кассель утешает, говорит, что можно доработать, и тогда куда-нибудь пойдет.

Происходит путаница с «СГП» (ныне «ПНА»). Пока Кассель болел, мне завредакцией сказала, что «СГП» в Альманах не пойдет. Как ты знаешь, я тогда составил сборник и подал его в Мол. Гв. Кассель вернулся, случайно у нас разговор зашел об Альманахе, и я сказал ему о «СГП». Он взбеленился. Он наотрез отказывается отдавать «СГП» и называет меня предателем. Дело в том, что в Альманах идут только вещи, еще не публиковавшиеся. А Мол. Гв. издаст сборник в июне. Кассель требует, чтобы мы задержали сборник, а я не хочу и не буду. Ну их всех на... Как будет, так и будет.

Детгизовский сборник будет сдан еще только

двадцатого. Я вчера потерял целый день, помогая Касселю склеивать рукопись и править ошибки. Ух, до чего мне всё это надоело.

Меня заставили взять перевод в Гослитиздате и аврально перевести с хорошего японского на плохой русский 10 листов. Дело в том, что переводчик, которого я рекомендовал, не справился, а план на них нажимает. Пришлось взять. Сейчас сижу денно и нощно.

б) Утешительные.

Молодогвардейский сборник идет пока гладко. Редактор работу закончил, почти ничего не искалечив. Завтра я отвожу обратно рукопись, и она будет сдана в главную редакцию. Правда, там возможны осложнения. Ты на всякий случай пришли СГП, чтобы я мог оперативно решать всякие изменения.

О конференции в ССП писать много не хочется. Нас хвалили, других ругали, досталось З-С ни за понюх пороху. Казанцев держался очень воспитанно. Нас ругал Брандис, но его заклевали. Подробности при встрече. Очень хочу к вам отдохнуть. Просто ужас, до чего устал. И уже ничего нет охоты делать. Кассель раздражает болтливостью и жалобами, хотя в общем он очень хороший дядька. Но он лентяй. Подозреваю, что

можно было бы спасти СЛ, если бы он вовремя прочитал рукопись.

Когда соизволишь прислать справку о детях? Зачем даром бросать деньги? Пропьем лучше! Гони справку.

Получил хорошее письмо от рабочих из Киева. Хвалят, просят писать. Было приятно, ответ послал.

Стремлюся к вам, отдохну и отосплюсь.

Поцелуй маму, браток. И Адку тож.

Твой Арк.

Отпразднуем твой и мамин день рождения вместе. Только согласится она первый тур дать пятнадцатого? Осторожненько прощупай.

Да, справку о детях посылай прямо в Детгиз: Москва, М. Черкасский пер. 1, Детгиз, Бухгалтерия. Просто вложи в конверт справку и посылай. Да, напиши еще туда, что просишь причитающиеся тебе гонорары и впредь перечислять на тот же расчетный счет, что и в прошлом 1959 году.

Я в Детгизе появлюсь теперь не так скоро.

Ну, еще раз целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 25 апреля 1960, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб!

Как всегда, не смог сразу выполнить обещание

известить тебя о наших делах. У нас тут все переболели, и я было здорово закрутился. Ну, теперь сообщаю.

1) «Ночь в пустыне» уже сдана в набор в «ЗС», идет в № 6, иллюстрирует Ушаков. Посмотри старые номера, наверное, найдешь его рисунки где-нибудь.

2) Пришли гранки «6С». По-моему, получилось ничего. Самое скверное то, что ужасно вмешиваются корректора, всё норовят ставить в кавычки внутренние монологи. Отбивался как мог, но не знаю, что там сделают. Теперь будем ждать верстку. Поправок мало в общем.

3) Пришла верстка «СГП» — ныне «Путь на Амальтею». Ей-богу, получилась аккуратная приятная книжечка, размеры ее будут примерно с «Пепел Бикини», чуть-чуть поменьше. И, конечно, как это ни прискорбно, никакая правка недопустима, так что будем ждать до переиздания. Но ты не огорчайся. Очень быстро делают, правда? Я даже боюсь, что «ЗС» не успеет обернуться с этим рассказом. Ну, так им и надо.

4) В Детгизе я проговорился о «Возвращении». И что ты думаешь? Они, не дожидаясь нашего согласия, вставили ее в план (резервный, правда) редподготовки и просят писать заявку. Слово

за тобой.

5) Гранки прислать, наверное, не смогу, а вот верстку попрошу, чтобы тебе выслали. Детгизовский сборник-верстку дождемся, тоже попрошу, чтобы прислали. Для работы сроки дают очень жесткие, просто не успеваю поворачиваться. А у меня еще японщина моя висит.

6) Савченко на базе своего профессора Бернса[310] пишет роман о будущем. Смотри, брат! У него много выдумки, размах большой — 20-е тысячелетие, антифотонные звезды, переделка Галактики и — наша тема — возможность человека приспособиться к будущему.

Ну вот, кажется, и все новости. Как с рассказами? Что сказали в Лендетгизе? Я пока придерживаю, тороплюсь закончить японщину и возьмусь за них вплотную.

Привет тебе от всех, целую, твой Арк.

Большущий привет маме. У меня к тебе просьба такого рода (строго конфиденциально): сделай маме на день рождения подарок от нашего с тобой имени — что-нибудь пограндиознее, отпечатай на машинке адрес и подпишись за меня.

Письмо Аркадия брату, 18 мая 1960, М. — Л.

Дорогой Боб!

Спешу ответить. Высылай всё «Возвращение», а также введение к третьей части трилогии, которое — помнишь? — я тебе присылал как проект для газеты — где Быков провожает Ляхова в Первую Межзвездную. Пришли также черновики нового варианта «Гиг. флюктуац.». На Лендетгиз можно в общем начхать, хотя я сегодня видел в нашем Детгизе аннотацию на этот их сборник, где значимся мы. Но, повторяю, мне на них хочется наср. С ними считаться больше не буду, пригляжу, куда можно просунуть «БП».

Была уже верстка «Шести спичек» — быстро работают — и гранки в «ЗС» — называется «Ночью на Марсе». Каково? И не изменишь. Вообще, изрядно поусекли рассказ. Это, впрочем, меня не шибко тревожит, поскольку вот-вот выйдет Молодогвардейский сборник, где всё в порядке.

Получил письмо из Румынии — просили автобиоданные, будут нас печатать в своей «Науке и технике». Послал.

Матерьяльчик на Кавказе валяй набирай, смотри там, будь осторожен. Если здесь что-нибудь выйдет — пошлю. Кстати, когда примерно ты

вернешься? Отпиши перед отъездом.

Вот всё. Привет маме и Адочке.

Целую, Арк.

Летом этого года БН отправляется в командировку, где выполняет пожелание брата «Матерьяльчик на Кавказе валяй набирай» и о которой вспоминает:

Из: Беседа БНС с «люденами», 1993

У меня сохранились до сих пор очень забавные дневники. Недавно, кстати, нашел. Как раз в 1960-м году летом я на несколько месяцев поехал в экспедицию на поиски места для так называемого Большого Телескопа в район Северного Кавказа. И вот четыре месяца я там как проклятый вкалывал и вел дневники: по ночам, когда были дождливые ночи и наблюдать было нельзя, но надо было всё равно сидеть и дежурить — вдруг небо возникнет. Я, помню, сидел в «газике» и вел дневник311. И поскольку было скучно, я придумывал разные сцены для «Возвращения». Сохранились вот всякие там... Что вошло в «Возвращение», что не вошло. А потом Аркадий Натанович... Значит, мы договорились с начальником экспедиции, что он меня на месяц отпустит, и я поехал в Ленинград, и мы с Аркадием Натановичем написали то, что

было придумано за это время.

Из: Беседа БНС с «люденами», 1996

Б. Н.: А я вам рассказывал, что вот этот эпизод на Дионе — это перенос в фантастику совершенно реальных событий, которые имели место в так называемой горной обсерватории? В Кисловодске. Я там был в экспедиции. Там была примерно такая ситуация, только директор... Не будем называть имен... Там был директор, который держал весь состав экспедиции в кулаке, используя при этом такого маленького, ловкого, хитрого подонка, который старательно, по указанию директора, ссорил между собой разных людей. И директор выступал как некий бог Саваоф: мирил, указывал. Я тогда молодой ведь совсем был человек, и эта история настолько потрясла. Я считал, что в наше время это просто невозможно... Шестидесятый год. Мне было двадцать семь лет. В общем, не такой уж молоденький, но для меня это был очень страшный удар.

Ю. Флейшман: Так вы сыграли роль Бородина?

Б. Н.: Нет, я никакой роли, конечно, не играл. Конечно. Я просто выслушивал все стороны.

Ю. Флейшман: И Юрковского там не было?

Б. Н.: Юрковского там не было.

М. Якубовский: Роль этого местного Кравца была уже понята в коллективе, да?

Б. Н.: Да, конечно. Но они ничего не могли сделать. Они были затравлены, запуганы, они мне жаловались, мне просто — не как человеку, который может что-то сделать, а просто душу отводили.

В. Казаков: Борис Натанович, а финал известен? Реальной истории...

Б. Н.: Ничего там особенно страшного не произошло, никто не кончил жизнь самоубийством, а они так и гнили там, насколько я знаю, до тех пор, пока директора обсерватории не сменили. <...> И получилось, конечно, очень страшно, когда вот так вот, в отдалении... Связь там осуществлялась несколько раз в году всего, и они там живут. Интеллигентные люди. С высшим образованием. Астрономы! Небеса должны были обрушиться!

Там же БН «познавал жизнь», не только анализируя взаимоотношения между сотрудниками обсерватории. Были встречи и поудивительней. Напомним: БН, в отличие от АНа, изучившего глубинку (жизнь там и людей, там обитающих), за исключением военного детства, жил в Ленинграде: школа, университет, обсерватория. Круг общения был соответственным:

собратья-студенты, преподаватели, коллеги по обсерватории...

Из: БНС. Больной вопрос

Попробуйте доказать вору в законе, что трудиться — хорошо, а воровать, наоборот, плохо. Он же с младых ногтей знает, что работать — скучно, тяжело и вообще западло, а воровать — интересно, весело, кайфово и фартово.

Попробуйте доказать шарообразность Земли человеку, который с младенчества твердо знает, что Земля — плоская...

С ворами мне, слава богу, дискутировать не доводилось, а вот насчет шарообразности Земли я, помнится, целый вечер проговорил с младыми сынами гор — на наблюдательной площадке нашей экспедиционной группы, расположившейся на вершине горы Харбаз, в тридцати километрах от Эльбруса, под великолепным южным небом, на котором все было для лекции по космографии: и звездные бездны, и Юпитер, и Луна, и даже Сатурн с чрезвычайно удобным разворотом своих колец... и под рукою, тут же, имел место превосходный ТЭМ-140, экспедиционный «максутик» с великолепным качеством изображения и тридцатикратным увеличением.

Сыны гор — молодые, жилистые, горбоносые, уважительно-вежливые — внимательно и с безусловной доброжелательностью слушали мою лекцию, заглядывали в окуляр, обменивались гортанными замечаниями, а потом вдруг спросили: почему, когда смотришь в трубу, не видно Чабана, Который Сидит На Луне? Какого чабана? А ты посмотри: видишь, на луне Чабан сидит — вот его нога, вот голова, вот баран рядом с ним... А в трубу ничего этого не видно. Почему, а?..

И вот именно по ходу последовавшей за этим дискуссии и было мне объявлено, что Земля, конечно же, плоская... Как это — шар? Почему шар? Плоская! Посмотри, это же и так видно, даже без твоей трубки — плоская, как лепешка...

О, это был поучительный разговор!

Два вопроса, помнится, мучили меня тогда на протяжении всей дискуссии и мучают до сих пор.

Вопрос первый: как сумели эти славные советские молодые ребята, окончившие десятилетку... отслужившие действительную... («комсомольцы... спортсмены... красавцы, наконец!») — как ухитрились они сохранить в неприкосновенности эти свои вполне средневековые представления об устройстве Мира?

И вопрос второй: как объяснить человеку, убежденному, что Земля плоская, как растолковать ему, что форма земной тени на поверхности Луны (во время лунных затмений) есть самое убедительное доказательство шарообразности нашей родной планеты? (Действие происходило в 1960 году, и на авторитет Гагарина я сослаться тогда еще не мог.)

Там же был начат ПНВС, о чем БН рассказывал так:

Из: БНС. Комментарии

А практически все началось с дождливого вечера на Кисловодской Горной станции, где дружно изнывали от скуки два сотрудника Пулковской обсерватории — м. н. с. Б. Стругацкий и старший инженер Лидия Камионко. На дворе стоял октябрь 1960 года. БН только что прекратил труды свои по поискам места для Большого Телескопа в мокрых и травянистых горах Северного Кавказа и теперь ждал, пока закончатся всевозможные формальности, связанные с передачей экспедиционного имущества, списанием остатков, оформлением отчета и прочей скукотищей. А Л. Камионко, приехавшая на Горную станцию отлаживать какой-то новый прибор, отчаянно

бездельничала по причине полного отсутствия погоды, пригодной для астрономических наблюдений.

И вот от скуки принялись они как-то вечером сочинять рассказик без начала и конца, где был такой же вот дождь, такая же тусклая лампа на шнуре и без абажура, такая же сырая веранда, заставленная старой мебелью и ящиками с оборудованием, такая же унылая скука, но где при всем при том происходили всякие забавные и абсолютно невозможные вещи — странные и нелепые люди появлялись из ничего, совершались некие магические действия, произносились абсурдные и смешные речи, и кончалась вся эта четырехстраничная, вполне сюрреалистическая абракадабра замечательными словами: «ДИВАНА НЕ БЫЛО!!!»

И еще один полезный навык БН привез из этой экспедиции:

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

— С каких времен Вы за рулем?

— С 1960 года, с времен экспедиции на Северный Кавказ. Тогда шли активные поиски места для строительства 6-метрового сверхтелескопа-

рефлектора, который сейчас стоит недалеко от станции Зеленчукская. Телескоп еще делали на заводе, а мы тем временем в нескольких районах Советского Союза производили изыскания — где наилучший для астрономических наблюдений климат, где наименьшие мерцания, где самая спокойная атмосфера, самая высокая прозрачность и так далее. Был специальный цикл таких экспедиционных наблюдений летом 1960 года, и около четырех месяцев я провел на Северном Кавказе в поисках этого наилучшего места. Вообще, было организовано несколько подобных экспедиций: две на Северном Кавказе, одна в Туркмении, одна на Дальнем Востоке и еще где-то. И в конце концов место выбрали — правда, не то, которое рекомендовала наша группа, а то, которое нашли наши соседи. Там сейчас этот гигант и стоит вот уж без малого сорок лет... В нашей экспедиции было две автомашины (грузовик и «козел»), и, конечно, удержаться от соблазна «поводить» было совершенно невозможно. К тому же оба наши шофера охотно и с удовольствием обучали желающих. Именно тогда я и начал водить и вожу вот до сих пор.

Примерно в это же время АН переходит работать в Детгиз. Об этом вспоминает Нина

Матвеевна Беркова.

Из: Беркова Н. Воспоминания

Мне, Берковой Нине Матвеевне, очень повезло — я была не только редактором таких произведений Стругацких, как «Понедельник начинается в субботу» («Детская литература». М., 1965); «Полдень, XXII век (Возвращение)» («Детская литература». М., 1967); «Обитаемый остров» («Детская литература». М., 1974), но мы вместе с Аркадием работали в издательстве Детгиз (в 1957–58 гг.). Мы были коллеги-редакторы и занимались фантастикой.

<...>

Прекрасно помню нашу первую официальную встречу с Аркадием. Меня пригласила к себе «в кабинет» заведующая редакцией Мария Михайловна Калакуцкая (Аркадий уже был там) и, торжественно представив мне Стругацкого, объявила, что мы с ним коллеги, будем заниматься фантастикой и почему-то добавила: «Будете, как говорит присказка, «мы с Тамарой ходим парой», — вот вы и ходите».

Я посмотрела на своего напарника: высокий, широкоплечий, темноволосый мужчина без пиджака в темных брюках и черном свитере с

зеленым орнаментом. Он приветливо смотрел на меня через очки и улыбался. Кстати, надо сказать, Аркадий терпеть не мог носить рубашки с галстуками, костюмы и прочий, как он говорил, «официоз». Он всегда одевался очень просто: зимой — свитера, летом — рубашки в клетку (ковбойки), а как только появились джинсы, он предпочел их брюкам.

Мы пожали друг другу руки и отправились в коридор «выяснять отношения». Надо сказать, что в редакции разговаривать было трудно — тесно, и не хотелось никому мешать. Редакция занимала две комнаты, не считая «закутка», где расположилась заведующая редакцией. Перед дверью, ведущей в ее комнатку, сидела секретарша. Остальное жизненное пространство занимало еще четыре человека, в том числе и Аркадий. Вторая комната была также плотно заселена редакторами — нас тоже было четверо, а мой стол находился сразу у двери. Место для всех встреч, разговоров, обсуждений и прочих контактов находилось в тупике, в конце коридора, где стояли два видавших виды кресла. Именно здесь решались все проблемы: спорили, переубеждали, обсуждали рукописи с авторами, вели конфиденциальные беседы или, как теперь говорят,

находили консенсус.

Мы с Аркадием дружно зашагали туда и, наверное, представляли для окружающих довольно забавное зрелище: я едва доставала головой до плеча моего спутника. Наверное, поэтому он очень скоро стал называть меня «малыш» — особенно, когда находился под впечатлением более или менее стоящей рукописи, которую он читал.

<...>

Увлечение фантастикой в то время было велико, и «самотечные» рукописи шли без перерыва, потоком. Мы с Аркадием честно делили их пополам, хотя, надо признаться, что наиболее сложные, связанные с техникой, космосом, научными проблемами и т. д., он старался брать себе, а мне оставлял вещи полегче. Рукописи мы брали домой (в редакции были специальные «творческие» дни для работы дома), а через день мы обсуждали прочитанное и отбирали для дальнейшей работы.

Обычно наши обсуждения с Аркадием происходили таким образом: резко открывалась дверь и на пороге возникала высокая фигура Стругацкого.

— Пошли, — лаконично говорил он и буквально вытаскивал меня из-за стола. Огромными

шагами он направлялся к заветному тупику, а я, едва успевая, семенила за ним.

— Садись, малыш! — командовал он. — Ты не представляешь, какая рукопись! Как парень пишет! Ты только посмотри, вот здесь, например.

Я молча брала очередную «нетленку» и начинала ее листать.

— Вот, вот и вот! — Он тыкал пальцем в почти полностью перечеркнутую страницу, переписанную его, таким знакомым мне почерком. — Видишь, как это здорово!

После чего он вставал во весь свой немалый рост и ходил взад-вперед, искательно глядя сверху вниз на меня.

Каждый раз я восхищалась этим человеком, насколько щедро он, сам того не замечая, дарил свой талант другим и искренне верил, что это написал сам автор.

— Аркадий! Да это же все ты написал! — возражала я, зная, что он все равно будет настаивать на своем. И действительно, он был неумолим.

— Да ты посмотри — какая интересная мысль! — восхищался он. — Нет, надо обязательно помочь парню! Вот увидишь, какая получится классная штука...

В этих словах весь Аркадий — он умел находить

крупицу оригинальной мысли и, дополняя ее, доводить до гигантских размеров. Он помогал очень многим, а несколько рукописей сам редактировал.

По существующей у нас с ним договоренности, на редакционных совещаниях всегда докладывала, вернее — представляла рукописи я. Спокойно, без излишней восторженности, скорее сухо, поделовому, так что всем становилось ясно — это именно та тема и тот автор, что издательству нужны. И почти всегда мы добивались успеха. Ответственный момент представления рукописи доверить Аркадию было нельзя — он так хвалил своего подопечного, что это настораживало окружающих и вызывало ненужный, преждевременный интерес, а так — все тихо, привычно, спокойно...

Письмо Аркадия брату, 12 июля 1960, М. — Кисловодск, горная станция

Здравствуй, Боб.

Получил твое письмо. Рад, что тебе там нравится. В «Костер» писать не буду, пиши сам, ну их к чертям. БП пошла в альманах «Мир приключений», он сейчас сдан в производство. «Шесть спичек» жду со дня на день, так же и «Путь на

Амальтею». Работаю над «Возвращением», написал уже две главы. Так, просто взгляд и нечто, над ними надо еще работать. Буду писать дальше.

В Детгизе работы много, устаю, но зато страшно интересно. Работа с живыми и не очень почтенными авторами — это хорошая школа жизни. Сдал в производство книжку Гребнева — туда вошла повесть «Пропавшее сокровище» — про библиотеку Ивана Грозного и «Мир иной» — научная фантастика. Получилась хохма. Гребнев заключил договор и получил большой аванс под черновики этой повести. Дописывать ее пришлось мне. Говорят, получилось. И смеются. Сейчас взялся за «Звездного человека». Посмотрим.

Полагаю, что к сентябрю успею набросать все главы «Возвращения». Но дальше так работать нельзя. Верно, придется-таки тебе уйти с работы или нам плюнуть на писательство. Подумай об этом. Я, брат, слишком устаю. С другой стороны сидеть дома без работы я тоже не могу. Хотя бы потому, что я не дома. Это ты можешь себе позволить валяться неделями у матери на диване, ковырять в носу и размышлять. У меня это невозможно. Мне всё кажется, что все мною недовольны, что я должен куда-то водить детей

или заниматься с ними и прочая дрянь. А я не могу работать, когда такое чувство у меня висит на душе.

Ну, ладно. Целую крепко, твой Арк. Пиши.

О работе АНа по выпуску книги Гребнева он сам рассказывал «люденам» в 1990 году (см. НС-3), об этом же вспоминал БН:

БНС. Офлайн-интервью 16.07.04

В последнее время благодаря серии книг «Атлантида» к российскому читателю возвращается творчество советского беллетриста Г. Гребнева. Параллельно ходят слухи, что ряд произведений Гребнев написал в соавторстве с Вашим братом, Аркадием Натановичем. Называют повести «Мир иной», «Потерянное сокровище»... Вопросы: 1) Действительно ли Аркадий Натанович был соавтором Гребнева? 2) Какие именно произведения они написали вдвоем? Спасибо!

Илья Кочетков. Барнаул, Россия

В начале 60-х АНС работал редактором в Детгизе, и ему поручено было подготовить к печати сборник Гребнева. Гребнев к тому времени уже умер. Сборник находился в ужасающем состоянии — повести были написаны в лучшем случае наполовину, остальную часть рукописи состав-

ляли черновики и наброски, и с этим надо было что-то делать. В результате АНС практически переписал «Мир иной» и в значительной степени откорректировал «Пропавшее сокровище». Так что в этом смысле его, действительно, можно считать соавтором Гребнева. Он, помню, очень гордился этой своей работой. Ведь еще в школе он безумно увлекался предвоенной повестью Гребнева «Арктания», зачитал ее до дыр, заставлял читать меня, сделал множество к ней иллюстраций, даже, по-моему, пытался писать продолжение. И вот судьба так неожиданно свела его с Гребневым двадцать лет спустя. Прямо-таки какая-то каверинская история, в стиле «Двух капитанов»!

И еще об одной работе того времени в Детгизе рассказывал АН «люденам» в 90-м году (см. НС-3) — о пробивании рукописи никому в то время не известных бакинцев. Речь идет о книге Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Экипаж „Меконга“». Вспоминает об этом и один из авторов книги:

Из: Войскунский Е. Научная фантастика в Баку

Однако одно дело — рукопись на авторском столе, и совсем другое — она же на столе издательства.

Поскольку наш роман предназначался юному читателю, мы отправили рукопись в московское Издательство детской литературы — Детгиз. Очень долго не было ответа. Мы терпеливо ждали. Я, со своим тогдашним скромным литературным опытом, понимал, что «дикие», приходящие со стороны рукописи (их называют емким словом «самотек»), в издательствах не любят. Чаще всего их отдают «под зарез» внештатным рецензентам, а потом с отпиской, исполненной ледяной вежливости, возвращают авторам.

Но нам с Лукодьяновым повезло.

После долгого молчания пришло из Детгиза письмо от 24 августа 1960 года следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Мы с интересом и удовольствием ознакомились с «Экипажем „Меконга“». На наш взгляд, книга получается. Рукопись читается отлично, и вас можно поздравить с литературной удачей. Конечно (без этого сакраментального «конечно» таких писем не бывает), поработать еще придется немало. В повести остались длинноты, отдельные сюжетные несоответствия, случайные и ненужные мелкие отступления, неясности научные. Короче, в рукописи еще предостаточно неубранного

«строймусора». Тем не менее мы сочли возможным представить «Экипаж» на редакционный совет для включения в план. Рукопись в тематический план Детгиза включена. В ближайшие дни получите договор.

Итак, формальности позади. Нужно начинать работать с таким расчетом, чтобы окончательный вариант был на нашем столе к 15 декабря. Для этого необходимо:

а) Второй экземпляр рукописи — немедленно.

б) Выезд одного из вас в Москву для личных переговоров.

в) Тщательная проверка вами научной линии повести, чтобы на ней, линии, не осталось ни одной заусеницы, которые сейчас ее, линию, украшают (вернее, не украшают). Подробности при личной встрече. С приветом ст. редактор А. Стругацкий».

Стругацкий... Эта фамилия была нам знакома по рассказам в журнале «Знание — сила». Как раз недавно мы прочитали книгу братьев Стругацких «Страна багровых туч». Ну что ж, это большая удача, что наш «Меконг» попал в руки не просто старшего редактора, но старшего из братьев Стругацких.

Вскоре Аркадий Натанович прислал рецензию

на «Экипаж „Меконга“», написанную Юрием Рюриковым. Рецензия на семнадцати страницах представляла собой в высшей степени обстоятельный разбор романа.

<...>

К тому же Стругацкий прислал нам еще одну рецензию — Евгения Рысса. Она начиналась так: «Это хороший, интересный роман. Авторам не приходится экономить выдумку. Они щедры в материале, в сюжетных положениях, в характерах...» И далее: «В романе много событий, действие развивается стремительно, герои сталкиваются в напряженной борьбе, от романа трудно оторваться... Удалось самое важное: роман достоверен. Хотя с точки зрения рядового читателя события, происходящие в нем, поразительны — реальность обстановки и людей заставляет в них верить...»

Е. Рысс предлагал некоторую доработку текста, его пожелания были сходны с рюриковскими. Заключал рецензию словами: «Мне кажется, что вопроса — издавать роман или не издавать — не существует. Ясно, что издавать. Ясно, что роман — радостная находка в жанре научной фантастики, в котором за последние годы находки очень редки».

На последней странице рецензии была приписка Стругацкого: «Вот так-то, друзья. Ужасно рад за вас. Теперь работайте вовсю, с нетерпением (не только как редактор, но, гл. образом, как читатель) жду последнего окончательного варианта...»

А еще в письме Аркадий сообщил, что «Мекон-гом» заинтересовался журнал «Знание — сила».

<...>

Заведующая редакцией научно-художественной литературы Калакуцкая прислала грозное предупреждение: 15 декабря истек договорный срок сдачи рукописи. В Москву полетело наше покаянное письмо, адресованное Стругацкому: «Переработка занимает больше времени, чем мы предполагали... Ничего не поделаешь, критика пробудила в нас придирчивость к собственному детищу. Так что в опоздании виноваты не мы, а скорее — тт. Рюриков и Рысс. Рукопись пришлем в первых числах января... Очень обрадованы Вашим сообщением относительно «Знания — силы», нам этот журнал по душе; кстати, именно ему мы обязаны первым знакомством с Вами...»

Мы переписали заново всю первую, экспозиционную часть, значительно сократив ее, выбросив целую главу о «стиляжных» похождениях Валери-

ка Горбачевского. Многое переделали в третьей части. Сняли излишнюю «жирность» с характера Юры Костюкова, а Николаю Потапкину и Рите Матвеевой добавили переживаний, встревоженности. У Привалова стало меньше резонерства. Елико возможно мы решили противоречие между инженерным прагматизмом наших героев и масштабом открытия. Мы умяли рукопись до 30 авторских листов (так просил Стругацкий: «30 листов, non plus ultra»).

В первой половине января я прилетел в Москву с переработанным романом. В Детгизе познакомился с Аркадием Стругацким. Мне он понравился с первого взгляда: рослый усатый очкарик поднялся из-за стола с дружелюбной улыбкой, мы обменялись приветствиями, руки друг другу пожали, и тут он говорит: «Бойтесь женщин, падающих с теплоходов». Это фраза из «Меконга». И сразу у нас возникла, как я полагаю, взаимная приязнь. Я побывал у Аркадия дома, на Бережковской набережной, познакомился с его красивой белокурой женой Леной. Конечно, мы и водки выпили по случаю нашего знакомства, очень быстро превратившегося в дружбу.

Аркадий рассказал, как обстояло дело с нашей рукописью. Она долго лежала в шкафу, где томил-

ся, молча взывая к прочтению, самотек. Наконец она попала на стол Марии Михайловны Калакуцкой. Возможно, толщина двух папок, в которых пребывал «Меконг», ничего, кроме отвращения, у завредакцией не вызвала. Мария Михайловна позвала Стругацкого: «Аркадий Натанович, посмотрите эту рукопись, полистайте и напишите авторам ответ». Можно было не спрашивать, какой ответ она имела в виду. Аркадий унес папки с «Меконгом» домой и вечером стал «смотреть и листать».

— Вскоре, — рассказал он мне, — я перестал листать, а вчитался. И, знаешь ли, увлекся. Почти всю ночь читал. А на следующий день говорю Калакуцкой, что эту книгу надо издать. Мадам удивилась: «Да вы что? Никому не известные авторы». Я повторил, что роман интересный, надо издать. Ну, она велела дать на рецензию серьезному рецензенту. И я позвонил Юре Рюрикову...

* * *

Из нашего письма от 14 февраля 1961 г.:

«Дорогой Аркадий Натанович! Прежде всего поздравляем Вас с запуском ракеты в сторону Венеры: знаем, что это грандиозное событие особенно близко Вашему научно-фантастическому

сердцу. (Имелось в виду, что в романе братьев Стругацких «Страна багровых туч» действие происходит на Венере. — Е. В.)

Засим посылаем Вам набор тем для иллюстраций и кое-какие эскизики, которые, может быть, помогут художнику учесть наши образные представления. Если еще чего понадобится — напишите, и мы нарисуем...

Что слышно насчет одобрения и его последствий?..

С большим приветом Ваши друзья с Востока» (эту фразу мы написали по-азербайджански).

Из письма А. Стругацкого от 17 февраля 1961 г.:

«Дорогие друзья! Получил ваше письмо с эскизами. Да, совсем забыл. Прочитал повесть до конца. Отлично, братцы, просто отлично. Редактировать не хочется и, скорее всего, почти не буду. Портить только. Если вас это утешит, могу сообщить вам: читал повесть мой брат и соавтор и тоже весьма хвалил...

Так вот. Выписал вам одобрение, коли хотите — шлите в бухгалтерию №№ ваших текущих счетов, а справки о детях шлите незамедлительно.

Вот и все, что я хотел вам, так сказать, сообщить.

Засим... (следовала строка японских иерогли-

фов. Мол, вы мне по-басурмански, вот и я вам по-басурмански)».

Из письма А. Стругацкого от 6 апреля 1961 г.:

«Дорогие ребятки!

...С вашей рукописью все обстоит нормально. Сдал я ее в художественную редакцию — это прошло, хотя, как правило, они и слышать не хотят о рукописях будущего года. Естественно, однако, что, приняв, они не торопятся. А вы, братцы, не волнуйтесь. Все идет отлично и нормально. И если меня что-нибудь беспокоит в судьбе «Меконга», так это только судьба мекония, который я хочу во что бы то ни стало сохранить в книге.

В Москву, натурально, специально ехать смысла нет. Однако же видеть вас всегда буду рад, а при случае и пенника хватим и поговорим за проблемы...»

<...>

В ноябре того же 61-го мы с Лидой приехали в подмосковный Дом творчества Малеевку. Протоптанная в глубоких снегах тропинка уводила в еловый и сосновый бор, и на ней, конечно, были следы невиданных зверей (сиречь зайцев). Морозный воздух бодрил. Мы, измученные трудным летом, перевели дух.

После Малеевки я позвонил Аркадию Стругац-

кому, и мы встретились в ресторане «София». С нами были наши жены. Вспомнить тот застольный разговор во всех деталях я не могу, но помню, что мы сошлись на мысли, что фантастика не столько «литература мечты», как ее называли иные теоретики и практики этого жанра, сколько прием заострения, остранения действительности, столкновение человека с явлением странным, неведомым, но по сути социально детерминированным. Какие генеральные сюжеты преобладали в фантастике? Жестокий изобретатель страшного оружия рвется к мировому господству; космонавты высаживаются на дальних планетах и ведут борьбу с тамошними чудищами; человек, ищущий спасения, бежит от угнетающей действительности. Список, конечно, не полон. Но вот о бегстве, об эскапизме мы говорили, это я помню — однако я еще не знал, что братья Стругацкие недавно закончили новую повесть — «Попытка к бегству», определившую поворот их творчества к новым ориентирам.

* * *

Наше с Лукодьяновым письмо от 1 февраля 1962 г.: «Дорогой Аркадий Натанович!

Во первых строках выражаем надежду, что

заморская инфлюентная болезнь-испанка, ныне, после научных открытий, именуемая гриппом, Вас миновала, чего нельзя сказать о Лукодьянове. Дело в том, что он, будучи человеком обстоятельным, старается не пропустить ни одной эпидемии и уж тем более — пандемии.

Во вторых строках — проявляем нездоровое любопытство, извинительное для людей нашего положения. Должно быть, Вы, со свойственной Вам прозорливостью, уже догадались, на что мы намекаем. Так что не томите, отпишите нам за «Меконг»: где он нынче обретается, в каких друкарнях?

Фряжского екривана Жака де Бержьера читали, как он Вас с братцем Вашим на своем немецком языке выхваляет, отчего и нам плезир немалый, что-де нашего редактора и за морем чтут.

А еще кланяемся.

С апшеронским приветом...»

Почти одновременно, 2 февраля 1962-го, Аркадий нам написал:

«Дорогие друзья!

Рад сообщить вам, что «Экипаж» наконец прорвался через корректорскую (больше месяца его, сироту, терзали!) и сейчас чередом поплелся через техредов в типографию.

Вопрос ближайшего времени — примерно март — это верстка. Я — само собой, но мне очень бы хотелось, чтобы кто-нибудь из вас тоже посмотрел с тщанием и прилежанием верстку...

Сейчас перечитывал «Экипаж» и заходился от удовольствия. Отменная все-таки книга, озорная и умная. Ну, пока всего хорошего.

Ваш А. Стругацкий».

Еще через месяц: «Дорогие друзья!

Сим сообщаю, что «Экипаж» прошел все препоны и отправлен в печать...

Больше сообщить ничего не имею. Вот разве только — у нас создано литобъединение писателей-фантастов.

Женя, большой привет Вам и Вашей супруге от меня privatim и от Ленки.

Ваш А. Стругацкий.

Когда книга выйдет, приезжайте все. Напьемся — уф-ф-ф!»

В летний день 62-го пришла телеграмма о выходе «Экипажа „Меконга“». Лукодьянов вскинул седую голову и воскликнул: «Сбылась мечта идиота!»

Но до лета 62-го еще два года. АН только начинает работать в Детгизе, а БН по-прежнему находится в горах.

Письмо Аркадия брату, 26 июля 1960, М. — Кисловодск, горная станция

Здравствуй, Боб!

Письмо твое получил, спасибо. «Ш. С.» вышли — то есть, был сигнал и я достал контрабандой один экземпляр. Но посылать тебе не буду. Потерпи уж лучше до встречи. Деньги тебе выписаны, но переводить их отказываются, ссылаются на какие-то запрещения министерства. Я договорился, что ты в Москве получишь их наличными и под моей охраной отвезешь в Ленинград. На кой пес нам терять несколько сотен рублей на почту?

«ШС» выйдут в продажу только в сентябре. И только в сентябре же получится сигнал «ПнА». Там сейчас перегружена типография!

Нам готовят договор на «Возвращение», срок сдачи — ноябрь. Так что в сентябре придется изрядно поработать. И еще раз подумай об уходе на творчество. Иначе, боюсь, литературная карьера наша на «Возвращении» и закончится.

Напиши скорее, не изменилась ли обстановка с твоим отпуском. Да знать дай не за день, а за неделю по крайней мере. Надобно предупредить бухгалтерию.

Я тут в неустанных трудах по «Возвращению»

пребываю. Включил, между прочим, «БКА» как одну из глав, только нужно будет кое-что переработать. Написал пять различных глав. Остались еще три: «Телепаты», «Эпилог — ТВБ» и еще одна последняя. Думаю, к отпуску закончу. Чего нет в «В» — так это генеральной солнечной идеи. Вот что плохо. Ну, пока. Жму руку, твой Арк.

Договор с Детгизом на «Возвращение» имеет номер 15627 и подписан 4 августа. Из договора: «Содержание труда должно удовлетворять следующим условиям: В повести описывается Земля в 23 веке — наука, быт, техника и, главное, люди коммунистического будущего. <...> Упомянутый в § 1 труд автор обязуется сдать Детгизу в секретариат редотдела под расписку в готовом для печати виде, переписанный на пишущей машинке в двух экземплярах, не позже 1 декабря 1960 г.»

Тем временем в газете «Литература и жизнь» выходит очередная статья о фантастике, на этот раз — Генриха Альтова, где опять же есть и об АБС:

Из: Альтов Г. Курс — на человека

<...>

Даже погибая, герой успевает произнести научно-популярный монолог... А ведь иными стали

и средний уровень образования читателей, и сама направленность их знаний. Открыв роман, читатель уже с досадой пропускает очередную главу-лекцию. Да, в романе «С Земли на Луну» Жюль Верн посвятил изложению сведений о Луне целую главу. Для его современников эта глава была ничуть не менее интересной, чем приключения членов Пушечного клуба. Но сейчас распространением астрономических знаний занимаются и школа, и научно-популярная литература, и университеты культуры, и газеты, и радио, и кино... Так почему же, например, авторы недавно опубликованной повести «Страна багровых туч» Аркадий и Борис Стругацкие вновь применили устаревший, ненужный прием? Чуть ли не в самом начале повести вмонтирована пространная статья о Венере. Авторы так и говорят, что это статья из энциклопедии. По сухости языка и обилию цифр — это действительно энциклопедическая статья. Зачем она нужна в повести?

<...>

Герои научно-фантастических произведений отнюдь не случайно страдают «лекциоманией». В современной фантастике складываются два направления. Многие авторы считают, что главное — показать науку и технику завтрашнего дня,

сообщить возможно больше научно-технических сведений. Этим и объясняется обилие лекций.

В одном из номеров журнала «Знание — сила» опубликован рассказ А. и Б. Стругацких «Белый конус Алаида». Рассказ открывается таким эпиграфом: «Эмбриомеханика есть наука о моделировании процессов биологического развития и теория конструирования саморазвивающихся механизмов». Эпиграф весьма характерен, ибо весь рассказ представляет собой иллюстрацию к проблеме эмбриомеханики. Когда главными героями становятся саморазвивающиеся механизмы, то люди, естественно, отходят на второй план и изображаются с помощью незатейливых штампов. Например, надо показать бывалого человека. Как это сделать? Самое простое — внешним путем. Бывалые люди могут не иметь рук, ног, глаз... Так это и делают Стругацкие во всех своих рассказах. «Неожиданно заныло в правом боку, там, где не хватало двух ребер» («Белый конус Алаида»); «...трех пальцев и половины ладони у секретаря не было» («Страна багровых туч») и т. п. Примечательно, что почти в каждом рассказе Стругацких ярко, подчас талантливо, описаны новые машины, а вот люди — в основном — отличаются количеством отсутствующих ребер...

<...>

В 1958 году пулковский астроном Н. Козырев выдвинул новую гипотезу о природе времени. Одним из следствий этой гипотезы было утверждение, что время может превращаться в энергию. Сразу же появился научно-фантастический рассказ А. и Б. Стругацких, иллюстрирующий эту гипотезу. Однако теперь гипотеза Н. Козырева решительно отвергается учеными. Как же быть с рассказом? Ведь он, главным образом, состоит из таких рассуждений: «Энергия выделяется в виде «протоматерии» — неквантованной основы всех частиц и полей. Потом протоматерия самопроизвольно квантуется — частично на частицы и античастицы, частично на электромагнитные поля. А частично вступает во взаимодействие с окружающей средой...»

«Научно-популярная» фантастика иллюстративна. Ее герои — не люди, а научные гипотезы, машины, механизмы. Именно поэтому авторы заботятся не о выразительности языка, а о точности научной терминологии.

<...>

Актуальная задача фантастики — решительно взять курс на человека. Пусть в фантастике будут новые научные идеи. Пусть авторы при-

думывают машины будущего. Но пусть все это будет фоном, декорацией, реквизитом. А играть должны люди.

Автор статьи еще не раз появится в следующей книге — позже АН познакомится с ним и вступит в активную переписку, иногда к ней будет подключаться и БН. Об этом вспоминает БН:

БНС. Офлайн-интервью 04.12.00

Как Вы относитесь к Стратегии Творческой Личности Генриха Альтшуллера? Знакомы ли Вы с ним? Приходилось ли спорить о проблемах творческого существования человека в антитворческом мире?

Борисов Сергей. Шадринск, Россия

Мы были знакомы с Генрихом Сауловичем и относились к нему с большим уважением, хотя чисто литературные вкусы и представления у нас с ним были весьма различны. Где-то в архиве у меня хранится целая переписка по поводу того, какой должна быть литература и в чем ее назначение. Можно было бы ее опубликовать, но там много личных выпадов против писателей, которые и сегодня живы и работают — Генрих Саулович был человек в своих оценках жесткий и даже жестокий.

Отрывки из этой переписки будут представлены на страницах следующего тома «Писем и рабочих дневников».

Между тем экспедиция БНа заканчивается, он прилетает в Москву. У АБС уже договорено: они тут же едут поездом в Ленинград — работать! Но самолет задерживается, и АН уезжает в Ленинград без брата, оставляя ему дома такое письмо:

Письмо Аркадия брату, сентябрь 1960, М.

Привет великому летчику.

Я с Машкой выехал, как ты мог легко заметить. Тебе надлежит:

а) Помыться и привести себя в порядок (по указанию Ленки или Екатерины Евгеньевны).

б) Взять в зубы прилагаемый билет и мчаться на вокзал с требованием заменить его на новый, ссылаясь на опоздание самолета. (Можно и не ссылаться — просто сдашь билет и купишь новую плацкарту.)

в) Поедешь в Детгиз (М. Черкасский 1, Дзержинское метро, в том же здании направо за углом), на 3-й этаж, направо в самый конец в бухгалтерию. Там себя назовешь и, вероятно, получишь деньги. Если не получишь (не исключено, что их

уже сдали в банк), тогда выйди, найди первую попавшуюся сберкассу, положи на нее 10 рублей и затем, вернувшись в бухгалтерию, подашь заявление о переводе на эту новую книжку. Позже, в Л-де, попросишь перевести на свою Пулковскую книжку.

г) Прежде всего — раньше даже, чем помоешься, позвони в Ленинград. И дай телеграмму, я тебя встречу. Нынче я тебя навстречался по горло, но хочется еще.

Кстати, можешь взять мою старую машинку — мне подарили на день рождения новую — а старая хоть и с мелким шрифтом, но еще весьма надежна. Советую настоятельно. Ну, всё. Целую, твой Арк.

P. S. В случае же, если ты приедешь часов в 23–00 или даже позже — мчись бегом на вокзал сразу же, сядешь если и не на Стрелу, то на поздний дизель.

АБС сначала работают вместе в Ленинграде, затем — в Москве. И, расставшись, возобновляют переписку.

Письмо Аркадия брату, 6 октября 1960, М. — Л.

Дорогой Боб.

Был в «Мол. Гв.», сигнал «Амальтеи» утвержден,

книжка получилась непривычно небольшая, аккуратненькая, но не впечатляющая. Редактор говорил, что виновата типография — очень обледнена обложка. А вот тираж нам закатили ужасный, как Шолохову — 315 тыс. В ближайшее время получу авторские и заказанные за свой счет, тогда вышлю тебе сразу экземпляров пять.

Теперь так. После твоего отъезда на следующий день пришло письмо из Мосфильма. Нам предлагают экранизировать «СБТ». Я дал предварительное согласие. Сейчас сижу на Мосфильме, жду редактора и пишу тебе, чтобы время скоротать. Буду вести переговоры, а ты тем временем шли свои соображения.

Вот пока всё. Очень жду тебя к себе, дружище.

Крепко целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 13 октября 1960, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Ты, наверное, уже получил — или скоро получишь — бандероль с «ПНА». Ничего получилась книжечка, ничеГё. Есть глупые опечатки, да бог с ними. Ну вот, третья наша книга.

Теперь о главном. Я подписал с Мосфильмом договор в соавторстве с режиссером Журавлевым (тот, что ставил «Космический рейс» в 1934-м и

«Пятнадцатилетний капитан») на экранизацию «СБТ». Денег это нам принесет не очень, но мы научимся писать сценарии, а самое главное — начальство там очень ухватилось за эту идею Журавлева. Было уже первое обсуждение, и тут же, не сходя с места, подписали договор и дают аванс. Совсем как «Шея»312. Теперь вопрос вот в чем. На обсуждении «СБТ» на коллегии министерства выяснилось, что в Л-де уже делают фильм по «Планете бурь» Казанцева313. Министерство сумлевается, стоит ли делать сразу два фильма о Венере. Фурцева сказала, что это бы ничего, но все-таки как-то неудобно. Она умная женщина и оставила этот вопрос на совесть самих киношников. А киношники усомнились и просят нас на всякий случай переменить планету. У меня возникла идея Ганимеда или Титана, а равно идея Нептуна. Можно бы взять Плутон, как ты думаешь? Поразмысли и отпиши подробнее. Надо пойти киношникам навстречу. Сценарий Казанцева ужасен. Все бешено его ругают за «испортил тему».

Теперь о литературе. В Л-д я решил послать «Погружение», а не «ЗЗН». В «Вокруг Света» в 1-м номере будут «СЛ». Всё. Жму руку, целую, твой Арк.

Тем временем БН пробивает в Лендетгизе издание рассказов АБС («Свечи перед пультом» выйдут в сборнике «Янтарная комната» в следующем году).

Письмо БНу из Лендетгиза

Уважаемый Борис Натанович!

Направляю Вам рукопись «Свечи перед пультом». Очень прошу, обратите внимание на мои пометки на полях. С чем Вы согласны — исправьте.

Мне хотелось прояснить-таки вопросы. (Извините за безграмотность.)

1. Для чего сохранять мозг всех людей.

2. Нужна ли такая разница в разговорной речи у людей будущего (подчеркнутая) — водителя, оператора и океанолога.

3. Правилен ли у Вас подсчет — ск. людей работали у пульта. Мои подсчеты (м. б. неправильны) дают какие-то странные цифры.

С уважением [подпись]

P. S. Жду ответ и рукопись в 2-х экз. как можно скорее. И очень сожалею рассказ о космосе.

Письмо Аркадия брату, 25 октября 1960, М. — Л.

Здравствуй, Боб. Отвечаю на вопросы:

1. Относительно Союза СП ничего пока не выяснял — не с кем было и некогда. Нынче еду к Томану — я редактирую его книжку — и постараюсь выяснить.

2. Кассель, естественно, «В» не читал — он в Ессентуках и будет только после праздников. Он болел и уехал в отпуск за день до моего возвращения.

3. В ленинградский сборник ПуРО, а не ЗЗН потому, что так было сподручнее. ПуРО можно было отдать на машинку без дополнительной редактуры. Ничего, переживут. А не возьмут, то и не надо.

4. Оговоренные нами поправки и многие другие в «В» ввел, за исключением «волосатых и четвероногих» — понимаешь, когда перечитывал, увидел, что и без того отлично закончена глава. Было бы противоестественно вставлять. И вообще я переделал весь строй книги. Теперь она выглядит следующим образом:

Гл. первая: Двое с «Таймыра».

Реминисценция.

Перестарок.

Хроника.
Двое с «Таймыра».
Гл. вторая: Известные люди.
Реминисценция.
Злоумышленники.
Самодвижущиеся дороги.
Скатерть-самобранка.
Известные люди.
Гл. третья: Десять лет спустя.
Реминисценция.
Свечи перед пультом.
Десантники.
Моби Дик.
Естествознание в мире духов.
Гл. четвертая: Благоустроенная планета.
Реминисценция.
Погружение у рифа Октопус.
Благоустроенная планета.
Загадка задней ноги.
Свидание.
Гл. пятая: Какими вы будете.
Реминисценция.
Какими вы будете.

При этом, естественно, пришлось вносить по ходу редактирования некоторые исправления. Между прочим, Костылина в ПуРО я сделал одним

из четверки злоумышленников, вместо Лина. Реминисценции написал почти все из того, что сам видел и знаю, за исключением сцены с политруком и эсэсовцами.

Сегодня сдаю рукопись на машинку, а затем сразу попрошу заведующую отдать ее на рецензирование, не дожидаясь Касселя.

С фильмом дела движутся, получен аванс, две трети своего я отдал Журавлеву, так что сдеру с тебя треть. Журавлева ужасно мучает мысль о том, какую планету выбрать. А я, посоветовавшись с одним сильным консультантом, предложил новую идею. Дело в том, что поход за сокровищами с самого начала представлялся мне немного мочевым. Ну скажи на милость, какие сокровища могут оправдать такой риск и такие жертвы? И вот у меня вышла гениальная мысль. На Земле готовятся начать грандиозные работы по использованию неисчерпаемых источников энергии глубин нашей планеты. Но никто не знает точно, каковы эти глубины. Хотят строить сумасшедшую шахту до центра Земли, но это дорого и рискованно. А на Плутоне сама природа поставила исполинский эксперимент — ударила в него метеоритом из антивещества и вывернула планету наизнанку. И вот к этой природной

лаборатории и послан фотонный корабль. Не во имя сомнительных сокровищ, а ради утверждения космической роли человечества летят наши герои и переживают опаснейшие приключения. И зрелище планеты, вывернутой наизнанку! А?

О делах текущих. Читал гранки «Искателя» наши «СпП». НичеГё. Первый номер «Вокруг Света» собирается публиковать «Странных Людей» — пришлось сократить на треть — всю первую главу и кучу подробностей внутри. Не жалко. Даже лучше. Пришла сверка «БП» в Альманахе. Техреды просят дописать еще строчек пятнадцать. Попробую.

Вот и всё. Жду писем, а особливо жду тебя. Пока неизвестно, когда ты будешь, трудно что-нибудь сказать о встрече на высшем уровне. Ведь Ленка работает. Встретиться можно только у нас в Москве. Это было бы смачно.

Целую, твой Арк.

«Реминисценции написал почти все из того, что сам видел и знаю, за исключением сцены с политруком и эсэсовцами». Если судить по «строю» «Возвращения», первоначально планировались пять реминисценций. Исходя из упоминаний в письмах, а также из рецензии К. Андреева (см. ниже) можно «вычислить» их. Итак:

— политрук и эсэсовцы (или первый военный эпизод по Андрееву);

— еще один военный эпизод;

— как студентов, прямо с лекции, гонят разгружать дрова;

— эпизод с цунами;

— эпизод с японцем-браконьером.

«Политрук и эсэсовцы» — это рассказ Тимофея Евсеевича Сыщенко БНу во время командировки на Северный Кавказ. Вот его запись из экспедиционного дневника БНа: «Двое немцев держали политрука, завернув ему руки за спину, а третий срывал с него петлицы, срезал пистолет, рванул ворот. Он выстрелил из автомата, и все четверо упали, а он побежал в кусты. Немцы издевались над политруком. Он не знал, правильно ли сделал. Это были его первые». БН уточнил составителям: «Он (рассказывая) особенно напирал на то, что немцы бы политрука обязательно запытали, так что он, Т. Е., поступил совершенно правильно». Этот эпизод был использован в ГО.

Второй военной реминисценцией может быть «Взятие самурайского меча» (совсем не в правилах АБС было отказываться от написанного, даже под давлением обстоятельств, и потому часть подготовленных реминисценций позднее вошла

в «Дни Кракена», где они именуются «интродукциями»). Это рассказ сокурсника АНа по ВИИЯ Андрея Николаевича Спицына. Вот изложение БНом рассказа Спицына: «Маньчжурия. Спицын вместе со всей Советской Армией врывается в некий город. Идет по пустынной улице. Один. В доме напротив распахивается дверь — на пороге возникает самурай с обнаженным клинком наперевес (все как положено: каменное лицо, а перед лицом — двуручный меч вертикально вверх и такой же твердый, как и лицо). Спицын срывает с плеча винтовку. Самурай бежит на него. Спицын стреляет. Самурай (верхняя половина туловища с мечом — совершенно окаменелая) продолжает бежать. Спицын стреляет. Самурай бежит. Спицын стреляет беспорядочно — самурай вдруг останавливается и валится навзничь. Спицын забирает себе меч. Теперь меч красиво висит в комнате Спицына в Москве. Это — каноническая форма рассказа, повторенная неоднократно. За что купил, за то и продаю».

Возможно и иное предположение: второй военной реминисценцией мог быть кинематографически-картинный эпизод из того же «Кракена»: «Я в то время был под Одессой, и при контратаке у Сухого Лимана румын проломил мне нос

прикладом. Огромный заросший румын в желтой шинели с тусклыми пуговицами. Его тут же приколол маленький черноглазый матрос с окровавленной головой. Матрос тогда крикнул: «Живем, салага!» Через минуту его убили». Вероятно, поведавший АНу эту сцену видел ее вживую. Сухой Лиман — это мелкий (тогда), но длинный водоем в двух десятках километров от Одессы. Собственно, как и все одесские лиманы, это остаток устья полупересохшей речушки. Бои тут были очень тяжелыми как в августе-сентябре 41-го, при героической обороне Одессы, так и в апреле 44-го при ее освобождении. Желтая румынская шинель (запомнившаяся многим жителям оккупированной Одессы — столицы румынской «Транснистрии») и небритость румына говорят, скорее, об апреле 44-го. Добавим, что сейчас на Сухом Лимане расположен город и порт Ильичевск. Тут живет один из составителей этой книги.

Третья реминисценция — о том, как студентов, прямо с лекции, гонят разгружать дрова (вероятно, она же в терминах ДК интродукция, конспективно изложенная одной фразой: «притча о пленном немце, которому студенты дали покурить»). БН уточнил нам: «Рассказ АНа. Эта интродукция была, помнится, написана. Деталей

не помню: холодный слякотный день, жалкий немец — ощущение неловкости происходящего...»

Четвертая — эпизод с цунами. Эта реминисценция приведена здесь ранее.

Пятая реминисценция — это некий «эпизод с японцем-браконьером». Возможно, что-то из нее позднее вошло в ХС, там, где упоминается шкипер с «Коньэй-мару».

3 ноября АБС заключают договор с издательством «Молодая гвардия» на сборник ПНА. В договоре за № 4963 обозначен редактор книги: Б. Клюева. Со стороны издательства он подписан главным редактором Бояркиной Валентиной Анатольевной. Содержание книги в договоре обозначено так: «Сборник научно-фантастических повестей и рассказов о космических полетах будущего».

«Начато в ноябрьские праздники 1960 г.» — так озаглавлен очередной план «Стажеров», который отличается от окончательного тем, что у стажера фамилия «Чибисов», начинаться повествование должно было с главы «На стартовом спутнике», а некоторые из глав включали в себя отдельные рассказы от имени Ивана Жилина: «Суета вокруг дивана», «Сказка о желании», «Гигантская флюктуация».

Письмо Аркадия брату, 18 ноября 1960, М. — Л.

Дорогой Бобик.

Тороплюсь сообщить первые данные относительно «В». К моему ужасу, первому на рецензию дали Кириллу Андрееву. Тому самому, который, как говорят, не похвалил еще никого в жизни своей. Томительные дни, и вот я его встречаю. Одним словом, всё отлично. Ему вещь очень нравится, он ее прямо-таки расхвалил. Рецензия письменная будет через день, копию вышлю не замешкав.

Теперь о кино. Промудохавшись с Журавлевым неделю над разного рода подробностями и посмотрев «Молчаливую звезду»314 Лема (дерьмо свинячье, что меня, впрочем, обрадовало), решили заняться сценарием вплотную и закончить его в две-три недели. На твою долю выпадает следующее:

Эпизод 11: Штурм Голконды (начиная с выхода танка к берегам Дымного моря и кончая возней Быкова с дезактивацией и водой).

Эпизод 12: Выполнение задания (установка маяков, автоматических лабораторий).

Эпизод 13: Гибель танка (задание выполнено, день рождения, ссора, все наружу, красный ту-

ман, взрыв).

Эпизод 14: Марш в сто пятьдесят и т. д. шагов.

Теперь так. Может быть, оставим Хиус пустым и возьмем Мих. Ант. в экспедицию? Ведь на Хиусе ничего не происходит. Дальше. Столкновения Быкова с Юрковским в виде усталой, но веселой и злой пикировки. И с первых же кадров начинай столкновение Юрковского с Ермаковым, в нарастающем темпе, с взрывом в день рождения.

Пиши достаточно подробно, по три-четыре страницы на каждый эпизод, с описанием природы, со всеми репликами, с выражениями лиц и пр.

Для примера посылаю тебе страничку безобразного Журавлевского текста. Надо делать лучше, но в таком плане.

Вот и всё. Крепко обнимаю и целую маму и Адку.

Жму ногу, Арк.

Отпиши срочно.

Копия рецензии К. Андреева сохранилась:

Андреев К. Рецензия на «Возвращение»

Братья А. и Б. Стругацкие написали очень интересную и очень талантливую книгу. Хочется говорить об этой рукописи именно как о книге,

так как нет никаких сомнений в том, что ее следует немедленно издавать. И вместо оценок и рекомендаций хочется просто поздравить издательство с большой удачей.

Произведение это только условно может быть названо повестью. Оно не имеет единого стержневого сюжета и состоит из целого ряда совершенно самостоятельных рассказов. В то же время, однако, они все же объединены: иногда — действием, чаще — проходящими через несколько рассказов теми же героями, и всегда — единой мыслью и темой. Тема эта — жизнь и труд будущего коммунистического человечества очень близкого для нас (психологически) двадцать второго века.

Эту книгу нельзя назвать произведением о будущем коммунистическом обществе. Здесь нет широких обобщающих картин, рисующих общественные организации и социальный строй освобожденной земли и содержащих исчерпывающий анализ психологии наших отдаленных потомков. Не рассказано здесь и о многих других — и очень важных — проблемах, с которыми столкнется коммунистическое человечество через два века. Но зато мы видим здесь воплощенные в очень убедительные и зримые образы, хотя и нарисованные беглыми штрихами, кар-

тины жизни этого близкого будущего и, главное, людей — в их труде, отдыхе, личных отношениях, узнаем об их радостях и горестях, о тех трудностях, с которыми неминуемо будет сталкиваться человечество во все фазы своего существования, и о счастье победы, которое освещает наш собственный путь в будущее.

Быт двадцать второго века, труд обитателей этого великолепного мира, воспитание молодежи, благоустройство собственной планеты и освоение чужих миров, радость творческого труда — такого, «чтобы было весело и трудно», как говорит один из героев, — все находит место в произведении братьев Стругацких. Но, в то же самое время, эта повесть глубоко современна: проблемы освоения целины (пусть, на Венере), зондирование коры и мантии Земли, взаимоотношения машины и человека, тема героизма и самопожертвования ради науки и людей — все это волнует и нас и возвращает читателя в наше время. В этом — большая сила книги братьев Стругацких.

Этот очень привлекательный мир, в котором хочется жить, очень густо населен людьми будущего. Целый ряд ярких образов — и героев и скромных тружеников — проходит по страницам

повести: двое с Таймыра (Кондратьев и Лурье), звездолетчик Горбовский, океанолог Званцев, генерал-директор Бадер, биолог Сидоров, кибернетист Павел Рудак, зоопсихолог Мбога, охотник Харин... Даже второстепенные персонажи очерчены очень ярко. Хорошо показана молодежь — в рассказах «Самодвижущиеся дороги» и «Загадка задней ноги».

Написана повесть живым, мягким разговорным языком, очень современным и весьма далеким от того возвышенного и цветистого слога, что до сих пор бытует в нашей научной фантастике.

Очень богатая фантазия авторов дала им возможность рассыпать по страницам повести целый фейерверк научных идей и смелых технических новшеств. Все они находятся на путях дальнейшего развития современной науки, хотя они иногда чересчур смелы. Однако авторы нигде не углубляются в описание или научно-популярное истолкование всех этих фантастических чудес. Для них это — лишь величественный фон, на котором еще ярче проектируются люди будущего.

Авторы, выпустив уже три книги, в значительной степени овладели профессиональным

мастерством. Однако повесть «Возвращение» не лишена значительных недостатков — правда, не органических, а зависящих от ее незавершенности.

Композиция повести носит, если можно так выразиться, «хронологический» характер: рассказы следуют один за другим в порядке их написания. От этого повесть лишена стройности и ее внутренний сюжет развивается несколько конвульсивно.

Само название «Возвращение» — совершенно случайно, оно никак не может быть оправдано всем содержанием произведения. По-видимому, оно первоначально относилось к первым двум рассказам, где повествуется о возвращении из космического путешествия звездолета «Таймыр», за время отсутствия которого на Земле прошло свыше ста лет. Потом это название было механически распространено на всю книгу.

Совершенно не оправдано деление повести на пять глав: рассказы, объединенные в одной главе, часто не имеют внутреннего единства, а названия глав не покрывают содержания рассказов. Естественно, напрашивается решение, отбросив главы, оставить только отдельные рассказы.

Совершенно нелогично первая глава «Двое с

Таймыра» делится на два рассказа: «Перестарок» и «Двое с Таймыра». По внешним и внутренним признакам это — одно произведение. Это, кстати, подтверждает и размер главы (19 страниц), примерно соответствующий размеру других рассказов.

Через всю повесть проходят лишь три героя: Кондратьев, Лурье и Горбовский. Естественно, в целях художественной экономии, уменьшить количество героев, объединяя их в одно лицо — ведь чем меньше героев, тем больше места он имеет для действия и раскрытия своего характера. Было бы целесообразно второстепенных персонажей делать главными героями, как это авторы и делают в отдельных случаях.

Особенно это заманчиво по отношению к школьникам из рассказа «Злоумышленники». Пусть читатель встретит их через десять лет — на разных планетах, занятых разными профессиями. Это даст возможность их психологически углубить, показать, как развились их рудиментарные задатки в соответствии с обстоятельствами.

Очень неудачен последний рассказ «Какими вы будете», замыкающий книгу. Он носит какой-то спиритический характер и никак не может стоять в конце. Если авторы хотят его сохранить,

то следует его коренным образом переработать, перенести в план мечты одного из героев: «мне хотелось бы, чтобы наши потомки были бы вот такими...»

Прекрасный конец повести содержится в зародыше в рассказе «Моби Дик» — там, где Ирина спрашивает Кондратьева: «Скажите, Сергей Иванович, мы стоим того, что люди из-за нас когда-то перенесли»... В этом — ключ книги и на этом должен быть построен конец.

В соответствии с этим должны быть построены эпиграфы — яркие эпизоды того, что перенесли люди, наши современники, чтобы завоевать будущее. Этому вполне соответствуют два военных эпизода и рассказ о том, как студентов, прямо с лекции, гонят разгружать дрова. Эпизод с цунами, а тем более с японцем-браконьером, здесь неуместны.

Если перенести в конец разговор Кондратьева с Ириной, то он не только будет завершать книгу, но и завершать судьбу Кондратьева. Но для того, чтобы это не было случайным эпизодом, нужно ярче и шире показать Ирину, чтобы читатель узнал ее и полюбил. Для этого ее нужно сделать героиней одного из предыдущих рассказов, например, инженером-археологом с «благоустро-

енной планеты».

Лурье, как и Кондратьев, появляется в самом начале, и завершить его судьбу также можно в конце. Для этого достаточно переменить местами рассказы «Загадка задней ноги» и «Скатерть Самобранка», с последующей «притиркой» их по месту.

У авторов часто встречаются скрытые цитаты. Таковы, например, названия «Моби Дик» и «Какими вы будете». Это лучше оговорить, а последнее название — вообще выбросить. Нужно унифицировать правописание: цитата из Стивенсона приводится по-английски, а песня — в русской транскрипции.

Несколько частных замечаний: на стр. 143 описка — нужно не Баренцово, а Охотское море. Люди будущего говорят нашим, современным разговорным языком — и это хорошо. Но слово «девчата» (стр. 44) даже сейчас режет ухо. Имя Пабло — испанская форма имени Павел. Конголезец, принадлежащий к франкоговорящему народу, непременно скажет: Поль. Может быть, директор КНР южноамериканский негр? (Рассказ «Загадка задней ноги».)

Все предложенные доделки и переделки исходят из замысла самих авторов и содержатся в

рукописи. Они невелики по объему, но психологически трудны. Однако они необходимы для того, чтобы сделать серию рассказов не только их суммой, но и целостным произведением.

Хочется просить авторов поскорее завершить работу над рукописью, а издательство включить ее в самый ближайший план.

Кирилл АНДРЕЕВ

М. 19.11.60

Письмо Аркадия брату, 25 ноября 1960, М. — Л.

Дорогой Борик!

Посылаю тебе бланки для заполнения. К сему следует приложить еще три фотокарточки — одну 6×9 и две паспортных — автобиографию и по три экземпляра каждой нашей книги. С этими экземплярами беда. Я едва наскребу один комплект. Если у тебя есть — вышли хоть два комплекта, а? Нужно еще три рекомендации. Одну даст К. Андреев, одну — Томан и одну думаю испросить у И. А. Ефремова или у Р. Кима.

И бланки, и автобиографию заполняй чернилами. В справке о произведениях укажи названия трех наших книг, «Свечи перед пультом» в «Искателе» № 1 за 1960 и «Благоустроенная планета» в альманахе «Мир приключений», выпуск 6, 1960.

И с богом. Высылай всё — и книги, и документы — не замешкав.

Теперь о делах. Рецензию К. Андреева ты уже, конечно, читал. Теперь жду рецензию другого кита — Рюрикова. Возможно, дадут еще кому-нибудь третьему. Но это будет. Вот Андреев требует, чтобы мы вставили в «В» рассказ «ПТЖ» — я ему подарил книжку, и он об этом рассказе весьма восторженно отозвался. Подумай, может, стоит. Насчет «Кормильцев» возражений у меня никаких, но и мыслей никаких. Если у тебя есть хотя бы первоначальный план или комплекс идей — вышли, попробую поработать.

Как дела со сценарием? Давай скорее, и не заботят пусть тебя красоты стиля. Сейчас важно собрать все три части и посмотреть, что в общем выходит. Затем начнем работать над образами и характерами. Я свою треть почти закончил и в следующей же встрече пришли к нам с Журавлевым новые удачные идеи, но пока не вставляем, ждем сбора.

Пора приступать и к «Стажеру». Я начну с начала декабря. У меня здесь временно вышла заминка с одним японским переводом, сейчас я освободился и почти готов к работе.

Что касается писем вышестоящих организа-

ций, то выше ходатайства издательств ничего сделать нельзя, черти бы всех побрали. Потерпи уж до приема в ССП. Думаю, это дело трех-четырех месяцев.

«Свидание» я по настоянию Андреева отправил в «Литературную газету», сократив до десяти страниц. Не очень верю, что из этого что-либо получится, но пусть их. «Загадку задней ноги» по требованию Варшавского сокращаю, оснащаю некоторыми новыми идеями и освобождаю от связей с повестью. Должен сдать двадцать восьмого. Экземплярчик вышлю.

Вот и всё. Целую, привет всем, а паки всех — маме.

Твой Арк.

В архиве АБС сохранилась копия рекомендации Андреева для вступления в Союз писателей СССР. Странной выглядит дата рекомендации — 2 ноября. Вероятно, рекомендация была написана позже, а дата проставлена более ранняя. А может, Андреев ошибся, указывая месяц, и там должен быть декабрь.

Андреев К. Рекомендация

Имена братьев Стругацких — Аркадия и Бориса — появились в литературе всего несколько лет на-

зад. Но за этот короткий срок они опубликовали много рассказов и три книги: «Страна багровых туч», «Шесть спичек» и «Полет на Амальтею».

«Страна багровых туч» — это повесть о полете советской научной экспедиции на Венеру. Но, в отличие от многих безликих «научно-фантастических» произведений, наводнивших последнее время книжный рынок, авторы коих, по-видимому, сами не считают себя писателями, книга братьев Стругацких — это настоящее художественное произведение: в ней есть образы героев — необыкновенных и в то же время будничных людей, для которых полет на другую планету не «подвиг» и «приключения», а их труд — тяжкий труд с жестокой чужой природой; в книге есть стиль — быть может, не всегда самостоятельный, но бесконечно далекий от того серого, стертого до полной безликости языка, почти обязательного для нашей приключенческой литературы; в книге есть хорошо завязанный и развязанный сюжет и превосходное знание материала.

Рассказы, собранные в книгах «Шесть спичек» и «Полет на Амальтею», показывают быстрый рост молодых авторов. А. и Б. Стругацкие находят в них свое собственное, ни с кем не сходное, лицо: своих героев с яркой индивидуальностью и

нешаблонным языком и свою собственную тему. Многие рассказы носят подчеркнуто психологический характер. В таких рассказах, как «Полет на Амальтею» или «Извне» внешние события, несмотря на их необыкновенность, отступают на второй план, уступая место углубленным характеристикам героев, анализу их мыслей и поступков. Иные рассказы — как например «Почти такие же» — вообще лишены внешних событий.

Последняя их (четвертая) книга, еще не напечатанная, посвящена быту и людям коммунистического общества, их вдохновенному труду. По моему мнению, это произведение — превосходно, и стоит значительно выше книги И. Ефремова, нашумевшей во всем мире.

А. и Б. Стругацкие обладают всем, что в наши дни нужно писателю, пишущему на самые животрепещущие темы, волнующие современную науку, и задумывающемуся над обликом человека завтрашнего дня. Они превосходно владеют материалом, в совершенстве зная, что происходит на переднем крае науки, пишут интересно и весело, и их любят читатели: несмотря на то, что «Страна багровых туч» вышла большим тиражом, очень скоро понадобилось второе издание, пишут на профессиональном и хорошем уровне

и, главное, обладают еще одним бесценным качеством — молодостью!

Рекомендую братьев А. и Б. Стругацких в члены Союза Советских писателей.

Кирилл АНДРЕЕВ, член ССП

М. 2.11.60

БН вообще называет 1962 год, говоря о попытках вступления в Союз писателей.

Из: БНС. Больной вопрос

В 1962 году мы, братья Стругацкие, уже опытные литераторы, уже достаточно известные — по крайней мере среди любителей жанра, авторы четырех книг, подали заявление в Союз Писателей СССР. За нас хлопотали авторитетные по тем временам люди: Кирилл Андреев, Ариадна Громова, Николай Томан, но в Союз нас не приняли ни по первому, ни по второму заходу. Членам приемной комиссии не нравилось: что мы фантасты; что мы пишем в соавторстве; что мы живем в разных городах... Но не это, как узнали мы пару лет спустя, было главным. Члены приемной комиссии не полюбили нас за то, что мы, Натановичи, пишемся в анкетах русскими. Члены ПК евреи видели в этом недостойное отступничество, члены ПК русские рассматривали это как

стремление пролезть и устроиться, «характерное для данной нации»...

Письмо Аркадия брату, 27 ноября 1960, М. — Л.

Дорогой Борик.

Письмо получил. С твоим мнением согласен по всем пунктам. Твои реминисценции принимаются и утверждаются. Относительно остального будем говорить, когда вещь пройдет всех рецензентов и поступит в работу. Время еще есть.

О «ЗЗН». У меня, между прочим, тоже такое чувство, будто там нечто не совсем того. Главное — повторение — по механическому замыслу — идеи «СС». Я сейчас готовлю ее для «З-С» и в основу положил несколько другой сюжет: Рудак, наскучив психологической стороной исследований, сам нарочно программирует КРИ неправильно, ибо он набирает материал для Теории Больших Ошибок. Это неважно, для чего он набирает, а важно показать, что такой обман возможен и при коммунизме. Обман в интересах науки, что ли. Как это выйдет — не знаю. Пришлю тебе, а ты поправишь.

О твоей просьбе. Попробую обратиться в Детгиз. Напиши, как зовут твоего директора, письмо заготовлю прямо на его имя.

Просьба у меня. Пришли мне твое начало тридцать седьмого года. Оно поразило воображение мое, и я хочу немножко повозиться с ним. Шли прямо тетрадные листы. Весьма жду.

Анкеты не задерживай. Всё.

Целую, твой Арк.

Всё идет, в общем, хорошо, и вдруг 29 ноября в «Комсомольской правде» публикуется статья, где АБС называют халтурщиками:

Из: Нефедова Г. Выбери мудрого друга

<...>

Пользуясь интересом к этому жанру и нехваткой подобного рода литературы, прицепились к нему и халтурщики.

Дети читают, например, «произведение» Б. и А. Стругацких «В стране багровых туч». Она привлекает их все тем же острым сюжетом. А вообще-то — это грубая и неумная книга. В ней есть и драка, и любовная история, и всевозможные препятствия, но нет мысли, большого полета мечты, нет ничего от настоящей науки. Не умея создать характеры, авторы вкладывают в уста своих героев чрезвычайно грубую речь, заставляют их беспрерывно чертыхаться, видимо, считая это признаком мужественности. [...]

Письмо Аркадия брату, 1 декабря 1960315, М. — Л.

Дорогой Боб!

Тебе, вероятно, уже перевели деньги из Мол. Гв. Не смей тратить — произошла ошибка, часть денег придется вернуть.

Нам заплатили за

1-й простой тираж (15 тыс.) + 1-й массовый (100 тыс.) + 2-й массовый (100 тыс.) + 3 массовый (100 тыс.), т. е. 100 % + 100 % + 60 % + 60 % соответственно (за вычетом 60 % задатка)

а должны были заплатить только за первый заход тиража (115 тыс. экз., т. е. 1-й простой + 1-й массовый (соответственно 100 % + 100 % — 60 % задатка, т. е. 140 %)

Остальные 120 % надо немедленно вернуть. Их нам заплатят, когда выйдет остальной тираж. Иначе выгонят с работы девчонку-секретаря, которая выписывала.

Сумму и порядок возврата денег сообщу дополнительно.

Целую, твой Арк.

Об этом просчете секретаря издательства вспоминает Бела Григорьевна Клюева:

Из: Клюева Б. Воспоминания

Расскажу еще об одном случае. Выписывая чуть ли не первый гонорар Стругацким — аванс за книгу «Путь на Амальтею» — Наташа Сиднева, младший редактор, так увлеклась разговором с Аркадием, что превысила причитавшуюся сумму на 10 тыс. рублей (сумма весьма значительная и до денежной реформы 1961 года). Авторы, ничего не подозревая, получили свой гонорар и удалились. Ошибка вскоре обнаружилась, законным образом произведенная выплата гонорара обратного хода не имела. Бедной (в полном смысле этого слова) Наталье пригрозили вычислять эту сумму из ее довольно ничтожной зарплаты. Были слезы, было страдание: Стругацких мы тогда еще почти не знали. Я позвонила Аркадию, рассказала ему все как есть. Он тут же примчался в редакцию и отдал эти деньги Наталье.

Письмо Аркадия брату, 4 декабря 1960, М. — Л.

Друг, брат и соавтор наш Борис,
жизнь, здоровье, сила![316]

Получил бандероль с книгами и матерным письмом. По требованию отвечаю без замедле-

ния.

1. Пришлось нам вернуть в Мол. Гв. всего 16749 руб. 08 коп. Из них твоей доли — 8268 руб. 65 коп. Всю сумму я уже вернул из своих, чтобы тебе не тратиться на перевод. Буде возымеешь со мной рассчитаться — переведи от меня на мамину книжку 5000 руб. А остальное пропьем при встрече. В случае согласия — отпиши, а то я маме давно обещал перевести, и все никак собраться не мог. И еще о денежных делах вот что. В Мосфильме лежат на твоем имени наши деньги, 3200 твоих и 1800 моих, или что-то в этом роде. Жалко, если их к Новому Году вернут в банк. Срочно вышли заверенную нотариусом доверенность на мое имя, я получу. Мама приедет в Москву на Новый Год, ей передам.

2. Во вторник — послезавтра — из Мосфильма от директора объединения пойдет на имя вашего Михайлова письмо с просьбой предоставить тебе свободное время для работы над сценарием. Так что в среду наведайся и разузнай.

3. На мое письмо от нашего имени в «Комс. правду» ни ответа, ни привета. Что будет дальше — не знаю. Письмо с протестом послала дирекция Детгиза, собираются послать: секция научной фантастики ССП и группа писателей — Шагинян,

Ефремов, Андреев, Казанцев, Томан, Тушкан и т. д. По слухам, кое-кто грозится выступить с протестом и на пленуме детских писателей, имеющем быть на днях. Но это всё так, сотрясение воздуха. Пока ходим с «халтурщиками» на рыле. А тем временем наш рассказ «СПП» из «Искателя» сняли, прямо в верстке. Такие дела. В связи с этим есть предложение: никаких рассказов никуда пока не давать, затаиться и переждать события. Знающие люди говорят, что это для нас будет изрядной рекламой, но мне волком выть хочется и в мор-р-рду. Хотел сходить в редакцию «Ком. пр.» и набить морду Елкину, но меня отговорили. Елкин — это завотделом литературы и искусства.

4. Рекомендация от К. Андреева уже есть, Ким пишет, Ефремов прислал очень приятное и лестное письмо и тоже дает рекомендацию.

5. Рецензии от Рюрикова еще нет, жду прямо-таки днями. Интересно, поддастся он на «халтурщиков» или нет. Кстати, экз. «Возвращения» отослан и Ефремову.

6. Второго было в ССП обсуждение альманаха «Мир Приключений». Об альманахе говорили немного, зато говорили о состоянии научной фантастики на Ту-дэй. Пришли к мнению, что есть сейчас из молодых три основных направления:

1) Московское, наиболее радующее — Савченко, Полещук, Стругацкие; 2) Бакинское, книжное и нехорошее — Альтов, Журавлева; 3) Украинское, безнадежное — Колпаков, Бердник, Оношко и др.

Между прочим, я поднес Андрееву «Путь на Амальтею». Он прочел и очень хвалил, но сказал, что после «Возвращения» это не впечатляет. Насчет его мнения о «ПТЖ» я тебе уже писал.

7. Сборник американских писателей и сборник Лема привезет тебе Илья Михайлович, он будет в Ленинграде десятого.

8. Журавлев торопит со сценарием. Свою долю он написал, я ее сейчас перечеркиваю. Сделано самое трудное — вплоть до высадки на Плутоне. Фильм будет называться «Планета сокровищ», если тебя это радует. Если нет — предложи другое название.

Вот и всё, кажется.

Не унывай. Нам придется еще не раз получать зуботычины. Целую, твой Арк.

Привет всем, поцелуй маму. Писать ей сейчас не могу, сам понимаешь. От злости руки трясутся.

На письма, перечисленные АНом, «Комсомольская правда» не реагирует, но публикует еще одну статью, где в адрес АБС опять звучит критика,

но уже с противоположной стороны.

Из: Журавлева В. Два закона Жюля Верна

<...>

Сразу оговорюсь: я никак не могу согласиться с той чрезмерно резкой оценкой, которая дана повести «Страна багровых туч» в статье «Выбери мудрого друга», опубликованной в «Комсомольской правде» 29 ноября. Я оцениваю эту книгу иначе.

За приключениями экипажа «Хиуса» трудно следить без волнения. Книгу можно читать и перечитывать. И все-таки, закрывая ее, чувствуешь, что где-то допущен просчет.

Да, местами авторы сбиваются на литературный штамп. Кое-где допущены научно-технические ошибки. Беден язык повести, образы ученых, космонавтов зачем-то огрублены, герои без конца и без повода поминают бога и черта. Но не это главное. Раздумье вызывает основная линия повести. Преодоление трудностей — таков лейтмотив книги, таков ее пафос. Трудности эти не надуманные — и в этом удача. Но здесь же и просчет авторов: в повести явно нарушен второй закон Жюля Верна...

Стругацкие ярко и убедительно показали ра-

боту, предшествовавшую старту «Хиуса». Они сумели заинтересовать читателей судьбой своих героев. Но все это — прелюдия. А то, что произошло на Венере, слишком мало в сравнении с прелюдией.

Действительно, каковы трудности, с которыми встретился экипаж «Хиуса» на Венере? Пустыни и болота, внезапные ураганы и подземные взрывы... Но ведь людям на Земле издавна приходилось преодолевать несравненно большие трудности! Достаточно вспомнить историю борьбы за Северный и Южный полюсы. Георгий Седов и капитан Скотт проявили куда больше мужества, чем астронавты Стругацких!

Повесть «не дотягивает», ибо события в Стране багровых туч лишь повторяют то, что много раз — и с большей силой! — происходило на Земле.

<...>

Письмо Аркадия брату, 20 декабря 1960, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Не знаю, получил ли ты от мамы рецензию Рюрикова. Наверное, уже получил. Рецензия серьезная, нечего и говорить. Но он там выступает против некоторых наших фундаментальных установок, и это, на мой взгляд, принимать во

внимание не надо. В частности, грубо говоря — вопрос о том, насколько люди будущего станут отличаться от людей настоящего времени, затем, о т. н. гармоническом развитии — здесь Рюриков, несомненно, спутал божий дар с яичницей. Наконец — это особенно ранит мое сердце — вопрос о досуге и об отдыхе. На это все надо наплюнуть, так же как и на предложение развить научную часть некоторых глав. Есть однако же и дельные замечания, их надо либо обдумать, либо исправлять, не обдумывая.

Твою долю сценария получил. Сойдет. Мне сценарий тоже уже переел все, что можно переесть. Ничего, скоро это все закончится, вырвемся на простор. Очень хочется работать над «В» и над «С». Зудят мои, дела просят. Сценариями никогда в жизни больше заниматься не буду.

Кстати, получил ли ты свободные дни по ходатайству из Мосфильма? Мог бы и написать, скотина. Тебе надлежит сейчас упорно работать над «Возвращением». Слушай, а может быть, действительно выкинуть к матери «Погружение», а? Заменить «Кормильцами», если удастся найти хороший сюжет. Или еще какой-нито главкой. Между прочим, сейчас рукопись у Ефремова, кажется, он тоже о ней хорошего мнения.

Весьма жду от тебя письма с изложением программы работ на ближайшее будущее. Компран ву? Садись и пиши. Да сообщи, какие новости в научных сферах.

Жму руку, привет Адочке, маме.

Твой Арк.

1960 год явился необычайно удачным продолжением 59-го. Одно переиздание (СБТ) и два новых (сборники ПНА и ШС) — три вышедшие книги в год! Рассказы в сборнике «Альфа Эридана» («Испытание СКР» и «Частные предположения»), рассказ в № 6 журнала «Знание — сила» («Ночью на Марсе»).

Кроме того, у АНа вышла вступительная статья об авторе в книге Инэко Сата «Пока не угаснет пламя» и два совместных перевода (Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот» с Л. Коршиковым и Нома Х. «Зона пустоты» с А. Рябкиным).

Не отстает и БН: текст его песни «В окна сонные луна льет синий свет» опубликован в сборнике песен «Поют студенты мат.-меха» (издание ЛГУ).

Об этом — подробнее:

БНС. Офлайн-интервью 18.09.03

Существуют ли в природе отдельные стихи АБС, которые не вошли в произведения ПСС? А то я поискал в Инете, недолго, правда, ничего не нашел. А на lib.ru написано «не хватает кое-чего из стихов». Проясните, пожалуйста, ситуацию.

Черный Замысел. Север, Россия

Я в свое время написал несколько разнообразных песенок — для исполнения под гитару. Некоторые из них сделались даже известны — в определенных кругах: среди студентов матмеха или, скажем, среди археологов. Но все эти стишки — вполне любительские и никогда ни на что не претендовали.

БНС. Офлайн-интервью 28.08.98

В сборнике туристской песни «Среди нехоженых дорог — одна моя» я нашел песню Туриянского на стихи Б. Стругацкого. Вы ли это? Есть ли еще песни, написанные на Ваши стихи?

Матвей Неменман. Сан-Франциско, США

Я не знаю этого сборника, но вообще-то из множества сочиненных мною в молодом (очень молодом) возрасте песенок для пения под ги-

тару мало-мальски заметное распространение получили только три. Песенка «Дети Тумана» (мы вставили ее в «Страну багровых туч», и, я полагаю, именно поэтому она и стала известна). «Археологическая» (на мотив «Мне ж бить китов у кромки льдов») — ее, по слухам, поют (во всяком случае лет 20 назад пели) в археологических экспедициях. И еще «В окна сонные...» — ее, кажется, и до сих пор помнят на ленинградском матмехе. Все остальное осталось в самом узком кругу.

1961

Письмо Аркадия брату, 10 января 1961, М. — Л.

Дорогой Боб!

Собственно, я посылал тебе этот кусок гл. обр. для ознакомления. И поглядеть, какова будет твоя реакция. Она у тебя еще довольно приличная, что меня весьма удивило. Сам я, когда перечитывал, прямо в ужас пришел. Если бы я был киношником, такой сценарий прошел бы только через мой труп. Но дело в том, что мы с тобой не киношники. Им это, понимаешь ли, нравится. Я имею в виду Журавлева.

Ход рассуждений Журавлева — и его понимание задач картины — примерно таков. «Кино, как известно, самое массовое из всех видов искусства. Эрго — кино будут смотреть миллионов сто человек (считая и по телевизору), в том числе сопливые ребятишки в Канске и Абакане, для которых в основном и ставится картина. Значит, с одной стороны — надо любыми, хотя бы и противопоказанными средствами дать понять последнему дураку, что происходит на экране. С другой стороны — нужно швырнуть кусок и

искусствоведческой элите, прославленной своей безграмотностью в науке и технике — эти при малейшем недоумении завопят, что раз они, элита, не понимают, значит, рядовой зритель и подавно. С третьей стороны — необходимо дать материал для игры актеров — не мимикой только, не аллегорическими телодвижениями[317], но и так наз. «ударными репликами» типа «Елки-палки» или «Пошел вон» или «Да будет вам известно, что рецессивная аллель...»[318] и т. д. Вот из смеси этих требований и еще дюжины других, помельче, и составляется базис, на котором строятся требования, предъявляемые к сценарию». Журавлев все время мне напоминает: «Сценарий — это не литература. Книжечку человек может полистать и положить, а вот в зрительном зале он завопит: деньги назад!»

Я лично больше никогда в жизни за сценарии не берусь, а ты — как хочешь. Да будет это нам уроком. Это, кажется, единственный вид искусства, где ты не имеешь права пользоваться собственным вкусом. И самое главное — я ни одной секунды не вижу, что же будет происходить на экране.

Теперь о других делах. Немедленно вышли справку от нотариуса и справку из домоуправле-

ния о наличии детей на этот год.

Дела наши в ССП отнес.

Получил рецензию на «В» от Ефремова. Очень хвалит, но не одобряет «рваный» сюжет, недоговорки в «СПП», «ЗЗН» и «Д». Не совсем понятно, что имеется в виду. Скорее, это просто мнение читателя. И еще — ему не нравится, что мы плохо изобразили любовь. В этом союзное командование[319] совершенно право. Но очень, очень хвалит, считает выдающимся вкладом и т. д. и т. п.

В армию я ухожу и в Ленинград, следственно, не буду. Но работать над «В» будем непрерывно. Учти вот что — от «В» многие ждут многого, считается, что это первое в литературе (мировой!) произведение об «уютном» коммунизме. К сожалению, опять заболел Кассель, и я не знаю, каковы будут его замечания. Да это в общем не суть особенно важно — можно работать без них. Главное — еще две главки, о кормильцах и об управлении. Вот кончим с этим фердаммте[320] сценарием и я займусь тоже. Кстати в связи с моим стажерством «Стажер» удалось оттянуть еще на три месяца, а там видно будет.

Работай спокойно, не очень торопись, но и не задерживайся. И надо распределить обязанности.

Личная встреча совершенно необходима. Здесь мы сделаем так. Явка в военкомат у меня 14-го. Значит, примерно числа двадцатого я уже буду знать, как я буду занят. И тогда ты возьмешь отпуск на недельку и приедешь ко мне. Мы отлично устроимся, никто мешать не будет. Хорошо? Это, во всяком случае, единственный выход.

А пока пришли мне свои соображения по распределению обязанностей. «В» должно быть мировой книгой.

М. п., из вашего Детгиза мне прислали «СПП» с жалобами на тебя и с просьбой «исправить, что найду возможным». Кретины. Переслать тебе, что ли?

Вот и все. Не забудь справки от домоуправа. Выбери время и сходи к нотариусу.

Привет мамочке и Адке.

Жду письма, целую, Арк.

10 марта АБС подписывают договор с Детгизом на издание в альманахе «Мир приключений» рассказа «Благоустроенная планета». Договор № 16375 подписан главным редактором В. Г. Компанийцем. Содержание рассказа в договоре описывается так: «Научно-фантастический рассказ о приключениях звездолетчиков будущего на неизвестной планете».

Письмо Аркадия брату, 19 марта 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Получил твое письмо и чуть не повесил его в клозет. Можно подумать, что ты писал из окопов Сталинграда[321]. Что за манера, право? Обросшая волдырями ступня не дает права на нарушение принципа [далее изображен иероглиф, который переводится как «мысль» (кангаэ)].

Ну-с, отвечаю по порядку. Я сейчас, как тебе, возможно, известно, на вечерних военных сборах. Скоро им конец. Смотрел фильмы ужасные и отвратительные. Обратил внимание на то, что в первые несколько секунд после взрыва A-bomb отчетливо видна взрывная волна — этаким красивым, медузообразным расширяющимся куполом и кольцом. Тьюринга читал — но то ли потому, что читал на скучных лекциях, то ли от усталости — впечатления не получил. Сейчас читаю любопытную книжку Вильямса «Совершенный стратег»[322] — азбука теории игр. В «В» пропуски и опечатки по мере сил исправил, но не уверен, что все. Наш редактор читал, ему (вернее, ей) очень нравится, хотя имеет «ряд замечаний», как всегда. Она — баба серьезная, к ней надобно прислушаться. В связи с этим — очень важная

вещь: ни один из читавших (а читало уже человек пять) не понял, что случилось в «ЗЗН». Ergo — надо объяснить. Никуда не денешься, срочно пришли вставку в один абзац, где дается объяснение, и страницу и место, куда вставить. Срочно — потому, что ЗЗН идет в «З-С» № 5.

«В» отдал на иллюстрацию. Иллюстрировать будет Юрка Махров — тот, что всегда иллюстрирует Казанцева и большую часть серии презервативиздата — знаешь, такие красивые книжечки с цветными обложками. Он же иллюстрировал «Черную Браму» в альманахе323. Парень славный, с очень интересной судьбой. При встрече расскажу.

В Свердловск письмо отправил, оттуда ответа нет. Да, впрочем и не должно быть.

С названием «БП» ничего не вышло. Ругался, но безрезультатно. Никаких изменений по сравнению с тематическим планом 61-го года, где наша повесть отпечатана как «Возвращение». Лично мне плевать.

Конференция фантастов перенесена на 8 мая. Докладывать будет, по-видимому, Андреев. Тебе пришлют приглашение, заверенное правлением ССП.

«ВНИВ» не идет. Никто не желает брать. Неко-

торые рассматривают его как неудачную шутку. Послал в известинскую «Неделю», но оттуда уже две недели ни слуха, ни духа.

Сливочное масло в продаже есть. И я еврей[324]. Впрочем, не знаю.

Теперь о стажерстве. Ты зря взялся сейчас за восьмое небо. Давай все-таки делать стажера. Идея вот какая. Надо написать хорошую историю пацана-стажера (безотносительно к его профессии) в столкновении с людьми и обстоятельствами. Фантастика — только фон. Соответственно создать и новый план на фоне плана формального, который у нас уже есть. Дать образ удачливого смелого веселого парня. Можно или нет? Я вот-вот начну. Если хочешь, пиши «Седьмое небо», а я «Стажера». А потом — взяли! — и сделали сразу две вещи. А?

Наши дела в ССП. Ну, на бюро секции прозы нас приняли без слова. Впереди самое страшное — комиссия.

Вот и все.

Жму волдырчатую ногу твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 29 марта 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Второй завод — это второй запуск в типографии.

Сначала отпечатали первые сто тысяч и заплатили, затем отпечатали остальное и заплатили тож. За первый завод тебе должны были бросить на книжку — что-то триста с чем-то, ты проверь.

Вставку, я полагаю, принять можно. Пусть будет так, пес с ней. Что до опечаток и пропусков, то хорошо было бы, если бы ты дал постраничный список — просто номера страниц и строчек, а я уж исправлю.

Вчера подписал за тебя и себя договор на «Стажера», двенадцать листов, срок — 1 октября, будут у нас и льготные два месяца, так что времени остается восемь месяцев. Сдать можно будет первого декабря.

Я написал пролог. Читал Ленке, ей понравилось. Больше пока ничего не известно. Идею ты предлагаешь хорошую, переходный период и прочее, но вся штука в том, что нужно будет набрать ситуаций, а ситуации для пояснения такой сугубой политэкономии изобрести будет нелегко. Засим, чтобы написать за две недели, надо все-таки иметь какие-то заготовки. Так что ты как хочешь, а я буду продолжать работать. Пусть будет плохо, это мы потом исправим, в худшем случае плохое всегда поможет отыскать хорошее.

Да, рассказ очень хотелось бы написать — с тайнами и прочим. Да черт его знает... Я ведь тоже загружен ужасно. Кассель получил инвалидность. Я сейчас работаю совершенно один, меня одолевают. Тьфу, даже вспоминать неохота.

Ладно. Пиши, давай.

Привет всем. Твой Арк.

5 апреля заключен договор с «Молодой гвардией» на издание повести «Стажер». Договор заключен с главным редактором Потемкиным Сергеем Васильевичем. «Стажер» описывается в договоре как «научно-фантастическая повесть об астронавтах, участниках экспедиции на Сатурн».

Письмо Аркадия брату, 9 апреля 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб. Излагаю новости и события.

1) «ЗЗН» определенно не везет. Несмотря на яростные старания Варшавского начальство в «З-С» взять рассказ отказалось. Причина — непонятность. В общем, в конечном свете пришлось мне утешать бедного Варшавского и обещать, что когда-нибудь мы еще напишем что-нибудь понятное и принесем ему.

Почти аналогичное положение сложилось и в молодогвардейском сборнике. Там начальство тоже воспротивилось рассказу, рассыпало по полям

резкие язвительные и саркастические замечания и иронично пожимало плечами. Узнав об этом, я взбеленился и потребовал, чтобы рассказ немедленно вернули. Боюсь, я даже был груб и хамовит с бедной Белой Григорьевной Клюевой, уж она-то совсем ни при чем, потому что вместе с заведующим редакции Жемайтисом изо всех сил рассказ отстаивала. Но она меня уговорила повременить. Я повременил. Что там в недрах молодогвардии происходило, я не знаю. Сборник из-за нашего рассказа задерживался уже вторую неделю. За это время из него успели удалить рассказ Днепрова. Затем мне опять позвонили — Клюева совместно с Варшавским (он ведь составитель) — и стали меня уговаривать со слезами внести кое-какие пояснения. Ты знаешь, Боб, я ужасно устал, и мною овладело отчаяние, и мне было жалко их и себя, и я того, внес. Рассказ, естественно, изуродован. Между прочим, это первый вариант, который мы еще в Ленинграде писали. Я виноват, но прошу снисхождения. И теперь молодогвардейский сборник пошел в набор.

2) Приезжал на два дня редактор «Урала» Румянцев. Привез готовую рукопись. Уже, так сказать, отредактированную. Я ее стал читать и править. Скажем, справедливости ради, они

совершенно ничего нигде не меняли. Попытки изменить есть только в тех местах, которые оказались трудны для перепечатки — ведь я посылал им свой черновой экземпляр. Но уж в области слов, долженствующих заменить сакраментальное «сказал», Румянцев порезвился. На нашу беду он оказался нилинцем. Он считает, что экономии ради не надо вообще употреблять слово «сказал». Надо заменять его выражением действия. Знаешь, типа: — Да, — поставил он на стол чайник. Или: — А вы как думаете? — поковырял он в заднице. Я его долго уговаривал не восстанавливать то, что я исправил. Кажется, он согласился, но не знаю, не знаю. Нужно быть готовым ко всяким неожиданностям. 15-го рукопись пойдет в набор, так мне было сказано.

Таковы дела. Засим еще раз прошу снисхождения. Как со «Стажером»? Не проклевывается ли что-нибудь у тебя?

Твой Арк.

В это время АН редактирует новую книгу Казанцева, о чем позже вспоминал:

Фрагмент беседы «люденов» с Аркадием Натановичем Стругацким 26 августа 1990 года

АНС: Значит, получил я рукопись. Вызывает меня заведующая редакцией, Казанцев сидит, надутый, как клоп. (Смех.) Поздоровались. «Вот, Александр Петрович принес свою новую рукопись! Называется „Внуки Марса“». — «Ну, — я говорю. — Страшно рад. (Смех.) Страшно горд». Ну, вы хохочете. Вам хорошо, ребятушки, смеяться, а тогда же Казанцев был, так сказать, вождем фантастики нашей, бог и царь. Папа Римский... Ну, взял я... Язык, вы сами понимаете... Идея — черт с ней, в конце концов. Правда, она содрана. Я читал эту... интересный очень роман, в 20-х годах был «Последний рейс „Лунного Колумба“». Там, где исходной идеей является происхождение людей от селенитов. Ну, я уже не помню. Так что на идею я особого внимания не обращал. Но уж очень плохо было написано, и я так аккуратно карандашиком поверх стал писать свой вариант. Тут как раз полетел Гагарин. Я, значит, написал Казанцеву, что я первую главу отредактировал, надо бы показать, согласны ли встретиться. «Ну, приезжайте». Я поехал туда. Гремела музыка. Там где-то Гагарин с Хрущевым пьянствовали.

А я, значит, пришел к Казанцеву. Он сидит на телефоне и диктует на тему: «О чем еще мечтать фантастам?» Или: «Что еще осталось фантастического?» <...> Он увидал, значит, мою карандашную вязь: «Нет, — он говорит, — я ни одного слова не приемлю. Извольте стереть и сдавать в производство». Я говорю: «А вам не кажется, что, вот...» Он: «Нет, мне кажется, что я сказал лучше, чем вы написали...» Я поехал к заведующей и говорю: «Вот, так и так. Казанцев требует, чтоб пустили в производство безо всякой редактуры». — «Старый дурак! — сказала Калакуцкая. — Ну, и давайте, Аркадий Натанович, пусть он сам за себя отвечает хоть раз в жизни». Вот так оно и пошло.

15 апреля в газете «Советская культура» вышла подборка ответов писателей-фантастов на вопрос «После полета Гагарина что вы считаете фантастическим?», на который отвечал Казанцев. Там же — ответ АБС:

АБС. После полета Гагарина что вы считаете фантастическим?

Фантаст сейчас, как и раньше, может писать о чем угодно, он даже обязан это делать. Идей всегда будет бесконечно много. Но все эти идеи неизбежно покажутся когда-нибудь привыч-

ными и обыденными. Потому что человеку свойственно стремление знать, потому что всегда были, есть и будут люди, превращающие фантастику в реальность. И если фантаст хочет создать что-нибудь действительно полезное, он должен в меру своих сил и способностей писать прежде всего об этих людях. О таких, как Юрий Гагарин, и тех, кто силой знания и упорным трудом дали человечеству возможность совершить прыжок в космос.

Письмо Аркадия брату, 16 апреля 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Получил твое письмо с ламентациями. Что ж, такова жизнь, се, так сказать, ля ви. Дроп ит325.

Новостей особенных нет. Наша зануда-заведующая требует, чтобы «Возвращение» предварительно прочитали директор и гл. редактор. Я сказал, что все равно никаких фундаментальных переделок я делать не буду. Все-таки она настаивает <...>. Ну и хрен с нею. Я полагаю, обойдется. Наш редактор, Вика Мальт, самый грамотный редактор в Детгизе, считает, что можно сдавать рукопись как она есть без правки. Она дала только несколько замечаний-предложений, которые мы вольны принять или отвергнуть.

Здорово получается с Гагариным. Большая победа. А вот интервью ты дал зря. Я понимаю, когда пристали, как ножом к горлу, трудно было отбиться, но все равно зря. Интересно, что ты, босяк, натворил в «Вечернем Л-де». Пришли хоть вырезку. Я здесь отбивался весьма лихо. Впрочем, нашим здесь твой кель выражанс[326] понравился. Даже Ошанину. Очень скромно, говорят, и вполне по-деловому.

Я тоже работаю много. Никак не могу приступить к «Стажеру». Есть новая идея, но надо ее обдумать. Встретиться и написать было бы вот как неплохо. Но неизвестно, где встретиться — у вас или у нас. Скорее всего, встретимся все-таки у нас. Впрочем, там видно будет. Рад, что ты так уверен в том, что мы сможем написать быстро.

Прочитай новую н. ф. повесть Забелина «Пояс жизни»[327]. Не без недостатков, но хорошо. Отличные идеи, большая эрудиция и люди ничего.

Вот и все. Жму руку, целую, твой Арк.

Пиши. Привет всем.

«Интересно, что ты, босяк, натворил в „Вечернем Л-де“» — это АН пишет об интервью, которое БН дал И. Охотникову (опубликовано значительно позже — 29 июля):

БНС. Жизнь обгоняет фантастику

Наконец-то сбылась заветная мечта человечества — побеждена грозная сила земного притяжения. Сколько писателей-фантастов мечтали об этом! И вот уже не фантастический герой, а наш, советский человек — Юрий Гагарин совершил полет в космическом корабле...

Как собираются откликнуться на этот беспримерный подвиг наши писатели научно-фантастических книг? На эту тему мы вели беседу в одной из тихих комнат вычислительной лаборатории в Пулкове с молодым ленинградским писателем-фантастом Борисом Стругацким.

...Здесь, у электронно-счетных машин, чаще всего и можно застать старшего лаборанта Б. Н. Стругацкого.

— Да, действительно, проблемы проникновения человека в космос давно интересуют меня, — рассказывает он. — Но я ими занимаюсь не только как астроном, а в свободное от работы время пишу научно-фантастические повести и рассказы. А основная работа — вот... — и Борис Натанович показывает на груды листов, испещренных цифрами и математическими знаками. Борис Натанович с увлечением рассказывает о

своей специальности, о том, что астрономы не могут сейчас обойтись без огромного количества вычислений и что вскоре сюда, в лабораторию, прибудут новые электронные машины... Но нас сейчас больше интересует его работа как писателя-фантаста, а не астронома.

Писать Борис Стругацкий начал еще в студенческие годы, на последних курсах математико-механического факультета Ленинградского университета, который окончил в 1955 году. Вместе со старшим братом Аркадием — по специальности переводчиком-японистом — Борис в 1958 году выпустил повесть «Страна багровых туч». Молодые писатели в очень занимательной форме рассказали об экспедиции советских звездолетчиков на Венеру. В 1959 году братья подготовили к печати вторую книгу научно-фантастических рассказов «Шесть спичек». А в прошлом году вышла в свет повесть «Путь на Амальтею». В этом произведении действуют те же герои, что и в «Стране багровых туч». Авторы очень образно показали трудные будни советских космонавтов, исследующих Марс, Юпитер.

— А какие планеты вы собираетесь «освоить» в ваших будущих книгах? — спросили мы Бориса Стругацкого.

— Аркадий и я задумали послать наших героев на все планеты Солнечной системы. Это будет третья, заключительная книга, в которой действуют те же герои, что и в «Стране багровых туч». А вообще-то нам, писателям-фантастам, приходится теперь очень осторожно обращаться с космической темой. Жизнь догоняет и опережает замыслы.

А сейчас братья Аркадий и Борис Стругацкие заканчивают работу над последними страницами нового большого научно-фантастического романа «Возвращение».

— В этой книге, — говорит Борис Стругацкий, — мы надеемся «оторваться» от нашего времени так, чтобы наши ученые не наступали нам на пятки, так как события происходят в 2060-м году. В этой повести мы затронули научные проблемы звездоплавания, кибернетики, биохимии, физики, астрономии и других наук. Но основной нашей целью было показать отношение между людьми в коммунистическом обществе, их разнообразные интересы, увлечения, мечты. Главные герои посвятили свою жизнь поискам следов цивилизации в других мирах. И чем быстрее черты будущего коммунистического, которые мы стараемся отразить в повести, будут переходить в

настоящее, в жизнь, тем больше удовлетворения получим мы от работы в области фантастики.

Письмо Аркадия брату, 6 мая 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю тебе приглашение на семинар. Признаться, программой оного я разочарован. Если она и тебе не улыбается, можешь воздержаться от приезда, только тогда напиши по указанному адресу, что мол начальство тебя не отпускает и что ты просишь извинения и что наш творческий коллектив будет представлять твой брат и соавтор. А если тебя это устраивает и тебе интересно, то приезжай. Хоть потрепимся лишний раз, да и скажешь там на семинаре веское слово. Что до биографических данных и прочего, это я подам сам. Ты можешь не беспокоиться. Рукописи свои, я полагаю, обсуждать мы не будем.

Я поработал над планом «Стажера», разработал схемы пролога и первой главы. В разработке привожу несколько альтернативных вариантов. Вчера ездил в «Мол. Гв.» — там уже получена верстка «Великого КРИ» и «Белого конуса», которые входят в нынешний сборник «Золотой лотос». Взял верстку домой, только что кончил ее читать. Ничего, читается. Сейчас поеду возвращать.

Вот и всё пока. Пиши. Твой Арк.

Пользуюсь случаем еще раз поздравить маму. Поцелуй ее за меня.

В архиве сохранилось упомянутое АНом приглашение на семинар:

Приглашение на семинар фантастики Московской организации писателей

Уважаемый товарищ Арк. Н. и Бор. Н. Стругацкий

По решению Президиума Московской организации писателей и Президиума СП РСФСР — 15, 16, 17 мая в Москве (в ЦДЛ) будет проведен трехдневный семинар молодых авторов, пишущих в жанре научной фантастики.

Первая половина первого дня и последняя третьего — пленарное заседание, остальное время: работа семинаров.

На семинарах будет обсуждаться весь творческий путь автора: романы, повести, рассказы, публицистические статьи и по желанию авторов, для помощи им, — рукописи. Главная задача семинара — помочь авторам повысить литературное мастерство, расширить многообразие тематики и т. д.

Мы приглашаем Вас принять участие в этом

семинаре и просим сообщить о Вашем согласии.

Мы также просим Вас кратко сообщить биографические данные, список опубликованных произведений, критических статей и, если Вы желаете обсудить рукопись, прислать ее в 2-х экземплярах.

Ответ направляйте по адресу: Москва Г-69, ул. Герцена, 53. МОСП. Для комиссии по научно-фантастической и приключенческой литературе.

Председатель Комиссии Георгий ТУШКАН

Прошу выслать НФ произведения в 2-х экз. (с возвратом). Т.

В шестом номере журнала «Урал» наконец появляется публикация «Возвращения» — в сокращенном виде («Полдень, XXII век»: главы из повести «Возвращение») и с предисловием Авторов:

АБС. [Предисловие]

Хмурый, пропитанный радиоактивными туманами рассвет. Гигантские города в развалинах. Зловещие пятна остекленевшего шлака — неизгладимые следы атомных ударов. Заброшенные поля. Ржавые остовы танков и бронемашин на растрескавшемся бетоне шоссе. Одичавшие люди — несчастные потомки наших современников,

ожесточенно воюют между собой за уцелевшие пастбища. Они дерутся ножами и самодельными копьями. Забыта письменность, забыто искусство обрабатывать металлы, нет больше истории, само понятие гуманизма кануло в вечность. И над этими последними людьми на земле нависла страшная угроза: в подвалах мертвых городов кишат, готовые выйти на поверхность орды чудовищных полулюдей-полукрыс, порожденных смертоносной атомной радиацией...

Так представляют себе будущее нашей планеты западные писатели-фантасты. Таким рисует мир будущего известная американская писательница Эндрю Нортон в своем романе «Рассвет, 2250 год».

Нам видится в будущем совсем иное. Не хмурый рассвет перед последней отчаянной битвой за само существование рода человеческого, а горячий сияющий полдень над цветущей планетой, где человек человеку друг, где каждый ищет и находит радость в громадном творческом труде на благо каждого, где жизнь человека является величайшей ценностью, где счастье — обычно, а горе — светло...

Письмо Аркадия брату, 23 июля 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Живу в блестящем одиночестве, никого в квартире нет. Впрочем, Ленка вернется 1-го. «Стажера» в Мол. Гв. сдал, пока, конечно, никаких известий нет.

В ноябре я сдаю наш «Мир приключений» — что, если нам попробовать за это время добить «Магов»? Если не более 4-х листов — вышло бы очень неплохо. Отдельно издать их будет все равно невозможно, а в альманахе они бы пошли хорошо.

Что до денег, что я у тебя брал, то пришлю тебе, как только получу из «Урала». А если у тебя терпится, то лучше привезу лично при встрече зимой. А если очень не терпится, сообщи, тогда сниму с книжки.

«Урал» у нас с тобой в единственном экз. Писать этим вонючкам я не буду. Пришлю тебе, когда вернется Ленка, чтобы не истрепать вконец. Впрочем, я тут заказал, возможно, достанут.

Сижу сейчас над переводом «Каппы».

Вот и все.

Передай привет и поцелуй маму и Адку.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 4 августа 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Отвечаю по пунктам.

1. «Стажер». В «Мол. Гв.» получила полное одобрение. Наш редактор уехал вчера в отпуск, по возвращении будет сдавать в набор. Нам рекомендуют (настоятельно) сделать только две поправки и уточнения, а именно: в связи с решением в инстанциях по вопросам о научной фантастике предложено в романах о будущем умертвить капитализм, особенно теперь, в связи с новой программой КПСС. Что мы можем сделать? Показать капитализм при последнем издыхании, так, остался кое-где в мире еще частнокапиталистический сектор, не имеющий никакого значения, остались кое-где страны, где еще не отменили деньги. Глава о Бамберге — дать ей другое содержание: капитализм успел так загадить людские души, что требуются усилия, чтобы очистить их. Вербовка проводится тайно, под разными благовидными предлогами. Рекламные щиты в Мирза-Чарле придется снять, но это ничего. В общем, работа нужна небольшая и на наименее ответственных с художественной стороны участках — думаю, я справлюсь сам, тебя

привлекать не буду, о вставках и заменах сообщу дополнительно.

«Стажера» здесь читали двое — наш художник Макаров и Ленка. Макаров сказал, что это гораздо лучше «Возвращения». Ленка, когда я кончил читать ей, ревела полчаса, а затем объявила, что это очень хорошо и что мы наконец-то уходим от научной фантастики. Она категорически возражает против того, чтобы что-нибудь делать с Юрой. Все наши попытки к его активизации-де приведут к ненатуральности и неправдоподобности образа. Если что-нибудь и надо сделать, то это показать, как он умнеет после каждого эпизода. А так, она говорит, хорошо: хороший наивный парнишка среди людей, намного мощнее его интеллектуально и морально. Еще она считает, что нужно хоть в нескольких словах дать психологическое ясное оправдание образа Шершня. Шершень иначе производит впечатление патологического субъекта.

Итак, Клюева возвращается из отпуска 8-го сентября, у нас в распоряжении месяц.

2. Соображения по магам. Не знаю. Это должна быть небольшая веселая вещица. Три листа от силы. Три части. Первая написана. Вторая. Герой уверен, что теперь его маги оставят в покое. Но

весь день, куда бы он ни пошел, маги преследуют его а ля секретарь Прыща[328]. Они жалобно высовываются из стен и канализационных люков, делают ему непонятные знаки, мешают ему на свидании с девушкой и с тоскливым воем улетают, когда он начинает свирепеть. Серость и неграмотность их наводит изумление[329]. Мага можно легко отличить от прочих людей, спросив их таблицу умножения на семь. На Земле собрались маги со всех концов вселенной. Им нужен Белый тезис, утраченный в незапамятные времена — его спрятали в какое-то дерево, потом он перешел в мастерской в диван, а потом в нашего героя. Свой мир маги уже проели на нарушении принципа термодинамики, они теперь, чтобы не погибнуть, хотят как люди, но это у них не получается. Третья и последняя часть — Конгресс. Конгресс проходит ночью в пустом зале московского крематория. Ругань между младомагами и стариками. Парня насильно притаскивают на Конгресс, и тут выясняется, что Белого тезиса у него нет. Белый тезис безнадежно затерялся в огромной толще человечества. Маги уныло разъезжаются. У них только один путь: идти в ликбезы. В эпилоге — наш парень тайно руководит кружком ликбеза магов. Они являются к

нему по ночам раз в неделю, и он их учит. Но маги ленивы и постепенно перестают приходить на занятия. У парня остаются прочно только два ученика: тот домовой с мохнатыми ушами и Калиостро. Калиостро мечтает стать наладчиком автоматов для продажи газированной воды.

3. «Урал» и «Голконду» высылаю.

4. Деньги с «Урала» получил — почему-то только 667 р. Выслал тебе должное. Подтверди получение.

Вот пока все. Пиши. Привет маме и Адке. Привет всем от Ленки.

Твой Арк.

О том, как создавался ПНВС, вспоминает БН:

Из: БНС. Интер(акти)вью 32

— Расскажите, пожалуйста, как возник замысел «Понедельника..»? На какие образцы вы оглядывались, когда создавали этот роман?

— Году эдак в 60-м мы придумали написать роман, где героями были бы маги, волшебники, ведьмы, демоны и прочие герои сказок и легенд. По тем временам (когда о фэнтези и не слыхивали даже!) это была идея вполне революционная. Пару лет собирали хохмы, фразочки, типажи, а потом написали для начала «Суету вокруг дива-

на». Получилось забавно. Прочее было уже скорее делом техники. И никаких образцов! Разве что «Старик Хоттабыч»?

Письмо Аркадия брату, 17 августа 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогой и любезный брат мой!

Острые и животрепещущие вопросы и беседы записывать начал и продолжаю. Коллекцию вопросов соберем, будь покоен. Что касается острого денежного вопроса, то он обстоит так. Во-первых, будет нам одобрение за «Стажера» в Мол. Гвардии. Во-вторых, возможно, к тому времени подпишут в печать «Возвращение», тогда получим еще 40 %. В-третьих, Детгиз жаждет взять «Стажера», частично, конечно, в альманах «Мир приключений», который сдается в ноябре, что тоже, разумеется, поможет. Одним словом, вывернешься.

Со своей стороны у меня есть несколько соображений по «Стажеру», которые я хотел бы обсудить. Я, кажется, понял, чего у нас там не хватает. И в «Амальтее» тоже. У нас в наших вещах нет будущего, перспектив. У нас нет авторской уверенности: вот как это есть, а что будет — закачаешься. Наши герои смотрят под ноги, а не вперед, в будущее, в этом несчастье.

Какие-нибудь интересные проблемы на будущее, интересные мысли о том, что предстоит — это нужно обязательно. Подумай и отпиши.

«Искатель» действительно дерьмовый. Да что ты с ними поделаешь, не желают прислушиваться к голосу разума, и только. Ну, жду писем.

Целую.

Привет маме и Адке.

P. S. Немцы прислали целых шесть экз. Atomvulkan и еще комиксов. Ужо пришлю.

Письмо Аркадия брату, 30 августа 1961, М. — Л.

Дорогой Борис.

Главное — не вешать носа. Мало ли что — вон как Аксенова мордуют за «Звездный билет»330, аж кулаки чешутся бить подлые педагогические ханжеские рыла. А ведь Аксенов держится и улыбается. Я нынче послал ему ободряющее письмо.

Тебе не ясно, что я думаю. А я сам не знаю, что я думаю. Во всяком случае, о нашей писанине in the future. Взялся я за очередной перевод, буду не торопясь кропать. А вот что мы с тобой писать будем — не знаю. Мне страшно надо с тобой встретиться. Не мог ли бы ты приехать в Москву на два-три дня? Суббота, воскрес., понедельник. У нас никого в квартире нет. Славно бы поговорили

и поспорили. И дышалось бы легче. А то я прямо не знаю, что делать дальше, и это очень угнетает меня. Решай скорее и двигай. Целую, твой Арк.

«Вон как Аксенова мордуют», — пишет АН. Оттепель оттепелью, но тогда жестко критиковали все новое — и молодежь «Юности» (Аксенов, Гладилин), и молодых поэтов (Вознесенский, Евтушенко), и «деревенщиков», и авторов новой военной прозы, и, конечно же, новую фантастику, которая все больше отходила от рекомендованной тематики «ближнего прицела».

С начала года вышло немало критических статей в различных газетах и журналах, где литераторы по-своему трактовали, что есть фантастика (жанр? прием? вид?) и что она должна, по их мнению, изображать. Походя пинали и АБС — как молодых и перспективных.

Предлагаем подборку выдержек из критических статей, вышедших в течение нескольких месяцев.

11 февраля, «Литературная газета»:

Из: Лагин Л. Без скидок на жанр!

<...>

«Необходимо было принципиально новое ре-

шение, и оно было найдено в использовании замороженных почти до абсолютного нуля, квантово-вырожденных сложных кристаллов с непериодической структурой, способных претерпевать изомерные переходы в соответствии с поступающими сигналами. Были отысканы средства и регистрации этих переходов и превращения их в сигналы на эффекторы».

Это из рассказа «Испытание „СКР“» братьев Стругацких, людей далеко литературно не бесталанных. А ведь такой, зачастую к тому же высосанной из пальца, псевдонаучной тарабарщиной многие авторы буквально вгоняют в пот старательного и любознательного читателя, который пытается во всем разобраться. <...>

14 мая, «Литература и жизнь»:

Щелоков А. Со смаком!

Я не раз пытался представить себе Человека Будущего. В воображении возникали образы высококультурных людей — влюбленных в науку и одновременно любящих и знающих искусство.

Счастливый случай помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» и теперь доподлинно знаю, какой он — герой грядущих веков. Уж он-то

не будет колебаться на золотой середине между физиками и лириками. Не то время! В кармане у человека XXI века технический справочник и словарь питекантропа. Вот как, например, разговаривает с персоналом звездолета его капитан Алексей Петрович Быков: «Знаете что, планетологи... Подите вы к черту!», «Вон! Лоботрясы!», «Кабак! Бедлам!»

И вообще слово «черт» — самое распространенное в будущем. Им пользуются почти все грамотные люди. Смачно чертыхаются бортинженер Жилин и планетолог Дауге. Но обоих их, конечно, перещеголял курсант Высшей Школы Космогации Гургенидзе.

— Ни черта, ребята, — сипло сказал Гургенидзе и встал. — Ни черта. — Он страшно зашевелил лицом (!), разминая затекшие мускулы щек. — Ни черта...

В самой школе царят нравы бурсы. Старшекурсники именуют младших «мальками» и блистают знанием бранных слов. Правда, и о боге космонавты не забывают. «Слава богу», — говорит штурман звездолета, «Боже мой!» — восклицает планетолог Дауге, «Слава аллаху», — заключает курсант Высшей Школы Космогации Ермаков и тут же добавляет, обращаясь к товарищу: «Шел

бы ты...»

Хочется искренне поблагодарить редактора издательства «Молодая гвардия» Б. Клюеву, которая не коснулась своим требовательным пером этих и других самородных слов, позволив авторам донести до нас живое дыхание будущего...

А. ЩЕЛОКОВ,
журналист
16 мая, «Комсомольская правда»:

Из: Биленкин Д. Мечте обгонять свет

<...>

У Стругацких есть рассказ под характерным заголовком «Почти такие же». И это чуть ли не символ их видения человека грядущего. В последующие десятилетия и века они переносят людей нашего поколения, наделяя их, правда, многими положительными качествами современников. Стругацкие вместе с тем пристально следят, чтобы герои будущего ругались, неоправданно грубили, а иногда пускали в ход и кулаки. Понятно стремление писателей избежать «розовых фигур», протянуть живую ниточку духовной близости между нами и нашими праправнуками. Но, видимо, вкус писателям временами изменяет, и они берут с палитры либо не те краски, либо

не так их располагают. Трудно поверить, чтобы талантливые литераторы не задумывались над диалектикой развития и не видели, что человек двадцать второго века — века коммунизма — будет отличаться от нас сильнее, чем человек двадцатого века отличается от человека восемнадцатого века.

<...>

31 мая, «Московский литератор»:

Из: Гуревич Г. Широкий поток

<...>

Молодые авторы братья Стругацкие пишут о космосе. Но ведь о космосе можно писать по-разному. Первая книжка Стругацких посвящена путешествию на Венеру. О путешествии на Венеру писал и один из самых солидных участников семинара Г. Мартынов. У него Венера — тема; речь идет о том, как люди в первый раз прилетели туда и что они там открыли. А у Стругацких Венера — место действия, где работают обыкновенные советские люди. И задача в том, чтобы показать не Венеру, а людей.

Живой советский человек побывал в космосе месяц назад. Мы видели его в Доме литераторов — героя и первооткрывателя. Но в литературном

космосе уже были сотни первооткрывателей, сотни раз описывалось отбытие с Земли, приближение к планете, изумление открытия. И Стругацкие, вошедшие в фантастику позже других, сделали следующий шаг — начали писать об открытом космосе, куда по стопам героев пришли рядовые труженики. Авторы нашли своего героя, нашли стиль и язык, этому рядовому герою соответствующий. У Стругацких есть литературное лицо. И уже наметилась опасность стилизации, подражания самим себе, найденному стилю.

Журнал «Природа», № 8:

Из: Леплинский Ю. Против антинаучной фантастики

<...>

Крупными недостатками изобилует и другое произведение, опубликованное в этом альманахе, — научно-фантастический рассказ Аркадия и Бориса Стругацких «Благоустроенная планета». И в нем авторы пренебрегают установленными наукой общими закономерностями развития общества мыслящих существ, диктуя природе свои выдуманные законы.

В этом рассказе земные астронавты попадают на планету, где мыслящие существа замечатель-

но преобразовали, благоустроили свою страну, достигнув этого биологическим приемом, без машин и орудий труда. При этом авторы игнорируют основные марксистские положения, что лишь процесс труда, применение орудий производства, их изготовление и совершенствование — единственный путь к выделению человека из мира животных. Лишь изменяя в процессе производства природу, человек развился до степени сознательного мыслящего существа, господствующего над природой. С такой установленной наукой закономерностью возникновения цивилизации авторы не сочли нужным считаться. Они пишут о выращенных, а не построенных городах, о селекции, генетике, о «дрессированных бактериях» и т. п. Но ведь каждому известно, что наука невозможна без приборов, созданных в процессе производства, в процессе «машинной» цивилизации.

Фантастика нам очень нужна, но она должна быть доброкачественной, действительно научной, а не беспочвенной выдумкой. Она должна воспитывать в духе героизма, звать к смелым, основанным на достижениях науки, новым завоеваниям человеческой культуры.

Ю. В. Леплинский. Кандидат философских

наук.

Москва

Журнал «Юность», № 8:

Из: Шитова В. Вымысел без мысли

<...>

В рассказе Аркадия и Бориса Стругацких «Забытый эксперимент», написанном по горячим следам гипотезы астронома Козырева об энергии времени, эта самая энергия «стекает в колонны и накапливается в них», давая потом ужасные взрывы и отравляя десятки километров тайги «голубым туманом» — «продуктом взаимодействия неквантованной протоматерии с воздухом и водяными парами». Тайга превращается в царство ужасов: животные вырождаются в «совершенно новые формы, страшные и уродливые: вот и комар кусается, как зверь...»

И уж совсем кошмарные события <...>

<...>

А как выглядят люди? Чаще всего писатели отделываются от описания героя одной фразой типа «горделивый красавец», «невысокий стройный человек» или «жгучий брюнет с фантастическим носом». Когда же они берутся дать его обстоятельный портрет, то они делают это

так: «Лицо его, обтянутое бурой изрытой кожей, казалось маской, тонкогубый рот сжат в прямую линию, а из-под мощного выпуклого лба холодно и внимательно уставились... круглые, без ресниц, глаза». Или: «Кирпично-красное лицо, маленькие, близко посаженные глазки, облезлая лиловатая шишка носа, жесткая щетина, торчащая вперед над вогнутым лбом». Или еще: «Огромный грузный человек с темным, почти коричневым неподвижным лицом», у него опять же «маленькие» и опять же «без ресниц» глаза.

Вот так — между выспренними, безвкусными описаниями («пластически совершенная... по-женски обаятельная в земной обыкновенности и романтически необычная в трагичности судьбы») и «реалистическими деталями» вроде «облезлой, лиловатой шишки носа» — и колеблются авторы «Лунной дороги» и «Конца пути», «Крыльев» и «Баллады о звездах», «Страны багровых туч», рассказов «Один» и «Извне» (здесь мы уже не ограничиваемся журналами и берем также и книги, вышедшие в то же время в разных издательствах).

И что особенно огорчает:

очень уж трудно обнаружить во всех этих произведениях (и не только в них) индивиду-

альность пишущего, его личную, особую тему. Попробуйте различить писателей-фантастов «по голосам», попытайтесь найти в каждом из них своеобразие, — у вас это вряд ли получится, разве что можно хоть в какой-то мере ощутить стремление братьев Стругацких к «мужественной грубоватости» и склонность Валентины Журавлевой к пышной лирической патетике.

<...>

Кстати, все о том же буфете — вот как выглядит заветная мечта победителя Венеры в повести Стругацких «Страна багровых туч»: «...на этом самом месте можно будет выпить кружечку холодного пива, как в павильоне на углу Пролетарского проспекта и улицы Дзержинского в Ашхабаде». И много, очень много найдешь у наших фантастов подобного «пива на Венере» — все той же убогости мыслей и чувств.

<...>

Страшное? Вот этого здесь сколько угодно! И отвратительного тоже.

«Там, наполовину погруженная в зеленовато-розовую слизь, восседала кошмарная тварь, похожая на помесь жабы и черепахи, величиной с корову. Там были слоноподобные бронированные тараканы, красные, непомерной длины

тысяченожки, глазастые полурыбы-полуптицы ростом с автомобиль, и что-то невероятно расцвеченное, зубастое и крылатое, и что-то вообще неразборчивых форм... В соседнюю камеру, где сидели два больших черных существа, похожих на грибы с глазами, пополз голубой дым, и «грибы» начали корчиться, судорожно и беспомощно скакать по камере». Потом змея «поместили в другую камеру, где он сидел вполне тихо и прилично. А «грибов» с глазами я больше так и не видел». Зато «однажды что-то грузное, с тускло блестевшей кожей, тяжело отдуваясь и хрипя, выползло из трясины, уставилось гнусными белыми бельмами. Огромные лиловые слизняки ползли по броне планетолета... Плотоядное растение разрывало на части отчаянно бьющуюся гигантскую гусеницу; кто-то кричал во мгле хриплым, надрывным криком; в тумане как бы по воздуху проплывала вереница сцепившихся волосатых клубков — шевелились трепещущие клейкие нити, огромная цепь казалась бесконечной. Михаил Антонович, задраив люк, ушел спать, так и не увидев хвоста чудовища»...

Вот именно — «так и не увидев хвоста чудовища». Писатели-фантасты старательно, с каким-то странным удовольствием населяют Вселенную

уродами и химерами: прозрачными «недочеловеками», гигантскими бактериями, радиоактивной багровой плесенью.

Если им поверить, то мир неведомого, который откроет нам будущее, — это мир ужасов, мир «грибов с глазами».

Если им поверить, то даже на нашей милой Земле можно будет со временем увидеть такое животное, как несчастный лось из рассказа Стругацких «Забытый эксперимент»: «...его рога... потрескались и сочились кровью. Белая скользкая плесень покрывала рога... У лося не было глаз. Вместо глаз белела скользкая плесень».

<...>

Журнал «Звезда», № 8:

Горбунов Ю. Неужели так будут говорить люди будущего?

Познакомясь с научно-фантастическими рассказами и повестью А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» (изд-во «Молодая гвардия», 1960), приходишь к печальному выводу, что люди будущего — это далеко не передовые люди, недостатки которых ни время, ни образование не исправили.

Послушайте, как говорят герои повести:

— Не ори на нее, козел! — гаркнул атмосфер-

ный физик Потапов.

— Лопать захочет — придет.

— Ерунду порет Грегуар...

«Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды»...

«У него такая особая морда».

Герои называют друг друга «извергами», «бездельниками», «слепыми филинами», «трепачами», «мальками»...

Неужели авторы повести решили, что люди будущего будут так говорить?

АБС не выдерживают. Они пишут в конце августа свою программную статью «Про критику научной фантастики», где дают свое определение фантастики и подробнейше описывают ошибки критиков, берущихся анализировать фантастические произведения. В статье они даже приводят список запрещенных приемов для критиков. Оканчивается статья такими словами:

«И вот тогда писатель, потный от злости, хватает неуклюжую критическую рапиру и начинает неумело тыкать ею в серую критическую массу.

А теперь, расставаясь с читателями, хочется пожелать нашим критикам еще больших успехов».

Эта статья, к сожалению, не была в то время опубликована, но ею АБС пользовались, делая доклады на различных семинарах и конференциях, посвященных фантастике.

К сожалению, из-за объема статьи здесь мы ее привести не можем и отсылаем читателя к 11-му тому собрания сочинений «Сталкера».

В начале сентября К. Андреев пишет очередную рецензию на повесть АБС:

Андреев К. Рецензия на «Стажера»

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Стажер (научно-фантастическая повесть)

Новое произведение А. и Б. Стругацких только очень условно можно назвать повестью. Это — ряд самостоятельных рассказов, связанных между собой очень мало и объединенных лишь единой темой — завоевание Солнечной системы в эпоху, отдаленную от нашего времени промежутком примерно в сорок-пятьдесят лет, и несколькими главными героями, проходящими через большинство (но не через все) рассказов.

В этом определении не содержится никакого упрека: каждый рассказ имеет самостоятельный сюжет, вполне законченный, а степень их связи

может быть не большей, чем связь серии конан-дойлевских рассказов о Шерлоке Холмсе. Плохо другое — авторы очень произвольно и в высшей степени неудачно попытались их объединить фигурой Юры Бородина, молодого рабочего, «вакуум-сварщика», отправляющегося на планету Рея к месту своей первой работы. Отсюда и название повести «Стажер».

Написана повесть умно и талантливо, но как-то торопливо и фрагментарно. Поэтому все время хочется назвать ее рукописью, а не книгой: перед нами не законченное произведение, которое можно вынести на суд читателей и критики, а лишь один из этапов незаконченной работы авторов. Но нет никакого сомнения, что книга обязательно будет, что она должна быть!

Во-первых — неудачно название «Стажер». Юра Бородин безликий «голубой герой», не имеющий собственного лица, так как он не участвует в действии и его характер не может раскрыться перед читателем. Но он также и не является теми глазами автора и читателя, которыми мы наблюдаем совершающиеся события. Да он, кроме того, никакой и не стажер — он лишь случайный пассажир, участвующий в экспедиции генерального инспектора Межпланетных путей сообщения.

Главные герои рукописи — Юрковский, Быков и Крутиков — знакомы читателям по роману А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч» и по их же повести «Полет на Амальтею». Здесь они старше и опытнее. Повесть «Стажер» можно было бы считать продолжением первых двух произведений, если бы не совершенно иной ее внутренний пафос.

Опыт мировой литературы говорит о том, что всякого рода продолжения бывают слабее первого произведения серии. Конечно, Александру Дюма было жалко расставаться со своими мушкетерами: их характеры уже были созданы и их любили читатели. Но механическое повторение их приключений не могло создать нового произведения. Другое дело в трилогии Жюля Верна. Конечно, ему тоже трудно было расставаться с капитаном Немо. Но в «Таинственном острове» он уже не главный, а второстепенный герой, и судьба его иная. И у Фенимора Купера его Кожаный Чулок в каждом романе серии совершенно иной и действует он в совершенно новой обстановке.

То же самое и в повести братьев Стругацких. Если Быков и Крутиков только постарели, то Юрковский еще и литературно вырос. Это очень яркий герой, с очень сложным и одновремен-

но цельным характером, и это большая удача авторов.

Естественно, что Юрковский оттесняет других героев и совершенно заслоняет бледную тень Юры Бородина. Именно о Юрковском написана повесть, и она скорее должна была бы называться «Последняя инспекция», или что-нибудь в этом роде, а Юра должен либо совсем исчезнуть, либо получить свою судьбу, свой характер и принять участие в действии.

Внешний сюжет повести — облет Генеральным инспектором всей Солнечной системы, внутренний — смерть старого представления о героизме и победа нового героизма, растворившегося в пафосе труда и условиях будничного быта в необыкновенных обстоятельствах.

В этом большая победа подлинно советской реалистической научной фантастики и гуманистический пафос повести.

Герои стареют, выходят в тираж или погибают. В этом еще нет социального пессимизма. Но социальный оптимизм требует, чтобы этому была противопоставлена побеждающая молодость, будням завоеванной Солнечной системы — огромные перспективы нового, третьего тысячелетия. Все время ждешь, что пессимизму

пролога будет противопоставлен пафос новой победы человеческого гения и труда, что Быков поведет первую в мире звездную экспедицию (а тем, кто читал предыдущую рукопись Стругацких «Возвращение», известно, что так и будет). Однако в рукописи этого нет; нет и эстафеты поколений, которая может быть противопоставлена какой-то уходящей эпохе.

Но, даже при таком истолковании сюжета повести (если это повесть), равновесия частей в ней, четкой конструкции, все же нет.

Не вызывает, конечно, возражений включение в текст вставных новелл, подобных превосходному рассказу о гигантской флюктуации или повести об одноногом Пришельце. Но весь цикл марсианских рассказов очень косвенно связан с остальными частями повести и носит самостоятельный характер. Кстати, к ним совершенно необходимо примыкает еще один рассказ о Марсе, раньше опубликованный, который почему-то не включен в повесть.

Для читателей, знакомых с героями повести по прежним произведениям Стругацких, — а на это, по-видимому, рассчитывают авторы, — было бы интересно узнать, что же происходит в Урановой Голконде на Венере, открытой в романе «В стране

багровых туч».

Кстати в некоторых рассказах, поскольку главное в них — психологические конфликты, действие вполне может быть привязано к любой планете, в частности — и к Венере. К ним можно отнести главы-рассказы: «На Дионе. На четвереньках» и «Бамберга. Нищие духом».

Кстати о последнем рассказе и о некоторых других. Вызывает сильное сомнение возможность сосуществования социалистической (или коммунистической) и капиталистических систем через сорок-пятьдесят лет, в условиях покорения всей Солнечной системы, да еще в формах уже отживающих (в рамках ООН). Или это попытка найти формы сосуществования с современной американской научной фантастикой?

Несколько частных замечаний:

Во многих других произведениях братьев Стругацких упоминаются марсианские ящерицы — мимикродоны. Где они в повести? Их — нет.

Реализация завтрашнего дня в снижении романтики Космоса (это ведь завтрашний или послезавтрашний день) в повести Стругацких очень удачна. Но все же какая-то специфика должна остаться. Пусть на Марсе, «на дворе», температура «81 градус мороза». Но вряд ли воз-

можны на космических кораблях «этажерки», «книги» и едва ли не «комоды» и «самовары».

Писать дальше — значит уже редактировать рукопись братьев Стругацких. Но сейчас, на данном этапе, редактировать ее должны они сами (а может быть, и писать дальше).

Частный вопрос (литературно), но главный с издательской точки зрения: можно ли использовать эту рукопись — полностью или частично — для альманаха «Мир приключений»?

Мне лично казалось бы целесообразным (и очень интересным), выделив цикл рассказов о Марсе, напечатать его в Альманахе. Но, учитывая сроки выхода альманаха и отдельных книг, можно лишь выразить пожелание, но не принять решение.

Кирилл АНДРЕЕВ.

6.09.61.

Письмо Аркадия брату, 7–11 сентября 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Наверное, ты получил уже статью. Я ее прочитал, посоветовался с друзьями (Андреева еще не видел) и пришел к выводу, что надо из нее вынуть 2-ю, 3-ю и 4-ю стр. Вынул, стал читать — и что

же! — статья стала лучше. Посмотри и скажи.

Второе. Пришла рецензия Андреева на «Стажера». Пересылать ее я, пожалуй, не буду, громоздко, а вот ее главные положения.

1. «Написана повесть умно и талантливо, но торопливо и фрагментарно».

2. Авторы произвольно и очень неудачно объединили эти в общем разрозненные рассказы фигурой Ю. Бородина.

3. Неудачно название, стажер в действии не участвует и не является глазами авторов.

4. В отличие от других трилогий, «Стажер» хорош — фигурой Юрковского, «это очень яркий герой, с очень сложным и одновременно цельным характером, и это большая удача авторов». Он всех заслоняет.

5. «Юра должен либо совсем исчезнуть, либо получить свою судьбу, свой характер и принять участие в действии».

6. «Внешний сюжет повести — облет Солнечной системы, внутренний — смерть старого представления о героизме и победа нового героизма, растворившегося в пафосе труда».

7. «Все время ждешь, что пессимизму пролога будет противопоставлен пафос новой победы гения и труда, что Быков поведет первую звездную...

Однако в рукописи этого нет; нет и эстафеты поколений, которая может быть противопоставлена уходящей эпохе».

8. Предложено показать Урановую Голконду и перенести на Венеру «Нищих духом».

Вот, в общем, и все. Остальное — разговоры для тех, кто рукопись не читал.

Жду ответа. Твой Арк.

Большой привет маме и Адке.

P. S. Начальство все настаивает отдать «Стажера» в альманах. Я отговариваюсь ожиданием Жемайтиса. Привет тебе от Толи Днепрова.

Письмо Аркадия брату, 12 сентября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб!

Сидел я это сидел над Андреевской критикой и решил вот что. Надо бы действительно Венеру дать. Махонькую главку, куда и Бамбергу перевести. Задумал — сделал. Набросал черновую главку на семнадцать страничек. Идет все вместе таким образом: после последней марсианской главы «Облава» идет новая глава «Венера. На берегах Урановой Голконды». Затем идет «Венера. Нищие духом». Затем идет «Тахмасиб. Гигантская флюктуация». Затем «Эйномия. Смерть-планет-

чики», затем «Диона. На четвереньках» и дальше по-старому. Ну-с, это все в порядке предложения. Если ты в принципе не возражаешь, черновик тебе вышлю, а ты тогда его как следует переделаешь, утвердив те идеи, которые тебе понравятся, и выбросив те, что тебе не поличат. Писал я без ссылок на художественный вкус, блевотно писал, ты уж извини.

Это о делах. Теперь о развлечениях. Прочитал я в «Неве» интереснейшую повесть — это 6, 7, 8 №№, Глеба Алехина «Мертвый хватает живого». Интересна она помимо всего прочего (детектив) еще и тем, что наводит на размышления о возможности применения такого метода в нашей литературе. Метод в том, что движущей пружиной повести служат не внешние события, не психологические скачки, а философско-логические идеи. Прочитай и напиши свое мнение.

Как у тебя дела в рассуждении отпуска? Отпустят тебя или нет? Об этом отпиши скорее. А неплохо будет проболтаться вместе недельки две, никуда не спеша, со смаком все обговаривая и набираясь новых идей, а?

Статью нашу Андреев раскритиковал, я возражать не стал, хотя критика не показалась мне убедительной. Андреев сказал, что через недели

две сам выступит в «Литературке» со статьей, да мне в это как-то не шибко верится. Треплы они все, эти баре из ССП. Что Андреев, что Кассель, что все остальные. Активно они начинают двигаться только тогда, когда им самим наступят на хвост. Как Казанцев — задвигался мартышкой прямо. Ну, черт с ними. Мы еще посмотрим вместе эту статью и, возможно, все же сунем ее куда-нибудь.

Вот пока все. Целую, твой Арк.

Привет маме и Адке.

Письмо Аркадия брату, 26 сентября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Неприятные известия.

Меня забрали в армию на три месяца, буду стажироваться в одной из академий на казарменном положении с послезавтра до Нового года, с отпусками на воскресенье. Т. о. «Стажер» придется делать порознь, и притом срочно. Времени уже мало. Пиши и присылай мне свои соображения. Пиши чаще. В казармах, я думаю, найду время для работы.

Действуй.

Жму руку, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 8 октября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Приехал вчера на побывку, получил твое письмо. Только без паники. В нашем случае обстоятельства сильнее нас, а посему придется нам применяться к обстоятельствам. Работай, присылай, я тоже буду работать (гл. образом по твоим материалам) и посылать, глядишь, все и будет хорошо.

Относительно мамы. Я от нее тоже не имею ничего, послал ей письмо, ответа нет. <...>. Пиши еще раз. Я написал.

В «ЛиЖи» за 4 окт. в статье о журнале «Урал» некто Лобанов облаял «Возвращение»331. Опять та же история, то же недомыслие и скудоумие, то же барское пренебрежение и пр. Я как-то не реагирую. Надоело, понимаешь, реагировать. Даже какое-то удовлетворение испытываю. Если, мол, «ЛиЖи» ругает — значит, даже в уральском варианте что-то удалось.

А я, брат, снова в казармах. Прочно, до Нового года. И ничего, знаешь ли. Глупая и формалистическая военная жизнь на 3 месяца — не так страшно. Лишь бы не навсегда. Построения, направо, налево, кругом, встать, мать, трах-тах,

тах... Ничего. Это не опасно, переживем. К тому же меня поставили командиром, так что я еще в привилегированном положении. Ну, а ты не дрейфь. Работай. Я буду приходить домой каждую субботу и буду надеяться, что сразу обнаружу у себя на столе конверты и бандероли от моего брата и соавтора.

Целую крепко, привет Адке,

твой Арк.

Кроме упомянутой статьи Лобанова в «Литературе и жизни» в 10 номере журнала «В мире книг» появилась такая заметка:

Голдовский Б. Кое-что о «мальках»

...Перед пультом толпилась целая куча явных мальков. Они переругивались, размахивая руками, и отпихивали друг друга... Мальки взревели. Кого-то стащили с кресла и выпихнули прочь. Он был взъерошен и громко кричал:

— Я же говорил!

— Почему ты такой потный? — презрительно спросил его Панин (стр. 93).

— Ну, — сказал Панин, — чтобы в такой обстановке остаться че-ло-ве-ком, надо озвереть.

Он схватил Гургенидзе за шею и согнул его пополам (стр. 106).

— Трепачи, — возразила Гала (стр. 32).

— Не понимаю, как можно так откровенно заботиться только о своем брюхе... (стр. 33.)

— Не ори на нее, козел! — гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов (стр. 8).

— Изверг! — воскликнул Дауге.

— Без-здельники, — сказал Быков.

— Это он, — сказал Дауге трагическим голосом. — Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!..

— Знаете что, планетологи. — сказал Быков. — Подите вы к черту! (стр. 11.)

Это не сценки из быта малолетних правонарушителей. Это описание жизни людей будущего в книге А. Стругацкого и Б. Стругацкого «Путь на Амальтею», изданной «Молодой гвардией» в 1960 году.

Да и внешне все эти скандалисты (простите, люди будущего) малопривлекательны.

«...за столом у вычислителя сидел штурман... подперев пухлым кулачком двойной подбородок» (стр. 11).

«Отсидел физиономию, — подумал Жилин» (стр. 77).

Прочтешь такое и подумаешь: «Спасибо братьям Стругацким за то, что «ясную» картину

будущего нам явили. А то ведь иной чудак живет и не ценит нынешней благодати, в будущее рвется. Сейчас хоть милиционеры есть. А если в будущем начнут хватать за шею, гнуть в дугу, всякими словами обзывать, кому пожалуешься?

И еще спасибо издательству «Молодая гвардия» за то, что столь своевременно останавливает нашу не в меру горячую молодежь на полпути в грядущее, издав книгу Стругацких тиражом в 315000 экземпляров».

Но АБС теперь более интересует то, что ОНИ пишут, а не то, что ПРО НИХ. В то же время в 10-м номере журнала «Техника — молодежи» выходит их краткая статья.

АБС. От бесконечности тайн к бесконечности знаний

Аркадий и Борис Стругацкие — авторы нескольких научно-фантастических книг. Профессии у братьев разные: Аркадий — филолог, Борис — физик. Но у обоих одинаковая увлеченность, одинаковое пристрастие — космос. Сейчас Стругацкие закончили работу над новой книгой. В ней говорится о людях, живущих при коммунизме:

Много десятков или сотен веков назад кто-то где-то впервые произнес слово «МОЕ». Железные

законы истории двинули человечество по дороге жестокой эксплуатации, истребительных войн, великих открытий и великой борьбы угнетенных с угнетателями.

Мы живем в замечательное время. Заканчивается стотысячелетний виток спирали истории. Человечество идет к коммунизму. Коммунизм — это могучее объединение человечества, человечества богатого и свободного. Богатого знанием и свободного от забот о хлебе насущном, от гнетущей эксплуатации, не зависящего от природы и диктующего природе свои законы.

Есть люди, которые представляют себе этот коммунизм как-то странно. Человечество перестает трудиться. Изобилие создают машины. В баках для питьевой воды — лимонад. Или даже пиво. Есть все и в любых количествах. Нет только невыполнимых желаний. Человечество только нежится на полном иждивении машин. Нечего хотеть, не о чем мечтать, не к чему стремиться.

Это не коммунизм. Это мертвящая скука. Коммунизм — это братство закаленных бойцов, знающих, жизнерадостных, честных. Да, будет изобилие. Да, будут машины, множество хитроумных машин, выполняющих всю неприятную и однообразную работу. Но не для того, чтобы

человек заплыл салом от лени. Изобилие и машины нужны для того, чтобы освободить человека для выполнения высшего его назначения — для творчества.

Мы уверены: коммунизм — это не жирный рай проголодавшегося мещанина и не сонно-розовая даль поэтического бездельника, коммунизм — это последняя и вечная битва человечества, битва за знание, битва бесконечно трудная и бесконечно увлекательная. И будущее — это не грандиозная богадельня человечества, удалившегося на пенсию, а миллионы веков разрешения последнего и вечного противоречия между бесконечностью тайн и бесконечностью знания.

Письмо Аркадия брату, 15 октября 1961, М. — Л.

Дорогой Борис!

Получил твое отчаянное письмо. Наныл ты в нем ведра на два, меня даже зло взяло. Тоже мне, структурное поле, бродящее в г... по колено и излучающее... Возьми себя в руки. Совершенно уверен, что весь твой пессимизм вылупился из квартирного вопроса.

Что касается денег, то

1) Вышло одобрение в «Мол. Гв.» — значит, пришлют деньги. На всякий случай напиши по

тому же адресу в бухгалтерию: «Так и так, одобрение есть, а деньги прошу перевести туда-то и туда-то».

2) Зайди в Лендетгиз, узнай, как дела там, попроси свои 100 %; они в печать подписали, ты имеешь право.

3) Скоро в «Мол. Гв.» выйдет очередной сборник, тоже выплата.

4) На Украине в «Наука та праця» в № 10 вышли «Свічки перед пультом». Тоже деньги.

5) Наконец, если всего этого не хватит, напиши в Детгиз аналогичное письмо (как ты писал Клюевой) на имя Виктории Сергеевны Мальт, это наш редактор. Напишешь, что надо бы 100 % выплатить, ибо нуждаюсь сильно в деньгах. Понял?

По пунктам 1–4 получишь, вероятно, ок. 700 руб (новыми). И Детгиз отломит ч.-л. Ну и, в крайнем разе, я соскребу последнее. Вывернемся, надо думать.

Ситуаций никаких прислать не могу. Мне, брат, не до ситуаций. С 7.30 утра до 11 вечера хожу в ремнях и сапогах, не чаю до кровати добраться. Впрочем, если что придет в голову, напишу незамедлительно.

Сегодня иду встречать маму. Как это ни странно, не получила она ни одного письма от нас. И

очень обижена.

Ну, все. Жму руку, целую.

Не зверей от отчаяния, не уподобляйся. И немедленно пиши.

Твой всегда Арк.

Письмо Аркадия брату, 21 октября 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ну что это ты совсем раскис? Мало ли как могут сложиться дела, так что же теперь — кровью блевать, что ли?[332] Ну, не удастся нам встретиться до Нового года, что из того? Все сделалось слегка сложнее, только и всего. Будь ироничен и преисполнен жалости[333]! Вперед, к победе на литфронте! Видишь, «Свічки» вышли, позавчера мне сказали, что уже продается молодогвардейский сборник с нашими «Великим КРИ» и «Алаидом», а там, глядишь, выйдет и ленинградский сборник. Так что вообще-то все хорошо, а «хвале и клевете внимайте равнодушно»[334]. Все это грязная газетная сволочь, и ни хрена их похвалы и их бл...словие не стоят.

Как все-таки со «Стажером»? Ты давай вот что: если к концу недели ничего порядочного не сделаешь, посылай все эти обрывки и эпизоды, о которых ты писал. Гони их сюда, они меня вдох-

новят, как всегда, и я чего-нибудь выложу. Гони, браток. Ведь 1 декабря совсем рядом.

Ну, крепко целую тебя, твой Арк.

А газеты с Адкой у нас, конечно, нет. <...>

Письмо Аркадия брату, 29 октября 1961, М. — Л.

Мой дорогой мальчик!

Получил твое письмо, и очень меня беспокоит твое настроение. Что это ты так уж опустил крылья... Не выходит, и плешь с ним. Я же тебе говорю: в ближайшее же время посылай свои скетчи и отдельные фразы, а там я, даст бог, что-нибудь придумаю. И книжечка пойдет. Держи хвост трубой, паря, не вешай носа! Жду эти самые разговоры, фразы и *все* наброски. Оных чтение облегчит мне детонацию к взрыву фантазии, надо думать. Итак, жду.

Теперь мне хотелось бы изложить тебе кое-какие мыслишки по поводу, пришедшие мне во время моих армейских бдений. Буду их излагать в той последовательности, в какой они ко мне приходили. Итак:

А) Стоит ли нам нашу новую повесть (о Горбовском) делать фантастической? Отлично можно было бы изложить историю человека нашего времени, применив методику «дней рождения»

или иных «пунктирных» изложений, отражающую только отдельные, решающие этапы жизни главного героя и его приятелей. Тут и война, тут и разгул Берии, тут и обсерватория, и армия, и писательство, и дружба, и вражда и прочее. Что нам хуже всего удается в нашей фантастике, так это детали. Их вообще почти не бывает. И вот мы дадим книжку, набитую деталями. И настоящей жизнью.

Б) Стоит ли в дальнейшем вообще работать на научную фантастику? Брат наш и соавтор решительно высказался в одном письме, что стоит. Что ж, он прав. Но писать серьезно в области фантастики мне как-то сейчас кажется странно. В фантастике остается одна генеральная несработанная идея: создать хороший приключенческий веселый кровомясной роман с героями. На романтической, а не реалистической платформе. Вот почему. Если мы ставим перед собой задачу высказать то, что мы думаем за жизнь, то фантастика в наше время — это средство негодное. Никто ее не принимает всерьез. Наверное, такое впечатление произвела бы счетная машина, украшенная коньковой крышей с петухами и слюдяными разноцветными окошечками. Все ожидают, что это украшение и забавная шутка, а

это машина. И все говорят разочарованно: мы к настоящим машинам и сами можем сходить, вы давайте нам шутку, раз уж обещали. И Вася-кот.

В) А что же фантастика? Думается мне, что для решения морально-этических проблем, кои нас все время волнуют, фантастика перестала быть радикальным средством. Разве что так, попутно. Вот если бы мы могли или попробовали бы взяться за такую проблему, как «Мораль и наука в будущем», или «Следствия воздействия полного бытового комфорта на формирование личности члена коммунистического общества» — то это другое дело. Но согласись, что все весьма спекулятивно и не очень практично. А в общем, отпиши свое мнение. Ну вот и конец.

Передай привет Адке.

Твой Арк.

Ранее в основном один АН посещал различные общественные мероприятия, касающиеся фантастики, теперь приходит черед и БНа.

Письмо Е. Брандиса БНу, 30 октября 1961

Уважаемый Борис Натанович!

Ленинградские писатели и критики, причастные к научной фантастике, очень хотели бы видеть Вас на собраниях нашей комиссии

научно-художественной литературы, которая объединяет и фантастов. Об этом я уже Вам говорил при встрече в Москве. Сейчас пользуюсь случаем сообщить Вам, что комиссия возобновила работу. Очередное собрание в пятницу 10 ноября, в 7 ч. в. — будет посвящено обсуждению повести Геннадия Гора «Докучливый собеседник» («Звезда» № 7).

Г. С. Гору очень бы хотелось, чтобы Вы сочли возможным присутствовать и познакомились бы с Вашими ленинградскими коллегами. Как секретарь оной комиссии («что за комиссия, создатель!..») я готов оповещать Вас о заседаниях, которые могут представить для Вас интерес, если Вы, конечно, пожелаете.

<...>

Желаю Вам всего лучшего. Е. Брандис

У автора этого письма уважительное, но слегка неоднозначное отношение к АБС и их творчеству, о чем можно узнать из статьи, вышедшей в то же время в журнале «Октябрь» (№ 11).

Из: Брандис Е., Дмитревский В. Орбита большой мечты

<...>

Можно ли поверить, что для завоевателей

Космоса будет характерен нарочито стертый и вульгарный язык, каким изъясняются ученые, работающие на Амальтее — научно-исследовательской станции на пятом спутнике Юпитера («Путь на Амальтею» А. и Б. Стругацких)? Авторы нередко принижают своих героев, теряют чувство подлинного масштаба времени и событий, а вместе с тем теряют и романтическое начало, ощущение той дистанции, которая должна отделять мечту от повседневной действительности, наше сегодня от нашего завтра.

<...>

Ведутся споры и на такую тему: допустимы ли научно-фантастические произведения, в которых главная роль отводится не самому человеку, а какому-нибудь открытию или изобретению? В качестве примера и положительного ответа на этот вопрос можно назвать рассказ А. и Б. Стругацких «Испытание Скибр» или рассказ А. Днепрова «Крабы идут по острову». Очевидно, в таких вещах наиболее интересна ищущая мысль автора, его отношение к событиям. И хотя удачные произведения подобного рода не могут, конечно, определять основное направление нашей научно-фантастической литературы, сбрасывать их со счета нельзя. А это сделала, кстати сказать, В.

Шитова в статье «Вымысел без мысли» («Юность» № 8), смешав воедино и хорошие и плохие рассказы и подвергнув их сокрушительной критике.

<…>

Письмо Аркадия брату, 6 ноября 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мальчик!

Очень рад, что твоя работа заканчивается. Жду с исполинским нетерпением, и чешутся руки. Рад, ужасно рад. И книга получилась, вот те крест! Я уж это предчувствую! К первому декабря сдадим с машинки в двух экземплярах в «Мол. гв.» честь по чести.

Деньги, кои ты получил в «Мол. Гв.», видимо, по одобрении, хотя не исключено, что это и за «Лотос». Теперь так. Я забежал перед праздниками на работу, Вика335 показала мне твое письмо и сказала, что тотчас после праздников возьмется за дело. Так что все будет хорошо.

Упреки принимаю и со стонами и визгами отмежевываюсь от прежних точек зрения, узколобого кретинизма, биологизма и пр.

Заметано: «*Стажеры*».

Целую, твой Арк.

Привет Адке.

Письмо Аркадия брату, 15 ноября 1961, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Прости, что задержал ответ. Получил рукопись, но взяться за нее не мог, ибо замотали в казарме, да еще пришлось выезжать в поле, на холод, заниматься топографическим онанизмом.

Рукопись прочитал сходу, понравилось. Сейчас начинаю работать. Глава, коию ты написал, неплохая. Дает сразу и Жилина, и Быкова. Слегка подправил, и все будет хорошо. О ходе работы буду писать.

С дополучением денег в Детгизе ничего, к сожалению, не вышло. Оказывается, они могут давать такие ссуды только под гарантийное письмо Литфонда. А мы с тобой не являемся членами оного. Так что придется изворачиваться как-нибудь. Но я полагаю, теперь у нас капиталов хватит. У тебя есть рублей шестьсот, а то и больше, и у меня около тысячи, обернемся. Ты только напиши, когда и куда высылать.

Ну, пока все. Спешу к рукописи, к Стажерам, на крыльях этой, как ее... Мельпомены? Или Афробздиты?

Целую, твой Арк.

Чего это мама мне не пишет?

Письмо Аркадия брату, 20 ноября 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Я немного выбился из графика переписки, буду наверстывать. Полагаю, что ответ на это письмо я уже получу не позже след. воскресенья.

Ну, дела такие. Вожусь со «Стажерами». Сейчас дошел до ответственного места и делаю передышку. Главу, которую ты написал, я слегка (на одну страницу) сократил, кое-что подправил и вставил после «Марс. Облава» и перед «Эйномия. Смерть-планетчики». Как ты полагаешь? По-моему, это своевременно. Вовремя дать образы Быкова и Жилина, чтобы читатель ими заинтересовался. Назвал я главу «Тахмасиб. Польза инструкций». Пусть будет так.

Изменений мало, больше стилистического порядка. Твои вставки приемлю. Сделал изменение в «Облаве» — то место, где Жилин пихает Юру. Юра обижается, а Жилин его ласково утешает, извиняется и *просит не беспокоиться* о Юрковском. Жилин сделал вид, что понял этот порыв Юры как желание защитить прыгнувшего к пиявкам Юрковского. И Юра после этого удручен и устыжен. Не знаю, как это получилось у меня, но мысль, по-моему, недурна. Столкновение с

Жилиным приобретает идейный смысл и как-то характеризует Жилина, а?

Так благословясь добрался до «Четверенек» и остановился. Глава нуждается в коренной переделке. Все характеристики, все разговоры надо изменить. Юра — откровеннее сделать его неприязнь к фальши, которую встречает сразу же. Смелее его, драчливее и холоднее. Благослови, владыко, приступаю.

Самораскрытие Жилина, кое ты мне поручил, полагаю сделать внутренним монологом в виде отдельного раздела в «Гигантской флюктуации», после всего. Но еще не уверен. Решу окончательно, когда стану проходить по книге второй раз.

Вот и все дела. Что мама не пишет? Привет Адке.

Ужасно хочется в Ленинград.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 26 ноября 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мой дружище!

Дела идут ничего. Казарма осточертела до кадыка. Да ладно, хрен с ней. Вот какие новости:

а. «Золотой лотос» авторские я взял. Если хочешь — пришлю, а то и привезу.

б. Дней через десять пришлют договор на «Ста-

жера» в сокращенном виде в альманах «Мир приключений» (детгизовский). В альманах я дал главы: Мирза-Чарле, Марс, Флюктуация, Кольцо-1 и пролог с эпилогом. Героем там, естественно, получается отчетливо Юрковский, и повесть названа «Генеральный инспектор». Изменений, которые мы даем в молодогвардейское издание, делать там не буду (помимо стилистических).

в. «Мол. Гвардия» требует заявку на повесть в план 1963 года. Не отказываюсь. Даю от нашего с тобой имени заявку на утопическую повесть «Родился в 2017-м» (название условное), рассказывающую об эпизодах обычной для современников, но необычной для нас жизни молодого человека середины 21 века. Это та самая повесть, которую мы замыслили. Объем положил 10 авт. листов. Ладно ли?

г. В Румынии вышла «СБТ». Скоро, думаю, получим.

д. Послал в ГДР письмо (от них пришло поздравление к празднику, больше хамить было нельзя) с благодарностью за перевод.

е. В новом выпуске альманаха «На суше и на море» есть статья французского ядерника о советской фантастике[336]. Очень нас хвалит.

ж. Прочитал в «Октябре» Брандиса и К°[337].

Дрек338. Надоели уже эти общие соображения.

з. Сижу над «На четвереньках». Идея коренной ломки не получилась. Делаю малые исправления. Да оно и так не плохо.

Что бы тебе еще сообщить? Да!

и. Прочитал н-ф повесть японца Масао Сэгава «61 Лебедя». Отличная приключенческая гуманистическая светлая штука! Сразу захотелось написать ч-л в том же роде. Чтобы были джунгли Пандоры, исчезновение, случайности, пальба, аварии и прочее, и без особой психологии.

Вот и все. Крепко целую, твой Арк.

Поцелуй Адку.

Да сообщи, когда нужны деньги.

АН упоминает в письме Румынию, ГДР, Францию… Да, АБС уже активно публикуются за рубежом. Начинается долгий период общения с иностранными издателями и переводчиками.

Письмо от чешского переводчика, 27 ноября 1961

Уважаемый товарищ Стругацкий!

Государственное издательство детской литературы в Ленинграде выполнило мою просьбу и выслало мне Ваш адрес. Разрешите мне представиться: я Иосиф Тыч, работаю переводчиком на

одном заводе недалеко от Праги, живу в Праге. В 1957 г. я окончил филологический факультет университета Карла в Праге. Сейчас уже сотрудничаю с некоторыми чешскими издательствами.

Я читал некоторые Ваши произведения, мне очень понравились. Я бы хотел Ваши новенькие произведения (рассказы, романы, повести или др. с фантастической и приключенческой тематикой) переводить на чешский язык и печатать их в наших издательствах. Прошу Вас написать мне, согласны ли Вы с моим предложением. Будет ли Ваш ответ положительный, прошу Вас выслать мне вышеуказанные произведения (которые не были до сих пор в советских издательствах изданы и если это необходимо, которые были ими одобрены и приняты для издания). Чешские читатели (взрослые и дети) очень любят читать хорошие фантастические и приключенческие произведения. К сожалению, у нас очень трудно получить такое хорошее произведение, которое бы уже в издательстве не знали. Большинство наших издательств получает книжные новинки прямо из Советского Союза. У меня такой возможности до сих пор нет. И поэтому Вам пишу. Вы не должны беспокоиться о Ваших произведениях — я перевел на чешский язык уже много произ-

ведений из русского и все были отпечатаны в наших журналах, тоже Ваши произведения были бы хорошо переведены и все авторские права были бы обеспечены. Еще раз Вас прошу ответить мне и в положительном случае выслать Ваши произведения.

С глубоким уважением Ваш ИОСИФ ТЫЧ

Письмо Аркадия брату, 28 ноября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю варианты «Четверенек» и начало «Кольца-1».

Исправь и по исправлении живо верни. Не держи ни единого лишнего дня.

Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 2 декабря 1961339, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Итак:

1. «Золотой лотос» выслал.

2. Аванс под «Генерального инспектора» мы получим.

3. Насчет отпуска надлежит уточнить. Я, признаться, просто хотел взять отпуск в феврале и

приехать. А ты как считаешь?

4. Насчет Стругацких в странах дикого Запада — это я узнал из той же статьи француза, а также звонил Лева Петров, приехавший из Канады. Но своими глазами я эти журналы не видел.

5. «На суше и на море» прислать не могу, понеже сам не имею.

6. Просил сообщить, получил ли ты 600 ряб, посланных тебе. Почему не сообщаешь, скотина?

7. За «Амальтею» они не платят и платить в ближайшее время не будут, будь покоен. И ты мне действительно должен за «Амальтею» 852 ряба новыми деньгами, на каковую сумму есть оправдат. документ из Гострудсберкассы, откуда я деньги переводил назад в «Мол. Гв.». Но это пока не имеет значения. Когда (и если) будем строить квартиру — тогда другое дело.

Ну, все.

Целую, Арк.

P. S. А предисловие в «Тех. — мол.» сунул я, понеже от него в Детгизе решительно отказались.

Письмо Аркадия брату, 8 декабря 1961<u>340</u>, М. — Л.

Дорогой Борик!

Вот посылаю тебе — выжал из себя с превели-

ким трудом, просто не знал, что и делать. Это долженствует идти в конец главы о «Гигантской флюктуации», заканчивать ее. Посмотри, почитай, может, ты что-нибудь придумаешь, а может, и забракуешь вовсе.

Здесь я бил на три линии:

1. Восполнить пробел между первой беседой Юры с Жилиным (перед учебной тревогой) и новым концом эпилога.

2. Дать намек на новую «мораль подвига».

3. Дать еще одно звено в цепочку развития Юры: его понимание Жилина — к его слезам в конце книги.

Ну вот все. Правку от тебя получил, все принял.

Целую, твой Арк.

P. S. Возможно, стоит здесь резче подчеркнуть, что Г. Ф. была протестом Жилина против трезвой уверенности Быкова в защиту Случая.

БН же продолжает посещать заседания комиссии научно-художественной литературы.

Письмо Е. Брандиса БНу

Уважаемый Борис Натанович!

Ставлю Вас в известность о предстоящих заседаниях комиссии научно-художественной

литературы:

22 дек. в 18 ч. Обсуждение плана Л. О. Детгиза по разделу научно-худож. литература

январь

12, 18 ч. Чтение и обсуждение научно-фантастических рассказов И. Варшавского (читает автор). Вступ. слово В. И. Дмитревского. (Это Вам интересно!)

26, 18 ч. Лев Успенский. Мои новые работы и замыслы (первый вечер из цикла: «Творческие самоотчеты писателей»).

Нам хотелось бы очень, чтобы Вы чаще показывались на комиссии и в С. П.

С приветом Е. Брандис.

И пресса вроде бы немного успокоилась и дает в общем-то положительную оценку творчеству АБС. Журналы «Звезда» и «Техника — молодежи» публикуют итоговые статьи о современной фантастике. Брандис и Дмитревский в своей статье сначала подробно излагают содержание «Испытания СКР», «Извне», СБТ, а затем, говоря о ПНА, не могут не поспорить с Журавлевой:

Из: Брандис Е., Дмитревский В. Дорога к звездам

<...>

Если многие фантасты изображают освоение космоса в виде каких-то увеселительных полетов, то герои А. и Б. Стругацких переживают трудности и испытания, перед которыми меркнет все, что некогда выпало на долю мореплавателям и землепроходцам, открывавшим новые материки.

<...>

Положительно отзывается о творчестве АБС и Ю. Кротов в журнале «Техника — молодежи»:

Из: Кротов Ю. Фантастика, 1961 год

<...>

Наши писатели часто обращаются к будущему. Незаконченная повесть А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век» составлена из отдельных, острых, своеобразных новелл. Ее герои — это молодые, веселые, немного бесшабашные, язвительные студенты и туристы, которых вы можете видеть (без машины времени) каждое воскресенье на столичных вокзалах. Иногда в полемическом

задоре молодые авторы утрируют этот подход к людям, населяющим их повесть, до того, что фантастические декорации выглядят ненужными.

Но в главном братья Стругацкие правы: они не конструируют фосфорических мужчин и женщин, а внимательно вглядываются в своих современников — какие они? И оказывается, что наши современники богаче, умнее и интереснее всякого бумажного «рыцаря».

<...>

Положительно характеризуют произведения АБС и в книгах. В «Детской энциклопедии» (Желобовский И. Советский научно-фантастический роман // Дет. энцикл. — М., 1961. — Т. 10.) СБТ упоминается как «интересный роман о полете на Венеру».

С. Ларин в своей книге о фантастике пишет:

Из: Ларин С. Литература крылатой мечты

<...>

Братья Стругацкие, сравнительно недавно пришедшие в литературу, последовательно осваивают космическую тему. Их повести «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и некоторые рассказы связаны между собой не только «общими» героями, обстановкой будущей жизни на

Земле, научными проблемами, но и близостью своего художественного построения. А последнее определяется той основной идейной установкой, которая красной нитью проходит через большинство произведений Стругацких: путь на другие планеты — это не легкая космическая прогулка, а ежечасное, ежесекундное героическое преодоление трудностей, когда человеку приходится бороться не только с неожиданными коварными и грозными препятствиями, но и покорять собственное земное тело, неприспособленное по самой своей природе ни к «климату» Венеры, ни к «условиям» Юпитера, покорять свою психологию, ежедневно сталкиваясь с необычным, непривычным, непонятным. Вот на преодолении подлинных, огромных (а не мнимых и при ближайшем рассмотрении весьма мизерных) трудностей и строится острый, динамичный, напряженный сюжет большинства произведений Стругацких.

<...>

А. Казанцев в своей статье «Против абстрактности в научной фантастике» (сб. «Коммунистическое воспитание и современная литература для детей и юношества») приводит в качестве примера АБС как авторов «реалистической» фан-

тастики, в отличие от авторов «абстрактной» — явная попытка переманить АБС в свой лагерь, но попытка, конечно же, неудачная. В этом же сборнике Н. Томан вспоминает так возмутившую АБС публикацию:

Из: Томан Н. Поговорим о научной фантастике

<...>

Одной из немногих научно-фантастических книг, в которых ясна цель космического полета, является «Страна багровых туч», написанная литературно одаренными молодыми учеными А. и Б. Стругацкими. В произведении этом нет к тому же той «развесистой космической клюквы», которая так пышно произрастает во многих научно-фантастических романах и повестях последнего времени.

И очень досадно, что книга Стругацких в статье библиотекаря Г. П. Нефедовой, опубликованной недавно в «Комсомольской правде», несправедливо названа не только антинаучной, но и халтурной.

<...>

Письмо Аркадия брату, 17 декабря 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Все идет хорошо. «Возвращение» в наборе, скоро будет верстка.

Договор на детгизовский вариант «Стажеров» скоро будет готов.

Я сейчас усиленно работаю над этим самым детгизовским вариантом. Приходится многое вынимать — ссылки на Бамбергу, на международные обстоятельства и т. д. Просят сменить название — действительно, «Ген. инспектор» здесь не то. А я назвал: «Должен жить». Вот это, по-моему, то. Напиши мнение.

Скорее высылай окончание «ГФ», я должен был сдать «Стажеров» еще позавчера. Притворяюсь, что меня никогда нет дома. Давай-давай! Плюнь и на английский, и на автомобиль. Давай!

Из «Юности» ни сл. ни д. Плевать я на них...

Адрес моей сберкнижки тебе ни к чему.

Справку послал.

Раздобудь мне два экз. ленинградского сборника.

Целую, твой Арк. Привет маме и Адке.

АБС становятся популярными. Уже и на радио приглашают:

Письмо БНу с Ленинградского радио

Уважаемый Борис Натанович!

Я обращаюсь к Вам и Аркадию Натановичу с просьбой: принять участие в работе редакции науки и техники Ленинградского радио.

О формах этого сотрудничества нам, конечно, надо было бы договориться лично.

Однако уже теперь мне хотелось бы сказать, что для нас Ваше сотрудничество было бы крайне желательным, а для Вас оно тоже могло бы быть интересным. Речь идет о передачах, посвященных работам ученых Пулковской обсерватории, проблемам современной астрономии, астрофизики, астробиологии, космическим полетам и т. д., причем в эти передачи мы сможем включать наряду с познавательными кусками портреты ученых, документальные репортажные записи, научную фантастику (инсценированную и специально поставленную) и т. п.

Мне бы очень хотелось встретиться и договориться с Вами по этому поводу. Мой рабочий телефон: А-1-99-26. Если Вы меня не застанете по этому телефону (это, к сожалению, возможно), тогда, может быть, Вы передадите, когда сможете заехать к нам на Радио? Или черкнете открытку и

напишете, когда и где мы могли бы встретиться?

Мой домашний телефон: А-5-71-83. Но домой мне надо звонить вечером, попозже.

Жду Ваших сообщений.

Редактор Л. Мархасёв

21.12.1961 г.

И еще один подписанный договор (№ 17448) — от 23 декабря 61-го года. Договор этот с Детгизом на повесть «Генеральный инспектор».

Письмо Аркадия брату, 27 декабря 1961, М. — Л.

Дорогой Боб!

Опять несколько подзадержался. Да и ты хорош. У меня хоть уважительная причина — последние три дня заканчивались сборы. Да, брат, вот и кончилось это девяностодневное безобразие, и я теперь свободен.

Дела обстоят так:

1. «Возвращение» получено версткой. Я прочел внимательно, по мелочам поправил. Наши <...> требуют, чтобы было предисловие кого-нибудь маститого. А я не хочу. Во-первых, это задержка, а во-вторых, кланяться не хочется. Да и на что предисловие? Я предложил редакторскую аннотацию, завтра буду ее отстаивать. Вика на моей стороне, будем драться вместе.

2. «Стажеры» сданы в «Мол. Гв.». Там все возятся, никак не могут подобрать художника. В набор пойдет, видимо, в феврале.

3. Вариант «Стажеров» — «Должен жить» готов и включен в альманах. Макаров на свой страх и риск приготовил иллюстрации, но не знаю, примет ли наша художественная редакция.

Вот и все, собственно. Письмо от чеха я получил тоже, но ответь уж ты — именно так, как ты хотел, т. е. весьма уклончиво. Ничего не обещай и ничего не предлагай. Можешь написать, что, мол, наши обязательства перед издательством не позволяют нам пересылать за границу рукописи.

Есть здесь еще одно письмо — от нашего переводчика в Румынии. Он просит прислать для работы «Путь на Амальтею». Ну, с этим я сам расправлюсь. Вот пока все.

Приехать в феврале хочу обязательно. А идеи две есть, и ни одна из них не имеет отношения к «2017». Идея № 1 — сюжет приключенческо-фантастической повести. Идея № 2 — мысль написать пьесу. Давай попробуем, а? На современную тему. Про людей современных, удивительных, веселых, немного злых и оптимистов великих. А? Давай, Боря, а? А пьеса у нас с тобой преотлично бы пошла, уверяю тебя. Диалоги, монологи, поли-

логи — так бы и посыпалось. И образ`а бы создали смачные. Как ты, дружище? Про веселых свирепых оптимистов, умных, знающих, честных. А? Давай попробуем? А «2017» пока отложим. Напишем приключенческую фантастику без особых психологий и пьесу. Вот было бы сма-а-ачно!

Привет Адочке. Поцелуй крепко маму.

Целую, твой брат Арк.

В этом году у АНа в его второй, японской, аватаре вышел (совместный с З. Рахимом) перевод новелл Уэды. Это издание (Уэда А. Луна в тумане. — М.: Худож. литература, 1961) сопровождалось также примечаниями АНа.

В том же году у АБС рассказы печатались в сборниках и журналах: «Великий КРИ» и «Белый конус Алаида» в «Золотом лотосе», «Благоустроенная планета» в «Мире приключений», «Свечи перед пультом» в «Янтарной комнате» — потом все они вошли в ПХХIIВ. Сам ПХХIIВ появился в журнале «Урал» — в сокращении. И в сокращении же вышел ПНА — в рижском журнале «Наука и техника», в двух номерах. Было заключено много договоров, так что немало публикаций ожидалось в ближайшем будущем.

1962

Письмо Аркадия брату, 5 января 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

1. Доверенность вышли немедленно. Форму я послал маме. Заверить надо не у нотариуса, а в домоуправлении или лучше у вас в отделе кадров. Так что твои отговорки насчет времени — пф-фф. В деньгах я сейчас не нуждаюсь, так что, если ты сидишь на бобах — а у меня есть все основания считать, что ты таки сидишь, — я тебе эти деньги привезу сам. Незачем отдавать дяде 140 ряб (старыми).

2. На мой взгляд, предисловие вождей — муть. Но здесь уж ничего не поделаешь. Андреев уже пишет — правда, не предисловие, а коротенькое введение. Завтра он должен принести.

3. О заседании в «Неве» знаю, получил приглашение и даже командировку. Но не приеду. Есть причины. А ты иди обязательно. Задай им перцу, этим лакировщикам. Говори от имени нас обоих.

4. О пиесе и о «2017» еще поговорим. Излагаю соображения по развеселому детективу.

СЮЖЕТ (скелетный): Много-много лет на-

зад на планету Н системы звезды М залетели какие-то шибко культурные супермены, для каких-то надобностей построили всякие действующие установки, побыли десяток лет и улетели, оставив часть установок за ненадобностью. На аборигенов планеты — первобытных людей — супермены 0 внимания, не считая, видимо, себя вправе вмешиваться и развивать или им просто некогда было. По уходе суперменов аборигены, разбежавшиеся было в страхе по окрестным лесам, с любопытством обследовали оставленные чудеса и стали даже дергать рычаги. Стали получаться всякие эффекты, какие можно ожидать от машин суперменов. Постепенно выделилась каста жрецов, которые пугали простой народ, убивали и угнетали, владели этими установками. Эти жрецы возомнили себя всемогущими — от богов, мол, самих такой дар получен.

Прошло несколько тысячелетий, и вот на планету Н прибывают земляне. Это просто любопытствующая экскурсия — дело происходит в веке 40-м, когда махнуть на неоткрытые планеты для развлечения ничего не стоит. В составе экспедиции шесть юношей и девушек и двое молодых жителя Сириуса среднего пола. Это, значит, в знак того, что земляне давно уже подружились

с инопланетниками. Экспедиция разбредается посмотреть и собрать коллекции. Аборигены, натурально, в панике: не второе ли это пришествие. Жрецы понимают, что надо драться, и начинают бой. Техника у них в руках необычайная: машины, управляющие случайными процессами, гипноизлучатели, всевозможные изгибатели пространства и пр. Но, во-первых, пользоваться ею они могут только вслепую, а во-вторых, у землян тоже есть техника, специально предназначенная для обороны от всяких внешних вредов. Описание поимевшего место мордобоя и составляет сюжетную идею повести. Причем сделать надо так, чтобы до начала последней четверти книги читатель не догадывался бы, что вредит землянам. Чтобы показывать только внешние проявления и не показывать механизма за кулисами.

СЮЖЕТ (литературный): Высаживаются. Сначала все хорошо. Признаков цивилизации нет. Разбредаются. Внезапная атака на корабль — землетрясение или ч.-л. в этом роде. Кто-то пропал. Идут на поиски. Странности. Поиски. Трупы аборигенов: жрецы подавили очередное восстание. Второй пропал. Поиски. Тревога. И т. д. Можно закрутить смачно, но нужно продумать эту линию.

Все на детективе, подгонка теории под факты.

ИДЕЯ (социальная): мощное оружие, сверхтехника в руках у дикарей, которые оной пользоваться не умеют. Неандерталец с огнеметом.

ИДЕЯ (антропологическая): против тезиса о вырождении человечества в будущем. Наши коммунарии, попав в такую обстановку, дерутся, как львы. Даже как слоны.

ИДЕЯ (главная): Видишь ли, Боб, лучшие вещи научной фантастики всегда имели дело с обычными людьми в необычных обстоятельствах. Люди были исследователями или жертвами этих обстоятельств. Они всегда вели себя так, как ведет перед необычным себя средний человек. (Я говорю о лучших вещах.) Друг друга эти люди примерно знают, в лучшем случае раскрываются скрытые до того под внешностью черты характера: я думал, он пижон и трус, а он, оказывается, хоть и пижон, но смельчак. А вот мне хотелось бы показать людей, которые при всей их «нашести» необычайны, как жители иных миров. Которые сами являются самыми интересными объектами исследования друг для друга. Мысль такова, что люди коммунизма стали в глубине души невероятно отличаться друг от друга. То есть, у них есть эта самая единственная и непо-

вторимая, как дактилоскопический отпечаток, глубина души. При первом знакомстве между собой они друг для друга совершенно одинаковы — одинаково хороши. Но по мере познания друг друга они раскрывают друг в друге целые незнакомые вселенные. Для них в этом основа счастливых брачных и дружеских союзов. Они неисчерпаемы друг для друга. И вот в нашей вещи этот феерический, невероятный фон поисков, погонь, неожиданностей, неправдоподобия должен противостоять (поелику это возможно) неослабевающему даже в самых критических обстоятельствах интересу людей друг к другу. Не знаю, ясно ли я выразился. Конечно, для этого следует их сделать необычайно умными, странно эмоциональными, с совершенно разной реакцией на неожиданное. Самыми обычными в повести должны быть жители Сириуса. Какой простор для смысловых диалогов! Будем писать их так: напишем обычный диалог, а затем каждую вторую пару строчек выбросим. Может быть, получится разговор понимания с полуслова.

Вот каковы идеи. Для издательских дурачков идея будет: как плохо, когда мощная техника попадает в злые и некомпетентные руки. А для нас — о!

Подумай над моим предложением. Может получиться интересно. Я уже вижу одну загадку: земляне (где-то в середине книги) натыкаются на брошенную жрецами повозку суперменов и никак не могут понять, что это такое (не могут понять — это просто привычный термин, их реакция должна быть выражена по-другому). Супермены были исполинами и не антропоидами, соответственно и вид и устройство повозки. То-то читатель удивится!

Итак, думай и, следовательно, существуй[341].

5. Подзаголовок удалось пробить: «Полдень, XXII век».

6. Пиши врезку для Киева. Завтра посылаю туда главы.

7. Чешское издание СБТ отнюдь не сокращено.

Привет маме и Адке.

Твой Арк.

БН тем временем по согласованию с братом отвечает чешскому переводчику:

Черновик письма БНа чешскому переводчику, 7 января 1962

Уважаемый товарищ Тыч!

Нам было очень приятно получить Ваше письмо и познакомиться с Вами. С большим сожалени-

ем мы вынуждены огорчить Вас. Дело в том, что наши обязательства по отношению к издательствам не позволяют нам свободно распоряжаться с неопубликованными произведениями — всё, что написано нами, уже распределено среди издательств и скоро будет опубликовано. Поэтому мы, к сожалению, лишены возможности выполнить Вашу просьбу и выслать Вам рукописи. Нам очень жаль, но — увы! — это всё, что мы можем сообщить по интересующему Вас вопросу.

С искренним уважением

Письмо Аркадия брату, 11 января 1962, М. — Л.

Здравствуй, Бобкинс.

Что бишь я... Да. Так я очень рад. Насколько правильно я тебя понял — не знаю, но кажется мне, что идея (приключенческая) тебе понравилась. Оч-чень хорошо. А что до середины 22-го — пжалста! С нашим удовольствием. Навалом. Всю дорогу. Это даже неплохо — вроде безобразно разбухшей новеллы из «Возвращения». Преемственность. И средневековые японцы, и леонидяне — тоже... э-э... неплохо. Но вот состав (людской) экспедиции я бы очень хотел пересмотреть. Мне очень нужно, чтобы кто-нибудь длинно и нежно любил (сексуально) главного

героя. И чтобы он об этом почти не догадывался. И еще мне ужасно нужно все-таки, чтобы это были странные люди. Ну, это-то ты, по-моему, понял и согласен.

Насчет сходства с А. Толстым. Этого уж, братец, не надо. Этого надо убежать. Ты уж, пожалуй, что-нибудь придумай. Можно сделать так: герои отбирают у жрецов эти суперфантастические цацки и торжественно говорят: «Вот. Больше не балуйтесь. Развивайтесь естественным путем». А? Или население планеты наших выгоняет вон. Не желает колхозов и бесклассового общества. И вообще идея еще и такова: побольше нелепостей нашего времени в быт этого поганого народца. Это алогично и все время сбивает наших героев с толку. Например, газетные передовицы. Или коммунальные квартиры. Или пьяные шоферы. Что-нибудь в этом роде.

Ну, об этом еще при встрече. А теперь остальное. Ты, верно, уже побывал в «Неве». Я подозреваю даже, что ты сейчас сидишь и пишешь мне отчет об этом собрании. Как ты наплевал в бороду Казанцеву или разбил очки Брандису. Намек понял? Тогда садись и пиши незамедлительно.

Прислать введение Андреева нет мочи. Нет введения. И даже Андреева нет. Он только обещает.

И не нам одним, но и в многочисленные другие издательства и редакции.

Читал «Технику-молодежи» 12? А) Статья о фантастике за 61 г. Б) Объявление о международном конкурсе НФ. Примем участие? Накатать 15 страниц — не диво. А вот сюжетец бы... Ну, это тоже терпит.

Хотел еще что-то написать, да забыл.

Жму ногу. Поцелуй Адку, маму.

Твой АНС

«Ты, верно, уже побывал в «Неве». Я подозреваю даже, что ты сейчас сидишь и пишешь мне отчет об этом собрании. Как ты наплевал в бороду Казанцеву или разбил очки Брандису», — пишет АН. Неизвестно, каков был отчет о конференции в письме БНа, но официальный отчет был опубликован в журнале «Нева» (№ 4). Приведем несколько отрывков.

Из: Человек нашей мечты: Встреча писателей-фантастов

Мы давно хотели собраться, чтобы помечтать о человеке будущего, коммунистического общества.

И вот за «круглым столом» редакции собрались писатели-фантасты, критики, ученые,

журналисты и читатели, полюбившие научную фантастику.

Сегодня мы публикуем в сокращенном виде выступления писателей А. П. Казанцева, В. И. Немцова, Г. С. Гора, В. Е. Львова, Г. С. Мартынова, Е. П. Брандиса, Б. Н. Стругацкого, В. И. Дмитревского, журналиста В. М. Травинского и Л. В. Ларионова. Кроме того, в беседе приняли участие доцент Ленинградского университета В. К. Зайцев, инженер Д. М. Брускин, слесарь Ю. А. Ткачев и другие.

<...>

Г. С. Мартынов. О счастье людей при коммунизме спорить не приходится. Но вы, товарищ Львов, сказали, что пережитки уже не будут существовать. Об этом можно говорить лишь в разрезе очень далекого будущего. Даже Ефремов приписывает пережитки своим героям «Туманности Андромеды».

И если говорить о более близком времени, то пережитки еще будут давать себя знать. Меня интересует вопрос: как надо изображать людей будущего? Будут ли они похожи на современных нам людей?

Возьму для примера творчество Ефремова и братьев Стругацких.

У Ефремова герои предельно отдалены от наше-

го времени и от психологии нашего читателя. И читатель их не понимает. Особенно это относится к юным читателям. Они просто не в состоянии разобраться в том, о чем пишет Ефремов...

В. М. Травинский. Об этом нужно спросить у самих юных читателей и послушать, что они скажут!

Г. С. Мартынов. Изображать героев будущего так, как это делают Стругацкие, тоже нельзя. Распоряжаясь мощной техникой, эти герои обладают очень отсталым и бедным внутренним миром. Нужна золотая середина. И прежде всего нужно, чтобы герои будущего были нам понятны. Вот в книге Казанцева «Полярная мечта» дело обстоит именно так. Герои Казанцева — близкие нам люди.

<...>

Б. Н. Стругацкий. Существует превосходная книга «Туманность Андромеды». Там есть люди. Люди эти многим не нравятся, и не только потому, что они совершенно не похожи на тех, что мы видим вокруг нас, но и потому, что они не похожи на тех, кого мы хотели бы увидеть. Мы окружены реальными людьми. Есть плохие, есть хорошие. Есть люди, которых мы называем особенно хорошими, особенно милыми. Мы гово-

рим о них, что они — талантливые и на редкость душевные люди. А в будущем такие люди будут считаться самыми обыкновенными людьми. Полюс талантливости, полюс гениальности переместится гораздо выше. И если взять отрезок времени порядка двухсот — трехсот лет, то масса людей будет состоять из тех, которые сегодня рисуются как исключение из правила.

Вот основная исходная мысль, которой мы руководствуемся в нашей работе. И уже сейчас можно достаточно точно определить характерные черты будущего человека. Первая характерная черта — это огромная любовь к труду. Я знаю таких людей. У меня есть друзья, которые готовы работать днем и ночью. Они получают в труде наслаждение. Поэтому мне странно было слышать разговор о четырехчасовом рабочем дне. Уже сейчас есть люди, которым не хватает суток для творчества.

Теперь дальше. Вторая черта — это жизненная активность и огромный интерес ко всему, что происходит вокруг. Я уверен, что человек будущего не будет лгать. Ложь будет ему органически неприятна.

Вот как в общих чертах я представляю себе человека будущего.

Ю. А. Ткачев. Как вы претворяете это конкретно в ваших произведениях?

Б. Н. Стругацкий. Мы стараемся изображать людей, которых мы видим. С некоторыми из них мне приходилось бывать в экспедициях и работать с ними, служить в армии. Наша мечта — перенести образы лучших людей современности в будущее.

А. П. Казанцев. Вы сказали, что трудиться люди захотят чуть ли не по двадцать четыре часа в сутки. А как же с плановым началом? План требует строго определенного рабочего времени в процессе общественного труда.

Б. Н. Стругацкий. Несомненно, что при коммунизме плановость будет на самом первом месте. Но люди будут испытывать наслаждение в творческом труде. Их нельзя будет ограничить и навязать им безделье...

<...>

В. И. Дмитревский. <...> Не скрою, мне не хотелось бы, чтобы люди будущего, освоившие Солнечную систему и ставшие властелинами звездных миров, были отмечены теми бытовыми черточками, которые характерны для некоторых представителей нашей сегодняшней научно-технической молодежи и которыми «украшают» своих героев наши молодые фантасты братья

Стругацкие.

Наша научная фантастика — это, прежде всего, литература социальной темы. Сегодня мы уже видим отчетливый облик грядущего. Он определен третьей Программой нашей партии. Контуры основ коммунистического общества очерчиваются ясно. Это общество мы строим. В нем собираемся работать и жить. Для писателей-мечтателей (позвольте так вас назвать) открывается впервые научно обоснованная возможность заглянуть в далекие дали, заглянуть с помощью самой сильной и точной оптики марксистско-ленинского учения. Будем же мечтать! Мечтать сегодня — это значит строить завтра.

Приведем еще одну цитату из этого отчета, из выступления Владимира Немцова: «Я разъяснил этому молодому товарищу, что робот всем будет хорош, но лишен небольшого пустяка — нравственных принципов, благородных чувств. Как плохо, что мы так мало прививаем нашей молодежи эти чувства! Во время войны мы воспитывали в людях мужество, смелость. А вот сейчас не научили девушек плакать над стихами — я бы хотел, чтобы они плакали. Девушки учат алгебру, географию, «проходят» (как принято говорить) Пушкина и Лермонтова. А вот мне

бы хотелось, чтобы после экзаменов они взяли томик стихов и вдруг у них появились на глазах слезы».

А вот тот же пассаж Немцова в преломлении фантастики Авторов: «Тут на трибуну взобрался интеллектуал-лирик с тремя подбородками и галстуком-бабочкой, рванул себя безжалостно за крахмальную манишку и рыдающе провозгласил: «Я не могу... Я не хочу этого... Розовое дитя, играющее погремушечкой... Плакучие ивы, склоняющиеся к пруду... Девочки в беленьких фартучках... Они читают стихи... Они плачут... Плачут!.. Над прекрасной строкой поэта... Я не желаю, чтобы электронное железо погасило эти глаза... эти губы... эти юные робкие перси... Нет, не станет машина умнее человека! Потому что я... Потому что мы... Мы не хотим этого! И этого не будет никогда! Никогда!!! Никогда!!!» К нему потянулись со стаканами воды, а в четырехстах километрах над его снежными кудрями беззвучно, мертво, зорко прошел, нестерпимо блестя, автоматический спутник-истребитель, начиненный ядерной взрывчаткой...» (УНС)

Письмо Аркадия брату, 14 января 1962, М. — Л.

Дорогой Боб. Отвечаю по пунктам.

1. Поскольку ты получить отпуск сможешь не раньше чем с двадцатого, я приеду в Л-д не первого, а примерно седьмого. А затем потребую дополнительную неделю отпуска за свой счет. Или приеду десятого. В общем, идея та, что я хоть покейфую малость и понежусь, и погуляю по городу. А то с тобой это не выходит. И еще съезжу к тебе в Пулково, и зайду в Детгиз и «Неву». Исходи в своих переговорах из этого.

2. «Солярис» в Москве переведен несколькими переводчиками. Наиболее известный — Ковалевский, ты видел отрывок из его перевода в «3-С» 12. Насколько мне известно, нет в Москве издательства, которое решилось бы на опубликование этой вещи. Твой брат, соавтор и покорный слуга уже полгода бьется, пытаясь протолкнуть хоть куда-нибудь гораздо более безобидную вещь — «Эдем» в переводе (и неплохом) Абызова.

Вот так.

Дела наши ничеГё. В «3-С» 2 или 3 будет опубликована глава «Злоумышленники». В «Искателе» 2 (апрель) будут опубликованы главы «Смерть-планетчики» и «Нищие духом». Кстати, как отлично

получилось — подчеркнута мысль, о которой мы и не подумали: Юрковский стар и хорош только там, где сохранилось старье.

Андреев написал короткое введение к «В». Сплошная халтура. Присылать даже не буду. Срам. Вика ругается и будет переделывать.

В последнее время читал в опубликованном и неопубликованном виде несколько вещей молодых авторов, явно принадлежащих к школе Стругацких.

Получил через Дом детской книги необычайно трогательное письмо от некоего Игоря Илларионовича Максименко, учителя физики и математики в д. Пинчуга на Ангаре, куда сообщение только на самолетах. Ему 27, в прошлом году окончил в Ростове педагогический; область интересов — естественная радиоактивность и тепловой баланс. Считает нас лучшими, вплоть до исследования хронологии наших вещей, влюблен в Быкова из «Амальтеи» и в Валентина Петрова.

Вот как. Хочу послать ему «Урал» и хорошее теплое письмо.

Вот и все. Жму руку, целую, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку. Привет от всех наших.

Письмо к АБС от чешского переводчика, 23 января 1962, Прага — Л.

Уважаемые товарищи, прошу Вас извинить меня за то, что я Вас еще раз беспокою.

Полностью понимаю, что Ваши обязательства по отношению к издательствам не позволяют свободно распоряжаться неопубликованными произведениями. Как я понял из Вашего письма, Вам не разрешается высылать за границу произведения (т. нз. рукописи), которые не были одобрены издательством. В таком случае я не могу на Вас настаивать. Но Вы мне писали, что все Ваши произведения уже в производстве, значит они были уже одобрены и в кратчайшем времени будут изданы. Если это на самом деле единственные препятствия для высылания Ваших произведений, можно принять следующее решение: Вы наверно получите отпечатанные произведения раньше, чем они появятся в магазинах. Если это возможно, вышлите их на мой адрес.

Вы извините, пожалуйста, мое упрямство и наглость, и напишите мне, препятствует ли выполнению моей просьбы что-либо другое.

С искренним уважением [подпись]

Письмо Аркадия брату, 30 января 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Телеграмму твою, как пример исключительного нахальства, я (опять же в виде исключения) подошью в скоросшиватель с твоими письмами342. Она будет там покоиться после твоего последнего письма — от 12 января. Ответив на твое это письмо, я терпеливо ждал твоего следующего, но так и не дождался. Правда, мама намекнула в своем письме, что ты что-то такое таскаешь в кармане вот уже неделю, и я загорелся было надеждой, но прошла еще неделя, и вот я получил твою телеграмму. Ну, и на том спасибо.

Новостей особенных никаких. Пришла сверка «Возвращения» — это последняя редакционная ступенька. Теперь на цензуру и в печать. Из «Знания та праця» пришло письмо — сообщают, что будут нас печатать, но просят разрешение сократить с 52-х стр. до 40-ка. Я разрешил. Послал ли ты им врезку? Пришло в Детгиз румынское издание «Страны». Дрянное издание, прямо скажем. Иначе они, по-видимому, не могут. У них все массовые издания такие.

Вот и все. Жду с нетерпением письма, которое ты затаскал в кармане.

Твой Арк.

Приеду, видимо, между десятым и пятнадцатым.

Письмо Аркадия брату, 4 февраля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Ладно, свалим все на почту и забудем. Итак, вместо ожидаемой информации я получил новую серию вопросов. Отвечаю по порядку:

1. Приеду я между 10 и 15, ближе к 15 февраля 1962 г.

2. Деньги по твоей доверенности получил и положил на свою сберкнижку. А что?

3. Вводное слово Андреева не пришлю. Привезу тебе всю верстку «В».

4. С «Знания та праця» все ясно.

5. Т. Тычу из Праги можно обещать что угодно. Обещай, что по напечатании вышлешь.

6. Я решительно против каких-либо семинаров, посвященных нашим особам. Дай твердо-отрицательный ответ.

7. О судьбе «Стажеров». Неделю назад Бела Григорьевна пригласила меня, и мы прошлись по всем редакционным замечаниям. Замечания показались мне дельными — кстати, их было очень немного и только по двум главам: «Нищие

духом» и «Смерть-планетчики». Кое-что убавили, кое-что добавили. Насколько я знаю, после этого Б. Г. перепечатала испорченные страницы и передала рукопись в главную редакцию. Затем рукопись пойдет в производство, т. е. сначала в корректорскую, затем в набор. Как ее взять оттуда (из типографии) и привезти к тебе — ума не приложу. Может, перебьешься? Ей-ей, напакостил я немного.

Теперь о внепрограммном. Альманах с нашим «Должен жить» сдается в среду в производство.

Меня очень интересует содержание твоих «утраченных» писем. Будь добр, немедленно продублируй их и вышли со всею поспешностью. Напиши также, с кем из ленинградских фантастов ты познакомился. Не встречал ли ты там Шалимова. Если да, то какое у тебя о нем впечатление.

Вот все.

Целую тебя, mein Bruder, в небритую бороду.

Целуй маму и Адку.

Твой Арк.

1 марта АН начинает вести дневник своих приездов в Ленинград. Хотя, конечно, именно дневником назвать эту общую тетрадь довольно сложно — в основном в ней только даты и записи

игр АБС с мамой в «девятку» (после трудового дня составить компанию маме — традиция семьи АБС!). Но отследить встречи АБС по ней можно, и кроме того, иногда в ней случаются и записи о том, над чем работали в это время АБС. В последующем изложении эта тетрадь будет называться «Дневник приездов».

Итак первые записи «Дневника приездов» сообщают, что АН пробыл в Ленинграде с 1-го по 15-е марта. О работе — ничего нет. Вообще из записей — лишь 8 марта: «У Бореньки зубки болят».

О работе над ПКБ, а именно над ней АБС тогда и работали, можно узнать из курсовой работы Михаила Лемхина. В свое время он близко сошелся с БНом (об этом еще будет в письмах БНа), в 83-м — эмигрировал в США, живет в Сан-Франциско. Сейчас он — известный фотопортретист и журналист, но в начале 70-х он учился в ЛГУ и писал курсовую работу о творчестве АБС, копию (или один из черновых вариантов) которой подарил БНу.

Курсовая работа М. Лемхина заняла свое место в архиве БНа. На полях машинописных страниц ее находятся рукописные пометки БНа того времени.

Из: Лемхин М. Курсовая работа

5 января 1962 года Аркадий Натанович Стругацкий в письме к Борису Натановичу предлагает идею новой повести.

Идея такова:

6 юношей, 6 девушек и 2 представителя Сириуса среднего пола летят как туристы на некую планету. На планете обнаруживается много странного, какая-то техника, трупы аборигенов, а затем и живые аборигены. Пропадает один член группы, затем — другой. Начав поиски, туристы в конце концов обнаруживают, что планету в давние времена посетили какие-то высокоразвитые пришельцы (не гуманоиды). То ли не имея времени, то ли не считая себя вправе, они не вступили в контакт с местными жителями, находящимися на довольно низкой стадии развития. Группа жрецов, захватив оставшуюся после отлета пришельцев технику, держит народ в страхе, всячески притесняя его. Земляне вмешиваются, естественно, на стороне народа. Они, земляне, то есть, проявляют себя очень достойно и, главное, Аркадий Натанович в своем плане выделяет это, оказываются все чрезвычайно индивидуализированными и интересными людьми. Каждый

неисчерпаемо индивидуален — это дает возможность к полноценной социальной и семейной жизни.

Это самый первый план повести, которая к середине марта уже была написана и в самом конце 1962 года опубликована под названием «Попытка к бегству».

В письмах эта повесть обсуждалась неделю. В середине февраля Аркадий Натанович приезжает в Ленинград, и Стругацкие садятся за эту повесть.

К этому моменту план повести сводился к следующему:

Два юноши (Вадим, Антон) и одна девушка (Анка) собираются провести месяц на некоей планете под названием Пандора. Перед самым отлетом появляется какой-то совершенно незнакомый человек, странный человек по имени Саул и говорит, что ему очень нужно попасть на необитаемую планету звезды ЕН 7031. Что делать, ребята соглашаются, человеку нужно! В пути происходят странные для ребят и смешные для читателя вещи. На ЕН 7031 тоже происходит много странного (в общих чертах то, что предполагалось по первому плану). В общем, должно было выясниться, что Саул ставил над ребятами

сложный психолого-социологический эксперимент: как будут вести себя люди в невероятных условиях. Всё это должно было наложиться на то, что происходит на ЕН 7031.

Итак, Стругацкие сели писать захватывающую, веселую и оптимистическую повесть.

Но написали они немного — 5 небольших главок (2 листа) и больше не смогли. Стало скучно. То, что было придумано, оказалось не смешным и не интересным.

(Надо сказать здесь, что, по словам Бориса Натановича, писателями они себя тогда серьезно не полагали. Они писали, писать было интересно. А вопросы взаимоотношения с литературой возникали, так сказать, походя и походя же разрешались.)

Так вот, решив, что идея их не интересна и повесть их не интересна, Стругацкие, естественно, пережили несколько неприятных часов. Вяло предлагались (и тут же отбрасывались) новые сюжеты, варианты продолжения и радикальной переработки повести, но всё было не то. Всё было не то, пока вдруг не появилась идея, что Саул — человек из прошлого, а точнее человек из нашего времени.

Что они почувствовали в тот момент, я не

знаю, но совершенно ясно, что это один из самых важных моментов в творческой биографии Стругацких.

Уже сделанные 52 страницы тут же стали приводиться к нужному виду — вычеркивалась девушка, вычеркивались шутки и загадочные происшествия (см.343 рукопись так. наз. «Варианта-0»).

Итак, Саул наш современник. Но как он попал в 22 век?

Как угодно, наплевать как, решили Стругацкие, ведь дело не в этом. В чем дело, было пока еще ясно не во всех деталях, но во всяком случае было ясно, что дело совершенно не в том, как попал Саул в 22 век. Снова подчеркиваю, что это один из самых важных моментов в творческой биографии Стругацких. Сейчас Борис Натанович, например, говорит, что он считает себя писателем именно с «Попытки к бегству». [На полях: «Сроду этого не говорил!»]

<...>

31 октября 1961 года (то есть за три месяца до времени, о котором я говорю) закончился XXII съезд КПСС. Как и для всех, он имел огромное значение для людей того поколения, к которому принадлежали Стругацкие.

(Борис Натанович сказал мне однажды, что когда ему было 20 лет, мир для него был ясен и прост. Есть трудности, конечно, есть и борьба, правда, где-то довольно далеко, но все будет, все должно быть отлично. Впереди широкая чистая дорога, по которой мы поедем вперед, в розовые дали...

Это типичное, по-моему, представление о жизни человека, выросшего и полностью воспитанного в условиях культа личности. Культ личности, предполагающий веру и почти обожествление одного, предполагает как логичную оборотную сторону социальную пассивность остальных людей. Вера в непогрешимость и верховную мудрость Сталина была равносильна — уж во всяком случае для молодежи — уверенности в том, что большие вопросы решатся и без тебя, притом самым счастливым образом.)

XXII съезд партии, решительно осудив культ личности Сталина, призвал к социальной активности каждого советского человека.

С другой стороны, благодаря XX и XXII съездам КПСС, стали отчетливо видны победы нашего общества и нашего народа именно как победы людей, а не винтиков механизма, мудро управляемого божеством.

Отчетливо предстал облик народа, построившего государство, уничтожившего фашизм.

Это отразилось во всем и в литературе, конечно, например, в литературе о войне, героями которой стали теперь и самые незначительные, на первый взгляд, люди, но эти люди заслонили собой, своим героизмом и стойкостью верховную мудрость Сталина и оказалось, что именно они и победили.

Логично, что через три месяца после XXII съезда героем Стругацких оказался человек социально активный, то есть настоящий человек того поколения, которое перенесло на своих плечах войну и произвол культа личности. И хотя по возрасту он лишь на 5 лет старше Аркадия Натановича, он несомненно принадлежит не к тому поколению, к которому принадлежат Стругацкие (уж во всяком случае по мировосприятию).

Вот отрывок его автобиографии, который читатель находит на последней странице повести: «Автобиография. Я, Савёл Петрович Репнин, родился 8 мая 1920 года в семье служащего в городе Вязьме. Мой отец Петр Александрович Репнин железнодорожный мастер, член ВКП(б) с 1918 года, мать Анна Сергеевна Репнина — домохозяйка, беспартийная. В 1937 году я окончил школу-

десятилетку, переехал в Москву и поступил в Институт журналистики. С 1941 года по 1945 год участвовал в Великой Отечественной войне командиром сначала минометного взвода, затем командиром роты батальонных минометов. Дважды ранен. По окончании войны демобилизован и вновь поступил в Институт журналистики. В 1947 году по ложному...» («Попытка к бегству», «Вариант-1», Эпилог, стр. 4.)

<...>

(Интересно, что в «Варианте-1» Антон гораздо более активен, чем в окончательной редакции, так как, рассуждали Стругацкие, он звездолетчик и он сталкивался в своей жизни с трудностями и опасностями. Но Стругацкие в окончательной редакции убирают это. Все социально активные поступки совершает Саул. Дело ведь не в том, что Антон не мямля и не трус вообще, он может быть в своей профессиональной, так сказать, жизни героем, дело в том, что он никогда не сталкивался с социальным злом и никогда не чувствовал ответственности перед историей за каждый свой поступок.)

Теперь вспомним, что по самому первому плану наши потомки оказывались на высоте положения. Как видим, всё это были слова. Пустые

слова, порожденные нехитрой логикой: человек может вести себя плохо и хорошо, если человек хорош, он будет вести себя всегда и везде хорошо, а так как наши потомки будут люди хорошие, то они и вести себя будут в любом смысле слова хорошо, то есть так, как надо.

Однако оказалось все не так просто. Хороший человек, не противясь злу, объективно способствует ему. Человек должен быть не просто хороший, он должен быть хороший активно, он должен отличать добро от зла, и он должен чувствовать свою ответственность за всё то зло, которое совершается.

<...>

В феврале в журналах публикуются статьи о фантастике, об АБС если в них и говорится, то мимоходом и в общем-то положительно. Во втором номере журнала «Вопросы литературы» появляется большая методологическая статья К. Зелинского «Литература и человек будущего», где среди многочисленных цитат из Пушкина, Лермонтова, Блока, а также Ленина, Сенеки и пр. присутствует цитата из статьи АБС «От бесконечности тайн к бесконечности знаний». Фамилии АБС в тексте статьи скромно умалчиваются (только дается сноска публикации),

предваряют цитату слова: «довольно энергично сказали авторы научно-фантастических произведений о завтрашнем дне».

Но затишье ненадолго. Уже 20 марта в «Литературной газете» появляется такая статья:

Рачков Д. Диплодок без головы

«...Женя разглядел крохотную плоскую головку с безгубым жабьим ртом...

— Диплодок, — сказала заведующая. — Длина — двадцать четыре метра.

Женя увидел другое чудовище. Оно змеиными движениями скользило рядом с диплодоком, оставляя за собой полосу взбаламученной воды. Один раз оно едва увернулось от колоннообразной ноги диплодока, и на мгновение Женя увидел бледную зубастую пасть...»

Жутко, не правда ли?

Даже Жене Славину, видавшему виды корреспонденту «Европейского Информационного Центра», становится не по себе. Он «закрыл рот, лязгнув зубами».

Впрочем, это еще только цветочки.

«...Диплодок, видимо, не подозревал о своем зубастом спутнике... А тот, ловко лавируя вокруг его ног, подобрался поближе, рывком высунулся

из воды, откусил голову и нырнул в сторону... Картина была необычайно яркая и четкая. На секунду диплодок остановился и высоко вздернул обезглавленную шею. И пошел дальше, все так же размеренно покачивая кровоточащим обрубком. Только через несколько шагов у него подогнулись передние ноги. А задние продолжали ступать, и громадный хвост беспечно подергивался из стороны в сторону. Но вот подломились и задние ноги, и тотчас из вспененной воды вынырнули и кинулись оскаленные пасти...

— Ф-фу, — сказал Женя. — Страшное зрелище».

Впрочем, Жене-то Славину — что! Он — герой научно-фантастического рассказа и, поди, насмотрелся на всякие ужасы. А вот каково читателю рассказа А. и Б. Стругацких «Великий КРИ», помещенного в сборнике «Золотой лотос» (издательство «Молодая гвардия»)? Скажут — специфика научно-фантастического жанра... Рассказ, конечно, не лишен интереса, в нем немало хорошего. Но вот я вижу, как 13-летний Миша, начитавшийся «научных» ужасов, ночь не спит, и начинаю сомневаться: специфика ли это?..

Письмо Аркадия брату, 23 марта 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Прости, что столько времени не писал. Собственно, дело и не в недостатке времени, а просто выжидал. Коротко, дела обстоят так:

1. «Возвращение» — по новому постановлению о порядке опубликования научно-фантастических и научно-художественных произведений отправлено цензурой в Главатом и вернется в Издательство в понедельник или во вторник, после чего выйдет в ближайший месяц.

2. «Возл. ближнего» уже отпечатал в 3-х экз. Требуют сразу в «Искатель» и в «3-С», а также редакция Жемайтиса («Мол. Гв.») для отдельной книги. Пока вовне никто не читал, но Ленка и теща читали не отрываясь и с большим удовольствием.

3. «Стажеры» пошли в производство, скоро будет первая верстка.

4. На днях вышлю тебе:

а) «Моби Дик»

б) «СБТ» в румынском издании

в) Главку «Дорожный знак» (то, что мы с тобой сначала написали, Ленке тоже страсть понравилось).

5. «ВБ» будет издаваться в «Мол. Гв.» Сказано, что можно и отдельной книгой, но хорошо бы добавить 2–3 рассказика.

6. Много думаю о предстоящей работе. Пока представление сугубо смутноватое. Но авось... А как у тебя?

Вот и вся информационная часть.

Засим обнимаю крепко и целую, твой Арк.

Привет маме и Адке.

P. S. Читал, как нас в «Литературке»? Мне звонят завистники и сварливо спрашивают, кому и сколько я там даю взятки за то, чтобы нам устраивали рекламу.

Письмо Аркадия брату, 1 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

С «ВД» действительно происходит что-то странное. Читали уже несколько человек — в т. ч. Коротеев в «Искателе» и Варшавский в «З-С». Оба они, по-видимому, увидели в повести разное и не то, что сказали мы. Говорил я пока только с Коротеевым, а Варшавский звонил по телефону, сказал, что это очень здорово и огромный шаг вперед, но — памфлет! А Коротеев узрел в «ВД» черт знает сколько символики, о которой мы с тобой понятия не имели. Например, тебе при-

ходило в голову, что Великий и Могучий Утес является негуманоидом, диктатором, одним из хозяев машин, предводителем расы, поработившей Саулу? А отсюда множество всевозможных следствий: и гипотеза о невозможности свергнуть фашистский режим без помощи извне, и преступность активного добра и всякое еще. В общем, одно только радует: вещь явно получилась. Примечательно, что ты в письме предлагаешь написать рассказ о будущем освобожденной Саулы. А Коротеев предложил рассматривать «ВД» как первую часть повести и написать вторую повесть-продолжение, об освобождении Саулы. А?

Румынскую «СБТ» я послал. Рассказ тоже. Подтверди получение. Memories344 у меня, действительно. Кстати, слушай, не мог ли бы ты выслать поскорее верстку «В»? Дело в том, что в Изд-ве больше нет, а Олег Соколов защищает диплом по новой советской фантастике, где в центре — мы. Ему очень нужна эта верстка. С «Моби Диком» придется пока подождать. Его мне обещали, но обещание пока не выполнили.

Что касается рассказов, то давай писать. Напишем по рассказу до 1 мая. Я, с твоего согласия, возьму какую-нибудь тему, из тобой не перечисленных. А ты бери любую. Договорились? Вот

так. Жму ногу. Да, немедленно отдай «ВД» почитать Дмитревскому и Брандису. Интересно, что скажут там.

Целую, привет маме и Адке.

Ты знаешь, что Адкин портрет есть в «Работнице»? Или в «Сов. женщине», не помню345. Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 8 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Пока утешить тебя ничем не могу.

«Возвращение» все еще томится в застенках Главатома.

«ВД» нигде не привилось. Из «Искателя» я его забрал, из «3-С» заберу завтра или в среду. Все мне надоели, устал я от них, пусть лежит, ничего больше предпринимать не буду. Мол. Гвардия отдала «ВД» на рецензию Андрееву. Пока ничего не слышно.

Прочитал «Докучливый собеседник»346. Не очень понравилось. Полно тем, что Исаак Кассель называет «ложной многозначительностью». А вот лагинский «Майор Вэлл Эндъю» в № 1 «Знамени» мне очень понравился. Отличная выдумка. Как ни говори, а памфлетист Лагин превосходный. Ужо напишу ему поздравительное письмо.

Сегодня сбрил усы — разрослись они до того, что куска в рот не положишь, а в парикмахерскую сходить некогда. Пришла верстка «Стажеров». Сегодня заканчиваю работу и пошлю обратно. Если удастся, достану экземпляр верстки и для тебя.

Верстку «В» получил, спасибо.

Сегодня собираюсь начать писать рассказ. Идейка хреновенькая, а впрочем, посмотрим.

Вот все. Жму руку, твой всегда Арк.

Письмо Аркадия матери, 8 апреля 1962, М. — Л.

Дорогая мамочка! Получил твое письмо.

Раскритиковала ты нас здорово. Однако, при всем моем к тебе уважении, должен сказать, что не везде и не во всем справедливо. Понимаешь, если исходить из задачи «звать молодежь» или «направлять молодежь», то не только эта — ни одна из наших работ ни к черту не годится. Задача же у нас другая совсем. Мы хотим заставить молодежь шевелить мозгами, понимаешь? Заставить ее задуматься над иными проблемами, кроме «где хватить девочку» и «у кого перехватить пятерку до получки на выпивку». Нам представляется, что эта задача не менее — а может быть, и более — благородная, чем «звательная» и «направлятельная». Звали нас и направляли

всю жизнь, а толку не видно, потому что мыслят люди слишком прямолинейно: либо вперед, ибо назад. Вперед — там сияющие дали, однако же вполне конкретные колдобины на дорогах, а назад — стыдно, конечно, но выпить можно, и с девками побаловаться. Мы должны заставить людей думать глубже, мыслить шире, воспитывать отвращение к грязи и невежеству, особенно к невежеству.

Ну, ладно, во всяком случае, было очень хорошо читать твое письмо. Интересно и поучительно. Оно навело меня на многие мысли. Пиши такие больше — и поконкретней. У нас все здоровы, все кланяются тебе и целуют.

Буду ждать следующего твоего письма.

Твой любящий недостойный Арк.

Письмо Аркадия брату, 12 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой дружище!

Посылаю тебе с мамой письмо и «Моби Дика»347. Полагаю, что книга эта тебе понравится.

Новостей никаких. «В» все еще томится в гнусных застенках цензуры, верстку «С» мне, увы, не дали. Говорят, вышел уже сигнал «Искателя» с нашими отрывками.

Всё намереваюсь приблизиться к этой самой

окаянной машинке с новым рассказом, и все время не хватает мужества. Сегодня еду в «З-С» забирать «ВД» у Варшавского. Они там узрели в нашей повести несчастной памфлет на советские концлагеря. Говорят, удивительно точно подмечена бессмысленность, обреченность и невозможность бороться.

Не знаю, удастся ли нам повесть эту сунуть куда-либо, а поработать над ней еще разок уже хочется. Ты как хошь, а я буду. Задача — разработать философию и мировоззрение того времени.

На днях приходил в Детгиз Андреев. «ВД» была у него на официальной рецензии от «Мол. Гв.» Он никаких криминалов не нашел, но объявил, что нам не удалось провести с достаточной выразительностью идею разности взглядов у Саула и ребят, а также что ребята плохо отличаются друг от друга. Скоро получу экз. рецензии и тогда пришлю тебе. Да, еще Андреев говорил, что ему удалось добиться в ЦК Комсомола разрешения на создание при «Мол. Гв.» творческой группы фантастов. Цели я не знаю, но охотно согласился участвовать. Скорее всего, цель — создание «активной среды».

Вот и всё.

Жму руку, целую, твой Арк.

Рецензия К. Андреева на «Возлюби дальнего» сохранилась в архиве М. Лемхина.

Андреев К. Рецензия на «Возлюби дальнего»

Новая повесть братьев Стругацких представляет собой шаг в несколько иную область литературы, еще не обжитую этими молодыми талантливыми писателями. Это произведение — тоже молодо, талантливо, интересно, весело, а порой и парадоксально, как лучшее из их «литературного наследия» — из того, что было ими опубликовано. Но как всякое завоевание нового, связанное с преодолением больших трудностей, это необходимо бывает сопряжено с известными затратами и потерями. Кое-где авторы не довели до завершения свой замысел, а иногда допустили и прямые просчеты — вполне извинительные, но все же требующие внимательного рассмотрения, а порой и исправления.

Концепция авторов не вполне ясна, поскольку она в повести не завершена. Целесообразно поэтому развернуть ее логически, чтобы найти в ней изъяны (если они есть), и уже с основанием потребовать от А. и Б. завершения своего замысла.

Трое героев — Вадим, занимающийся лингви-

стикой (кстати сказать, слово «структуральный» — слишком буквальный перевод с английского, у нас говорят структурная лингвистика), Антон, звездолетчик, и Саул Репнин, журналист, прибывший из двадцатого века (действие повести происходит в двадцать четвертом), отправляется в экспедицию к системе звезды ЕН 7031, где на одной из планет обнаруживает целый ряд странных явлений.

В описании этих событий чувствуется некоторое влияние «Эдема» Станислава Лема. Впрочем, это сходство чисто внешнее: у польского писателя алогичность того, что видят наблюдатели с Земли, так и остается неразгаданной, да и не может быть объяснена никогда, поскольку сталкиваются культуры несовместимые. У братьев Стругацких иное (по крайней мере — по замыслу): социальный строй на планете Саула (как они ее называют) представляет собой что-то вроде смеси между феодализмом и фашизмом, и это кажется алогичным пришельцам из двадцать четвертого века и, в то же время, очень понятно для пришельца из нашего времени.

Здесь — первые отклонения авторов от своего же собственного замысла: Саул (или Савел) Репнин не очень отличается от своих спутников,

слишком знаком с их бытом и мировоззрением, если не развести этих героев, то интересный замысел останется незавершенным.

Второе: Вадим и Антон чрезмерно сходны между собой — и не только на взгляд Саула, но и на взгляд читателя. Некоторые отличия, данные в начале, позже стираются. А они должны были бы усилиться, если бы в их поведении на далекой планете, в их стремлениях существовала разница. Один из них, скажем, требовал бы немедленного возвращения на Землю, а другой — каких-то дополнительных исследований (это не подсказка, а просто наглядный пример).

Нельзя сказать, что этого совсем нет в рукописи: это можно найти при втором, более внимательном чтении. Не очень сложно это немного акцентировать, поскольку на сюжет (основной) это не должно повлиять.

Однако есть очень важная вещь, на которую следует обратить внимание авторов.

В их мире — уже очень «обжитом» и авторами и их героями — существует некая Комиссия по контактам с другими цивилизациями. В рассказе «Благоустроенная планета» существование Комиссии вполне оправдано. Но в повести «Возлюби дальнего» ее роль можно истолковать несколько

двусмысленно.

Мы хорошо знаем, что исторический процесс, хотя он в целом обусловлен социальным строем, может быть ускорен и даже перескакивать через какие-то этапы. На нашей памяти среднеазиатские республики вступили в период строительства социализма, минуя капиталистический период развития. Молодые африканские государства, уже в наши дни, не повторяют пути, пройденного народами Европы. Этого не может не знать и не помнить Саул Репнин, наш современник, но об этом могут забыть люди двадцать четвертого века, поскольку они конкретную историю знают плохо, преимущественно помня лишь социалистические схемы (такое предположение вполне допустимо: оно есть и у Лема, в его «Магеллановом облаке»). Если бы в повести это было так, то и Саул не выглядел бы дурак дураком перед своими потомками, а каждому веку авторы воздали бы должное.

Полностью лишено логики желание Саула лететь именно к этой звезде и именно на эту планету, как и интригующее читателя преследование Саулом именно этих молодых людей. Все время ждешь, что где-то в конце будет объяснено, каким образом появилось у него желание — на-

шел ли он какой-то документ, логически пришел к мысли проследить путь скитальцев (на это есть намек в рукописи), или еще что-нибудь. Молодой читатель никогда не простит авторам ложной занимательности, лишенной мотивировки.

Нельзя также исходить из уверенности в том, что читатель знает все раньше написанные произведения Стругацких. Выращивание механозародышей, собирание энергии из окружающего пространства, живые механизмы, биоэлементы, шествие таинственных машин — всё это требует какой-то видимости объяснения. Мотивировка такого объяснения имеется в повести: Саул по своей осведомленности примерно равен читателю. А в том, что это можно сделать, порукой превосходное и очень наглядное объяснение деритринитации.

В прежних рассказах А. и Б. Стругацких всегда имелся внутренний сюжет, преимущественно психологический, строящийся часто на недосказанности. В данной повести сюжет развивается несколько упрощенно: чисто хронологически. Можно напомнить авторам очень старый, но всегда верный прием: в иных случаях читатель может знать меньше, а в ином — больше, чем герои (или один из героев).

Командировка в будущее — превосходная мотивировка для появления Саула в двадцать четвертом веке. Но всякая командировка должна иметь цель. Может быть, Саул пишет или собирается писать научно-фантастические рассказы, или редактор произведений этого жанра? Тогда его поездка (а быть может, и полет на мало исследованную звезду) была бы оправдана.

Болезнь Саула хорошо мотивирована, но, вероятно, он должен заболеть несколько раньше. Этим можно объяснить то, что герои, собираясь переделать отставшую в своем развитии планету, даже не осмотрели ее, не взглянули хотя бы мельком на город, а поспешили вернуться на Землю.

Вопросы в конце — прием очень милый, но не завершенный. Во-первых, их слишком мало. Во-вторых, они слишком различны по значимости. Изменение имени — произвольная шутка авторов. В действительности он мог изменить его гораздо раньше — в 1937 или 1949 годах. Но делать это для отдаленных веков довольно странно.

Стилистически повесть написана на хорошем профессиональном уровне и не требует редактирования.

В целом повесть бесспорно заслуживает самой быстрой публикации.

Кирилл Андреев

Письмо Аркадия брату, 19 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Мама, вероятно, уже сказала тебе, что «ВД» берут в «З-С». Причем обнаружилось вот что:

1) Надо менять название. «Возлюби дальнего», как выяснилось, это высказывание Заратустры у Ницше348.

2) Надо сократить — исключительно по технич. соображениям — на 15 стр.

3) Просят сменить имя Саул на любое другое — почему — долго здесь писать.

4) Вставить в биографию Саула сидение в немецком концлагере, так, одним намеком.

Вот такие дела. Да, между прочим, всё забываю тебе сказать: «бластер» я заменил на «скорчер» — дело в том, что бластер — слишком обычно в английской фантастике. Не надо таких ассоциаций.

Вот пока всё.

Целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 25 апреля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Ты мне по пунктам, и я тебе по таковым.

1) «ВД» идет в «З-С», проектируется в №№ 7–8–9 с продолжением. В «М. Гв.» тоже идет само собой сборником в 1963. Надо подбросить еще 2–3 рассказика.

2) С названием дело ясное. Если бы мне, редактору, сказали, что авторы имеют хорошее намерение, но пользуются формулировками (вполне безобидными в отрыве от контекста) из «Mein Kampf»349, я бы не пропустил. Дешевле придумать новое. Напр.:

«Плоскость восприятий»

3) Именно 15–20 стр. сокращают потому, что не помещается в 3 номера, а больше 3-х номеров под нашу вещь не дают.

4) Саула я уже переименовал в Якова, а Саулу — в Джакобу.

5) «Скорчер» — ничего. Всем нравится. Возражение не принципиальное.

6) Рассказ — в черновике — пришлю в конце той недели. Маю к 10-му верни в исправленном виде.

События:

1) Пришла верстка альманаха, где «Должен жить».

2) Из Главатома молчат. Возможна эвакуация

главы о телепатах.

3) Был сигнал «Искателя». Днями пришлю экзы. Все.

Крепко целую, твой Арк.

В это время БН оформлял водительские права. Открылась возможность автомобильных путешествий с друзьями сперва по окрестностям Ленинграда, потом — всё дальше и дальше. Впечатления от поездок, от новых мест, людей внимательный читатель не раз обнаружит на страницах книг АБС. А о самом экзамене по вождению БН вспоминает так:

БНС. Офлайн-интервью 24.12.04

Каково это — вдруг ощутить себя популярным и узнаваемым? Насколько для АБС это было неожиданным? Или любой начинающий писатель в глубине души уверен в том, что будет знаменит?

Александр. Москва, Россия

Насчет других «начинающих» сказать ничего не могу. Мы же никакой особенной славы от судьбы не ждали никогда — для нас главное было: стать профессионалами и писать не так, как все остальные. Так что, когда я на сдаче экзаменов по вождению обнаружил вдруг, что

инспектор ГАИ знает нашу фамилию и читал «Путь на Амальтею», я, помнится, был потрясен до глубины души.

Письмо Аркадия брату, 7 мая 1962, М. — Л.

Здравствуй, брат.

Получил твое письмо. Очень рад, что ты стал шофером. Рад, что ГАИ читает наши вещи. Паки рад, что ты теперь можешь заняться нашими делами вплотную.

Твои ламентации по поводу заголовка, имени, скорчера и прочего меня раздражили до последней степени. Но подумавши, я понял, что виноват сам. Я должен был держать тебя в курсе всех дел, а главное — всех неприятностей, чтобы в голову тебе лезло что-нибудь более существенное.

Так вот — неприятность № 1.

Группа цензоров предложила Детгизу воздержаться от издания «Возвращения». Главбух Детгиза уже робко приближался к Вике Мальт в рассуждении — с кого и как содрать расходы по производству. Если ты собираешься разражаться тирадами, сбереги дыхание. Цензоры тебя не слышат.

Думаю, если бы ты узнал эту новость тогда же, когда и я — в 20-х апреля — ты бы не стал

затевать принципиальных разговоров по поводу слов, несчастливо использованных нехорошими людьми. А может быть и стал бы.

Я хочу сказать вот что. Я устал. Мне надоело выслушивать мнения тысячи дураков и копаться в них, пытаясь найти равнодействующую. Мне обрыдло бегать по редакциям, клянчить гранки в страхе, что редактор натворил там всякого, устраивать рукописи и прочее. Теперь ты свободен, ты этим и займись.

Сегодня, 7-го мая, я оповещу всех наших издателей о том, что удаляюсь от дел, и дам твой адрес. Будешь вести все издательские дела сам. Сам будешь драться за названия. Сам будешь искать имена. Сам будешь читать или не читать гранки и верстки. Этим письмом предоставляю тебе все полномочия.

Я надеюсь, что твоя аргументация (она на меня действует, как красное на быка) пробьет сердца редакторов насквозь. Хотелось бы. Очень хотелось бы.

Да, не очень-то надейся, что редактора будут обращаться к тебе. Придется устроиться так, чтобы ты обращался к ним. Я имею в виду период, когда рукопись уже в производстве. Беспокойся о гранках, это мое тебе завещание.

Как ты сам понимаешь, мне было не совсем до рассказа.

Кстати, звонил Казанцев, выпытывал, будем ли мы участвовать в конкурсе «ТМ». Я сказал, что нет.

По поводу «Возлюби» — лучше, если ты начнешь атаковать Варшавского сейчас же. По поводу названия и прочего.

Жму руку, желаю удачи.

Арк.

Письмо Аркадия брату, 8 мая 1962, М. — Л.

Дорогой брат.

Посылаю тебе то, что смог родить за последние полмесяца. Не так уж густо, как видишь, только начало, вернее, едва половина. Почитай, посмотри. Если никуда не годится — выброси без сожалений. Если годится — закончи. Закончив — пришли.

Чтобы создалось подобие читательского впечатления, дальнейший план рассказа помещаю после текста. А также то, что мне хотелось в этом рассказе рассказать.

Далее в письме шел текст рассказа «Окно», опубликованный в НС-1. После рассказа:

Дальше они обнаруживают огромную яму,

вырытую словно громадным взрывом. Что-то прорыло громадный ров, разбросало деревья, взрыло огромный холм, всё вокруг забрызгано льдом и воняет странной гнусной вонью, которая действует не только и не столько на эстетические чувства мальчиков, но и на какие-то инстинкты — страх, незнакомое, чужое и угрожающее. Любопытство их одолевает, они решили, что здесь кто-нибудь приземлился — чужой, несомненно, судя по запаху, начинают копаться в этих кучах снега пополам со льдом и землей и поваленными деревьями и вдруг находят странных существ — совершенно чуждых земному, раздавленных, с выпученными глазами и разбросанных по веткам сосен. Они окончательно убеждены, что имеют дело с пришельцами, неудачно высадившимися.

Вернувшись домой, сообщают отцу. Тот говорит, что, действительно, в ночь, когда Тойво приехал, когда все в доме угомонились, он, засыпая, слышал в тайге отдаленный взрыв, грохот, но думал, что это работают геологи. Обещает на следующий день после работы привести с собой ребят-монтажников со стройки и сообщить куда надо и самим разобраться на месте. А ребятам предлагается больше туда не ходить.

Но ребята таки идут. Они снова на той же по-

ляне. Все уже присыпано свежим снежком, вонь заметно уменьшилась. Они снова спускаются в ров и рассматривают обломки деревьев, как вдруг посредине рва открывается *окно*.

Дальше даю еще две странички (из первого варианта):

Далее следуют еще две машинописные страницы, также опубликованные в НС-1, на обороте которых идет рукописный текст:

Старший попадает в иной мир и долго думает, что это *иной* мир. Потом он видит автомобиль с надписью на трех языках «Молоко». Страшное разочарование. «Великая вещь — нуль-транспортировка...» — «Подумаешь!..» Ему бы ящеров и пр. А отец объясняет малышу, что произошло (для шестилетнего, объясняет *зачем*, но не *как*).

ИДЕЯ: Великое в глазах ученых = малое в глазах обывателя.

И окончание письма:

Вот так. Дальше, я думаю, тебе все понятно. Нуль-транспортировка удалась, Тойво, смущенного и раздосадованного, через несколько часов доставляют домой из Японии.

Монолог Тойво, исполненный горечи — ведь новый Мир, куда он так хотел попасть, на что собрал все душевные силы, оказался всего-навсего

соседней комнатой на той же планете.

Несколько слов о ноль-транспортировке. Знают, что она уже давно удается, только не знают — где. Точка старта примерно постоянная — район домика Колиных родителей. А точка финиша совершенно блуждает. То в Сахаре, то на Амазонке, а раз в глубине океана — тогда под страшным давлением в тайгу ворвался столб вонючей глубоководной воды.

Что хотелось сказать?

1. В плане бытовом — дать ломтик жизни «нормального рабочего».

2. В плане психологическом — отношение ребят друг к другу, внимательное и нежное, вроде отношений между друзьями-лицеистами или как у Толстого в «Детстве». Доверие старшего к младшему и обратно.

3. В плане философском — есть три метода прогресса:

а) Грубое открывательство нового в природе.

б) Переделка природы, создание вещей, более значительных, чем дает природа.

в) Исследование и совершенствование самого совершенного, что создано природой и обществом: человеческой натуры.

Вот и хотелось бы показать мир в разгаре вто-

рого этапа и на пороге третьего.

Хорошо бы в психологическом плане показать разочарование Тойво — искателя приключений. Он даже немного ретроград — думает, что теперь конец романтике поиска. Все дали оказываются нарисованными на бумаге. Прорвешь бумагу и окажешься в соседней кладовой350.

Не знаю, понятно ли я изъясняюсь.

А сюжет подзакрутить бы так, чтобы с самого начала была тайна.

Всё это посмотри, обмозгуй, не понравится — сложи в архивы. Понравится — работай. Или пришли свои соображения.

Вообще наступило время работать на расстоянии. Теперь только не надо лениться ходить на почту. Чем чаще мы будем посылать друг другу вещи на доработку, тем лучше.

Кстати, сейчас только звонила Клюева из Мол. Гв., спрашивала, что нам запланировать на 63 год. Я попросил поставить сборник и обещал обсудить с тобой это дело: какие вещи сможем дать. Сборник из трех небольших повестей был бы хорош, как ты полагаешь?

«Возлюби» и еще парочку, которую обсудим. И хотя бы этот вот рассказ, если удастся. Вообще, что бы ни делали, как бы неудачно нам ни каза-

лось, надо все равно посылать друг другу. Дает, знаешь ли, толчок фантазии.

Ну вот и все.

Жму руку, целую, твой Арк.

П. С. На обороте страниц, чтобы ты не задавался вопросами, Бердник «Пути Титанов».

Письмо Аркадия брату, 12 мая 1962, М. — Л.

Дорогой брат.

С «В» пока без изменений. Условия таковы, что сейчас пока предпринять ничего невозможно.

Теперь о моей отставке. Ладно, пусть непосредственные контакты с издателями буду продолжать я. Но всю деловую часть я решительно и бесповоротно спихиваю на тебя. Что это значит? Это значит: если мне не удается отстоять наш вариант, и я получаю от редактора указания, я эти указания аккуратно записываю, беру рукопись и вместе с указаниями пересылаю тебе. Т. о. всю доработку отныне будешь вести ты. Загрузим почту.

А теперь о новом сюжете. Есть, понимаешь, сюжет. Вернее, намек на сюжет. Помнишь наши споры о человечности, гуманизме, об определении ценности эмоций и голого ума и т. д.? Я всё думал: а неплохо бы это всё вынести в н. ф.

штучку. Думал и придумал.

Знаешь, я сейчас думал, как определить сюжет и рассказать, что я хочу, но у меня одни тени. Так что я дам только общие рассуждения, а ты попробуй извлечь квинтэссенцию a la Рабле[351].

1. Главная идея — спор: что победит — эмоция или чистый разум, или они будут развиваться одновременно и сольются в конечном итоге в гармоничное целое.

2. Мещанская сущность крайних представлений.

3. Доказательство неразрывности эмоционального и рационального и их последующее объединение.

4. Кальмары растут в течение всей жизни, причем а) растут все их органы, в том числе и мозг, и б) живут они, возможно, тысячелетия.

5. Разум на нашей планете определяется тремя факторами: а) наличием гигантской центральной нервной системы, б) трудом и в) общественным характером жизни носителей разума, общественным опытом.

6. Фантастическая посылка: гигантский мозг тысячелетнего кальмара и гигантский индивидуальный опыт, и нет труда.

7. Разумный кальмар. Т. е. не разумный, а ка-

кой-то иной. Апофеоз эгоизма и индивидуализма. С биологической точки зрения любопытно — накопление опыта в течение тысячелетий в одном непрерывно растущем мозгу и диалектический скачок — от животного с его тремя инстинктами — к чему? С точки зрения фантастики — такой кальмар является вторым животным на земле, обладающим способностью и возможностью использовать избыток опыта для любопытства, исследования и прочих довольно разумных действий, а также и неявных для нас «душевных» движений. С философической точки зрения это — чистый разум, лишенный характерных для высших животных эмоций — жалости, радости, горя и т. д.

8. Так что же — человек в отличие от такого кальмара только восполняет общественным опытом недостаток (за краткостью жизни) индивидуального?

9. Что-то от сюжета: океанологическое судно на поиски Кракена. Капитан прибивает к мачте рублевую бумажку — как Ахав. Кто первый заметит Кракена, тот... и т. д. Все орут «ура!» и пьют шампанское[352]. Герои — члены экспедиции, специалисты по cephalopoda. Батискаф. Споры. Исследуют, находят гиганта. Спускаются и наблю-

дают. А тем временем оказывается, что Кракен наблюдает их. В штормовые ночи он всплывает на поверхность — чудовище в сотню метров длиной — и шарит по палубе и разглядывает корабль.

10. Надо придумать действия Кракена, подтверждающие мысль о его разумности. Вот например: наблюдается, как он оплодотворяет самку, а затем задумчиво сжирает ее. Зависть у одного из героев, у которого беременная нелюбимая девушка.

11. В такой повести огромный простор для рассуждений по записанным у нас вопросам (помнишь?):

а) Что такое факт? Существует ли Кракен? — идет спор. Нашли. Исследовали. Обмерили. Потом он удрал. А как доказать? Не есть ли факт — только то, что более или менее перманентно влияет на практику?

б) Что такое авторитет? Взять ученого, который авторитет, и обсосать его.

в) О стремлении свести явление к ч. л. известному и говорить нечего — полный простор.

г) О практической пользе. Ламентации зоологов: ну кому нужны эти кальмары, даже разумные, в век атомной энергии?

д) О возможности предсказать поведение

одиночного гигантского кальмара, потому что общества кальмаров не существует. Отсюда спор о человечестве, как статистическом коллективе.

И т. д.

Я не знаю, как тебе нравятся все эти штучки. Мне они нравятся, и я решил работать. Буду ужасно рад, если ты тоже включишься сразу же и поможешь с разработкой сюжета. А я пока собираю материалы о кальмарах и об океанологических судах. Знаешь, дать главу — Панегирик головоногим — рассказать (как Мелвилл, не стыжусь) о гигантских спрутах все, что известно, их биология, их строение, все слухи и прочее. Или в несколько глав: «Руки», «Глаза», «Мозг» — занимательнейшие перебивки фактами философских рассуждений и чисто бытового фона жизни на корабле. Собственно, на жизнь корабельную мне плевать, а вот конфликты между героями и бабенку каку-нибудь — это да. И один из героев — злой, красивый, умный человек, молодой и сильный, и коммунист.

Вот так. Чем скорее ответишь, тем лучше.

Целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 13 мая 1962, М. — Л.

Дорогой Борик.

Вот так переписка у нас развернулась. Вчера только послал тебе письмо, и вот получил твое, и пишу снова.

Твои соображения по «ВД» принимаю почти полностью. В частности эпилог, я полагаю, будет неплох. Кое-что я уже сделал — легкими мазками — для журнального варианта. Натурально, для книги придется сделать солиднее. Кстати, дело вот в чем. Очень не исключена возможность того, что «ВД» поместят в сборнике «Фантастика, 1962», который сейчас готовится в «Мол. Гв.» Андреевым и сдается в набор буквально в этом месяце. Я уточню и узнаю, и тогда для поделок тебе придется прискакать в Москву на пару дней.

Само собой, это не исключает нашего отдельного сборника, в котором можно дать «ВД», повесть с кальмаром, если мы что-нибудь с нею сделаем, и два-три рассказа. Будет приличный сборничек на десять-двенадцать листов. Кстати, я говорил с некоторыми лицами в «Мол. Гв.» — очень жалеют, что мы отказались от идеи «Родился в 2017» — полагают, что это была бы смачная книга. Я на упреки отмалчивался.

Насчет рассказов. Я полагаю, сделаем по твоему предложению, т. е. ты берись за «Окно», а мне перешли свой рассказ, набросанный вчерне.

Итак: я, по решении «Мол. Гв.» вопроса с «ВД», сажусь и подготавливаю сырье для поделок по Андрееву. Ты немедленно заканчиваешь черновик своего рассказа и высылаешь мне, после чего, в зависимости от обстоятельств, либо мы откладываем до встречи «ВД» и сидим над нашими рассказами, либо немедленно встречаемся, добиваем «ВД», договариваемся о кальмаре и, разъехавшись, опять-таки возвращаемся к рассказам.

Разговор Белы с инженером в повести сокращен очень мало.

Жду суждений, целую, твой Арк.

«Добивали» ВД в конце мая. В «Дневнике приездов» запись: «20.05.62. Приезжал АНС для починки «Попытки к бегству» (бывш. «ВД»)».

Письмо Аркадия брату, 29 мая 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Даю информацию.

1. Вчера из Главатома пришло «В» с резолюцией, дословно такой: «В повести А. и Б. Стругацких секретных сведений не содержится, но она напи-

сана на низком уровне (!) и не рекомендуется к опубликованию». Так-то. Сейчас же Нина Беркова отнесла эту резолюцию в Главлит. Но главлитского начальства не было на месте, и как отнесется Главлит к этой идиотской цидуле — неизвестно. Самое смешное — что книга наша Главлитом уже подписана, но из-за гнусной рекомендации ее опять задержали, и могут вообще не выпустить. Тогда — война. Очень обидно, но ничего не поделаешь.

2. Сборник «Фантастика, 1962» уже пошел в производство. Наша «ПКБ» вставлена на второе место, после Гора, по-моему. Кирилл в восторге от того, что мы сделали. Он <...> кричал, что это то, что нужно, и еще что-то о правильных акцентах и т. д.

3. Я рассказал Варшавскому о нашей переделке, и он попросил переделать и журнальный вариант, хотя уже (!) не уверен, согласится ли Мезенцев (их главред) печатать. Ладно, вчера я съездил в «Мол. Гв.» и вырвал прямо из корректорской наш вариант. Сегодня должен все перенести в экземпляр для «З-С» и завтра с утра вернуть — один в «Мол. Гв.» и другой в «З-С».

4. «ЧиП» отнес в «Сов. воин» с псевдонимом «А. Бережков».

5. Получил из Киева номер «Знания та праця» с окончанием «Облавы». Ох и рисуночки там — закачаешься!

Посылаю тебе письмо из «Мол. Гв.» Дай поскорее ответ, что ты думаешь сделать? Сборник? Отдельную вещь? Не забывай — на ближайшие три года. Значит, можно дать две вещи. Подумай и пиши.

Вот пока всё.

Жду писем, твой Арк.

Письмо из «Молодой гвардии» было послано в оба адреса. В архиве сохранился вариант к БНу:

Письмо БНу из издательства «Молодая гвардия», 22 мая 1962

Уважаемый Борис Натанович!

Редакция научной фантастики и приключений издательства «Молодая гвардия» приступила к составлению плана изданий на ближайшие три года. Мы предполагаем значительно увеличить выпуск книг по этим разделам, расширить тематику, чтобы издание литературы этого профиля заняло соответствующее ей место в деятельности молодежного издательства. Вместе с тем мы не хотели бы дублировать работу других издательств, учитывая особую специфику «Молодой

гвардии».

Поэтому обращаемся к Вам с просьбой сообщить нам, можем ли мы рассчитывать на включение в этот план одной или двух Ваших новых вещей, рассчитанных на нашего читателя. В этом случае желательно знать ее условное название или тему произведения, приблизительный ее объем и ориентировочный срок написания.

Мы будем признательны, если Вы сообщите свой ответ не позднее 5 июня с. г.

Зав. редакцией научной фантастики, путешествий и приключений С. Жемайтис

Пресса в это время отзывается об АБС разнообразно: и хвалят, и поругивают. И если А. Громова в статье «На пороге неведомого века» («Молодая гвардия», 1962, № 6) отмечает: «Одна из наиболее привлекательных черт дарования Аркадия и Бориса Стругацких — это уменье экономными штрихами рисовать характеры героев без дешевой патетики и сентиментальности», то А. Рябченко в статье «Дороги земные и звездные» («Кубань», 1962, № 6) с нею не соглашается. О ПНА: «Перелистывается страница за страницей, и не узнаются эти в прошлом замечательные люди. Что с ними произошло? Техника двинулась далеко вперед, а люди остались в прошлом. Замечатель-

ные, культурные, спокойно-волевые люди вдруг стали невыдержанными, раздражительными, до изумления грубыми». О «Почти такие же»: «Видно, авторам изменило чувство здравого смысла, понимание диалектики общественного развития, поскольку они допускают, что люди XXII века могут вести себя, как подгулявшие матросы парусного флота». И в заключение: «А стоило ли публиковать художественно несовершенные произведения, да еще более чем полумиллионным тиражом?»

Но АБС заняты творчеством и на прессу обращают внимание мало.

Письмо Аркадия брату, 3 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Твой ответ Жемайтису получил, отнесу в том виде, в котором написано.

С «В» перемен никаких. Главлит не хочет подписывать разрешение к печати, пока не выяснится окончательно, что имели в виду подонки из Главатома, когда отписали, что повесть «на низком уровне». Этим теперь занимается главный редактор Детгиза тов. Компаниец В. Г. Будут новости — сообщу.

Была сверка «Стажеров», пошла в цензуру.

Опять ждать будем.

Идет сверка альманаха с «Должен Жить».

«ПкБ» в производстве в «Мол. Гв.». Брал ее прямо из корректорской, чтобы привести в соответствие с нею знаниесильский вариант. В «ЗС» ничего пока не ясно. Ясно только, что в № 7 не пойдет. Нет уверенности, что пойдет в №№ 8, 9, 10. Мезенцев, главред «ЗС», еще не удосужился прочесть. Глеб Анфилов держал с Варшавским пари на бутылку коньяка, что Мезенцев не пропустит.

В Писдоме — ты-то сам подписал протест? Или тоже рассосался? Из письма неясно. Кстати, водку ты, следовательно, пьешь? Только со мной не пьешь?

Принесли мне второй том руководства по зоологии. Три дня обрабатывал материал по кефалопода. Интересно — страсть. Так и просится на бумагу. Чудовищная карикатура на человека. Мозг расположен вокруг пищевода, совокупление на расстоянии, кровь бесцветная и синеватая, дыхание, выделение, половые акции — все через одно и то же место. Ну, это потом.

Ездил к Ефремову — он обещал мне английские книги о кефалопода. Хороший он мужик — умница и добрый, нигде таких не видел.

Рассказ присылай немедленно. Я сейчас тру-

жусь над статьей. Да, завтра, на очередном сборище фантастов, думаю предложить на рассмотрение нашу статью о критиках. Как ты думаешь? Пока все. Целую, твой Арк.

О Ефремове вспоминает БН:

Из: БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда!

Что касается Ивана Антоновича Ефремова, то он всегда был для меня и остается поныне мощным ледоколом, проложившим в конце 50-х моему поколению (Второму поколению советских фантастов) дорогу среди льдов так называемой «фантастики ближнего прицела», о которой сейчас все и думать забыли, но которая в сталинские и сразу-после-сталинские времена стояла непреодолимой преградой на пути новых идей и новых авторов. Ефремом был *огромным* человеком — он и физически-то был огромен — без малого двухметровый человечище, ручищи, ножищи, мощный голос, — но он был еще и великим эрудитом, крупным ученым, философом, мыслителем, оратором, путешественником, первооткрывателем. Уже первые его вещи — сборник «Пять румбов», повесть «Звездные корабли» — прозвучали для нас, тогда совсем мо-

лодых, жаждущих нового, как рог Роланда, а уж «Туманность Андромеды» пробила в крепостных сооружениях всяких там немцовых-сапариных такую брешь, что они уже более никогда не сумели оправиться. Не знаю, как читаются сегодня эти его вещи, давно не брал их в руки, но для меня нет никакого сомнения, что Ефремов навсегда вошел в историю отечественной фантастики, что он предтеча и Второго, и Третьего, и Четвертого поколений — предтеча, отец-основатель, властитель дум... «Старик Державин».

БНС. Офлайн-интервью 20.08.98

Вы были знакомы с И. А. Ефремовым или нет? И если да, то, пожалуйста, расскажите что-нибудь об этом знакомстве.

Ник. Россия

С Ефремовым одно время был близок АН — они часто встречались, как правило, у Ефремова, я тоже у него бывал несколько раз. Это был воистину «матерый человечище» — гигант мысли, великий эрудит, блистательный рассказчик и бесстрашный боец. Он был подлинным лидером фантастики 60-х, пролагателем новых путей и защитником всего нового. Конечно, писателем он был неважным, да он и сам не претендовал особо

на это звание — считал себя в первую очередь философом, мечтал писать трактаты и «Диалоги» в манере древних.

Письмо Аркадия брату, 7 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю тебе «Тезисы». Посмотри, исправь, предложи.

Все без перемен.

Целую, твой Арк.

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ О НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

а. Н. Ф. есть по преимуществу литература о человеке в необыденных обстоятельствах. Необыденность обстоятельств достигается, как правило, одним из следующих приемов (или их сочетанием):

— введением в произведение сверхъестественного элемента;

— экстраполяцией новейших научных идей;

— овеществлением в той или иной форме различных абстрактных философских, политических и моральных идей.

б. Неудачность термина «научная фантастика», искусственно сужающего этот вид литературы

и создающего жирную почву для всякого рода кривотолков.

2. Н. Ф. как вид ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

а. Для чего читают художественную литературу:

— чтобы получить эстетическое удовольствие художественным совершенством;

— чтобы утолить интерес к фабуле;

— чтобы отвлечься от будней жизни;

— чтобы получить позитивные знания;

— чтобы дать пищу духовному голоду, «посопереживать»;

— чтобы дать пищу любопытству и воображению.

б. Следовательно, Н. Ф. не выпадает из художественной литературы с точки зрения читателя. Лучшие произведения — «Гиперболоид», «Аэлита», «451 по Фаренгейту» удовлетворяют всем читательским требованиям.

в. Место Н. Ф. в литературе определяется по преимуществу ее методом: введением необыденного фактора как средства, позволяющего быстро и ярко выразить художественными образами основные идеи автора.

3. ТЕМАТИКА Н. Ф.

№ 1. Деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки.

№ 2. Философия коммунизма и философия мещанства.

№ 3. Антиимпериалистический и антимещанский памфлет.

4. ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЫСЛЕ Н. Ф.

а. Н. Ф. как средство пропаганды научных знаний.

б. Н. Ф. как литература «крылатой мечты».

в. Н. Ф. как средство пропаганды необычайных и занятных профессий.

[Сбоку рукописно добавлено: «Не исключается, но не есть главное».]

Надлежит всегда иметь в виду, что Н. Ф. преследует те же цели, что и художественная л-ра вообще: изображение действительности в образах. Отличие только в методе.

5. РОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Н. Ф.

а. Характерные черты нашего времени:

— построение коммунистического общества;

— угроза невиданно истребительной войны;

— активизация наступательных тенденций мещанства.

б. В этих условиях роль научной фантастики

как средства пропаганды необычайно возрастает, ибо:

— Н. Ф. по определению органически антагонистична мещанскому мировоззрению (имеется в виду прогрессивная фантастика);

— фантастика является одним из наиболее читаемых видов л-ры.

в. Величайшей ошибкой является невнимание к Н. Ф. лиц и организаций, ответственных за пропаганду, в том числе и ведущих издательских работников.

г. По ту сторону баррикады фантастика давно является действенным средством идеологической войны.

6. КРИТИКА Н. Ф.

а. Основные положения изложены в нашей статье.

б. Критики, как правило, ссылаются на классическую литературу, но классикам и не снились проблемы, вытекающие из характерных черт нашего времени.

[Пункт «б» обведен сбоку скобкой, там же поставлен знак вопроса.]

7. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА, ИЗДАТЕЛЬСТВО, ЧИТАТЕЛЬ.

а. Точка зрения издателей:

— не надо Н. Ф., она мешает детям и взрослым читать Пушкина и Толстого;

— Н. Ф.? Это не к нам. Это в издательство «Академии Наук»;

— Н. Ф. печатаем охотно. Только несите хорошие вещи. Что имеется в виду? Ну, что-нибудь познавательное;

— Н. Ф. должна идти самотеком. Мы пальца о палец не ударим.

б. Точки зрения читателей:

— так не бывает;

— описывают людей будущего, а они водку пьют;

— ничего не понял, пишите яснее.

8. ПЕРСПЕКТИВЫ Н. Ф.

а. Две тенденции в Н. Ф.:

— собственно научная фантастика (грандиозные опыты, космические перелеты, наука на грани вероятного);

— философическая фантастика (попытка постановки и решения средствами Н. Ф. больших философско-социальных проблем).

б. Очевидная тяга к вытеснению собственно научной фантастики фантастикой философской. Неудовлетворенность классическими методами толкает писателей к приемам, характерным

для фантастики (Гор, Гранин, Панова, Лем, Брэдбери).

в. Страх у издателей перед философской фантастикой. Как бы чего не вышло[353].

Письмо Аркадия брату, 8 июня 1962[354], М. — Л.

Дорогой Боря!

Вот и дождались светлого праздника: «Возвращение» из Главлита получено, сдано в производство и выйдет, по утверждению нач. производственного отдела, в июле. Т. е. выйдет сигнал.

Но получилось все так, что мне даже не радостно. Мерзость случившегося беспредельна. Вот как это было:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ»

Действующие лица:

А. Стругацкий — автор.

Н. Беркова — редактор.

Компаниец — главный редактор Детгиза.

Пискунов — директор Детгиза.

Калинина — чин в Главлите.

Кондорицкий — крупный чин в Главатоме.

Калинин —

Ильин — его референты.

Как ты помнишь, «В» было передано в Главатом по требованию Главлита в середине марта. В середине апреля, после троекратного напоминания о том, что книгу нельзя задерживать так долго, что стоит производство и т. д., а также о том, что от них требуется всего-навсего сообщить, содержатся ли в книге закрытые сведения по атомной энергетике, в Детгиз пришла официальная бумага за подписью Кондорицкого: «Закрытых сведений в книге не содержится, но книгу печатать нельзя, потому что она написана на низком уровне». Уповая на благоразумие главлитовских работников, мы переслали эту бумагу к ним. Действительно, через день Калинина сообщила, что книгу она несмотря ни на что подписала, но чтобы отдать ее нам, она должна знать, что думает по поводу этой резолюции детгизовское начальство. И вот тут-то и началось. Пискунов сказал: «Очень сожалею, но из-за одной книжки я ссориться с государственным учреждением не буду». Компаниец, вместо того, чтобы позвонить Калининой и сказать, что плевал он на мнение Главатомщиков, стал звонить к Кондорицкому, чтобы выяснить, что тот имел в виду под словами «написана на низком уровне». Но тут оказалось, что сам Кондорицкий книгу не читал, а читал

ее Калинин, а Калинин уехал в отпуск и вернется к середине июня. Так тянулось две недели. Беркова неутомимо сидела на Компанийце и заставила его говорить с Кондорицким серьезно. В конце концов Кондорицкий не выдержал и сознался, что развернутое заключение на книгу, написанное Калининым, имеется, но дать он нам его не может, потому что оно секретное. «Хорошо, — сказал Компаниец, — я пришлю к вам своего сотрудника Беркову, пусть она посмотрит на это заключение». Кондорицкому ничего не оставалось, кроме как согласиться. И вот Беркова отправилась в Главатом. Кондорицкий, конечно, ее не принял, а выслал ей второго своего референта, Ильина. Тот, рассыпаясь в извинениях, сказал, что заключение показать ей не может, оно-де не для посторонних глаз, но что он его помнит и может сообщить основные положения. Дальше произошел следующий разговор (имей в виду, что тут нет ни слова преувеличения):

Беркова: Итак, что имеется в виду, когда вы утверждаете, что книга на низком уровне?

Ильин: Книга очень сложна.

Б. — В чем же? Она содержит закрытые сведения?

И. — Нет, что вы...

Б. — В ней есть утверждения, противоречащие нашим взглядам на науку и технику?

И. — Нет, об этом в заключении не сказано.

Б. — Так при чем же здесь низкий уровень?

И. — Имеется в виду низкий литературный уровень.

Б. — Об этом судить не Главатому, но что же все-таки имеется в виду?

И. — В книге употребляется много сложных научно-технических терминов, которые непонятны рядовому читателю.

Б. — Например?

И. — Ну... всякие. Вот например есть термин, который может и употребляется среди узких специалистов, но массам он непонятен.

Б, — Какой именно?

И. — Сейчас вспомню. А... Абра... Ага, вот. Абракадабра. (Помнишь, Боб? «Это не сигналы, это абракадабра».)

Б. (сдерживаясь) — Это не научный термин. А еще?

И. — Еще, например, есть термин... Ки... Кибер.

Б. — Вы слыхали про такую науку — кибернетику?

И. — Слыхал.

Б. — Вот это слово от этой науки.

И. — Вот я и говорю — не всем будет понятно.

Б. — И все остальные ваши замечания в таком вот духе?

И. — Да.

Беркова вернулась в Детгиз, доложила Компанийцу, тот сейчас же позвонил в Главлит, и через час мы с Берковой пошли в Главлит и забрали «В». Сразу же отдали в производство. Вот и всё.

Вот и всё, что я хотел тебе сообщить. Здорово, правда? Почти три месяца нервотрепки, остановка производства, убыток в несколько тысяч. Целую, Арк.

О перипетиях издания «Возвращения» вспоминает Нина Матвеевна Беркова:

Из: Беркова Н. Воспоминания

Роман «Возвращение» (первое издание) авторы задумали еще в 1959 году, а вышел он в свет после многочисленных замечаний и переделок в 1962 году. Писать о Будущем, изобразить Мир, где живут добрые, честные, нормальные люди, наши современники, пусть и с присущими им недостатками, а не какие-то бесплотные, ангелоподобные существа, очень трудно, тем более что многочисленные оппоненты предъявили множество претензий, и главная из них была:

откуда возьмутся люди, достойные заселить этот Сверкающий мир Будущего? Ведь развитие — это борьба противоположностей, и если противоречий не будет, то Сверкающий мир зайдет в тупик и превратится в болото. Чтобы убедить своих противников, Стругацким приходилось неоднократно менять текст, а редактору — согласовывать исправления с Главлитом. Наконец, когда все вроде утряслось, вдруг возникло еще одно препятствие: против опубликования романа возразила очень серьезная организация, правда, не имеющая никакого отношения к литературе, — Главатом. Снова надо было идти «в инстанции» и доказывать, что никакого криминала в тексте нет. По существующим в то время правилам, представители официальных организаций не встречались лично с авторами, а делали замечания и давали указания через редактора. В Главатом пришлось идти мне. Аркадий, как обычно, сопровождал меня (вдруг понадобится ответ на какой-нибудь сложный вопрос) и остался ждать в бюро пропусков. Нельзя не отметить следующее: все эти «хождения по мукам» выпали на долю Аркадия. Ведь решались все вопросы в Москве, и приезжать специально из Ленинграда Борису, причем неизвестно на какой срок, было

нецелесообразно. Вот и ходили мы с Аркадием, как и предсказала нам заведующая редакцией Калакуцкая, парой, и каждый из нас четко знал, что он должен делать: Аркадий — ждать меня у входа на улице или в бюро пропусков на случай, если где-нибудь надо объяснить или дополнить, а я вступала в «дипломатические переговоры» с начальством или получала соответствующие указания.

Борис Натанович приводит письмо Аркадия о нашем посещении Главатома. Рассказывать об этом визите не буду; скажу только одно, что я была буквально в шоке, услышав, что в книге «низкий культурный уровень» и много сложных технических терминов, непонятных рядовому читателю. На мой вопрос, какие это термины, мой собеседник привел только два примера: «абракадабра» и «кибер»; остальные замечания были такого же уровня...

Заключение нам на руки не выдали, но я очень подробно изложила главному редактору «Детской литературы» Василию Георгиевичу Компанийцу нашу беседу с референтом Главатома, после чего он тут же позвонил в Главлит начальству, взял ответственность на себя и добился немедленного положительного результата. Мы с Аркадием

сразу же помчались в Главлит, чтобы получить долгожданное разрешение.

Главлит помещался возле площади Ногина (теперь это Китай-город), а издательство — возле площади Дзержинского (Лубянка). Расстояние между этими двумя учреждениями совсем небольшое, и наш марафон занял считанные минуты. А потом обычная ситуация: Аркадий внизу в вестибюле и бюро пропусков, а я — на четвертом этаже у цензора. Поставить печать не потребовало много времени, и мы, бесконечно счастливые, выскочили на улицу и... тут же попали под проливной дождь. Аркадий выхватил у меня папку с «Возвращением», снял куртку и бережно завернул в нее многострадальную рукопись. Мы бежали, как угорелые, не выбирая дороги, по лужам и насквозь промокшие, не сговариваясь, свернули в кафе-забегаловку, которое помещалось напротив дома, где находилось издательство. В этом заведении официально продавали кофе, мороженое и минеральную воду. Мокрый, но как всегда неотразимый, Аркадий что-то тихо сказал продавщице и вскоре торжественно принес бутылку шампанского, которую мы тут же выпили...

Такова вкратце изложенная история появле-

ния в свет книги «Возвращение». Подзаголовок — «Полдень, XXII век». 1962 год.

На титульном листе этого издания Аркадий написал от души: «Дорогой Ниночке Берковой с благодарностью и в память о днях стойкой обороны. Автор А. Стругацкий. Август 1962 г.»

Я горжусь, что заслужила такую оценку, это почти то же, если бы со мной сочли возможным идти в разведку...

В переработанном и дополненном издании 1967 года название несколько изменилось. Теперь книга называлась «Полдень, XXII век (Возвращение)», и на титуле надпись была другая: «Дорогой Ниночке с любовью и благодарностью от наконец-то почти счастливого автора. А. Стругацкий. 31.07.67».

Письмо Аркадия брату, 12 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

В «3-С» Мезенцев предъявил такие дурацкие требования к «Попытке», что я без лишних слов забрал у них рукопись и, сопровождаемый жалобными воплями Варшавского и Глеба Анфилова, удалился.

Рукопись выслал к тебе на Пулково. Попробуй пристроить ее в «Неву» к Дмитревскому. А не вый-

дет — так и не надо. Но все-таки попробуй. Очень хотелось бы щелкнуть <...> Мезенцева в нос.

Послал тебе также экземпляр «Туманности Андромеды» с дарственной надписью Ефремова. Это роман-газетовское издание, почти уникальное355.

Вот всё.

Целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 16 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Борик!

Уря! Меня освободили от армии, и я снова вернулся к мирному труду. Письмо твое получил. Замечания по докладу принимаю, надо, значит, четче определить круг тем (философских проблем), которые возникают в фантастике в укор и поношение «нормальным» жанрам.

Рассказ вышли немедленно.

Сообщи, что мама. Приехала ли, и когда приедет.

Целую, привет Адке.

твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 19 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Борик.

Положение такое: «Стажеры» в Главлите и одновременно пошел в Главлит «ДЖ». В «Мол. Гв.» Главлит уже задал какие-то вопросы, сейчас еду выяснять.

Надеяться на то, что редакторы перестанут посылать вещи в Главатом — не след. Дело не в поумнении или поглупении, а в циркуляре вышестоящих организаций.

Немедленно перестань возиться с рассказом и присылай его мне, а сам берись за следующий. Что за свинство, право? Когда встретимся, будет еще над чем работать, не беспокойся.

Ты прав — к «Магам» я еще и не прикасался. Меня мучает идея «Кракена». Никак не могу нащупать ключи к сюжету. Вот нутром чую, что здесь заложены гигантские возможности, мелькают даже кое-какие ситуации, но сюжета — нет и нет. Но я буду заниматься и «Магами», не беспокойся. И статью надо написать.

Пятого июня было сборище молодых фантастов, Громова делала очень интересный доклад о Леме. Развернулись прения — аж все вспотели. Спорили и ругались часа четыре. В общем определилась тенденция передовых: фантастика должна быть литературой философской. Так это можно определить. Между прочим, Лем на

три года старше меня, так что у нас с тобой, беря среднее, еще лет пять-шесть фору. Даешь умные книги, брат Борис! Думай о «Кракене»! Ненавидь мещанство! Испытывай иронию по отношению к тупому обывателю и тупой ж... в коверкотовом пальто и мягкой шляпе! Мы на тропе войны! Помни — коммунизм противоположен мещанству. Вот так-то.

Днепров принес мне в альманах хорошую повесть о кремнийорганических преступлениях[356]. Очень впечатляет. Хотя литературно не слишком. А вот Гансовский печет рассказы очень интересные. Отличный парень и писатель. Кстати, тебе он кланяется.

Заходил Андреев по другим делам, мы с ним потрепались. Еще раз расхвалил «ПКБ». Сказал даже что-то вроде «сколько ни старайтесь, лучше не напишете».

«ПКБ» выйдет в октябре-ноябре, т. е. сигнал. А в продажу — в январе, не раньше. Так что все-таки торопись.

Всё. Целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 24 июня 1962, М. — Л.

Дорогой Бобкинс.

Ты меня порадовал. С удовольствием прочи-

тал, что ты сделал, и просмаковал возможности. Коротко говоря, думаю, что дней через десять пришлю тебе готовый вариант. Славно все-таки, когда есть от чего оттолкнуться.

О статье. Никакая это не статья, а доклад, который я буду делать у фантастов в августе и в Детгизе в октябре. И не думаю писать без тебя. Писать будем вместе вариантами — я, потом ты, потом я и т. д.

Встретиться в июле не сможем, да и в августе тоже, разве что ты сюда приедешь. Насчет официального приглашения буду говорить послезавтра. Полагаю, никаких затруднений не будет. А писать все равно надо. И писать будем — хотя бы опять-таки вариантами. А впрочем, может быть, и удастся вырваться, но пока не вижу — когда и каким образом.

Звонка от «Звезды» ждешь зря. Надо прямо пойти и сказать небрежно: вот, мол, так и так, освободился один экземпляр, почитайте, может, подойдет. Кстати, а почему бы тебе не обратиться в «Неву»?

Теперь вот что. Насчет большой повести о кефалопода. Назовем ее условно «Кракен» и будем в дальнейшем кодировать «К». Думал я, думал, и вот какое у меня сложилось сюжето.

Не так давно какое-то советское океанологическое судно оказало существенную помощь в штормовых условиях японским глубоководникам, и спустя год японские океанологи поднесли советским в знак благодарности только что выловленный самый крупный экземпляр из известных кефалопода — гигантского кальмара-архитефтиса длиной в 20 метров без щупалец. Это длина без щупалец, а у этого щупальцы были на месте, причем ловчие руки имели длину тоже двадцать метров. Чудовище привезли в Ленинград и поместили в специально устроенный огромный аквариум, где вода из финской лужи регулярно подсаливается и время от времени для облегчения жизни нагнетается давление до двадцати атмосфер.

Идея такая. Дать простой бытовой сюжет с простыми жизненными приключениями, с одной стороны, и дать научный детектив, устанавливающий разумность и мещанский индивидуализм Кракена — с другой. Без прямых указаний показать, как мельчайшие, обыденные проявления мещанской сущности у людей получают гротескно преувеличенное, чудовищно гнусное и логически законченное отображение в поведении головоногого. Повторяю, совершенно без

прямой связи. Замаскировать все научным детективом. Главные герои:

1. Тридцатипятилетний востоковед, редактор и писатель, толстый, очкастый, подверженный всяким влияниям, но в сущности добрый.

2. Его сверстник и старый друг, океанолог, работающий при аквариуме, красивый, злой, умница и скептик, потерявший, вроде тебя, всякие иллюзии о пользе своей деятельности.

3. Сослуживец и товарищ океанолога, избравший работу в качестве защитной скорлупы от жизни. Играет под чудака, притворяется невероятно рассеянным и т. д.

4. Руководитель их, сволочь откровенная, карьерист и обладатель авторитета за прошлые ненаучные заслуги.

5. Подруга востоковеда, гид интуриста, женщина умная, спокойная и настроенная скептически и уравновешенно.

6. Жена океанолога (который чудак), обыкновенная хорошенькая женщина.

Вот такой примерно состав, с которым надо разработать бытово-профессиональную драму.

Речь идет от лица (но не обязательно через «я») востоковеда и вот по каким трем причинам:

1. Я этих востоковедов знаю.

2. Он, как и мы с тобой, в океанологических делах понимает мало.

3. Повесть начинается с того, как он, умиляясь собственным благородством, добровольно уходит из издательства, где из-за сокращения штатов хотели уволить другого редактора, малоспособную, но мать-одиночку. Так что у востоковеда будет много времени свободного, и он все дни, свободные от решения жизненных проблем, будет сидеть перед аквариумом. Он-то и начнет понимать, что Кракен наделен разумом. И в подтверждение своей идеи связывается по почте с капитаном корабля, изловившего Кракена, и от него получает письмо с обстоятельствами дела: по всей видимости, Кракен залез в ловушку добровольно, узнав от сбежавших спрутов помельче, что у людей хорошо кормят.

Мне видится в таком взгляде на вещи настоящее уэллсовское слияние бытовой повести с фантастической, о которой мы мечтали. Конечно, надо здорово попотеть, чтобы найти соответствия поступков людей в поступках Кракена и чтобы построить смачный нетривиальный конфликт между людьми. Впрочем, он может быть и не очень нетривиальным, но должен удовлетворять по крайней мере двум условиям: чтобы такой

конфликт не был возможен нигде, кроме как в СССР, и чтобы такой конфликт не был возможен никогда раньше пятьдесят пятого года.

Вот и всё.

Будь здоров, привет маме и Адке, твой Арк.

Самое главное: жду твоих соображений по повести.

Письмо Аркадия брату, 3 июля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю вариант рассказа. Как ты увидишь, акценты я несколько сместил по сравнению с тем, что ты предлагал. Если есть замечания, вводи и пересылай ко мне. Рассказ уже ждут в «Искателе» и в «Науке и технике» в Риге. Так что не особенно задерживай. И принимайся за следующий. Хорошо бы сделать «Окно». Жду. И жду замечаний по плану «Кракена». Что за свинская манера не отвечать на письма? Жму руку, целую, твой Арк.

Только что получил письмо. С радостью бы приехал бы, да с чем? Разработок-то нема! Может, ты приедешь?

Целую, Арк.

Поцелуй маму.

Письмо Аркадия брату, 6 июля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю черновик доклада. Писал я резко и, след., не всегда, вероятно, умно. Исправляй, черкай, перепечатывай. Хорошо бы, если бы дать большую концентрацию мысли и меньший объем.

Теперь вот что. В сентябре в Москве международная конференция фантастов. Я избран в подготовительную комиссию. Наверняка (т. е. будет в конце концов конференция, или нет) станет известно через неделю. Вопрос вентилируется в ЦК. Тебя, конечно, пригласят, т. е. будешь одним из хозяев конференции. А вообще Днепров яро дерется с Казанцевым и К°, которые хотят выждать, пока мы проведем подготовительную работу, а затем встать во главе. Одним словом — шумят витии[357]. Мне все это, сказать откровенно, не интересно.

Хочется к вам. Не знаю, как это сделать.

Скорее кончай с рассказом и высылай. Паки скорее давай доклад. А то до августовской встречи остается мало. Буду пытаться, чтобы на август тебя пригласили.

Жму руку, целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 11 июля 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Очень рад, что тебе понравился доклад. Я думал о нем хуже. Только ты учти, что это не только доклад, но и наша статья для ежегодного сборника Дома Детской Книги, так что работай и в редакторском отношении. Сумбурного быть не должно. Все замечания, которые ты сделал: доказательства необходимости нф как метода, насчет «крылатой мечты», вставку о критике, о недостатках — банальные сюжеты, дедовские приемы, язык — все это переделывай и дополняй сам. И не мешкай — в первых числах августа мне выступать. Что касается твоего возражения насчет определения, то там же ясно сказано: необыденность достигается тем-то и тем-то. Может быть, сформулировано неудачно, так то ты тоже поправь.

А что до рассказа, то это ты не ври. Рассказ хороший. Читал Гансовскому, ему очень понравилось. Между прочим, я очень сошелся с Севером, отличный парень, много повидавший, интеллигентный и умница. Есть в нем такой светлый, мягкий, нерешительный юмор. Понимаешь? И нас он очень любит. И писать стал необычайно

интересные вещи. Просто приятно читать. Мы изредка собираемся и читаем друг другу. Возвращаясь к рассказу, ты его делай и переделывай, это к лучшему, но тоже не задерживай особенно.

В письме к маме прочитай о подготовке к конференции.

Я в муках оформляю сюжет «Кракена». Кракен будет! Есть у меня такое радостное предчувствие. Конфликт наметился. Знаешь, этакий человеческий конфликт между тобой и мной — гуманизм против рационализма, конфликт движения и идей. И кракен в него хорошо как будто ложится. Одним словом, дело помаленьку движется, и если оно получится так, как я себе это представляю, мы будем хабен358 первый в истории нашей литературы рассказ о серьезном внеполитическом конфликте в среде интеллигенции нашего времени. Вот все.

Жму, целую, Арк.

Отвечай скорее, что за манера запаздывать. Как у тебя с повестью об экспедиции?

Из «Дневника приездов»: «22.07.62. Приезд без особой цели. Впрочем, сделали статью-доклад о фантастике».

Письмо Аркадия брату, 28 июля 1962, М — Л.

Исайя, ликуй!

Вот она лежит передо мною, компактная зелено-голубая с золотом, великолепная и скромная! Итак, знай: 27 июля 1962 года получен сигнал нашей с тобой четвертой книги «Возвращение».

Поздравляю и поздравь меня.

Теперь вот что. Срочно сообщи, кто автор стихов в «Стране багровых туч» — про задумчивый скрип кабестана? Дело в том, что вчера пришел редактор одной многотиражки. Там они поместили те же стихи за подписью какого-то самодеятельного поэта, а потом им подсунули «Страну», и они ужаснулись. Как тебе известно, нигде не сказано, что это твои стихи, и денег нам за них не платили. Но этот редактор умоляет узнать и сообщить.

Всё.

Да, пришли заявление о переводе денег на книжку. Договор на массовое издание подпишу я сам.

Целую, твой Арк.

Поцелуй и поздравь маму.

Экземпляры будут на той неделе, сразу вышлю.

Письмо Аркадия брату, 2 августа 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Экземпляры будут. Как только дадут тираж и перешлют в наш фонд, я забираю десяток и шлю к тебе в Пулково.

История со стихами пока не кончена. Эти ребята из многотиражки должны звонить и справиться.

Громовой твою высокую оценку передам непременно.

Немедленно пиши свои соображения по сюжету и по героям. И надо наконец приниматься за эту «компактную резкую и дерзкую книгу».

Я сейчас немного вышел из колеи: дело в том, что Ирина Львовна Иоффе попросила меня отрецензировать одну японскую книгу — «Море и яд» Эндо Сюсаку359. Я ее читаю сейчас, дошел до половины. Жуткая и очень интересная. О медленном и верном падении японских врачей, которые в условиях войны и разрухи опускаются постепенно до экспериментов над американскими пленными. Превосходно написано. Хорошо бы взять на перевод, но Иоффе, вероятно, возьмет сама.

Вот все. Поцелуй маму, Адку. Твой Арк.

Пиши немедля.

БНу в это время приходит приглашение:

Письмо БНу из журнала «Техника — молодежи», 31 июля 1962

Многоуважаемый Борис Натанович!

С 18-го по 28-го августа редакция нашего журнала совместно с Союзом писателей СССР проводит Международное совещание, посвященное обсуждению темы «Человек и будущее» в творчестве писателей-фантастов. Кроме советских фантастов в этом совещании примут участие писатели из стран народной демократии.

Направляя Вам приглашение принять участие в совещании, редакция сообщает, что все расходы должна принять на себя организация, которая будет Вас командировать в Москву.

Будем рады получить от Вас согласие принять участие в этом совещании.

С искренним уважением

И. о. главного редактора А. Мицкевич

БН договаривается на работе об отпуске за свой счет — приехать на международный форум ему хочется.

Письмо Аркадия брату, 8 августа 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Получил твое письмо. Вообще желательно, чтобы на письма ты отвечал в тот же, максимум — на следующий день.

Очень рад, что ты приедешь в Москву. Что же касается остановиться на ночлег, то, конечно, к нам. Иного разговора быть не может.

За «Кракена» думаю денно и нощно. Но с сюжетом не вытанцовывается. Черт, вот так нужен сюжет! Просто позарез. Слушай, может взять обычный приключенческий сюжет без психологических вихрей, а потом на него все налепить? В таком роде: привезли в Л-д спрута. Стали его изучать под разными соусами. Догадались, что он разумный и не то спасается здесь, не то прислан на разведку. Пытались связаться. Не выходит. Он догадался, что его разгадали. Счел свою миссию оконченной или разочаровался — мало мяса дают. И удрал — на улицу, плюхнулся в Неву, вышел в Финский залив и либо поминай как звали, либо взорвался на старой мине.

А затем, или попутно, наворачивать на эту нить всю психологию и публицистику, а также здоровый секс. Как ты полагаешь?

Вот пока всё. Целую, Арк.

Большой привет и поцелуй маму. На днях напишу ей. Очень замотался.

В восьмом номере журнала «Молодой коммунист» в это время публикуется статья, не обратить внимания на которую АБС не могут. Мы приводим ее текст полностью.

Мелеус А. Запорожцы в космосе

Научно-популярная и научно-фантастическая литература раскупается у нас в стране с космической быстротой. Это и понятно: год от году растет уровень советского читателя, повышаются его запросы. Мы строим прекрасное будущее, и закономерен интерес к этому будущему. Перспективы развития науки и техники в ближайшие годы и более отдаленное время, пути развития человеческого общества — все это волнует читателя, особенно молодого.

Читатель жадно ищет ответа в книгах ученых и писателей-фантастов, ждет новых произведений научно-фантастического жанра.

Не случайно сборник фантастики и приключений под названием «Искатель» (приложение к журналу «Вокруг света») очень популярен у читателей разных возрастов и профессий, жела-

ющих приоткрыть хотя бы край завесы времени, отделяющей настоящее от будущего. И вот мы, читатели, открываем второй номер «Искателя» за этот год. Здесь печатаются две главы из новой научно-фантастической повести писателей Аркадия и Бориса Стругацких «Стажеры». Обе главы даются под общим названием «Генеральный инспектор».

Главы из новой научно-фантастической повести начинаются с небольшого вступления редакции, из которого мы узнаем, что «в конце двадцатого века с одного из космодромов Советского Союза стартовал первый в мире фотонный планетолет».

Редакция приводит краткое содержание известной научно-фантастической повести Стругацких «Страна багровых туч» и далее поясняет:

«...прошло несколько (?) лет. Многое изменилось за это время на Земле и в Солнечной системе. Объединенное человечество окончательно завоевало возлесолнечное пространство... кое-где в огромной сети космических поселений, охвативших всю Солнечную систему, происходило неладное...»

Отмахнувшись от недоумения: как это можно за несколько лет окончательно завоевать возле-

солнечное пространство и, более того, построить огромную сеть космических поселений, — читатель спешит пробежать глазами вступление и погрузиться в увлекательный мир фантазии, пойти за писателем в будущее. Увидеть глазами авторов прекрасное завтра с его умными, талантливыми людьми. Вместе с генеральным инспектором Юрковским, с командиром космокорабля Быковым и штурманом Крутиковым направляемся и мы, читатели, в одно из космических поселений, созданных «Объединенным человечеством». И вот мы на борту планетолета «Тахмасиб» летим в космос и слушаем разговор Юрковского с Быковым о двадцатилетнем вакуум-сварщике Юрии, взятом в космос в качестве стажера.

Первые же фразы из разговора заслуженных, всемирно известных космонавтов, покорителей Урановой Голконды, нас весьма удивляют. Крупные ученые — исследователи планет, первооткрыватели Венеры, смелые и умные путешественники, люди весьма солидного возраста — говорят пошлости, подсматривают, как Юра украдкой любуется фотографией девушки. Они цинично похохатывают над его чувствами и над своими прошлыми увлечениями.

«...В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут фотографии и потом не знают, что с ними делать», — смеется генеральный инспектор и тут же вспоминает, как в молодости он очень любил сочинять стихи, мечтал стать писателем.

«...А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят. И я подался в космос...» Как все это просто, проще пареной репы! Писал стихи, а потом «подался в космос»!

Пока мы слушаем эти глубокомысленные рассуждения, входит еще один космический «волк» — Михаил Антонович Крутиков, штурман космического корабля. Он входит в кают-компанию «...в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с дымящимся чайником в руке» и предлагает попить чайку.

Ну что ж, наверное, им, писателям, виднее, что к чему. Может быть, в планетолетах будущего и следует ходить вместо космического скафандра в полосатой зелено-красной пижаме, в стоптанных шлепанцах на босу ногу и пить чай из самовара с атомным кипятильником! Ведь наука и техника прогрессируют, а полет фантазии у авторов так безграничен!

Одно только плохо, что писатели, стараясь дать

ощутимый, живой образ героев, настолько увлеклись, что забыли: они находятся не в уютной московской квартире, а на борту космического корабля.

Слушая разговор Юрковского, Быкова и Крутикова, мы понимаем, что они просто по-мужски шутят, что они выше пошлых вкусов и сомнительных выражений, и все же удивляемся, зачем понадобилось Стругацким применять такой тяжеловесный, с позволения сказать, «юмор». Неужели космонавтов, живущих в 2000 году, может забавлять подобный разговор?

Но не будем осуждать Юрковского, Быкова, Крутикова — они люди старшего поколения, так сказать, с пережитками прошлого, хотя и живут в будущем.

Скорей туда, на Эйномию, к молодым, к «смерть-планетчикам»! Там живут и работают «настоящие люди», так их называют авторы этой повести.

«...Двадцать семь человек, крепкие, как алмазы, умные, смелые, я бы сказал, даже отчаянно смелые! Цвет человечества!» — говорит Юрковский, и мы, читатели, верим ему.

И вот мы на Эйномии. «...Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это

был долговязый, очень бледный, веснушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные».

И далее: «Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами».

Убедившись, что читатели хорошо себе представили человека будущего, авторы постепенно представляют нам других «смерть-планетчиков».

Мы не будем рисовать их портреты, так как и сами авторы очень мало пишут о них. Мы знаем только то, что у них у всех широкие спины. «...Чей-то зеркально выбритый череп и еще один затылок, мускулистый, с фиолетовыми следами фурункулов».

Вот и все портреты «настоящих людей». Кто же все-таки эти молодые парни в возрасте от двадцати пяти до тридцати четырех лет? Кроме того, что это люди крепкие, как алмаз, умные, смелые, авторы предпочитают не распространяться о них, они просто восхищаются ими. Но когда читатель пытается представить себе этих парней, в памяти у него невольно возникают запорожцы. Сравнение с запорожцами нами не выдумано. Это сравнение дают и сами авторы. «...Все сейчас стоят хорошо, как запорожцы на

картине у Репина. Только не хлопайте друг друга по голой спине».

А разговор начальника космической станции с подчиненными разве не смахивает на разговор Тараса Бульбы с сыновьями:

«Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей. Отскочи на сто километров. Там опасно!»

«...Девятый, а ну, прогуляйся еще чуть вперед...»

«...Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел... Вернись на двадцать километров, я все прощу».

Чем же занимается эта шумная братия на окраине Солнечной системы? Оказывается, их занятие состоит в том, что они по последнему слову науки XXI века расстреливают в космическом пространстве маленькие планетки-астероиды. Обращаясь к диспетчеру, начальник космических запорожцев говорит:

«...Поставь его (стажера Юру — А. М.) к своему экрану, и пусть он посмотрит, как дяди делают бах!»

Картина была бы не полная, если бы мы не открыли, так сказать, внутренний мир космических запорожцев, их желания и стремления.

Вот высказывания одного из них — ученого-физика: «…Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя этаким творцом (?!) — человеком будущего…»

А вот другой представитель космических запорожцев:

«…Марс бы взорвать, вот это была бы точность». Странная мечта у этого, с позволения сказать, представителя лучшей части человечества.

Но оставим ученых дядей, пусть они «во имя науки» уничтожают маленькие планетки — делают ба-бах! — и полетим вместе с генеральным инспектором в другое космическое поселение, созданное руками «Объединенного человечества» — в «Бамбергу».

Там живут, по замыслу авторов, не советские люди. Там собрались отбросы человечества, представители капиталистического мира — авантюристы, ставящие на карту не только свое здоровье, но и здоровье своих детей. Эти «нищие духом», как их назвали авторы, занимаются тем, что добывают в шахтах, зараженных сильной радиацией, драгоценные камни для «сытых баб» на Земле. Они работают по четырнадцать часов в сутки, принимая чудовищные дозы облучения.

Не будем долго останавливаться на этой главе повести. С ее страниц на нас смотрят обычные образы капиталиста-эксплуататора и его подручных гангстеров с усиками, сержанта полиции в голубой каске и тому подобные надоевшие персонажи.

Мы, читатели, далеки от примитивного представления, что все люди коммунистического завтра будут умненькими, чистенькими, прилизанными вундеркиндами с аккуратными бантиками на беленьких шейках. Нет, мы так не думаем. Конечно, будут разные люди и разные характеры. Все это так, но тем не менее нельзя же смелых, мужественных ученых-первооткрывателей, покорителей природы, находящихся на передовом форпосте науки, изображать в двух аспектах: или разгуливающих в пижаме и шлепанцах по космическому кораблю, пьющих чай с вареньем (мечта поэта), или, наоборот, неопрятных, голодных, циничных.

Оторвавшись от родной Земли, они видят смысл жизни в уничтожении созданных природой астероидов и мечтают взорвать Марс (на котором должны быть живые существа и растения) только для проверки скорости прохождения гравитационных волн. Для этого, кстати сказать,

в будущем не потребуется забираться в космос и уничтожать астероиды. Подобные опыты, вероятно, можно будет производить в ускорителях заряженных частиц типа синхрофазотрона, синхроциклотрона, бэватрона.

Нам кажется, что наука будущего станет заниматься не уничтожением астероидов, а использованием их в качестве готового материала, из которого можно строить и космические станции и получать синтетическим путем любые вещества.

Нам, советским людям, более близки и понятны идеи созидания, а не разрушения. Нам понятны идеи писателя А. Днепрова о создании умных, оригинальных машин, достойных помощников будущего человека. Нам близки идеи писателя И. Забелина, создающего «Пояс жизни» на планетах Солнечной системы. И совершенно чужды нашему образу жизни и мировоззрению «космические поселения» Стругацких.

Мы были свидетелями сотрудничества ученых всего мира во время проведения Международного геофизического года. Мы видим, как ученые социалистических и капиталистических стран изучают Антарктиду. Мы слышали призыв нашей партии и правительства к западным странам

о научном сотрудничестве по освоению космоса, поэтому мы не можем поверить в «Объединенное человечество» Стругацких как простое слагаемое двух систем: коммунистической и ультракапиталистической. Разве можно согласиться с таким поистине фантастическим предположением Стругацких, что в 2000 году «Объединенное человечество» допустит существование некоей гангстерской фирмы «Спайс Перл Лимитед» в космическом поселении «Бамберга»?

Стругацкие намеренно калечат своих героев и физически и морально. Неприглядно представлен XXI век в повести братьев Стругацких. Мы не верим, что Стругацкие смотрят на будущее через темные очки. Это, скорей всего, своего рода подражание «модным» западным течениям, так же как и желание быть во что бы то ни стало оригинальными. Стругацкие пожертвовали титром «научно-фантастический» в пользу легковесного «развлекательно-приключенческого». Может быть, авторов повести «Стажеры» вполне устраивает, но, нам кажется, она не должна устраивать редакцию сборника «Искатель».

После чтения глав из новой повести Стругацких мне вспомнились интересные мысли, высказанные А. Днепровым в статье «Научная фантастика

для исследования будущего», опубликованной в журнале «Молодой коммунист» № 8 за 1961 год.

Тов. Днепров пишет: «...Читатель ищет в научно-фантастической литературе ответы на волнующие его вопросы, и поэтому стоит поразмыслить над тем, правильно ли и достаточно ли убедительно наша литература отвечает на эти вопросы. Нет ли в советской фантастике литературы, которая только «прикидывается», будто она научно-фантастическая, а в действительности под этим ярлыком подсовывает читателю псевдонаучные факты и идеи?»

Научная фантастика — сложный и ответственный вид литературы. А. и Б. Стругацкие ищут новые формы в этом жанре. Но поиски отнюдь не исключают высокой идейности и стремления к художественному совершенству.

Письмо Аркадия брату, 12 августа 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Спешу ответить (в будущем обозначим шифром «СО»).

1) Сугубо с тобой согласен и согласен относительно «В». Вещица детская и юношеская, и при беглом сравнении с «Иду на грозу» выглядит скверно. А я от Гранина в благоговейном восхи-

щении. И пусть теперь какая-нибудь попа скажет мне, что у нас нет литературы. Всем <...> на западе — и Ремарку, и Олдингтону, и <...> Кронину, и даже <...> Пристли не снились такие герои и такие ситуации. Отличный писатель Гранин. Кстати, фантастикой от «Иду на грозу» не пахнет, это верно. Но в докладе-то имеется в виду следующий — фантастический — роман Гранина, еще не опубликованный. Но если хочешь — снимем Гранина.

Макаров — г..., тоже согласен. До того согласен сугубо, что впредь вообще предлагаю воздерживаться от иллюстрирования. Короче, «В» и по содержанию, и по оформлению — позавчерашняя ступень. Необходимая, но позавчерашняя. Ведь фокус в том, сумеем мы подняться на следующие ступени или нет? Как это сделать? Чего нам не хватает? Я попытался проанализировать эту проблемку — задолго до твоего письма, как и ты, вероятно. Ну, мало у нас совместного времени. Раз. Мало, видимо, читаем настоящих книг. Два. Мало видимся с серьезными и умными людьми, а когда и видимся — не умеем встречей пользоваться. Три. Еще что? А нет ли четыре: не знаем, о чем писать. Ведь сказать: надо писать за коммунизм и против мещанства — это мало. Как-то мы лобово

мыслим. И сюжет «К» потому разработать не можем, и с «Магами» то же самое будет. Утерян нами (если и имелся когда-либо) какой-то творческий винтик, скрепляющий понятия «отличная идея» и «отличная проза». Ну, об этом при встрече.

2) Доклад «Человек и об-во будущего» читать будешь ты. Это устроить нетрудно. А то у меня зуб со свистом, это во-первых, а ты (это во-вторых) имеешь опыт публичных выступлений.

3) «Маги» — идея хорошая. Но опять же только идея. А где разработка? Где сюжет?

4) Поезжай в Крым, разумеется. Сразу после совещания. Я и сам устал смертельно, и думаю в декабре поехать (если отпустят) недели на две в зимний санаторий, потаскаться на лыжах. Хоть прыщами еще не пошел и паки нарывами, но чувствую себя весьма утомленным.

5) В № 8 «Молодого коммуниста» опубликован похабнейший фельетон про наши две главы из «Стажеров» в «Искателе». Ужасная гадость. Только моя выдержка дала мне возможность не пойти и не набить кому-нибудь морду. Последствия этого фельетона пока туманны. Фельетон направлен главным редактором изд-ва в редакцию Жемайтиса для принятия мер (?). Так что возможны осложнения со «Стажерами». Как реагировать, не

знаю. Приедешь — подумаем, возможно все-таки сходим к редактору «Молодого коммуниста».

6) Мне в «Известиях» срочно заказали рассказ на 2–3 стр. о двух космонавтах в условиях изоляции в долгом и дальнем рейсе. Психологическое эсс-э-э-э, как они говорят. Я сдался, но пишется туго, и я с ужасом гляжу на телефон. Если в «Известиях» под нашими именами появится что-нибудь говенное — не пугайся. Вот все. Твой Арк.

«Доклад «Человек и об-во будущего» читать будешь ты», — сообщает АН брату. Тут надо пояснить. В этом году АБС готовили сразу два доклада-статьи. Первый, «Человек и общество будущего», был прочитан на Международном совещании при редакции «Техника — молодежи», посвященном обсуждению темы «Человек и будущее» в творчестве писателей-фантастов.

АБС. Человек и общество будущего

С точки зрения науки об обществе определить общество значит определить силу или силы, движущие это общество. На протяжении всей истории человечества по сегодняшний день такой движущей силой была борьба за удовлетворение материальных потребностей. Подчеркиваем: материальных. Это было и есть справедливо

и для первобытного строя, и для времен рабовладения, и при феодализме, и в странах с капиталистическим строем и в нашей стране, где мы переживаем период первой ступени коммунизма. В свою предысторию человек боролся за материальные блага против природы, затем эта борьба против природы усугубилась борьбой между самими людьми за тот или иной способ распределения материальных благ, вырванных у природы, но это всегда была борьба и остается сейчас прежде всего борьбой за материальные блага. А под материальными благами мы понимаем все то, без чего человеческое об-во не может жить и развиваться, все то, что первично необходимо для жизни человека.

Специфика этой фундаментальной движущей силы целиком и полностью определила самые фундаментальные черты человеческого характера, строя мысли и морали. В течение многих и многих тысячелетий массами людей довлела идея получить как можно больше материальных благ. Эта идея проявлялась в умах разных людей по-разному: то ли в виде простого стремления к куску хлеба, то ли в виде стремления к власти над другими людьми, то ли в виде стремления накормить всех поровну и справедливо. Человек

может быть кем угодно: забитым крестьянином, великим полководцем, тираном-поработителем, крупным ученым, политическим деятелем, — но в основе его деятельности всегда была идея материальных потребностей, получить в свое полное и нераздельное пользование или распределить между всеми людьми как можно больше материальных благ. Так было всегда. Но всегда ли это будет?

В настоящее время стало как никогда ясно, что человечество способно вполне удовлетворить материально каждого из своих членов. И если это не имеет место, то только благодаря укоренившемуся способу несправедливого распределения. Мы исходим из того, что эта несправедливость не вечна. Придет час, и мы надеемся, что он недалек, когда материальные блага перестанут быть объектом борьбы. Современный уровень науки и производства позволяет предполагать, что это состояние будет необходимо достигнуто при условии, что человеческую историю не прервет военная катастрофа. Вообще все наши рассуждения, как впрочем и настоящая конференция и многое другое, более важное для человечества, имеют хоть какой-нибудь смысл и значение только в том случае, если темным силам на нашей

планете не удастся развязать атомно-водородную бойню. И если войны не будет, то рано или поздно человечество вступит в новый этап своего развития, когда материальное изобилие перестанет быть проблемой, как никогда не был проблемой, скажем, воздух.

И когда мы говорим об обществе будущего, мы имеем в виду именно такое общество, в котором материальное изобилие уже не проблема и материальные блага распределяются справедливо, то есть таким образом, что это распределение не может служить источником неприязни у одних членов общества по отношению к другим.

Возможность создания такого изобилия и особенно возможность введения такого способа распределения пока очевидна далеко не для всего населения нашей планеты. И нельзя винить сомневающихся. Во-первых, такого изобилия еще нет и никогда не было. Во-вторых, что еще важнее, тысячелетиями человек воспитывался в духе зависти и приобретательства, в человеке глубоко укоренилась идея, что целью существования является накопление. Но это означает только то, что для создания общества будущего недостаточно одного изобилия материальных благ. Необходима еще и огромная воспитательная работа, чтобы

помочь человеку подняться наконец с четвереньек, освободить его духовные силы и умственную энергию, помочь ему осознать тот факт, что он по определению является существом, живущим для того, чтобы мыслить и познавать. А когда эта гигантская работа будет закончена, когда умрут от несварения желудка и невыносимой скуки последние мещане на Земле, тогда и наступит то великолепное сияющее завтра человечества, которое мы называем второй фазой коммунизма.

Перед нами сразу же встает фундаментальный вопрос: какая сила станет двигать общество, начисто лишенное забот об удовлетворении материальных потребностей и состоящее из людей, начисто лишенных приобретательских, мещанских инстинктов? Мы видим только одну такую силу, вытекающую непосредственно из сущности человека, как явления природы. Сила эта — присущее только человеку стремление к удовлетворению духовных потребностей.

В этом смысле человек наделен странным и великолепным избытком интереса по сравнению с животными, исследовательская деятельность которых всегда и везде связана с удовлетворением одного из трех фундаментальных инстинктов: полового, самосохранения и поиска пищи. Чело-

век способен по самой природе своей (если это обусловлено известным минимумом социальных условий) стремиться совершенно бескорыстно к познанию. В широких массах общества до сих пор эта способность подавлялась тяжелыми условиями существования, затем — разного рода социальными неустройствами, а в наше время она явилась причиной даже появления возможности к самоуничтожению. Но освобожденное человечество будет культивировать и лелеять эту способность, и она станет основой для движущих сил будущего общества.

Нам могут возразить: это-де наивный идеализм, стремление к удовлетворению духовных потребностей никогда не сможет стать достаточным стимулом. Мы отвечаем: неправда. Во-первых, у возражающего нет никаких оснований для такого возражения кроме всем известных страшных примеров борьбы за существование в современном обществе. Но для нашего разговора требуется отрешиться от троглодитских взглядов на вещи. Мы-то отлично знаем, чем эта борьба вызвана — в наше время прежде всего социальным неустройством на нашей планете, а кроме того, известной нехваткой материальных благ. Напрягитесь и представьте себе, что эти два фактора исчезли.

Во-вторых. История знает немало примеров, когда духовный голод и только он один, вел огромные массы людей. Можно припомнить кровопролитные религиозные войны, в которых по крайней мере одна сторона дралась за духовные ценности, забыв обо всем остальном. Неважно, что и религиозные войны были маскарадом для более глубоких экономических войн. Ведь люди-то об этом не знали! Неважно и то, что они велись по причине нищеты духовной — нам хотелось только проиллюстрировать наше утверждение о том, что в истории были примеры ведущего для индивидуума значения духовных потребностей. Или вспомним примеры более высокие — Джордано Бруно, Галилея, Ньютона, Ломоносова, посвятивших всю свою жизнь (и смерть) бескорыстному служению духу. А в наше время? Сколько уже людей есть на Земле, которые скорее откажутся от хлеба, чем от книги!

Итак, мы утверждаем: стремление к удовлетворению духовных потребностей способно двигать огромными массами людей и машин, вызывать героические и могучие страсти не меньше чем голод телесный, и даже больше, ибо стремлению к удовлетворению материальных потребностей всегда ставит предел страх смерти. Сюда надо до-

бавить еще два соображения: первое — объекты духовного голода гораздо более разнообразны, чем материальные устремления, и второе — духовному голоду никогда не будет грозить пресыщение, ибо в отличие от хода удовлетворения материальных потребностей, удовлетворение духовных лишь еще более разжигает и углубляет аппетит. И это служит верным зачетом того, что новому обществу не будет грозить никакой застой, и что оно будет развиваться прогрессивно и с ускорением.

Каким же будет это общество? Каким будет его член? Это, на наш взгляд, нелегкие вопросы. Можно привести только самые общие соображения. Например, об экономической и организационной структуре. Ясно, что роль отдельных выдающихся личностей в таком обществе, где самосознание достигнет необычайного расцвета, сведется к нулю. Максимальное значение приобретет самая широкая коллегиальность, вплоть до всепланетной. Далее, огромное значение приобретет статистика, статистические предсказания и статистическое регулирование. Вероятно, при этом очень важным будет рациональное распределение проблематики: самой важной проблемой будет считаться та, которая по статистическим

предсказаниям даст максимальный ливень новых проблем. Статистика будет заниматься и подготовкой кадров. Скажем, ученый Петров, для того чтобы к следующему году была решена такая-то задача с вероятностью выше 0.5, должен взять себе столько-то учеников. Что же касается материальной стороны жизни общества, то вся она, как наиболее легко алгоритмируемая, будет целиком передана машинам. Как бы то ни было, для писателя-фантаста, вооруженного приличным знанием философии и логики, здесь открываются широчайшие возможности. Правда, описание экономической и организационной структуры общества будущего может быть в лучшем случае только фоном для развития действия, но и фон этот сам по себе уже представляет для читателей немалый интерес. Главным же в фантастической литературе остается человек.

В советской, да и в зарубежной фантастике раньше о человеке будущего почти никто не писал. Во всяком случае, о человеке царства духа, о котором сейчас идет речь. Между тем, если бы удалось создать образ такого человека, впечатляющий и точный, человечество, вероятно, получило бы нечто вроде целевой установки. Это имело бы огромное принципиальное значение.

Вообще фантасты, когда они пишут о будущем, должны помнить, что они являются не последними из участников строительства этого будущего: ведь наиболее удачные их мысли могут оказаться пророческими — именно потому, что они удачны, — и будут проводиться в жизнь.

Так каков он будет, этот человек?

Несомненно, в будущем обществе ведущая роль будет отведена воспитанию молодежи. Человек будет вступать в жизнь, вооруженный не столько естественными и эстетическими знаниями, сколько способностью контролировать все свои слепые инстинкты, впитав в плоть и кровь убеждение, что любой другой человек — его товарищ и друг, а также впитав в плоть и кровь убеждение, что цель его жизни — познавать на благо людей, дать как можно больше пищи для <утоления> духовного голода общества. Этот новый человек будет гораздо разнообразнее и многостороннее нынешнего, духовный мир которого придавлен. Все разнообразие характеров и взглядов человечества нашего времени будет человеку будущего, вероятно, представляться очень серым, унылым и однообразным.

Очень трудно показать конфликты в будущем и особенно показать, как люди будут себя вести

в этих конфликтах. Видимо, основой всех конфликтов будет добро против добра. Сталкиваются два положительных героя, из которых каждый убежден и прав по-своему, в чистоте стремлений которых никто не сомневается, которым и в голову не придет, что можно отделить общественное от личного, которые даже в ожесточенных столкновениях остаются друзьями, товарищами, братьями.

Таковы наши соображения об обществе и человеке будущего. Создавать произведения об этом обществе совершенно необходимо — особенно сейчас, когда над миром нависла опасность истребительной войны, а треть человечества, невзирая ни на какие трудности, закладывает фундамент этого царства духа. Уместно здесь вспомнить, что утопизм в мире раскололся. Советская фантастика исходит с позиций надежд и чаяний человечества, тогда как наши коллеги на Западе выражают его самые мрачные опасения. Что ж, возможно, такие произведения тоже нужны. Романы-предостережения. Но нам лично кажется, что это значит идти по более легкому пути. Ибо написать талантливый роман о грядущем падении человечества несравненно легче, чем дать в художественных образах, даже не очень

совершенных, грядущее счастье человечества.

Все сказанное делает задачу фантастов очень трудным делом. Мы пишем для людей нашего времени. И у нас всегда есть опасность впасть в две крайности. Мы можем с одной стороны создать образы бесчувственных, холодных с точки зрения нашего читателя статуй, или с другой стороны страшно принизить этого человека, вплоть до создания в будущем моделей конфликтов настоящего. Для действенного образа нужна середина и более высокий уровень. Мы видим для этого только один путь: перенести в описываемое будущее лучших людей нашего времени или даже истории (а такие были и есть, потому что новое всегда зарождается в недрах старого). Не придумывать для образов будущих людей новые черты хорошего, которые нашего читателя не тронут, а искоренить в этих образах остатки плохого.

А что можно сказать о человеке будущего ближайших эпох?

Так поступаем, в частности, мы, авторы повести «Возвращение (Полдень, 22 век»), «Страны багровых туч», рассказов. Просто предлагаются образы наших товарищей и попытка представить, как они действовали бы в условиях отвлечения от

забот о матер. благах.

Хотелось бы сказать еще два слова о путях к нашему светлому будущему. Этот вопрос, пожалуй, самый трудный, так как появление атомного оружия и наступление второй промышленной революции смешало все карты. Тем не менее описание переходного периода — самого процесса перемещения центра тяжести с материального на духовное — очень интересно. Сущность этого перехода будет, очевидно, состоять в уничтожении мещанства, то есть в уничтожении всего животного в человеке. Как это будет происходить конкретно, очень неясно. Но ясно, что мы, фантасты, должны принять в уничтожении мещанства самое деятельное участие.

Второй доклад был прочитан на августовском совещании Московского общества молодых писателей-фантастов и представлен для литературных чтений в Детгизе в начале октября этого же года. Позже этот доклад, переработанный в статью «Про критику научной фантастики», АБС будут предлагать в журнал «Вопросы литературы». Здесь дается наиболее полный вариант этого доклада.

АБС. О советской фантастике

Целью настоящей статьи является попытка выяснить отношения. Мы попытаемся разобраться, как относятся к фантастике читатели, издатели и официальные критики. Но прежде следует установить некоторые основные положения относительно сущности научной фантастики, ее места в общем потоке художественной литературы, ее тематики, ее роли и сферы ответственности. При этом мы постараемся избежать проторенного пути. Как правило, к сожалению, авторы критической литературы, объявив научную фантастику частью большой литературы, сопровождают эту декларацию оговорками, которые не только не подтверждают их исходную мысль, но напротив, возможно помимо воли, целиком опровергают ее.

Начнем с определения.

I. *Определение.*

В искусстве бывает трудно дать строгое видовое определение. Многочисленные попытки энтузиастов теоретически отграничить научную фантастику от других видов литературы тоже не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Правда, каждый нормальный человек

интуитивно улавливает жанровую разницу между, скажем, «Искателями» Гранина и «Черными звездами» Савченко и между «Механикусом» Полещука и сказкой о царевиче и сером волке. В общем, всякое определение выражает идейные позиции автора этого определения. Мы могли бы определить научную фантастику по БСЭ: литература о фантастических достижениях науки будущего. Но наша идейная позиция заключается как раз в том, что фантастика должна быть полноправной частью большой литературы. Поэтому мы определяем научную фантастику следующим образом:

Фантастика есть литература о человеке в необычайных с точки зрения читателя обстоятельствах, причем необычайность достигается либо экстраполяцией новейших научно-технических идей до их осуществления, либо отражением в образах разного рода философских, политических и моральных абстракций, либо введением сверхъестественного элемента.

Сразу же оговоримся. Во-первых, необычайность обстоятельств есть понятие субъективно-историческое. Летчикам-космонавтам уже не покажутся необычайными описания условий невесомости, так же как командиру «Северян-

ки» возможно странны неумеренные восторги профессора Аронакса, попавшего на борт «Наутилуса». Такое понимание необычайности является, между прочим, залогом того, что фантастике суждено бесконечно развиваться вместе с читателем.

Во-вторых, наше определение отражает крайнюю неудачность, с нашей точки зрения, самого термина «научная фантастика». Этот термин необычайно сужает сферу ответственности жанра и вызывает массу кривотолков и недоразумений у писателей, у читателей, у издателей и у критиков. Поэтому мы намерены везде в дальнейшем пользоваться термином «фантастика», отбросив неправомерное определение «научная».

Таким образом, отличие фантастики от других жанров литературы есть отличие в методе.

II. *Фантастика как часть художественной литературы.*

Широко распространенное сейчас и совершенно правильное мнение о фантастике, как части художественной литературы, следовало бы, строго говоря, обосновать. Мы попытаемся сделать это, памятуя, что художественная литература вообще призвана отражать действительность в

образах. Кстати, не будем забывать, что действительность — это не только окружающий нас мир вещей и событий, но и личный психический мир человека и мир общественного сознания; что отражать — это не значит обязательно отражать в плоском зеркале; что художественный образ, наконец, есть понятие, существенно зависящее от той цели, которую поставил перед собой автор повествования.

Спросим себя: для чего читают художественную литературу? (Заметьте: для чего читают, а не для чего издают.)

1. Чтобы получить эстетическое удовольствие от художественного совершенства.

2. Чтобы дать пищу «голоду чувств», так сказать — посопереживать.

3. Чтобы утолить интерес к смелой и острой фабуле.

4. Чтобы получить позитивные знания.

5. Чтобы дать пищу воображению.

6. Чтобы «убить время», отвлечься от будней жизни.

В максимальном удовлетворении этих шести читательских «чтобы» и состоит задача художественной литературы. Нам могут возразить: мы не учли идейно-воспитательных задач литерату-

ры. Это не так. По нашему глубокому убеждению, художественная литература и воспитательная литература — это синонимы. Но воспитательное воздействие художественной литературы находится в прямой зависимости от того, насколько она удовлетворяет эти «чтобы». Никакая литература, игнорирующая читательские «чтобы», не способна оказывать воздействие на читателя.

Возвращаясь к фантастике, будем считать, что она — фантастика — является частью художественной литературы, если она в принципе способна удовлетворить всем этим запросам читателя. И фантастика на это способна. Не будем теоретизировать. Возьмем только два примера. «Невидимка» Уэллса и «Гиперболоид» Толстого.

Оба эти произведения несомненно удовлетворяют всем «чтобы» читателя и, следовательно, оказывают на него мощное воздействие, выполняя тем самым главное назначение художественной литературы. Сомневающихся спросим: неужели они серьезно думают, что разоблачение мещанского буржуазного мира в «Невидимке» слабее, чем в «Цитадели» Кронина? Или показ авантюристической сущности фашизма в «Гиперболоиде» не так убедителен, как в «Пляске смерти» Келлермана?

Мы предвидим два возражения. Первое: а зачем всё это? К чему все эти выдумки? Лев Толстой писал без невидимок. Хемингуэй обходился без гиперболоидов. А вот Вера Панова, Юрий Нагибин, Сергей Антонов, Юрий Бондарев и другие писатели и сейчас пишут отлично, не прибегая к этому псевдонаучному реквизиту. Так правомерен ли, спрашивается, сам метод введения необычайного?

Правомерен, товарищи. Начнем с того, что он не хуже любого другого: эпистолярного, пейзажного или, например, анималистического. Но не это главное. Главное в том, что метод введения необычайного обладает громадными преимуществами. Он позволяет до предела обострить сюжет. Он позволяет раскрывать характеры героев гораздо быстрее и отчетливее. Он позволяет давать максимум идейной, конкретной и эмоциональной информации в минимальном объеме книги. Возьмем того же Уэллса. Все книги великого английского писателя посвящены моральным и политическим проблемам. Но как рыхла «Необходима осторожность» по сравнению с «Человеком-невидимкой». А разве вызывает она адекватную ненависть к мещанину? Ведь когда читаешь «Невидимку», хочется влезть в

книгу и избить доктора Кемпа и расправиться со всей этой толпой вонючих обывателей.

Второе возражение: так ведь это Уэллс и Толстой! А наши нынешние? На это возражение мы могли бы не отвечать вообще, потому что считаем своей задачей не защищать современную советскую фантастику, а показать ее принципиальные возможности. Но поскольку личность такого возражающего нам крайне несимпатична (возражение-то не по существу!), мы попробуем ответить. Прежде всего, если говорить вполне откровенно, современная средняя повесть о полете в космос ничуть не хуже средней же повести о колхозной деревне, а в смысле удовлетворения читательских «чтобы» — даже лучше. Далее, апологеты производственного романа сделали в свое время очень многое, чтобы советская фантастика отстала от переднего фронта нашей литературы, чтобы загнать фантастику в яму скучного инфантилизма, откуда она только-только начинает выбираться. Но отдельные советские фантасты уже вплотную приблизились к переднему фронту. Их мало. Но чего же можно ожидать, если в течение нескольких десятилетий людям долбили, что фантастика — это недолитература, призванная пропагандировать научные знания

устами до отвращения идеализированных розовых геройчиков? И если сам возражающий является, мягко выражаясь, недостаточно компетентным для таких возражений? К этому мы еще вернемся в разделе «Фантастика и читатель», а пока перейдем к рассмотрению тематики фантастики.

III. *Тематика фантастики.*

Анализ большого числа фантастических произведений показывает, что тематика их сводится по преимуществу к трем обширным областям, которые, конечно, способны перекрываться в каждом отдельном произведении. Разделение по тематике тесно связано с приемами введения необычайности обстоятельств, о которых говорилось выше.

Прием экстраполяции научно-технических идей до их осуществления оказывается наиболее плодотворным при разработке чрезвычайно важной темы: *деятельность научно-технической интеллигенции на переднем крае науки*. Эта тема (вернее, область тем) важна прежде всего потому, что позволяет очень естественно создать образ истинного героя нашего времени — ученого, научного сотрудника, инженера, следопыта науки, — героя, который в наше время

гигантских успехов физики и биологии и еще более гигантских перспектив этих наук, давно уже справедливо претендует на ведущее место в литературе наряду с целинником, колхозником и рабочим. Просто диву даешься, до чего в нашей литературе мало произведений, героями которых являются люди науки. Если не считать отличных повестей Гранина, рассказа Грековой — почти нет. Несоответствие роли ученого в нашей жизни вниманию, уделяемому ему нашей литературой, становится особенно нелепым, если вспомнить, что для настоящего литератора такой герой просто находка, настолько он нов, нетрадиционен и неизучен в сравнении с избитыми классическими образами. Фантастика не должна ждать, пока маститые литераторы получат достаточное образование, чтобы взяться за эту тему. Тем более что большинство молодых фантастов (так уж сложилось исторически) сами являются учеными-профессионалами. И фантастика не ждет. Тема человека на переднем крае науки разрабатывается сразу несколькими фантастами и разрабатывается довольно плодотворно. И работа их имеет непреходящее значение создания литературы, отражающей чаяния и судьбы научной интеллигенции, ее лучшей и умнейшей части, ее

передового отряда. Конечно, сделано еще мало. И сделанное не всегда блестяще.

Почему? Потому, что молодые фантасты, не успев еще стать профессиональными литераторами, по неопытности часто путают метод с целью и делают героями не своих товарищей-ученых, а различные остроумные научные и технические идеи. Потому что молодые фантасты, в силу все той же неопытности, злоупотребляют традиционными классическими приемами развертывания сюжета, банальными ситуациями, склонностью подменять идейную содержательность вещи поверхностной развлекательностью. Потому что, наконец, авторы всю свою недюжинную изобретательность и остроумие вкладывают не в работу над характерами, не в работу над ситуацией, а в научную идею произведения.

Правда и то, что новые герои требуют и совершенно нетрадиционных литературных решений. И никто не подскажет эти решения молодым авторам-фантастам. И пусть они ошибаются, учатся на ошибках и учатся друг у друга, ибо им больше не у кого учиться. И все-таки у нас уже есть «Черные звезды», «Звездные корабли», «Ошибка Алексея Алексеева» и превосходный «Экипаж „Меконга“», где авторы уже нащупали

новый метод решения нового героя.

Прием отражения в образах абстрактных идей чаще всего применяется в *философской фантастике*. Эта тематическая область была у нас искони предана забвению. И это позор для советской литературы. Главнейшая и важнейшая тема: сущность и философия коммунизма, сущность и философия коммуниста начала по-настоящему разрабатываться буквально несколько лет назад. (Мы опускаем здесь великолепную «Дорогу на Океан» — она одна в л-ре 30-х годов.) Правда, можно без преувеличения сказать, что дебют ее потряс читателя всего мира. Мы имеем в виду «Туманность Андромеды» — первую советскую социально-научную утопию. Вот уж область тем, за которую отвечает целиком и полностью фантастика и только фантастика. Дать весомо и зримо облик грядущего, для которого мы все работаем, показать настоящего человека в достойной настоящего человека обстановке, освобожденного от забот о куске хлеба, от давления глупости и пошлости, от тяжкой пяты бюрократизма, — вот задача задач для советского фантаста. Какой простор для мыслей, для воображения, для принципиально новых методов раскрытия образов. Это область, где нет места

традиционным приемам, традиционным ситуациям, традиционным конфликтам. Меняется сам принцип человеческих коллизий. Уже не добро борется со злом, а сталкиваются два положительных героя, из которых каждый убежден и прав по-своему, в чистоте стремлений которых никто не сомневается, которым и в голову не приходит, что можно отделить общественное от личного, которые даже в ожесточенных столкновениях остаются друзьями, товарищами, братьями. А всем этим миром грядущего коммунизма правит уже не стремление к благосостоянию, а стремление к знанию.

Есть в этой области тем еще одно направление, к сожалению, в советской фантастике совершенно не разработанное. Мы имеем в виду «уэллсовское» или антимещанское направление. Опыт Уэллса показал, что в решении этой темы отличный эффект дает прием введения сверхъестественного элемента. Такие произведения, как «Человек, который мог творить чудеса», «Яблоко», «Калитка в стене», «Незадачливое привидение», «Пришествие ангела», «Морская дева» — необычайно впечатляющи, вызывают подлинное отвращение и презрение к мещанину-обывателю и потому имеют несомненно

громадное воспитательное значение. В советской фантастике, если не считать великолепного «Старика Хоттабыча», этот прием совершенно не используется, за что мы можем благодарить широкие массы издательских работников, с их твердокаменными заблуждениями, вечно путающих метод с целью и склонных видеть в таких вещах проявление опасного мистицизма.

Третья и последняя основная область тем — это *антивоенный и антиимпериалистический памфлет*. Здесь успешно применяются все три основных приема введения необычайности обстоятельств. И в этой области дела нашей фантастики обстоят довольно благополучно. Здесь превосходно работают Лазарь Лагин и Анатолий Днепров, каждый в своем роде отличные выдумщики и мастера острых ситуаций.

К слову сказать, издательства относятся к этому кругу тем чрезвычайно благодушно (видимо, даже самому убежденному классицисту не приходит в голову выступать открыто против любой литературы, воюющей с империализмом), но это обстоятельство часто приводит к тому, что на прилавках рядом с тонким стилистом Лагиным оказываются весьма посредственные памфлеты, в которых авторы придумывают за империа-

листов какое-нибудь ужасное разрушительное оружие и на этом считают свою литературную задачу исчерпанной. (Просто страх берет, когда подумаешь, что именно фантасты первыми додумались до атомных бомб, лучей смерти и бактерий, от которых люди гниют заживо.)

Мы видим, что круг тем фантастики чрезвычайно широк и многообразен. И соответственно широте круга тем велики и роль и ответственность фантастики.

IV. *Роль и ответственность фантастики.*

Современный нам этап истории человечества характеризуется следующими основными факторами:

1. Третья часть человечества, не дожидаясь остальных двух третей и невзирая на все связанные с этим трудности, приступила к построению коммунистического общества, в котором открываются неограниченные возможности для свободного развития человеческого духа.

2. Современная наука открыла, а темные силы немедленно приняли на вооружение чудовищные средства разрушения, способные навсегда прервать историю или во всяком случае отбросить человечество далеко назад.

3. Специфические обстоятельства — страх

перед третьей мировой войной, необычайное обострение идеологической борьбы, разлагающее влияние империалистической пропаганды на Западе и огромные трудности послевоенного периода, тлетворные последствия господства культа личности у нас — привели к необычайной активизации мирового мещанства. Это выражается в усилении тунеядских, потребительских тенденций, в небывалом пренебрежении интересами общества и каждого человека в отдельности, в стремлении переложить ответственность за свои действия на совесть других, в нежелании думать и учиться. Все это отчетливо видно на примере стран Запада, но и наша страна в немалой степени оказалась заражена тем же недугом.

Из этих обстоятельств роль и ответственность литературы в борьбе за коммунизм против войны и против мещанства вытекают самым естественным образом. Прежде всего это касается фантастики, антимещанского по определению, наиболее популярного и читаемого вида литературы. Именно фантастика должна создать яркие и впечатляющие образы новых героев — людей коммунистического будущего и людей переднего края науки, честных, умных, смелых, активных, бескорыстных, веселых и добрых. Которым бы

хотелось подражать. Которые бы вызывали хорошую зависть. Которые заставляли бы сравнивать и делать выводы. Против морали которых не устояла бы мораль «моя хата с краю», «пойду, где больше платят», «своя рубашка ближе к телу», «наше дело маленькое», «пойдем прошвырнемся по броду».

Мещанство — страшная сила. Более страшная, может быть, чем водородная бомба. Мещанство — это сущность всего темного и животного в человеке. Оно мешает человеку подняться с четверенек. Оно мешает человеку поглядеть на звезды. Оно мешает человеку верить в друга. Оно заключает страсти человека в узкий замкнутый круг: половые отправления, деньги, водка. Путь мещанства — это путь назад, в пещеры, хотя бы и электрифицированные, с кондиционированным воздухом. Когда проблема войны и мира будет разрешена, борьба с мещанством станет главным для человечества. Но начинать надо уже сейчас, ибо мещанство оказывает могущественную помощь войне — равнодушием, инертностью, глупостью.

Одним из самых мощных средств в арсенале борьбы с мещанством является яркая, увлекательная, небудничная литература, и именно

такой литературой принципиально может и должна стать фантастика.

Западная научная фантастика выполняет совершенно противоположный по назначению социальный заказ. И надо сказать, выполняет его она с честью. Миллионы читательских голов регулярно забиваются безнадежной идеей: так было, так есть и так будет всегда, пока стоит мир. Даже лучшие и настоящие мастера западной фантастики увлечены общим потоком пессимизма: человек — зверь, впереди атомные войны, господство галактических монополий и удача тому — единственному из миллиардов — кто зубами и бластером, одинокий и угрюмый волк, проложит себе дорогу к золотой горе через реку крови. Это и есть настоящее воспитание мещанства с его идеалом малограмотного супермена со стальными кулаками.

А как выполняет свой социальный заказ советская фантастика? Увы, плохо. Фантастов мало, и в большинстве своем они молоды и неопытны. (Предыдущая история советской фантастики в силу определенных обстоятельств не позволила подготовить кадры.) Вспомним, однако, что автор-фантаст — это только четверть фантастики. Кроме него объективно существуют и действуют

такие силы, как издатель, читатель и критик. Об авторе-фантасте мы уже говорили, перейдем к издателю.

V. *Фантастика в издательствах*.

Приведем несколько высказываний:

«Да, фантастику очень и очень читают. Это плохо. Фантастика отвлекает человека от Пушкина и Тургенева, фантастика нам не нужна, и ее следовало бы запретить».

«Фантастика — это хорошо. Отличное пособие для школьной программы. Читал вот я «Занимательную геохимию» академика Ферсмана — очень познавательно. Очень».

«Научная фантастика безусловно нужна. И очень жаль, что ее у нас нет. Вот и остается — Жюль Верн. Ну, еще... э-э... Жюль Верн».

«Фантастика? А, это где про шпионов... Конечно, очень занимательно. Едешь вот, скажем, в электричке...»

«Знаете, я ведь эту самую фантастику с детства терпеть не могу».

Все эти высказывания приведены почти дословно и принадлежат ответственным издательским работникам. Так часто думают и говорят люди, от которых в первую голову зависит если не само существование, то во всяком случае развитие

фантастики. Не будет преувеличением сказать, что во всех книжных, журнальных и газетных издательствах по Союзу наберется едва ли дюжина людей — издательских работников, которые любят фантастику или хотя бы понимают, что она должна быть.

Если исключить отдельных энтузиастов, то всю массу издательских работников в плане отношения к выпуску фантастики можно разделить на две категории. Первая — б`ольшая — состоит из людей, которые отказываются иметь дело с фантастикой. Причины: педологическая ненависть к жанру («спасем детей от Беляева и Ефремова»); гражданская трусость («странные какие-то идеи пропагандирует товарищ, не наши...»); непонимание жанра («что вы все выдумываете и выдумываете, лучше народа не придумаете, а русские сказки мы уже издавали»). К этой же категории относятся и умные издатели, которые сами фантастику не любят, но отдают себе отчет в том, что она читателю нужна. Они говорят так: «Дайте нам хорошие произведения, и мы их издадим». Но издадут ли? Вспомните позорную историю издания «Туманности Андромеды» и «Магелланова облака»!

Ко второй — меньшей — категории относятся

издательские работники, которые фантастику не любят и не понимают, но при случае все-таки издают, чтобы поправить материальные дела издательства. Их полное презрение к жанру (и к читателю) приводит к тому, что на книжные прилавки выбрасываются неумелые и даже откровенно халтурные произведения вроде пресловутой «Оранжевой планеты».

Вот и получается, что первые старательно сужают и без того хилый ручеек советской фантастики, вторые в этот ручеек сливают литературные отбросы, и изданием, в лучшем смысле этого слова, фантастики занята фактически ничтожная кучка энтузиастов-одиночек. Плакать хочется, когда видишь, как по поводу любого мало-мальски значительного события издательства поднимают кутерьму, звонят авторам, спешно организовывают скороспелые серенькие конъюнктурные книжки (большею частью совершенно бесполезные с воспитательной точки зрения), и никто не заботится о том, чтобы создать сильный равномерный поток действенной, умной, будящей пытливость фантастической литературы. Неужели до сих пор не понятно то, что давно понято по ту сторону баррикады? Кто дал им право выбивать из рук нашей антимещанской пропаганды

такое могучее оружие? Неужели они намерены и дальше сидеть и ждать каких-то директив сверху?

Равномерный поток фантастической литературы должен быть создан. Как решить эту задачу организационно — мы не знаем. Но мы знаем, что директора и главные редакторы издательств должны обратить самое пристальное внимание на решение этой задачи; они должны понять воспитательную роль и возможности фантастики; они должны полностью уяснить себе, что по крайней мере половина отвергаемых в издательстве фантастических рукописей значительно лучше многих и многих книг не-фантастических, выпускаемых в том же издательстве; и должны заниматься фантастикой лично и регулярно.

Следует тут же предостеречь издателей от слишком узкого и ограниченного понимания сущности фантастики. Мы уже говорили, что отличие фантастики от других литературных жанров только в методе. Герои фантастики заняты тем же, что и герои нефантастической литературы: они борются, преодолевают препятствия, думают, ошибаются, страдают и даже совершают неприглядные поступки. Без такого героя нет литературы. Так зачем же заранее

ограничивать писателя, а заодно и издателя, легковесным определением фантастики как литературы крылатой мечты? Такое определение часто встречается в периодике, оно создает представление о чем-то очень добродетельном, розовом, бездумно-оптимистическом, и в результате издатель, завороженный этим крылатым определением, отвергает, скажем, повесть о коммунизме, в которой происходит борьба, созревают и разрешаются или не разрешаются конфликты, в которой герои действуют нетрадиционно и противоречиво.

А зачем ограничивать автора представлением о фантастике, как о средстве пропаганды научных знаний? Это очень распространенное и очень опасное заблуждение. И дело не только в том, что такой взгляд переносит центр тяжести фантастического произведения с человека на идею или машину. Дело еще и в том, что это заблуждение укладывает любое фантастическое произведение на прокрустово ложе современного уровня знаний. И где уж тогда говорить о введении сверхъестественного элемента, если издатель, науськанный рецензентами, даже в описании тридцатого века не желает видеть ничего большего, чем достижения науки века

двадцатого, если он, издатель, требует подробного описания, как устроен гравилет и как создается ноль-пространство.

Об издателях обычно говорится мало и дурно. И поэтому нам особенно приятно назвать здесь имена Касселя, Жемайтиса, Клюевой, Варшавского, Анфилова, Захарченки — тех немногих энтузиастов, благодаря усилиям которых началось возрождение советской фантастики.

VI. *Наш читатель*.

Авторы бывают плохими и хорошими, самостоятельными и подражателями, талантливыми и серыми, со вкусом и без. Таковы же и читатели. Литература создается для народа. Но каждый отдельный писатель, желает он того или не желает, пишет для совершенно определенного круга читателей. Имеются в виду не элита и плебеи, различия здесь не социальные. Речь идет об огромных пластах общества, различающихся возрастом, биографиями, кругом интересов и читательской квалификацией. Есть, несомненно, книги, которые с одинаковым удовольствием читаются всеми, но есть, не забывайте, и читатели, которые читают всё. Между прочим, это далеко не всегда самые лучшие книги и самые грамотные читатели. И в общем-то читатель так

же разнороден, как разнородна литература. Все сказанное относится, естественно, и к фантастике и к ее читателям.

Проблема читателя очень важна. Разрешить ее — значит выяснить, на кого ориентируется писатель (на всех ведь не угодишь). Вот мы и попробуем выяснить, на кого ориентируется и должен ориентироваться писатель-фантаст. Как известно, фантастику читают очень многие и очень разные люди, и это хорошо, потому что искреннюю жалость и сочувствие вызывают писатели, клеймящие бюрократизм в книгах, которых бюрократы не читают. Но с другой стороны такая разношерстность читательской общественности создает для писателя-фантаста некоторое неудобство, потому что отзывы о своем произведении он получает иногда настолько разнообразные и противоречивые, что может впасть в отчаяние и даже испортиться.

В этом отношении особенно опасны читатели двух видов.

Читатель многознающий. Это, как правило, очень культурный пожилой человек, живо и иногда профессионально интересующийся литературой, с сугубо гуманитарными представлениями об естественных науках, с одной

стороны некритически уверенный в том, что наука всемогуща, а с другой, столь же некритически убежденный, что никогда не будет машины умнее человека, считающий, что золотой век литературы миновал, в детстве увлекавшийся Жюль Верном и Майн-Ридом и сохранивший самые сладкие воспоминания об этом увлечении. Фантастику он любит, но странною любовью[360]. Для него фантастика — это чтиво, сладкие минуты отвлечения от будней жизни. Он согласен с тем, что дело писателя — думать и писать, а дело читателя — читать и думать, но ему никогда не приходит в голову применить эту идею к фантастике. Он открывает фантастическую повесть в моральной готовности восхищенно вскрикивать: «Вот так загнул, шельма! Ну и навыдумывал!» Если загнутено мало, книга ему не нравится, и он говорит об этом прямо.

Дело в том, что для него проблематика фантастики не является литературной проблематикой. Литературными проблемами для него были, есть и остаются: человек и общественное неустройство; человек и любовь; чувства и деньги; философия чувств; — ставшая классической совокупность действительно чрезвычайно важных, сложных, до сих пор неразрешенных, но

уже очень и очень не новых проблем, в наше время сильно потесненных новыми проблемами, вставшими перед человечеством. В силу ли воспитания, в силу ли психологической инерции или в силу недостаточного для нашего времени кругозора, он совершенно не приемлет тематики, ставшей сейчас животрепещущей. Бешеное развитие науки, которое парадоксально сделало неясными дальнейшие пути человечества, что выражается в потере учеными контроля над наукой; влияние науки на все сферы жизни; совершенно новый тип массового человека — научный работник с абсолютно своей, новой, неповторимой психологией; совершенно абстрактные вопросы — место человека в мире, сущность разума, сущность жизни, человек и машина — захватившие вдруг внимание огромных человеческих масс; и разумеется, непонятная, презрительная, обвиняющая молодежь, которая интересуется совсем не тем, чем «интересовались мы в наше время». Он не замечает ни этих проблем, ни даже того, что этими проблемами в литературе занимается сейчас, по сути дела, только фантастика. О таких вещах классики не писали никогда. Во-первых, тогда этого еще не было, и кроме того, читатель у классиков был

хилый, необразованный — всякое там дворянство. Да и современный маститый литератор не берется за такие темы: опять же из-за недостатка знаний и психологической инерции.

Читатель многознающий особого вреда не приносит. Но он сбивает с толку, потому что ты его уважаешь и ждешь, что он тебя поймет и оценит именно то, что ты считаешь самым главным в своей работе. А он прибегает к тебе и восхищенно кричит: «Ах, какой вы прекрасный рассказ написали! Какой у вас там прекрасный робот, совсем как человек!» И писатель-фантаст берется за голову и начинает думать: «А может быть, так и надо? Может быть, суть и заключается в том, чтобы писать о роботах, о семиногих чудовищах? И бог с ними — с этими проблемами».

Читатель-графоман. Он может быть кем угодно: инженером, служащим какой-нибудь конторы, военным, многодетной матерью. Характерны для него низкая читательская квалификация, низкий уровень знаний, огромная уверенность в том, что его устами говорит народ, и жгучая страсть писать письма в разные инстанции. Эти люди никогда не шутят. Они серьезны, многословны, раздражены и чувствуют себя оскорбленными. Им не до проблем, они всегда

конкретны. Они требуют: чтобы люди будущего не ели, не пили и состояли в законном браке; чтобы происходило только то, что может быть, и чтобы то, чего не может быть, не происходило; чтобы в тридцатом веке тоже был рабочий (человек в кожаном фартуке, с молотом и наковальней); чтобы на каждые пять листов текста фантастической повести имелась минимум одна остро эротическая сцена, «потому что детям и подросткам это очень нравится»; чтобы всё про технику было понятно; чтобы наказали редактора, который оставил в «Магеллановом облаке» сцену распивания спиртных напитков (вина); чтобы перестали тратить бумагу на эту ерунду и издали бы лучше полного Буссенара; чтобы им сообщили, где это у классиков марксизма-ленинизма сказано, что при коммунизме будут Острова Забвения...

Читатель-графоман — бич в фантастике. Он истязает редакторов и дает возможность некоторым ответственным издательским работникам брюзжать: «Видите, что о вас народ говорит?» Из писателя, особенно молодого и непривычного, он пьет кровь, подавая идиотские советы, требуя передавать ему рукопись на предварительный контроль и т. д. Иметь дело с читателем-графо-

маном особенно трудно потому, что фантастику он читает, по-видимому, с большим вниманием и охотой, и фантастика ему нужна — именно та фантастика, которую он ругает, и совсем не такая, какую он хотел бы, судя по его письмам, получать.

Очевидно, писатели-фантасты должны ориентироваться не на многознающего читателя и не на графомана. Не у них фантаст должен искать сочувствия, понимания и поддержки.

Наш читатель. Это огромная армия людей. Их миллионы и миллионы. Это цвет народа, самое сильное и самое обещающее из того, что в нем есть. Это, если так можно выразиться, творческий пласт государства. Это научные работники, квалифицированные рабочие, агрономы, студенты, учителя, врачи, школьники старших классов — преимущественно молодой народ в возрасте от тринадцати до сорока лет с образованием не ниже семи классов и не забывшие к сорока годам то, чему их учили в тринадцать. Это люди, общая подготовка которых дает им возможность не спотыкаться на элементарной терминологии современной науки, интересоваться не только сюжетом, но и идеями автора, люди с молодым воображением, способные хотя бы в принципе

задумываться, сомневаться и быть справедливыми. Одним словом, современная молодежь.

Это народ насмешливый, скептический, они терпеть не могут писать в редакции письма или торчать на скучных читательских конференциях. Они остро чувствуют современность и требуют современности во всем, начиная с литературной стороны и кончая идейной. Они не выносят халтуры, они отличные читатели. Но, к сожалению, как трудно связаться с ними. Если книга им не нравится, они скажут: «дрянь» и снесут ее в букинистический магазин, и вы никогда не узнаете, что ваша книга дрянь. Если книга им нравится, они обсудят ее между собой, а при встрече с вами скажут только: «А, это вы тот самый, который пишет научно-фантастические статьи...» И опять у вас очень мало шансов узнать, что книга им понравилась. Халтурщика они уничтожают устно, но в стране очень много еще людей с дурным вкусом и все поголовно грамотные, и книги халтурщика тоже разойдутся, и халтурщик будет процветать.

Советская фантастика имеет настоящего читателя. Но проблема живой связи с ним остается и, наверное, останется открытой.

VII. *Фантастика и критика.*

Интересно, что бы сказал А. Н. Толстой, если бы увидел на третьей полосе какой-либо литературной газеты такую заметку:

«Не то!

Я не раз пытался представить себе образ честного интеллигента, принявшего Октябрьскую Революцию. В воображении возникали образы самоотверженных людей, проводивших дни и ночи в тифозных бараках, с воспаленными от бессонницы глазами заседающих у Луначарского, беззаветно идущих в бой за молодую Республику.

Счастливый случай помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. Н. Толстого «Восемнадцатый год». И теперь доподлинно знаю, чем занималась интеллигенция в дни Революции... Конец семнадцатого года. Необычайные трудности испытывает молодая республика. Рабочий Рублев с гранитного цоколя памятника Александру III агитирует солдат повернуть штыки в защиту революции. И вот «здесь же у памятника остановился по малой надобности широкоплечий человек с поднятым воротником. Казалось, он не замечал ни памятника, ни оратора, ни солдат с узлами». Позже оказывается, что это интеллигент Телегин. Вот он, образ честного

интеллигента по А. Толстому! Он не проводит дни и ночи в тифозных бараках. Он справляет малую надобность, не замечая ничего вокруг!

Хочется искренне поблагодарить редактора издательства, позволившего автору донести до нас живое дыхание великого прошлого.

Ж. Обмылкин, журналист».

Классик советской литературы был бы наверняка удивлен таким лихим и странным толкованием образа Телегина. И вряд ли критика прибегала к таким приемам, анализируя творчество замечательного писателя. Имея же дело с фантастикой, пресса не стесняется. Разносные фельетончики и реплики, имеющие, по-видимому, единственную цель — распотешить почтеннейшую публику, написанные людьми явно некомпетентными и по меньшей мере равнодушными к фантастике, построенные на передержках, нацело лишенные каких бы то ни было признаков собственно литературной критики, — вот самый распространенный вид критического обслуживания фантастики в нашей прессе. Для нас всегда было загадкой, почему критикой фантастики занимаются, как правило, люди, которые фантастику терпеть не могут, а также почему серьезная пресса дает им трибуну

для выступлений.

Почему в газетах и журналах с самым серьезным видом обсуждаются и подробно анализируются весьма заштатные производственные и бытовые повести и рассказы и почему так редко имеешь возможность прочитать хоть сколько-нибудь обстоятельную статью, посвященную творчеству писателя-фантаста или разбору и оценке фантастического произведения? Почему претендующие на серьезность критические обзоры фантастики сводятся всегда к нудным рассуждениям о том, что можно и что нельзя в фантастике писать, с приложением короткого списка имен? Почему авторов-фантастов, написавших не одну книжку, выпустивших не один рассказ, самобытных и очень разных, разбирают всегда скопом, чуть ли не по-полуротно? Да и что это за разбор? «Наши ученые одну за другой завоевывают вершины науки. Развитие науки вызывает огромный спрос на научную фантастику. И это не удивительно. В последнее время после долгого периода застоя научная фантастика наконец проснулась. Появились новые авторы (Иванов, Петров, Сидоров), которые очень увлекательно написали про завоевание Венеры, про завоевание недр земли, про достижения

геронтологии. Но все ли у нас благополучно? Не все. Бытуют еще некоторые недостатки. Машины заслонили людей. Нет еще того мастерства. Хочется пожелать нашим фантастам еще больших успехов».

Неужели критики серьезно считают, что в фантастике не о чем поговорить конкретно? Конечно, Алексеев Толстых среди фантастов пока нет. (Да и среди кого они есть?) Но как и всякий писатель, писатель-фантаст вправе рассчитывать на добросовестную критику. Он писатель. Человек, обремененный мыслями и идеями, удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говорил Моэм361, пишущий потому, что не может не писать.

Так в чем же дело? Почему жанр, который так любят и ценят миллионы квалифицированных читателей, который призван играть такую громадную роль в воспитании, не имеет квалифицированной критики?

Может быть, дело в том, что у фантастики дурная репутация: полупознавательная недолитература для детей среднего возраста? Но ведь мы живем не в двадцатых годах, и даже не в сороковых, а в шестидесятых. Эта репутация давно устарела. И кто как не критики должны были

первыми заметить это и помочь переменить ее? Нет, дело здесь не только в репутации.

Дело здесь, вероятно, в том, что для советской критики фантастика — область совершенно новая, литературная терра инкогнита. Здесь мы сталкиваемся с тем же положением, в котором пребывает упомянутый выше многознающий читатель. Бытовые драмы, как отражение определенных недостатков социального устройства — это старое и хорошо знакомое дело. Здесь есть предшественники и вехи. Личность в условиях социальных потрясений — тоже классическая проблема. Здесь за спиной и Борис Годунов, и Пьер Безухов, и Телегин, и Григорий Мелехов. С такой опорой под ногами критику ничего не стоит заполнять подвалы литературных газет подробным разбором книг Николаевой, Кочетова, Бакланова, Аксенова и других современных писателей, хороших и плохих. Но что делать критику с книгой, в которой автор сталкивает своих героев с новым и необычным миром философии современного естествознания или, что еще страшнее, с миром новых философских идей! Критик оказывается здесь в положении Александра Македонского, которому предстоит форсировать местность, зараженную ипритом.

Во-первых, критик может просто не заметить ту проблему, ради которой написана книга, ради которой на пультах вспыхивают лампочки и чудовища вылезают из болот. Он не заметит проблемы, потому что он привык к совсем другим проблемам и не привык к тому, чтобы проблемы подавались через пульты и чудовищ. Более того, мы серьезно опасаемся, что даже заметив проблему, он просто не будет знать, что с ней делать. И он ничего не станет с ней делать. Своего мнения у него по этому поводу нет, халтуру он писать не станет и потому просто пройдет мимо. И тогда, с голодным блеском в очках, набегает на произведение Ж. Обмылкин, журналист, и...

Коротко говоря, критики фантастики почти не существует, потому что почти не существует критиков в этой среде. Выход нам представляется один: газетные и журнальные издательства должны вырастить критиков, специализирующихся на фантастике, которые болели бы за фантастику, любили бы ее, верили в нее и знали, что о ней сказать.

VIII. *Перспективы советской фантастики.*

Мы смело присоединяемся к словам Ефремова: «Не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике

людей — вот сущность научной фантастики настоящего времени. По мере всё большего распространения знаний и вторжения науки в жизнь общества все сильнее будет становиться их роль в любом виде литературы. Тогда научная фантастика действительно умрет, возродясь в едином потоке большой литературы, как одна из ее разновидностей (даже не слишком четко отграничиваемая), но не как особый жанр» («Природа», 12.1961)362.

Вводя поправку на несколько отличное от нашего понимание Ефремовым фантастики как части литературы, мы, соглашаясь с Ефремовым в целом, позволим себе только несколько переформулировать одну из процитированных здесь фраз. «По мере всё большего распространения научных, социальных и философских знаний и по мере всё большего вторжения в жизнь общества фактора всесторонней подготовки и широкого кругозора его членов, всё сильнее будет становиться роль этих знаний в любом виде литературы».

Перед фантастикой стоят колоссальные задачи. В не-фантастической литературе сейчас нет и пока не предвидится способов создания широких обобщений тех грандиозных процессов, которые

потрясают мир сегодня. Писатели всех времен и народов всегда были впереди, фиксируя и пытаясь объяснить то, что происходит вокруг них. Но что-то не видно, чтобы кто-либо из не-фантастов пытался взяться за упомянутые уже проблемы о социально-психологической действенности науки, о природе стремления человека к знанию, о роли разума во вселенной и многих, многих других. И всё это пока лежит на фантастах. У писателей не-фантастов просто нет достаточной подготовки для этого. А те, у кого эта подготовка есть, сами чувствуют неудовлетворенность классическими методами и все чаще и чаще обращаются к приемам, характерным для фантастики. Достаточно упомянуть такие имена, как Гранин, Панова, Гор, Лем.

О самом совещании и последующих событиях вспоминает БН:

Из: БНС. Комментарии

В августе 1962 года в Москве состоялось первое (и, кажется, последнее) совещание писателей и критиков, работающих в жанре научной фантастики. Были там идейно нас всех нацеливающие доклады, встречи с довольно высокими начальниками (например с секретарем ЦК ВЛКСМ Леном

Карпинским), дискуссии и кулуарные междусобойчики, а главное — был там нам показан по большому секрету фильм Крамера «На последнем берегу».

(Фильм этот сейчас почти забыт, а зря. В те годы, когда угроза ядерной катастрофы была не менее реальна, чем сегодня угроза, скажем, повальной наркомании, фильм этот произвел на весь мир такое страшное и мощное впечатление, что в ООН было даже принято решение — показать его в так называемый День Мира во всех странах одновременно. Даже наше высшее начальство, скрепя сердце, пошло на этот шаг и показало «На последнем берегу» в День Мира в одном (!) кинотеатре города Москвы. Хотя могло бы, между прочим, и не показывать вовсе: как известно, нам, советским, чужда была и непонятна тревога за ядерную безопасность — мы и так были уверены, что никакая ядерная катастрофа нам не грозит, а грозит она только гниющим империалистическим режимам Запада.)

Фильм нас буквально потряс. Картина последних дней человечества, умирающего, почти уже умершего, медленно и навсегда заволакиваемого радиоактивным туманом под звуки пронзительно-печальной мелодии «Волсинг Матилда»...

Когда мы вышли на веселые солнечные улицы Москвы, я, помнится, признался АНу, что мне хочется каждого встречного военного в чине полковника и выше — лупить по мордам с криком «прекратите.... вашу мать, прекратите немедленно!» АН испытывал примерно то же самое. (Хотя при чем тут, если подумать, военные, даже и в чине выше полковника? В них ли было дело? И что они, собственно, должны были немедленно прекратить?)

Разумеется, это было совершенно, однозначно и безусловно исключено — написать роман-катастрофу на сегодняшнем и на нашем материале, а так мучительно и страстно хотелось нам сделать советский вариант «На последнем берегу»: мертвые пустоши, оплавленные руины городов, рябь от ледяного ветра на пустых озерах, черные землянки, черные от горя и страха люди и — тоскливая мелодия-молитва над всем этим: «Летят утки, летят утки да два гуся...» Мы обдумывали все возможные и невозможные варианты такой повести (у нее уже появилось название — «Летят утки»), строили эпизоды, рисовали мысленные картинки и пейзажи и понимали: все это зря, ничего не выйдет и никогда — при нашей жизни.

Почти сразу же после совещания мы поехали

вместе в Крым и там наконец придумали, как всё это можно сделать: просто надо уйти в мир, где нет ядерных войн, но — увы! — всё еще есть катастрофы. Тем более что этот мир у нас уже был придуман, продуман и создан заранее и казался нам немногим менее реальным, чем тот, в котором мы живем.

Письмо Аркадия брату, 15 сентября 1962, М. — Л.

Дорогой мой brother.

20-го я уезжаю на 10 дней в командировку в Зап. Казахстан — с группой авторов «Молодой Гвардии» для пропаганды советской молодежной книги. Меня отпросил у нашего начальства директор «Мол. Гв.». Следственно, вернусь числа 30-го.

Новостей особых нет. «Стажеры» все еще в недрах типографии. Альманах тоже. Любопытно, что поспеет раньше? Альманах уже приходит т. н. чистыми листами, т. е. листами, готовыми к брошюровке. «Стажеры», возможно, тоже на той же стадии. А сборник с «Попыткой к бегству» — ждут сверку.

Нынче приехал из Крыма Север[363], звонил. Грозится поставить тебе при следующей встрече

мат и передает тебе большой привет. Ужо завтра съезжу к нему.

Думаю насчет «Катастрофы». Кстати, ведь нужно нам изменить название сборника. Какое предложишь? Напиши, постарайся успеть до моего отъезда. Я бы тогда сразу сообщил Жемайтису.

В «Катастрофе» придумал такой эпизод: к моменту возникновения Волны многие жители находятся в поле, на необозримых просторах планеты. Их бросаются разыскивать. И вот двое — он и она — кэмпуют где-то на берегу речки. К ним прилетает посыльный, предлагает немедленно вернуться в город. Они, узнав, в чем дело, возвращаться отказываются. Зачем? — говорят они. Мы здесь дождемся. Все равно не нам дадут место в ракете. А он им напоминает, что в городе много работы по отправке и переоборудованию ракеты, каждая пара рук нужна. И вот проблема: возвращаться им тошно. Перед лицом неизбежной смерти человеком овладевает пассивность. Как им поступить?

Пока всё. Целую крепко, привет Адке.

Твой Арк.

Перед отъездом АН отправляет один из докладов в журнал «Вопросы литературы».

Письмо АБС в журнал «Вопросы литературы», 18 сентября 1962

Уважаемые товарищи.

Берем на себя смелость предложить вниманию Вашего журнала статью о положении в советской научной фантастике, в которой (статье) мы попытались также вывести некоторые определения и теоретические положения.

Статья была обсуждена и одобрена на августовском совещании Московского общества молодых писателей-фантастов и представлена для литературных чтений в Детгизе в начале октября.

Мы не являемся профессиональными литературоведами, мы просто писатели-фантасты, озабоченные, как и все писатели, судьбами своего жанра. И поскольку профессиональные литературоведы нашим жанром не занимаются (вероятно, просто не доходят руки), мы сочли за благо взяться за теорию сами.

Очень просим Вас при любых обстоятельствах дать нам квалифицированный ответ, сообщить, содержится ли в статье хотя бы тень рационального зерна, хотя бы одна мысль, от которой можно будет отталкиваться в нашей дальнейшей работе.

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

На письме стоит резолюция: «Л. П. Лазареву. Довести можно. Надо встретиться с авторами. В. Озеров. 25.IX».

Письмо Аркадия брату, 1 октября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Вчера ввечеру вернулся. Устал как собака. Цель поездки: пропаганда молодежной книги. Метод: выступление перед коллективами читателей. Место: Актюбинск, Гурьев, Уральск. Районы оных же. Было зело интересно. Плавали по Уралу на Каспий, ели в казахской деревне бешбармак, жрали ложками черную икру. Подробности, если интересно, потом.

Информация:

1. «Стажеры» выйдут в октябре, альманах тоже.

2. На пленуме молодых писателей Громова выступила и восхвалила нас. Впрочем, выслушали и забыли.

3. В Горьком 4-го телепередача с экранизацией 1-й главы из «Искателя» — «Нищие духом». Меня просят приехать и выступить. Наверное, съезжу.

4. «Человек из Пасифиды» вышел в «Сов. во-

ине» в безобразном виде. Подонки. Винюсь перед тобой. Хорошо еще, что этот журнал наши знакомые не читают.

5. Сегодня позвонили из «Вопросов литер-ры», куда я послал нашу статью о фантастике. Статья понравилась, но просят что-то доделать. Завтра иду разговаривать.

Всё.

Жду письма. Целую, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку.

О поездке в Западный Казахстан вспоминает Бела Григорьевна Клюева — организатор поездки.

Из: Клюева Б. Воспоминания

Ежегодно в октябре месяце издательство «Молодая гвардия» проводило по всей стране декады молодежной книги, то есть группы писателей во главе с одним из редакторов Издательства отправлялись на встречи с читателями в разные уголки страны. В 1962 году и мне предложили поучаствовать в декаде. В мою группу включили двух поэтов-песенников (их имена я, к сожалению, забыла), поэта-русофила Ваню Лысцова и поэта-негра Джима Паттерсона, сыгравшего в кинофильме «Цирк» маленького негритенка. По моей просьбе включили в состав группы и

Аркадия Стругацкого. Направили нас в Казахстан (Актюбинск — Уральск — Гурьев). Началась наша поездка с недоразумения: мы прилетели в Актюбинск около четырех часов утра, и нас никто не встретил. Мы оказались в темном, безлюдном, абсолютно незнакомом нам городе и не знали даже, в какой гостинице забронированы нам номера. Единственное, что нам оставалось — найти горком партии и там переждать до утра. С трудом, здорово продрогнув, мы отыскали горком. Дежурный проводил нас в какой-то кабинет, где мы обнаружили электроплитку. Самый «пострадавший» из нас Джим чуть не в обнимку с плиткой скорчился на полу. У кого-то нашлась пачка печенья — стали зачем-то поджаривать его на плитке. «Жарим шашлык!» — объявил Аркадий, и в кабинете горкома начался веселый пикничок. Утром все выяснилось: два поэта-песенника прилетели в Актюбинск на рейс раньше нас, их подобающим образом встретили и разместили в гостинице аэропорта и на том решили, что с этим делом покончено. Нас расселили в гостинице, в городе, причем я оказалась в номере с девятью койками, восемь из которых занимали артистки из какого-то провинциального театра — они были здесь на гастролях, жили бедно, всё время

что-то делили и вообще походили на цыганский табор. Ваню и Джима поселили в мужских номерах, не столь многолюдных. А Аркадию достался двухкомнатный люкс. Так его почему-то сразу выделила из всех нас администрация отеля.

Мы выступали по два-три раза в день в школах, клубах, на заводах, даже по телевизору и в газете «Советский Казахстан» (напечатали на русском и казахском языках). Повезли нас и на встречу с механизаторами в довольно отдаленный — километрах в двухстах от Актюбинска — совхоз.

Предварительно директору совхоза по телефону сообщили, что к ним едет группа писателей из Москвы, в числе которых Джим Паттерсон из «Цирка». Была ли плохая связь, или на том конце провода услышали то, что хотели услышать, но уже в пути наш «рафик», разукрашенный яркими наклейками, встречали жители деревень вопросом: «Вы цирк? Вы будете выступать?» В результате в этой поездке мы потерпели полное фиаско: справиться с разочарованием механизаторов, главным образом мужиков с Украины, приехавших на заработки, не мог не только Аркадий, но и все мои поэты вместе с песенниками. Вернулись мы в Актюбинск под утро, наши места в гостинице уже были заняты, свободен был

только люкс Аркадия, где мы все кое-как и разместились. Мне выделили гостиную с маленьким диванчиком, а моя «бригада» вся целиком расположилась на двухместной кровати в соседней комнате.

А вообще во всех наших встречах в Казахстане аудитория встречала нас восторженно: удивительно симпатичные, не избалованные вниманием столичных гостей были там люди. Аркадий, молодой, высокий, красивый, рассказывал со сцены о своих произведениях, о работе писателя, о своих взглядах на фантастику. Вероятно, не всё в его выступлениях было близко и понятно слушателям, но провожали его не менее дружными и искренними аплодисментами, чем дуэт поэтов-песенников, чем прелестного Джима Паттерсона с его морскими и лирическими стихами, чем Ваню Лысцова, с некоторым завыванием читавшего свои «народные», заполненные диалектизмами стихи. Однажды, когда в Уральском пединституте мы выступали чуть не до полуночи и нас все никак не хотели отпускать студенты, местная власть в лице молодой, красивой «комсомольской богини» Клары нервозно торопила нас скорее заканчивать встречу. Оказывается, в это время в одной близлежащей деревне уже вовсю

кипели котлы с бешбармаком, стол был уставлен литровыми банками с черной икрой и бутылками с коньяком — дело было лишь за нами. (Такого изобилия на столе я больше никогда не видела.) Только мы прибыли (время было заполночь), за стол уселась местная «знать». Главной персоной, как официальная глава делегации, оказалась на этом застолье я. И поэтому мне вручили голову барана, которую я должна была расчленить на части и распределить эти части между высокопоставленными гостями. Благо, рядом сидела Клара и тихо подсказывала мне: «Глаз — председателю КГБ, ухо — главному милиционеру» — и т. д., в том же духе. Потом ели прямо руками из общей миски вкуснейший, жирнейший бешбармак, пили коньяк, выходили на улицу подышать — и так до пяти утра. Это испытание не выдержал только Джим: его, ухватившегося мертвой хваткой за полюбившуюся ему Клару, внесли в машину, остальные расселись по машинам самостоятельно. Помню, что сама я с трудом разыскала свою койку в двенадцатиместном гостиничном номере: было около шести утра, и было мне муторно. А в 9 утра нас уже ждали ребятишки в одной из школ города Уральска. Мой биологический будильник сработал как всегда точно: в половине

девятого мы с Кларой вошли в комнату наших мужчин. Храп там стоял могучий. Надежда наша обнаружить кого-нибудь живого среди этих распластавшихся тел едва тлела. Однако два «тела» — Аркадия и Джима — оказались весьма сознательными. Они поднялись, и мы блестяще провели встречу со школьниками.

Письмо Аркадия брату, 6 октября 1962, М. — Л.

Здравствуй, дорогой Боб.

О поездке в Горький я напишу маме, там и прочти. А тебе я хочу отчитаться за посещение «Вопросов литературы». Говорил со мною сам Озеров. На нашей статье его резолюция: «Тов. Лазарев. Статью нужно довести. Вызовите соавторов». Ну, соответственно, вызвали. Озеров — хмурый интеллигентный мужик с брезгливыми губами. Статью держал двумя пальцами и во время разговора небрежно ее листал, делая язвительные замечания и читая избранные места издевательским голосом. Говорилось много: и о тупости стариков, не понимающих роли фантастики; и о — заметь! — том, что они, «Вопросы л-ры», всегда занимали в отношении фантастики хорошую позицию, и о том, как надо писать статьи. А по сути вопроса нам предложено сле-

дующее:

1. Статью переделать.

2. Статья принимается журналом.

3. Журнал ждет переделанную статью в конце октября — начале ноября с тем, чтобы опубликовать ее в январском №.

Какие от нас ждут переделки:

1. Чтобы статья была написана не литературоведами, а подана как результат размышлений двух талантливых авторов.

2. Все определения, перечисления, дефиниции и научные термины убрать раз — навсегда — совсем. Соответственно, вышвырнуть в корзину почти всю первую четверть статьи. Исходить из того, что читатель «ВЛ» и без нас знает, во всяком случае — интуитивно, что понимается под фантастикой, и для чего читают худ. л-ру, и что фантастика нужна.

3. Круто изменить тон статьи. Сделать ее нападательной, агрессивной, а не жалобной. И злой и веселой. До издевательности.

4. Больше ставить проблем и оставлять их нерешенными. Сделать статью дискуссионной. Они хотят втянуть в обсуждение проблем фантастики большую критику.

5. Основной упор сделать на то, о чем мы мало и

несмело говорили: о неумении и боязни больших литераторов. Размерами нас не ограничивают.

Вот так-то. М. п. «ВЛ» здорово взялись за это дело. Прочитай в № 8 статью Ефремова и в № 6 статью Кагарлицкого[364]. Это, правда, не совсем то, что нужно, но когда я возразил Озерову, он резонно ответил: «Вот вы и сделайте то, что нужно».

Пока всё. Жду ответа и соображений.

Целую, привет Адке, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 14 октября 1962, М. — Л.

Дорогой брат!

Посылаю тебе первую половину статьи, как я себе ее мыслю. Твое дело — закончить. Мои предложения:

1) Раздел критики оставить без изменений, только меньше нажимать на Кочетовых и Николаевых (стр. 23 первого варианта).

2) Раздел читателя дать без классификации, просто провести идею, что читатели бывают разные, причем распространить это на всю литературу.

3) Раздел «перспективы» увеличить. Дать там понятие об уэллсовском направлении (стр. 8). Рассказать о расколе в фантастике и покрити-

ковать:

а) Позиция Сытина—Немцова — примитивизм, расчет на неграмотных.

б) Позиция Росоховатского — в фантастике важна головокружительная идея, а не литература — помнишь?

в) позиция Днепрова—Анфилова: строгая научность фантастики.

И придумать к статье концовку. Жду присыла статьи числу к 20-му.

Теперь такое дело. Андреев требует нашего выступления в «Лит. газ.» Я накропаю страниц 7–8 на машинке. Прошу полномочий.

Гансовского хочу заставить дать в «Лит. газ.» статью о «Возвращении».

И еще — пока строго конфиденциально от мамы: с 1 ноября я ухожу с работы. В декабре буду в Л-де до Нового Года. Всё. Целую крепко, твой Арк. Привет всем.

Письмо Аркадия брату, 18 октября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Во первых строках уведомляю тебя, что из моей попытки удрать из Детгиза ничего пока не вышло. Меня ловко обезвредили предложением взять три месяца творческого отпуска, кои я и

взял. Итак, с 1 ноября я в творческом отпуске. В конце ноября или в самом начале декабря я имею быть в Ленинграде и не уеду оттуда до тех пор, пока мы не напишем хотя бы одну повесть — пусть мне придется жить на ваших хлебах до марта (на этот случай мне дали понять, что если я не уложусь, отпуск можно будет продлить). Было бы, конечно, очень славно, если бы тебе тоже удалось взять отпуск, но учти, это совсем не обязательно, особливо если это связано с какими-нибудь унижениями. Итак, я в декабре буду в Л-де. Ты спросишь: почему не в ноябре? Я отвечу прямо, по-стариковски[365], со всей ответственностью: я не хочу приезжать с пустыми руками. Я хочу привезти черновик рукописи страниц на сто — сто пятьдесят. Ты с удивлением и недоверием спросишь: черновик чего? И я тебе, смущаясь и краснея, пролепечу в ответ: «К-к-кракена...» Увы, я сознаюсь: я хочу писать «Кракена». И я его, простите, буду писать по три-пять страниц ежедневно с первого ноября. Абгемахт? Но ты не приходи в гнев, о! Брат мой. Мало того, шли мне ситуации и предложения (по возможности). Черновик будет — я знаю — похабен, но надо же с чего-то начинать! Сейчас я ломаю голову над подробностями сюжета, думаю и думаю, даже

аппетит потерял. К первому ноября надеюсь все обдумать.

(Конец первого периода)

Во вторых строках уведомляю тебя, что «Альманах» с «Должен жить» будет получен сигналом примерно в понедельник, 22-го. О «Стажерах» пока ничего не слышно, и это хорошо. Если бы «С» вышли после того, как альманах поступит в продажу, было бы идеально. Что касается до сборника «Фантастика 62», где будет публиковаться «Попытка к бегству», то сей сборник подписан в печать и послан в типографию раз и навсегда.

(Конец второго периода)

В третьих строках информирую тебя, что происходит в висчих сферах. Андреев рассказал, что выведенный из себя подонческой позицией секции приключений и фантастики ССП, в коей он и сам состоит, он потребовал ее немедленного созыва. Присутствовали: Казанцев, Немцов, Лагин, Адамов, Ким, Гуревич и Ляпунов. Андреев в качестве стороннего наблюдателя пригласил тут же и Ариадну Громову. Тушкан (председатель секции) по обыкновению оказался на отстреле лосей (обыкновенно он находится на очередной выставке охотничьих собак). Андреев спросил: сколько членов новых продвинула секция в ССП?

Ответом было молчание. Андреев спросил: чем секция занималась последние несколько лет? Тут стали говорить о совещании фантастов, но Андреев с презрением все это отвергнул и сказал, что это сами фантасты устроили и секция здесь ни при чем. Затем, обведя сочленов тяжким пьяным взглядом, Андреев потребовал немедленного самороспуска секции, как негодной организации. Неожиданно его поддержали Ким и Адамов. Поднялся геволт366. Казанцев встал и вышел, хлопнув дверью. Секция разошлась в смятении, а Андреев отправился в партком ССП и изложил свои взгляды на положение. Там его поддержали. Туша Тушкана давно уже всем глаза намозолила. По мнению Андреева, в декабре примут в Союз нас и Днепрова, затем секцию распустят и организуют новую, во главе которой будет самый зубастый из нас — Толя Днепров, а в секцию войдут Андреев, Громова, Стругацкий. Слушая все это, я поеживался. Да, Андреев рассказал под большим секретом всей нашей фантастической кодле на прошлом понедельнике, что Казанцев, с которым он в ссоре, предлагал ему идти на мировую при условии, если Андреев поддержит его против «молодых». Что сей сон значит — ума не приложу.

(Конец третьего периода)

Во четвертых строках сообщаю тебе, что сверхъестественными усилиями Ариадны Григорьевны Громовой «Возвращение» читают все более или менее значительные работники советской литературы. На сей предмет она выморщила у меня три экземпляра и пустила их по знакомым — а знакомые у нее почтенные. Уже получены (независимо друг от друга через Андреева и Громову) восторженные отзывы о «В» от Славина (не от Жени, а от автора «Интервентов» и др.), от Радова (это шишка в «Лит. газ.» и большой критик), от Степана Злобина (который «Степан Разин»). А вчера мне сообщили, якобы Злобин написал рецензию на «В» и она, рецензия, якобы будет опубликована в «Лит. газ.»

(Конец четвертого и последнего периода)

Можно было бы и еще порассказать что-нибудь, в частности — о наших последних фантастических сборищах, и о том, как Андреев с пеной у рта ругал нас всех хлюпиками и лентяями за то, что не выступаем в прессе — да ладно, это не столь уж жизненно важно.

Устал я печатать, братец, вот что.

Передай мамочке большой привет и сообщи ей все эти новости.

Поцелуй Адку. Всё.
Крепко целую, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 26 октября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.
Пишу коротко.
Во-первых. Получили сигнал альманаха. Итак, ликуй, Исайя! «Должен жить» увидел свет.
Во-вторых. У меня тугое время. Сегодня я на радиокомитете записываюсь с выступлением о человеке будущего (наш доклад на конференции я им подсунул, слегка изменен и переставлен). Завтра читаю нашу статью в Детгизе на литературных чтениях. А послезавтра выступаю в Политехническом музее в компании с Днепровым, Полещуком, Громовой и другими москвичами.
В-третьих... Все, кажется. Работаю над планом «Кракена». Первый вариант плана уже готов. Сейчас делаю второй.
Альманах, как скоро будут в фонде, пришлю.
«Стажеры» пока в типографии. Молю бога, чтобы пролежали там до декабря. Бог, кажется, слышит.
«Попытка к бегству» по подписании в печать угодила к цензору. Будем надеяться на лучшее. Впрочем, это весь сборник попал к цензору. Це-

лую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 1 ноября 1962, М. — Л.

Дорогой Борик.

Первый день моей свободы. Не мудрствуя лукаво, перепечатал я все, что ты прислал, только слегка изменил и вставил про литературных подонков, и позвонил Лазареву в «Вопли». Он сразу меня спросил: «Как у вас дела?» — «Готово», — говорю. Завтра повезу. Начало исправлять не стал, ты уж перебейся. Чего им в зубы смотреть? Бить надо.

За «Стажеров» не беспокойся. Обычная для «Мол. Гв.» история. Редакция Жемайтиса план выполнила, а подоночные редакции — публицистика и прочее г... — нет. Так поэтому пускают в первую очередь в печать невыполнивших. Бела Григорьевна рвет и мечет, но ей говорят: будьте патриотом всего издательства, а не только своей редакции. Так что ты не беспокойся. А рад я задержке потому, что пусть сначала альманах выйдет и распродастся, чтобы на нас нареканий не было. Хоть месячишку расстояния бы. Меня больше волнует «Попытка к бегству» — она сейчас в когтях цензуры, оказывается. Будем ждать.

Что ты мне пародии на Варшавского сулишь?

Ты мне самого Варшавского дай почитать. Ведь не читал же я ничего.

Слушай, Бела Григорьевна напомнила мне, что мы в плане 63-го года и что обязаны сдать рукопись до апреля. Чуешь? И еще: не помню, писал ли я тебе, но я вставил нас в план Детгиза на 64-й год под названием «Седьмое небо». Название пока не обязательное, но книжечку надо бы написать. Про магов. Легкомысленную. Веселенькую. Без затей. А? Мечта! А?

Последняя часть Гранина мне не понравилась. Уж очень натяжка, на мой взгляд. Happy end and a kiss upon the butts[367].

Выступал в Политехнич. музее совместно с Андреевым, Громовой, Днепровым, Полещуком, Парновым и Емцевым. У нас очень много поклонников. Ленка сидела в зале и вокруг нее шептались: «Хороши ребята, а Стругацкие все же лучше всех пишут». Я с амвона как трахнул: «Нужно будет — про ведьм и колдунов напишем, нам наука не указ». Что тут было! Хохот, аплодисменты, негодование! А после выступления обступили меня и давай терзать и брать автографы и спрашивать, почему тебя нет, не заболел ли, упаси бог. Один напал на меня за ведьм и колдунов, тут его оттерли сразу.

Ну, ладно. План «К» пришлю днями, хоть он не в очень хорошем состоянии. Но помощь твоя нужна. Если сможешь, помоги.

А я тебя целую крепко и жму руку.

Твой Арк.

2 ноября был подписан договор АБС с Детгизом на публикацию в «Мире приключений» отрывка из «Стажеров» под названием «Должен жить».

Письмо Аркадия брату, 4 ноября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб!

Посылаю, как обещал, развернутый план «Кракена»368. Не знаю, как он тебе покажется. Видишь, получился только один герой, остальные — более или менее эпизодические лица. Жду контрпредложений.

Особое внимание обратить на главы седьмую — спор между Андреем и Виктором, и на девятую — беседа с Кракеном в бреду. Это ключевые в смысле идеологии главы, их трэба обсосать особенно тщательно.

Деньги за «Должен жить» тебе положены, и не маленькие, ок. 1000 р.

Всё. Целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 11 ноября 1962, М. — Л.

Дорогой Боб.

Так и знал, что в плане не удастся показать ясно цель. Дело в том, что «Кр.», как я его мыслю, никак не определяется внешними действиями или даже разговорами героев. Идея такая: современные интеллигенты, как физики, так и гуманитары, думают и думают о судьбах человечества. Но как всегда, самые, важные и интересные вещи заслоняются от людей миллионами мелочей, эти главные вещи не играют и не могут играть в жизни самых заинтересованных людей главной роли. О главном говорится обыкновенно в ленивых и хохмаческих разговорах за бутылкой, о них даже не принято говорить серьезно. Но вот возьмем людей, которых это главное волнует по-настоящему. Один пытается решить это главное в своей повседневной работе, другой — ломает над этим главным голову на досуге и даже это главное бросает тень на всю его деятельность. Однако невидимая стена мелочей не дает им сойтись и говорить об этом серьезно. Т. е. они могут и спорить, и все такое, но считают один другого болтуном и треплом, хотя спорят до пупковой грыжи. И представим себе, что в один прекрас-

ный день нечто вторгается в их жизнь такое, которое так или иначе переводит для них главное из плоскости болтовни и дешевых шуточек в плоскость вопроса жизни и смерти, во всяком случае — в сугубо практическую плоскость, так что каждому из них становится ясно: вот-вот кому-то придется выхлебать бокал с цикутой. Это и есть главная идея «Кр.»: доведение до необходимости сделать практические выводы из своего мнения в ленивых застольных спорах. Конечно, в плане «Кр.» эту идею я привести не сумел. Там меня занимала гл. обр. внешняя сторона событий, оных последовательность.

Вот жили себе два человека, не тужили. Друзья. Один снискивал себе пропитание переводами, другой — моделировал нервную систему головоногих. Два типичных интеллигента нашего времени: хохмачи, хорошие работники, не дураки насчет баб (хотя это у них уже несколько в прошлом). Внешне разница между ними невелика, по сути — нет никакой. Но у каждого, как у всякого интеллигента, некоторое недовольство и беспокойство. Судьбы человечества и страны их беспокоют. И каждый видит будущее человечества по-своему. У каждого есть проспект пессимистический и проспект оптимистический.

Дескать, вот что будет с бедной нашей планетой, если она пойдет по тому пути, по которому она идет сейчас, и вот что ожидает ее, если бы люди послушались меня. Они не идиоты и не Керенские, и не орут об этом на собраниях, и эти мнения в несколько завуалированной форме прорываются у них лишь в некоторых их симпатиях и антипатиях, незначительных поступках и — более определенно — в полупьяных спорах. Эти беспокойства и страхи на их работе и на их сексуальной жизни не отражаются. И так бы и не случилось в их жизни обстоятельства, в котором эти мнения сыграли бы решающую роль, если бы в их жизнь не вторгся Кракен. Для физика Кракен — *реальное* доказательство, поддержка его мнения. Для лирика — *реальная* угроза на его пути к общечеловеческому счастью. Оба интерпретируют Кракена одинаково, но спор вышел из плоскости застольных бесед. Для одного Кракен — реальный союзник, для другого — реальный противник. Убийство Кракена — акт не истерии, не хулиганства, а попытка вернуть спор в прежнее русло застольных разногласий!

Теперь об этом разногласии. Здесь я тоже перед тобой виноват — не обозначил ясно, в чем дело, опять же не хватило терпения писать об

этом. Кракен никакой не символ, и спор между гуманитаром и физиком идет не о мещанстве. Не непосредственно о мещанстве. Это наш с тобой спор, дружище, о путях развития интеллекта. Что победит: рациональное или эмоциональное? Мнение физика: чувства — атавизм. Они мешают как аппендикс. Мозг должен очиститься от них, стать совершеннейшей логической машиной. Высшая и единственная оценка действия — с точки зрения его целесообразности. Мир погибнет, если люди не научатся мыслить без примешивания эмоций. Мнение гуманитара: чувства не более атавизм, чем разум. Как только будет достигнуто материальное благосостояние — человечество пойдет по пути совершенствования эмоций, иначе — смерть человечеству как таковому, оно превратится в сборище живых машин и утратит цель существования. Только в увеличивающейся полноте эмоционального восприятия мира — источник непрерывно растущего интереса к жизни.

Кракен — воплощение идеала физика. Сугубейший рационалист. Вот откуда вся трагедия. Если Кракены существуют, если их миллионы в толще вод — это страшная угроза для людей. Не физическая угроза, конечно, люди и Кракены в

разных измерениях и до столкновения с ними еще далеко, но как громадный соблазн для того, чтобы отрешиться от эмоциональной стороны жизни. Гуманитар не может чувствовать себя спокойно и уютно в нашем мире, пока эта угроза существует. И без того рационализм угрожает человечеству. Для Гуманитара эмоциональная сторона человека зловеще отстала, запоздала в ходе кровавой гонки прогресса. Человек перестает быть человеком как вид. Ибо для него отличительной чертой Homo Sapiens'а является способность воспринимать прекрасное, наслаждаться воздействием мира не на разум, а на чувства. По его мнению, Братьев по Разуму во Вселенной может быть куча, а вот как носитель аппарата, получающего высшее удовлетворение в эмоциональных восприятиях — он уникален.

Вот примерно в таком плане. Не знаю, убедительны ли мои доводы. Об этом еще будем говорить.

Вообще я не написал еще ни строчки. Заедает текучка. Приеду — расскажу.

Целую, Арк.

В «Дневнике приездов» в это время появляется запись:

«Приехал 16 ноября писать «Кракена», а писать

стали «Далекую Радугу», так-то. 24.11.62».

И практически весь декабрь АН находится в Ленинграде. В дневнике отмечены даты с 6 по 9 и с 18 по 30 декабря. Пометки к датам:

19.12.62. «Закончена 5-я глава «Радуги». Фруктовый торт».

22.12.62. «Кончена 8-я глава».

23.12.62. «Кончена 9-я глава „ДР“».

24.12.62. «Три Мушкетера, франко-порт».

25.12.62. «„Радуга“ окончена».

30.12.62. «Отъезд».

В день отъезда БНу приходит письмо из журнала «Нева»:

Письмо БНу из журнала «Нева», 30 декабря 1962

Уважаемый Борис Натанович!

Редколлегия журнала «Нева» обращается к Вам с просьбой принять участие во встрече писателей-фантастов «За круглым столом», которая состоится в четверг 11 января, в 6 часов вечера в помещении редакции журнала (Невский, дом № 3).

Тема дискуссии: «Как изображать людей будущего».

Мы надеемся, что Вы поделитесь своими сооб-

ражениями по поставленной проблеме.

Материалы дискуссии будут опубликованы в четвертом (апрельском) номере журнала.

С уважением С. А. Воронин. Гл. редактор журнала «Нева»

Член редколлегии Вл. Дмитревский

АБС с трудом, но все же пробиваются на страницы периодики. В 12-м номере журнала «Техника — молодежи» публикуется реплика АНа:

АНС. «Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека»

В советской да и в зарубежной фантастике о человеке будущего пишется еще очень мало. Каков будет он, этот человек? Очевидно, он будет лишен таких пережитков прошлого, как приобретательство, эгоизм, зависть. Зато в полной мере откроются его духовные возможности. И в этой связи задачи писателей-фантастов, как ни странно, усложняются. Как, например, показать конфликты между людьми будущего? В какой форме эти конфликты будут проявляться? Видимо, основой их будет та же борьба, но борьба не добра со злом, а... добра против добра.

В этих конфликтах будут сталкиваться два или

несколько положительных героев, из которых каждый убежден и прав по-своему и в чистоте стремлений которых никто не сомневается. Они и в ожесточенных столкновениях останутся друзьями, товарищами, братьями по духу. На чьей же стороне будут в таком случае симпатии автора?

Проблема человека большая и сложная, над ней предстоит еще немало потрудиться писателям-фантастам.

Там же опубликована и статья Кирилла Андреева, часть которой посвящена творчеству АБС. Положительно характеризуются произведения АБС и в книжных изданиях: Ляпунов Б. «Любителям научной фантастики» (Мир приключений, кн. 8), Ляпунов Б. «У истоков советской научной фантастики для детей и юношества» и Яковлев Ю. «Творческая командировка в будущее» (Детская литература, вып. 1).

В этом году у АБС вышли две книги («Возвращение» в Детгизе и «Стажеры» в «Молодой гвардии»), добавились три публикации в сборниках («Глубокий поиск» в «Капитане звездолета», «Должен жить» в «Мире приключений» и «Попытка к бегству» в «Фантастике, 1962 год») и три в журналах («Генеральный инспектор» в «Искателе», «Злоумышленники» в «Знание — сила» и «Человек

из Пасифиды» в «Советском воине»).

Кроме этого были опубликованы перевод АНа (Акутагава Р. «В стране водяных») и астрономическая статья БНа в соавторстве с Х. И. Поттером («К вопросу об асимметрии фигур больших планет» // Изв. Глав. астрон. обсерватории в Пулкове. — Т. 23. — Вып. 1. — № 171).

В том же году Стругацкие попробовали свои силы в публицистике. Были завязаны новые знакомства среди литераторов и критиков. И те и другие немедленно организовались по всем частям спектра «друзья — враги». Как позднее писали сами Авторы: «Друзья наши — люди значительные, среди них — крупные ученые, космонавты, труженики-врачи, деятели кино. А враги, как на подбор, все мелкие, бездарные, взаимозаменяемые, но зато некоторые занимают административные посты...»369

Большинство исследователей творчества АБС (да и сами Авторы) считают переломным на их писательском пути создание ПКБ: знаменитый «открытый финал», восхитительный прием «отказа от объяснений», начало социальной фантастики Стругацких. Личное мнение С. Бондаренко, никоим образом не претендующее на открытие, состоит в том, что таким

переломным произведением следует считать «Стажеры». Ибо именно в «Стажерах» АБС высказали несколько своих программных тезисов, которые использовались и развивались ими в дальнейшем.

«Главное — на Земле», — думает Жилин в эпилоге. Отказ от романтики космических полетов, отказ от романтики вообще. Исследование жизни, взаимодействия людей и коллективов, проблема выбора. Всё это отсюда. Не изобретение «лишних сущностей» — каких-то иных цивилизаций и нагромождение их проблем, нет — показ наших, земных, насущных задач; легкая, почти незаметная драпировка наших «больных вопросов» в инопланетные одежды — вот отныне фантастика Стругацких. Это тоже отсюда.

Проблема воспитания — основная из проблем сегодняшнего мира. Ибо без нее — невозможен прогресс человечества, переход его на качественно новый уровень. Вспомним, что думает Жилин:

«Помочь им входить в жизнь, помочь найти себя, определить свое место в мире, научить хотеть сразу многого, научить хотеть работать взахлеб.

Научить не кланяться авторитетам, а исследовать их и сравнивать их поучения с жизнью.

Научить настороженно относиться к опыту бывалых людей, потому что жизнь меняется необычайно быстро.

Научить презирать мещанскую мудрость.

Научить, что любить и плакать от любви не стыдно.

Научить, что скептицизм и цинизм в жизни стоят дешево, что это много легче и скучнее, нежели удивляться и радоваться жизни.

Научить доверять движениям души своего ближнего.

Научить, что лучше двадцать раз ошибиться в человеке, чем относиться с подозрением к каждому.

Научить, что дело не в том, как на тебя влияют другие, а в том, как ты влияешь на других.

И научить их, что один человек ни черта не стоит».

Это основные тезисы теории воспитания, о которой АБС так часто будут говорить в будущем.

И еще. Мысли Юры Бородина: «Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек». Высказать в 1962 году, что подвиг — это глупо,

это неправильно, — чрезвычайно смело и даже крамольно, ибо все газеты в то время только и кричали о подвигах в поле и в шахтах, на заводе и в тайге... Жизнь без подвига представлялась тогда скучной, неправильной. АБС же смогли показать, что на самом деле все наоборот. И мысли о ценности человеческой жизни — тоже отсюда.

Продолжение следует

Впереди еще много интересного! С 1964 года сохранились и письма БНа — мы «услышим» уже не монолог АНа, а настоящий творческий диалог соавторов. С 1965 года начинается ведение многолетнего творческого дневника АБС — мы проследим рождение замыслов и их превращение в так любимые нами книги. И конечно, это будет время первых попыток властей предержащих закрутить гайки, ослабленные было на пяток лет, это начало жесткой критики АБС и — парадокс? — это совпадет со становлением их как Писателей. Ведь если тебя бьют записные подонки — а отныне ни одна книга Авторов не выйдет без сопротивления и без последствий — так пусть хоть бьют не за пустяки, а за Литературу с большой буквы!

Мы завидуем Вам, Читатель!

Благодарности

Составители бесконечно признательны СТРУГАЦКОМУ Борису Натановичу за согласие опубликовать переписку братьев Стругацких и за содействие в ее подготовке к печати.

Составители выражают благодарность за участие в подготовке этой книги:

БЕРНИКОВОЙ Лидии Алексеевне;

КАМИОНКО Лидии Александровне;

ОЛЬШАНСКОМУ Владимиру Дмитриевичу;

ПОЛОЦК Илану Езекиловичу;

СКАЛАНДИСУ Анту;

членам группы ЛЮДЕНЫ: Роману Арбитману, Владимиру Борисову, Владимиру Дьяконову, Вадиму и Юлии Казаковым, Алле Кузнецовой, Роману Муринскому, Леониду Рудману, Юрию Флейшману, Михаилу Шавшину, Илье Юдину.

Приложение

Алфавитный указатель аббревиатур и ранних названий произведений

2017 — см. Родился в 2017-м.

6 спичек — см. Шесть спичек.

6С — Шесть спичек.

8зПГ — Восьмой за последний год.

Амадзи — см. Синяя туча Амадзи.

ББТ — Берег Багровых туч.

БГТ — Берег Горячих Туманов.

Без морали — см. Каждый умирает по-своему.

Белый конус Алаида. Варианты заглавия: Дело о хулиганстве, Яйцо.

Берег Багровых туч — см. Страна багровых туч.

Берег Горячих Туманов — см. Падение крепости.

БКА — Белый конус Алаида.

БМС — Бессильные мира сего.

БП — Благоустроенная планета.

БР — Букет роз.

Букет роз — см. Частные предположения.

В Стране Багровых Туч — см. Страна багровых туч.

В школе — см. Злоумышленники.

В — Возвращение.

ВБ — Возлюби ближнего.

ВГВ — Волны гасят ветер.

ВД — Возлюби дальнего.

Великий КРИ — см. Загадка задней ноги.

Венера. На берегах Урановой Голконды — планировавшаяся глава повести «Стажеры».

Венера. Нищие духом — планировавшаяся глава повести «Стажеры».

ВНИВ — В наше интересное время.

ВНМ — Второе нашествие марсиан.

Водородная пропасть — см. Путь на Амальтею.

Водородное чудище — см. Путь на Амальтею.

Водородный пузырь — см. Путь на Амальтею.

Возвращение. Вариант именования «Полдня. XXII век».

Возвращение Хиуса — замысел.

Возлюби ближнего — см. Попытка к бегству.

Возлюби дальнего — см. Попытка к бегству.

Восьмое небо — вариант именования Седьмого неба.

Восьмой за последний год — см. Шесть спичек.

Генеральный инспектор — см. Стажеры.

Гигантская флюктуация — глава повести «Стажеры». Вариант заглавия: Феномен.

ГО — Град обреченный.

ГП — Глубокий поиск.

ГФ — Гигантская флюктуация.

Д — Десантники.

Далекая Радуга. Вариант заглавия: Катастрофа.

Дело о хулиганстве — см. Белый конус Алаида.

Десантники. Вариант заглавия: Странные Люди.

ДЖ — Должен жить.

ДЗ — Дни затмения.

Диона. На четвереньках — глава повести «Стажеры». Вариант заглавия: На четвереньках.

ДК — Дни Кракена.

Дни Кракена. Вариант заглавия: Кракен.

Должен жить — см. Стажеры.

ДР — Далекая Радуга.

ДСЛ — Дьявол среди людей.

Естествознание в мире духов. Вариант заглавия: Телепаты.

ЖВМ — Жук в муравейнике.

ЖГП — Жиды города Питера.

За углом — см. Шесть спичек.

Загадка задней ноги. Вариант заглавия: Великий КРИ.

ЗЗН — Загадка задней ноги.

Злоумышленники. Варианты заглавия: В шко-

ле, Школа.

ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.

ЗЭ — Забытый эксперимент.

Извне. Сокращенный вариант: Пришельцы.

Имаджинисты — замысел некоего перевода АНа.

ИСКР — Испытание СКИБР.

ИспСКР — Испытание СКИБР.

Испытание СКИБР. Варианты заглавия: Испытание СКР, Испытатель «СРР», Репетиция «СРР».

Испытание СКР — см. Испытание СКИБР.

Испытатель «СРР» — см. Испытание СКИБР.

ИсСКР — Испытание СКИБР.

К — Кракен.

Каждый умирает по-своему. Вариант заглавия: Без морали.

Каппа — перевод АНа «В стране водяных» Акутагавы.

Катастрофа — см. Далекая Радуга.

Кормильцы. Раннее заглавие новеллы из «Полдня. XXII век» «Томление духа».

Кр — Кракен.

Кракен — см. Дни кракена.

М — Муха.

Маги — см. Понедельник начинается в субботу.

Марс. Облава — глава повести «Стажеры».

Мешок — перевод АБС рассказа Моррисона.

Мир иной — Повесть Гребнева, в написании которой принимал участие АН.

Муха — см. Чрезвычайное происшествие.

На четвереньках — см. Диона. На четвереньках.

Немного физики — см. Частные предположения.

Нищие духом — см. Венера. Нищие духом.

Ночь в пустыне — см. Ночь на Марсе.

Ночь на Марсе. Варианты заглавия: Ночь в пустыне, Ночью на Марсе, НС (?).

Ночью на Марсе — см. Ночь на Марсе.

НС (не расшифровано) — см. Ночь на Марсе.

ОЗ — Отягощенные злом.

ОУПА — Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста».

Охота у рифа Октопус — см. Погружение у рифа Октопус.

ПХХIIВ — Полдень. XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.

Падение крепости — см. Первые.

Первые. Варианты заглавия: Берег Горячих Туманов, Падение крепости.

ПИП — Парень из преисподней.

ПКБ — Попытка к бегству.

Плоскость восприятий — см. Попытка к бегству.

ПНА — Путь на Амальтею.

ПНВС — Понедельник начинается в субботу.

Погружение у рифа Октопус. Вариант заглавия: Охота у рифа Октопус.

ПОДИН — Повесть о дружбе и недружбе.

Понедельник начинается в субботу. Варианты заглавия: Маги, Седьмое небо.

Попытка к бегству. Варианты заглавия: Возлюби ближнего, Возлюби дальнего, Плоскость восприятий.

Поражение — см. Белый конус Алаида.

Поч. т. ж. — Почти такие же.

ПП — Поиск предназначения.

Пришельцы — см. Извне.

ПТЖ — Почти такие же.

ПУРО — Погружение у рифа Октопус.

Путь на Амальтею. Варианты заглавия: Водородная пропасть, Водородное чудище, Водородный пузырь, С грузом прибыл.

Репетиция «СРР» — см. Испытание СКИБР.

Родился в 2017-м — замысел.

РСРР — Репетиция «СРР».

С грузом прибыл — см. Путь на Амальтею.

С — Стажеры.

СБП — Страшная большая планета.

СБТ — Страна багровых туч.

СГП — С грузом прибыл.

Седьмое небо — см. Понедельник начинается в субботу.

СЖС — Старый желтый Сатурн.

Синяя туча Амадзи — см. Четвертое царство.

СЛ — Странные люди.

Смерть-планетчики — см. Эйномия. Смерть-планетчики.

Сокровище Последнего Роджера — замысел АНа по Четвертому царству.

СОТ — Сказка о Тройке.

Спонтанный рефлекс. Вариант заглавия: Урм не подчиняется.

СПП — Свечи перед пультом.

СР — Спонтанный рефлекс.

СС — Скатерть-самобранка.

Стажер — см. Стажеры.

Стажеры. Варианты заглавия: Генеральный инспектор, Должен жить, Стажер.

Старый желтый Сатурн — замысел.

Страна багровых туч. Варианты заглавия: Берег багровых туч, В стране багровых туч, Страна горячих туч, Шестеро и «Хиус», Шестеро первых.

Страна тяжелых вод — ранние наработки Стра-

ны багровых туч.

Странные люди. Вариант заглавия: Десантники.

Страшная большая планета — см. Путь на Амальтею.

Такими вы будете. Вариант заглавия: Эпилог.

ТББ — Трудно быть богом.

ТВБ — Такими вы будете.

Творцы Миров — планировавшаяся часть «Возвращения».

Телепаты — см. Естествознание в мире духов.

ТЧ (не расшифровано) — см. Чрезвычайное происшествие.

УНС — Улитка на склоне.

Урм не подчиняется — вариант заглавия на радио рассказа «Спонтанный рефлекс».

Феномен — см. Гигантская флюктуация.

Фиолетовый газ — см. Четвертое царство.

ХС — Хромая судьба.

Частные предположения. Варианты заглавия: Букет роз, Немного физики.

Четвереньки — см. Диона. На четвереньках.

Четвертое царство. Варианты заглавия: Синяя туча Амадзи, Фиолетовый газ.

ЧИП — Человек из Пасифиды.

ЧП — Частные предположения.

ЧП — Чрезвычайное происшествие.

Чрезвычайное происшествие. Варианты заглавия: Муха, ТЧ (?).

ЧрПр. — Чрезвычайное происшествие.

Шестеро и «Хиус» — см. Страна багровых туч.

Шестеро первых — см. Страна багровых туч.

Шесть спичек. Варианты заглавия: Восьмой за последний год, За углом, 6 спичек, 6С.

Школа — см. Злоумышленники.

ШС — Шесть спичек.

Эйномия. Смерть-планетчики — глава повести «Стажеры». Вариант заглавия: Смерть-планетчики.

Эпизод Страна багровых туч — замысел возможной переделки.

Эпилог — см. Такими вы будете.

Яйцо — см. Белый конус Алаида.

Персоналии, упомянутые в переписке АБС370

Абызов Юрий Иванович — переводчик, критик, друг АНа.

Аверченко Аркадий Тимофеевич — писатель, журналист.

Агекян Татеос Артемьевич — астроном, научный руководитель дипломной работы БНа, соавтор по астрономическим публикациям.

Адамов Аркадий Григорьевич — писатель.

Адамс Уолтер Сидни — амер. астроном.

Аджубей Алексей Иванович — журналист, главный редактор газеты «Известия».

Азимов Айзек — амер. писатель.

Аксенов Василий Павлович — писатель.

Акутагава Рюноскэ — япон. писатель.

Алехин (Масловский) Глеб Викторович — писатель.

Алимов Борис Александрович — художник-иллюстратор.

Аллен Джеймс Стюарт — амер. публицист.

Альвем-Корреа Генрих — браз. (бельг.) художник-иллюстратор.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.

Андронников Ираклий Луарсабович — писатель, литературовед.

Аникст Александр Абрамович — литературовед.

Анфилов Глеб Борисович — писатель, журналист, популяризатор, ответственный секретарь журнала «Знание — сила».

Арисима Такэо (в тексте — Arisima Takeo) —

япон. писатель.

Батманов Евгений — сокурсник АНа.

Беляев Александр Романович — писатель.

Бердник Олесь Павлович — писатель.

Берия Лаврентий Павлович — советский и партийный руководитель, в частности возглавлял карательные органы.

Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства Детгиз, критик, писательница.

Берроуз Эдгар Райс — амер. писатель.

Бобров Сергей Павлович — поэт, писатель, филолог, переводчик, популяризатор.

Борисов Леонид Ильич — биограф, популяризатор.

Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.

Бронштейн Давид Ионович — советский шахматист.

Брэдбери Рэй Дуглас — амер. писатель.

Брянцев Георгий Михайлович — писатель.

Булавский Владимир Александрович — сокурсник БНа, математик.

Вагель Владимир — электротехник, знакомый АБС.

Варшавский Анатолий Семенович — редактор журнала «Знание — сила».

Варшавский Илья Иосифович — писатель.

Васильков Игорь Афанасьевич — писатель, драматург.

Вересаев Викентий Викентьевич — писатель.

Верн Жюль — фр. писатель.

Виктор — знакомый АНа.

Вильямс Джон Д. — математик, популяризатор.

Воронцов-Вельяминов Борис Александрович — астроном, популяризатор.

Ворошилов Климент Ефремович — военный, советский, партийный руководитель.

Воскресенская (фамилия по первому замужеству, урожденная Ошанина) Елена Ильинична — супруга АНа.

Воскресенская (в замужестве Фошко) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНа.

Гагарин Юрий Алексеевич — первый космонавт.

Галдин Петр — сослуживец АНа.

Гансовский Север Феликсович — писатель.

Герасимов Сергей Васильевич — художник.

Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.

Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.

Гребнев (Грибоносов) Григорий Никитич — пи-

сатель.

Гришин Николай Ильич — художник-иллюстратор.

Громов Борис Васильевич — микробиолог, друг БНа.

Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.

Гумилев Николай Степанович — поэт, писатель.

Гурев (Гуревич) Григорий Абрамович (в тексте — certain Gurvitch, некий Гурвич) — философ, популяризатор астрономии и дарвинизма.

Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНа.

Гюго Виктор Мари — фр. писатель.

Джером Клапка Джером — англ. писатель.

Джинс Джеймс Хопвуд — англ. физик, астроном.

Диккенс Чарльз Джон Хаффам (в тексте — Dickens) — англ. писатель.

Дин Футан (в тексте — Ди-Фун-Тан) — сослуживец АНа по Канску.

Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.

Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.

Дойл Артур Игнатус Конан (в тексте — Конан-Дойл) — англ. писатель.

Долгушин Юрий Александрович — писатель, журналист.

Драйзер Теодор — амер. писатель.

Елкин Анатолий Сергеевич — завотделом литературы и искусства «Комсомольской правды».

Елькин Гелий Эмильевич — школьный, университетский друг БНа.

Емцев Михаил Тихонович — писатель.

Ефремов Иван Антонович — писатель, философ, палеонтолог.

Жемайтис Сергей Георгиевич — редактор издательства «Молодая гвардия», писатель.

Жигарев Лев Викторович — главный редактор, заместитель главного редактора журнала «Знание — сила».

Жолио-Кюри Фредерик — фр. физик, общественный деятель.

Журавлев Василий Николаевич — режиссер киностудии «Мосфильм».

Журавлева Валентина Николаевна — писательница.

Забелин Игорь Михайлович — писатель.

Зегерс Анна (в тексте — Segers Anna) — нем. писательница.

Злобин Степан Павлович — писатель.

Иващенко Анатолий Захарович — журналист, писатель-публицист.

Ильин — сотрудник Главатома.

Инфельд Леопольд — польск., амер. физик.

Иоффе Ирина Львовна — переводчик.

Каганович Лазарь Моисеевич — советский, партийный руководитель.

Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.

Казанцев Александр Петрович — писатель.

Калерт Валентин — школьный, университетский друг БНа.

Калинин — сотрудник Главатома.

Калинина — сотрудник Главлита.

Кан Кикути, Кикутикан (настоящее имя Кикути Хироси, в тексте — Kikuchikan) — япон. писатель.

Капралова Лидия Семеновна — инженер, приятельница А. И. Стругацкой.

Кассель Исаак Маркович — редактор издательства Детгиз.

Катаев Валентин Петрович — писатель, главный редактор журнала «Юность».

Керенский Александр Федорович — глава правительства.

Ким Роман Николаевич — писатель.

Киплинг Джозеф Редьярд — англ. писатель, поэт.

Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Кобаяси Такидзи — япон. писатель.

Ковалевский Владимир П. — переводчик.

Козырев Александр Николаевич — сын Козырева Н. А., приятель БНа.

Козырев Николай Александрович — астроном.

Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.

Компаниец Василий Георгиевич — главный редактор издательства Детгиз.

Кондорицкий — сотрудник Главатома.

Конрад Николай Иосифович — академик, японист, один из преподавателей АНа в ВИИЯ.

Коротеев Николай Иванович — писатель, редактор журнала «Искатель».

Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, редактор.

Кошут Леонард (Лео) — заместитель главного редактора изд-ва «Культур унд Фортшритт», позже — заведующий редакцией изд-ва «Фольк унд Вельт», переводчик, составитель антологий.

Кронин Арчибалд Джозеф — англ. писатель.

Куприн Александр Иванович — писатель.

Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.

Лазарев Лазарь Ильич — редактор (позднее — главный редактор) журнала «Вопросы литературы».

Ландау Лев Давидович — физик, математик.

Лем Станислав — польск. писатель, философ.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — глава советского правительства, глава партии большевиков, политик.

Лепешинская Ольга Борисовна — биолог.

Литвинчев Афанасий Иванович (в тексте — дядя Фаня) — дядя АБС, брат А. И. Стругацкой, строитель.

Литвинчев Григорий Иванович (в тексте — дядя Гриша) — дядя АБС, брат А. И. Стругацкой, моряк.

Литвинчев Кузьма Иванович (в тексте — дядя Кузя) — дядя АБС, брат А. И. Стругацкой, прораб.

Литвинчев Николай Иванович (в тексте — дядя Коля) — дядя АБС, брат А. И. Стругацкой, инженер.

Литвинчева (в замужестве Стругацкая) Александра Ивановна — мать АБС.

Литвинчева Мария Ивановна (в тексте — тетя Маня) — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Лобанов Михаил Петрович — критик, публи-

цист.

Ложечко М. — рецензент СБТ.

Лондон Джек (Гриффит Чейни Джон) — амер. писатель.

Луконин Владимир Григорьевич — историк, археолог, друг БНа.

Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.

Ляшенко Михаил Юрьевич — писатель.

Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.

Макартур Дуглас (в тексте ошибочно — McArthur, верно — MacArthur) — амер. генерал.

Максименко Игорь Илларионович — учитель из д. Пинчуга, корреспондент АНС.

Маленков Георгий Максимилианович — советский, партийный руководитель.

Малышев Михаил — приятель АНа.

Мальт Виктория Сергеевна — редактор издательства Детгиз.

Маркс Карл Генрих — экономист, философ, политик, создатель марксизма.

Маршак Самуил Яковлевич — поэт, переводчик.

Махлин Евгений — школьный, университетский друг БНа.

Маяковский Владимир Владимирович — поэт, драматург.

Мезенцев Владимир Андреевич — главный редактор журнала «Знание — сила».

Мелвилл Герман — амер. писатель.

Мельников Олег Александрович — ученый-астроном.

Михайлов Александр Александрович — астроном, директор ГАО в Пулково.

Моралевич Юрий Александрович — писатель, публицист, популяризатор науки.

Мюллер Владимир Карлович — составитель англо-рус. словаря.

Нагибин Юрий Маркович — писатель.

Наталия Петровна — соседка, приятельница А. И. Стругацкой.

Нелли — двоюродная сестра Е. И. Стругацкой.

Немцов Владимир Иванович — писатель.

Николаева (Волянская) Галина Евгеньевна — писательница.

Ницше Фридрих Вильгельм — нем. философ.

Новак — директор издательства «Культур унд Фортшритт».

Огородников Кирилл Федорович — ученый-астроном.

Озеров Виталий Михайлович — главный редак-

тор журнала «Вопросы литературы».

Олдингтон Ричард — англ. писатель.

Олдридж Джеймс — англ. писатель, общественный деятель.

Ольшанский Владимир Дмитриевич — военный журналист, сослуживец АНа по Камчатке.

Оношко Леонид Михайлович — писатель.

Островский Александр Николаевич (в тексте — Ostrovsky) — драматург.

Ошанин Илья Михайлович — синолог, тесть АНа.

Ошанина Екатерина Евгеньевна — теща АНа.

Павлов Тодор Димитров — болг. ученый, философ, общественный деятель.

Панова Вера Федоровна — писательница, драматург.

Парнов Еремей Иудович — писатель.

Петров Лев Сергеевич — журналист, писатель, соавтор АНС.

Пискунов Константин Федотович — директор издательства Детгиз.

По Эдгар Аллан — амер. писатель, поэт.

Полещук Александр Лазаревич — писатель.

Пристли Джон Бойнтон — англ. писатель.

Прутков Козьма — псевдоним группы писателей.

Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.

Рабинович Мирон Михайлович — учитель истории БНа.

Рабле Франсуа — фр. писатель.

Радов (Георгий Георгиевич?) — критик, редактор.

Ремарк Эрих Мария — нем. писатель.

Рессель Генри Норрис — амер. астроном.

Робертс Чарльз Джордж Дуглас — канад. писатель, поэт.

Росоховатский Игорь Маркович — писатель.

Росс, лорд (Парсонс Уильям) — ирл. астроном.

Румянцев Лев Григорьевич — редактор отдела прозы журнала «Уральский следопыт», поэт.

Рюриков Борис Сергеевич — критик, литературовед, публицист, редактор.

Савченко Владимир Иванович — писатель.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель, публицист.

Сафонов Вадим Андреевич — писатель.

Свердлов Яков Михайлович — глава советского правительства, партийный руководитель.

Сетон-Томпсон Эрнст (Томпсон Эрнест Эван) — канад. писатель, художник, естествоиспытатель.

Славин Лев Исаевич (Ицкович) — писатель.

Соболев Виктор Викторович — астроном.

Соколов Андрей Константинович — художник, иллюстратор.

Соколов Олег Игоревич — редактор (позже — главный редактор) журнала «Искатель».

Спицын Андрей Николаевич — геолог, сокурсник АНа по ВИИЯ.

Ставиский Борис Яковлевич — историк, археолог, начальник экспедиции в Пенджикенте.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — глава советского правительства, глава партии большевиков, политик.

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНа.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНа.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНа.

Сытин Виктор Александрович — писатель, руководитель СП, позже — главный редактор Госкино.

Сэгава Масао — япон. писатель.

Твен Марк (Клеменс Сэмюэль Ленгхорн, в тексте — Twain) — амер. писатель.

Теккерей Уильям Мейкпис — англ. писатель.

Теннисон Альфред — англ. поэт.

Тихов Гавриил Адрианович (в тексте — Tichov) — астроном, директор Алма-атинской

обсерватории.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Толстой Лев Николаевич — писатель.

Томан Николай Владимирович — писатель, критик.

Торричелли Эванджелиста — итал. ученый.

Тревогин Петр Александрович — физик, публицист, сокурсник БНа.

Тушкан Георгий Павлович — писатель, ученый-натуралист.

Тыч Иосиф — чешский переводчик.

Тьюринг Алан Матисон — англ. математик.

Уивер Джон (в тексте ошибочно — Weever, верно — Weaver) — амер. писатель.

Ушаков И. Л. — художник-иллюстратор.

Уэллс Герберт Джордж — англ. писатель.

Фесенков Василий Григорьевич (в тексте ошибочно — Fesenko) — астроном.

Фитингоф Георгий Петрович — художник-график, иллюстратор.

Фок Владимир Александрович — математик, физик.

Франс Анатоль — фр. писатель.

Фурцева Екатерина Алексеевна — советский, партийный руководитель, министр культуры.

Хавин Виктор Петрович — математик, сокурс-

ник БНа.

Харди Фрэнсис Джозеф — австрал. писатель.

Хемингуэй Эрнест Миллер — амер. писатель.

Хотта Ёсиэ — япон. писатель.

Цвейг Стефан — австрийск. писатель.

Черненко К. А. — редактор издательства Детгиз.

Чуковский Корней Иванович — писатель, критик, переводчик.

Шагинян Мариэтта Сергеевна — писательница.

Шалимов Александр Иванович — писатель.

Шекспир Уильям — англ. драматург, поэт.

Шершова Инна Сергеевна — первая жена АНа.

Ши Най-ань — китайск. писатель.

Шмидт Отто Юльевич (в тексте — Shmidt) — математик, астроном, геофизик.

Шолохов Михаил Александрович — писатель.

Эддингтон Артур Стенли — англ. физик.

Эйнштейн Альберт — физик, общественный деятель.

Энгельс Фридрих — экономист, философ, политик, создатель марксизма.

Эндо Сюсаку — япон. писатель.

Источники публикаций

АБС. Добро должно быть с головой [Ответ на письмо М. Аржанова «Добро должно быть с кулаками?»] // Пионерская правда. — 1977. — 15 апр.

АБС. Жизнь не уважать нельзя // Даугава (Рига). — 1987. — № 8.

АБС. Между прошлым и будущим (Беседа корреспондента «ЛО» Евг. Канчукова с Аркадием и Борисом Стругацкими) // Лит. обозрение. — 1988. — № 9.

АБС. От бесконечности тайн к бесконечности знаний // Техника — молодежи (М.). — 1961. — № 10.

АБС. После полета Гагарина что вы считаете фантастическим?: [Ответ на анкету] // Сов. культура (М.). — 1961. — 15 апр.

АБС. [Предисловие к главам науч.-фантаст. повести «Возвращение»] // Урал (Свердловск). — 1961. — № 6.

АБС. Черновик статьи «Литература — жизнь моя» — для «Литературной газеты», датированный 28.07.81.

Альтов Г. Курс — на человека // Лит. и жизнь (М.). — 1960. — 31 авг.

Анкета Натана Залмановича Стругацкого. Не

опубликовано. Из архива БНС.

АНС. В подвале у Романа // Измерение Ф (Л.). — 1990. — № 3.

АНС. Воспоминание о будущем / Беседу вел М. Баранов // Газета «Ленинское знамя» (Моск. обл.) — 1988. — 7 июля.

АНС. «Герой фантастики не может не быть добрым» / Вел беседу В. Третьяков // Моск. новости. — 1982. — 3 янв.

АНС. «Движущей силой будущего общества явится удовлетворение духовных потребностей человека» // Техника — молодежи (М.). — 1962. — № 12.

АНС. И снова встреча...: [Аркадий Стругацкий в Саратове. 1985 год] / Запись и расшифровка Р. Арбитмана, В. Казакова, Л. Шугома, И. Горелова // Стругацкие о себе, литературе и мире (1985 и прочее) / Сост. П. Поляков. — Омск: Фэн-группа «Людены»; Омская обл. юношь. б-ка, «1994».

АНС. Исполнение мечты: [О науч. фантастике в связи с посадкой беспилотной космической ракеты на Луну] // Лит. и жизнь (М.). — 1959.

АНС. «Кто же пойдет в сборщики мусора?» / Из беседы Н. Левитиной с писателем Аркадием Стругацким // Неделя. — 1984. — № 37.

АНС. Л. И. Лагину — 75 лет // Лит. газ. — 1979.

— 1 янв.

АНС. Мой Жюль Верн // Пионерская правда. — 1978. — 7 февр.

АНС. Мы — оптимисты! / Беседу вел М. Шаров // Бауманец (Москва). — 1978. — 16 июня.

АНС. «Писать о том, что действительно волнует» / М. Бережная, А. Алексеев // Воздушный транспорт. — 1982. — 29 апр.

АНС. Румата делает выбор / Вел интервью Ил. Полоцк // Советская молодежь (Рига). — 1974. — 17 нояб.

АНС. Трудно быть богом / Интервью вел А. Орлов // Комс. правда. — 1990. — 25 марта.

АНС. Что мы читали // Лит. — 1984. — 5 дек.

АНС-энциклопедия: Краткая шуточная энциклопедия жизни и творчества Аркадия Натановича Стругацкого в историях, диалогах, анекдотах и документах. Материалы энциклопедии подготовлены Михаилом Дубровским по устным воспоминаниям Романа Арбитмана, Нины Берковой, Владимира Борисова, Евгения Войскунского, Владимира Гопмана, Александра Городницкого, Вадима Казакова, Михаила Ковальчука, Белы Клюевой, Александра Мирера, Игоря Можейко, Михаила Ралля, Всеволода Ревича, Мариана Ткачева, Татьяны Чеховской, http://www.rusf.ru/abs/

xumor/xumor02.htm

Беркова Н. Воспоминания // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. — Донецк: Сталкер; СПб: Terra Fantastica, 2000–2003. — Т.5.

Берникова Л. Из воспоминаний. Не опубликовано.

Биленкин Д. Мечте обгонять свет: Заметки о фантастике // Комс. правда (М.). — 1961. — 16 мая.

БНС. «Аномальные явления для нас не более чем антураж» / С Борисом Стругацким беседовали И. Сабило, Г. Лисов // Terminator (СПб.). — 1993. — № 2–3.

БНС. Без напарника / Беседовала С. Шидловская // Фантакрим MEGA. — 1993. — № 1.

БНС. Беседа главного редактора с Борисом Стругацким / Беседовал С. Сурин // Литературные кубики: Художественно-публицистический альманах. — СПб., 2006. — Вып. 1.

БНС. Бессмертная повесть «Извне» // Мат-мех сквозь десятилетия. — СПб., 1997.

БНС. Больной вопрос. Бесполезные заметки // Звезда (СПб.). — 1993. — № 4.

БНС. Большая Стругацкая энциклопедия // Петербургский литератор. — 1993. — № 4 (10).

БНС. Борис Стругацкий в предчувствии новой эпохи / Беседовали А. Первушин, П. Гросс, Н. Ро-

манецкий // Секретные материалы 20 века (СПб.). — 2002. — № 29. Дек.

БНС. Братство Стругацких / Беседовал Э. Амурский // Киевские ведомости. — 2000. — 6 окт.

БНС. «Будущее, в котором нам хотелось бы жить, невозможно. Но стремиться к нему человек должен» // Свой голос (Красноярск). — 1993. — № 14.

БНС. Ваша любимая игрушка в детстве?: Борис Стругацкий, писатель / Подг. И. Зубко // Российская газета (М.). — 2003. — 18 янв.

БНС. Вопросы и ответы: Вопросы, заданные Борису Натановичу Стругацкому 31.10.03, и ответы на них // Беседа с М. Шавшиным. Не опубликовано.

БНС. Голодный раб бунтует. Прикормленный — никогда! / Записал А. Орлов // Комс. правда (М.). — 1995. — 3 окт. (черновой вариант).

БНС. Жду прорыва в новое пространство / Записал Ст. Лемов // Культура (М.). — 1994. — 24 дек.

БНС. Жизнь обгоняет фантастику / Беседу записал И. Охотников // Веч. Ленинград. — 1961. — 29 июля.

БНС. Игра в фанты по-научному / Быстрых А. // 45-я параллель (Ставрополь). — 1991. —№ 6.

БНС. Интер(акти)вью 32: Писатель, классик

русской литературы отвечает на вопросы читателей РЖ // Русский журнал: Ежегодник 2000/2001: Хроника демократического кризиса. — М.: Три квадрата, 2001.

БНС. Интервью культового писателя Бориса Стругацкого газете «КесКус» // KesKus. — 2000. — Авг., № 8 (черновой вариант).

БНС. Какой Новый год Вам запомнился больше всего?: Борис Стругацкий, писатель / Подг. А. Кубка // Известия Рождество (приложение к изданию «Известия») (М.). — 2002. — 18 дек.

БНС. Комментарии: Стругацкий Б. Комментарии к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. — Донецк: Сталкер; СПб: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

БНС. «Мои марочушечки» / Беседовал А. Первушин // Секретные материалы 20 века (СПб.). — 2005. — № 12 (165). — Июнь.

БНС. Мордовия для меня — это Потьма / Беседовала О. Немчинова // Столица С (Саранск). — 2001. — 21 марта.

БНС. «На чтение для удовольствия времени нет» / [Беседовал] Борис Вишневский // Санкт-Петербургский курьер. — 2003. — 18–24 апр.

БНС. Нам всегда хватало славы // Коммерсантъ

— daily (М.). — 1997. — 16 окт.

БНС. «Нам далеко до „золотой эры“» / Интервью провел Е. Обухов // Филателия СССР (М.). — 1991. — № 4.

БНС. «Не люблю литературу, которая уводит от реальности» / А. Хуснутдинов // Континент (Алматы). — 1999. — 8–21 дек. № 11).

БНС. Не стреляйте «Гадких лебедей»... / Записал Б. Вишневский // Веч. Петербург (СПб). — 2000. — 26 авг.

БНС. Нестандартно мыслить — мое творческое кредо // Голос магнитогорской молодежи (Магнитогорск). — 1991. — 30 июля — 5 авг.

БНС. О времени, о жизни, о судьбе / Беседовала Е. Журавлева // Вечерний Томск (Томск). — 2000. — 31 окт.

БНС. О себе... // Компьютерра. — 2000. — № 11.

БНС. Офлайн-интервью // Сайт «Русская фантастика». Офлайн-интервью Бориса Стругацкого, http://www.rusf.ru/abs/int.htm.

БНС. «Справедливое общество: мир, в котором каждому — свое» / Записал А. Измайлов // Московский Комсомолец в Питере (СПб.). — 1998. — № 15.

БНС. Фантасты — отнюдь не оракулы: Последнее интервью Бориса Стругацкого в XX веке /

Катерина Томкина // Петербург-Экспресс (СПб.). — 2000. — 20 дек.

БНС. Хомо супер: Борису Стругацкому — 70 лет / Беседовал Ю. Ревич // Домашний компьютер (М.). — 2003. — № 7.

БНС. Что для вас значат мультфильмы Диснея?: Борис Стругацкий, писатель // Известия (М.). — 2001. — 5 дек.

БНС. «Чудо — это ловкость рук либо ошибка эксперимента» / Беседовала И. Полторак // Патрон (Рига). — 2004. — № 8.

БНС. «Это была потеря половины мира» // Невское время (СПб.). — 1995. — 29 авг.

БНС. Юбилей фантаста. К 80-летию со дня рождения Аркадия Стругацкого // Радио Свобода. — 2005. — 21 авг.

БНС. Я еле выжил под ножом хирурга / Беседовал В. Кожемякин // Собеседник (М.). — 2000. — № 9. — 7–15 марта.

БНС. Я плохо представляю брата восьмидесятилетним / Беседовал Б. Вишневский // Невское время (СПб.). — 2005. — 26 авг.

Борис Стругацкий отвечает на вопросы // Порог (Кировоград). — 2005. — № 3.

Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского // Вишневский Б. Аркадий и Бо-

рис Стругацкие: двойная звезда. — СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Брандис Е., Дмитревский В. Дорога к звездам: О сов. науч. фантаст. наших дней // Звезда (Л.). — 1961. — № 12.

Брандис Е., Дмитревский В. Орбита большой мечты // Октябрь (М.). — 1961. — № 11.

ВИИЯ: история // Справка подготовлена В. Курильским.

Войскунский Е. Научная фантастика в Баку // Фантастика 2002: Вып. 3. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.

Голдовский Б. Кое-что о «мальках» // В мире книг (М.). — 1961. — № 10.

Горбунов Ю. Неужели так будут говорить люди будущего? // Звезда (Л.). — 1961. — № 8.

Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание — сила (М.). — 1959. — № 12.

Гуревич Г. Широкий поток // Моск. литератор. — 1961. — 31 мая.

Давыдов В. Местные жители считают, что в катакомбах Шумшу все еще несут службу остатки японского гарнизона // Губернские ведомости (Южно-Сахалинск). — 2001. — 4 сент.

Дадаев А. Н. Николай Александрович Козырев // http://www.univer.omsk.su/omsk/Sci/Kozyrev/

vspO.win.htm.

Демиденко М. Записки чжунгохуаиста // Нева. — 1995. — № 7.

Дзюба О. Ночная сирена у острова Шумшу. 60 лет назад закончилась Вторая мировая война // Русский север (Вологда). — 2005. — 31 авг.

Журавлева В. Два закона Жюля Верна: Небесное и земное // Комс. правда (М.). — 1960. — 9 дек.

Каплан Е. Только не схемы! // Лит. и жизнь (М.). — 1960. — 8 янв.

Келлер Н. Борис Стругацкий: С уходом брата я стал другим // Собеседник (М.). — 2005. — 7–13 сент.

Клюева Б. Воспоминания // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica, 2000–2003. — Т. 6.

Колосов В. Пепел Бикини // Тихоокеанская звезда (Хабаровск). — 1956. — 27 нояб.

Кротов Ю. Фантастика, 1961 год // Техника — молодежи (М.). — 1961. — № 12.

Лагин Л. Без скидок на жанр!: Заметки о науч.-фантаст. лит. // Лит. газ. (М.). — 1961. — 11 февр.

Лагина Н. Хоттабыч родился на Севере: Судьба автора знаменитой книги / Записал Г. Жаворонков // Общая газета (М.). — 2000. — 23–29 нояб.

Ларин С. Литература крылатой мечты. — М.:

Знание, 1961.

Леплинский Ю. Против антинаучной фантастики // Природа (М.). — 1961. — № 8.

Мелеус А. Запорожцы в космосе // Молодой коммунист (М.). — 1962. — № 8.

Мешавкин С. Мгновение, протяженностью в три дня // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 1992. — № 5–6.

Мирер А. Непрерывный фонтан идей // Измерение Ф (Л.). — 1990. — № 3.

Нефедова Г. Выбери мудрого друга // Комс. правда (М.). — 1960. — 29 нояб.

НС — «Неизвестные Стругацкие»:

1. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом». — Донецк: Сталкер, 2005.

2. От «Понедельника...» до «Обитаемого острова». — Донецк: Сталкер, 2006.

3. От «Отеля...» до «За миллиард лет...». — Донецк: Сталкер, 2007.

4. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего». — Донецк: Сталкер (план 2008).

Ольшанский В. Из воспоминаний. Не опубликовано.

Ольшанский В. Работал редактором... // Сузір'я (Київ). — 2005. — № 3 (сент.). [Пер. с укр. сост.]

Пийп Б. Засекреченное цунами // Природа. —

2005. — № 5.

Полоцк И. О пользе иностранных языков // Понедельник (Абакан). — 1995. — № 2. — 27 марта.

Прашкевич Г. Человек эпохи // Если (М.). — 2005. — № 9.

Рачков Д. Диплодок без головы // Лит. газ. (М.). — 1962. — 20 марта.

Редакционное предисловие к повести СБТ // Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч. — М., 1959.

Редакционное предисловие к рассказу «Забытый эксперимент» // Знание — сила (М.). — 1959. — № 8.

Рубашкин А. «Прощально ожил перед глазами...» // Звезда. — 2002 — № 5.

Сайт Российской национальной библиотеки. Раздел биографических статей сотрудников. Статья http://www.nlr.ru/ar/staff/stru.htm — Авт. статьи: С. А. Крючковский // Российская национальная библиотека, 2003.

Сенкевич Ю. Откроешь книгу — и плаваешь по волнам / Записала М. Топаз // Лит. газ. (М.). — 2001. — 21–27 марта.

Сенкевич Ю. Юрий Сенкевич — гость 13-й страницы // Неделя. — 1988. — № 10.

Сливное землетрясение (цунами) 1952 года

// Краеведческий бюллетень № 4, 1991, Сахалинского областного краеведческого музея и Сахалинского отделения Всероссийского фонда культуры.

Смолян А. Отцы и дети // Смена (Л.). — 1947. — 29 дек.

Смышляев А. К тайнам туманных Курил. Документальная повесть // Интернет-проект ИА «Азиатско-Тихоокеанский информационный центр». Полуостров Камчатка. Камчатская электронная библиотека, ссылка http://poluostrov.kamchatka.ru/lib/274_1.htm.

Советская научная фантастика в 1958–1959 годах по материалам дискуссии, состоявшейся 14 марта 1960 года в Московском доме литераторов // О лит. для детей. — Л., 1960. — Вып. 5.

Токийский процесс // Большая Советская энциклопедия. Авт. статьи М. Рагинский (в сокр.)

Томан Н. Поговорим о научной фантастике // Коммунистич. воспитание и современ. лит. для детей и юношества. — М., 1961.

Томан Н. Фантазировать и знать!: Заметки о науч.-фантаст. лит. // Лит. и жизнь (М.). — 1959. — 18 дек.

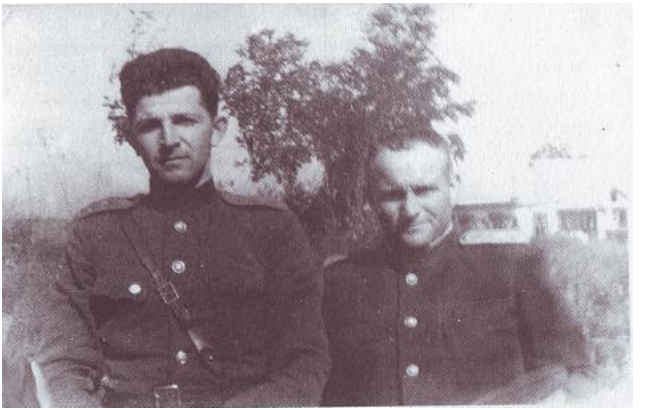
«Хиус» летит на Венеру // Смена (Л.). — 1959. — 25 сент.

Человек нашей мечты: Встреча писателей-фантастов // Нева (Л.). — 1962. — № 4.

Шитова В. Вымысел без мысли: Заметки о науч. фантастике // Юность (М.). — 1961. — № 8.

Щелоков А. Со смаком! // Лит. и жизнь (М.). — 1961. — 14 мая.

Вклейка

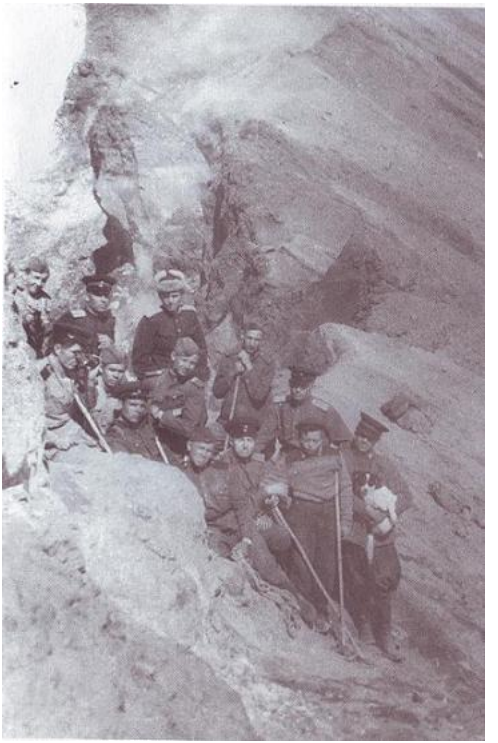


А. Стругацкий и военный журналист В. Ольшанский. 1953. Фото Г. Берникова из архива Л. Берниковой.

Капитан Г. Берников и ст. лейтенант А. Стругацкий перед восхождением на Авачинский вулкан. 10.08.1952. Фото из архива Л. Берниковой.

Первый привал перед восхождением на Авачинский вулкан. (А. Стругацкий — 6-й слева.) 10.08.1952. Фото Г. Берникова из архива Л. Берниковой.

Второй привал перед восхождением на Авачинский вулкан. (А. Стругацкий — внизу справа.) 10.08.1952. Фото Г. Берникова из архива Л. Берниковой.



У кратера Авачинского вулкана. 10.08.1952. Фото А. Стругацкого из архива Л. Бернико́вой.

Г. Берников перед входом в ДОС (дом офицерского состава). 1953. Фото из архива Л. Берниковой.

Капитан Дин Футан. 1948. Фото из архива его внука В. Орлова.

Елена Воскресенская (Стругацкая). Ок. 1965. Фото из архива Б. Клюевой.

Б. Стругацкий. 1945–46. Фото из архива Б. Стругацкого.

Б. Стругацкий с телескопом Максутова. Северный Кавказ. 1960. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий на фоне Эльбруса. Северный Кавказ. 1960. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий на веранде астрономической станции. Северный Кавказ. 1960. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий на веранде астрономической станции. Северный Кавказ. 1960. Фото Л. Камионко.

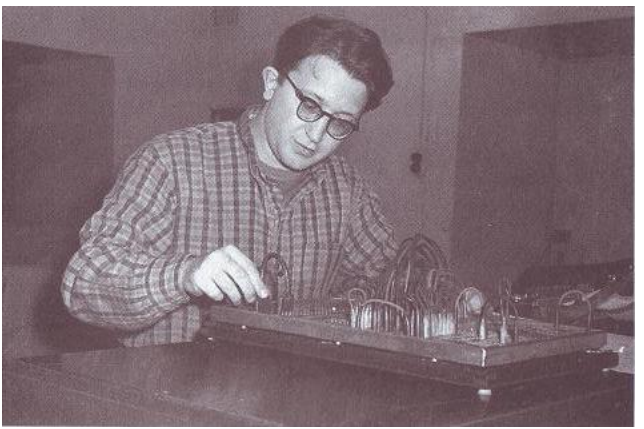
Б. Стругацкий и Ю. Чистяков. Лабораторный корпус ГАО. Ок. 1959. Фото Л. Камионко.

Н. Свенцицкая, знакомая Б. Стругацкого со студенческой скамьи. Конференц-зал ГАО. Октябрь 1957. Фото Л. Камионко.

А. Копылов, друг Б. Стругацкого со студенческой скамьи. Начало 1960-х. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий перед табулятором в 18-й комнате Восточного корпуса ГАО. Ок. 1962. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий у машины для сортировки перфокарт, 18-я комната. Ок. 1962. Фото Л. Камионко.



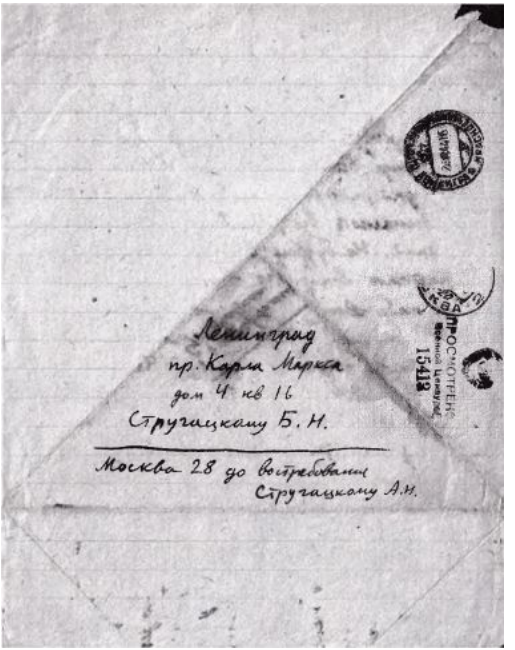
Б. Стругацкий занимается коммутацией (программированием) табулятора, 18-я комната. Ок. 1962. Фото Л. Камионко.

Коммутация была удачной, результат получен. Ок. 1962. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий за черновиком ПНВС, 18-я комната. Ок. 1962. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий на фоне оптических стендов, 18-я комната. Ок. 1962. Фото Л. Камионко.

Б. Стругацкий с супругой перед лабораторным корпусом ГАО. Ок. 1965. Фото Л. Камионко.



Оборот письма АНа брату от 22.08.44 с пометкой цензора.

Рисунок АНа в письме брату от 21.11.47.

Рисунок АНа в письме брату от 01.03.48.

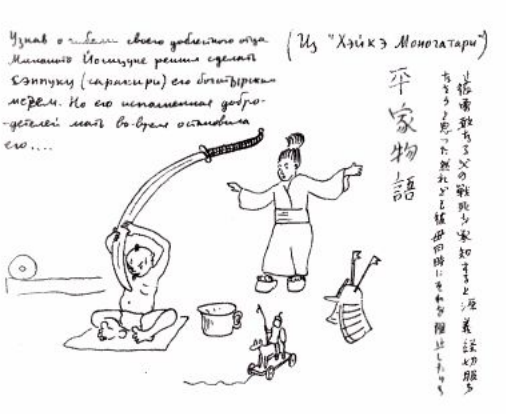


Рисунок АНа в письме брату от 01.03.48.

Рисунки и текст песни в письме АНа брату от 10.04.48.

Рисунки АНа в письме брату от 10.06.48.

Рисунок АНа в письме брату от 10.06.48.

Рисунок АНа в письме брату от 04.06.50.

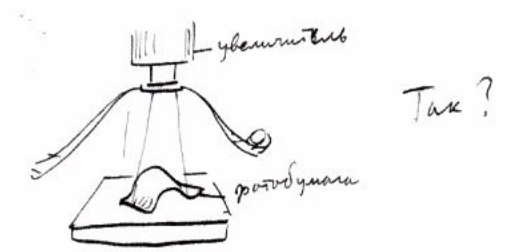
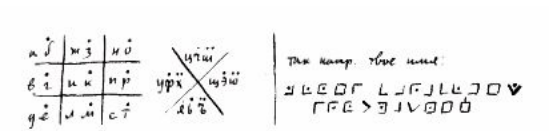


Рисунок разгадки странных фото — из письма АНа брату от 03.01.50.



Объяснение шифра, описанного АНом в письме брату от 08.02.49.

Рисунок АНа в письме брату от 29.03.51.

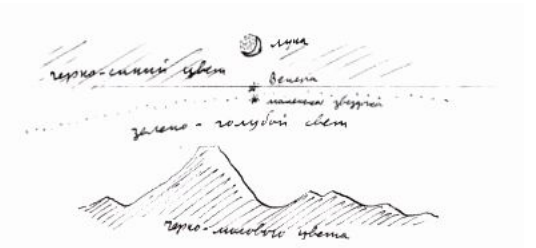


Рисунок АНа в письме брату от 28.01.53.

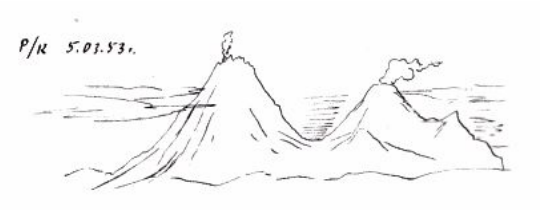


Рисунок АНа в письме брату от 05.03.53.

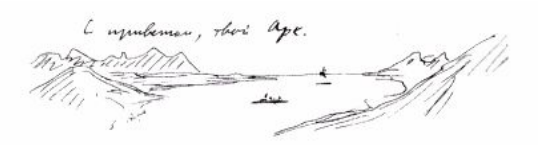
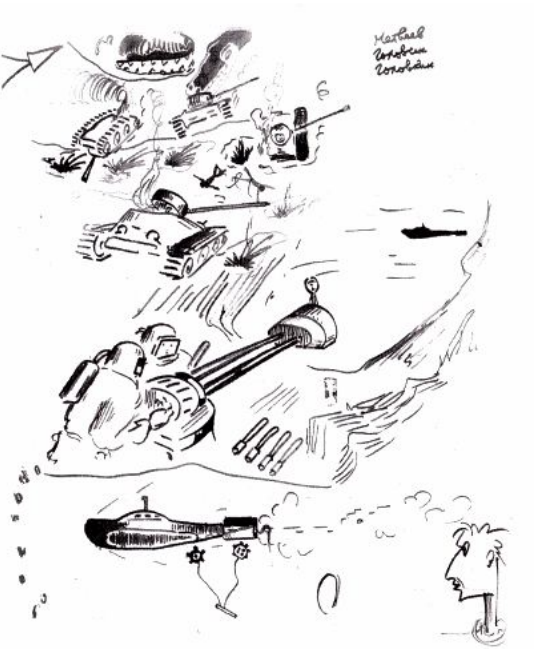


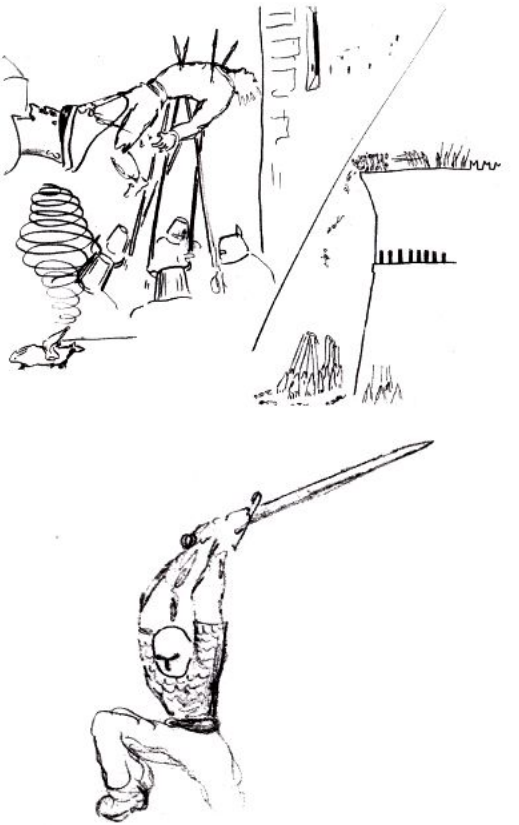
Рисунок АНа в письме брату от 12.04.53.

Рисунок АНа в письме брату от 16.05.53.

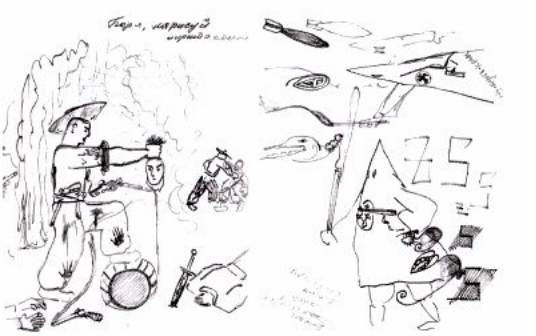
Рисунок АНа в письме брату от 24.10.53.



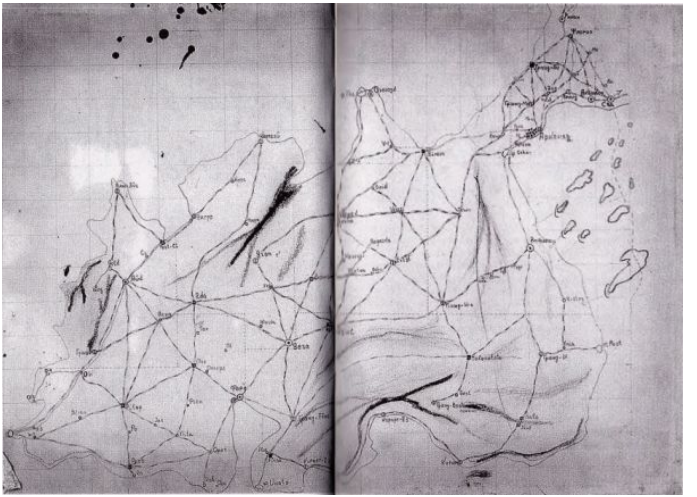
Рисунки БНа в школьных тетрадях.



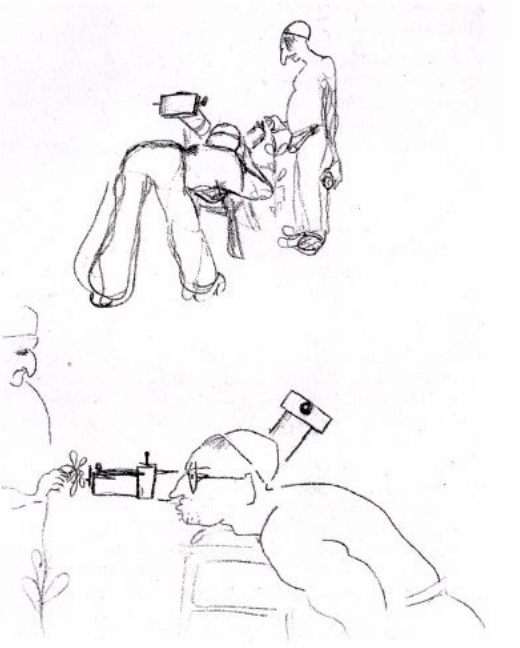
Рисунки БНа в школьных тетрадях.



Рисунки БНа в школьных тетрадях.



Карта Арканарии — вымышленной страны, в которую играли АБС.



Рисунки БНа студенческих времен.

Примечания

1 Расшифровка аббревиатур, употреблявшихся сначала самими Стругацкими, а затем взятых на вооружение и любителями их творчества, приведена в конце книги. — *Здесь и далее — кроме оговоренных случаев — примечания составителей.*

2 Чтобы не загромождать текст повествования большими заголовками, содержащими не только имя автора и название документа, но и выходные данные (если документ был опубликован) или иные источники текста, в заголовке указываются только автор и сокращенное название. Полная расшифровка источника — в конце книги.

3 «Русалка» М. Лермонтова.

4 Баз — скотный двор (*диалектн.*).

5 Л. Леонов.

6 Вероятно, 1944 год. См. письмо АНС от 6.10.44.

7 Вокруг света. — 1946. — № 1.

8 Персонаж одноименной повести Шолом Алейхема.

9 1 НС — «Неизвестные Стругацкие». Нумерацию см. в конце книги.

10 Что касается (*англ.*).

11 Hilton J. Lost Horison (1933).

12 Реминисценция из гл. 2 «Приключений Гекльберри Финна» Марка Твена: «...как только заходила речь о таких предметах, Джим всегда вмешивался и говорил: «Гм! что вы смыслите в этом деле!» — и рассказчика оттесняли на второй план» (цит. по изданию: М.: Детгиз, 1947). Другой перевод: «...как только кто-нибудь заведет об этом речь, Джим сейчас же вмешается и скажет: «Гм! Ну что ты можешь знать про ведьм!» И этот негр сразу притихнет и замолчит».

13 Боже, благослови тебя, Боб! (*англ.*)

14 Здесь: «Боже упаси!» (*англ.*)

15 Я был очень рад узнать (*англ.*).

16 Вот что мне нужно (*англ.*).

17 Это никогда не должно быть забыто! (*англ.*)

18 «Один из 28-и» (*англ.*). Имеется в виду один из 28 героев-панфиловцев.

19 Выражение восходит к сказкам «1001 ночи». Также использовано у Л. Лагина в «Старике Хоттабыче».

20 Слова К. Симонова, музыка М. Блантера. Текст приведен с вариациями.

21 Стиггинс — персонаж «Посмертных записок Пиквикского Клуба» Ч. Диккенса. На Стиггинса

похож комендант в «переходном» варианте СОТ.

22 Гуревич Г., Ясный Г. Человек-ракета // Знание — сила. — 1946. — № 10–12.

23 Зачин басни И. Крылова «Лжец».

24 Призыв А. Суворова при переходе через Альпы. Из фильма режиссеров В. Пудовкина и М. Доллера «Суворов» (1940). Часто используется БНом.

25 Судя по следующему письму — это перевод АНом рассказа И. Во «The Man Who Liked Dickens».

26 Я имею в виду (*англ.*).

27 Цитата из «Интернационала» (музыка П. Дегейтера, слова Э. Потье, рус. текст А. Коца).

28 Олдридж Дж. Сорок девятый штат. — М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947; то же — М.: Правда, 1947.

29 Пьеса-памфлет Е. Петрова.

30 Фраза А. Пушкина из 2-й главы «Капитанской дочки» «Я приближался к месту моего назначения» была использована пародистом А. Архангельским для цикла прозаических пародий (Архангельский А. Избранное. Пародии, эпиграммы, сатира. — М.: Гослитиздат, 1946). С нее же начат ПНВС самих Стругацких.

31 Переводы писем выполнены В. Дьяконовым.

32 Мой дорогой Бобби!

Только что получил твое письмо с этой ужасной пачкой фотографий. Ну, ты заставил моих товарищей здесь смеяться как сумасшедших. Действительно, ты очень хороший мастер, не так ли? Что до твоих выговоров по поводу имевших место моих шуток про твою привычку сидеть на сумке и звонить своим девочкам — не обращай внимания, это была всего лишь шутка. Очень рад узнать, что ты учишься так усердно, наша мама уже написала мне об этом.

Ты еще не заболел и не устал от моих английских писем? Если так — скажи немедленно «стоп», и я это брошу. Сейчас я как раз собираюсь перескочить на наш благословенный русский язык.

33 Über alles (*нем.*) — «превыше всего». Перефразировка строки песни Гофмана фон Фаллерслебена «Deutschland, Deutschland über alles», которая была немецким гимном.

34 Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квант. — М.–Л.: Гостехиздат, 1948. Изданию предпослана вступительная статья С. Суворова «Об идеологических пороках в книге А. Эйнштейна и Л. Инфельда „Эволюция физики“». Видимо, суровое название вступитель-

ной статьи объясняет слова АНа «контрабандой», «нужно быть осторожным».

35 Слова из одноименного стихотворения М. Лермонтова.

36 К/ф реж. М. Чиаурели.

37 «Знай / и французский / и английский бокс, / но не для того, / чтоб скулу сворачивать вбок, / а для того, / чтоб, не боясь / ни штыков, ни пуль, / одному / обезоружить / целый патруль». Цитата из стихотворения В. Маяковского «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела».

38 12.03.1950 состоялись выборы в Верховный Совет СССР.

39 Речь Г. М. Маленкова на собрании избирателей Ленинградского избирательного округа г. Москвы 9 марта 1950 года // Правда. — 1950. — 10 марта.

40 На самом деле АН в то время был тогда еще только лейтенантом. Должно быть, солидность и напускная строгость АНа-преподавателя способствовали этой ошибке памяти М. Демиденко.

41 Серышев Степан Михайлович — командующий Восточным фронтом ДВР.

42 Постышев Павел Петрович — партийный деятель, организатор регулярных частей Народ-

но-революционной армии ДВР.

43 «Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли?» (Гоголь Н., «Тарас Бульба», гл. 9).

44 Новелла Уэда Акинари «Распутство змеи» позднее была опубликована в его сборнике «Луна в тумане» (М.: ГИХЛ, 1961) в переводе З. Рахима и А. Стругацкого.

45 Павлов Т. Теория отражения. Очерки по теории познания диалектического материализма. — М.–Л.: Соцэкгиз, 1936; также: Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. — М.: Изд-во иностр. лит., 1949.

46 Ср. заглавия книг Н. Конрада, одного из учителей АН в ВИИЯ: «Очерки японской литературы», «Японская литература в образцах и очерках».

47 Сафонов В. Загадка жизни (О происхождении жизни). — Л.: Лениздат, 1946; то же: М.: Мол. гвардия, 1947.

48 Датировка составителей.

49 Итал. к/ф 1948 г., реж. В. Де Сика.

50 Название в советском прокате амер. к/ф 1936 г. «Robin Hood of El Dorado», реж. У. Уэллмэн. Спустя 40 лет АН включил в текст ДСЛ почти точную цитату из этого фильма.

51 «Капитан армии Свободы» — название в советском прокате амер. к/ф 1934 г. «Вива, Вилья!» («Viva, Villa!»), реж. Дж. Конвей.

52 Название в советском прокате амер. к/ф 1939 г. «Капитан Ярость» («Captain Fury»), реж. Х. Роуч.

53 Венг. к/ф 1949 г. реж. И. Енеи.

54 Датировка составителей.

55 Строка из песни «Болотные солдаты»: «Топь, болото, торф проклятый, здесь и птица не живет... Мы болотные солдаты, осушители болот. Болотные солдаты шагают, взяв лопаты — в топь». Русский перевод песни узников концлагеря «Börgenmoor» «Die Moorsoldaten», написанной в 1933 году (слова Й. Эссера и В. Лангхоффа, музыка Р. Гогуэля). По сообщению Е. Витковского перевод принадлежит А. Штейнбергу. Песня «Болотные солдаты» была весьма популярна в СССР в довоенные годы.

56 «Медецинские кобели» упоминаются в «Петре Первом» А. Н. Толстого.

57 Датировка составителей.

58 [broken link: #r058] Слова «мертвые не кусаются» — из «Острова сокровищ» Р. Стивенсона.

59 «Дальние страны» — заглавие популярной повести А. Гайдара.

60 Вероятно, постановление не ЦК ВКП(б), а сессии ВАСХНИЛ: «Постановление сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина по докладу академика Т. Д. Лысенко „О положении в биологической науке“» (1948).

61 Вероятно, имеется в виду профессор Л. Кулик (1883–1942), минералог, организатор метеоритных исследований в России, руководитель ряда экспедиций на место падения Тунгусского метеорита. В начале Великой Отечественной войны Л. Кулик вступил добровольцем в народное ополчение, был ранен, попал в плен и погиб в фашистском концлагере.

62 [broken link: #r062]

Это армия

Это армия, мистер Грин!
Я люблю чистые и опрятные казармы.
Раньше вам мыла полы служанка,
Но тут она вам не поможет.

Это армия, мистер Джонс!
Ни отдельной комнаты, ни телефона.
Раньше вы завтракали в постели,

Но теперь этого не будет.

Это армия, мистер Браун,

Вы со своей крошкой развлекались в городе,

Она добавляла вам забот, но теперь война,

И эти заботы — в прошлом.

63 Скорее всего, это осень 1950-го. Имеется в виду поездка (всей группой) в пока еще не восстановленное Пулково. — БНС.

64 Все отлично (*англ.*).

65 В. Брюсов, «Юному поэту».

66 «Чужая тень» — заглавие пьесы К. Симонова на тему борьбы со шпионами.

67 А. Франс, «Остров пингвинов», кн. 6, куплет из гл. 1: «Босено — кабан огромный, / Наготовим из него / Мы колбас на Рождество / Для всей братии голодной». Перевод З. Венгеровой.

68 [broken link: #r068]

...В долину смерти

Скакали шесть сотен.

Пушки справа от них,

Пушки слева от них,

Пушки напротив них,
Осыпающие градом и грохочущие;
Атакуемые картечью и снарядами,
Смело они скакали и хорошо,
В челюсти смерти,
В пасть ада
Скакали шесть сотен.

[Пер. с англ. — В. Дьяконов]

69 Поэма Г. Лонгфелло.

70 Строки «гарика» И. Губермана.

71 «Не бе гласа, ни послушания», церковнославянский текст Третьей книги Царств (гл. 18, ст. 26).

72 Искаженно «брат мой» (*фр.*).

73 Матч на первенство мира по шахматам между чемпионом мира Михаилом Ботвинником и победителем соревнования претендентов Давидом Бронштейном проходил с 15 марта по 11 мая 1951 года в Москве. Матч завершился вничью и по регламенту Ботвинник сохранил чемпионское звание.

74 Рисунок дан во вклейке.

75 Автор В. Немцов.

76 Губарев В. Королевство кривых зеркал. — М.: Мол. гвардия, 1951.

Талантливая сказка Виталия Губарева, конечно же, не была фантастикой. Но любопытен сам ход мысли АНа: случайно услышанное заглавие книги становится отправной точкой для раздумий о новом направлении в фантастике.

77 Мой любимый братец!

Получил твое письмо три дня назад, но только сегодня собрался ответить. Твои фотографии мне очень понравились, хотя я думаю, что ты упускаешь кое-что более интересное. Дело в том, что мне больше нравятся картины обыденной жизни, чем чего-то значительного. Всё равно я очень рад узнать, как этот знаменитый Тихов выглядит. Что до твоего скептицизма по поводу непригодного механизма твоих телескопных башен, плюнь на это и береги свое здоровье. Потому что это не произведет революции в советской астрономии.

Далее, я очень рад, что ты испробовал горячей картошки — я имею в виду твое путешествие и все трудности и всё прочее, с этим связанное.

Что до яблок, то я совершенно согласен с твоими пожеланиями, чтобы я был с тобой, когда вы их пробовали. Здесь нет ни единого яблока или других фруктов, и все мы вынуждены довольствоваться жалкими огурцами и орехами. Здесь в Канске мы не имеем в достатке ни хлеба,

ни мяса, ни фруктов, только водка — вина нет, только водка. И мы топим в ней наши печали.

Что читаю? «Седьмой крест» Анны Зегерс, «Народная революция в Китае» [Никифоров В., Эренбург Г., Юрьев М. Народная революция в Китае. Очерк истории борьбы и победы китайского народа. — [М.:] Госполитиздат, 1950. — Сост.], ну и — ты уж меня не порицай — «Семь цветов радуги» — ай-ай-ай!

На этом я заканчиваю, мой мальчик. Жду твоих писем, и так далее и тому подобное.

Целую маму, жму твою руку.

До свидания.

Всегда твой.

Арк.

78 Мой дорогой Б!

Извини столь долгое мое молчание, но ситуация здесь, в Канске (я имею в виду как мои личные дела, так и дела служебные) не оставляет мне ни единой щелочки времени или настроения писать кому-либо, а особенно — тебе, потому что я знаю, что ты, как и я, не любишь сантименты, а если бы я писал тебе именно тогда, то мое письмо было бы переполнено всеми видами жалоб, сожалений и так далее и тому подобное. Кроме того, не было ничего существенного, о чем писать: всё

в нашей бедной и жалкой жизни течет скучно и нескончаемо, меняется немногое, и мало что нравится.

Положение вещей здесь с тех пор не изменилось, но совесть моя не может выносить твои безмолвные и тем не менее горячие упреки (позабыл слово), и я решил написать тебе пару строк. Сначала о моей личной жизни.

Ем хорошо, сплю крепко, пью мало. Работаю много, читаю много — и что же за чепуху я читаю? Прежде всего — «Устройство Вселенной» некоего Гурвича [Возможно — Г. Гурев (наст. фамилия — Гуревич), «Системы мира. От древнейших времен до наших дней». — М.: Московский рабочий, 1950; его же: Что такое Вселенная. — М.–Л.: Гостехиздат, 1950. — Сост.] — превосходный обзор истории развития человеческих взглядов на Вселенную. Эта книга мне очень понравилась. Думаю, ты уже ее прочел. Затем перечитал «Пьесы» Островского — прекрасно, «Еще одна победа» американца — Уивера [Уивер Дж. Пиррова победа. — М.: Изд. иностр. лит., 1950. — Сост. (на дополнительном титульном листе: Weaver John, Another such victory). — Сост.], если я не ошибаюсь — о событиях в США, имевших место в 1932, когда Макартур расстрелял ветеранов, которые

пришли в Вашингтон просить заработанные ими деньги. Что еще? По-японски — «Дон Жуан в аду» Кикутикана, «До и после смерти» Арисимы Такэо. По-английски: перечитал «Войну миров» Уэллса, «Пиквикский клуб» Диккенса и так далее. Это всё, полагаю.

Второе — моя служба. Здесь очень мало можно сказать — служба есть служба. Конечно, очень много работы. Сейчас я бушую над головами моих бедных учеников и давлю из них последнюю каплю масла. Они становятся худее и худее прямо на глазах, но даже не могут жаловаться — они слишком напуганы, чтобы поднять палец против меня. Я давлю в зародыше каждую крупицу протеста.

На том заканчиваю. Ты пиши чаще, чем раньше, мне крайне нужны письма от мамы и тебя, потому что по некоторым причинам, которые тебе сейчас не надо знать, я теперь слишком одинок. Так что не забывай своего бедного брата.

Я, вероятно, приеду в Ленинград около 24 января 1952, и тогда мы будем на некоторое время веселы и счастливы.

Тут и конец.

Целую тебя и маму.

Твой Арк.

79 Мой дорогой Боб!

Извини меня за такое долгое молчание. Но вы — я имею в виду лично тебя и мамочку — были столь же внимательны ко мне, а с вашей стороны это много хуже, чем с моей, потому что вас двое, а я один. Вам следует писать чаще, иначе до моего следующего отпуска вы меня забудете. Поэтому я надеюсь, что вы — ты и мама — отзоветесь на мои жалобы и будете столь любезны, чтобы посылать мне по крайней мере одно письмо в неделю.

Что до моей жизни, то она, как обычно, жалкая и бедная, как любит говорить один из моих лучших друзей. Я очень устал и измучился и не имею времени отдохнуть. Я говорю «не имею времени отдохнуть», но это не означает, что я перерабатываю. Действительно, я работаю много, но при некоем нормальном положении (в смысле моих семейных отношений, квартиры) я был бы способен наслаждаться всеми удовольствиями свободного времени. До сих пор нормальные жизненные условия для меня не существуют, и я, чтобы избавиться от одиночества, мыслей и так далее, вынужден покидать свой дом и идти к друзьям и подругам, проводить время самым глупым образом.

Тем не менее пусть мои жалобы вас не трогают,

потому что всё это перемешано с более серьезными делами. Например, я продолжаю писать книгу, придумал новую тему, прочел превосходную вещь — «Рождение миров» [Ивановский М. Рождение миров. Очерк современных представлений о возникновении и развитии Солнечной системы. — Л.: Мол. гвардия, 1951. — Сост.]. Теперь я знаю все существующие космогонические теории. Кстати, я не могу уразуметь, почему Фесенков получил лауреата Сталинской премии, если его теория неверна, а теория Шмидта признана единственно правильной? Вы, астрономы, весьма нелогичны, я бы сказал.

В заключение я всё же стану утверждать, что я живу хорошо. Но я слишком одинок, Боб, слишком заброшен.

Извини за ошибки.

Наилучшие пожелания мамочке и всем нашим. Целую и жму руку.

Ваш Арк.

80 Датировка составителей.

81 «Бэмби» — сказочная повесть австрийского писателя Ф. Зальтена, в 1942-м году по ней У. Диснеем поставлен одноименный мультфильм.

82 [broken link: #r082] Переделка песни «Крамбамбули», авторство текста которой приписыва-

ется Н. Языкову.

83 «Sea Warfare».

84 Персонаж «Похождений бравого солдата Швейка» Я. Гашека. Конкретная цитата: «Его литературные опыты начинались многообещающими заглавиями, и в них, как в зеркале, отражался милитаризм той эпохи. Но темы еще не были разработаны, на четвертушках бумаги значились только наименования будущих трудов» (ч. 3, гл. 1). Перевод П. Богатырёва.

85 Здесь: «В лучшем виде» (*англ.*).

86 Романы Н. Шпанова.

87 Я бы так назвал это (*англ.*).

88 Один из вариантов заглавия романа А. Антоновской «Великий Моурави».

89 Н. Гоголь, «Записки сумасшедшего».

90 Писатель-фантаст, автор готовящейся к изданию книги «Братья Стругацкие» в серии «Жизнь замечательных людей».

91 Датировка составителей.

92 Только для Бориса.

Дорогой Боб!

В этом письме я описал тебе и мамочке землетрясение. Конечно, эта штука не причинила нам вреда, и мы даже не знали действительных последствий этого приключения. Но теперь мы

здесь знаем: то, что случилось, ужасно. Огромное бедствие прошло по всей береговой линии нашего Дальнего Востока. Тысячи людей погибли. Десятки тысяч сейчас лишены не только своих домов, но и одежды. Газеты ничего не говорят. Мое счастье, что я живу в глубине суши и на возвышении. Природа этого бедствия, я намекну тебе, описана в «Звездных кораблях», — то место, где один профессор был на борту корабля где-то в Южных морях [Цунами от подводного землетрясения, см. главу первую повести И. Ефремова. — Сост.]. Не говори мамочке об этом. Что до меня — я абсолютно в безопасности. Не беспокойтесь обо мне.

Твой Арк.

93 Датировка составителей.

94 Кроме того, что это штамп из штампов, это еще и цитата из романа Ф. Стендаля «Красное и черное»: «...и вскоре горькая усмешка искривила его губы» (ч. 1, гл. 9). Перевод С. Боброва и М. Богословской.

95 Ким Р. Тетрадь, найденная в Сунчоне. — М.: Сов. писатель, 1951.

96 Н. Некрасов, «Сеятелям».

97 С. Б.: В ЗМЛДКС про экскременты — не оттуда ли?

БН.: Да, оттуда. Имеется в виду мой школьный друг Боря Громов (биолог) и его странное увлечение.

98 Шутка АНа — слитное написание символов химических элементов превращается в слово «напалм».

99 Литвинчев Афанасий Иванович, дядя АБС, брат А. И. Стругацкой.

100 Дж. К. Джером.

101 Если позволяет погода (*англ.*).

102 «Отелло» — песня А. Охрименко, С. Кристи, В. Шрейберга.

103 Фраза «Это моя жизнь» на японском (транскрипцией и иероглифами), английском и немецком.

104 22.02.1953 состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

105 Ироническое применение термина «Торричеллева пустота».

106 В переводе Н. Конрада четырех глав «Гэндзи», опубликованных до войны, этой фразы нет. Возможно, фраза фигурировала в лекциях Конрада в ВИИЯ. Или он знакомил студентов со своим дальнейшим переводом «Гэндзи», или на примере страниц «Гэндзи» давал методику и технику перевода японской классики.

107 Заглавие восходит к роману Г. Фаллады «Каждый умирает в одиночку».

108 Роман В. Ажаева.

109 Пьеса Дж. Б. Пристли.

110 Пьеса Б. Шоу «The Apple Cart».

111 Первая супруга АНа Шершова Инна Сергеевна.

112 Смерть Сталина через призму романа Леонова — это достойно Вашего внимания, читатель!

113 Аллен Дж. Атомный империализм. — М.: Изд. иностр. лит., 1952.

114 Пьеса У. Теккерея.

115 Брод И., Еременко Н. Тайны нефти. — М.: Госкультпросветиздат, 1952.

116 Розен Б. В мире больших молекул. — М.: Госкультпросветиздат, 1952.

117 В крайнем случае; если не случится худшее (*англ.*).

118 Датировка составителей.

119 Лично и каждому (*лат.*); оборот трижды процитирован в «Stalky & Co» Р. Киплинга.

120 «Потрясатель вселенной» — прозвище Чингисхана.

121 Персонаж «Ярмарки тщеславия» Теккерея.

122 Добрый день и наилучшие пожелания,

мой дорогой мальчик! В день твоего рождения я решил написать тебе еще одно письмо, помимо того что я иду сейчас в город послать телеграмму с моими личными поздравлениями. Сейчас на Камчатке весна, хмурая, ветреная, бурная весна, которая однажды сменила солнечную и теплую зиму. Между прочим, наши люди здесь говорят, что в течение последних двадцати двух лет это — лучше сказать «это была» — одна из самых теплых, самых необычных, самых странных зим. Я не очень суеверен, но верю, что это моя удача. Так или иначе, но зима прожита, и тьфу на нее.

Как-то у вас — у тебя и у мамы — вошло в привычку получать от меня телеграммы раз в неделю. Я должен сказать, что это не имеет ничего общего с тем, что я когда-то говорил тебе — посылать столько телеграмм, сколько возможно. «Сколько возможно!» — соображаешь? А когда я в течение двух недель не смог посещать город, ты стал беспокоиться и отправил этакое паническое послание туда, где могли иногда знать мое местонахождение. Это не дело, парень. Ты, пожалуйста, никогда не делай таких глупостей в будущем. Здесь нет ничего, что может угрожать моему существованию или здоровью. Понимаешь? Хорошо.

Посылаю вот тебе мою фотографию. Это грязный маленький кустарный клочок, который, однако, насколько я могу судить, довольно правдиво воспроизводит меня, каков я сейчас. Ты увидишь меня сидящим за моим письменным столом, в глубоком размышлении и медитации, изучающим окончание этого проклятого перевода «Сталки и компания». Позади меня можно разглядеть нашу благословенную печку, согревавшую мой хребет длинными зимними вечерами, когда дома было зверски холодно, чтобы туда <хотелось> возвращаться. Можешь также увидеть мои очки с разбитым правым стеклом и заметить за ними мои глаза, светящиеся энтузиазмом и умом.

И насчет поздравлений. Я желаю тебе жить много-много счастливых лет с хорошей и подходящей тебе работой, возможностей для развития твоих литературных талантов, великих мечтаний юности вплоть до самой глубокой старости. Что касается меня, то ты всегда найдешь в твоем старшем брате своего лучшего друга и помощника в любой стороне жизни — материальной, духовной или умственной.

А я остаюсь твоим любящим братом

А. Стругацким.

P. S. Довольно забавно — мне приснилось ночью, что я вернулся с Камчатки и ты встретил меня на станции — маленький рыжий школьник лет около десяти или одиннадцати. Возможно, я слишком сильно хочу тебя увидеть. Но мы должны ждать до января.

123 Тихо (*англ.*).

124 Если ты понимаешь значение этого слова (*англ.*).

125 Оговорка АНа, выдающая источник заглавия его пьесы — роман Г. Фаллады (ранее АН именовал пьесу «Каждый умирает по-своему»).

126 [Воронцов-Вельяминов Б. Очерки о Вселенной. — М.: Гос. изд. техн.-теорет. лит., 1951.

127 Скорее всего, имеется в виду книга О. Лепешинской «У истоков жизни» (лит. запись В. Елагина. — М.–Л.: Детгиз, 1952, 1953).

128 Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика. Элементарный очерк идей и методов. — М.–Л.: Гостехиздат, 1947.

129 Обыгран фразеологизм «Что такое не везет и как с ним бороться?»

130 Иоффе А. Основные представления современной физики. — Л.–М.: Гос. изд. техн.-теорет. лит., 1949.

131 Литвинчев Афанасий Иванович, см. выше.

132 Вагель Владимир, ленингр. знакомый АБС, брат Л. С. Капраловой.

133 Капралова Лидия Семеновна, приятельница А. И. Стругацкой.

134 Вольф Ф. Летающие блюдца / Авториз. пер. с нем. А. Ариан // Знамя. — 1953. — № 3–7.

135 Будущая вторая супруга АНа Стругацкая Елена Ильинична, урожденная Ошанина, по первому браку — Воскресенская.

136 Автор B. Kendrick.

137 Андрей Спицын — вполне реальное лицо, геолог, добрый приятель АНа. Одно время они были близки домами, часто встречались, а потом как-то разошлись. — БНС.

138 Приблизительная цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 23).

139 Добрый день, Бэмби! (*англ.*)

140 Зачин популярной песни «Джон Грей» (слова, вероятно, К. Подревского, музыка М. Блантера).

141 Персонажи той же песни.

142 Как следует (*фр.*), если ты знаешь это выражение (*англ.*).

143 Помогай тебе бог, мир с тобой (*англ.*).

144 Вам понятно? (*фр.*)

145 Чем больше, тем лучше (*англ.*). Договори-

лись? (*нем.*). Кстати, о фотографиях (*англ.*).

146 «Снаружи и внутри»; также: «все углы и закоулки» (*англ.*).

147 Некоего секретного вооружения (*англ.*).

148 Вероятно, автор песни — П. Гандельман.

149 Приблизительная цитата из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» (д. 4, явл. 4).

150 Явная описка. — БНС.

151 Вероятно, здесь основа эпизода из ДЗ:

— А как пограничники за нами гнались, тоже не помните? — Нет. А почему это за нами вдруг погнались пограничники? — Мы сидели с вами на пляже поздно вечером. Они прошли мимо, а вы прошептали им вслед таким зловещим шепотом, на весь пляж: «Место посадки обозначьте кострами...»

152 Ср. в ХС: «И какое же это было горькое разочарование, когда «Суворовский натиск», дай бог ему здоровья, завернул мне мою рукопись под вежливым предлогом, что «Случай в карауле» не является типичным для нашей армии! Святые слова». «Суворовский натиск» — это газета Краснознаменного Дальневосточного военного округа, редакция которой была в Хабаровске. Рассказ «Случай в карауле» также обнаружен в папке «Творения юношеских лет».

153 Восходит к «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина: «...не столько сражался, сколько был сражаем» (глава «Эпоха увольнения от войн»).

154 Это указание АНа на авторство популярной до сего времени малоприличной песенки, вероятно, следует принять во внимание.

155 Что ты думаешь об этом? ...не так ли? (*англ.*)

156 Реминисценция из «Желания быть испанцем» Козьмы Пруткова.

157 Точная цитата из романа Л. Лагина: «Было бы непростительным преувеличением даже для самого благожелательного некролога, если бы в нем было сказано, что Джон Бойнтон Мообс грудью встретил смерть от эсэсовского автомата. Он встретил ее совсем другой частью тела» (ч. 3, гл. 23).

158 Роман Ф. Панфёрова.

159 [broken link: #r159]

Убери свой нос,
Убери свой нос,
Дай-ка мне пройти!
Что здесь, Лос? Лос-Анжелос? —
Это Сан-Луи.

Сколько же красоток в старом Сан-Луи! (англ.)

160 Амер. к/ф 1936 г., реж. Ф. Ланг.

161 Амер. к/ф 1937 г., реж. А. Майо.

162 Сов. к/ф «Звезда», реж. А. Иванов, снят в 1949-м, прокат с 1953-го.

163 Сов. к/ф 1953 г. «Корабли штурмуют бастионы», реж. М. Ромм.

164 Хотя «Звезда» мог быть сделан и получше (*англ.*).

165 Картер Г. Будущее за нас. — М.: Изд. иностр. лит., 1952.

166 Соболев Л. Морская душа. — М., 1942 и сл. издания.

167 Избранные сценарии советского кино. Т. 6. — М.: Госкиноиздат, 1950.

168 Ольшанский Владимир Дмитриевич, военный журналист, сослуживец АНа.

169 Харди Ф. Власть без славы. — М.: Изд. иностр. лит., 1952.

170 «Я торжественный», «я великолепный» (*лат.*). В «Сталки» Киплинга: «Pomposo Stinkadore» и «Pomponius Ego». Первое расшифровывается обычно как контаминация Pomponius Ego и Bombastes Furioso (персонаж оперы-бурлеска, пародирующей «Orlando furioso» — «Неистового

Орланда» Ариосто). Второе — персонаж «Handley Cross» Р. Сертеса (этот роман широко использован Киплингом в «Сталки»).

171 Мелочами довольствуются лишь мелкие умы (*англ.*). Вновь цитата из «Сталки».

172 «Волшебный двурог, или правдивая история небывалых приключений нашего отважного друга Ильи Алексеевича Камова в неведомой стране, где правят: Догадка, Усидчивость, Находчивость, Терпение, Остроумие и Трудолюбие, и которая в то же время есть пресветлое царство веселого, но совершенно таинственного существа, чье имя очень похоже на название этой удивительной книжки, которую надлежит читать не торопясь». — М.: Дет. лит., 1949.

173 Я сделаю что смогу (*англ.*).

174 [broken link: #r174] Вариация песни Б. Смоленского и Е. Аграновича «Одесса-мама».

175 [broken link: #r175] Отрывки из песни «Океан ворчит угрюмо» («Джон Кровавое Яйцо»). О ее авторстве см. выше.

176 [broken link: #r176] Пародия А. Архангельского на Л. Утёсова. В основе — исполнявшаяся Утёсовым песня «С одесского кичмана», стихотворение в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...», а также стихотворение И.

Мятлева «Розы».

177 Эпизод использован БНом в ВМС.

178 Строка песни «Днем и ночью» из репертуара Л. Утесова (музыка Н. Богословского, слова В. Дыховичного и М. Слободского).

179 [broken link: #r179] Переделка «Корреспондентской застольной» К. Симонова и М. Блантера.

180 Это довольно далеко; там курорт, термальные воды, теплицы с обогревом от них.

181 Главное управление кадров Народного комиссариата обороны.

182 Главное управление кадров Вооруженных Сил.

183 Военное министерство СССР.

184 Военный округ.

185 Главком Сухопутных войск Вооруженных Сил.

186 Сухопутные войска.

187 Управление кадров Сухопутных войск.

188 Главное управление кадров Советской Армии.

189 Дальневосточный Военный округ.

190 Особого назначения.

191 Главный штаб.

192 Формальное бракосочетание АНа и Елены

Ильиничны было оформлено позже.

193 Как известно из учетно-послужной карточки, это 1955 год.

194 Выслуга на Камчатке шла месяц за два, как и в остальных «отдаленных местностях» — Магадан, Новая Земля.

195 Институт научной информации (ИНИ) — первоначальное название Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ).

196 Стругацкая Мария Аркадьевна, дочь АНа и Елены Ильиничны.

197 Ошанин Илья Михайлович, тесть АНа, востоковед, китаист.

198 Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

199 Цитата из стихотворения А. Пушкина «Утопленник».

200 Внизу страницы рукописно: «(Распропрапере...! Не так бумагу положил!)» Это о том, что на обороте отпечаталось зеркальное отображение — через копирку.

201 Цитата из комедии А. Грибоедова «Горе от ума».

202 Персонажи романа «Человек-невидимка».

203 «Умбракул, распещрённый звёздами, зна-

чит удобное сообщение с небом, которое имеют они освобождением себя от профанов и пороков» (М. Горький, «В людях», ч. 5).

204 Рассказ Джека Лондона и одноименная песня из него.

205 Стихотворение Н. Гумилева «Капитаны».

206 «Пост Текстум» — это наша выдумка. Нигде больше я такой аббревиатуры не встречал. А мы ею пользовались потому, что не было латиницы на клавиатуре. — БНС.

207 Неправильного понимания (*англ.*).

208 Датировка составителей.

209 Датировка составителей.

210 Начальник лова.

211 Восклицание ужаса.

212 Кассель Исаак Маркович, редактор Детгиза.

213 Лем С. Астронавты. — М.: Мол. гвардия, 1957. В немецком переводе «Астронавты» были озаглавлены «Der Planet des Todes» (1954).

214 Борисов Л. Жюль Верн. — Л.: Детлит, 1955.

215 «Не брани меня, родная» — зачин одноименного романса. Слова А. Разоренова, музыка А. Дюбюк.

216 Делал поспешные выводы (*англ.*).

217 Как это ни покажется удивительным (*ан-*

гл.).

218 Скорее всего, речь идет о методиках преподавания русского языка. Мама их писала весь остаток жизни, и все пропало втуне. По нашей, АБС, в частности вине. — БНС.

219 Ничего не поделаешь (*англ.*).

220 Беляев А. Избранные научно-фантастические произведения: В 2-х т. — М.: Мол. гвардия, 1956; Уэллс Г. Избранное: В 2-х т. — М.: Гослитиздат, 1956.

221 Гуревич Г. Иней на пальмах // Знание — сила. — 1951. — № 7, 8, 9–11; то же: М.: Трудрезервиздат, 1954; его же: Прохождение Немезиды // Юный техник. — 1957. — № 5, 6, 8, 9, 11.

222 Букциниды, или трубачевые — семейство брюхоногих моллюсков, Buccinidae. В «Четвертом царстве» АНа «красная пленка» — некое высокоэнергетическое псевдоживое образование, опасное для человека. Среди букцинидов есть виды, укол которых смертелен для ныряльщиков. Вероятно, антураж для будущей повести подобран именно по этому признаку.

223 Полещук А. Звездный человек // Пионер. — 1957. — № 9–12.

224 Сокращенный вариант романа «Каллисто»; Мартынов Г. Планетный гость // Юность. — 1957.

— № 9, 10.

225 Лем С. Астронавты. — М.: Мол. гвардия, 1957.

226 Владко В. Аргонавты Вселенной. — М.: Трудрезервиздат, 1957.

227 Ефремов И. Туманность Андромеды // Техника — молодежи. — 1957. — № 1–6, 8, 9, 11.

228 Оборот, характерный для романа А. Н. Толстого «Петр Первый», также использованный в одноименном к/ф по этому роману реж. В. Петрова.

229 Аникст А. Грэм Грин и его роман «Тихий американец». Послесловие / Грин Г. Тихий американец. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1956.

230 Цитата из речи Ж. Дантона в Законодательной Ассамблее 3 сентября 1792 г.: «Чтобы победить врага, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена!» Фраза Дантона была не раз использована классиками марксизма-ленинизма: Ф. Энгельс, «Революция и контрреволюция в Германии», И. Сталин, «Анархизм или социализм?»

231 Карпелюк Аделаида Андреевна, в замужестве — Стругацкая, будущая супруга БН.

232 Датировка составителей.

233 [broken link: #r233] Цитата из романа А.

Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (гл. 74).

234 Рефрен «понимайте-ли» — из миниатюры А. Райкина.

235 «Трах-тибидох-тах-тах» — заклинание из к/ф 1956 г. реж. Г. Казанского «Старик Хоттабыч».

236 Т. е. 5 декабря.

237 Сокращение слов «...пора, брат, пора!» из стихотворения А. Пушкина «Узник».

238 Заглавие романа В. Каверина.

239 Т. 18 «Институт Мозга в 1941–1946 годах: Обзор и авторефераты трудов, библиография» / Авторы: Л. Васильев, Е. Гальвас, Я. Периханянц, И. Терентьев. — Л., 1947, публикация № 73.

240 Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 1, гл. 4).

241 Один из вариантов заглавия русских переводов романа Г. Уэллса «Война миров».

242 Приблизительная цитата из драмы «Борис Годунов» (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»).

243 «Мойдодыр».

244 «Бунт машин» — пьеса А. Н. Толстого по «R. U. R.» К. Чапека.

245 Раскавыченное название к/ф реж. А. Андриевского.

246 Персонаж романа М. Шелли.

247 «Инженерами человеческих душ» И. Сталин назвал советских писателей 26 октября 1932 г. на встрече с писателями у М. Горького.

248 Восклицание из православного свадебного песнопения — ирмоса: «Исайя ликуй, се дева име во чреве, и роди сына Эммануила, Бога же и человека, Восток — имя ему».

249 Хейердал Т. Путешествие на «Кон-Тики», Хессельберг Э. «Кон-Тики» и я. — Л.: Лениздат, 1958.

250 Имеется в виду Уэллс, английские инициалы которого H. G. (Herbert George). Правильное произношение — Эйч Джи.

251 15–21 мая 1958 г. в 1-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков состоялась Первая Всесоюзная конференция по машинному переводу.

252 По сути дела (*англ.*).

253 Отсылка к «Старику Хоттабычу» Л. Лагина.

254 На выбор (*англ.*).

255 Рассказ А. Беляева.

256 Ренар М., «Le docteur Lerne, sous-dieu» (1908), первый русский перевод — «Доктор Лерн. Полубог» (СПб., изд. М. Г. Корнфельда, 1912). Роман Ренара написан под впечатлением от «Острова доктора Моро» Уэллса. Считается, что «Доктор...»

послужил основой Беляеву для «Хойти-Тойти».

257 Персонажи произведений А. Беляева.

258 Персонаж цикла рассказов А. Беляева.

259 «Страна дремучих трав» — точнее, «В стране дремучих трав», роман В. Брагина. «Страна еще каких-то трав» — «Страна семи трав», повесть Л. Платова.

260 Фортунатова (Ошанина) Екатерина Евгеньевна, теща АНа.

261 Датировка составителей.

262 Конференция писателей стран Азии и Африки проходила в Ташкенте в первой половине октября 1958 г.

263 Выражение К. Маркса из «Критики Готской программы» («Замечания к программе Германской рабочей партии»).

264 «Нынешние события» — очередной ближневосточный кризис.

265 Двоюродная сестра Е. И. Стругацкой и ее муж.

266 Здесь и далее — Воскресенская (в замужестве Фошко) Наталия Дмитриевна, дочь Е. И. Стругацкой от первого брака.

267 Перефразировка Козьмы Пруткова — «Дай отдохнуть и фонтану».

268 График (*англ.*).

269 XXI (внеочередной) съезд КПСС, 27.01–05.02.1959.

270 Произведения Э. Гамильтона и С. Лема.

271 Вариация слов песни «Все хорошо, прекрасная маркиза» (П. Мисраки, Ш. Паскье, А. Блюм; рус. текст А. Безыменского).

272 Песенка рыцаря и шута из «Айвенго» В. Скотта, перевод песни Ю. Ременниковой.

273 Датировка составителей.

274 В НС-1 был помещен научно-фантастический скетч «Трезвый ум». Позднее читатели обратили внимание на близкое содержание скетча и рассказа Ф. Брауна «Просто смешно!». Вероятно, слова АНа относятся именно к этому казусу. Справедливости ради надо отметить, что подобных случаев создания сюжетов «по мотивам» у АБС более не наблюдается.

275 К/ф 1956 г. реж. К. Пипинашвили по роману Г. Адамова.

276 Датировка составителей.

277 Тем не менее сборник «Дорога в сто парсеков» (М.: Мол. гвардия, 1959) в итоге вышел с рассказом АБС «Шесть спичек».

278 «Братья разбойники» — заглавие поэмы А. Пушкина.

279 III Всесоюзный съезд Союза советских пи-

сателей.

280 Долгушин Ю. Генератор чудес (ГЧ). — М.: Трудрезервиздат, 1959.

281 Цитата из перевода АНа «Сталки и компания».

282 Не возражаю (*англ.*).

283 Имеется в виду эпиграф к рассказу «Частные предположения» «Сегодня в Космос пущена ракета...». Стихотворение С. Маршака «По теории относительности» публиковалось с подзаголовком «перевод английской анонимной эпиграммы». В действительности это переложение лимерика А. Буллера.

284 Любимое АБС выражение «Ясно даже и ежу» из стихотворения В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий».

285 Датировка составителей.

286 Перифраз из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 13): «Волчица старая и мерзкая притом!»

287 Решено? (*нем.*)

288 «Борьба за мир» — роман Ф. Панфёрова. АН же, по всей вероятности, имеет в виду некий рассказ, опубликованный в журнале «Борьба миров», выходившем трижды: в 1923–24 гг.; в 1929 г.; в 1930–33 гг. и как приложение к журналам «Во-

круг света» и «Смена» и как самостоятельное издание.

289 Если они будут (*англ.*).

290 Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

291 Возможно, здесь начало будущей частушки из СОТ «Ухажеру моему я говорю трехглазому...»

292 Соседка, приятельница А. И. Стругацкой.

293 Автоцитата из «Испытания СКИБР»: «Сермус засиял и несколько раз кивнул головой. — О, пока не столь утифительно, Нина Ифанофна. Интересное путет посше».

294 От «sucker» — «сосунок», «молокосос» (*англ.*).

295 См. «Туманность Андромеды» И. Ефремова.

296 Монография Н. Козырева «Причинная, или несимметричная, механика в линейном приближении» (Л.: Гл. астрон. обсерватория АН СССР, Пулково, 1958) привлекла большое внимание не только в научных кругах. Ленинградский журналист Вл. Львов написал ряд статей под броскими названиями (например, «Революция в физике продолжается», «Литературная газета», 24.09.1959). Известная писательница М. Шагинян поместила в той же «Литературной газете» (3.11.1959) статью «Время с большой буквы».

Центральный орган «Правда» контрвыступлением академиков Л. Арцимовича, П. Капицы и И. Тамма «О легкомысленной погоне за научными сенсациями» (22.11.1959) поставил точку в начавшейся дискуссии.

297 Видимо, заметка не была опубликована. Французский текст в первом издании СБТ: «“La discription planetografic du Fobos”. Pole Dangée». Исправленная надпись в последующих изданиях: «“La description planétographique du Phobos”. Paul Dangée».

298 Англ. к/ф 1953 г. реж. Б. Хэскин.

299 Япон. к/ф 1954 г. реж. И. Хонда.

300 Слова песенки «Жил-был у бабушки серенький козлик», восходящей к польской песенке XVIII в.

301 Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание — сила. — 1959. — № 12. (Вероятно, это псевдоним Г. Гуревича.)

302 Н. Гоголь, «Ревизор», д. 1, явл. 1: «...пренеприятное известие...»

303 Персонаж «Сталки и компании» Р. Киплинга и его характеристическое произношение: «dithcipline».

304 Дурацкое занятие (*англ.*).

305 Персонаж «Поднятой целины» М. Шоло-

хова.

306 Ср. строку романса Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» и последующее «Вы просите песен? Их есть у меня» (одесская песня 20-х годов, цитирующаяся в «Интервенции» Л. Славина).

307 В. Вересаев в «Записях для себя», продолжающих его лекцию «Что нужно для того, чтобы быть писателем?», пишет: «Зачем оригинальному художнику стараться быть оригинальным?.. Одно только нужно: смелость быть самим собой... Ошарашивай мещанина! Как это характерно для средненького таланта и для бездарности! Провел ли бы Микеланджело хоть одну линию резцом, написал ли бы Бетховен хоть одну ноту, чтоб кого-нибудь «ошарашить»?» Слова «Ошарашивай мещанина» — отсылка к высказыванию «Я ошеломил их, мещан!», приписываемому фр. поэтам А. Англемону или Ш. Бодлеру.

308 Здесь: «если собираемся» (*англ.*).

309 Ефремов И. Юрта Ворона. — М.: Мол. гвардия, 1960.

310 Рассказ «Пробуждение профессора Бернса».

311 Частично эти дневники были использованы в БМС. — С. Б.

312 См. роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой

теленок» (ч. 2, гл. 24).

313 «Планета бурь», Ленинградская киностудия научно-популярных фильмов, 1962 г., реж. П. Клушанцев.

314 «Безмолвная звезда» («Der schweigende Stern»), 1960 г., ГДР-Польша, реж. К. Метциг. По роману С. Лема «Астронавты».

315 Датировка составителей.

316 Слова, употреблявшиеся в виде пожелания счастья после имени фараона. См. И. Ефремов, «На краю Ойкумены»: — Он звал меня, великий царь, анх уда снеб [жизнь, здоровье, сила — обязательная приставка ко всякому упоминанию фараона. — Сноска И. Ефремова.], — негромко сказал жрец, избегая назвать имя фараона и обращаясь к нему только в третьем лице.

317 Цитата из «Современной идиллии» (гл. 8) М. Салтыкова-Щедрина.

318 Использованная в СБТ цитата из монографии Э. Шредингера: «...рецессивная аллель влияет на фенотип, только когда генотип гомозиготен...» («Что такое жизнь с точки зрения физики?» (гл. 3, парагр. 23) / Пер. А. Малиновского. — М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947).

319 Слова из к/ф «Чапаев», реж. Г. Н. и С. Д. Васильевы.

320 Проклятым (*нем.*).

321 Использовано заглавие книги В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

322 Вильямс Дж. Д. Совершенный стратег, или Букварь по теории стратегических игр. — М.: Сов. радио, 1960.

323 Михайлов В. Черная Брама / Мир приключений. Кн. 6. — М.: Детгиз, 1961.

324 Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 1, гл. 6: «А пророку Самуилу задают одни и те вопросы: „Почему в продаже нет животного масла?“ или: „Еврей ли вы?“»

325 Брось это (*англ.*).

326 Здесь: «способ выражения».

327 Забелин И. Пояс жизни. — М.: Географгиз, 1960.

328 Точнее, не как секретарь, а как предводитель дворянства из гл. «Эпоха увольнения от войн» «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина, заподозривший, что у градоначальника Прыща фаршированная голова.

329 Слова из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» (т. 1, гл. 4): «...крепость черных мясов просто наводит изумление...»

330 Аксенов В. Звездный билет // Юность. — 1961. — № 6, 7.

331 Лобанов М. Человек или муляж? По страницам журнала «Урал» // Литература и жизнь (М.). — 1961. — 4 октября. — № 118.

332 Я. Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка», ч. 2, гл. 4: «На следствии выяснилось, что ваш Швейк вообще фрукт. Так, например, на вопрос, почему он не сознается, он, согласно протоколу, ответил: «Я нахожусь сейчас в таком же положении, в каком очутился однажды из-за икон девы Марии слуга художника Панушки. Тому тоже, когда дело коснулось икон, которые он собирался присвоить, ничего другого не оставалось ответить, кроме как: „Что же, мне кровью блевать, что ли?“»

333 «Ирония и жалость» — название песни из главы 12 романа Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)». Перевод В. Топер.

334 А. Пушкин, «Exegi monumentum»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно».

335 Здесь и далее — Мальт Виктория Сергеевна, редактор Детгиза.

336 Бержье Ж. Советская научно-фантастическая литература глазами француза / Пер. с фр. В. Бемовой // На суше и на море. 1961 год. — М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1961.

337 Брандис Е., Дмитревский В. Орбита большой

мечты // Октябрь. — 1961. — № 11.

338 Дерьмо (*нем.*).

339 Датировка составителей.

340 Датировка составителей.

341 Афоризм Р. Декарта «Думаю — следовательно, существую».

342 К сожалению, этот скоросшиватель пока в архивах АБС не нашелся. Но будем надеяться!

343 Мы бы посмотрели, Михаил! С удовольствием и большим желанием! Так ведь не даете... См. НС-4.

344 Здесь: «заметки» (*англ.*).

345 Неуймина Н. В объективе — Венера // Сов. женщина (М.). — 1962. — № 3. — С. 8. — Фото И. Петкова.

346 Гор Г. Докучливый собеседник // Звезда (Л.). — 1961. — № 7.

347 Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый кит. — М.: Географгиз, 1961.

348 «Так говорил Заратустра» (ч. 1, Речи Заратустры, О любви к ближнему): «Братья мои, не любовь к ближнему советую я вам — я советую вам любовь к дальнему». Перевод Ю. Антоновского.

349 Книга А. Гитлера.

350 Параллель с «Золотым ключиком» А. Н.

Толстого. Очаг на холсте в каморке папы Карло.

351 См. подзаголовок романа «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции».

352 Г. Мелвилл, «Моби Дик, или Белый кит», гл. 36: «Получив от Старбека молоток, он приблизился к грот-мачте и, подняв его кверху в одной руке, а другой протягивая перед собой монету, громким, пронзительным голосом воскликнул:

— Тот из вас, кто первый увидит белоголового кита со сморщенным лбом и свернутой челюстью; тот из вас, кто первым даст мне знать о белоголовомките с тремя пробоинами у хвоста по правому борту; тот из вас, говорю я, кто первый увидит белого кита, тот получит эту унцию золота, дети мои!

— Ур-ра! Ур-ра! — кричали матросы, приветственно размахивая зюйдвестками, покуда Ахав прибивал монету к мачте».

Перевод И. Бернштейн.

353 Цитата из рассказа А. Чехова «Человек в футляре».

354 Датировка составителей.

355 Ефремов И. Туманность Андромеды // Ро-

ман-газета. — 1959. — № 15 (397).

356 Повесть «Глиняный бог».

357 Из стихотворения А. Пушкина «Клеветникам России»: «О чем шумите вы, народные витии?»

358 Иметь (*нем.*).

359 Сюсаку Э. Море и яд / Пер. П. Петрова. — М.: Мол. гвардия, 1964.

360 Из стихотворения М. Лермонтова «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью!»

361 Это положение часто встречается у С. Моэма, см. например, «Подводя итоги» (гл. 3): «Я рад собрать наконец воедино все мысли, которые так долго плавали вразброд в том или ином уголке моего сознания, записав их, я с ними покончу и освобожу свою голову для другого...» Перевод М. Лорие.

362 Статья И. Ефремова «Наука и научная фантастика».

363 Здесь и далее — Гансовский Север Феликсович, писатель.

364 Ефремов И. Наклонный горизонт // Вопросы литературы. — 1962. — № 8; Кагарлицкий Ю. Г. Уэллс и Ж. Верн // Вопросы литературы. — 1962. — № 6.

365 Е. Шварц. Голый король.

366 Волнение, шум, гвалт (*идиш*).

367 Счастливая концовка (хэппи энд) и поцелуй в задницу (*англ.*).

368 Опубликован в собрании сочинений «Сталкера», 11-й том.

369 «Наша биография». Включено в Комментарии БНа.

370 Указана лишь профессия упомянутых лиц либо занимаемая ими должность на момент упоминания в тексте.